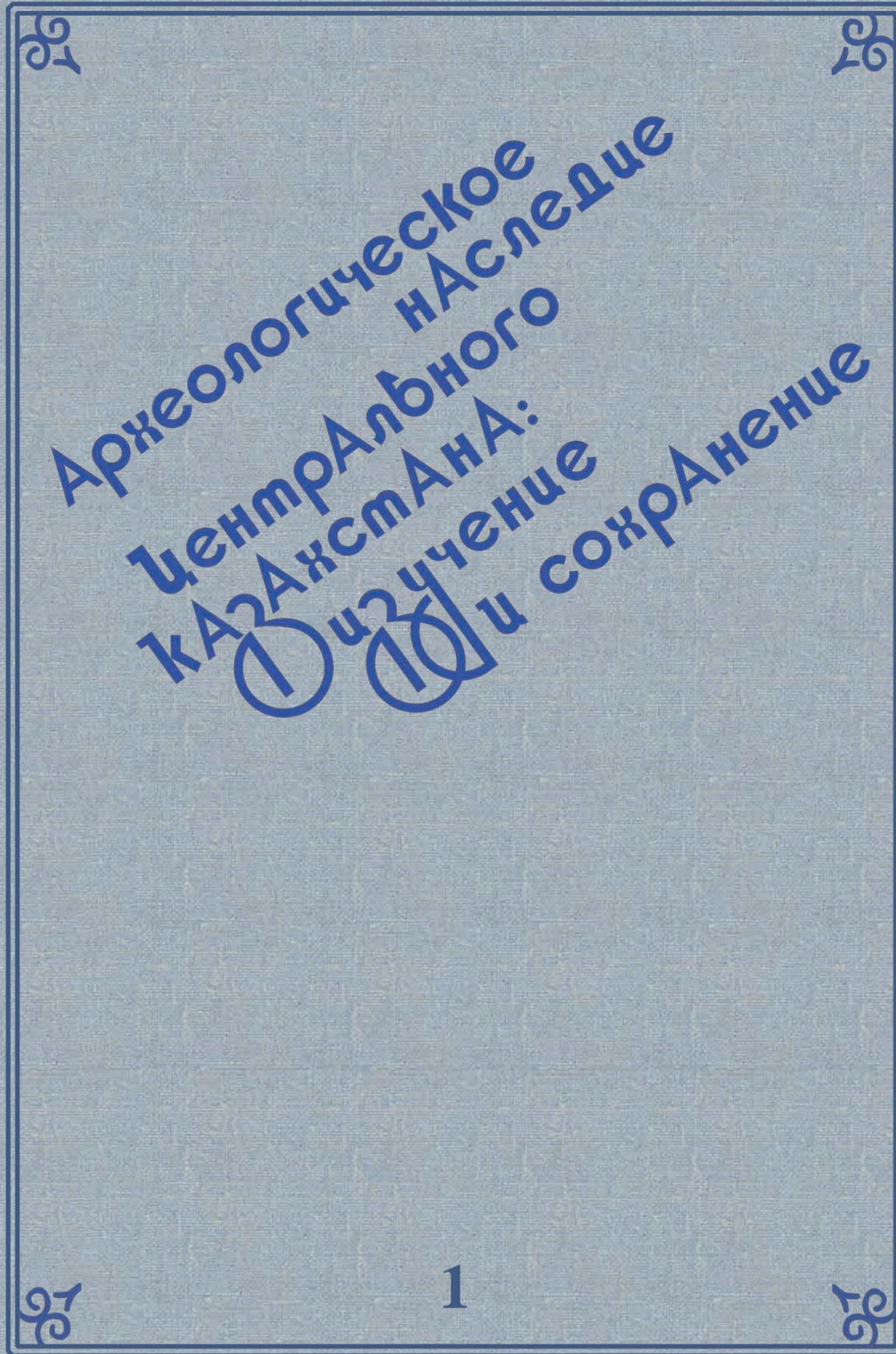


67



1



Археологическое
наследие
Казахстана:
изучение
и сохранение

1

ҚАРАҒАНДЫ ОБЛЫСЫ МӘДЕНИЕТ, АРХИВТЕР ЖӘНЕ ҚҰЖАТТАМА БАСҚАРМАСЫ
ҚАРАҒАНДЫ ОБЛЫСЫ МӘДЕНИЕТ, АРХИВТЕР ЖӘНЕ ҚҰЖАТТАМА БАСҚАРМАСЫНЫҢ
ТАРИХИ-МӘДЕНИ МҰРАНЫ САҚТАУ ОРТАЛЫҒЫ
ҚАРАҒАНДЫ ОБЛЫСТЫҚ ТАРИХИ-ӨЛКЕТАНУ МУЗЕЙІ
ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ ҒЫЛЫМ
КОМИТЕТІНІҢ Ә. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ
«БЕҒАЗЫ-ТАСМОЛА» ТАРИХ ЖӘНЕ АРХЕОЛОГИЯ ҒЫЛЫМИ-ЗЕРТТЕУ ОРТАЛЫҒЫ
Е.А. БӨКЕТОВ АТЫНДАҒЫ ҚАРАҒАНДЫ МЕМЛЕКЕТТІК УНИВЕРСИТЕТІ ЖАНЫНДАҒЫ
САРЫАРҚА АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

ОРТАЛЫҚ ҚАЗАҚСТАННЫҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ МҰРАСЫ: ЗЕРТТЕУ ЖӘНЕ ҚОРҒАУ

Қазақстан Ғылым Академиясы Орталық Қазақстан
археологиялық экспедициясы құрылуының 70 жылдығына
арналған ғылыми мақалалар жинағы

1 – Том

Алматы – 2017

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ, АРХИВОВ И ДОКУМЕНТАЦИИ
КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ

ЦЕНТР ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ УПРАВЛЕНИЯ
КУЛЬТУРЫ, АРХИВОВ И ДОКУМЕНТАЦИИ КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ

КАРАГАНДИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ А. Х. МАРГУЛАНА КОМИТЕТА НАУКИ
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
«БЕГАЗЫ-ТАСМОЛА»

САРЫАРКИНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ПРИ КАРАГАНДИНСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИМЕНИ Е. А. БУКЕТОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА: ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ

Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации
Центрально-Казахстанской археологической экспедиции
Академии наук Казахстана

Том 1

Алматы – 2017

УДК 902/904
ББК 63.4
А 87

Ответственные редакторы:
А. З. Бейсенов, В. Г. Ломан

Рецензенты:
В. В. Евдокимов, д. и. н., профессор
К. С. Алдажуманов, к. и. н., профессор

Редакционная коллегия:
Ж. Курманкулов, В. В. Варфоломеев, М. К. Хабдулина, И. А. Кукушкин, Г. С. Джумабекова,
М. В. Бедельбаева, Д. Б. Дуйсенбай, И. К. Ахияров, Д. Т. Шашенов,
Е. Н. Нурмаганбетов, Г. А. Базарбаева (отв. секретарь)

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии имени А. Х. Маргулана
Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

А 87 Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение.
Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – 252 с.

ISBN 987-601-7312-70-1
Т-1-2017-252 с
ISBN 987-601-7312-69-5

В сборнике, посвященном 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана, представлены материалы, иллюстрирующие вклад исследователей в археологическое изучение региона.

Сборник состоит из двух томов. В первом томе сосредоточены очерки, воспоминания, письма и посвящен страницам из жизни плеяды археологов, беззаветно служивших науке – А. Х. Маргулана, Г. И. Пацевича, А. М. Оразбаева, К. А. Акишева, Х. А. Алпысбаева, М. Н. Клапчука, М. К. Кадырбаева, С. М. Ахинжанова и многих других. Выдающуюся роль в деле создания и успешного функционирования экспедиции в далеком 1946 году сыграл Каныш Имантаевич Сатпаев – президент Академии наук Казахской ССР.

Во втором томе сосредоточен материал по археологическому изучению Центрального Казахстана и сопредельных регионов. Хронологические рамки публикуемых статей охватывают период от эпохи камня до средневековья.

Сборник будет интересен археологам, широкому кругу специалистов смежных дисциплин, студентам вузов и всем тем, кому дорого историко-культурное наследие нашей Родины

ISBN 987-601-7312-70-1
ISBN 987-601-7312-69-5

УДК 902/904
ББК 63.4

*Степь не знает преград,
она не знает строгого разграничения земли на участки,
степь сама по себе объединяющий элемент,
заставляющий всех живущих на ней считаться
в большей или меньшей степени членами одной семьи.*

А.Н. Харузин

АЛДЫҢҒЫ ТОЛҚЫН АҒАЛАР (Алғы сөз орнына)

Оқырманға ұсынылып отырған бұл кітап Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының ұйымдастырылуының 70 жылдығына арналды. Ұйымдастырылуы 1946 ж. Қазақстан Ғылым Академиясының ашылуымен сәйкес келген Орталық Қазақстан экспедициясы осы жылдың маусым айында өзінің бірінші далалық ізденістеріне аттанған екен, жетекшісі – Ә.Х. Марғұлан, орынбасары – Г.И. Пацевич. Археологиялық зерттеулерге ғана емес, сайып келгенде, Қазақстандағы археология ғылымының қалыптасуына әкелген үлкен жол осылайша басталды.

Деректерге үңілсек, Әлікей Марғұланның сол жылдардағы қисапсыз еңбегін көре аламыз. Марғұлан тек әлдебір экспедицияны жолға қойған, әлдебір өлкені зерттеген, археология саласында қандай да бір жаңалықтар ашқан, шәкірт тәрбиелеген адам емес. Марғұлан сол жылдары Археология секторының бүкіл жұмысын ұйымдастырған, арнайы уақыт бөліп, ізденуі арқылы жан-жақтан маман жинаған, Орталық Қазақстаннан басқа өлкелерге экспедициялар ашылуына тікелей мұрындық болған адам. Ол Археология секторын, демек, Қазақстандағы археология саласын қалыптастыру барысында М.П. Грязнов, С.В. Киселев, К.В. Сальников, С.С. Черников сынды көптеген ғалымдармен тікелей қарым-қатынаста болды. Археология секторының алғашқы мамандарын арнайы түрде жұмысқа тартқан, Мәскеуден, басқа жерлерден алып келген осы Марғұлан екенін білу қажет. Алматыда 1991 ж. күзінде жеке бөлініп шыққан Археология Институты, міне, осы жылдардан, осы ұлы істерден бастау алады.

Деректерге үңілсек, Қазақстан ғылымының ұйымдастырушысы Қаныш Имантайұлы Сәтпаевтың сол жылдардағы археология саласының қанаттануындағы орнын байқауға болады. Аса көрнекті ғалым, археолог С.С. Черников өзінің Қ.И. Сәтпаевты алғашқы қазақ археологы деп санайтыны жайлы пікірін айтқан екен. Ерекше құрметпен айтылған сөз. Сәтпаевтың қазақ археологиясына деген ықыласы мен көмегін Марғұлан ғана емес, басқа да көптеген археологтар көріп отырған. Г.И. Пацевич хәм бастығы, хәм қызметкері болған Жамбыл археологиялық пункті үлкен еңбек сіңірді. Деректерге үңілсек, тіпті, Академия саласындағы алғашқы археологиялық ұйымның сонау 1936 ж. басталатынын және де оның аса көрнекті қайраткер, ғалым Санжар Асфендияровтың есімімен байланысты екенін көреміз. Қазақ филиалы президиум төрағасының орынбасары С. Асфендияров 1936 ж. тарих секторының меңгерушісі болып тағайындалып, дереу «Археологиялық топ» деп аталған ұйымды ашқан. Атақты Қарғалы тәтісіне (диадема) қатысы бар зоо-географ ғалым, музей маманы Борис Дублицкий жұмыс істеген бұл ұйым Алматы төңірегінде біраз зерттеулер атқарған. Іле-шала Асфендияров та, Дублицкий де ұсталып, біреуі атылып кеткен, екіншісі 8 жылға айдалған. Осы себепті «Археологиялық топтың» жұмысы жанданбай қалған.

Кітапта Қазақстан, Ресей, Украина, Румыния елдерінен барлығы 84 автор дайындаған 78 мақала беріліп отыр. Аға буын өкілдері, қазақ ғылымындағы еңбегі ұшан-теңіз абзал ұстаздарымыз Ә.Х. Марғұлан, М.П. Грязнов, Г.И. Пацевич, Ә.М. Оразбаев, Л.Р. Қызласов, К.А. Ақышев, Н.В. Валукинский, Ғ.А. Кушаев, Е.И. Агеева, М.Н. Клапчук, А.Г. Максимова, Т.Н. Сенигова, Х.А. Алпысбаев, Е.Ю. Спасская, М.К. Қадырбаев, С.М. Ақынжанов, Л.Ф. Семенов, Қарқаралыда өмір сүрген өлкетанушылар, ерлі-зайыпты Ясенецкийлер жайлы деректер кітаптың I томында берілді. Кітаптың II томында қазіргі материалдар мен пайымдауларға арналған мақалалар жинақталды.

Жинақты дайындау барысында Ә. Марғұлан ат. Археология Институты архивінің, «Ғылым ордасы» архивінің, Қарағанды облысы Мемлекеттік архивінің, РҒА Материалдық мәдениет тарихы институтының архивінің, Омбы Мемлекеттік университетінің Археология

және этнография музейінің архивінің, Украина ҰҒА Археология институты архивінің, сондай-ақ, Л.Ф. Семенов, Б.Н. Нұрмұханбетов, А. Мұсатайұлы, Л.Р. және И.Л. Қызласовтар, В.С. Волошин, В.М. Клапчук, И. Пыслару, А.С. Ермолаева, М.К. Хабдулина, Л.Н. Ермоленко, А.К. Ақышев, В.М. Қадырбаев, А.З. Бейсенов, И. Гусева, Л. Ақынжан сынды мамандардың жеке архивтерінің деректері пайдаланылды.

Екатеринбургтағы әріптестеріміздің материалдарын қарай отырып, мұны сол бір жылдардағы Ә. Марғұлан мен Орал қола археологиясының негізін қалаушы К.В. Сальниковтың арасындағы сыйластық қарым-қатынастың жалғасы деуге болады. Тілдесіп, хат жазысып отырған осы бір байланысқа Ә. Марғұланның ден қойып кіріскені сондай, тіпті, К.В. Сальников егер қолайлы пәтермен тұрмыс жағадайы шешілсе, өзінің Алматыға көшіп келуі мүмкін екенін хабарлаған.

Архив қорларынан табылып, жинаққа енгізілген хаттар тұңғыш рет баспаға шығып отыр. Бұл орайда Ә. Марғұланға жазылған Н.В. Валукинский, Б.Н. Граков, К.В. Сальниковтердің хаттарын атауымыз керек. Петербордағы әріптесіміз Н.Ю. Смирновтың тікелей ат салысуының арқасында Ә. Марғұлан, Ә. Оразбаев, К. Ақышев, М. Қадырбаевтардың аса көрнекті Ресей ғалымы, қазақ археологтарының ұстазы М.П. Грязновқа жазған хаттары табылып, кітапқа енгізілді. Бұл хаттарды тауып қана қоймай, арнайы өңдеп, баспаға ұсынған Н.Ю. Смирновқа редколлегия тарапынан зор алғыс айтамыз. Тамаша өлкетанушы, музей ісінің білгірі Л.Ф. Семеновқа жазылған хаттар да сол жылдардан сыр тартады.

Сол жылдардың қиыншылығына қарамай, ағабуынғалымдарымыз ғылым мен мәдениетке орасан зор мән бергені құжаттардан көрініп тұр. Орталық Қазақстан экспедициясының 1946 жылға деп дайындалған соншалықты мазмұнды іс жоспарының өзі неге тұрады? Марғұлан ежелгі мәдениеттер мен кейінгі мәдениеттер арасындағы сабақтастыққа үлкен мән берген. Беғазылық менгирлер ғана емес, сақ заманының тас мүсіндері көптеп табылып отырған қазіргі кезде түркі мүсінтастарының мән-мағынасын, шығу желісін тарқату аясы кеңеюде. Сақ дәуірі қоныстарының топографиясы мен планиграфиясы кейінгі қазақ қыстауларына тым жақын. Мұндай байланыстарды Марғұлан сол кезде де жақсы аңғарған, бірақ, ол туралы кеңінен сөз көтермеуге тырысқан. Ә. Марғұлан сол жылдары Алматыда 1950-ші жж. таман Археология және этнография институты құрылуы тиіс деген пікірді ұстанған екен. Таңертең тұра сала «Сәлем саған, туған жер!» деп өз Отанына, кең даласына ыстық сәлем жолдайтын «экспедициядағы Марғұланды» аса көрнекті ғалым, археолог Леонид Қызласов өз естелігінде жақсы суреттеген.

Қарағандының тұңғыш археологы Михаил Клапчук жайлы мәліметтер берген украиналық әріптестер Л.В. Кулаковская мен ғалымның ұлы Владимир Клапчукке құрмет білдіреміз. М.Н. Клапчук көптеген тас дәуірі тұрақтарын ашты, өлке бойынша алғашқы деректерді қалыптастырды, мұны оның шәкірті В.С. Волошин айтып өтті. Кім біледі, егер саяси айдаудан босаған ғалым еліне қайтып кетпегенде, әне-міне ашылғалы тұрған Қарағанды университеті төрінде оның өз орны болар ма еді, оның тас ғасырын зерттеу ісі осы жерде-ақ сара жолға түсер ме еді?! Дегенмен, Қарағанды облысы қазір басқа облыстар арасында археолог мамандар санының көптігімен ерекшеленіп-ақ отыр. Қарағандылық мамандар түрлі дәуір ескерткіштерін кеңінен зерттеумен де, насихаттау, қалпына келтіру шараларымен де жемісті айналысуда.

Сонымен, жинаққа ат салысқан барша әріптестерге зор алғыс демекпіз!

А.З. Бейсенов

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данном издании, посвященном 70-летию первой археологической экспедиции Академии наук Казахстана – Центрально-Казахстанской, приняли участие 84 специалиста из отечественных и зарубежных научных учреждений.

Сборник состоит из двух томов. В первой части опубликованы материалы по истории становления отечественной археологии. Первым руководителем, организатором, вдохновителем казахской археологии по праву является Аликей Хаканович Маргулан. Благодаря поддержке президента Академии наук Казахстана Каныша Имантаевича Сатпаева археологические исследования в стране приобрели систематичность и поддержку. Во втором томе представлены публикации по археологии Казахстана и сопредельных регионов.

География участников сборника распределяется следующим образом: Казахстан (51/49)* [*Здесь и далее в числителе количество авторов, в знаменателе количество статей], Россия (26/22), Украина (5/5), Румыния (2/2).

В первом томе сосредоточена 31 статья. В подготовке материала об А.Х. Маргулане, Е.Ю. Спасской, Н.В. Валукинском, Г.И. Пацевиче, М.П. Грязнове, А.М. Оразбаеве, Л.Р. Кызласове, К.А. Акишеве, Г.А. Кушаеве, Е.И. Агеевой, М.Н. Клапчуке, А.Г. Максимовой, Т.Н. Сениговой, Х.А. Алпысбаеве, М.К. Кадырбаеве, С.М. Ахинжанове, Л.Ф. Семенове, супругах Ясенецких приняли участие коллеги из Казахстана, России и Украины.

При подготовке сборника привлекались материалы из архива Института археологии им. А.Х. Маргулана, Научного архива «Гылым ордасы» (НАН РК), Государственного архива Карагандинской области, Научного архива Института истории материальной культуры РАН, архива Музея археологии и этнографии Омского государственного университета, Научного архива Института археологии НАН Украины, а также личных архивов Л.Ф. Семенова, Б.Н. Нурмуханбетова, А. Мусатайулы, Л.Р. и И.Л. Кызласовых, В.С. Волошина, В.М. Клапчука, И. Пыслару, А.С. Ермолаевой, М.К. Хабдулиной, Л.Н. Ермоленко, А.К. Акишева, В.М. Кадырбаева, А.З. Бейсенова, И. Гусевой, Л. Акынжан.

Во втором томе представлено 47 работ. Вопросам изучения каменного века посвящено две статьи, эпохи бронзы – 10, раннего железного века – 21, средневековья – восемь; музееведения – три. Далее, одна статья подготовлена на основе анализа архивных материалов, еще одна посвящена теоретическим вопросам археологии. При подготовке сборника внимание также уделено демонстрации опыта по сохранению объектов историко-культурного наследия на примере мероприятий, проводимых в Карагандинской области, изложенного в еще одной статье.

Вопросы, предлагаемые к обсуждению во втором томе, представлены как казахстанскими исследователями, так и коллегами из стран ближнего и дальнего зарубежья. Интересные материалы, касающиеся творчества А.Х. Маргулана, отражены в публикациях румынских археологов. Коллеги из России представлены городами: Москва, Санкт-Петербург, Орск, Уфа, Самара, Челябинск, Екатеринбург, Омск, Томск, Ростов-на-Дону, Улан-Удэ. Участие коллег из Екатеринбурга можно рассматривать как своеобразную дань традициям, устоявшимся в начале формирования казахской археологии. В 1940-х гг. А.Х. Маргулан вел активную переписку со специалистом по эпохе бронзы, ставшим основоположником уральского музееведения – К.В. Сальниковым. Интерес А.Х. Маргулана был настолько серьезен, что от К.В. Сальникова было получено принципиальное согласие на переезд в Алма-Ату, - при создании надлежащих условий с жильем.

В сборнике впервые публикуются письма, отложившиеся в целом ряде архивных фондов. Особый источник представляют собой письма, адресованные А.Х. Маргулану Н.В. Валукинским, Б.Н. Граковым, К.В. Сальниковым. Как правило, эпистолярное наследие позволяет увидеть нотки, тщательно скрываемые в официальных научных публикациях.

Слова искренней признательности редколлегия адресует Н.Ю. Смирнову, подготовившему к публикации переписку М.П. Грязнова с корифеями отечественной науки: А.Х. Маргуланом, А.М. Оразбаевым, К.А. Акишевым, М.К. Кадырбаевым. Письма тщательно скомпонованы, обработаны, снабжены развернутыми комментариями, подчеркивающими ценность публикации.

В фондах Государственного архива Карагандинской области отложились письма, адресованные выдающемуся музеологу XX века – Л.Ф. Семенову. Человек с непростой судьбой сумел сохранить преданность выбору всей жизни – музейному делу.

Поколение исследователей 1940-х годов несмотря на эхо репрессий, второй мировой войны, продолжало заниматься фундаментальной наукой. План Центрально-Казахстанской экспедиции на 1946 г., составленный А.Х. Маргуланом тому яркое подтверждение. Задания, обозначенные в этом документе, сопоставимы с мероприятиями не просто экспедиции, а целого научно-исследовательского института. А.Х. Маргулан четко осознавал, что между древними и поздними культурами существует преемственность. Он вынашивал замечательную идею создания Института археологии и этнографии к началу 1950-х годов. Исследования в Центральном Казахстане подтверждают мнение А.Х. Маргулана о существовании пласта, пронизывающего века и тысячелетия. Ярким тому примером является традиция установки вертикальных камней: менгиров, стел, изваяний, кулпытасов, фиксируемая от эпохи бронзы до этнографической современности. В топографии и планиграфии поселений раннего железного века доминируют те же принципы, характерные для расположения казахских зимовок. В работах А.Х. Маргулана 1940-х годов эти идеи проскальзывают, но исследователь говорит об этом весьма осторожно.

Любовь к родной земле чувствовалась в каждом поступке и действии А.Х. Маргулана. Тому подтверждение строки из эссе Л.Р. Кызласова: «Сәлем саған, туған жер!» (букв. перевод звучит так: «Приветствую тебя, родная земля!»). Именно с такими словами приветствия, обращенными к Родине, начиналось каждое утро А.Х. Маргулана в экспедиции. Редколлегия также искренне благодарит сына Л.Р. Кызласова – Игоря Леонидовича за предоставленные материалы.

Коллеги из Украины представили материалы, проливающие свет на новые грани творчества М.Н. Клапчука, являвшегося первым профессиональным археологом Караганды. Благодарим археолога Л.В. Кулаковскую и сына М.Н. Клапчука Владимира Михайловича за предоставленные материалы. М.Н. Клапчук открыл большинство памятников каменного века Центрального Казахстана. Однако, этот факт в трудах современных исследователей обычно остается без должного внимания. Будучи профессиональным палинологом М.Н. Клапчук прикладывал все возможные усилия для получения доступной, максимально возможной информации при анализе материалов. Маршрутами экспедиций М.Н. Клапчука охватывались районы, до сих пор являющиеся труднодоступными. Перечень памятников, открытых М.Н. Клапчуком, отражен в работе его ученика В.С. Волошина, публикуемой в данном издании.

В настоящее время из всех областных центров Казахстана по средоточию профессиональных археологов лидирующее положение в республике занимает именно Караганда. Работы карагандинских коллег свидетельствуют о масштабности проводимых исследований, включающих как поиски и исследования памятников, так и вопросы музеефикации.

Редколлегия приносит всем авторам сборника искреннюю благодарность за участие в данном издании. Надеемся, что этот двухтомник станет еще одним кирпичиком в деле изучения истории становления отечественной археологии.

*С уважением,
редколлегия*

**А. З. Бейсенов,
Г. С. Джумабекова,
Г. А. Базарбаева**

**А. З. Бейсенов, Г. С. Джумабекова,
Г. А. Базарбаева**
*Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
г. Алматы*
**A. Z. Beisenov, G. S. Jumabekova,
G. A. Bazarbayeva**
A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty
E-mail: azbeisenov@mail.ru

Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской Академии наук

Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК, проект 2988/ГФ4
«Культура населения Бетпакдалы в эпоху палеометалла»

Аннотация. В знаменательном для отечественной археологии 1946 г. была организована первая академическая экспедиция – Центрально-Казахстанская. Ключевую роль в этом событии сыграли выдающиеся личности – Каныш Сатпаев и Аликей Маргулан. В Научном архиве «Гылым ордасы» сохранились любопытные документы, позволяющие заглянуть в середину XX века и стать очевидцем становления значимого формирования в отечественной науке – Центрально-Казахстанской археологической экспедиции. Настоящая статья снабжена приложениями, ярко иллюстрирующими этот удивительный процесс, ставший достоянием истории.

Ключевые слова: Академия наук КазССР, К. И. Сатпаев, А. Х. Маргулан, Научный архив “Гылым ордасы”, первая археологическая экспедиция Казахской Академии наук, ЦКАЭ.

Ways to studying the antiquities of the centre of the country: the history of the first archaeological expedition of the Kazakh Academy of Sciences

The present work was financed by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (project № 2988/GF4 “Culture of the Betpakdala population in the paleometal age”)

Abstract. In 1946 an important date for the domestic archaeology, the first academic expedition, the Central Kazakhstan, was organized. A key role in this event was played by the outstanding people – Kanysh Satpayev and Alikey Margulan. There are interesting documents in the scientific archive “Gylym Ordasy” that allow to look into the middle of the 20th century and become an eyewitness of the development of a significant event in the domestic science – the Central Kazakhstan archaeological expedition. This article is full of appendices that clearly illustrate this amazing process, which has become the property of history.

Keywords: Academy of Sciences of the KazSSR, K. I. Satpayev, A. Kh. Margulan, Scientific Archive “Gylym Ordasy”, the first archaeological expedition of the Kazakh Academy of Sciences, SKAE.

Введение

В статье основное внимание сосредоточено на ключевом вопросе – истории организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции АН КазССР. История археологического изучения Казахстана освещалась предшественниками в специальных изданиях и очерках [Маргулан, 1948; Маргулан, Агеева, 1948; Черников, 1950; Агеева, 1950а; 1950б; 1951; Сенигова, 1951; Шахматов, 1952; Акишев и др.,

1956; Акишев, 1958; АКК, 1960; Маргулан и др., 1966; Савельева, 1976; Акишев, Байпаков, 1979; Байпаков, 1996; Байпаков, Петенева, 2001; Байпаков, 2005; Байпаков, Таймагамбетов, 2006; Байтанаев, 2011; и др.].

В Научном архиве «Гылым ордасы» сохранился документ, который можно считать отправной точкой в создании первой археологической экспедиции Казахской Академии наук - события,

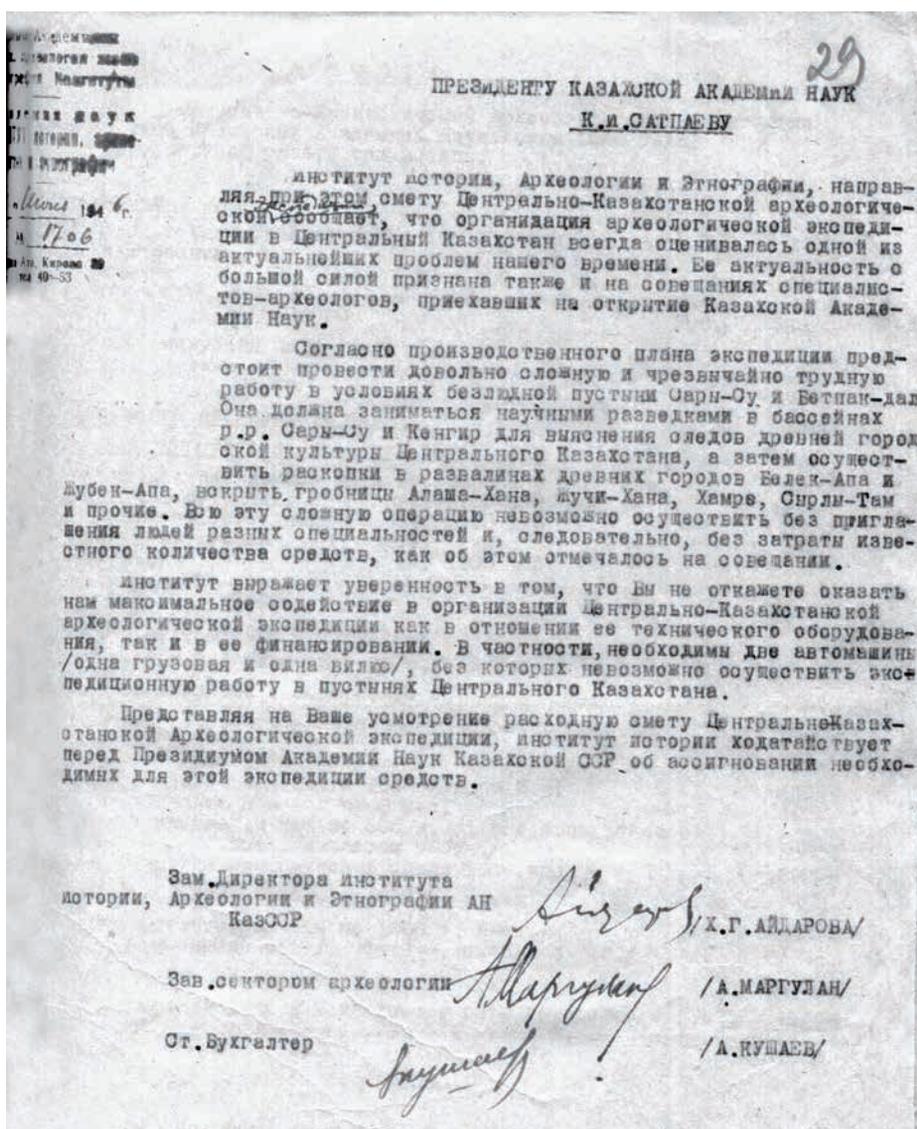


Рис. 1. Письмо на имя Президента Казахской академии наук К. И. Сатпаева с просьбой разрешить организовать Центрально-Казахстанскую археологическую экспедицию (по: [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 543, л. 29])

ставшем достоянием истории [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 543, л. 29] (рис. 1).

Это письмо, отпечатанное на машинке. В левом верхнем углу штемпель Института истории, археологии и этнографии АН КазССР для исходящей документации. На нем дата «17 июня 1946 г.» и номер № 1706. Обращение адресовано Президенту Казахской Академии наук К. И. Сатпаеву (рис. 2). Письмо подписано Х. Г. Айдаровой (рис. 3), заместителем директора Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, А. Х. Маргуланом (рис. 4), заведующим сектором археологии, и А. Кушаевым, старшим бухгалтером* [*А. Кушаев – отец Г. Кушаева]. Ниже приводим текст документа:

«Институт истории, археологии и этнографии, направляя при этом смету Центрально-

Казахстанской археологической экспедиции сообщает, что организация археологической экспедиции в Центральный Казахстан всегда оценивалась одной из актуальнейших проблем нашего времени. Ее актуальность с большой силой признана также и на совещаниях специалистов-археологов, приехавших на открытие Казахской Академии наук.

Согласно производственного плана, экспедиции предстоит провести довольно сложную и чрезвычайно трудную работу в условиях безлюдной пустыни Сары-Су и Бетпак-дала. Она должна заниматься научными разведками в бассейнах рек Сары-Су и Кенгир для выяснения следов древней городской культуры Центрального Казахстана, а затем осуществить раскопки на развалинах древних городов Белен-Ана и Жубен-Ана, вскрыть гробницы Алаша-Хана, Жучи-Хана, Хамре, Сырлы-Там и прочие. Всю эту сложную операцию невозможно осуществить без приглашения людей разных специальностей и, следовательно, без затраты известного количества средств, как об этом отмечалось на совещании.

Институт выражает уверенность в том, что Вы не откажете оказать нам максимальное содействие в организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции как в отношении ее технического оборудования, так и в ее финансировании. В частности, необходимы две автомашины (одна грузовая и одна виллис), без которых невозможно осуществить экспедиционную работу в пустынях Центрального Казахстана.

Представляя на Ваше усмотрение расходную смету Центрально-Казахстанской Археологической экспедиции, институт истории ходатайствует перед Президентом Академии Наук Казахской ССР об ассигновании необходимых для этой экспедиции средств.



Рис. 2. Каныш Имантаевич Сатпаев.
Фото из семейного архива А. К. Акишева

Представляя на Ваше усмотрение расходную смету Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, Институт истории ходатайствует перед Президиумом Академии наук Казахской ССР об ассигновании необходимых для этой экспедиции средств» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 543, л. 29].

Вопрос о финансировании экспедиции рассматривался на заседании Президиума АН КазССР 28 июня 1946 г. Об этом исторически важном моменте свидетельствует соответствующее постановление за номером 1 (рис. 5). На смете ЦКАЭ виза К. И. Сатпаева звучит следующим образом: «Финансовый отдел т. Соколову В. И. Прошу рассмотреть вопрос о возможности выделения Институту истории дополнительно 70–80 тыс. р. для организации этой нужной экспедиции» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 13, л. 6].

План экспедиции на 1946 г. по сегодняшним меркам сопоставим с календарным планом всего Института. Охват и масштабность документа (приложение 1) позволяет представить глубину мысли его автора – А. Х. Маргулана. Беглый анализ плана экспедиции ярко свидетельствует об осведомленности исследователя, фундаментальности знаний, которые поистине были энцикло-

педическими. Эрудиция специалиста, владение обширной литературой, письменными источниками, фольклорными данными – все это вместе взятое отражено в документе, занимающем несколько машинописных страниц [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 6]. Логическим дополнением к данному архивному документу является «Объяснительная записка к плану сектора археологии» [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 76, 5 л] (приложение 2), снабженная заявкой на проведение экспедиций (приложение 3).

История создания сектора археологии

История создания ЦКАЭ неразрывно связана со становлением отдела археологии в недрах КазФАН.

Каким же был Казахский филиал Академии наук СССР (КазФАН, КФАН)?

Из данных Научного архива «Гылым ордасы» явствует, что база АН СССР в Казахстане была образована в 1932 г. в составе двух секторов – зоологии и ботаники [Научный архив «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 55, л. 2]. В 1938 г. база реорганизована в КазФАН СССР с шестью секторами: зоологии, ботаники, геологии, языка, литературы и истории. В 1945 г. КазФАН СССР оформилась в мощный научный центр с Институтами: геологии, горного дела, металлургии и обогащения



Рис. 3. Хадыча Галимовна Айдарова
(по: [НА «Гылым ордасы», ф. 86, оп. 1, д. 584, л. 46])



Рис. 4. Аликей Хаканович Маргулан (по: [НА «Гылым ордасы», ф. 86, оп. 1, д. 584, л. 36])

руд, химии, энергетики, огнеупоров и строительных материалов, астрономии и физики, почвоведения, ботаники, зоологии, экспериментальной биологии, краевой патологии, физиологии, экспериментальной хирургии; истории, археологии и этнографии; языка и литературы, а также самостоятельных секторов: математики и механики; географии, транспортных проблем, права, экономики, искусствovedения, архитектуры и антисейсмики [по: Научный архив «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 55, л. 2, 3].

Появление структурного подразделения в виде группы археологов тесно связано с именем Санжара Сейтжапаровича Асфендиарова (1889–

1938), заместителя председателя президиума КФАН. Именно его назначение в 1936 г. заведующим сектором истории сыграло ведущую роль в этом событии. До мая 1936 г. историческим сектором заведовал профессор Томсинский (1894–1938), но как явствует из документа – он был разоблачен по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра [НА «Гылым ордасы», ф. 1, оп. 1, д. 345, л. 1]. Для Томсинского Семена Григорьевича работа в Алма-Ате была своеобразной ссылкой из Ленинграда по обвинению в троцкизме, где он работал в университете, преподавал в Ленинградском историко-лингвистическом институте, а также в Ленинградском отделении Коммунистической академии им Я. Свердлова. В период с 1933 по 1935 г. возглавлял Историко-археологический институт [Биографика СПбГУ, Интернет-ресурс].

С приходом С. Д. Асфендиарова работа исторического сектора оживилась. Был задан совершенно другой темп. Обычным стало требование формулировать четкие задания в индивидуальных календарных планах сотрудников отдела. В отчете сектора за 1936 г. содержится информация о слиянии с КазФАН Казахского научно-исследовательского института национальной культуры, которым руководил С. Д. Асфендиаров [НА «Гылым ордасы», ф. 1, оп. 1, д. 345, л. 2]. Данное решение было принято правительственными органами Казахстана. Благодаря этому исторический сектор пополнился работниками аналогичного сектора Института, а также при секторе была организована группа по археологии, в которой значился всего один специалист – Борис Николаевич Дублицкий [НА «Гылым ордасы», ф. 1, оп. 1, д. 345, л. 2; 17].

План археологической экспедиции исторического сектора КазФАН СССР на 1937 г. за подписью заведующего сектором профессора С. Д. Асфендиарова выглядит следующим образом [НА «Гылым ордасы», ф. 1, оп. 1, д. 345, л. 18]:

№ пп.	Наименование экспедиций	Район	Руководители и исполнители	Срок выполнения экспедиции, в месяцах	Примерная стоимость
1	Рекогносцировка расположения городов и укреплений древнего торгового пути из Семиречья в Синьцзян	Алма-Ата, Урджар	Исполнители: Дублицкий и в/сотрудники историч. сектора	3	5 000
2	Рекогносцировка очагов древнетюркской культуры орхоно-енисейского типа	Алма-Ата область Урджарск. р-н	Дублицкий	1	2 000
3	Обследование памятников материальной культуры Улугауских гор	Северн. Казахстан	Руководитель: Мендешов, исполнитель – Дублицкий	2	3 000
Итого:				6	10 000

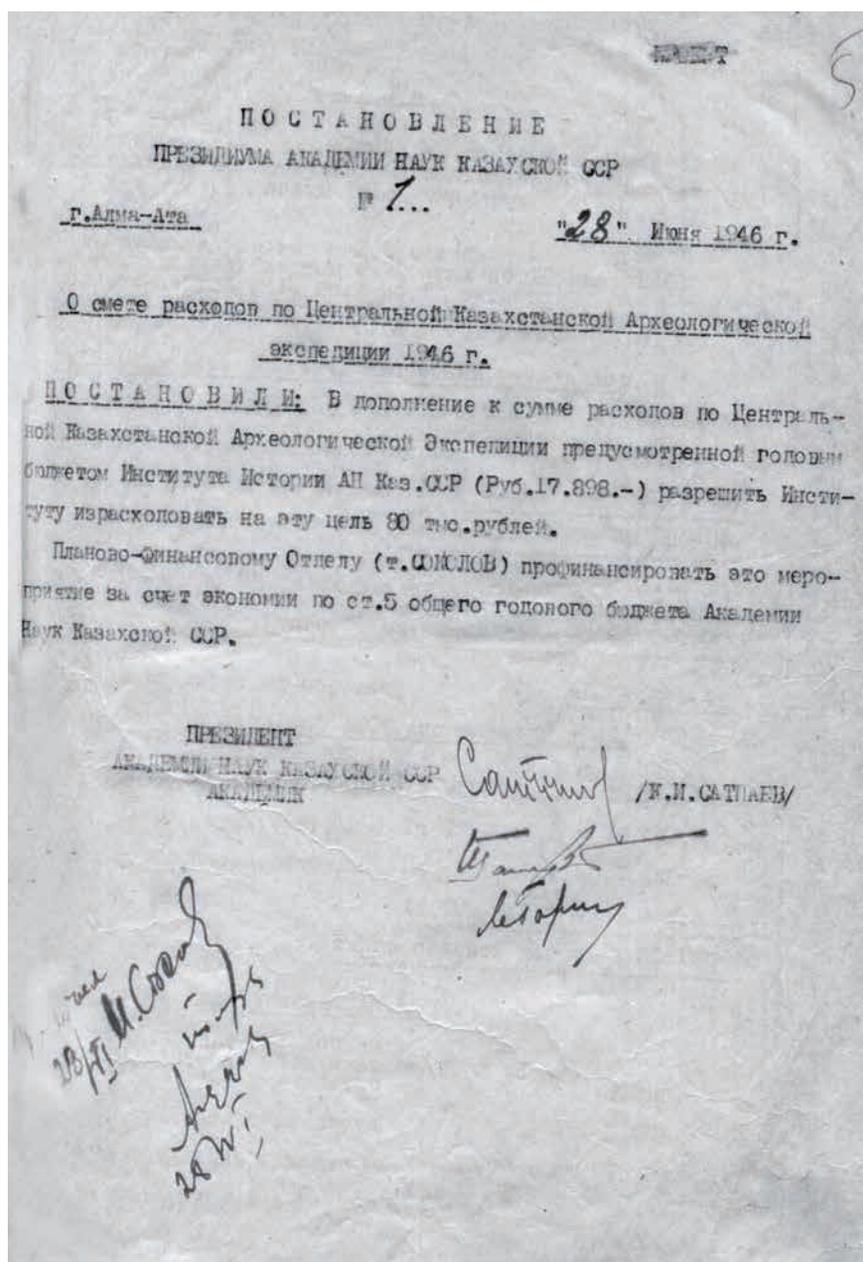


Рис. 5. Постановление Президиума АН КазССР о смете расходов ЦКАЭ (по: [НА "Гылым ордасы", ф. 2, оп. 1, д. 13, л. 5])

Образ Алматы 1930-х гг. из «Хранителя древностей»

Так сложилось, что с именем человека обычно возникают определенные ассоциации, образы, представления о времени, эпохе. Есть такие люди, с именами которых связывается Академия наук Казахстана, развитие науки, мощь металлургических комплексов Центрального Казахстана. Есть имена, при звучании которых мы видим ковыльную Степь, курганы, обвеваемые ветром, величественные менгиры...

Есть литературные произведения, которые прочно ассоциируются со старой, доброй, уютной Алма-Атой, каковой она была в 1930-х годах – это, конечно, сочинение Юрия Осиповича Домбровского «Хранитель древностей»: «Здесь я увидел, что зелень в этом городе расположена террасами, первый этаж – вот эти акации. Над акациями фруктовые сады, над садами тополя, а над тополями уже только горы да горные леса на них. Вот сады-то меня и путали больше всего: поди-ка разберись, где ты находишься, если весь город один сплошной сад – сад яблоневый, сад урючный, сад вишневый, сад миндальный – цветы розовые, цветы белые, цветы кремовые. А над садами тополя. Потом я узнал – они и есть в городе самое главное. Без них ни рассказать об Алма-Ате, ни подумать о ней невозможно. Они присутствовали при рождении города. Еще ни улиц, ни домов не было, а они уже были» [цит. по: Домбровский, 1992]. Алма-Ата для Ю. О. Домбровского (1909–1978) был лучшим городом мира. Сюда он возвращался снова и снова. Здесь нашли пристанище, смогли применить

свои знания и эрудицию, реализовать свои способности, проявить талант – ученые, писатели, оторванные от своей Родины, любимого дела. Их приняла в свои объятия, под сень садов и топей, Алма-Ата.

Ю. О. Домбровский работал в предвоенные годы (1936–1938 гг.) хранителем в Центральном музее Казахстана, участвовал в археологических раскопках средневекового городища на территории колхоза «Горный гигант», выезжал на место находки Каргалинского «клада». Благодаря его рассказам, мы представляем Алма-Ату 30-х го-

дов прошлого века, открываем для себя время удивительных археологических открытий, чувствуем дух эпохи. Ю. Домбровский был тесно связан с представителями творческой интеллигенции, с такими яркими личностями, как Сабит Муканов, Зеин Шашкин, Ильяс Есенберлин, Абдижамил Нурпеисов, Тахави Ахтанов. Как и Алма-Ата, Ю. О. Домбровскому стала родной культура Казахстана. Благодаря переводам Ю. О. Домбровского, читатели узнали произведения казахских писателей [Косенко, Интернет-ресурс; Ергалиева, 2012, интернет-ресурс; Юрий Домбровский, интернет-ресурс].

Б. Н. Дублицкий

Исследования Жетысу связаны с именем Б. Н. Дублицкого (1891–неизв.). В энциклопедии о нем сказано кратко: ученый-зоогеограф, хранитель Джетысуйского губернского музея, преподаватель естествознания в школе. Ему принадлежит открытие городища на правом берегу реки Весновки, на территории современного микрорайона Горный Гигант. Автор исследования «Краткий отчет археологической разведки КФАН и ЦМК в окрестностях Алма-Аты в 1939 году». В память об ученом назван представитель флоры Казахстана - «Ястребинка Дублицкого» [Энциклопедия Алматы, Интернет-ресурс].

На сайте Министерства внутренних дел РК о Б. Н. Дублицком сказано, что родился в 1890 г. в Астраханской обл., с. Черный Яр. Образование высшее незаконченное. До ареста проживал в Алма-Ате, работал научным сотрудником. Арестован 27.03.1940 г. УГБ НКВД КазССР. Осужден особым совещанием НКВД СССР от 19.10.1940 г. Статья 58-1а УК РСФСР. Осужден к лишению свободы в исправительно-трудовом лагере сроком на 8 лет. Дата прекращения дела – 06.10.1997 г., Генеральная прокуратура РК [Министерство внутренних дел РК, Интернет-ресурс].

Центральный музей Казахстана с 1928 г. начал собирать и фиксировать случайные находки, организовал археологический надзор за памятниками [Байпаков, 1986, с. 16; Байпаков, Интернет-ресурс].

Именно с именем Б. Н. Дублицкого связывают открытие средневекового Алматы в 1938 г. на территории колхоза «Горный Гигант». Под его руководством были проведены раскопки, в результате которых было выявлено средневековое помещение – «большой дом» [Алмату, Интернет-ресурс].

Городище, представленное двумя площадками (140 x 150 м; 85 x 40 м), окруженными валом. По его углам располагались круглые башни.

Высота вала составляла 2–2,5 м, башен – 3 м. Овраги способствовали его обороноспособности. При изучении были получены артефакты – керамика, предметы из железа и др. Городище двухслойное, датируется IX–XIII вв. [Алматы-1000 лет, Интернет-ресурс]. Памятник входит в систему средневековых городищ на территории Алматы - Горный Гигант, на р. Весновке, вблизи санатория «Турксиб». Они зафиксированы и описаны известными учеными В. Д. Городецким и Б. Н. Дублицким.

Б. Н. Дублицкий в 20-30-е годы прошлого века – время активных экспедиционных и исследовательских работ по изучению края – становится главным исследователем Алма-Аты. В 1927 г. им была произведена археологическая разведка укрепления, расположенного в одном километре на юго-восток от села Талгар [Сатыбалдиева, 2016].

В 1928 г. Б. Н. Дублицким и А. И. Мордухай-Болтовским был вскрыт небольшой курган из цепи на левом берегу Малой Алматинки, в 3 км к югу от города. Могильная яма заключала в себе захоронение человека и коня. В 1935 году Б. Н. Дублицким было проведено обследование территории артиллерийского дивизиона (угол улиц Гоголя и Дунганской). Там при проведении земляных работ был обнаружен медный котел на глубине 1,9 м с керамикой, костями, слоем пепла.

Б. Н. Дублицкий был разносторонне развитой личностью. После создания Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ) в 1930 (1931) г. в Алма-Ате появляется краевое ОПТЭ при Джетысуйском губернном музее. Семиреченский (Джетысуйский) музей основан в 1898 г. Активным членом его становится известный краевед Б. Н. Дублицкий. Его энтузиастами стали: альпинист Г. И. Белоглазов, историк В. Д. Городецкий. По инициативе этой Группы был создан Казахский краевой совет ОПТЭ под председательством Алиби Джангильдина. Б. Н. Дублицкий - преподаватель естествознания школы № 14. Известен факт, что в автобиографической книге «От Сталина до Горбачева» о нем как преподавателе с благодарностью вспоминает его ученик - Д. А. Кунаев. В рамках работы ОПТЭ он, в частности, занимался изучением памятников древностей Алматы [Методические..., Интернет-ресурс].

Известное каргалинское погребение, обнаруженное в 1939 г., было обследовано Б. Н. Дублицким и директором Центрального музея Казахстана С. М. Прониным.

Продолжение дела Б. Н. Дублицкого получило в наши дни. На территории города в районе пересечения улиц Розыбакиева и Джандосова

сотрудником Музея истории города Алматы М. М. Нурпеисовым были проведены раскопки кургана высотой 6 м и диаметром 60 м. Этот курган был зафиксирован в 1936 г. Б. Н. Дублицким. Результатом его исследований стал «Краткий отчет археологической разведки КФАН и ЦМК в окрестностях Алма-Аты 1939 года» [Сакский курган..., Интернет-ресурс].

Феномен А. Х. Маргулана

Аликей Хаканович Маргулан – первый казахский археолог. Как бы сейчас не спорили исследователи, пытаясь присвоить это звание не менее значимым личностям отечественной науки – А. М. Оразбаеву или К. А. Акишеву, этот факт остается наиболее признанным.

Основы археологии Казахстана заложены А. Х. Маргуланом. А. М. Оразбаев стал первым в области университетской археологии, возглавив в КазГУ кафедру по специальной дисциплине.

К. А. Акишев – основоположник академической отечественной археологии как фундаментальной науки. К. А. Акишев для мировой науки открыл Иссыкского «Золотого человека», не говоря о множестве других ярких открытий. На раскопках участвуют много людей, все они являются участниками того или иного значимого открытия. О «Золотом человеке» рассказал К. А. Акишев в своем исследовании, которое вряд ли когда-нибудь потеряет свое значение. Раскопки кургана «Иссык» было заданием отдела археологии, в выполнении которого вместе с К. А. Акишевым, Б. Нурмуханбетовым принимали участие сотрудники ИИАЭ им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР А. С. Загородний, А. К. Акишев и др. [Нурмуханбетов, Загородний, 1984].

Возвращаясь к вопросу о первом казахском археологе, приведем мнение С. С. Черникова: «Первым археологом-казахом по праву должен считаться К. И. Сатпаев, собравший ценные сведения по древним выработкам Джезказгана и составивший сводку археологических памятников этого района» [цит. по: Черников, 1950, с. 64]. Однако, вернемся к личности А. Х. Маргулана.

В 1938 г. для работы в КазФАН из Института истории материальной культуры (г. Ленинград, ныне – Санкт-Петербург) решением Президиума АН СССР был направлен А. Х. Маргулан.

В своей автобиографии исследователь пишет следующее: «Уже с первых дней работы в АН КазССР я чувствовал свой долг и горячее желание быть полезным чем-нибудь, приложить силы, энергию и знания свои к тому, чтобы помочь делу развития науки в нашей республике, популяризировать достижения отечественной

науки в среде широких масс Казахстана» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1 л/д, д. 112] (приложение 1). Достаточно взглянуть на портрет А. Х. Маргулана, чтобы увидеть благородство помыслов исследователя, полного кипучей энергии воплотить свои смелые замыслы (рис. 4).

Определенное представление об А. Х. Маргулане (1904–1985) дает автобиография. На рис. 6 можно увидеть аккуратный убористый почерк исследователя, оставленный в документе, датированном 20 апреля 1958 г. (рис. 6). Текст автобиографии от июля 1961 г., приведенного нами в приложении 4, отпечатан на машинке.

Знакомство с материалами из Научного архива «Гылым ордасы» показывает, что до сих пор о деятельности такого одаренного, многогранного исследователя, каким был А. Х. Маргулан, археологи располагают далеко не полными сведениями.

До сих пор остается малоизвестным ленинградский период в жизни ученого, а ведь в городе на Неве проведены самые лучшие годы зрелой юности. В 1938 г. – год возвращения в Казахстан – Аликей Хакановичу Маргулану было всего 34 года. По современным меркам еще всего лишь год он будет относиться к когорте молодых ученых. Но те времена – это совсем другая эпоха. Период взрослости наступал раньше и, как пишет в своей автобиографии исследователь, уже на втором курсе вуза они чувствовали себя готовыми специалистами, благодаря мощным университетским традициям, сложившимся в городе, являвшегося долгое время сердцем России. Здесь сохранились основы фундаментальной преподавательской аудитории – профессуры, наследовавшей самое лучшее из образования периода правления Александра II (1818–1881).

Возможно, эпизод, связанный с ленинградским периодом, иллюстрирует одна известная фотография, которую легко можно найти на просторах Интернета. Так, на официальном сайте радио «Азаттык» подпись под снимком звучит так: «Деятели казахской интеллигенции начала XX в. Слева направо в первом ряду: Халел Габбасов, Миржакып Дулатов, Ахмет Байтурсынов, Мухтар Ауэзов. Слева направо в верхнем ряду: Жусипбек Аймауытов, Алькей Маргулан, Абдолла Байтасов» [AzattyqLIVE: образ «Алашорды» в кинематографе. Интернет-ресурс] (рис. 7).

Примечательно, что на этом снимке фигура А. Маргулана расположена как бы в центре кадра и в то же время в глубине – за спинами надежных, старших наставников, выдающихся личностей казахской интеллигенции XX в. – М. Дулатова (1885–1935) и А. Байтурсынова (1873–1937). Волею судьбы Маргулан пережил и Дулатова, чей жизненный путь оборвался в 50

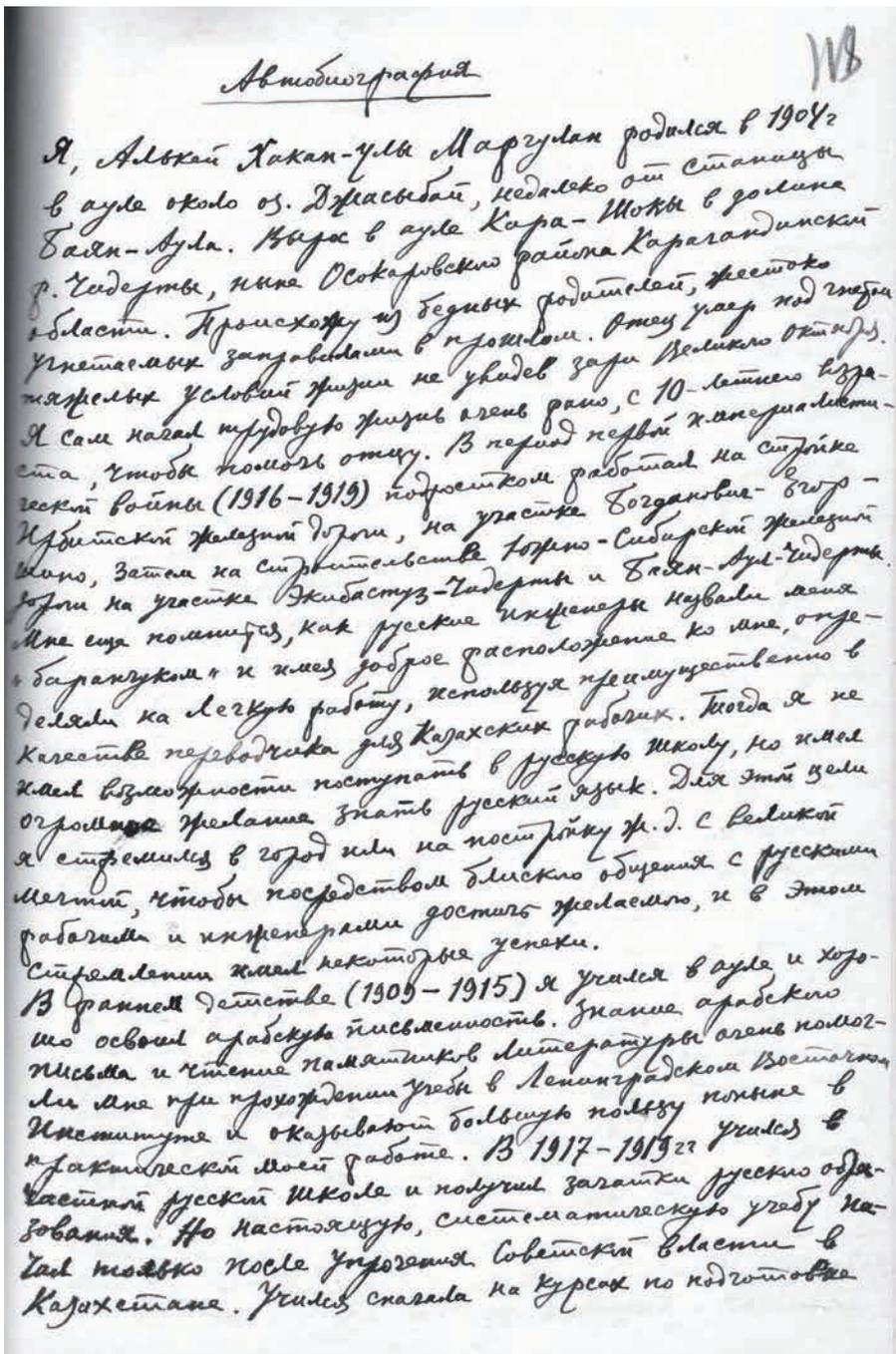


Рис. 6. Первая страница автобиографии А. Х. Маргулана, 1958 г.
(по: [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1 л/д, д. 112, л. 118])

лет, и Байтурсынова, прожившего 64 года. Об опасности, нависшей над А. Х. Маргуланом, упоминается в очерке Л. Р. Кызласова (см. статью в настоящем сборнике): «...Может быть, потому Маргулан уцелел и дожил до высокого возраста, что, как мне доподлинно известно, единственный экземпляр рукописи его диссертации “Эпические сказания казахского народа” вовремя исчез из фонда Ленинской библиотеки...» [цит. по: Кызласов Л.Р., 2017, с. 74].

Среди материалов, хранящихся в Научном архиве «Гылым ордасы», обнаружены пока

лишь крупницы сведений о непростом для А. Х. Маргулана периоде.

Так, в личном деле Аликей Хакановича на нескольких страницах – листы 26, 28 и 29 встречаем выписки, гласящие о том, что 1 апреля 1947 г. А. Х. Маргулан был освобожден от должности зав. сектором по личной просьбе. Далее, в выписке от 24 июля 1947 г. говорится о назначении А. Х. Маргулана зав. отделом палеолита, а в характеристике, подписанной зам. дир. ИИАЭ АН КазССР, канд. филол. наук Н. Сабитовым и секретарем Партбюро А. Нусупбековым от 30 августа 1949 г., встречаем: «Тов. Маргулан в одной из своих ранних работ (“Очерки истории казахского героического эпоса”) допустил ряд ошибок националистического характера, которые в свое время были осуждены научными работниками Института истории АН КазССР и общественностью Казахстана» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1 л/д, д. 112, л. 29].

Через три страницы в личном деле встречаем выписку из приказа № 20 по ИИАЭ АН КазССР от 25 февраля 1950 г., подписанного директором Института С. Н. Покровским, пункт 6 которого гласит: «Утвердить в должности зав. сектором археологии члена-корр. АН КазССР А. Х. Маргулана» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1 л/д, д. 112, л. 32].

Что на самом деле таится за этими датами и формулировками сказать сейчас очень сложно. Однако, несмотря на эти далеко не простые пе-



Рис. 7. Представители казахской интеллигенции начала XX в. Слева направо в первом ряду: Х. Габбасов, М. Дулатов, А. Байтурсынов, М. Ауэзов. Слева направо в верхнем ряду: Ж. Аймауытов, А. Маргулан, А. Байтасов (по: [AzattyqLIVE: образ «Алашорды» в кинематографе. Интернет-ресурс])

рипетии, А. Х. Маргулан продолжал заниматься изучением основ, генезиса казахской культуры. Ему также было далеко небезразлично отношение к топонимам.

Например, известный карагандинский краевед Ю. Попов в заметке, посвященной А. Х. Маргулану, пишет: «9 января 1937 года «Казахстанская правда» печатает статью аспиранта Маргулана «О географических названиях в Казахстане», в которой автор предлагает не искажать местную стилистику наименований казахских исторических пунктов, восстановить подлинные имена, очистить их от извращений и «кабинетных напластований», однако же избегая огульной реставрации старины. Приводит ряд примеров: Караганды превратили в Караганду, Конрад, или более правильно Конград, стал Коунрадом, Алматы – Алма-Атой, Ацисай – Ачисаем. Статья обсуждалась на учёных советах Казахского филиала АН СССР и в ЦК КП(б) К. Маргулан приобрёл единомышленников. Необходимость корректировки наименований казалась очевидной. Было направлено обращение в правительство республики для практической реализации («Казахстанская правда», 1939, 16 сентя-

бря)» [цит. по: Попов, 2011]. Примечательно, что «аспирант Маргулан» о необходимости сохранения исторических казахских географических названий без искажений пишет в 1937 г., - в довольно непростое время...

Даже сейчас, когда для возвращения достоверных географических названий нет особых препятствий, в ряде топонимов допускаются искажения, доходящие порой до абсурда. Например, название города Жетыгара (Жетіғара), что в Костанайской области, настолько переименовано, что звучит, как Житикара. Казахи посредством слов «кара», «кынар» обозначали благоприятные урочища, напр., - Ушкара, Ботакара (по закону ассимиляции звучит как Ботагара/Ботағара), Шешенкара/Шешенғара, Сарыгара/Сарығара, Ушкынар, Жетыкынар. Случай с «Житикара» противоречит существующим в языкознании правилам и таким примеров предостаточно. Мартөк и Дамбар не должны «превратиться» в «Мортык» (!?) и «Дәнбар», а гора Дастар в Карагандинской области – в «Достар». В таких исторических названиях хранится память народа, дошедшая с древнейших времен. Также и с археологическими названиями. Удивляет на-

звание памятника «Шпаки-2» из недавних публикаций актюбинских археологов [Бисембаев и др., 2017а; 2017б]. Нужно ли давать древним памятникам такие названия, как «Сортировка-28», «Водонапорная» (Карагандинская область), судить читателям. Обычно наши коллеги ссылаются на незнание местности, на те или иные ответы случайных прохожих. Но так не должно быть. Изучение местности, местных названий – это часть проводимого исследования. Можно отметить добросовестное отношение к топонимам Я. А. Лукпановой, назвавшей комплекс памятников по названию местности «Таксай». Именно отсюда, по словам Я. А. Лукпановой, происходит находка ритона, известного в науке из местонахождения «Лебедевка» [Лукпанова, 2014].

Как показывает практика, в казахской культуре, каждая «кочка» имела свое название, что объясняется элементарно – удобством для ориентирования на местности. Стоит заглянуть в монографии и статьи А. Х. Маргулана, А. М. Оразбаева, К. А. Акишева, М. К. Кадырбаева и поразиться многообразным и красочным наименованиям памятников Центрального Казахстана: Айдарлы, Алтынсу, Атасу, Байбала, Басбалдак, Бегазы, Айгырушкан, Тайаткан-Шунак, Беласар, Бугулы, Жанайдар, Канатгас, Карамурун, Ортау, Сангыру, Тасмола и мн. др. [Маргулан, 1979; Маргулан и др., 1966; Кадырбаев, 1959; и мн. др.]. Археологам стоит заглядывать в сущность таких названий, как, например, «Кызыл», «Кыземшек». На востоке мелкосопочника «Кызылов» великое множество и все они связаны с горными возвышенностями красноватого цвета. Услышав такое название, уже заранее можно представить местность, куда направлен маршрут вашей разведки. Могут быть эти красно-каменистые сопки одиночными, сдвоенными («Коскызыл», «Егизкызыл»), небольшими (Балакызыл, «Кишикызыл»), уступающими по качеству («Жаманкызыл») и т.д. Иногда довольно обширная местность, вся приподнятая, красно-каменистая, лучами-бликами играющая на утреннем солнце, так и называется – Кызыл. Появляется как бы синоним слова камень. В местности Кызыл родился Касым Аманжолов («Қыс. Қыстау. Атамекен Қызылдағы...»). Зимовка деда К. А. Акишева располагалась в горах Керегетас [Хабдулина, 2004], в мелкосопочнике. Название будто бы говорит о местности, окруженной каменными хребтами, подобно кереге юрты. Одним словом, А. Х. Маргулан не зря призывал сохранить богатство местных географических названий.

В Ленинграде А. Х. Маргулан одновременно посещал лекции в нескольких вузах. Он много работал и в 1937 г. сильно подорвал свое здоровье. На его восстановление потребовался целый

год. Личный листок, заполненный исследователем на завершающем этапе творческого пути, характеризуется следующими вехами [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1л/д, д. 112]:

1918–1919	– ж/д рабочий (Южно-Сибирская ж. д.)
Май 1920 – август 1920	– учеба на курсах по подготовке аульных учителей (г. Павлодар)
1/IX-1921 – 1/VIII 1925 гг.	– студент Семипалатинского пед. техникума (г. Семипалатинск)
1/IX 1925 гг. – 1/X 1929 гг.	– студент Ленинградского Восточного Института (г. Ленинград)
15/V 1926 гг. – 1/I 1928 гг.	– практикант антропологического отряда Казахстанской экспедиции АН СССР (г. Ленинград, Мангышлак, Восточный Казахстан)
1/IX 1929 гг. – 1/XII 1930 гг.	– научный сотрудник Комитета Нового Казахского алфавита при Наркомпросе КазССР (г. Алма-Ата)
1/IX 1931 гг. – 1/XII 1935 гг.	– аспирант ГАИМК (г. Ленинград)
23/XII 1938 гг. – 1946 гг.	– НС сектора истории КазФАН СССР (г. Алма-Ата)
1946–1973	– в системе АН КазССР по ИИАЭ АН КазССР, с 1955 по 1973 гг. зав. отделом этнографии (г. Алма-Ата)
1/VIII 1941 – 1/VII 1947 гг.	– зав. сектором истории КазФАН и АН КазССР (г. Алма-Ата)
1/VII 1947 – 25/II 1950 гг.	– зав. отделом палеолита и неолита ИИАЭ АН КазССР (г. Алма-Ата)
25/II 1950 – 1/II 1952 гг.	– зав. сектором археологии ИИАЭ АН КазССР (г. Алма-Ата)
1/II 1952 – 1/VIII 1955 гг.	– СНС ИИАЭ – АН КазССР (г. Алма-Ата)
1/VIII 1955 – 1973	– зав. отделом этнографии ИИАЭ АН КазССР (г. Алма-Ата)

Своеобразным итогом деятельности исследователя являются его публикации. Время прохождения практики в антропологическом отряде Казахстанской экспедиции АН СССР в Западный и Восточный Казахстан отмечено у А. Х. Маргулана двумя статьями, посвященные двум крупным казахским родам изучавшихся регионов – племенам «адай» и «найман» [см. напр.: Маргуланов, 1930].

Частичные данные о семье изложены А. Х. Маргуланом в автобиографии, в личных листках, анкетах, заполнявшихся при выезде за границу. Отец – Хакан Маргулан (1856–1920), мать – Нурила Маргулан (1860–1930). Жена А. Х. Маргулана – Сатпаева Раушан Абикеевна (1915–1986), врач-онколог, доктор медицинских наук, профессор. Дочь – Маргулан Данель Алькеевна, 1940 г. р., кандидат медицинских наук.

В воспоминаниях дочери К. И. Сатпаева «Свет очага» – Шамшибану отец Раушан Абикеевны описан таким образом: «Сатпаев Абикей Зеинович (1881–1937) – один из ярких представи-

телей просветительства, образования Казахстана начала XX в. после долгого запрета и забвения вернулся в отечественную историю. Крупный педагог, председатель ГубОНО в Семипалатинске, преподаватель Семипалатинской учительской семинарии, Омского рабфака, Фрунзенского педагогического института, первый директор Семипалатинского педагогического техникума, участник национально-освободительного движения “Алаш орда” [цит. по: Сатпаева, Интернет-ресурс]. А. З. Сатпаев значился в списке № 5 “Алаш орды”, был соратником Алихана Букейханова (1866–1937). А. Х. Маргулан будучи студентом Семипалатинского педагогического техникума, учился у А. З. Сатпаева [Сатпаева, Интернет-ресурс].

Раушан Абикеевна Сатпаева – выпускница Ташкентского мединститута (1939). В 1939–1941 гг. врач в Алма-Ате; 1941–1963 гг. – ординатор, ассистент, доцент клиники госпитальной хирургии Алма-Атинского государственного медицинского института. В 1963–1979 гг. старший научный сотрудник, заведующая хирургическим отделением Казахского научно-исследовательского института онкологии и радиологии [Сатпаева, Интернет-ресурс].

В данных о составе семьи А. Х. Маргулан в Личном листке, заполненном 15 апреля 1958 г., указывал, что вместе с ним проживает сестра с дочерью, муж у которой погиб на фронтах Великой отечественной войны; племянник 1942 г. р. – сын брата, погибшего на фронтах Великой отечественной войны; племянник 1936 г. р. (студент) [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1л/д, д. 112, л. 128]. Сколько всего братьев было у А. Х. Маргулана по данным личного дела сказать нельзя. В одной из анкет упоминается брат – Каханов Адаш, 1905 г. р., который на момент составления документа проживал в с/з Осакаровском (Карагандинская обл., Молодежный р-н) [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1л/д, д. 112, л. 157 об.].

Графа личного листка об участии в выборных органах заполнена А. Х. Маргуланом следующим образом [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1л/д, д. 112, л. 90]:

В одной из характеристик, выданной А. Х. Маргулану, читаем: «А. Х. Маргулан честный и принципиальный работник, политически выдержан, всецело предан советской науке, нашей Родине. Характеристика выдана для поездки А. Х. Маргулана в составе делегации в США на XXVII международный конгресс востоковедов с докладом “Доисламская архитектура Казахстана”» [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1л/д, д. 112, л. 148].

Материалы о древней истории Казахстана популяризировались А. Х. Маргуланом в ряде и других загранпоездок: 1960 – Китай; 1961, 1962, 1963 – Чехословакия; 1968 – Япония; 1970 – Турция; 1973 – Монголия [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1л/д, д. 112, л. 176].

В наградном листе А. Х. Маргулана значатся: Орден В. И. Ленина (1967); Орден Трудового Красного Знамени (1974); Медаль за доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.; Медаль за доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина (1970) [НА “Гылым ордасы”, ф. 11, оп. 1л/д, д. 112, л. 173].

С 1938 г. А. Х. Маргулан работал в секторе истории, который действовал сначала самостоятельно, затем в составе Института языка, литературы и истории, а с 1945 г. выделился с научное подразделение в виде Института истории, археологии и этнографии [Научный архив «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 55, л. 3; Об Институте, Интернет-ресурс].

О выдвижение А. Х. Маргулана в действительные члены АН КазССР

Видимо, не случайно приходится на апрель 1958 г. даты заполнения личного листка (15.04) и написания автобиографии (20.04). Именно в 1958 г. А. Х. Маргулан был удостоен звания академика АН КазССР [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1л/д, д. 112, л. 90].

На страницах документов из Научного архива «Гылым ордасы» остались материалы о выдвижении нашего героя в действительные члены

Месторасположение выборного органа	Наименование выборного органа	В качестве кого избран	Год	
			избрания	выбытия
Павлодар	Уездный совет	депутат	1923	1925
Семипалатинск	Облпрофсоюз печатников	уполномоченный	1922	1924
Ленинград	Восточный институт	уполномоченный профорг	1926	1929
Ленинград	Государственное географическое общество	действительный член	с 1933 г.	
Алма-Ата	АН КазССР	академик	1958	

АН КазССР. Эти события датируются преддверием открытия АН КазССР и приходятся на начало 1946 г. Так, на расширенном совместном заседании Ученого Совета Института языка и литературы и Института истории, археологии и этнографии КазФАН СССР (27.02.1946), посвященном выдвижению кандидатов в действительные члены КазФАН, присутствовало 119 человек, в т. ч. С. К. Кенесбаев, М. О. Ауэзов, А. К. Жубанов, А. Х. Маргулан, М. С. Сильченко, М. Б. Балакаев, Б. К. Канжибаев, М. И. Ритман, Ж. Д. Доскараев, А. Ш. Шалиев, Х. Х. Махмудов, С. Н. Нурушев и многие представители научно-исследовательских учреждений, Союза советских писателей, консерватории, театров [НА «Гылым ордасы», ф. 80, оп. 1, д. 11, л. 18].

На данном заседании в поддержку выдвижения кандидатуры А. Х. Маргулана в действительные члены АН КазССР выступили Сабитов, Нуртазин, Сулейменов, Кенесбаев [НА «Гылым ордасы», ф. 80, оп. 1, д. 11].

В выступлении Сабитова А. Х. Маргулан предстал, как талантливый человек, прошедший большой путь от низов до вершин науки. Сабитов назвал А. Х. Маргулана одним из выдающихся историков Казахстана. «Это первый из даровитейших ученых Казахстана. За 15 лет он написал ряд научных работ. В его лице мы имеем прекрасного знатока казахского народа, прекрасного знатока тюркского фольклора. Этнографа и литературоведа и прекрасного переводчика как работ Чернышевского, так и произведений Горького, Бальзака и др. Он работает в системе АН, принимает участие в экспедициях. В годы ВОВ он пишет ряд статей о героическом прошлом казахского народа. Сейчас он продолжает работать в области истории литературы в области казахского эпоса. Написал докторскую диссертацию, о которой прекрасно отзываются Жирмунский, Малов» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 80, оп. 1, д. 11, л. 7, 8].

В выступлении Нуртазина, канд. филол., наук, поддержавшем кандидатуру т. Маргулана, было отмечено следующее: «Тов. Маргулан в области казахской литературы, истории, этнографии, фольклора – выдающийся знаток. Маргулан является в настоящее время живой энциклопедией казахской духовной культуры. Тов. Маргулан является знатоком казахской культуры в целом. Он прекрасно владеет пером. Пишет исключительно связно и интересно. Он заслуживает быть избранным в действительные члены АН» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 80, оп. 1, д. 11, л. 8].

Выдвижение кандидатуры А. Х. Маргулана было горячо поддержано историком Сулейменовым. Он сказал: «В лице Маргулана мы выдвигаем сложившегося ученого. Мы на-

ходим в его лице почти единственного историка-этнографа. Еще в 20-е гг. он изучал Казахстан. Его первые статьи характеризуют его как зрелого ученого-исследователя. Он ученик академика Ольденбурга, академика Бартольда и академика Марра. Эта солидная школа сказывается в его исследованиях, в его работах. В его лице мы находим единственного представителя этнографии Казахстана, единственного представителя, изучающего древние народные основы казахов. В 1945 г. ему присвоено звание заслуженного деятеля науки. Я поддерживаю кандидатуру тов. Маргулана» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 80, оп. 1, д. 11, л. 8].

Завершая обсуждение выдвижения кандидатуры А. Х. Маргулана в действительные члены АН КазССР, Кенесбаев отметил: «...в его лице мы имеем зрелого и подготовленного ученого в области казахского языкознания. Его перу принадлежит ряд интересных работ в области казахской лексики. Он во многом помог Институту языка и литературы в области изучения казахского современного языка. Он охотно и умело ведет эту работу. Я поддерживаю эту кандидатуру и прошу Вас единодушно поддержать меня в этом» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 80, оп. 1, д. 11, л. 8].

Протокол с постановлением о выдвижении кандидатуры А. Х. Маргулана на объединенном Ученом совете двух гуманитарных институтов был подписан председателем заседания С. К. Кенесбаевым и ученым секретарем С. Н. Нурушевым.

Аналогичный вопрос был также рассмотрен на расширенном заседании Ученого Совета совместно с профессорско-преподавательским составом Алма-Атинской государственной консерватории и ведущими представителями искусства и литературы Казахстана 6 марта 1946 г. [НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 167].

Первым выступил заместитель директора по научной и учебной части консерватории доцент Коллар. Он выдвинул кандидатуру в действительные члены АН КазССР А. Х. Маргулана, характеризуя соискателя как известного этнографа, археолога, историка культуры, докт. филол. наук, являющегося одним из выдающихся ученых казахского народа. «Тов. Маргулан – автор многих работ, имеющих большое значение для истории Казахстана. За 15 лет своей научной деятельности им написано свыше 40 научно-исследовательских работ, освещающих историю культуры и литературы казахского народа. Тов. Маргулан является одним из достойнейших кандидатов в действительные члены АН КазССР» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 167, 168].

Завершая заседание, А. К. Жубанов охарактеризовал А. Х. Маргулана как талантливого эт-

нографа, исследователя-энтузиаста, научно работавшего казахский народный эпос. Он также отметил, что «в настоящее время тов. Маргулан работает над созданием истории культуры и искусства древнего Казахстана» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 168].

Постановление о единогласном выдвижении кандидатуры А. Х. Маргулана в действительные члены АН КазССР подписали председатель Ученого Совета консерватории А. К. Жубанов и секретарь Г. В. Аптер [НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 168 об.].

Процедура, связанная с выдвижением кандидатов в действительные члены АН КазССР, - звено в алгоритме действий, связанных с созданием Казахской Академии наук, торжественное открытие которой состоялось в начале июня 1946 г. Для того, чтобы заявить о таком важном решении требовался соответствующий кадровый потенциал, и мероприятия по выдвижению кандидатов в действительные члены АН КазССР ярко продемонстрировали это. Каждый кандидат по своим заслугам был подобен А. Х. Маргулану в своей области знаний – истории, языкознании, литературе и мн. др. (рис. 8).

Из речи К. И. Сатпаева на открытии Академии наук КазССР

Грандиозным событием в истории науки Казахстана является открытие Академии

наук, состоявшееся 1–6 июня 1946 г. В докладе К. И. Сатпаева «Состояние и основные проблемы науки в Казахстане» присутствующая аудитория была ознакомлена с основными достижениями сообщества исследователей нашей страны.

К. И. Сатпаев отмечал, что «в пределах Казахстана создана третья Всесоюзная кочегарка – Карагандинский бассейн, осуществлено строительство первых по мощности в СССР и Европе – Балхашского медеплавильного и Чимкентского заводов. Практически заново создана крупная промышленность по добыче нефти, цветных и редких металлов, золота, ферросплавов.

Казахстан стал основной базой животноводства Союза на Востоке, страной с высокоразвитым и механизированным сельским хозяйством, где значительную роль приобрели новые для Республики технические культуры, как хлопок, сахарная свекла, каучуконосы» [Сатпаев, НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 38, л. 3].

Поскольку основные достижения на 1946 г. приходились на развитие естественнонаучных и технических наук, то в докладе основное внимание было уделено именно этим направлениям.

Далее, К. И. Сатпаев продолжал: «Среди научно-исследовательских организаций Казахстана центральное место занял Казахский филиал АН СССР, организованный в 1932 г. Если 14 лет тому назад Казахстанская база АН СССР начала свою работу в виде небольшой ячейки, в составе только двух секторов – Ботанического и



Рис. 8. К. И. Сатпаев среди действительных членов АН КазССР. Справа в тубетейке А. Х. Маргулан (по: [НА «Гылым ордасы», ф. 86])

Зоологического, то в настоящее время КазФАН СССР имеет в своем составе 16 НИИ, семь секторов, охватывающих почти все основные отрасли наук. Если к моменту своей организации бюджет Казахстанской базы определялся всего в несколько десятков тысяч рублей, то в 1946 г. бюджет КазФАН уже исчисляется более 44 млн. рублей [Сатпаев, НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 38, л. 6].

Отмечая открытия геологов, К. И. Сатпаев отмечал, что «ряд рудных регионов Казахстана как Алтай (полиметаллы), Джекказган (медь), Актюбинск (хром и никель), Каратау (ванадий и фосфориты), по ценности минеральных запасов вышли сейчас в ряды мировых уникамов» [Сатпаев, НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 38, л. 8].

Особое значение в докладе К. И. Сатпаева было уделено самобытности казахской культуры. Он всячески ратовал за развитие таких направлений науки, которые бы расширили границы познания о казахской культуре, об ее истоках. Именно с подачи К. И. Сатпаева был задан импульс развитию отечественной археологии в том числе. Бывая в экспедициях, К. И. Сатпаев сам непременно обращал внимание на объекты историко-культурного наследия [Сатпаев, 1941]. Его перу также принадлежат работы, посвященные памятникам старины. К. И. Сатпаев замечательно разбирался в тонкостях казахского эпоса.

В своем докладе, подчеркивая значимость казахской культуры, К. И. Сатпаев отмечал: «Казахи издавна пользуются применением щитовидной железы животных для регулирования сезона и срока искусственной линьки своих охотни-

чих птиц; а ведь в мировой науке это важное физиологическое явление стало известным только в недавнее время, а честь его открытия принадлежит румынскому академику Церхону.

Установлено, что казахский народ знает названия и полезные свойства более 100 видов растений. О том, что географические названия казахов в большинстве случаев удивительно метко определяют геологические и геоморфологические детали местности хорошо известны всем полевым исследователям. Изучение векового опыта казахского народа в области проблем животноводства таит в себе также еще очень много ценных для науки и народного хозяйства открытий» [цит. по: Сатпаев, НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 38, л. 14].

Благодаря фундаментальным знаниям,



Рис. 9. Почетная грамота от Президиума АН СССР и ЦК профсоюза высшей школы и научных учреждений СССР, 1942 (по: [НА «Гылым ордасы», ф. 86])

организаторскому таланту, неумной энергии К. И. Сапиев открыл и разработал Большой Жезказган, уже в годы войны открыл месторождение марганца в Жезды, руда которого в короткие сроки была направлена на обеспечение фронта [Бейсенов, 2015]. Заслуги ученого были отмечены сталинской премией, а также грамотой (рис. 9).

1946 год в истории отечественной археологии

Итак, 1946 г. в истории страны ознаменован двумя выдающимися событиями – открытием Академии наук и первой археологической экспедиции.

В целом в системе Академии наук Казахстана на 1946 г. намечалась работа 128 экспедиционных отрядов – геологов, зоологов, ботаников и мн. др. В действительности на полевую работу выехала 141 экспедиция, из числа которых три экспедиции перешли на 1947 г. Остальные 138 экспедиций, закончив полевую работу, приступили к камеральной обработке полученных научных материалов [НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 34, л. 18].

Анализ отчета за первое полугодие 1946 г. позволяет сделать вывод, что сектор археологии сформировался в составе ИИАЭ в начале 1946 г.

Как отмечает в отчете А. Х. Маргулан: «За отчетный период сектор был занят в основном укомплектованием научных кадров. Велась переписка с учеными Москвы, Ленинграда и других городов Союза. Получены согласия работать по археологии Казахстана таких крупных ученых, как С. И. Руденко, Б. Н. Гракова, С. В. Киселева. Изъявили желание приехать в Алма-Ату на постоянную работу ученые т. Сальников, Максимова, Чудинов, Б. М. Левашевская, Б. А. Аккерман, Валукинский, Окладников и др.» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 9, л. 10]. Переписка с исследователями отражена нами в приложении 5. Обращает на себя внимание внешний вид конвертов. Например, письмо Н. В. Валукинского (рис. 10) было отправлено в конверте, аккуратно склеенном из крафт-бумаги (рис. 11). По характеру сообщений чувствуется искренняя заинтересованность археологов принять участие в изучении древностей Казахстана (рис. 12). Тон писем чаще деловой, настроенный решительно.

В отчете за первое полугодие А. Х. Маргулан обозначил, что для полноценной работы сектора, обеспечивавшего бы археологическое изучение Казахстана на должной высоте, необходимо иметь при себе следующие отделы и лаборатории [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 9, л. 11].

Это непростой документ! Корпус подразделений, предложенных А. Х. Маргуланом, таков:

Отдел палеолита и неолита	– зав. отделом, СНС – 1, МНС – 1
Отдел бронзы и раннего железа	– зав. отделом, СНС – 2, МНС – 2
Отдел средневековых городов	– зав. отделом, СНС – 2, МНС – 2
Отдел прикладного искусства	– зав. отделом, СНС – 1, МНС – 1
Комитет по охране памятников старины	– руководитель ученый-эксперт, инструктора – 2
Фотолаборатория	– зав. лабораторией, МНС – 1
Лаборатория реставрации и анализа	– зав. лабораторией, МНС – 1
Музей	
Антропологический кабинет	

В 1946 г. каждым подразделением АН КазССР составлялись пятилетние планы.

В плане на 1946–1950 гг. окончательный результат ИИАЭ был сформулирован так: «Основной задачей Института является подготовка и рост кадров как количественно, так и качественно, с тем расчетом, чтобы к концу пятилетки могли самостоятельно выделиться Институт истории и Институт археологии и этнографии» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 2].

В отчете сектора за год короткими штрихами обозначены достижения, сделанные за год (приложение 6). Как отмечает А. Х. Маргулан, в 1946 г. в штате было всего два археолога – он и Г. И. Пацевич [НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 36, л. 108]. Затем в этом же году в сектор была принята Е. Ю. Спасская. Об этом свидетельствует приказ № 46 по Институту истории, археологии и этнографии АН КазССР от 2 июля 1946 г. [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 4, л. 48].

В фондах Научного архива «Гылым ордасы» хранится дело № 543, которое можно рассматривать в качестве своеобразного путеводителя по истории создания ЦКАЭ. В нем сосредоточены документы, касающиеся снабжения экспедиции необходимым оборудованием. Здесь также имеются заготовки доверенностей, составленных по черком Е. Ю. Спасской, для получения материалов и оборудования со складов (рис. 13).

Благодаря связям, поддерживавшимся А. Х. Маргуланом с МГУ, в 1946 г. сектор пополнился двумя выпускницами кафедры археологии – А. Г. Максимовой и Т. И. Сениговой.

Так, пункт 2 приказа № 66 по Институту истории, археологии и этнографии АН КазССР от 10 августа 1946 г. звучит следующим образом: «С 10 августа 1946 г. зачислить т. Максимова Анну Георгиевну вр. и. о. зав. отд. палеолита по сектору археологии с окладом по смете» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 4, л. 69].

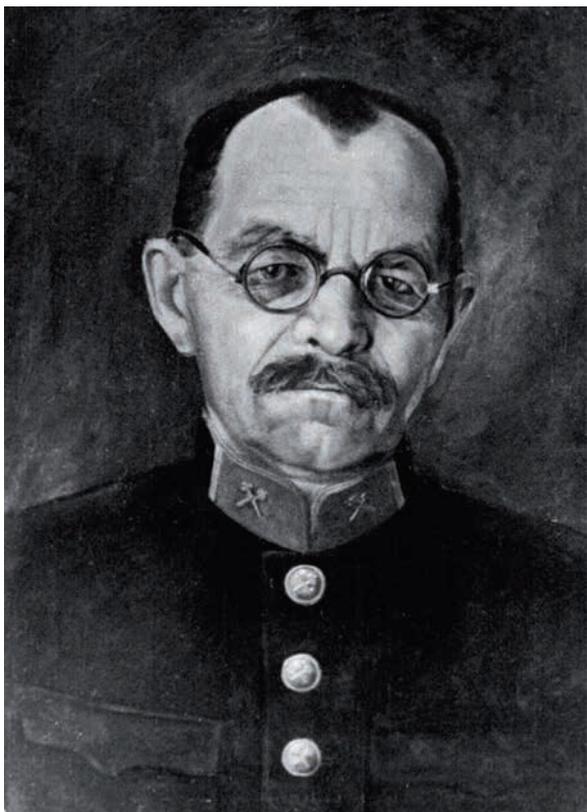


Рис. 10. Н. В. Валукинский. Фото из фондов Центра по сохранению историко-культурного наследия Карагандинской области

Уже в сентябре А. Г. Максимова отправится в свою первую казахстанскую экспедицию. Об этом свидетельствует приказ № 78 от 9 сентября 1946 г., подписанный зам. дир. ИИАЭ АН КазССР Х. Г. Айдаровой, пункт 2 которого звучит: «Зав. отделом палеолита т. Максимова А. Г. с 11-го сентября с/г считать в научной командировке в Чиликский р-н, сроком на 10 дней» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 4, л. 81].

Знакомство с приказами Института истории, археологии и этнографии АН КазССР позволяет заключить о том, что в 1946 г. были организованы две экспедиции: археологическая в Центральный Казахстан и этнографическая в Восточный Казахстан.

Если об отбытии этнографов на полевые исследования сохранился соответствующий приказ, то по археологам есть приказ об их возвращении. Пункт 1 приказа № 109 по ИИАЭ АН КазССР

от 1 ноября 1946 г. звучит: «Археологическую экспедицию, возвратившуюся из Центральных областей Казахстана, считать закончившей свою полевую работу 31 октября с. г. включительно» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 4, л. 113]. В пункте 4 этого же приказа встречаем: «Заместителя начальника экспедиции – директора Джамбульского археологического пункта Пацевича Г. И. с 1 ноября с. г. на время сдачи материальных и денежных отчетов по экспедиции полагать в командировке. Основание: рапорт начальника экспедиции т. Маргулана» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 4, л. 113].

Судя по пункту 2, в экспедиции 1946 г. в качестве младших научных сотрудников принимали участие Ш. Г. Кутхуждин и А. А. Липинский, в должности старшего лаборанта – И. Жилкайдаров. Экспедицию обслуживал шофер – А. Е. Балманов, рабочие – Н. М. Пожидаев, К. Хакимжанов, Хайдаров [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 4, л. 113].

Через несколько дней, в честь 29-ой годовщины Октября, в приказе № 111 по ИИАЭ АН КазССР от 6 ноября 1946 г. Маргулану Алькей Хакановичу, Пацевичу Герониму Иосифовичу и Уралову Махмуду Куткужиновичу за организацию археологической и этнографической экспедиций и за хорошие результаты полевых работ будет объявлена благодарность с занесением в личное дело [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 4, л. 115].

В следующем месяце произойдет еще одно важное событие. Так, пункт 2 приказа № 120 по ИИАЭ АН КазССР от 12 декабря 1946 г. гласит:

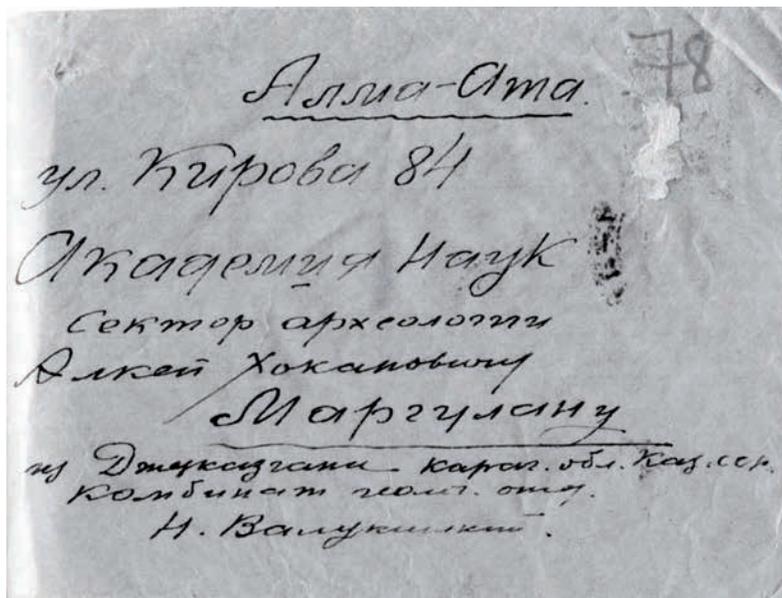


Рис. 11. Конверт письма, адресованного А. Х. Маргулану Н. В. Валукинским (по: [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 543, л. 78])

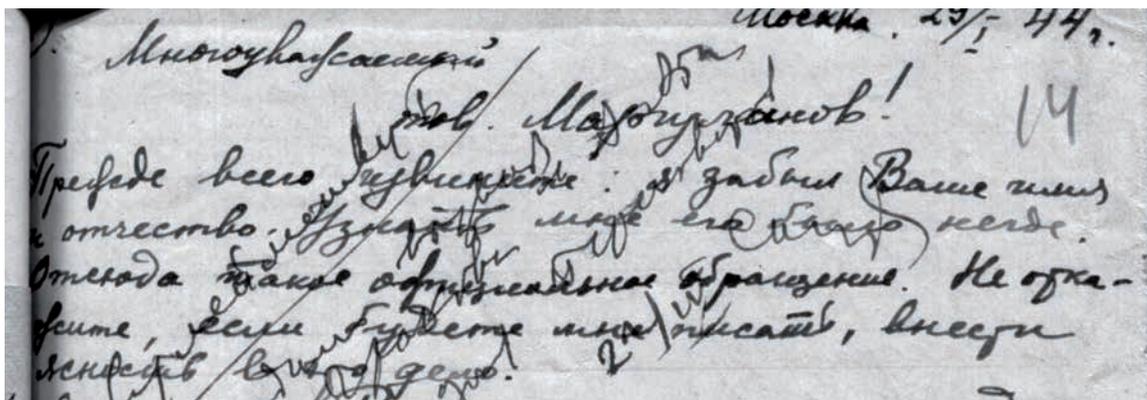


Рис. 12. Фрагмент письма, адресованного А. Х. Маргулану Б. Н. Граковым
(по: [НА "Гылым ордасы", ф. 11, оп. 1, д. 543, л. 14])

«Тов. Сенигову, прибывшую из г. Москвы на постоянную работу в Институт, в сектор археологии, зачислить младшим научным сотрудником с 1 декабря с. г. с окладом по смете, с оплатой проездных расходов» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 4, л. 126].

Документы Научного архива «Гылым ордасы» свидетельствуют о масштабности исследований, проводившихся в Институте истории, археологии и этнографии. Отчеты каждого сотрудника и руководителя сектором выслушивались на специальных заседаниях, велись оживленные дискуссии. Можно сказать, что происходила своего рода защита отчета.

О широком размахе проводимых исследований и значимости полученных результатов свидетельствуют публикации, указанные в добротном справочнике (отв. ред. Н. Б. Ахмедова), составленном сотрудниками Центральной научной библиотеки под руководством Е. И. Иванчиковой,

где приводятся обширные данные об изданиях, вышедших в учреждениях АН КазССР за период с 1932 по 1959 гг. [Библиография..., 1960]. Разделы по истории, археологии и этнографии размещены с 862 по 912 страницы.

В приложении 6 приводится отчет по сектору археологии за 1946 г. Однако, для археологов большой интерес представляет также и отчет сектора этнографии. Поскольку он значительно уступает по объему отчету археологов, то приведем его ниже: «Этнографическая экспедиция в Зайсанский, Аксуатский, Тарбагатайский районы ВКО, организованная сектором в составе двух научных работников в течение 3,5 мес. собрала большое количество орнаментов – ою, орнек, кесте, а также материалы по хозяйственному быту и родовому строю, по народным обрядам. Научный отчет экспедиции будет заслушан на сессии отделения общественных наук.

Внеплановая работа сектора этнографии

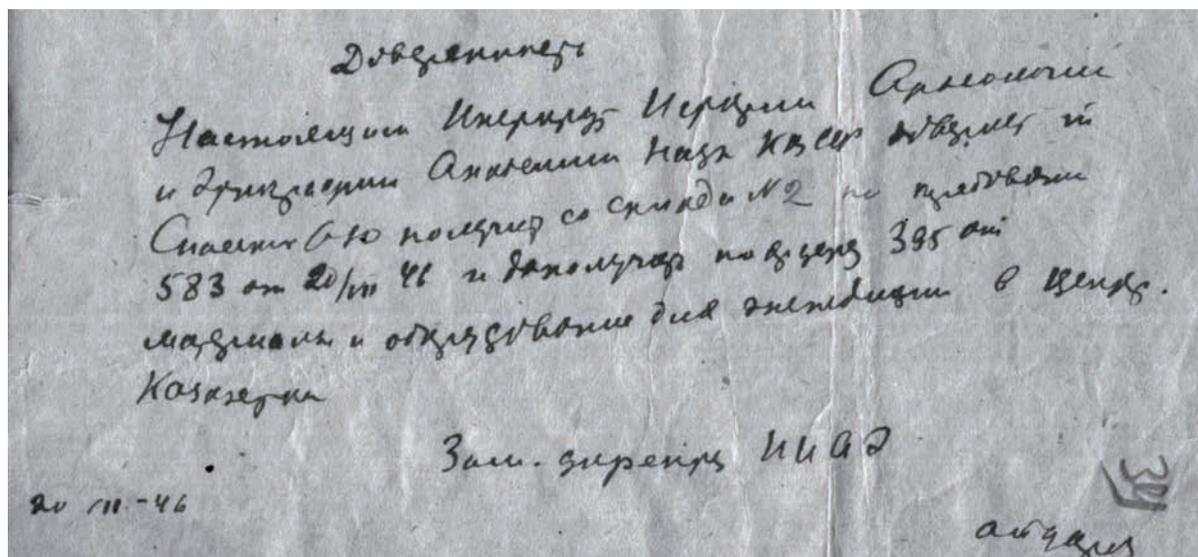


Рис. 13. Текст доверенности, написанный Е. Ю. Спасской для машинистки
(по: [НА "Гылым ордасы", ф. 11, оп. 1, д. 543, л. 39])

Зав. сектором, канд. филол. н. Сабитов Н.С. работает над темой «Система воспитания детей у казахов» - в качестве докторской диссертации.

Зав. отделом ремесла тов. Уралов разрабатывает тему «Калым у казахов», под руководством профессора Руденко С. И. собрано 60% материалов по теме и частично изучена литература, предусмотренная планом 1947 г.

Младший научный сотрудник тов. Рахметов разрабатывает тему «Национальные игры у казахов», в список включено 172 игры, из них 89 описано по содержанию на 170 страницах.

Тов. Сабитов Н.С. начал составление библиографического указания литературы по этнографии Казахстана.

По заданию сектора собран материал в объеме 3,5 п. л. о казахских племенах и родах среднего жуза младшим научным сотрудником Института языка и литературы Гулямом Себеповым и писателем Каипом Айнабековым, а также директором Карагандинского музея тов. Семеновым сдан материал в 1,5 п. л. по этнографии казахов Центрального Казахстана» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 36, л. 114–115].

Г. И. Пацевич

В личном фонде «Г. И. Пацевич» Научного архива «Гылым ордасы» сосредоточены немногочисленные документы исследователя. В сохранившихся послужных списках археолога значится: «Павильно-Пацевич Героним Иосифович, уроженец Витебской губернии Дриссенского уезда, Сушковской волости, дер. Шатрово» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 99, оп. 1, д. 4, л. 3 об.].

Г. И. Пацевич радел за охрану памятников историко-культурного наследия. В докладной записке от 8 июня 1946 г. на имя зав. сектором археологии А. Х. Маргулана он написал: «В результате полевых обследований и археологических работ последних лет на территории Казахстана выяснилась необходимость срочного решения следующих вопросов:

1. Памятники материальной культуры на территории Казахской ССР в последние годы усиленно разрушаются как всякого рода строительными организациями, так и отдельными лицами. В целях прекращения разрушения необходимо немедленно добиться решения Совета министров Казахской ССР по вопросу охраны таковых. О праве производства археологических раскопок на территории КазССР лишь по Открытым Листам Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (такое постановление по инициативе института было принято Совнаркомом Казахской ССР в июне мес. 1946 г., но почему-то до настоящего времени не опубликовано). Форма Открытого Листа и Инструкция к нему была мною разработана и представлена институту. Кроме того, также была разработана и представлена институту краткая инструкция по охране и изучению памятников материальной культуры в районе новостроек. Если почему-либо означенные инструкции не отвечают своему назначению, таковые, по моему мнению, необходимо немедленно переработать, перевести на казахский язык и опубликовать в виде брошюр. Указанное выше постановление Совнаркома от июня мес. 1945 г. или соответствующее Постановление Совета министров Казахской ССР – опубликовать в республиканских газетах.

2. Ввиду значительных затруднений при реставрации предметов материальной культуры и антропологическому изучению костного материала из археологических раскопок на территории Казахстана, вследствие отсутствия соответствующей лаборатории и инструментария считаю необходимым организовать, наряду с лабораторией реставрации, хотя бы небольшого антропологического кабинета, для каковых желательно получить из центральных научных учреждений (ИИМК и Музей антропологии) соответствующих инструкций и инструментария, или в крайнем случае чертежей таковых, на предмет изготовления их на месте» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 543, л. 18].

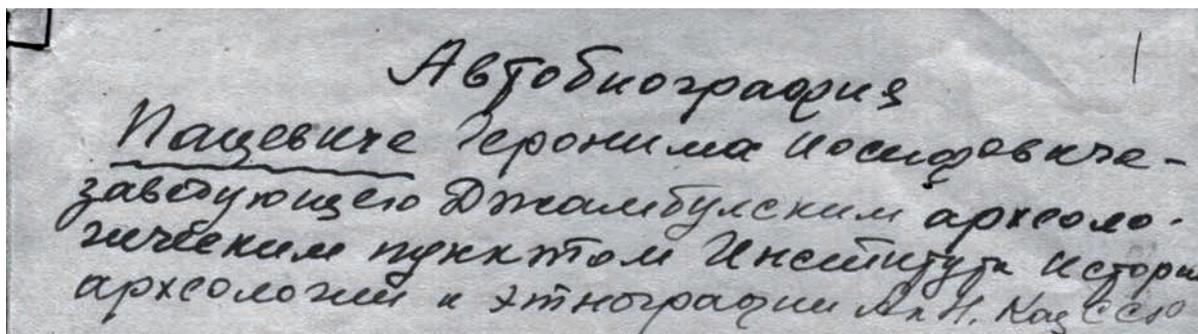


Рис. 14. Фрагмент автобиографии Г. И. Пацевича, 1952
(по: [НА «Гылым ордасы», ф. 99, оп. 1, д. 8, л. 1])

Основные вехи творческого пути исследователя обозначены в его автобиографии, написанной от руки и датированной 15 августа 1952 г. (рис. 14) (приложение 7). Несмотря на то, что Г. И. Пацевич являлся заведующим Джамбулским археологическим пунктом, в 1946 г. и в другие годы он принимал активное участие в организации и проведении работ ЦКАЭ. А. Х. Маргулан в отчете по сектору за 1946 г. напишет: «С работой сектора археологии тесно связаны. Пацевич Г. И. заведующий археологическим пунктом в городе



Рис. 15. В отделе археологии. Слева направо: В. И. Садомсков, К. А. Акишев, Г. И. Пацевич. Фото П. Балобанова из репортажа Ю. Солотчина, 1954 (по: [Солотчин, 1954])

Джамбуле. Он принимал активное участие по организации археологической экспедиции 1946 г., и был одним из ее ведущих сотрудников. Он вел дневник экспедиции, произвел обмеры курганов, крепостей, развалин, городищ, мавзолеев и других объектов, а также составил чертежи и схемы» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 10, д. 2, л. 65].

В 1950-е годы Г. И. Пацевич в рамках масштабного проекта археологов страны по освоению целинных и залежных земель возглавлял Кустанайскую экспедицию, где помимо разведочных работ, провел также раскопки курганов раннего железного века. Полученные материалы вошли в фундаментальное научное издание 1960 г. «Археологическая карта Казахстана» [АКК, 1960].

Вклад Г. И. Пацевича в отечественную науку отражен в специальной статье, подготовленной А. А. Нуржановым и Е. Ш. Акымбек для настоящего сборника [Акымбек, Нуржанов, 2017].

В фонде «Алпысбаев Х. А., археолог» Научного архива «Гылым ордасы» в одном из дел сосредоточены газетные вырезки. На одном из листочков репортаж из отдела археологии, снабженный фотографией, на которой запечатлены Г. И. Пацевич, К. А. Акишев и В. И. Садомсков. На снимке мы видим грузного человека в круглых очках, напоминающих пенсне. Поскольку в личном деле нет ни одного снимка с Г. И. Пацевичем, то мы посчитали необходимым включить в наш очерк фото из газеты (рис. 15).

О первых итогах ЦКАЭ

Итак, экскурс в далекий 1946 г. показал, насколько востребованным к этому времени оказалось создание специального научного подразделения в виде ЦКАЭ. Это обусловлено тем, что данная веха является отчетом в проведении систематических археологических исследований именно казахстанскими специалистами.

Одна из основных веток маршрута пролегла в пустынный район Центрального Казахстана – Бетпақдалу. В обращении, адресованном в Техснаб АН КазССР, А. Х. Маргулан напишет, что данный регион является необитаемым и удаленным и, следовательно, экспедиции должна быть присвоена соответствующая категория для обеспечения необходимым снаряжением (рис. 16).

В фундаментальной монографии А. Х. Маргулана «Бегазы-дандыбаевская культура» отмечается, что в Центральном Казахстане впервые работала Нурина экспедиция ГАИМК в 1933 г. в составе: П. С. Рыков – начальник экспедиции, М. И. Артамонов, М. П. Грязнов, Н. Арзютов, И. В. Сеницын. Далее А. Х. Маргулан пишет, что важным достижением экспедиции было открытие знаменитого памятника Дандыбай в долине р. Шерубай-Нура в 60 км к юго-западу от Караганды [Маргулан, 1979, с. 11]. Большой вклад в дело учета и регистрации памятников Центрального Казахстана внесли местные краеведы: Л. Ф. Семенов в Акмолинской (рис. 17) и Карагандинской степях, В. Е. Ясеневская в

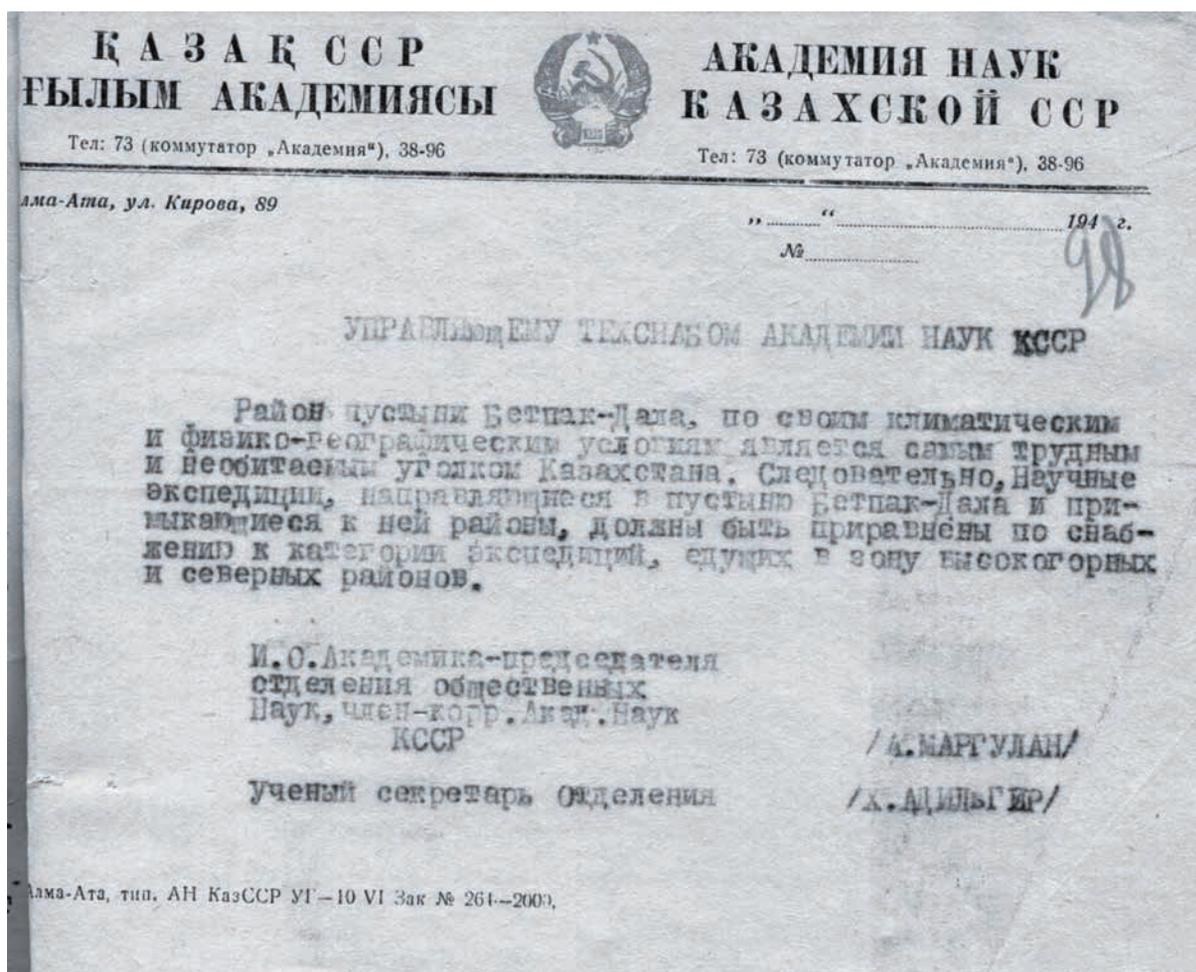


Рис. 16. Письмо на имя управляющего Техснабом АН КазССР о присвоении ЦКАЭ соответствующей категории (по: [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 543, л. 98])

Каркаралинском районе [Маргулан, 1979, с. 11; Семенов, 2017; Варфоломеев, 2017; Бейсенов, Базарбаева, Шашенов, 2017; Шашенов, Базарбаева, 2017]. На момент подготовки монографии А. Х. Маргулан как бы подводит итог деятельности ЦКАЭ. Он отмечает, что ЦКАЭ работала более четверти века (1946–1974) с перерывом в 1953–1954 гг. «Четкое планирование научно-исследовательских маршрутов дало возможность в короткий срок открыть и исследовать интересные памятники, изучить различные периоды древней истории Центрального Казахстана, начиная с эпохи неолита и кончая периодом раннего железа [Маргулан, 1979, с. 11–12]. В предыдущей монографии, подготовленной под редакцией А. Х. Маргулана, коллективом авторов в составе К. А. Акишева, М. К. Кадырбаева и А. М. Оразбаева был проанализирован материал, полученный ЦКАЭ за 20 лет [Маргулан и др., 1966]. Этот труд был удостоен премии им. Ш. Валиханова. А. З. Бейсенов в своей работе 30-летний период работы ЦКАЭ назвал маргулановским периодом, выделив нем три этапа (подробнее см.: [Бейсенов, 2015]).

Для выдвижения монографии на премию необходимо было провести обсуждение книги. Монография рассматривалась на производственном совещании коллектива Центрального государственного музея КазССР (14 октября 1966 г.) и на заседании кафедры истории КазССР КазПИ им. Абая (25 октября 1966 г.). На заседании в ЦГМ в поддержку выдвижения книги на премию им. Ш. Валиханова выступили: А. Д. Джусупов, Р. И. Космамбетова, Е. Л. Аверина, С. С. Есова. Заседание вела С. С. Есова, протокол – Н. Оразбаева.

В обсуждении книги на заседании кафедры в поддержку книги выступили К. Б. Бижанов, Г. Н. Валиханов, Х. Хабиев, М. Б. Ахинжанов. В выступлении заведующего кафедрой М. Б. Ахинжанова, завершающем заседание, прозвучало: «Центральный Казахстан имеет богатую культуру. В зарождении и формировании казахской народности ему принадлежит ведущее место. Об этом еще раз свидетельствует обсуждаемая нами монография группы археологов республики. Я тоже рекомендую эту работу на присуждение первой премии им. Ч. Валиханова» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 642].

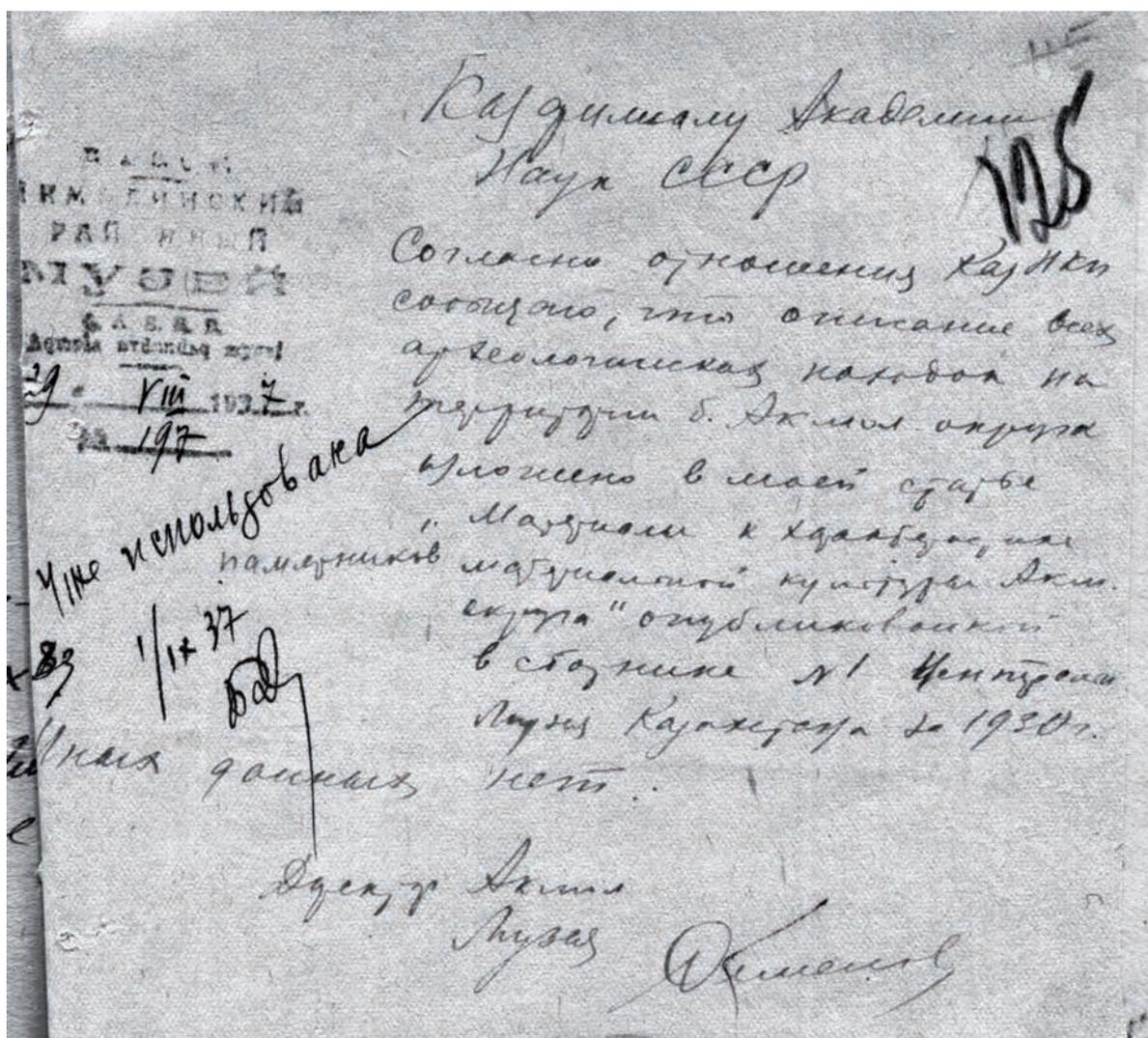


Рис. 17. Письмо от Л. Ф. Семенова в исторический сектор КазФАН СССР с визой Б. Н. Дублицкого (по: [НА "Гылым ордасы", ф. 1, оп. 1, д. 254, л. 125])

Следует отдельным пунктом отметить, что в дело увековечивания имени первого казахского историка – Ш. Валиханова колоссальный вклад внесен А. Х. Маргуланом. Именно он на протяжении 10 лет, крупица за крупицей собирал, анализировал, систематизировал наследие великого ученого. Благодаря этому, полученный результат выразился в виде полного собрания сочинений, изданного в пяти томах. Такое событие никак не могло пройти мимо творческой интеллигенции Алма-Аты. Видимо, своеобразным итогом дискуссий, обсуждения, проходившего в среде исследователей, явилось то, что писатель Сабит Муканов посвятил ему свое произведение «Промелькнувший метеор» («Аққан жұлдыз»), а исследователь древностей палеолита – Хасан Алпысбаев назвал в честь Шокана Валиханова уникальный многослойный памятник.

В степях Центрального Казахстана имя А. Х. Маргулана было на устах многих аксакалов. Тонкий знаток казахской этнографии,

фольклора, местности А. Х. Маргулан внимательно выслушивал собеседников. Итогом таких бесед, в том числе, и явились широкомаштабные открытия ЦКАЭ, произошедшие в удивительно короткие сроки. Очевидец открытий ЦКАЭ Аманкул Мусатайұлы рассказывает, что А. Х. Маргулан чрезвычайно много времени проводил в пути [Мұсатайұлы, 2017]. Его маршруты пролегали по дорогам, направление которых было услышано от аксакалов, видевших каменные ограды и изваяния, мазары и мн. др. В очерке А. Мусатайұлы о каждом археологе, с кем ему довелось встретиться, сказано немало теплых слов [Мұсатайұлы, 2017].

В докладе К. А. Акишева, прозвучавшем на заседании Отделения общественных наук в 1956 г., были кратко подведены итоги работы отдела археологии за 10 лет.

В сообщении прозвучало: «Центральный Казахстан, как показали многолетние археологические работы А. Х. Маргулана, может дать

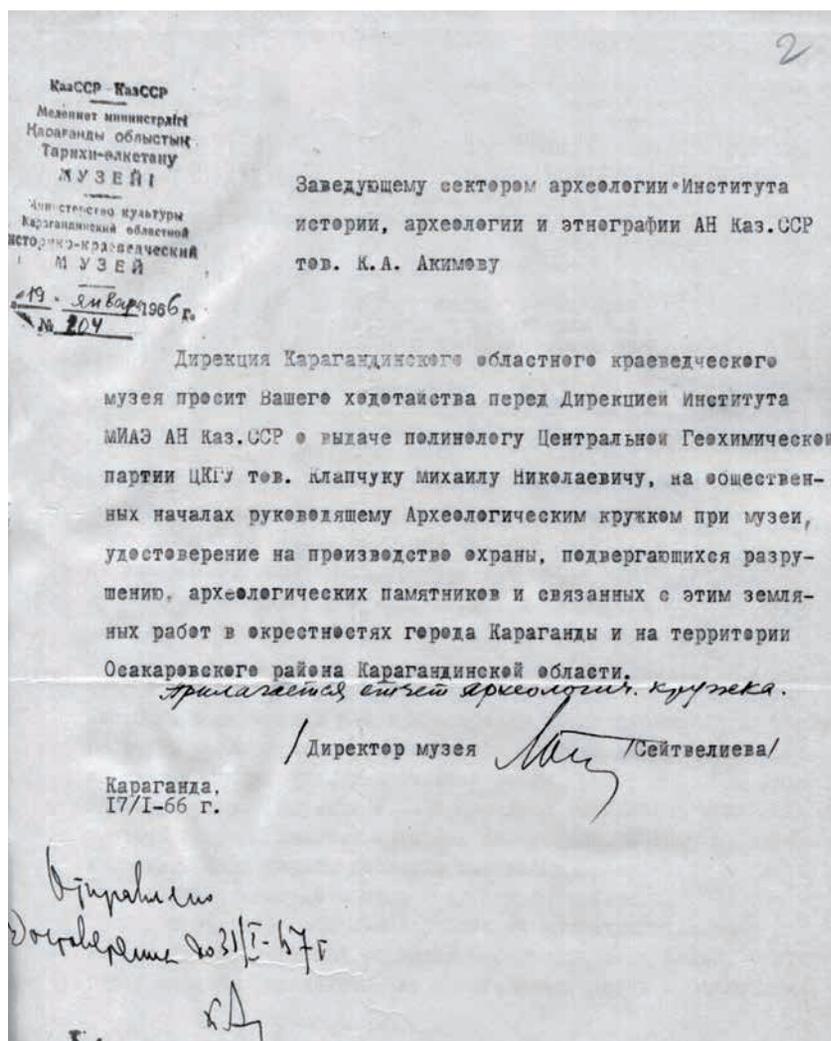


Рис. 18. Письмо из Карагандинского областного краеведческого музея на имя К. А. Акишева с просьбой выдать М. Н. Клапчуку Открытый лист (по: [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 692, л. 2])

первоклассный материал для изучения вопросов истории и культуры первобытно-общинного строя и процесса его разложения. Здесь сосредоточено большое количество различных памятников (могильники, поселения, древние рудные выработки, писаницы) этого времени, особенно много погребений, стоянок и поселений эпохи бронзы. Такое явление, несомненно, не является случайным. Центральный Казахстан был не только центром развития и распространения, но и, по-видимому, центром происхождения андроновской культуры.

Работы по этой тематике будет вести стационарная Центрально-Казахстанская экспедиция. Намечаются раскопки таких памятников, как неолитические стоянки Жеты-Коныра и на р. Сарысу; поселения и могильники эпохи бронзы на р. Атасу, Нуре, Талды-Нуре, в горах Бугулы, на Сангуыре, в Ельшибеке и Бель-асаре и другие, а также так называемые курганы с усами и древние рудные разработки Джекказгана, Атасу и

Каркаралинска.

На основании материалов этой экспедиции и предыдущих лет будет написана упомянутая выше монографическая работа «Древняя культура племен Центрального Казахстана», завершение которой планируется на 1963 г. [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 10, д. 125].

В дело изучения археологических памятников Карагандинской области большой вклад внес М. Н. Клапчук [см. материалы в настоящем сборнике: Волошин, 2017; Клапчук В.М., 2017; Кулаковская, 2017]. Им были открыты и исследованы сотни памятников, разбросанных на огромной по охвату территории. Яркой иллюстрацией деятельности М. Н. Клапчука в регионе является карта памятников, публикуемая в настоящем сборнике в статье В. С. Волошина [Волошин, 2017]. М. Н. Клапчук на общественных началах в Карагандинском областном краеведческом музее вел археологический кру-

жок (рис. 18), подготовил кандидатскую диссертацию на тему «Каменный век Центрального Казахстана», которую так и не защитил (рис. 19).

Во вступительной части к монографии «Древняя культура Центрального Казахстана» авторы укажут, что ЦКАЭ опиралась на поддержку организаций Улутауского, Жезказганского, Жанааркинского, Шетского, Актогайского и Каркаралинского районов, а также областных организаций Караганды. Далее поименно выражается благодарность археологам, принимавшим участие в работе ЦКАЭ: Л. Р. Кызласову, Г. И. Пацевичу, Т. Н. Сениговой, А. Г. Максимовой, Х. А. Алпысбаеву, Г. В. Кушаеву* [*Видимо, отчетливо Кушаева написано в сокращенной транскрипции – Валиевича, как часто встречается написание имени Оразбаева – Манап без первой части -Абду, -Абдул]. Также будут названы учебные заведения, студенты которых принимали участие в работе ЦКАЭ: КазГУ, КазПИ, Карагандинского пединститута [Маргулан и др., 1966, с. 8].

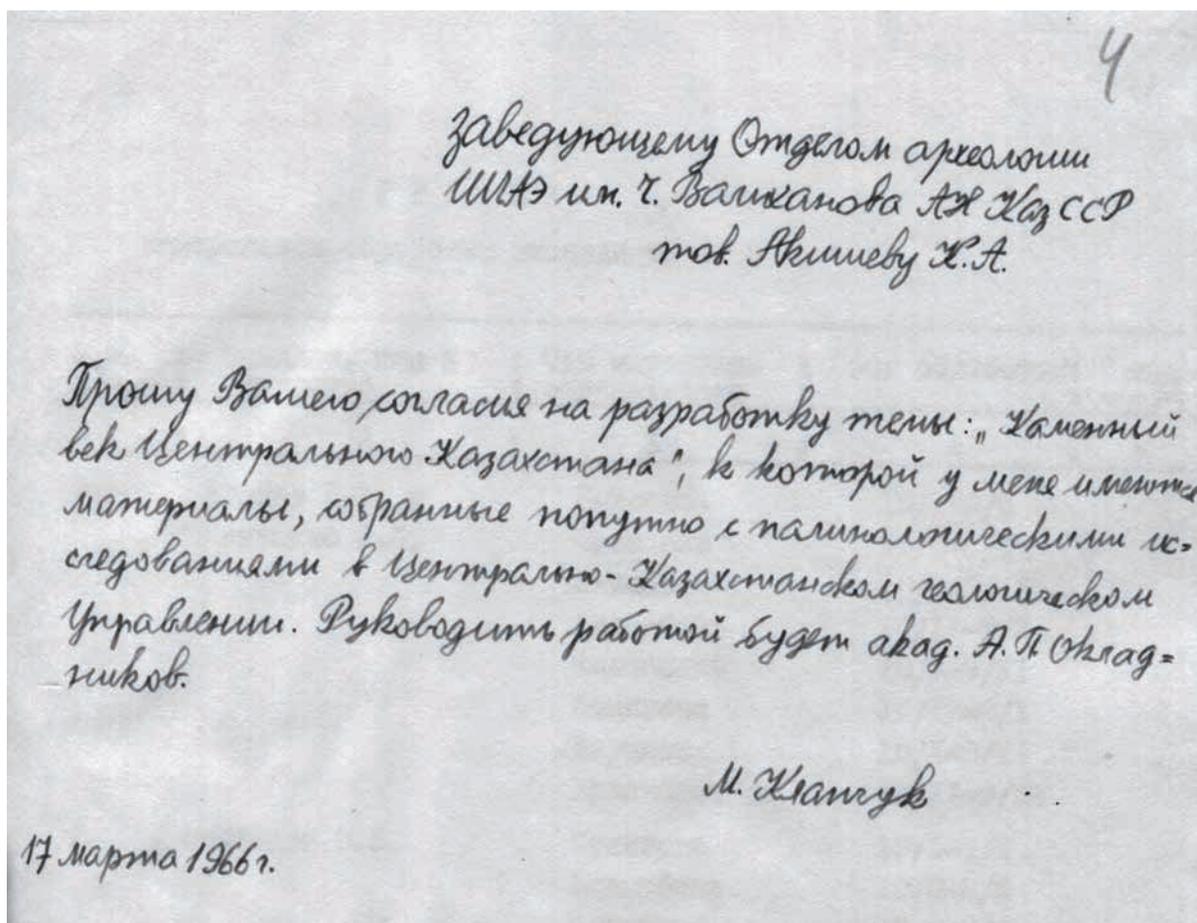


Рис. 19. Письмо М. Н. Клавчука на имя К. А. Акишева (по: [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 692, л. 4])

О сотрудницах сектора археологии середины прошлого века

В самом начале 1947 г. в отделе работали четыре сотрудницы: Е. Ю. Спасская, А. Г. Максимова, Т. Н. Сенигова и Е. И. Агеева. У Евгении Юрьевны была киевская школа археологии, Анны Георгиевны и Таисии Николаевны – московская и Евгении Ивановны – ленинградская. Все специалисты оказались в секторе археологии благодаря организаторскому таланту А. Х. Маргулана. В итоге все четверо навсегда связали свою судьбу с Казахстаном [Амиров, 2017; Анохина, 2011; Базарбаева, Джумабекова, 2017; Лукпанова, 2017; Петенева, 2017; Рогожинский, 2017].

Е. Ю. Спасская из четверых первой оказалась в секторе археологии, но проработала в нем незначительное количество времени, что было связано с проблемой финансирования ИИАЭ АН КазССР. Творчеству Е. Ю. Спасской посвящена специальная публикация в настоящем сборнике [Базарбаева, Джумабекова, 2017].

Большой вклад в археологическое изучение страны и в том числе Центрального Казахстана внесла Е. И. Агеева (1916–1964) (рис. 20). Творческий путь Евгении Ивановны в Институте истории АН КазССР начинается с 1 января 1947 г. Об этом свидетельствуют заявление с визой зав. сектора археологии А. Х. Маргулана (рис. 21) и выписка из приказа № 127 от 31 декабря 1946 г., сохранившиеся в личном деле исследовательницы [Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1 л/д, д. 24, л. 2]. В пункте 3 приказа № 59 от 22 мая 1947 г. уже значится: «Временно, впредь до вступления в должность зав. сектором археологии, к. и. н Черникова С. С. поручить с 23 мая с. г. заведывание сектором археологии МНС тов. Агеевой Е. И.» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 19, л. 60]. Приказ подписан директором ИИАЭ АН КазССР, действит. членом-корр. С. В. Юшковым.

В 1947 г. в секторе археологии произошло значительное событие, озвученное в приказе № 162 по ИИАЭ АН КазССР от 5 сентября за подписью директора Института д. и. н. Е. Бекмаханова. Документ свидетельствует об



Рис. 20. Евгения Ивановна Агеева и Героним Иосифович Пацевич. Чимкент, 1950. Фото из семейного архива А. Н. Подушкина

организации ЮККАЭ в составе: А. Н. Бернштама (нач.), Е. И. Агеевой (зам. нач.), Г. И. Пацевича (нач. отр.) и трех сотрудников – С. С. Сорокина, Г. А. Кушаева, Ю. А. Заднепровского [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 19, л. 169].

Еще один приказ за 1947 г., где присутствует имя Е. И. Агеевой (№ 229 от 22 декабря), подписанный директором ИИАЭ АН КазССР, д. и. н. Е. Бекмахановым, звучит так: «§ 1 – к. и. н. Черникова С. С. назначить на должность зав. сектором археологии по совместительству на полставки, с 1 декабря 1947 г.; § 2 – МНС сектора археологии тов. Агеевой Е. И., временно исполняющей обязанность зав. сектором археологии с 16 декабря с. г. обратиться к исполнению своих прямых служебных обязанностей» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 19, л. 238].

Одна из выписок из приказов свидетельствует о том, что в 1948 г. на Е. И. Агееву возлагались обязанности ученого секретаря Института

[Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1 л/д, д. 24, л. 4]. В выписке из протокола № 30 распорядительного заседания президиума АН КазССР от 28 февраля 1949 г. значится: «Утвердить с 16 января 1949 г. в должности старшего научного сотрудника, без ученой степени, Института истории, археологии и этнографии АН КазССР тов. Агееву Е. И.» [цит. по: Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1 л/д, д. 24, л. 6]. Однако, в связи с вопросом упорядочения зарплаты с 1 марта 1950 г. Е. И. Агеевой снова вернут звание мнс [Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1 л/д, д. 24, л. 7]. В период с 30 января 1951 г. по 7 мая 1955 г. Е. И. Агеева выполняла обязанности руководителя отдела археологии [Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1 л/д, д. 24, л. 9, 12]. В ноябре 1957 г. Е. И. Агеевой будет присвоено звание старшего научного сотрудника (рис. 22).

Основные вехи жизненного и творческого пути Е. И. Агеевой изложены в целом ряде автобиографий, отложившихся в личном деле исследовательницы (приложение 8). В дополненной автобиографии встречаем, что Е. И. Агеева обучалась по разряду «Археология Средней Азии». Исследовательница также пишет, что в 1939 г. она впервые выехала

в археологическую экспедицию в Семиречье, руководимую А. Н. Бернштамом. В 1940, 1941 гг. работая в этой же экспедиции на территории Казахстана и Киргизии, она принимала участие в раскопках таких памятников, как могильники Бериккара, Кенкол, городищ Сарыг, Якалыг и др. [Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1 л/д, д. 24, л. 56; Кузнецова, 2014, с. 59]. Беглый анализ автобиографий А. Х. Маргулана, Г. И. Пацевича и Е. И. Агеевой показывает, что начало трудовой деятельности у них связано с работой на железной дороге. В настоящем сборнике присутствует статья, в которой проанализирован вклад Евгении Ивановны в археологию раннего железного века Жетысу [Амиров, 2017].

О добросовестном и честном отношении к работе, четком выполнении своих служебных обязанностей, активном участии в общественной жизни Института, о высоких производственных показателях свидетельствует 15 записей, сделан-

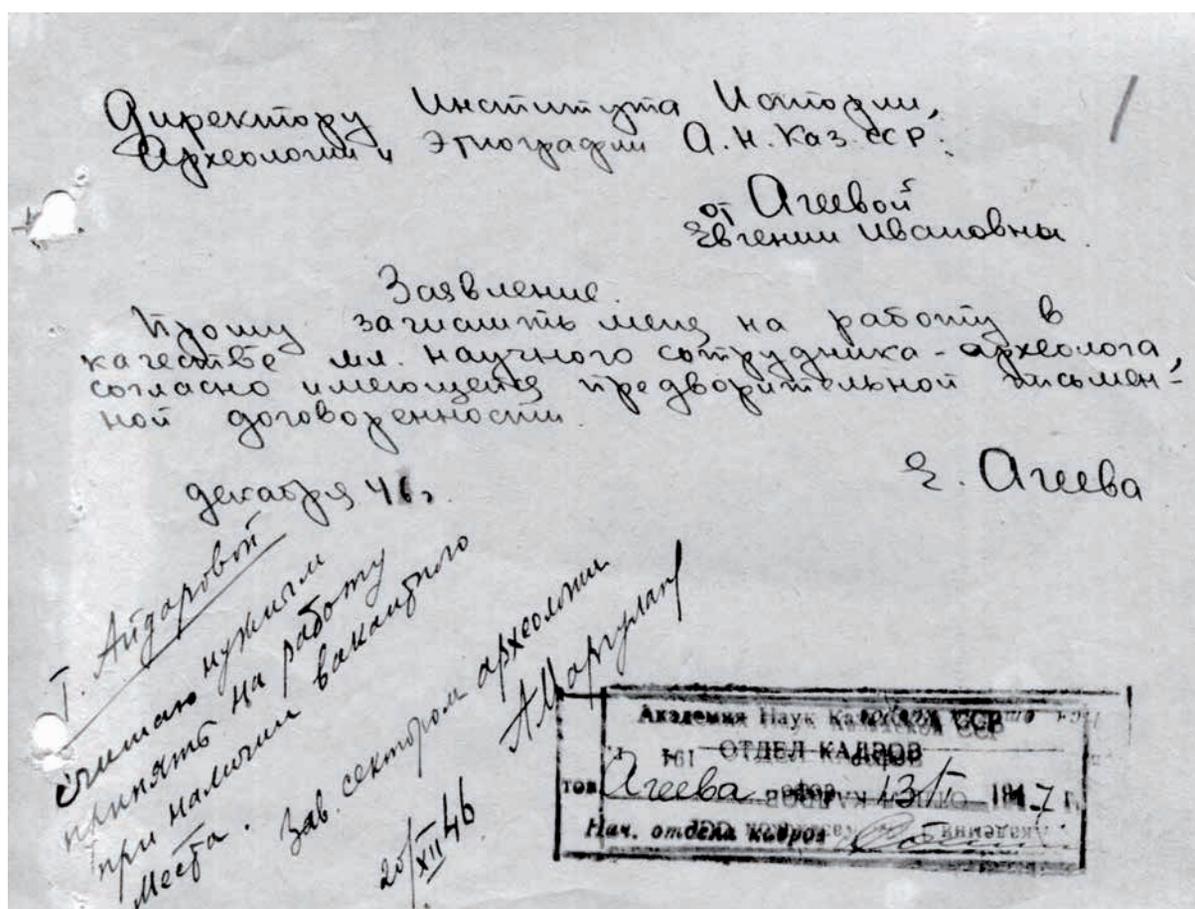


Рис. 21. Заявление Е. И. Агеевой с просьбой о зачислении на работу с визой А. Х. Маргулана
(по: [Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1 л/д, д. 24, л. 1])

ных в трудовой книжке Е. И. Агеевой. Только для того чтобы внести записи о поощрениях был заведен вкладыш к трудовой книжке, последняя запись в котором за номером 15 от 31 августа 1960 г. звучит так: «За большую работу, проделанную в подготовке к организации археолого-этнографической выставки на XXV международном конгрессе востоковедов в г. Москва, за добросовестное отношение к порученному делу объявить благодарность» [цит. по: Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1 л/д, д. 24, вкладыш в труд. кн., с. 10–11]. В 1945 г. Е. И. Агеева награждена медалью Верховного Совета КазССР «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» [Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1 л/д, д. 24, л. 30 об.].

Е. И. Агеевой и А. Г. Максимовой в рамках реализации проекта по составлению «Археологической карты Казахстана» проводились исследования в Павлодарской области [АКК, 1960]. Эмоции, которые вызывали эти работы, были озвучены Е. И. Агеевой в письмах, адресованных карагандинскому музееведу, известному краеведу, энтузиасту Л. Ф. Семенову [Шашенов, Базарбаева, 2017]. Поистине, объем проведенных казахстанскими археологами работ по созданию фундаментального труда, каковым

считается «Археологическая карта Казахстана», – титанический.

А. Г. Максимова с 1947 г. возглавляла отряд по изучению памятников эпохи бронзы Восточного Казахстана, работая долгое время в экспедиции, возглавлявшейся С. С. Черниковым. В Научном архиве «Гылым ордасы» отложились документы, свидетельствующие о сложных взаимоотношениях, возникших между археологами. Об этом, в том числе повествуется в эссе А. Е. Рогожинского в настоящем сборнике [Рогожинский, 2017]. На основе материалов, полученных А. Г. Максимовой в ходе раскопок и разведок на востоке страны, была подготовлена и успешно защищена кандидатская диссертация [Максимова, 1959]. Исследовательница также являлась исполнительницей археологической карты региона (рис. 23).

Т. Н. Сенигова, начиная с полевого сезона 1947 г., принимала участие в работах Хорезмской археологической экспедиции [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 19, л. 110]. Диссертация исследовательницы была посвящена керамике городища Алтын-асар. В Научном архиве «Гылым ордасы» сохранился протокол заседания от 29 декабря 1952 г., где обсуждалась кандидатская дис-

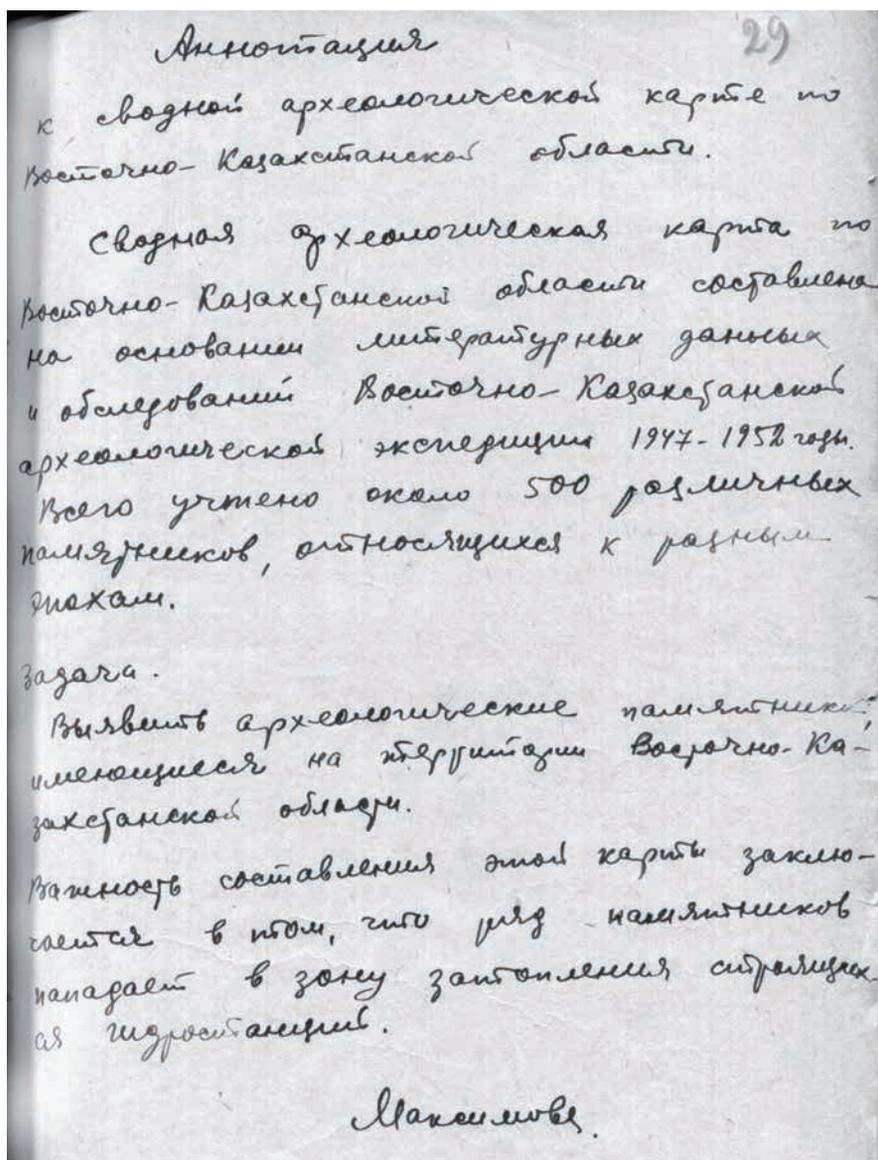


Рис. 23. Аннотация к археологической карте по ВКО, составленная А. Г. Максимовой (по: [НА "Гылым ордасы", ф. 11, оп. 1, д. 560, л. 29])

Автобиография исследователя – штрихи к портрету Гаяза Абдувалиевича (приложение 9). Он обучался в двух школах Алма-Аты – в №№ 26 и 33. В 1942 г. после окончания школы, в декабре был призван в армию. В 1944–1945 гг. служил в действующей армии, причем в 21 год в звании младшего лейтенанта на него было возложено командование ротой (рис. 24) [Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1 л/д, д. 67, л. 4 об.]. После окончания вуза он снова возвращается в Институт (рис. 25). Вклад Г. А. Кушаева в отечественную науку значителен. Он является одним из соавторов фундаментального исследования отечественных специалистов «Археологическая карта Казахстана». Ему принадлежит ряд работ по вопросам изучения культуры сарматов и усуней Жетысу, сарматов Западного

Казахстана. Монография Г. А. Кушаева, подготовленная и изданная в соавторстве с К. А. Акишевым, до сих пор востребована и актуальна [Акишев, Кушаев, 1963].

В характеристике от 22 ноября 1958 г., подписанной зам. директора ИИАЭ АН КазССР Г. Ф. Дахшлейгером, значится: «За время работы в Институте тов. Кушаев участвовал в археологических экспедициях Института в должности начальника отряда по обследованию памятников материальной культуры северных областей республики, принимал участие в Южно-Казахстанской экспедиции по раскопкам городища Баба-Ата. С 1955 г. он принимает участие в работе по составлению археологической карты Казахстана, одновременно с 1954 г. проводит сбор материалов к монографическому исследованию «Кочевые племена Илийской долины во II в. до н. э. – II в. н. э.»» [цит. по: Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1 л/д, д. 67, л. 19].

В характеристике от 29 июля 1966 г., подписанной директором ИИАЭ АН КазССР А. Н. Нусупбековым, секретарем партбюро Института Б. Н. Абишевой и председателем месткома А. С. Елагиним, значится: «В 1965 г. тов. Кушаев Г. А. успешно защитил кандидатскую диссертацию, в настоящее время является одним из исполнителей коллективной работы на тему: «Древняя история Семиречья», работает над сбором материалов по памятникам Алакульской впадины.

Тов. Кушаев является членом Республиканского педсовета, занимается вопросами краеведения и пропагандой исторических знаний среди школьников города. Он ежегодно привлекает к полевым работам учащихся старших классов, заинтересовывая их археоло-



Рис. 24. Гаяз Абдувалиевич Кушаев в военной форме, 1945 (по: Щелоков, Интернет-ресурс)

гией» [цит. по: Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1 л/д, д. 67, л. 37].

Г. А. Кушаев проработал в отделе археологии ИИАЭ АН КазССР до августа 1967 г. Выписка из приказа № 120 от 17 августа 1967 г. за подписью директора ИИАЭ АН КазССР А. Нусупбекова звучит: «Пункт 2. Кушаева Г. А. – МНС отдела археологии освободить от занимаемой должности с 22 августа с/г как прошедшего по конкурсу в Уральском пединституте. Бухгалтерии выдать полный расчет по 21 августа включительно. Основание: вызов из Института № 697 от 7 августа 1967 г.» [цит. по: Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1 л/д, д. 67, л. 37].

Событие 1967 г. в творческой деятельности Г. А. Кушаева – начало разработки вопросов по древней истории населения Западного Казахстана. В очерке О. Щелокова приводится фрагмент воспоминания о Г. А. Кушаеве его друга, докт. филол. наук, профессора М. М. Тлеужанова: «Археологическими раскопками Кушаев занимался увлеченно, умел заинтересовать студентов. ... Гаяз Валиевич глубоко разбирался в вопросах корней казахского народа. Он – археолог и я – фольклорист находили точки соприкосновения в своих научных интересах. Я лишился друга – великолепного собеседника и яркого ученого. Ему было чуждо тщеславие, он работал очень скром-

но (а это мешает в наше время), не спеша, конкретизируя каждую деталь, каждую мысль так, чтобы она стала понятной молодым ученым. У него была хорошая интуиция, обычно присущая только великим ученым, помогающая ему через данные раскопок проникать в тайны далеких времен...» [цит. по: Щелоков, Интернет-ресурс].

Вместо заключения

Таковы штрихи к истории организации ЦКАЭ, которая оказалась переплетенной с историей создания Сектора–Отдела археологии ИИАЭ АН КазССР.

Науку творили личности, на судьбу которых наложили отпечаток суровые 1930-е гг. Родители К. А. Акишева и Х. А. Алпысбаева погибли во время голода. К. А. Акишев был воспитан в семье К. И. Сатпаева – родственника со стороны матери [Мобилизованный археологией, 2004], Х. А. Алпысбаев оказался в Каскеленском доме-интернате [Каменный век..., 1998; Базарбаева, 2017]. Неизгладимый отпечаток в характере и судьбах ряда фронтовиков оставила вторая мировая война – А. М. Оразбаева (рис. 26), К. А. Акишева, Г. А. Кушаева. Старейший археолог отдела – Г. И. Пацевич участвовал в действующей армии первой мировой войны и также вернулся оттуда инвалидом. А. Х. Маргулан и Е. И. Агеева в годы войны работали в тылу не покладая рук, не жалея сил и времени.

Работа отдела была организована таким образом, что результаты полевых исследований незамедлительно публиковались. Причем это было не простое перечисление фактов или описание материала. Требования к публикациям были очень высокими. Даже в элементарных сводах по библиографии вышедших в республике трудов по археологии или о результатах проведенных экспедиций, важным условием был выход на уровень теоретизирования. Один из итогов кропотливого труда – «Археологическая карта Казахстана» [АКК, 1960; Хабдулина, 2017].

Необходимость создания карты была озвучена А. Х. Маргуланом в 1948 г.: «...памятники старины выявлены далеко не всюду. Поэтому существенное значение имеет выявление новых объектов, нужных для составления полной археологической карты Казахстана с нанесением всех видов памятников» [цит. по: Маргулан, 1948, с. 9]. В этой же публикации А. Х. Маргулан отмечает значение научного творчества ряда специалистов для археологии Казахстана: М. П. Грязнова, Б. Н. Гракова, С. В. Киселева, О. А. Кривцовой-Граковой, С. С. Черникова, К. В. Сальникова и Г. В. Подгаецкого.

Первым названо имя Михаила Петровича Грязнова, побывавшего в Казахстане сначала в 1926 г. в составе экспедиции С. И. Руденко и исследовавшего группу андроновских курганов в актюбинских степях. Затем в 1933 г. в составе экспедиции ГАИМК под руководством П. С. Рыкова [Маргулан, 1948; 1979]. Однако, наибольший вклад в археологию Казахстана внесен М. П. Грязновым в деле воспитания специалистов. Под его руководством были подготовлены диссертации А. М. Оразбаева и К. А. Акишева [Толеубаев, 2017; Хабдулина, 2017]. С Михаилом Петровичем советовался М. К. Кадырбаев [Бейсенов, 2015; Вопросы археологии Казахстана, 1998; Смирнов, 2017; Тихонов, 2017]. Ленинградская школа археологии в лице ее ярких представителей С. И. Руденко, М. П. Грязнова (рис. 27; 28) оказала конструктивное влияние на сложение отечественной науки.

В публикации А. Х. Маргулана за 1948 г. уделено внимание результатам работ Б. Н. Гракова по изучению памятников андроновской культуры в Западном Казахстане и, особенно, выделен очерк, составленный московским исследователем до начала проведения работ в нашей стране [Маргулан, 1948; Граков, 1930].

Среди исследователей, занимавшихся вопросами изучения оседлой культуры, А. Х. Маргулан называет имена: А. Ю. Якубовского, В. М. Массона, А. Н. Бернштама, Г. В. Григорьева, В. Д. Городецкого, А. Х. Маргулана и Г. И. Пацевича.

Московская школа археологии также оставила след в отечественной науке – это имена Б. Н. Гракова, С. В. Киселева, О. А. Кривцовой-Граковой, А. Г. Максимовой, Т. Н. Сениговой,

Л. Р. Кызласова (рис. 29)* [*Благодарим Н. Ю. Смирнова за фото] и др. В настоящем сборнике публикуется две статьи москвичей – Л. Р. Кызласова об А. Х. Маргулане и И. Л. Кызласова об отце [Кызласов Л.Р., 2017; Кызласов И.Л., 2017], в которых много теплых слов сказано в адрес школы МГУ, где впоследствии прошел закалку известный специалист С. М. Ахинжанов (рис. 30)* [*Благодарим И. Л. Кызласова за помощь в подборе и идентификации фото с С. М. Ахинжановым] [Байпаков, 2017; Акынжан, 2017]. Сержан Мусатаевич являлся руководителем ЦКАЭ после М. К. Кадырбаева.

Знаковым для казахстанской археологии является имя М. К. Кадырбаева (рис. 31) [см. материалы сб.: Марьяшев, 2017; Жауымбаев, 2017;

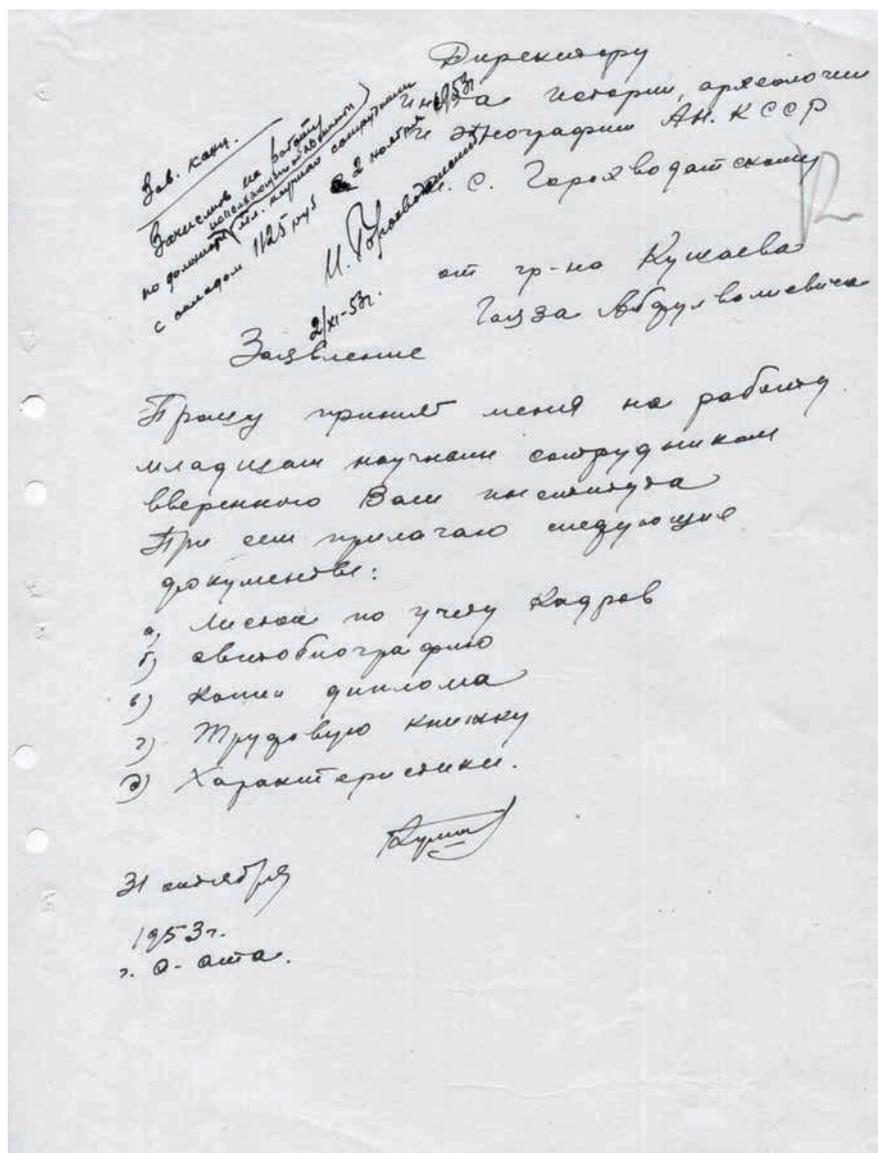


Рис. 25. Заявление Г. А. Кушаева с просьбой зачислить в штат Института, написанное по окончании вуза (по: Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1 л/д, д. 67, л. 12)



Рис. 26. А. М. Оразбаев в военные годы
(по: [Бейсенов, 2015, с. 45])

Ермоленко, 2017; Ермолаева, 2017], специалиста, открывшего новую культуру эпохи раннего железного века – тасмолинскую. На карте Центрального Казахстана появились новые памятники этого удивительного отрезка истории. В настоящее время общее число изученных раскопками погребений перевалило за отметку двух сотен [Бейсенов, Базарбаева, Дуйсенбай, 2017]. Наследие, оставленное М. К. Кадырбаевым, уникально. Его труды являются хрестоматийными и таят в себе еще множество открытий. Миром Касымовичем впервые были проанализированы отдельные категории предметов, в том числе особенное внимание уделялось исследователем изучению вопросов формирования и генезиса сакского звериного стиля. На основе анализа древностей раннего периода Тасмолы археологом выдвигался тезис о единстве, родстве, близости культур, распространившихся в Сарыарке, Жетысу, Южном Приаралье и Восточном Казахстане [Кадырбаев, 1966]. Еще в 1959 г. специалистом выдвигался тезис о западных пределах распространения Тасмолы. Исследователь писал, что граница тасмолинской культуры – это тургайские степи [Кадырбаев, 1959]. Во многом источником для подготовки диссертации, а далее объектом его исследований служил материал, добытый в ходе экспедиций А. Х. Маргулана (рис. 32), А. М. Оразбаева, К. А. Акишева. В пользу этого ярко свидетельствуют названия памятников, содержащие архаические пласты и отражающие знания по топонимике, зафиксированные в памяти казахской культуры.

Мир Касымович в Центральном Казахстане открыл тасмолинскую культуру, впервые раскопал памятники с головными жертвенниками в местности Коргантас. Оба этих названия в настоящее время сохранены – тасмолинская культура (тасмолинский период) и коргантаский период. Возможно, со временем третий и завершающий период раннего железного века Центрального Казахстана специалисты назовут канаттаским, – вслед за раскопками М. К. Кадырбаева. Он ушел во время своей блестящей работы на Атасу, успев только открыть уникальные медеплавильные комплексы и увидеть замечательную перспективу. Его путь прервался, все его работы остались незавершенными. Но исследования в бескрайних просторах его любимого мелкосопочника продолжают.

В качестве одного из признаков тасмолинской культуры М. К. Кадырбаев обосновывал такой вид памятников, как курганы с каменными грядами, закрепившиеся в науке также под названием «курганы с “усами”». А. Х. Маргулан на-

В качестве одного из признаков тасмолинской культуры М. К. Кадырбаев обосновывал такой вид памятников, как курганы с каменными грядами, закрепившиеся в науке также под названием «курганы с “усами”». А. Х. Маргулан на-



Рис. 27. А. Х. Маргулан и М. П. Грязнов.
Фото из личного архива А. З. Бейсенова



Рис. 28. Слева направо: А. М. Оразбаев с сыном Аликеем, М. Н. Комарова, Х. А. Алтысбаев (по: [НА «Гылым ордасы», ф. 81, оп. 1, д. 59, фото 47])

зывает такие памятники солнечными курганами, поскольку гряды, как правило, тянутся на восток. В настоящее время наибольшая концентрация памятников такого типа наблюдается в Центральном Казахстане. По не полным данным, здесь фиксируются около 400 объектов [Бейсенов, 2015б]. Многие вопросы этих курганов всё ещё ждут своего решения, в особенности, - вопросы их культурно-хронологической принадлежности. В настоящее время среди областных центров наибольшая концентрация квалифицированных археологов сконцентрирована именно в Караганде. О вкладе карагандинской школы археологии в изучение древностей Центрального Казахстана говорится в специальной статье настоящего сборника [Бедельбаева, Усманова, 2017].

Возвращаясь к вопросу об изучении курганов с каменными

грядами, отметим, что данная тема актуальна и в настоящее время, несмотря на то, что с момента обоснования выделения тасмолинской культуры минуло уже более полувека [Кадырбаев, 1966]. В настоящем сборнике представлены три публикации на эту тему. Краткий анализ статей позволяет выделить в пределах Сарыарки улытау-тургайский регион, где в настоящее время фиксируется порядка сотни объектов. Значительно уступает ему в этом отношении верхнетобольский регион, где всего зафиксировано девять подобных комплексов [Бейсенов и др., 2017]. В 2015 г. в научный оборот введены данные о 18 курганах с каменными грядами Иргиза [Мамедов, 2015].

В середине 1960-х в отделе археологии ИИАЭ АН КазССР сформировалось три крупных специалиста по раннему железному веку – К. А. Акишев, Г. А. Кушаев и М. К. Кадырбаев. Судьбы К. А. Акишева и Г. А. Кушаева оказались во многом схожие (рис. 33). Почти ровесники, несмотря на год разницы, оба закончили 10-й класс алмаатинских школ в 1942 г.* [*К. А. Акишев окончил с. ш. № 25]; прошли сквозь горнило войны. Старт в большую науку начинался с экспедиций ИИАЭ АН КазССР. Однако, несмотря на то, что Г. А. Кушаев раньше всех начал работать в Институте, он позже всех, в возрасте 40 лет, защитил кандидатскую диссертацию. Видимо, основная причина кроется в том, что в то время по Центральному Казахстану материала для защиты было накоплено гораздо больше, чем по Жетысу.

След, оставленный в археологии



Рис. 29. М. П. Грязнов, М. Н. Комарова и Л. Р. Кызласов, дома у М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой (квартира на Васильевском острове в Ленинграде), 1975 (по: НА ИИМК РАН. РО, ф. 91, оп. 2, д. 50)



Рис. 30. С. М. Ахинжанов в студенческие годы, 1 мая 1963. Фото из личного архива сотрудника ИА РАН В. В. Сидорова

Центрального Казахстана Г. А. Кушаевым, – это статья «Шертовьянник и некоторые типы погребальных сооружений ранних кочевников Центрального Казахстана», которая, видимо, так и осталась в рукописном варианте. В списке трудов из личного дела исследователя данная работа значится «В печати» и на момент составления списка она находилась в редакции журнала «КСИИМК». Указанный год – 1960. Объем – 10 стр. [Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1 л/д, д. 67]. Кроме того, Г. А. Кушаев также является одним из соавторов «Археологической карты Казахстана» [АКК, 1960].

Также в работе ЦКАЭ принимал участие известный казахстанский археолог Н. П. Подушкин. Под руководством А. Х. Маргулана в полевых сезонах 1950–1951 гг. Николай Павлович раскапывал могильники андроновской культуры по рекам Нура, Шерубай-Нура* [*Благодарим А. Н. Подушкина за консультацию] (рис. 34). В годы работы в ЦГМ Н. П. Подушкин активно сотрудничает с сектором археологии, принимает участие в экспедициях ИИАЭ АН КазССР (рис. 35).

Интересные факты, касающиеся исследований ЦКАЭ, изложены в статье М. К. Хабдулиной, публикуемой в настоящем сборнике. Среди перечисленных Марал Калымжановны лаборантов, принимавших участие в работе над археологиче-

ской картой, встречается имя Ф. Х. Арслановой [Хабдулина, 2017]. Ф. Х. Арсланова, прошедшая закалку в составе ЦКАЭ, стала впоследствии маститым специалистом. Под руководством А. Х. Маргулана ею была подготовлена и блестяще защищена в 1964 г. кандидатская диссертация на тему «Археологические памятники Среднего Прииртышья» (рис. 36). В автореферате исследовательница напишет: «Серьезный вклад в археологическое изучение Павлодарского Прииртышья внесли работы экспедиций ИИАЭ АН КазССР в районы освоения целинных земель в 1955 г. (Е. И. Агеева, А. Г. Максимова). Эти работы положили начало систематическому исследованию археологических памятников на научной основе. С 1960 г., в связи с началом строительства на трассе канала Иртыш–Караганда, археологические работы проводила ЦКАЭ, руководимая академиком АН КазССР А. Х. Маргуланом. Один из отрядов экспедиции под руководством А. М. Оразбаева провел раскопки памятников эпохи бронзы, а второй, руководимый М. К. Кадырбаевым, – раскопки памятников ранних кочевников. Как видно из обзора археологического изучения Павлодарского Прииртышья, вопросами исследования памятников VII–XII вв. на этой территории никто специально не занимался. Осуществление этой задачи стало основной проблемой отряда, который под руководством автора два сезона (1960–1961) работал в составе ЦКАЭ* [*Курсив наш – авт.] в северных районах Павлодарской обл. Археологические материалы, полученные за этот период, явились основой данной работы»



Рис. 31. Мир Касымович Кадырбаев, 1966. По словам В. М. Кадырбаева фото сделано на складах АН КазССР. Фото из семейного архива В. М. Кадырбаева



Рис. 32. А. Х. Маргулан и А. М. Оразбаев в экспедиции.
Фото из личного архива А. З. Бейсенова

[цит. по: Арсланова, 1964, с. 4]. В 2013 г. благодаря З. Самашеву и Б. М. Хасеновой, а также группе археологов из Филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астане, в научный оборот в виде монографии Ф. Х. Арслановой, вышедшей в серии «Материалы и исследования по археологии Казахстана» были введены новые данные из наследия, оставленного исследователем [Арсланова, 2013].

Безусловно, основная заслуга в создании археологической карты Казахстана принадлежит К. А. Акишеву – несгибаемому человеку с сильным, волевым характером, воплотившим при подготовке данной работы опыт, полученный в годы войны [Хабдулина, 2017]. Кималь Акишевич на протяжении ряда лет, начиная с 1955 г., являлся бессменным руководителем отдела археологии. За эти годы им был сформирован сплоченный коллектив.

Поколение руководителей Сектора–Отдела археологии: А. Х. Маргулан, Е. И. Агеева, С. С. Черников и К. А. Акишев характеризует доскональный анализ ситуации по изучению памятников историко-культурного наследия. Ими регулярно публиковались результаты мониторинга проведенных исследований. Данные по изучению

памятников археологии тщательно анализировались. От внимания специалистов не ускользали сведения ни о раскопках, ни о случайных находках. Так в специальной статье А. Х. Маргулана и Е. И. Агеевой за 1948 г. «Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 гг.)» представлен мониторинг ситуации по регионам. Несмотря на то, что количество сведений было неравномерным, тем не менее, каждый регион выделен специалистами по отдельности.

В публикации С. С. Черникова за 1950 г. приводится краткий экскурс о работе четырех экспедиций: ЦКАЭ (рук. А. Х. Маргулан), ЮККАЭ (рук. А. Н. Бернштам), ВКАЭ (рук. С. С. Черников) и ХАЭ (рук. С. П. Толстов). Исследователь пишет, что организация в 1946 г. Центрально-Казахстанской экспедиции стало поворотным событием в деле археологического изучения Казахстана. Далее специалист отмечает, что ЦКАЭ под руководством А. Х. Маргулана исследует регион между оз. Балхаш и верховьями рек Ишима и Тобола. Корпус вопросов, поднятых в статье С. С. Черникова, хронологически разбивается на четыре части: проблема палеолита и неолита



Рис. 33. К. А. Акишев и Г. А. Кушаев.
Фото из семейного архива А. К. Акишева



Рис. 34. ЦКАЭ. Первый слева (в панаме) Н. П. Подушкин, К. А. Акишев (второй), третий не известен. Фото из семейного архива А. К. Акишева

та; эпоха бронзы; племенные союзы ранних кочевников; варварские государства. Освещая ситуацию археологического изучения страны, археолог знакомит с основными задачами, стоящими перед исследователями.

Примечательно, что в период становления археологической науки страны появляется критическая работа В. Ф. Шахматова «О некоторых ошибках в археологическом изучении Казахстана» [Шахматов, 1952]. Отметим, что в личном деле А. Х. Маргулана отложилась выписка из приказа № 136 по КазФАН СССР от 5 ав-

густа 1941 г. (п. 11) за подписью зам. пред. КФАН К. И. Сатпаева, которая гласит: «В связи с уходом в ряды Красной Армии зав. сектором истории т. Шахматова В. Ф. и. о. СНС т. Маргулан А. с 1/VIII – 41 г. назначить и. о. завед. Историческим сектором с окладом 1000 рублей в месяц» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1 л/д, д. 112].

Среди исследований В. Ф. Шахматова следует отметить разработку вопросов, связанных с изучением пастбищно-кочевой системы казахов; по историографии дореволюционного периода в истории Казахстана и мн. др. Возвращаясь к ана-

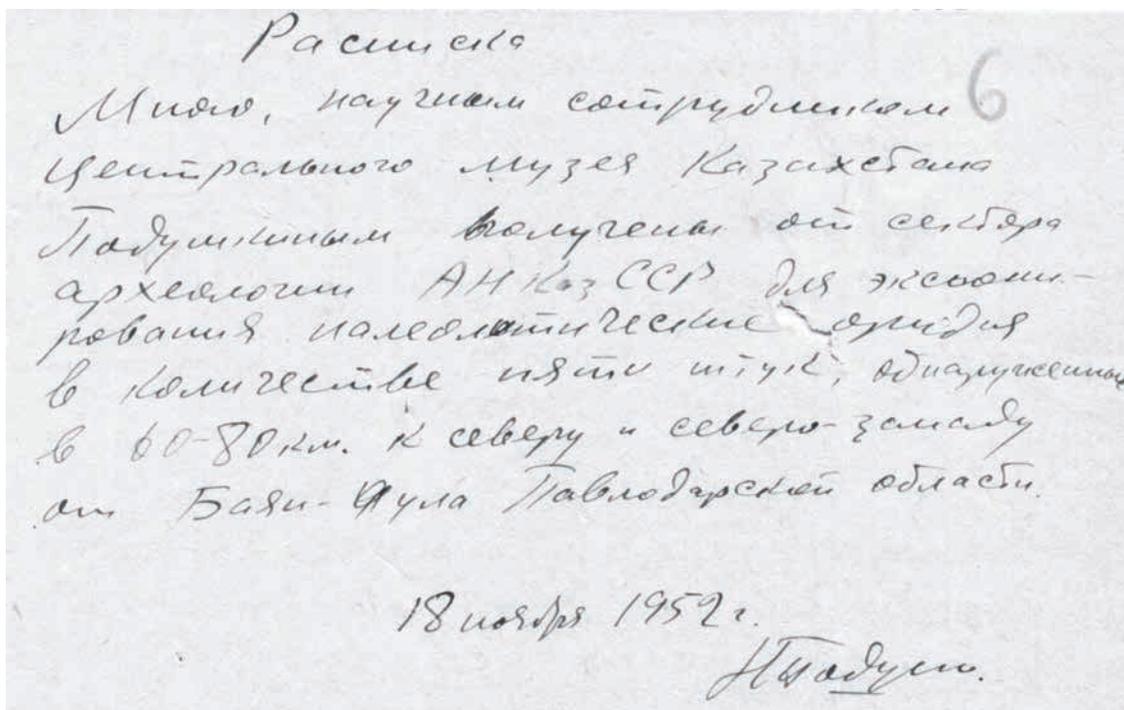


Рис. 35. Расписка в получении экспонатов из сектора археологии, написанная Н. П. Подушкиным (по: [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 560, л. 6])



Рис. 36. Археологи в день защиты диссертации Ф. Х. Арслановой, 1964. Слева направо: Ф. Х. Арсланова, неизвестная, Е. И. Агеева, А. М. Оразбаев, К. А. Акишев, М. П. Грязнов, А. Х. Маргулан, М. Н. Комарова (по: [Арсланова, 2013, с. 21])

лизируемой публикации, отметим, что замечания, высказанные в адрес археологов, в первую очередь базировались на критике «марризма» в науке. Исследователь ратует за отказ от использования принципа стадильности, указывает на так называемые скачки при интерпретации археологических материалов, проявляемых, по его мнению, в рассуждениях о смене культур. Пристальное внимание в публикации уделено критике мнений С. П. Толстова, А. Н. Бернштама, В. В. Бартольда, М. Е. Массона, А. Ю. Якубовского, С. С. Черникова, А. Х. Маргулана, Е. Бекмаханова, Х. Адильгирева.

Например, исследователь пишет: «Большая путаница имеет место и в области изучения древних топонимов и этнонимов, так как при разборе и анализе их археологи применяли марровскую четырехэлементную систему, приходя иногда к таким выводам и заключениям, которые могут вызвать только удивление. Характерными в этом отношении являются рассуждения С. П. Толстова о словах “Арысь”, “Аракс”, “Хорезм”, “Соғд” и др. А. Х. Маргулан о названии “Бегазы” пишет: «Само название гор и р. Бегазы сохраняет до наших дней древнее племенное название обитателей района. Здесь жили и погребались “беки”

из племени “азов”». Не менее характерны рассуждения А. Н. Бернштама о происхождении термина “казах”. Он считает его биномом двух этнонимов “каспи” и “саки”, не приводя никаких доказательств, кроме ссылок на Марра» [цит. по: Шахматов, 1950, с. 100]. В настоящее время многие критические замечания, высказанные В. Ф. Шахматовым, обрели доказательную базу, позволяющую археологам уверенно опровергнуть мнение историка. В частности, относительно интерпретации наскальных изображений уже стало аксиомой, что петроглифы – это рисунки, нанесенные на поверхность скал, иллюстрирующие не сцены из повседневного быта, как считал Шахматов, а результат неких обрядовых действий. Таких примеров множество.

Завершая обзор публикаций, характеризующих облик археологического изучения Казахстана середины прошлого века, отметим статью К. А. Акишева «Археология Казахстана за 40 лет» [Акишев, 1958].

В данной работе встречаем анализ ситуации, сложившейся за период функционирования в стране ряда экспедиций АН КазССР. Кроме того, в общих штрихах даны результаты 10 экспедиций в 10 областей Казахстана по составлению

археологической карты. К. А. Акишев отмечал, что результаты изучения культуры кочевников и городов позволяют заключить, что это был единый процесс развития экономики средневекового Казахстана. Статья К. А. Акишева завершается словами: «Воссоздание древнейшей истории Казахстана и кропотливое исследование материальной культуры древних племен – задача археологов Казахстана» [цит. по: Акишев, 1958, с. 89].

Таким образом, создание Центрально-Казахстанской археологической экспедиции – масштабное событие в истории отечественной науки. Оно было связано и с открытием Академии наук КазССР, и с организацией сектора археологии. Все три ключевых мероприятия пришлось на один год – 1946. Все три события напрямую были связаны с деятельностью президента Академии наук К. И. Сатпаева. Из ЦКАЭ, руководимой А. Х. Маргуланом, вырос сектор археологии.

В первые годы все сотрудники сектора работали, так или иначе, в русле деятельности ЦКАЭ. Это продолжалось и в последующие годы. ЦКАЭ послевоенных десятилетий – это школа воспитания многих археологов, этнографов, антропологов. Процесс создания сектора археологии прошел под флагом всей деятельности А. Х. Маргулана. Если вникнуть в содержание только просмотренных материалов и публикаций, то нельзя не увидеть огромную напряженную работу, которую взяли на себя великий сподвижник Аликей Маргулан и его соратники, археологи тех лет. Это было трудное время, люди были разные, с разным характером, были среди них несогласия, трения. Их объединяла одна большая и интересная работа. Наверное, можно считать, что это были счастливые люди, поскольку они каждый день, в каждый миг видели востребованность своего труда.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеева Е.И.** Состояние и задачи археологического изучения Казахстана // Сборник методических материалов по музейно-краеведческой работе. – Алма-Ата, 1950а. – С. 85–95.
- Агеева Е.И.** Хроника археологических исследований и находок на территории Казахской ССР за 1947 г. // Изв. АН КазССР. Сер. археол. – 1950б. – Вып. 2. – С. 148–150.
- Агеева Е.И.** Хроника археологических исследований и находок в Казахстане за 1948–1949 г. // Изв. АН КазССР. Сер. археол. – 1951. – Вып. 3. – С. 130–133.
- AzattyqLIVE: образ «Алашорды» в кинематографе. URL: <https://rus.azattyq.org/a/azattyqlive-obraz-alashordykino/27448509.html>
- Акишев К.А.** Археология Казахстана за 40 лет // Изв. АН КазССР. Сер. ист., археол. и этногр. – 1958. – Вып. 2. – С. 80–89.
- Акишев К.А., Агеева Е.И., Пацевич Г.И., Маргулан А.Х.** Основные итоги археологических работ на территории Казахстана в 1955 г. // Изв. АН КазССР. Сер. ист., экон., филос. и права. – 1956. – № 3. – С. 94–106.
- Акишев К.А., Байпаков К.М.** Вопросы археологии Казахстана. – Алма-Ата: Мектеп, 1979. – 160 с.
- Акишев К.А., Кушаев Г. А.** Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата: АН КазССР, 1963. – 298 с.
- АКК – Археологическая карта Казахстана. Реестр. – Алма-Ата: Издат-во АН КазССР, 1960. – 450 с.
- Акынжан Л.** Археолог Сержан Ахинжанов. Имя на Шелковом пути // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – С. 181–185.
- Ақымбек Е.Ш., Нұржанов А.Ә.** Г. И. Пацевичтің Шу-Талас өңірлеріндегі зерттеулері // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – С. 88–92.
- Алмату. Интернет-ресурс. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
- Алматы - 1000 лет. Интернет-ресурс. URL: <http://alma-ata2.narod.ru/History/history1000/Almaty1000.htm>
- Амиров Е.Ш.** Проблемы сако-усуньской археологии в научном наследии Е. И. Агеевой (третья четверть XX в.) // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – С. 126–129.
- Анохина Н.** Жизнь Евгении Юрьевны Спасской в Казахстане по воспоминаниям родных и переписке ученой // Ніжинська Старовина. – 2011. - Вип. 11 (14). - С. 51–56.

- Арсланова Ф.Х.** Археологические памятники Среднего Прииртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата: ИИАЭ АН КазССР, 1964. – 19 с.
- Арсланова Ф.Х.** Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. – Материалы и исследования по археологии Казахстана. – Астана: Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана, 2013. – Т. 3. – 405 с. Отв. ред. З. Самашев, сост. Б. М. Хасенова.
- Базарбаева Г.А.** Хасан Алпысбаев – первый исследователь древнекаменного века Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 157-163.
- Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С.** А. Х. Маргулан и Е. Ю. Спасская – первые исследователи культовых бронз Жетысу // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 76-79.
- Байпаков К.М.** Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI-начало XIII в.). – Алма-Ата: Наука, 1986. – 256 с.
- Байпаков К.М.** Археологические исследования в Казахстане (1991–1995) // РА. – 1996. – № 1. – С. 232–248.
- Байпаков К.М.** История развития археологии Казахстана в структурах Институтов истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР и Института археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК // Қазақстанның тарих ғылымы: III. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының 60-жылдығына арналады. – Алматы: “МерСал” баспа үйі, 2005. – С. 139–192.
- Байпаков К.М.** Урбанизация Жетысу и возраст города Алматы // Мир путешествий. Интернет-ресурс. URL: <http://mirp.kz/rus/articles/3/145>
- Байпаков К.М.** Сержан Ахинжанов – выдающийся археолог и востоковед Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 174-180.
- Байпаков К.М., Петенева Г.Г.** Институту археологии 10 лет // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2001. – № 1. – С. 3–31.
- Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К.** Археология Казахстана. Учебное пособие. – Алматы: “Қазақ университеті”, 2006. – 355 с.
- Байтанаев Б.Ә.** Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: негізгі қорытындылары мен келешегі // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991–2011): сб. научн. статей. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2011. – С. 4–15.
- Бедельбаева М.В., Усманова Э.Р.** Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция и карагандинская школа археологии: творческий союз исследователей древней истории Сарыарки // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 186-194.
- Бейсенов А.З.** Организация и ранний этап исследований Центрально-Казахстанской археологической экспедиции // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): матер. междунар. научн.-практич. конф. (20–23 апреля 2015). – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2015. – С. 40–47.
- Бейсенов А.З.** Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. – Алматы, 2015б. – С. 11–38.
- Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А., Дүйсенбай Д.Б.** Детские погребения сакской эпохи Центрального Казахстана // Самарский научный вестник. – 2017. – Т. 6, № 1 (18). – С. 89–94.
- Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А., Шашенов Д.Т.** О семье краеведов Ясенецких из Каркаралы // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 216-229.
- Бейсенов А.З., Логвин А.В., Базарбаева Г.А., Грудочко И.В., Сентов А.М.** Курганы с каменными грядами Западной Сарыарки // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 2. – С. 38-49.
- Библиография изданий Академии наук Казахской ССР 1932–1959. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – 1120 с.

- Биографика СПбГУ. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/1374-tomsinskij.html>
- Бисембаев А.А., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Амелин В.А., Баиров Н.М., Жанұзақ Р.Ж., Серік Г.С.** Работы на аварийном могильнике ранних кочевников Шпаки II в 2016 году (предварительное сообщение) // Современные методы и подходы в изучении историко-культурного наследия Казахстана и сопредельных стран: матер. междунар. научн.-методич. конф. “IX Оразбаевские чтения”, приуроченной к 95-летию А. М. Оразбаева (28–29 апреля). – Алматы: Казак университеті, 2017а. – С. 35–40.
- Бисембаев А.А., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т., Фоменко А.С.** Попытка применения фотограмметрии в качестве археологического метода фиксации при исследовании памятника ранних кочевников Шпаки II // Современные методы и подходы в изучении историко-культурного наследия Казахстана и сопредельных стран: матер. междунар. научн.-методич. конф. “IX Оразбаевские чтения”, приуроченной к 95-летию А. М. Оразбаева (28–29 апреля). – Алматы: Казак университеті, 2017б. – С. 110–112.
- Варфоломеев В.В.** Исследования Л. Ф. Семенова в местности Мырзашоки в 1952 г. // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 205-208.
- Волошин В.С. М. Н. Клапчук – первый профессиональный археолог Караганды** // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 130-136.
- Вопросы археологии Казахстана: сб. ст., посвящ. памяти М. К. Кадырбаева. Отв. ред. З. Самашев. – Алматы–М., 1998. – Вып. 2. – 234 с.
- Граков Б.Н.** Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. – Кзыл-Орда: Казиздат, 1930. – 20 с.
- Домбровский Ю.** Хранитель древностей. Собр. соч. в шести томах. – М.: Изд-во «Терра», 1992. – Т. 4.
- Ергалиева Ж.** Литературная жизнь Казахстана в творчестве Юрия Домбровского // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2012. - № 3(137). - С. 36-40.
- Ермолаева А.С.** Мои университеты с Миром Касымовичем Кадырбаевым // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 167-171.
- Ермоленко Л.Н.** Ностальгия по ЦКАЭ // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 172-173.
- Жауымбаев С.У.** Менің ұстаздарым // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 99-102.
- Кадырбаев М.К.** Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. – 1959. – Т. 7. – С. 162–203.
- Кадырбаев М.К.** Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303–433.
- Каменный век Казахстана и сопредельных территорий: матер. междунар. конф., посвящ. 70-летию Х. А. Алпысбаева. Отв. ред. Ж. К. Таймагамбетов. – Туркестан: Институт археологии им. А. Х. Маргулана; МКТУ им. Х. А. Ясауи, научно-исследовательский центр истории и археологии, 1998. – 283 с.
- Клапчук В.М.** Известный археолог Прикарпатья. Об украинском этапе научной деятельности Михаила Клапчука // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 140-145.
- Косенко П.** Юрий Домбровский. Хранитель древностей // Родина. - 2004. - № 2. Интернет-ресурс. URL: <http://ermitazh.theatre.ru/people/creators/writers/dombrovsky/15062/>
- Кузнецова О.В.** Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция (ЮККАЭ): научные биографии участников и библиография исследований. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. – 252 с.
- Кулаковская Л.В.** Палеолитические изыскания М. Н. Клапчука в Украине // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 137-139.

- Кызласов И.Л.** Археолог Леонид Романович Кызласов. Биографический очерк // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 108-118.
- Кызласов Л.Р.** Слово об Алке Маргулане // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 70-75.
- Лукпанова Я.А.** Археологическое изучение Западно-Казахстанской области // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: матер. междунар. научн. конф., посвящ. 20-летию Независимости РК и 20-летию ИА КН МОН РК. – Алматы: Институт археологии им. А. Маргулана, 2011. – С. 69–82.
- Лукпанова Я.А.** Костюм женщины сарматской эпохи: опыт реконструкции // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: сб. научн. ст., посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. – Астана: НИИ им. К. А. Акишева ЕНУ им. Л. Гумилева, 2014. – С. 430–440.
- Лукпанова Я.А.** Археологические исследования Т. Н. Сениговой в Западно-Казахстанской области // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 153-156.
- Максимова А.Г.** Эпоха бронзы Восточного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7. Археология. – 1959. – С. 86–139.
- Мамедов А.М.** Комплексы курганов с «усами» Западного Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 160–165.
- Маргулан А.Х.** Некоторые итоги и перспективы археологического изучения Казахстана // Изв. АН КазССР. Сер. археол. – 1948. – Вып. 1. – С. 3–9.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 360 с.
- Маргулан А.Х., Агеева Е.И.** Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 гг.) // Изв. АН КазССР. Сер. археол. – 1948. – Вып. 1. – С. 124–135.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.** Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 434 с.
- Маргуланов А.Х.** Найманы // Материалы Комиссии экспедиционных исследований. Сер. Казакстанская. – Л.: АН СССР, 1930. – Вып. 15. Казаки: сб. статей антропол. Казакстан. экспедиции АН СССР. Исслед. 1927. Ред. С. И. Руденко. – С. 329–334.
- Марьяшев А.Н.** Семь лет с Миром Касымовичем Кадырбаевым // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 164-166.
- Методические разработки по экскурсионной деятельности // Казахская академия спорта и туризма. НИИ туризма. Туристский информационно-методический центр. Интернет-ресурс. URL: http://timc.kz/metodika/article_post/nachalo-20-kh-godov-konets-80-kh-godov-khkh-veka
- Министерство внутренних дел РК. Интернет-ресурс. URL: http://mvd.gov.kz/portal/page/portal/mvd/mvd_page/mvd_memorial/mObl2/mObl2_%D0%94/2434415BFC403BCDE054002655122E6A
- Мобилизованный археологией. К 80-летию Акишева К. А. (1994 – 2003). Отв. ред. М. К. Хабдулина. – Астана: ЕНУ, 2004. – 140 с.
- Мұсатайұлы А.** Археолог ғалымдар // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 65-69.
- Нурмуханбетов Б., Загородний А.** Путь к «Золотому воину» // Памятники истории и культуры Казахстана. Сб. подг. центральным советом ООПИК КазССР. – Алма-Ата: «Өнер», 1984. – С. 58–63.
- Об Институте. Интернет-ресурс. Официальный сайт Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова. URL: http://iie.kz/?page_id=69&lang=ru
- Петенева Г.Г.** Остался мой след далеко за порогами. С моими трудами, с моими тревогами // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 149-152.
- Попов Ю.** Академик Маргулан – наставник краеведов // Индустриальная Караганда, 2011, 16 августа.

- Рогожинский А.Е.** Труженица археологии // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 146-148.
- Савельева Т.В.** К истории археологического изучения Казахстана (1917–1975) // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. – 1976. – № 4. – С. 90–93.
- Сакский курган в центре Алматы. Интернет-ресурс. URL: <http://www.voxpopuli.kz/main/sakskiy-kurgan-v-centre-almaty-12563.html>
- Сатпаев К.И.** Доисторические памятники в Джезказганском районе // Народное хозяйство Казахстана. – Алма-Ата, 1941. – С. 69–72.
- Сатпаева Ш.** Свет очага. Интернет-ресурс. Казахская электронная библиотека (Онлайн-библиотека № 1). URL: <http://bibliotekar.kz/svet-ochaga-shamshijabanu-satpaeva/satpaev-abikei-zeinovich.html>
- Сатыбалдиева М.** Археологические изучения Жетысу (1860–1930-е гг.) // Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования: матер. междунар. научн.-метод. конф. «VIII Оразбаевские чтения», приуроч. к 25-летию независимости Республики Казахстан (Алматы, 1–2 апреля 2016). – Алматы: «Қазақ университеті», 2016. – С. 166–170.
- Семенов Л.Ф.** Краткий отчет по раскопкам могил андроновской культуры Мырзашоки // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 198-204.
- Сенигова Т.И.** Археологические экспедиции 1950 г. // ВАН КазССР. – 1951. – № 1. – С. 134–137.
- Смирнов Н.Ю.** Один на всех. К эпистолярным связям М. П. Грязнова и лидеров казахской археологии второй половины XX века // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 230-247.
- Солотчин Ю.** В глубь веков // Алма-Атинская правда, 1954, 24 ноября.
- Тихонов С.С.** Вклад М. П. Грязнова в археологию Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 93-98.
- Толеубаев А.Т.** Место и роль А. М. Оразбаева в археологии Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 103-107.
- Хабдулина М.К.** Беззаветное служение археологии // Мобилизованный археологией: сб. научн. ст. 80-летию Акишева К. А. (1994–2003). – Астана: ЕНУ, 2004. – С. 9–23.
- Хабдулина М.К.** К. А. Акишев и Ишимская археологическая экспедиция // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 119-125.
- Черников С.С.** Основные проблемы археологического изучения Казахстана // Изв. АН КазССР. Сер. ист. – 1950. – Вып. 5 (№ 77). – С. 63–70.
- Шахматов В.Ф.** О некоторых ошибках в археологическом изучении Казахстана // ВАН КазССР. – 1952. – № 1 (82). – С. 90–101.
- Шашенов Д.Т., Базарбаева Г.А.** Письма археологов краеведу Л. Ф. Семенову // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 209-215.
- Щелоков О.** Гаяз Абдулвалиевич Кушаев. Биографическая канва. URL: <http://ibirzha.kz/moi-uchitelya-2/>
Энциклопедия Алматы. Интернет-ресурс. URL: <http://almatykala.info/thesaurus/dubickiy-boris-nikoaeovich.html>
- Юрий Домбровский // Люди. Интернет-ресурс. URL: http://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/yuriy_dombrovskiy/

Архивные материалы

- Агеева Е.И. Личное дело // Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1 л/д, д. 24, 101 л.
- Альбом с фотографиями Х. А. Алпысбаева разных лет жизни (1943–1977) // НА «Гылым ордасы», ф. 81, оп. 1, д. 59, 85 фотоснимков.
- Выдающиеся ученые КазФАН СССР. Портреты работы В. Лаврентьева // НА «Гылым ордасы», ф. 86, оп. 1, д. 584, 74 л.
- Доклад К. А. Акишева «Некоторые итоги и перспективы археологии Казахстана за период 1946–1956 гг.» // НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 10, д. 125, 14 л.
- Документы по обсуждению монографии «Древняя культура племен Центрального Казахстана» (по присуждению премии им. Ч. Ч. Валиханова авт. А. Х. Маргулан и др.) // НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 642.
- Документы по организации археологических исследований и другим научно-организационным вопросам Сектора. Постановления и распоряжения СНК КазССР, докладные и переписка // НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 543, 98 л.
- Кушаев Г.А. Личное дело // Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1 л/д, д. 67, 38 л.
- Маргулан А.Х. Личное дело // НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1 л/д, д. 112, 201 л.
- Материалы об организации и проведении юбилейной выставки, посвященной 25-летию КазССР (01.07.1946–10.07.1946) // НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 55, 180 л.
- Материалы об организации и результатах обследования историческим сектором Казахского филиала и институтом национальной культуры памятников материальной культуры древнего Казахстана (план, отчет, справки, фотографии, переписка). 1935–1937 гг. // НА «Гылым ордасы», ф. 1, оп. 1, д. 254, 134 л.
- Материалы по проведению 1й сессии АН КазССР за 1946 г. // НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 52, 237 л.
- Объяснительная записка к плану сектора археологии // НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 76, 5 л.
- Отчет о деятельности Отделения общественных наук АН КазССР за 1946 г. // НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 10, д. 2, 99 л.
- Отчет о научной деятельности АН КазССР за 1946 г. Алма-Ата, 1947 // НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 34, 59 л.
- Отчет о научной работе Исторического сектора (1936–1937 гг.) (План НИР исторического сектора КазФАН СССР на 1937 г.) // НА «Гылым ордасы», ф. 1, оп. 1, д. 345, 21 л.
- Отчет о научно-исследовательской работе секторов и отделов Института за 1946 г. // НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 9, 18 л.
- Отчет о работе Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. За время с 1-го января по 31-е декабря 1946 г. В: Отчеты о научно-исследовательской работе учреждений Академии наук КазССР за 1946 г. Т. 2. // НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 36, 176 л.
- Пацевич Г.И., археолог. Послужные списки 1918, 1924 гг. // НА «Гылым ордасы», ф. 99, оп. 1, д. 4, 10 л.
- План работ и отчет о работе Сектора–Отдела археологии за 1952 г. Переписка по археологическим исследованиям и другим вопросам работы отдела. Перечень научных отчетов и статьи по итогам работ ЦКАЭ за 1946–1952 гг. // НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 560, 116 л.
- План экспедиционных работ Института на 1946 год // НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 6, 7 л.
- Приказы Института истории, археологии и этнографии КазФАН СССР, 1946 // НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 4.
- Приказы Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, 1947 // НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 19.
- Протоколы заседаний Президиума Академии наук КазССР. Положения об отделах и учреждениях Академии наук КазССР // НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 13, 172 л.
- Протоколы и выписки из протоколов расширенных заседаний Ученого Совета Института языка и литературы (28.01.1946 – 30.11.1946) // НА «Гылым ордасы», ф. 80, оп. 1, д. 11, 100 л.
- Пятилетние планы научно-исследовательских работ Института и его секторов на 1946–1950 гг. // НА «Гылым ордасы», ф. 1, оп. 1, д. 5, 47 л.
- Сатпаев К.И. Состояние и основные проблемы науки в Казахстане. В: Доклады ученых на торжественном заседании, посвященном открытию АН КазССР 1–6 июня 1946 г. // НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 38.

А. Х. Маргулан. План археологической экспедиции в Центральный Казахстан на 1946 год

Экспедиция ставит своей целью изучение памятников старины Центрального Казахстана, выявление новых археологических материалов, проливающих свет на чередование оседлой и кочевой культуры в степях древнего Казахстана.

Одной из основных задач экспедиции является выявление и сбор материалов, относящихся к истории культуры и искусств древнего Казахстана, в частности сбор фрагментов древней архитектуры, скульптуры, декоративного искусства (росписи, фрески), а также памятников древней письменности (петроглифы, тамги, надписи и т. д.).

С этой целью экспедиция намеревается произвести следующие работы:

1. Изучение развалин городов и городищ по среднему и нижнему течению р. Чу (разведки и раскопка).
2. Археологическое обследование района озер Тели-Куль и Ащи-Куль, куда впадают реки Чу и Сары-Су.
3. Обследование и раскопки развалин древнего города Белен-Ана, расположенного в нижнем течении р. Сары-Су.
4. Археологическая разведка бассейна р. Сары-Су и примыкающих к нему районов (Джеты-Конур, Бетпак-Дала).
5. Определение места расположения городища Бори-ойнак на Джеты-Конуре (Бетпак-Дала).
6. Определение места расположения древнего города Жубен-Ана (среднее течение р. Сары-Су, место слияния с ней р. Кенгир). Обследование, раскопка.
7. Раскопка мавзолеев Алаша-Хана и Джучи-Хана (район рек Кара-Кенгир и Сары-Кенгир).
8. Раскопка развалин древнего мавзолея Сырлы-Там (на озере Шубар-Тенгиз).
9. Обследование группы мавзолеев и развалин городов в районе Улугтау, Арганаты на реках Тургай, Терис-Ак-кан. Разведка.
10. Топографическое изучение района древнего города Конг, расположенного на реке Конг (условно).
11. Установление места расположения древнего города «Ботагай» и группы городов в нижнем течении р. Нуры.
12. Обследование бассейна р. Нуры с целью установления развалин древних городов, городищ, мавзолеев и курганов. Разведка и раскопка.
13. Установление места расположения древнего города «Козы-Корпеш» в верховьях р. Ишим.
14. Обследование долин рек Уленты и Чидерты с целью установления памятников древностей. Изучение развалин древней башни в нижнем течении р. Чидерты.
15. Обследование развалин древних городов и городищ в районе р. Селеты, оз. Кзыл-Как, Теке и на Иртыше. Разведка.
16. Обследование группы курганов, мавзолеев и развалин древних городищ в Баян-Аульском районе.
17. Обследование группы памятников в Каркаралинском районе. Раскопка и разведка древнего дворца «Кызыл-Кенч», «Кызыл-Арай» и другие.
18. Археологическое изучение долины рек Баканас и Аягуз. Разведка.

Как видно из этого плана ЦКАЭ ставит весьма важную задачу, имеющую первостепенное значение для истории, культуры и экономики Казахстана. Однако, выполнение этого обширного плана зависит от того, насколько экспедиция будет оснащена техническими возможностями и оборудованием.

По тематическому плану 1946 года археологическая экспедиция в Центральный Казахстан рассчитана на три месяца (июнь–август) и будет работать под руководством доктора наук т. Маргулана. В ее составе намечено семь старших научных сотрудников, шесть младших научных сотрудников, четыре научно-технических работника и сорок рабочих.

Другой археологический отряд под руководством проф. Киселева С. В. направится в Восточно-Казахстанскую область для производства раскопок в Зайсанской равнине и верховьях р. Иртыш (Западный Алтай, Черный Иртыш). Задачей этого отряда является изучение культуры древних племен, населявших районы Алтая. В частности, он займется проблемами так называемого «Канского погребения», характерного для периода гуннов и тюркского каганата.

План работы археологического отряда проф. Киселева сводится к следующему:

1. Археологическая разведка в районе Черного Иртыша (разведка и раскопка).
2. Обследование долины р. Алкабек и прилегающих районов юго-западного Алтая.

3. Археологическая работа в районе озера Зайсан.
4. Обследование группы памятников в долинах рек Калджир, Курчум и Бухтарма.
5. Археологическая работа в районе новостройки (ИртышГЭС) и горного промысла.
6. Изучение курганов и развалин городищ в районе Букони и Красноярки.

Полевая работа отряда Киселева рассчитана на два месяца (август, сентябрь), в его составе намечено: один старший научный сотрудник, один младший научный сотрудник, один научно-технический работник, 10 рабочих.

Вот основные наметки археологической работы ИИАЭ КазФАН СССР на 1946 год.

Приложение 2

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

к плану сектора археологии

Одну из важнейших задач в перспективном плане научно-исследовательских работ Казахской Академии наук безусловно составляет проблема археологического изучения территории Казахстана. Эта проблема в Казахстане довольно молодая и слабо разработанная. Если окинуть взором назад – мы видим, что изучение археологических памятников в дореволюционном Казахстане проводилось от случая к случаю лишь отдельными учеными или местными краеведческими учреждениями. Работа велась часто по-любительски, без какого-либо плана и целеустремленности. На более научную основу археологическое изучение Казахстана поставлено только в период советской власти.

Опыт археологических исследований за 25 лет показал, что Казахстан в археологическом отношении является одним из интереснейших районов Советского Союза, на обширных просторах которого до сих пор хранятся богатейшие сокровища древней культуры, имеющие первостепенное значение для науки и в частности для истории культуры и экономики советского Казахстана. Чрезвычайно большой контраст представляют на территории Казахстана остатки материального производства различных эпох. Тут и развалины древних феодальных городов, замков, башен, руины ханских дворцов, мечетей и мавзолеев, часто одетых в прекрасную архитектурную одежду и оформленных великолепной декоративной орнаментацией. Среди этих архитектурных сооружений, дошедших до наших дней в своей монументальной нарядности поражают своим великолепием особенно гробницы Алаша-хана и Джучи-хана (XII–XIII вв.), находящиеся на р. Кенгир (Джезказганский р-н, Карагандинская обл.), также и замечательные архитектурные памятники эпохи Караханидов (X–XII) и могильников, находящихся в южных областях Казахстана (мавзолей Айша-Биби, Бабажан-Хатун, Карахана и др.). Подобные архитектурные памятники раньше встречались на территории Казахстана довольно часто, но в настоящее время из них уцелели только немногие, остальные навсегда погибли для науки, оставляя за собой лишь жалкие обломки изразцовых кирпичей и развалины. Эта участь постигла в частности такие памятники древнего зодчества, как «Сырлы-там» и «Балгасун» (XII–XIII вв.) в Тургайских степях, «Акмечеть» и «Актам» в Атбасарской равнине, древне-кипчакские башни в нижнем течении р. Чидерты, «Кзыл-Кентский дворец» в Каркаралинском районе и мн. др. Кроме этих памятников при раскопках городищ и курганов в изобилии встречаются образцы древнего керамического производства, фаянса и стекла, нередко с надписями, также и монеты ханов. Довольно часто наблюдаются предметы и каменные обелиски с древними надписями, родовыми и ханскими тамгами. Наскальные изображения животных, людей, охотников и т. д. Все это является, несомненно, лучшим объектом археологического исследования Казахстана, углубленные и систематические обследования которого дали бы чрезвычайно ценные материалы, вносящие много нового в историю культуры КазССР.

Перспективный план археологического изучения Казахстана ставит своей главной задачей выяснение чередования оседлости и кочевого скотоводства в древнем Казахстане. С этой целью план предусматривает в основном две узловых проблемы: а) изучение городской культуры древних племен (огузов, кипчаков, карлуков, уйсуней, канглы) на фоне чередования кочевого скотоводства и б) изучение памятников культуры более ранних скотоводческих племен эпохи бронзы и железа.

Наиболее важную археологическую проблему в четвертой пятилетке составляет изучение развалин древних городов и архитектурных памятников южного и центрального Казахстана, большинство которых, в связи с новостройками, находится под угрозой разрушения и уничтожения. На учете сектора археологии имеется свыше ста названий древних городов и городищ, среди которых наиболее значительными являются древнеогузские города на Сыр-Дарье (Жанкент, Дженд, Отрар, Сауран, Огуз, Джеты-Асар и другие древне-кипчакские города), Центрального и Южного Казахстана (Сыгнак,

Белен-Ана, Жубан-Ана, Ботагай, Конг, Тоганас), города бассейнов рек Таласа и Чу (Талас, Туюмекент, Кумкент, Актобе, Кулан, Кеншат и др.) и наконец города древнего Семиречья (Или-Балык, Еки-Огуз (Экво... по Рубруку), Кыялык, Алмалык, Алмату, Талгар, Ак-Курган, Кастек, Урдакент, Каргалы и др.). Археологические раскопки развалин этих городов в течении двух-трех пятилеток должны обогатить наши музеи новыми и весьма ценными экспонатами, в то же время являющимися исключительно редкими материалами, проливающими новый свет на историческое прошлое казахского народа.

Другой узловой археологической проблемой является, как было показано, изучение культуры эпохи бронзы и железа, также и изучение памятников старины времен формирования феодализма в Казахстане. Постановка этих вопросов продиктована необходимостью выяснения ранней истории Казахстана, необходимостью определения хронологической стадии и региональных особенностей культуры древне-казахстанских племен, их взаимоотношений с соседними странами и роли в сложении культурно-исторического единства степных племен Евразии (саки, массагеты, даи, гунны, усунь, канглы, кипчаки, огузы, карлуки и другие). В этой связи большой научный интерес представляет, особенно, изучение культуры Алтая, Верхнего Иртыша, Зайсанской равнины и Семиречья, как мест средоточия древних скотоводческо-земледельческих племен Казахстана.

Таким образом, план ставит перед собой вполне конкретную задачу, направляя основной стержень работы на изучение остатков материального производства исторических известных племен, населявших территорию Казахстана (саки, массагеты, гунны, усунь, канглы, кипчаки, огузы и др.). Многочисленные курганы, могильники и городища, которые изобилуют в степи Казахстана, собственно, являются памятниками культуры этих племен.

Конкретное и планомерное изучение этих памятников имеет актуальное значение для разработки древнейшей истории КазССР и для выяснения этногенеза древних племен. Оно важно еще и в том отношении, что оно освобождает нас от фантастического представления и «древних кочевников» вообще и неточного, собирательного термина «скиф» в частности. Вдобавок к письменным источникам (антиничным, китайским и санскритским) для истории Казахстана очень важно иметь новые источники о племенах, населявших его территорию. Таковыми источниками могут быть только данные археологических исследований Казахстана.

Таким образом, основная проблематика археологического изучения Казахстана имеет целью всемерно содействовать разрешению узловых вопросов истории и культуры древнего Казахстана. Исходя из этих задач, план предполагает в первую очередь исследование наиболее важных и наименее освещенных другими видами источников и предшествующими археологическими исследованиями проблем (культуры древних племен, городская и кочевая культура древних кипчаков, огузов, карлуков и т. д.).

Наиболее важной задачей пятилетнего археологического изучения Казахстана является также своевременное исследование памятников, находящихся под угрозой разрушения (архитектурные памятники Центрального и Южного Казахстана).

Кроме полевых работ пятилетний план предусматривает подготовку и публикацию научных монографий, капитальных работ, написанных на основе собранных материалов («История культуры и искусства казахского народа», «Казахский декоративный орнамент» и прочие).

Не менее важную задачу в пятилетнем плане археологического изучения Казахстана представляет собой вопрос об организации республиканского музея истории культуры. Организация такого музея вызвана возросшей культурной потребностью со стороны широких слоев трудящихся масс Казахстана и большой потребностью в научно-вспомогательном учреждении, где можно было бы сосредоточить уникальные предметы истории, культуры, искусства, быта, ремесла, идеологической надстройки древнеказахских племен. Создание такого музея явилось бы в частности, научной базой для исследовательских институтов Казахской Академии наук, изучающих прошлое казахского народа.

Таковы основные проблемы в области исследования древностей Казахстана в течение 1940–1950 годов.



ЗАЯВКА
на продовольственное снабжение экспедиционных отрядов
Института истории, археологии и этнографии КазФАН СССР на 1946 год

№ пп.	Наименование областей, в которые выбывают экспедиции	Количество экспедиций	Срок работы			Количество участников				
			начало число, месяц	конец число, месяц	всего месяцев, дней	СНС	МНС	научно-технич. работников	рабочих	Итого
1	Археологическая экспедиция в Центральный Казахстан	2	01.05.1946	01.08.1946	3	7	6	4	40	57
2	Археологическая экспедиция в Восточный Казахстан	1	01.05.1946	01.08.1946	3	2	2	1	10	15
3	Этнографическая экспедиция в район Тарбагатай и Зайсан	1	01.05.1946	01.08.1946	3	2	2	1		5

Директор Института истории,
археологии и этнографии КазФАН СССР

Х. Г. Айдарова

Ученый секретарь

Т. Шоинбаев

А. Х. Маргулан. Автобиография

Я, Алькей Хакан-улы Маргулан родился в 1904 г. в ауле около оз. Джасыбай, недалеко от станции Баян-аула. Вырос в ауле Кара-Шоки в долине р. Чидерты, ныне Осакаровского района Карагандинской области. Происхожу из бедных родителей, жестоко угнетаемых заправилами в прошлом. Отец умер под гнётом тяжелых условий жизни, не увидев зари Великого Октября. Я сам начал трудовую жизнь очень рано, с 10-летнего возраста, чтобы помочь отцу. В период первой империалистической войны (1916–1919) подростком работал на стройке Ирбитской железной дороги, на участке Богданович–Егоршино, затем на строительстве южно-сибирской железной дороги на участке Экибастуз–Чидерты и Баян-Аул–Чидерты. Мне еще помнится, как русские инженеры назвали меня «баранчуком» и имея доброе расположение ко мне, определили на легкую работу, используя преимущественно в качестве переводчика для казахских рабочих. Тогда я не имел возможности поступать в русскую школу, но имел огромное желание знать русский язык. Для этой цели я стремился в город или на постройку ж. д. с великой мечтой, чтобы посредством близкого общения с русскими рабочими и инженерами достичь желаемого, в этом стремлении имел некоторые успехи.

В раннем детстве (1909–1915) я учился в ауле и хорошо освоил арабскую письменность. Знание арабского письма и чтения памятников литературы очень помогли мне при прохождении учебы в Ленинградском Восточном Институте и оказывают большую пользу поныне в практической моей работе. В 1917–1919 гг. учился в частной русской школе и получил зачатки русского образования. Но настоящую систематическую учебу начал только после упрочения Советской власти в Казахстане. Учился сначала на курсах подготовки учителей, затем Семипалатинском педтехникуме (1921–1925). Октябрьская революция открыла перед казахской молодежью широкую дорогу и к высшему образованию, и окрыленный великим желанием получить высшее образование направился в Ленинград – колыбель революции. Здесь одновременно учился в двух учебных заведениях – Восточном Институте и на факультете общественных наук (Восточное отделение) ЛГУ. В то же время факультативно слушал лекции в Институте истории искусств. В этих трех вузах тогда преподавали одни и те же профессора. Лекции нам читали самые выдающиеся ученые нашей страны: академик В. В. Бартольд по истории и археологии Средней Азии, академик С. Ф. Ольденбург по археологии и искусству Индии и Восточного Туркестана, академик И. Ю. Крачковский по арабской поэзии и филологии, Е. Э. Бертельс по иранской поэзии, В. В. Сиповский по русскому романтизму 30 и 40 годов, С. Е. Малов по древнетюркской письменности, А. Ю. Якубовский по археологии Средней Азии, И. И. Мещанинов по ар-

хеологии Кавказа, Грум-Гржимайло по географии и народам Центральной Азии и т. д. Благодаря усилиям наших дорогих учителей мы, студенты, уже на II курсе чувствовали себя учеными. Будучи студентом в период с 1926 г. по 1930 принимал участие в Казахстанской и Алтайской экспедиции АН СССР, руководимой академиком А. Е. Ферсманом (я, в качестве практиканта, работал в антрополого-археологическом отряде этой экспедиции, который возглавлял проф. С. И. Руденко). Принимая участие в этой крупной экспедиции, организованной впервые после революции, я стал изучать быт и искусство казахов-адаевцев (1926) и найманов (1927–1928), населяющих Западный Алтай и верховье Иртыша, записывать их народные легенды, предания, генеалогические предания, календарь и астрономические представления казахов. Эти материалы составляют в моих записях несколько дневников и частично опубликованы в сборнике «Казахи» (Ленинград, 1920, т. III) и в газете «Енбекши-казах» (1927). По окончании вузов в первое время работал в Казнаркомпросе по комитету нового алфавита и опубликовал ряд статей на казахском языке по истории культуры и письменности в Казахстане.

С 1931 по 1934 год находился на аспирантской учебе в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), в стенах которой готовились молодые ученые нашей страны для широкой исследовательской работы. Вместе со мною проходили аспирантуру покойный проф. А. Н. Бернштам и ныне здравствующие С. П. Толстов, П. Н. Третьяков, К. В. Сальников и др. В ГАИМК я готовился под руководством профессора А. Ю. Якубовского и С. Ф. Ольденбурга (по археологии и искусству Восточного Туркестана).

Аспирантом принимал участие в разных археологических экспедициях и раскопках, которыми руководили С. И. Руденко, А. А. Миллер (1931–1932), Н. И. Репников (в 1933 г. в районе Ладожского озера), М. П. Грязнов и др. В 1931–1935 гг. по совместительству преподавал на высших курсах редакторов и переводчиков марксистской литературы при Восточном Институте.

Напряженная и непрерывная работа, соединенная с аспирантской учебой, несколько расшатала мое здоровье и на почве болезни мне пришлось около года лечиться в больнице и санаториях.

Улучшив здоровье, я возобновил работу над кандидатской диссертацией. В 1937–1938 гг. был прикреплен к ИИМК и управлению подготовки кадров АН СССР для завершения кандидатской работы, которую защитил в 1943 г. В конце 1938 г. решением Президиума АН СССР я направлен на работу в Казахстан для укрепления Казахского филиала АН СССР и был зачислен старшим научным сотрудником сектора истории. С тех пор непрерывно работаю в системе КазФАН СССР – Академии наук КазССР.

Уже с первых дней работы в АН КазССР я чувствовал свой долг и горячее желание быть полезным чем-нибудь, приложить силы, энергию и знания свои к тому, чтобы помочь делу развития науки в нашей республике, популяризировать достижения отечественной науки в среде широких масс Казахстана. За это время мною написаны десятки научных статей, работ, преимущественно посвященных вопросам культурного прошлого нашей страны, освещению жизни и деятельности выдающихся наших ученых и писателей (Валиханов, Абай, Пржевальский, Мухаммед-Хайдар и др.).

После окончания Великой Отечественной войны я начал широкие исследовательские работы в Центральном Казахстане с целью, чтобы выяснить и изучить археологические памятники этой обширной области, служившей в далеком прошлом одним из важных центров древней металлургии. Изучением охвачены памятники всех времен, начиная с глубокой древности до позднего средневековья. В результате широких разведок и археологических раскопок, проведенных на протяжении одного десятилетия (1946–1958), здесь в Центральном Казахстане, удалось открыть и изучить совершенно неизвестные в науке и весьма уникальные памятники исторического прошлого, в том числе памятники древней каменной архитектуры, древнего искусства и материального производства. Наиболее важные из них относятся к эпохе бронзы. Памятники эпохи бронзы хорошо исследованы во всех речных и горных долинах Центрального Казахстана. Ценные результаты дали раскопки, проведенные в долинах рек Шерубай-Нура, Нура, Талды-Нура, Сары-Су, Атасу, Ж(М)анака, Нуртай, Джамчи, Токраун и т. д.

Особо следует отметить научное значение открытия замечательных комплексов Бегазы (в горах Кызыл-Арай), Сангуыр (в верховьях р. Атасу), Бугулы, Аксу-Аюлы, Ортау, Беласар (Северная Бетпак-Дала). Изучение указанных комплексов создает новое представление о культуре бронзы Центрального Казахстана, свидетельствует об оригинальных и самобытных чертах строительного искусства древних племен, особенно, строительной культуры из громадных гранитных плит.

Памятники эпохи бронзы выявлены как в виде поминальных и культовых сооружений, так и в виде жилища и поселений. Всего поселений, выявленных в Центральном Казахстане около 30, из них огромный научный интерес представляют, особенно, поселения Атасу, Бугулы-1, 2, Шортанды-Булак, Акбаур и Такибай, существовавшие 3500 лет назад. Характерную особенность конструкции жилища в поселениях представляет то, что его стены обложены большими гранитными плитами, вертикально врытыми в землю. Все это чрезвычайно ценно с точки зрения изучения строительного дела в Казахстане, для изучения хозяйства, быта и искусства племен, обитавших в Центральном Казахстане в древние времена. Новые материалы во многом помогают правильному решению вопроса об этногенезе древних племен, о точной периодизации андроновской культуры на обширном степном пространстве.

Результаты археологических работ в Центральном Казахстане опубликованы в ряде моих работ, изданных в журналах ИИМК АН СССР и АН КазССР. Вещественные находки в виде керамики, металла, золота, обработанного камня, стекла, пасты и т. д. хранятся в фонде отдела археологии АН КазССР, в республиканском и карагандинском музеях. Там же хранятся полевые дневники, чертежи, зарисовки, которые должны служить источником для будущей крупной монографии о Центральном Казахстане.

Во время Великой Отечественной войны, по поручению партии и правительства, мною проводилась работа по линии популяризации героических традиций наших народов, по изучению жизни и деятельности великих патриотов нашей страны (Александр Невский, А. Суворов, Амангельды Иманов), выступал с докладами, лекциями, опубликовал научно-популярные статьи о патриотизме и героическом прошлом нашей родины. В 1942 г. руководил научной экспедицией по изучению жизни и революционной деятельности народного героя Амангельды Иманова. В период коллективизации деревни и аула был уполномоченным – агитатором партийной организации Министерства просвещения КазССР, работал вместе с венгерским писателем Матэ-Залка. В конце 1956 г. по решению президиума АН КазССР мне была поручена почетная задача освоить литературное наследие ученого-просветителя Чокана Валиханова и подготовить к печати его труды. Временно переключился на решение этой важной проблемы. В настоящее время силами научных работников ИИАЭ подготовлены к печати избранные произведения Валиханова в объеме около 35 печатных листов; кроме того, выявлены основные рукописи и новые материалы к биографии Валиханова; составлена полная опись его рукописного наследия, предварительно определены материалы и объем собрания сочинений Валиханова в 4-х томах. Сейчас готовится первый том его произведений, куда войдут некоторые еще неизвестные работы Ч. Валиханова.

После окончания работы над произведениями Ч. Валиханова я намерен завершить многолетнюю работу по Центральному Казахстану и подытожить ее в ряде моих монографических исследований.

За время своей научной деятельности (1927–1958) принимал участие в разных научных конференциях, проходивших в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Алма-Ате, Фрунзе, Сталинабаде. Кроме того, имею постоянные связи с учеными и научными учреждениями Москвы, Ленинграда и других городов нашей страны. С 1933 г. состою членом Всесоюзного географического общества, принимаю горячее участие в работах гуманитарных Институтов АН КазССР, также и КазГУ, особенно, по линии подготовки научных кадров. Многие молодые ученые АН КазССР проходят аспирантуру через меня или защищают диссертации при моем оппонировании. Мне приходится давать советы и консультации научным сотрудникам не только системы Академии наук КазССР, но и товарищам из других научных и общественных организаций.

Июль, 1961 г.

Приложение 5

Из переписки сектора археологии ИИАЭ со специалистами из научно-исследовательских учреждений

№ 1 – Письмо Б. Н. Гракова А. Х. Маргулану [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 543, л. 14, 14 об., 15, 15 об.

Москва. 29/1 44 г.

Многоуважаемый тов. Маргуланов!

Прежде всего извините: я забыл Ваше имя и отчество. Узнать мне его было негде. Отсюда такое официальное обращение. Не откажите, если будете мне писать, внести ясность в это дело.

Я, получив Вашу телеграмму, немедленно на нее ответил, причем в конце сообщал о письме к Вам. Однако, рецидив моей болезни пресек мое намерение, и я собрался выполнить это только сегодня.

Переходя к делу, сообщу сначала об изменениях в моем служебном положении и в направлении моих ученых интересов. Судя по ним, если я для какой-то археологической работы нужен Казахскому филиалу, Вы поймете и мои организационные пожелания в этом отношении.

Я уже давно не служу в Историческом Музее, а являюсь в нем лишь членом Ученого совета. Бываю же там почти ежедневно: то работаю над коллекциями, то над литературой.

Мои работы служебные распределены в двух местах. Я состою профессором археологического отделения Московского университета и заведую сектором вспомогательных дисциплин в ИИМК'е, т. е. сектором этнографии, нумизматики и т. п. Весною 1939 г. я защитил докторскую диссертацию.

Мои чисто научные интересы направлены, как и прежде, на изучение степной археологии. До 1936 года я все работал в Актюбинской области, а с 1937-го года на Нижнем Днепре. То что я перестал работать на территории Казахстана, произошло из-за того, что не откуда было получать средства на полевые работы там, а Институт археологии АН УССР давал мне для этой цели почти неограниченные возможности и по размаху и по доверию ко мне. Близость тематики облегчила мне такой переход. Это не исключено ни в моей тематике, ни в тематике моей жены казахстанских тем. У меня готовы почти полностью (не все рисунки есть) рукописи: 1) Археологические работы в Актюбинской и Чкаловской областях в 1927–1936 и 2) Археологическая экспедиция 1930-го года в бассейне р. Ори по заданию Центрального музея Казахстана. Все это вместе листов с 15 печатных.

У моей жены готова большая работа (ее кандидатская диссертация) о раскопках под Кустанаем с 1930-го по 1940 гг.

Вы видите, что мое служебное положение позволяет мне работать по заданиям Вашего филиала. Время у меня найдется ни в том, ни в другом учреждении; при всем количестве работы я не связан временем так, чтобы это исключало занятия степной тематикой. На Украине полевые работы не могут начаться раньше 45-го или 46-го года. Да и это не исключает Казахстана.

Поэтому иная официальная форма работы, кроме договорной или иногороднего научного сотрудничества [здесь и далее подчеркивание по тексту выполнено чернилами другого цвета – прим. авт.] в Казахском филиале, для меня невозможна. Оплата работы целиком по Вашему усмотрению, то ли в форме договорного гонорара, то ли в форме ставки ст. н. с-ка с учетом степени и звания. Что вообще второстепенно.

Организационные мероприятия вытекают сами собою. Раза два в год мне, очевидно, придется наезжать в Алма-Ата, каждый раз недели на две. Экспедиции совершенно необходимы. На весну или осень 1944 г. я наметил бы раскопки на Ори, по следам разведок 1930 г., и разведку по Эмбе. Персонал я набрал бы из студентов археологов МГУ: они будут нести и коллекторскую и даже легкую землекопную работу. Сметы, в случае надобности, я пришлю позднее. Поскольку у меня есть в руках аспиранты в ближайшие три года я хотел бы подготовить двоих лиц для постоянной работы в филиале и нескольких студентов для археологической работы в областных музеях. Подумайте над этим. Если мои пожелания подойдут, я готов продолжать свои прежние штудии. Учтите, что надо предусмотреть серьезные, хотя и не очень большие, [ежегодные] расходы. Иначе дело явно будет бесплодным. Жду Вашего ответа.

С приветом Б. Граков

№ 2 – Письмо геолога А. В. Кузнецова в сектор. Судя по штемпелю, в Алма-Ате письмо зарегистрировано 16 марта 1947 г. [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 543, л. 17]

Алма-Ата. Филиал Академии наук.
Сектор языка, истории и литературы

Геологический отдел посылает отчет по обследованию третьего места старинной переработки руды и плавки из руды меди. Третье место обнаружено в урочище Айнакуль в отводе Дальнем. О получении отчета с Вашим заключением сообщите.

Приложение: 1) отчет 2) опись рисунков 3) рисунки 4) опись шлаков и руды 5) схематический план.

Главный геолог А. В. Кузнецов [подпись]
Адрес Джезказган Караганд. Обл.
Рудник. Геологический отдел
Гл. геолог Арк. [Вас.]Кузнецов

№ 3 – Письмо К. В. Сальникова А. Х. Маргулану [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 543, л. 66, 66 об.]

Дорогой тов. Маргуланов

Извините, что забыл Ваше имя, как и Вы мое. Мое отчество не Дмитриевич, а Владимирович. Очень приятно было узнать, что Вы руководите археологической работой в КазФАН'е. Работа в КазФАНе, как Вы знаете – моя давнишняя мечта. Сейчас я приехал из Чкалова в Свердловск на работу в УрГУ. Правда, [...] (прочно? – прим. авт.) здесь я еще не осел из-за квартирных же трудностей и семья моя пока остается в Чкалове. Поэтому данный момент наиболее удобный для перекочевки в Алма-Ата. Было бы очень хорошо, если бы мой выезд в экспедицию явился бы в то же время переездом на постоянную работу к Вам. Напишите, пожалуйста, какие у Вас перспективы с жилплощадью.

В худшем случае, мне придется принять участие в экспедиции за счет своего отпуска по Университету месяца на два. Во всяком случае хотелось бы побывать в Алма-Ата, установить личную связь.

Для меня вообще не понятно ограничение участия в экспедиции лишь полевыми работами. А как же быть с камеральной обработкой?

Надеюсь, что Вы не откажете ответить на ряд вопросов: более подробный план полевых работ, состав участников, кто будет возглавлять экспедицию, мою роль в ее составе и материальные условия. Хотелось бы также знать состав археологического сектора Института, на какой работе планируете использовать меня в Институте. При благоприятном решении вопроса о переезде к Вам на работу, ставку, возможность совместительства. Мне предстоит [добыть?] ученую степень. Сообщите, как это можно у Вас поскорее осуществить.

Очень прошу не задерживать ответ. Это даст мне возможность ориентироваться в обстановке и договориться о переносе экспедиции Университета, которую я должен провести, на осень.

Одновременно я послал письмо на имя директора института.

Всего доброго

Ваш К. В. Сальников

Сообщите свое имя, пожалуйста.

Мой адрес: Свердловск, до востребования

13/IV – 46 г.

№ 4 – Письмо К. В. Сальникова директору ИИАЭ КазФАН [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 543, л. 67, 67 об.]

В ответ на Ваше письмо сообщаю, что с удовольствием приму участие в экспедиции, т. к. много лет веду археологические исследования в Северном Казахстане и прилегающих областях.

В настоящее время я работаю в УрГУ в Свердловске и связан чтением курса и предстоящими экзаменами. Поэтому могу выехать лишь не ранее июня и поработать в поле не более двух месяцев за счет отпуска в Университете. Было бы желательнее сразу порвать со Свердловском и, выехав на полевые работы, остаться после них на работе в КазФАН'е.

Сейчас мне легче освободиться здесь от работы, т. к. живу здесь лишь с февраля и семью еще не успел перевезти из-за неустройства с квартирой. Когда же я в Свердловске осяду прочнее, переезд в Алма-Ата будет маловероятен.

Прошу телеграфно сообщить условия работы в экспедиции.

Мой адрес: Свердловск, до востребования

С товарищеским приветом К. В. Сальников

13/IV – 46 г.

№ 5 – Письмо К. В. Сальникова директору ИИАЭ КазФАН [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 543, л. 87, 87 об., 88]

Мною было получено в апреле этого года приглашение Вашего института принять участие в археологической экспедиции в Центральный Казахстан. Я дал принципиальное согласие, но с оговоркой, что по занятости на работе в УрГУ не смогу участвовать весь период работ экспедиции. Видимо, эта оговорка явилась препятствием моему участию в Вашей экспедиции и я на свое письмо ответа от Вас не получил.

Из того же Вашего письма я узнал, что препятствием к приглашению меня на постоянную работу в Ваш Институт является отсутствие квартиры. Моя кандидатура, следовательно, для Института желательна, а для меня работа у Вас даже привлекательна, что работа в Университете, как учебном заведении меня менее устраивает, чем работа в НИИ.

В связи с этим хотелось бы установить личный контакт, для чего приехать мне в Алма-Ата. Если у Института нет возражений, я смог бы во время отпуска в сентябре приехать в Алма-Ата для личных переговоров. Эту поездку можно совместить с постановкой в Вашем Институте доклада о моих работах, раскопках памятников эпохи бронзы по северным границам Казахстана, которые вел в течении ряда лет. Буду вести и в июле–августе этого года в Курганской обл. Тему доклада можно было бы сформулировать так «Новые данные о северо-западном варианте Андроновской культуры». Для меня будет ценно обсуждение доклада в коллективе, а археологи Вашего Института познакомятся с неопубликованными материалами.

Поездка за собственный счет мне непосильна. Поэтому осуществить ее смогу лишь при наличии возможности Института оплатить расходы.

Ответ просьба сообщить по адресу: Свердловск, ул. Большакова 123

Сальникову Константину Владимировичу

С приветом

Подпись

10/VI – 46

№ 6 – Письмо Н. В. Валукинского А. Х. Маргулану [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 543, л. 76, 77,]

Не получив ответа на первое мое письмо, посылаю Вам второе письмо.

После Вашего отъезда я продолжил вести разведки за пределами поселка. Обнаружил ряд стоянок восточнее и южнее Джекказгана.

Теперь выпал снег и я закончил исторический очерк «Рудники Джекказгана» страниц на 60, это уже вторая моя редакция и уже в процессе работы решил приступить к третьей редакции. Думаю в этом году закончить.

Я просил Вас сообщить, необходима ли посылка в АН отчета о проделанной работе геологическим отделом комбината, в которой принимали участие кроме меня и геологи, в части поисков древних памятников?

У меня большая просьба, если отпечатаны труды археологического сектора АН КазССР, то перешлите, но только заказной бандеролью или еще лучше ценным письмом, т. к. трудно надеяться на сохранность посылки.

На Ваше предложение поработать под Вашим руководством в Алма-Ате, в Ваших экспедициях я конечно принял бы как дорогое для меня дело, но у меня семья, дочь и зять работают геологами в ГРП, у них университетское образование, если они могут быть переведены в Алма-Ата, то мог бы и неизбежно перешел бы и я в Алма-Ата, а пока картина не ясна.

Но если я не могу перевестись в Алма-Ата, то я бы считал долгом провести в Джекказгане археологические раскопки разведочного характера, смету прилагаю отдельно.

Работы необходимо провести ранней весной 1947 г.

В следующем году разведки необходимо расширить, потребуются выезды в [Кипчактай], Джезды, [Назет тас], возможно, и [Шай жаш тас].

Только что был у меня редактор газеты «За медь» я рассказал ему о Вашем докладе в комбинате.

Нас интересует Ваше обследование на р. Сары-су. Нашли ли Вы следы древних городов и встретили ли какие памятники?

Не откажите в любезности написать.

Привет т. Айдаровой

27/XI 46 г. Уважающий Вас

Н. Валукинский

Адрес Джекказган Караг. обл. КазССР

медькомбинат

Николаю Васильевичу Валукинскому

На письме значится резолюция, написанная Е. Ю. Спасской: «т. Валукинский написал исторический очерк о Джекказгане, в объеме 60 стр. Нужно написать ему письмо и просить: а) окончательно отредактировать свою рукопись и переслать в сектор для сборника вполне в обработанном виде (как в отношении литературного стиля, так и безукоризненности иллюстраций – планов, схем и чертежей). При этом необходимо отослать ему его старые наброски по Джекказгану, которые он должен приобщить к его новой статье; б) надо обнадежить т. Валукинского, что ему будет прислан Открытый Лист на право производства раскопок в Джекказганском районе в 1947 г. к весне; в) археологический сборник еще находится в стадии обработки, как выйдет из печати, так и вышлем».

К письму приложена «Смета на разведочные раскопки в Джекказгане в 1947 г.»

1. Разведка с закладкой раскопок на площади в 5 кв. метров стоянки у шахты 42.
 2. Зачистка [обрези резерва] у полотна ж. д. с слоем окисленной дробленой руды по ширине не более 0,5 метра в длину на 20 метров. Урочище Милэ-кудук.
 3. Разборка кучи с костным материалом. Урочище Милэ-кудук.
 4. Расчистка остатков ямы отрезанной земляными работами жел. дороги. Урочище Милэ-кудук.
 5. Разборка очага обжига руды без тиглей.
- Потребуется около 20 рабочих человеко-дней.
27/XI 46 г. Н. Валукинский

Приложение 6

А. Х. Маргулан. Отчет сектора археологии за 1946 г.

Сектор археологии организован в 1946 году в составе вновь открытого Института истории, археологии и этнографии при АН КазССР. До июля месяца 1946 г. в секторе не было ни одного научного сотрудника и он работал в лице только заведующего А. Х. Маргулана и научного сотрудника

Джамбулского археологического пункта Г. И. Пацевича. Первая половина отчетного года была занята, главным образом, укомплектованием научных кадров по разным отраслям археологии. С этой целью сектор вел деловую переписку с научными организациями Москвы и Ленинграда, а также и отдельными учеными (С. В. Киселев, Б. Н. Граков, К. В. Сальников, С. И. Руденко и др.). В результате этой деловой связи сектор добился некоторых успехов, как в отношении подбора кадров, так и в постановке научно-исследовательских работ сектора на более прочную основу.

Следует подчеркнуть, что при всем отсутствии научных кадров, сектор в отчетном году проделал значительные работы, далеко выходящие за рамки плановых заданий. Среди них главнейшие – организация археологической экспедиции в Центральный Казахстан, организация научной выставки ко дню открытия Академии наук КазССР, подготовка к печати сборника по археологии Казахстана в объеме 16 п. л. и пр. Наиболее важное достижение в работе сектора археологии составляют результаты археологической экспедиции, проведенной в малонаселенных районах Казахстана, под руководством члена-корреспондента АН КазССР А. Х. Маргулана.

Экспедиция, обследовавшая памятники старины в бассейнах рек Сары-Су, Кенгира и прилегающих к пустыне Бетпак-Дала районах, открыла большое количество древних архитектурных сооружений (мечети, мавзолеи, пирамиды), неизвестных в литературе, и обнаружила остатки мощной городской культуры, относящейся к периоду X–XVI вв. Развалины древних городов с мощными культурными слоями и остатками богатой поливной керамики выявлены, в частности, в районе Джеты-Конур и Бетпак-Дала (Кент, Талды-Кент, Урда-Шагил), в нижнем течении р. Чу (Богез[з]жели, Кызыл-Курган, Кент-Арал) в северной равнине Кара-Тау (древний Сузак, Баба-Ата, Кумкент, Сауда-Кент, Кюль-Тобе и др.).

О существовании этих городов и об их современных развалинах мы буквально ничего не знаем в литературе, только о Кумкенте встречается единственное упоминание в записках путешественника Рубрука (XIII) давшего ему искаженное наименование (Кинкат).

Отсутствие литературных данных и неизученность исторической топографии Казахстана привели некоторых ученых к ошибочному мнению, определивших район распространения средневековой городской культуры КазССР лишь бассейнами рек Сыр-Дарья, Таласа (Бартольд) и верховьями р. Чу (Бернштам) по их предположениям в районе нижнего течения р. Чу, Сары-Су и Джеты-Конур не предполагалось существование каких-либо следов оседлого поселения. Заслуги археологической экспедиции 1946 г. заключаются в том, что она внесла большую ясность в это дело, выявив значительное количество важных объектов, вносящих много нового в историю феодальных городов Казахстана, кроме того, она заложила основу большой научно-исследовательской экспедиционной работы в пустынных районах рек Чу, Сарысу и Бетпак-Дала.

Археологическая экспедиция 1946 г. носила чисто разведочный характер, но вместе с этим она занималась частично раскопками. Ею вскрыты, в частности, гробницы Алаша-хана, Джусихана и гробницы древнекипчакской знати, находящиеся на р. Кенгир.

Как показали раскопки, погребения кипчакской знати тесно связаны с эпохой проникновения ислама в Дешт-и-Кипчак и носят на себе отпечаток исламской идеологии. Поэтому раскопки гробниц кипчакской знати не дали каких-либо вещественных находок. Только в гробнице Джучи-хана открыты керамическая плита с древне-уйгурской надписью.

Таким образом, в результате трехмесячной полевой работы экспедиция привезла в Институт разные вещественные и графические материалы, интересные по своему содержанию и значительные по количеству. Среди них образцы простой и поливной керамики, фрагменты изразцовой декоративной облицовки зданий, надгробные плиты и обелиски с изображениями на них родовых тамг (аргунов, кыпчаков, найманов, конгратов и др.). Эти последние найдены в племенных погребениях казахов XIV–XVII вв., что свидетельствует о постоянном пребывании казахов в Центральном Казахстане, не покидая его даже в период междоусобных войн золотоордынских ханов. Среди объектов, добытых экспедицией, уникальную ценность представляют зарисовки и фотографии редких архитектурных сооружений, орнамента, наскальных изображений, писем и прочее, всего в количестве 500 графических работ и фотоснимков.

Из этого видно, что археологическая экспедиция, организованная в первый год сталинской четвертой пятилетки, с честью выполнила взятую ею научную проблему, и своей успешной работой (открытием ряда новых объектов) внесла серьезный вклад в науку. Еще важнее то, что экспедиция опытом полевых исследовательских работ, дала известный толчок дальнейшему углубленному изучению памятников старины на территории КазССР и стимулировала серьезную постановку научно-исследовательских работ сектора археологии.

Помимо полевых работ, сектор сверх плана разрабатывает научные темы, связанные с историей техники и производства орудий и металла. В частности, разрабатываются темы о «бронзовых котлах на территории Казахстана», «мечи, кинжалы и другие военные доспехи эпохи бронзы на территории Казахстана». Обе темы несомненно актуальны с точки зрения выяснения способа и техники производства орудий и металла в древности. Над первой темой работает научный сотрудник сектора тов. Спасская Е. Ю. (в секторе работает с 1-го июля с. г.), над второй – молодой работник Максимова А. Г., поступившая на работу в сектор по окончании Московского университета в августе этого года.

Тов. Спасская, разрабатывающая тему под руководством доктора наук А. Х. Маргулана, в настоящее время закончила описание 16 котлов, хранящихся в республиканском музее КазССР и просмотрела обширную литературу, имеющую отношение к культуре кочевых племен эпохи бронзы.

К концу года она окончит подборку всего материала, описание котлов, их фотографирование, обмер и производство химического анализа. После этого она закончит и теоретическое обобщение своей работы в виде монографии. Работа тов. Максимовой находится в стадии подбора материала и критического обзора литературы и источников, связанных с ее темой (тема, очевидно, переносится на 1947 год). Из других работ тов. Максимовой следует указать ее поездку в Чиликский район с целью изучения археологических памятников в этом районе. Результатом ее поездки явилось то, что она привезла оттуда большой керамический сосуд (хум), относящийся к XIV–XV вв.

Из молодых научных кадров в секторе археологии числится только один аспирант-безотрывник т. Галеев. Под руководством члена-корреспондента АН КазССР тов. Маргулана, он готовится по палеолиту, изучает литературу по этой теме на русском и немецком языках. Летом проходил практическую работу под руководством проф. Руденко С. И. изучал группу курганов в районе Алма-Атинского ботанического сада, произвел инструментальную съемку местности и составил сведения об этих курганах. Кроме того, тов. Галеев вместе с младшим научным сотрудником Максимовой совершил две самостоятельные поездки на места случайных археологических находок, один раз в Узун-Агач, откуда привезли зернотерку оригинальной формы, другой раз в Янги-Кургайский район Кызыл-Ординской области.

С работой сектора археологии тесно связан тов. Пацевич Г. И., заведующий археологическим пунктом в гор. Джамбул. Он принимал активное участие в организации археологической экспедиции 1946 г. и был одним из ее ведущих сотрудников. Он вел дневник экспедиции, произвел обмеры курганов, крепостей, развалин городищ, мавзолеев и других объектов, а также составил чертежи и схемы.

Помимо научно-исследовательских работ, сотрудники сектора провели также и научно-пропагандические (общественные) работы. Ими прочтены пять популярных лекций и беседы, переданы по радио три сообщения, опубликованы в периодической печати две статьи и заметки. В частности, одна популярная лекция прочтена начальником археологической экспедиции тов. Маргуланом А. Х. в Джезказгане на тему «Археологическое изучение бассейнов рек Сары-Су и Кенгир в свете четвертой сталинской пятилетки», им же проведены две беседы на собраниях партактива Джана-Аркинского и Сузакского районов на тему «Старый кочевой путь и современное отгонное животноводство».

Тов. Маргулан передавал по радио сообщение о результатах своей экспедиции и одно сообщение – «Новые данные о жизни и деятельности народного героя Амангельды» (о результатах научной экспедиции в Тургайскую степь, организованной в 1943 г. для изучения жизни и революционной деятельности Амангельды Иманова).

По Джамбульскому археологическому пункту Института истории

1. Закончен отчет о работе рекогносцировочного археологического обследования района среднего течения р. Чу – 1,5 п. л.

2. Обработан и подготовлен к печати отчет о раскопках каменных могил на горе Тек-Турмас, возле города Джамбул – 2,5 п. л.

3. Разработана инструкция к открытому листу на право производства археологических работ на территории Казахской ССР.

4. Разработана краткая инструкция по охране и изучению археологических памятников на территории новостроек Казахской ССР – 1 п. л.

Сдано несколько статей в республиканские и областные газеты (6 шт.)

Приложение 7

Г. И. Пацевич. Автобиография

Я родился 23 февраля 1893 года в деревне Шатрово Сушковской волости, Дриссенского уезда, Витебской губернии, ныне Дриссенский район Полоцкой области БССР.

Отец мой из крестьян той же деревни Шатрово работал по окончании сельской школы на бывшей Риго-Орловской железной дороге (ныне Моск.-Бел. Балт. ж.д.) до своей смерти т. е. до 1932 года на станциях Витебск и Смоленск.

Я по окончании Смоленского шестиклассного городского училища держал экстерном за реальное училище. В 1911 году поступил в Смоленское отделение Московского археологического института, где учился и одновременно работал в 1910–1911 году на Риго-Орловской ж. д. конторщиком и в 1912–1915 гг. до октября месяца в угольном отделении Смоленского окружного суда в качестве канцелярского чиновника. По окончании археологического института и защиты диссертации я в 1914 году получил звание ученого археолога с зачислением в действительные члены института. В октябре месяца 1915 года был призван в старую армию рядовым и с 1 января 1916 года направлен в Чугуевское военное училище, которое и окончил 1 мая того же года (ускоренный 4-х-мес. выпуск) в чине прапорщика и направлен в действующую армию, где был ранен, затем контужен и легко отрав-

лен газами. Демобилизован из армии 1 января 1918 года по болезни. В ряды Красной армии вступил в июне месяце 1919 года на должность помощника начальника Военно-окружного отдела Всевобуч железной дороги Западного округа путей сообщения. С момента демобилизации из старой армии до вступления в Красную армию работал в городе Витебске в главном продовольственном комитете Риго-Орловской ж. д. в качестве делопроизводителя.

По расформированию Военно-окружного отдела Всевобуч жел. дор. Западного округа последовательно работал: делопроизводителем Управления военных сообщений Западного фронта; инструктором политотдела Западного сектора войск ВОХР; начальником Витебского районного отдела Всевобуч жел. дор. Риго-Орловской железной дороги; инспектором для поручений; начальником Всевобуч жел. дор. Риго-Орловской железной дороги и наконец для поручений при военном помощнике начальника Орловско-Витебской железной дороги. В виду реорганизации органов Военных сообщений демобилизован из Красной армии в июле месяце 1924 года с направлением для работы на Орловско-Витебскую железную дорогу, слитую затем с Моск. Бел. Балт. ж. д. где последовательно работал: счетоводом, товарным кассиром, ревизором хладо транспорта и заместителем начальника и заместителем начальника станции Смоленск по коммерческим операциям до августа месяца 1933 года, когда после оставления работы на железной дороге Народным комиссариатом Просвещения РСФСР в августе месяце того же года был направлен, как археолог, в распоряжение Комитета наук КазАССР в город Алма-Ата, где с момента прибытия т. е. – августа 1933 г. по ноябрь месяц 1934 года работал научным сотрудником Центрального архивного управления КазАССР и управляющим Алма-Атинским областным архивным управлением.

В ноябре 1934 года распоряжением Комитета наук при ЦИК'е КАСССР переведен был на работу в Центральный музей Казахстана на должность ученого секретаря музея в каковой должности и работал до мая месяца 1938 года, когда с организацией Управления по делам заповедников и охраны памятников старины при СНК КазССР Джамбулского археологического пункта перешел на работу в последний в качестве научного сотрудника пункта, а затем в 1942 году назначен был директором этого же пункта, где работаю по настоящее время.

С июля месяца 1945 года Джамбулский археологический пункт, согласно решения Совнаркома КазССР, передан в ведение Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (до организации самостоятельной АН КазССР и создания Института истории, археологии и этнографии – пункт находился в ведении Института языка, литературы и истории Каз. фил. АН СССР). Беспартийный. Ни в каких партиях ранее не состоял. Женат с 1924 года. Жена – Елена Эдгаровна рождения 1906 года по специальности медсестра в настоящее время не работает. Инвалид труда II гр. Сын Героним 1924 года рождения находился в рядах Советской армии с 1942 года по май месяц 1950 г. После демобилизации с мая месяца 1950 г. живет с женой и ребенком в г. Казани Татарской АССР, где работает начальником радиостанции – радиоклуба ДосАрм[а]. Мать умерла в 1930 г., а отец в 1931 году. Из трех братьев – один работает электриком на железной дороге в г. Харькове; второй – в Институте геологии в Москве и третий – в г. Риге в Управлении домами городского коммунального хозяйства.

Проживаю в г. Джамбуле с 1938 г., в доме № 46 по Промышленной улице.

15 августа

1952 г.

г. Джамбул

Приложение 8

Е. И. Агеева. Автобиография

Я, Агеева Евгения Ивановна, родилась 2/Х–1916 г. в г. Семипалатинске. Отец работал кассиром на бойне, мать домохозяйка.

В 1923 г. семья переехала в Ленинград, а в 1926 г. в Уфу. Здесь я в 1931 году закончила семилетку и поступила работать в лабораторию Башжелдорстроя. В 1932 г. семья переехала в Ленинград, где я работала первоначально в закупочной конторе Леноблторга (сентябрь 1932–ноябрь 1933) секретарем, затем в Лен. отделении Центрального исторического архива – машинисткой, а с февраля 1934 г. на заводе № 7 машинисткой-стенографом. Одновременно училась на Рабфаке. В 1937 г. поступила на археологическое отделение Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, которое и закончила в 1941 г.

По окончании Университета приехала в г. Алма-Ата для работы в Управлении по делам зоопарков, заповедников и охраной памятников старины в качестве инспектора, затем с 1943 г. по 1946 г. работала в Центральном Государственном музее Казахстана в качестве научного сотрудника – археолога, с 1 января 1947 г. работаю в Институте истории, археологии и этнографии АН КазССР младшим научным сотрудником.

В феврале 1954 г. в Ученом совете Эрмитажа защитила кандидатскую диссертацию на тему: “Керамика Южного Казахстана (опыт историко-археологической периодизации)”.

16 августа 1957 г.

Г. А. Кушаев. Автобиография

Я, Кушаев Гаяз Абдулвалиевич родился в 1925 г. в семье служащего в селе Новая Казанка Джангалинского р-на ЗКО.

Отец до Октябрьской революции работал по найму приказчиком, после революции с 1920 г. по настоящее время работает счетным работником в советских учреждениях. Мать домохозяйка.

В 1931 г. переехали в город Алма-Ата по месту работы отца (редакция краевых газет).

Сам в 1932 г. поступил учиться в начальную школу, после окончания которой перехожу в среднюю и оканчиваю ее в 1942 г. В декабре 1942 г. я был призван в ряды Советской Армии и направлен в Орловское пехотное училище в г. Чарджоу, где окончил шестимесячные курсы и был переведен в Ташкентское стрелково-минометное училище в городе Термезе.

Летом 1944 г. окончив указанное училище я был направлен в 15 отделение полк резерва офицерского состава (ОПРОС). Пробыв в 15-м ОПРОСе около 1,5 мес. в начале сентября м-ца 1944 г. я был направлен в действующую армию.

В сентябре 1944 г. был назначен комвзвода 776 сп. 214 с. д. I украинского фронта. Во время пребывания на фронте в действующей армии был два раза тяжело ранен. Первый раз 21 января 1945 г. при форсировании реки Одер был ранен в кисть правой руки и мягкие ткани, после чего находился на лечении в городе Ченстохове в госпитале 2442. После выписки я был направлен в свою часть, куда прибыл в конце февраля 1945 г. В последних боях по разгрому гитлеровской Германии был убит комроты и командование ротой было поручено мне.

27 апреля 1945 г. под г. Носкау после форсирования реки Нейсе (приток Шпрее) я был тяжело ранен в голову и направлен в госпиталь. Сперва находился на лечении в Германии, позже 20 мая 1945 отправлен в г. Львов, а позже в г. Гомель. 17 августа 1945 г. я был выписан из госпиталя и демобилизован из армии по инвалидности.

Приехав в Алма-Ата к родителям после небольшого отдыха 22 сентября 1945 г. я поступил на работу в Институт истории, археологии и этнографии КазФАН СССР, в должность помощника директора.

В мае 1946 г. я был переведен в должность и.о. мл. н/сотрудника отдела рукописей ИИАЭ АН КазССР. В марте 1948 г. я был переведен в сектор археологии, указанного института, в должность старшего лаборанта, где и проработал по сентябрь месяц 1949 г.

В 1948 г. работая ст. лаборантом я одновременно поступил учиться на исторический факультет КазГУ, который окончил в 1953 г.

Во время обучения в университете работал пропагандистом Фрунзенского райкома комсомола и райкома партии с 1950 по 1952 г. Избирался в члены райкома ЛКСМК. С 1943 г. по настоящее время являюсь членом ВЛКСМ.

За время работы в ИИАЭ АН КазССР и обучения в университете комсомольским и административным взысканиям не подвергался. Судимостей не имею, к судебной ответственности не привлекался, родственников за границей не имею. Во время пребывания на фронте награжден орденом “Красной звезды” и медалью “За победой над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”

Имею: отца Кушаева Абдулвали Назимовича рождения 1895 г. инвалид труда II гр. работает ст. бухгалтером Института истории АН КазССР. Мать Рабига Галиевна 1903 г. рождения домохозяйка. Сестру Кушаеву Амину (Полякова по мужу) рождения 1919 г., работает преподавателем. Брата Шауката рождения 1923 г. работает шофером в к-зе Джангильдина Алма-Атинской обл. Сестру Кушаеву Халиму рождения 1928 г. работает лаборантом кафедры основ м-л при горно-металлургическом институте г. Алма-Ата.

В семейном отношении холостой живу с родителями

К сему [подпись] (Кушаев Г.)

15 сентября 1953 г.

А. Мұсатайұлы

А. Мұсатайұлы

өлкетанушы, зейнеткер, Балқаш қ.

А. Мұсатайұлы

краевед, пенсионер, г. Балқаш

Археолог ғалымдар*

Түйін. Мақала авторы - өлкетанушы, мамандығы бойынша суретші, ұзақ жылдар бойы ол Қарағанды облысы Ақтоғай кентінде мектепте, музейде қызмет жасаған. Аманкүл Мұсатайұлы 1960–1970-ші ж. Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының Ақтоғай, Ағадыр, шет аудандарындағы далалық ізденістеріне кеңінен қатысқан, Ә. Марғұланмен, экспедиция құрамында жұмыс жасаған басқадай ғалымдармен жақсы таныс болған. Автордың әңгімесінде археологтар Ә. Марғұлан, Ә. Оразбаев, К. Ақышев, М. Қадырбаев, С. Ақынжановтар жайлы естеліктер беріледі.

Тірек сөздер: археологтар, экспедиция, далалық зерттеулер, қазбалар, қызметкерлер.

Мои встречи с археологами

Аннотация. Автор статьи – краевед, художник по образованию, долгое время работал в школе, музее в поселке Ақтоғай Карагандинской области. Аманкүл Мұсатайұлы в 1960–1970-х годах участвовал в полевых исследованиях Центрально-Казахстанской археологической экспедиции на территории Ақтоғайского, Агадырского, Шетского районов, был лично знаком с А. Марғұланом и многими другими учеными, работавшими в составе экспедиции. В рассказе отражены воспоминания об археологах – А. Марғұлане, А. Оразбаеве, М. Қадырбаеве, С. Ақынжанове.

Ключевые слова: археологи, экспедиция, полевые исследования, раскопки, сотрудники.

Әлкей Марғұлан бойы ортадан биіктеу, аққұба жүзді, өзіне жарасатындай сәл толықша келген, жазық маңдайлы, зиялылығы бетіне шығып тұрған кісі болатын. Қарапайымдау киінетін сияқты еді, бірақ, мен оның шікірейіп қалаша киінгенін аз көрдім де, көбіне, үнемі деген дұрыс шығар, далаша киініп жүргенін көретін едім. Бірақ, өте таза, бипаз, ұқыпты болатын еді. Қалай болса, солай, олпы-солпылық байқалмайтын. Мәселен, ұзақ жүріп кеп, машинадан түскенде, көбіне бұлақ, жылға бойына тоқтаймыз ғой, ол кісі ең алдымен қолын, бетін шайып, үсті-басын қағып, сілкіп жататын әдеті бар болатын. Сосын барып, басқа іске кірісетін. Қара бәтәңкесі, етігі болатын, ол да қара түсті костюм-шалбарын жиі киетін. Ақшыл-сұр түстес сулық-плашы да есімде. Дөңгелек берет қалпағын тастамайтын, сол береттердің мен бірнешеуін көрдім, соған үйір болатын, шамасы, Ленинград, Мәскеу жақтан киіп келген модасы деп жүрдік. Ол кісінің құралдан өз дүрбісі, фото-аппараттардан бірнешеуі болды, бір қарасұрлау брезент сөмкесін жақсы көретін, одан басқа аспалы әскери сөмкені де ұстады. Қағаз, қарындаш қалмайды, қарындаштары үнемі ұштаулы, оған керекті кішкентай, жарты қарыс қана қолдан

соққан бәкісі бар-тын. Онымен нан, ет турамайтын, «бере тұрыңыз, нан турайын» дегенге бермейтін. Осы бәкіні Қарқаралы ма, Шет пе бір жақта біреу қолдан соғып берген сияқты еді. Өйткені қадірлейтін ерекше. Көктас-Молақта осы бәкі жоғалып, жарты күн іздеп, әйтеуір тапқамыз, айналадан іздеп әбігерленіп жүрсек, машинаның астынан шыққан.

Әлекең ас-тамаққа қанағат, шыдамды кісі болды. Жоқты тап дегенін, арнайы бірдемені сұрап, мынаны жемеймін, ананы ішпеуші едім дегенін көрген жоқпын. Кәдімгі ауыл тағамының бәрін ішіп-жейтін. Қымыз, айран, жалпы ақ тағамды тәуір көретін.

Жиі есіме түсетін бір нәрсе, ұзақ жүріс, ауыр жолдан кейін ол кісі дереу көп тамақ жемейтін. Осыны мен басқадан көрмедім. Бірде, 70-тің орта тұсы ма екен, кешке үйге келді. Шаршаған. Таңертеңнен бері жолда екенін айтып, Қазылға тамақ істетпеді. Біз, «неге, күнұзақ жолда болсаңыз, ас ішесіз» десек, «жоқ, мен таң асамын, асты ертең жасаңдар» дейді. Сосын үш-төрт кесе қою шаймен, бауырсақпен жатты. Ащысуға үйір емес-тін. Онысын біз а дегенде байқап қалдық та, біз де ойластырып, ащыны араластырмауға дағдыландық. Әсіресе, далада жүргенде, шаруа

барысында ащыны жолатпайтын. Оның үстіне ол кісі ащыға үйірлеу адамдардан аулақ болуға тырысатынын мен дереу байқадым. Ондайы бар адамдармен шамасы келсе сөйлеспей, мәселені тез қайырып, кетіп қалып отыратын. Бірақ, табиғатынан сабырлы адам, ондайда біреуді сынау, қарсы бірдеме айту деген болмайтын.

Жалпы Әлекең сабырлы адам еді. Дау, ұрыс керіс, шу дегендерді көрмедік. Тек кейде бірдемеге, біреулерге ашуланып, ренжіп отыратын. Әсіресе, қираған ескерткіштерді көргенде. Тас мүсіндерді құрылысқа қолданғандарды естіп, көрсе, тарс етіп, ашуын, ызасын жасырмайтын. Бұндайда қатты сөздерге баратын, кеңселерге де кіретін бұндай мәселелермен. Ауылдарда, жалпы қай жерде болсын, беталды сөйлейтін адамдар болады. Оны жек көретін еді. Елді күлдіремін деп, бірдемені қойып қап, жан-жағына қарап, жұрт күлсе, тағы бірдемені қойып қап тұратын желауыздау, ақымақтау, ырбық жігіттерді анық жақтырмайтын. Тәртіпке үйренгендікі ғой.

Тәртіп дегеннен шығады, әр нәрсенің анығын айту керек ол кісіге. «Оншақты оба», «тастың бес-алтауы тұр», «Сонаның тұсында» деп сөйлесеңіз, дайындала беріңіз. «Сонадан неше шақырым», «қай жағында», «оншақты деген не, он ба, әлде бесеу ме». Сұратып барып, мәселен, «Сонаның шығыс жағында 3 шақырым деп» анықтап берсеңіз, «осыны бастан тура неге айтпайсың сен» дейді. «Не деген, жобалап, күмілжітіп сөйлеуге үйренген адамсыңдар» дейді. Ақсақалдарды өте қатты құрметтейтін. Үлкен адамдардың сөзін бөлмей, ыждағатпен тындауды сол кісіден көрдік.

Әбдіманап Оразбаевты да көп көріп, жақсы араластық. Қазылдың ағасы деп айттық. Үйде жні болатын. Манап түрі аққұбадан қараторыға жақын, ұзын бойлы, арық та емес, толық та емес, орта дененің адамы еді. Шаршамайтын, өте шымыр, білектері серіппедей, керемет қарулы болатын. Сонысымен қатар, өте жайдары, мінезі үнемі бірқалыпты, адамға қарсы шықпайтын жуас, момын кісі болды. Орнықты, кең жүректі адам. Әрі үлкен, байсалды, парасатты ғалым еді. Марғұланды пір тұтатын, соның айтуымен ғана



Сур. 1. Әлкей Марғұлан мен Әбдіманап Оразбаев. А. 3. Бейсеновтың жеке архивінен алынды

жүретін. Орталық Қазақстанның ескерткіштерін зерттеуде үлкен еңбек сіңірді. Көкшетау маңында да көп болған, ол жерде ол Кемел Ақышев екеуі қазған. Бұғылыны қазғанын естідім, өзі де айтты. Ал Шортандыбұлақ, Қарқаралыны қазғанын жақсы білемін. Барып көріп те келгемін. Шідертіге де барғам, бірақ, Манап пен Мир қазып кеткен соң. Ол екеуі Шідертіні алпысыншы жылдары қазды, мен болсам жетпісінші жылдары болдым ол маңайда. Шідертіде Болатқожаның, арғы бабамыздың, бейіті бар, бірақ ғылымға еніп, халыққа таратылмаған. Бұны дәлелдеп айтып кеткен жан болса – ол Әлкей Марғұлан.

Әбдіманаптың бір қасиеті Оразбай әулетінің өткен тарихына аузы тарс жабық болды. Оның себебін еш адам білмейді. Біреу ренжітті ме? Немесе жасынан біреулер ұқтырып, шегелеп кетті ме, білмедік. Марғұланның сұрағына да жауап бермейтін. Ежелден жуастығына басып, қарсы

сөз де айтпайтын, жай ғана бұрып әкететін. «Білмеймін, баламын ғой» – деп айтатын.

Манап Медеудің кіші әйелінен туған, бірақ Оразбай тұқымын қырып, айналаның бәрі оларға әдейі кенеше жабылып, талқандап жатқанда ол бала дейтін мүлдем жас бала да емес. Сол кезде ол 13–15-те болуы керек. Неге білмесін, білді ол. Әдейі істейді деп ойлайтынмын. Қарқаралыны бірнеше жыл қазып, түбінде тиіп тұрған Абыралы, Шыңғысқа, ата жұртына баспады. Менен «сен Манапты жақсы білдің ғой, ол не айтты саған туыстары жайлы» деп сұрайтындар болды кейін. Мен «түк айтқан жоқ» деймін, ешкім сенбейді.

Себебі, қазір елдің бәрін өздеріндей сөзшен болған деп ойлайды.

Манап Әнел Жарқызын жақсы көретін, керемет, тік тұрып сияйтын еді. Хабарласып жүрді. Соғысқа қатысқан, орден-медалі баршылық. Соғыста түскен бір фотосуретін Әнел енемізге соғыстан кейін ғылымға кіре бастаған тұсында берген екен, біздің үйде бар, соны археологтардың қайта-қайта тапсыруымен осы кітапқа енгіздім. Басқа да Оразбай әулетінің біраз адамының фотосын кіргіздіртті археологтар, Самашев бар, басқасы бар. Манаптың өмірбаяндық суреттері есебінде, онсыз болмайды деп. «Санияз Манаптың ағасы, алашорда болған, қызыл өкіметке қарсы, атып тастаған», – деп айттық. Фотосын енгіздік. Ақлия оның бәйбішесі, оның да біздің үйдегі фотосын бергіздіртті.

Манап Ленинградтан бітірген, тарих-археологияның оқуын. Сол кездерде спортпен шұғылданған-ау, суда жақсы жүзетін, спорттан волейбол, баскетболға тым маман еді. Өзі соғыста офицер болған, әскери дайындықпен де әбден шындалған адам ғой. Манап таутасқа шығуды да басқалардан көрі ұнатынқырайтын. Есімде, күннің ыстығында беталды тауға шығып жоғалып кетіп, кешке келіп отыратын. Риза болып, «ана тұстан бәленше жер көрінеді екен, мынаның басына шықсаң анау көрінеді екен» – дейді. Экспедицияға қатысуға қаладан келген орыс келіншектер мен қыздар, әйтеуір, өзіне үйір болатын.

Спортшылығына, мінезіне қызығады. Кейінірек Алматыда үйінде талай болдық, орыс жеңеміз болды. Сабақ берді, тарих, археологиядан. Баладан бір ұл. Оның атын Әлкей деп қойған. Бұл Марғұланның құрметіне қойылған ат.

Әлкей Әбдіманапұлы Оразбаев қазір Алматыда, медицина, оптика маманы, ірі ғалым. Жайдары, әкеге тартқан, аз сөзділеу. Қаланікі болған соң, тұйықтау боп көрінеді және орысша сөйлейді, жақсы жігіт. Осыдан бірер жыл бұрын Қазыл екеуміз барып, үйінде болып келдік. Қонақжай, келіншегі де сондай ашық бала.

Мір Қадырбаевты да дәл жанағы екеуінде болмаса да, бірсыпыра біліп, көріп жүрдім. Оның атын аудандық па, бір газеттен оқығаным бар, бірде Мір деп жазыпты. Дұрыс емес. Мир деген ат Мейір дегеннен алынған, Мір емес. Мир мығым денелі, ұзын бойлы, кең иықты, қара мұрт, сақал



Сур. 2. Мир Қадырбаев. 1954 ж. В. М. Қадырбаевтың жеке архивінен алынды

қойған жігіт еді. Көзілдірік киді. «Ей, менің руым Ақбура» дейтін орысшалап. Кейінірек анықтап білдім, Ақбура деген Теміртау, Ақмола жақтағы Алтай-Қареке елінен екен. Орыс тілді жігіт еді. Үнемі сол Ресейден оқыған, университет, аспирант оқу, бәрін. Ақтоғайда ертеректе болыпты, бірақ кейіннен ол Ағадырды өте көп зерттеді. Ақмұстафа, Ортау, Қызылтау төңірегін. Мен оған Шет ауданы жерінде, Ақсу-Аюлының жанынан ертіп барып, бір үлкен қорым көрсеткенмін. Жетпісінші жылдары. Соны көп қазды. Андронов тайпалары тұрған жер екен, өте үлкен ескі орын есебінде. Кітабында бар. Мир Шідертіде көп жыл Манаппен жұмыс жасаған. Манап бастығы, Мир – көмекшісі. Ол жақта олар сақ, қыпшақ заманынан небір ғажап дүниелерді зерттеп, ашып, жаңалық енгізген.

Мир – аса көңілді, ақжарқын, ширақ, сергек болатын. Мир тамаша музыкант болды. Баян, гармонды келістіріп тартатын. Мен дәл ондай гармоншыны сирек көрдім. Орысша небір музыканы келістіретін. Полонез дейсіз бе, частушка дейсіз бе, түгел келтіретін. Экспедициясында да үнемі гармон ұстайтын. Кешкі астан соң гармонь міндетті түрде тартылатын. Келіншектер топтанып жүретін Мирдің жанында қазбада. Қалалық

әйелдер жалаңаштанып күнге қызыдырынуды ұнатады, ондайда ретсіз маңына бара бермейсің. Көргенсіздік болады. Бірдеме сұрап, ыңғай беріп, сөйлесіп жатса жөні басқа. Мир отыз-қырық студент әкеп, Атасу өзенінде доп ойнататын. Мен ол жерде, Мир барда, екі-үш рет болдым. Кейінгісін айтпағанда.

Мир, менің пайымдауымша, мықты ғалым еді. Қыш ыдысты, бір барғанымда, әлдекімдерге түсіндіріп отырды. Ұққанымыз, қыш жасау оңай дүние болмаған. Ол үлкен тәжірибені, дайындықты керек қылған. Әуелі біреулері балшық қазып әкеп, дайындап, әлденелер қосып, тұздап, қоспа жасаған. Одан соң, түрлі порыммен ыдыстың өзін жасаған – үлкенді-кішілі қылып, тегістеп. Оны тағы бір шебер оюлап, бедерлеп тұрған. Одан соң тағы біреулер алдын-ала дайындап отырған отына күйдірген. Оны біреулер әкеп тазалап, қырған. Сосын барып, әбден кепкен соң, тұрғындарға таратқан. Керегіне қарай. Осындай әңгіменің арасында жүрдім-ақ, бірақ, кезінде ештеңе жазып отырмағандықтан, көп нәрсе жай сөз боп қалды.

Бір айта кететін жайт, Шет ауданында Нұраталды ауылында Тельман есімді кісі тұрды. Осы Тельман Әлағаз, Манап, Мир үшеуін де



Сур. 3. Кемал Ақышев. Ә. К. Ақышевтың әсеке архивінен алынды

жақсы білген кісі. Мен өз басым Тельманмен көп бірге жүріп, көп сөйлескенім жоқ, бірақ археологтардың айтуымен жақсы білемін. Оның үстінде, бір рет Әлағаңмен еріп жүріп үйіне қонғаным бар. Ақтоғайдағы біздің үй сияқты, археологтар осы Тельманның үй іші, жанұясымен жақсы араласқан. «Тельман үйінде шығар», «мынаны Тельманнан білейік», «ертең барған бетте Тельманға жолығу керек» деген сияқты сөздер жиі естілетін еді. Ескерткіштердің біразын осы Тельман да көрсеткен сияқты археологтарға.

Ақынжанов Сержанмен екі-үш рет әр жерде тілдестім. Ол Ақмұстафада Мирден кейін зерттеулер жасады. Мир жүрек талмасынан Алматыда аяқ астынан қайтыс болды. Сержан мұртты, жіңішке бакенбард сақалы бар, мығым денелі жігіт болды. Ойланып, баптап сөйлейтін.

1989 жылы Алматыға барғанда Кемел Ақышевпен кеңінен сөйлесудің сәті түсті. Ертеден естіп, жақсы біліп жүретінмін, бірақ жеке сөйлескенім жоқ еді. Ақышев те аса ірі қазақ ғалымы, археолог, ғылым докторы, профессор. Ол кісі 1950 жылдардың басында Орталық Қазақстанда жиі болып, көп зерттеулер жүргізген адам. Әлағаңмен бірге Беғазыны, 37 батыр обасын, Бұғылыны осы ғалым зерттеген. Мен Әлағаңмен танысқан кезде Кемекең Көкшетау жағында жүрген болса керек. Содан соң, Жетісуға, Оңтүстік Қазақстан өлкелеріне экспедициялар ұйымдастырады.

Кемекең – атағы дүние жүзіне танымал әйгілі «Алтын адамды» тауып, зерттеген ғалым.

Ақышевтың осы тапқан ескерткіші ел-елді аралап, көне Қазақстан өнерін айдай әлемге паш еткен. Отырар қаласын ашқан осы Кемекең, тағы көптеген белгісіз жатқан мұраларды тауып, оларды зерттеп, халық игілігіне жаратқан.

Кемел Ақышев – ұзын бойлы, арықша келген, аққұба жүзді адам екен. Көзілдірік киген. Мінезі бір сөзділеу, тәртіпке берік, бос сөзге жоқ, қатаң адам сияқты болып көрінді. Басшылық қызметте көп болған соң болар. Бірақ, мені аса жылы, жақсы шыраймен қарсы алды. Бір сағатқа жуық кабинетінде отырып, әңгімелестік. Шай қойғызды. Институттың ұзақ жыл директоры болған. Соғыста болып, жарақат алған. Ол кісі маған атақты біртуар ғалымымыз Қаныш Сәтбаев туралы кеңінен айтты. Менен сөз арасында Беғазыны, 37 батыр қорымын сұрады. «Ұлытау жерін білесіз бе?» – деді. Мен «ептеп білемін, көргемін, барғанмын» деймін баяғы. Орталық Қазақстанның көп жерін тамаша білетіні аңғарылып отырды. Қоштасарда Сергей деген шоферін алдыртып, маған «баратын жеріңіз қай жерде, мына кісі апарып салады» деп айтты. УАЗ машинасын мінеді екен. Сергей мені Горький көшесіндегі «ЦУМ» орталық дүкеніне әкеп салып, қош айтысты.

Жаны жайсаң, ер мінезді, қазақтың көне тарихы мен өнері, мәдениеті деп атқа мінген, бүкіл өмірін, болмысын ғылым арнаған азматтар менің есімде осылай қалды. Олармен азын-аулақ бірге жүрген жылдар менің өмірімнің аса бір мәнді, қызықты, аса бір жарқын тұстары.

*Мына кітап бойынша басылды: Мұсатайұлы А. Әлкей Марғұлан тағылымы. Құрастырушы-ред. А. Бейсенов. Алматы, 2011. 234 б.

Л. Р. Кызласов

Л. Р. Кызласов,
Московский государственный университет
им. М. Ломоносова

L. R. Kyzlasov,
The Moscow State University after M. Lomonosov

Слово об Алекэ Маргулане

Аннотация. В статье Л. Р. Кызласова ярко описывается история становления казахстанской археологии. Очерчивая вклад специалистов МГУ в развитие археологической науки в Казахстане, Л. Р. Кызласов отводит первостепенную роль в организации этой отрасли – А. Х. Маргулану.

Ключевые слова: Казахстан, А. Х. Маргулан, Казахская Академия наук, МГУ, Центральный Казахстан, древние тюрки, эпоха бронзы, ученики.

A word on Aleke Margulan

Abstract. Leonid R. Kyzlasov's article broadly describes the history of Kazakh archaeology development. Highlighting the contribution of MSU specialists to the development of archaeological science in Kazakhstan, L. R. Kyzlasov assigns the primary role in the organization of this branch to A. Kh. Margulan.

Keywords: Kazakhstan, A. Kh. Margulan, Kazakh Academy of Sciences, Moscow State University, Central Kazakhstan, ancient Turks, the Bronze Age, pupils.

Я хочу рассказать вам сегодня о Маргулане, о человеке 44 лет, которого в ту пору вы не знали, и помнить, следовательно, его вы не можете. Речь пойдет не только об ученом человеке Маргулане, но и об его стране – Центральном Казахстане. Удаленные почти на полстолетия, туда, назад, в конец 1940-х годов, оба они – Маргулан и Центральный Казахстан – оказались для меня неразрывно связанными и одинаково памятными. Тогда, в 1948 году, наступал третий сезон моего путешествия в Древнетюркский каганат, в его увлекательнейшую историю, в его чудом сохранившийся быт... В 1946 и 1947 гг. я работал в Туве.

Но какое же это было время? Страшный коток войны и его всепожирающее пламя укатились далеко на запад, туда, где, по верованиям древних тюрков, опускается под землю и чернеет древнее светило, где находится вход в адскую бездну. Только что смолк четырехлетний зловещий рев невероятного чудовища, которого люди называли войной. Израненная страна повернулась к миру,

вздохнула и стала считать свои раны, заделывать зияющие рваные пустоты. В 1947 году отменили карточную систему. Люди тыла от плача, голода и молитв стали переходить к труду и радостям. Вернулись молодые люди, пусть и такие, как я, немного покалеченные, но деятельные, соскучившиеся по миру и тишине, по созидательному труду и книгам.

Центральный Казахстан тогда был краем нетронутых зверей и непуганых птиц, сухих степей и пустынь, страной редких кочевых аулов, называвшихся почему-то колхозами; почти безлюдная земля робких черноголовых амазонок и степенных аксакалов. Как же мало мы видели мужчин на древних караванных и торговых путях. Но как много попадалось разнообразной живности и дичи! Изредка встречались и охотники, но без всякого оружия – к их верблюдам или седлам старых лошадок приторочены были только волчьи или лисичьи капканы, да собственные костыли...

“Хабар бар ма?” – “Бар, бар! Москва говорит, что надо снова поднимать жизнь – вот с нами едут люди из Москвы!” – “Уй-бай, джаксы!”

Моюн-Кумы, Бетпак-Дала, Сарысу, Улутау... 300 тысяч казахов погибло на войне. В старых войлочных юртах мало детей и люди живут так же, как их древние предки в VI–VIII вв.: кумыс, еремчик, кург, редко – мясо сурка, барсука или сайги, наступившей в капкан на водопое. Хлеба нет – клубни диких растений и корни...

Маргулан – плотный, кряжистый человек с округлым свежим лицом, всегда чисто выбритый, одет в светлый льняной костюм и белые брезентовые туфли. На голове его, совсем не казахская, округлая панама.

Он удивляет степных людей, они с опаской думают: “Зачем этот начальник приехал из Москвы? Что-то он скажет?”

В юрте его сажают в центре, на почетное место и первому дают кесе с кумысом. Тихо спрашивают меня: “Маргулан, говоришь? Нет, он не казах – фамилия не казахская!” Тут уж я смеюсь и удивляюсь.

Так кто же он – Маргулан? Себя он просил в степи называть по-родственному – Алексé. Ему 44 года – мне на двадцать лет меньше. Он член-корреспондент Казахской Академии Наук, я студент-дипломник кафедры археологии Московского университета. Он начальник Центрально-Казахстанской экспедиции и меня уважает – назначил начальником археологического отряда. Еще есть архитектурный отряд – его начальник Павел Николаевич Рогулин. Этот толстеющий москвич средних лет не может сидеть на кошме, поджав под себя ноги, как все степняки. Казахи спрашивают меня, удивляясь: “Почему русскому начальнику непременно нужно подкладывать под зад твердую доску?” Я снова смеюсь... Мне и самому интересны спутники по новой экспедиции.

Наш начальник, кажется, человек жизнерадостный и очень любит степь, радуется ей. Утром, выйдя из палатки, он распахивает руки на восход солнца, кричит: “Салам саган туган джер!” — “Приветствую тебя, родная земля!” И улыбается. Вечером, отходя от костра под звездный полог пустынной ночи, он поет печальные песни родины. В своих рассказах об истории казахов Алексé мыслит яркими эпическими образами и нередко цитирует героические сказания. О каждом встреченном каменном изваянии, скале с древними рисунками, степном мавзолее-кумбесе, он может рассказать бытующее в народе верное предание или легенду.

Ученого человека Маргулана, как мне казалось, характеризуют три основные черты, каждая из которых является порождением предыдущей: во-первых и главных, преданность родной земле и своему народу; во-вторых, преданность науке и,



*Рис. 1. А. Х. Маргулан. Середина 1950-х гг.
(по: НА «Гылым ордасы», ф. 11,
оп. 1 л/д, д. 112, л. 89)*

в-третьих, смелая устремленность в полевой разведке. Прирожденный всадник, он может часами скакать на верблюде, но предпочитает ему размеренного иноходца-тулпара.

Все это и мне было дорого, но особенно – последнее качество. Ведь я, бывший танкист, привык за три года тяжелой службы на войне к стремительным боевым операциям, к постоянным танковым броскам и непрерывному продвижению вперед.

Маргулан в то время – тюрколог-казаховед широкого профиля. Главное – он историк культуры своего народа: фольклорист, этнограф, исследователь казахской архитектуры. Он получил хорошее образование, обучаясь в 1920–1930-х годах в вузах Ленинграда. В 1945 г. за диссертацию по казахскому эпосу Алексé получил степень доктора филологических наук.

В 1948 г. он себя археологом еще не считает, хотя уже два года тому назад создал Центрально-Казахстанскую комплексную экспедицию и производил небольшие раскопки. Маргулан оправдывал себя надеждой найти археологические объекты, напрямую связанные с происхождением

и историей родного народа. Казалось, сделать это легко и просто. Его подход на первых порах был филологическим – надо использовать родные топонимы!

Алекэ рассказывал, как на речке Бегазы ему вдруг стало предельно ясно, что там похоронены “беги азов” (азы – древнетюркский народ VIII–IX вв. – Л.К.). Поэтому, в 1947 г. он решился раскопать одну бегазинскую плиточную ограду [Маргулан, 1949, с. 13–18]. Но, увы, ни одного тюркского бега он в ней не нашел и найти не мог – сооружение было построено в более глубокой древности, еще в конце бронзового века. Ученый был сильно обескуражен...

Так зародилось явление, которое я, шутя, назвал “парадоксом Маргулана”. Стремясь найти и исследовать курганы, связанные с древними и средневековыми тюрками – прямыми предками казахов, Алькей Хаканович старался раскрывать самые разнообразные по устройству могильные сооружения. Но чем больше он их исследовал, тем больше, год от года, он обнаруживал памятники эпохи бронзы, заведомо не связанные с тюрками. И вот, наконец, стало ясно, что Маргулан открыл и обосновал как феномен новую важную для науки бегазы-дандыбаевскую культуру [Маргулан, 1979]. И я своими раскопками в горах Бегазы способствовал этому [Кызласов, Маргулан, 1950].

Много других замечательных памятников открыл этот удачливый и трудолюбивый человек, но, если не ошибаюсь, только однажды он раскопал могилу кыпчакского воина с оружием, конским инвентарем, предметами быта и серебряными монетами XIV в. [Маргулан, 1959]. Некоторые ученики Алькея Хакановича также оказались подверженными “парадоксу Маргулана”. В результате их упорных трудов лучше всего изученными в Казахстане оказались культуры эпохи бронзы и раннего железа [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966]. Так дело двигалось вперед.

Замечательные памятники бронзового века настолько увлекли Алекэ, что он стал забывать свою прежнюю мечту. Ему удалось передать древнетюркскую тему в руки трех способных ученых – Сержана Мусатаевича Ахинжанова, создавшего ценный труд о кыпчаках [Ахинжанов, 1989; 1995], Булата Ешмухамбетовича Кумекова, распутавшего сложный клубок арабских и персидских источников о кимаках [Кумеков, 1972] и Александра Шайдатовича Кадырбаева, заставившего средневековые китайские хроники рассказать о тюрках и иранцах в XIII–XIV вв. [Кадырбаев, 1990].

Большие успехи достигнуты с тех пор археологами, исследующими роль и значение городской цивилизации в средневековой истории Казахстана [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987;

Байпаков, 1986; 1990]. Здесь надо вспомнить, что ее изучение началось с небольшой книги Алькея Хакановича, вышедшей в далеком 1950 г. [Маргулан, 1950]. Но, кроме западных районов Казахстана, археология кыпчаков и других средневековых этнических групп остается неразвитой, а без нее – нет решения этнической истории казахов.

Но все это проблемы сегодняшнего развития науки. А тогда, в “сороковые роковые”? А тогда был период бурного послевоенного развития науки и культуры Казахстана. Была создана Казахская Академия Наук, которую возглавил крупный ученый и талантливый организатор науки геолог Каныш Имантаевич Сатпаев. Среди научных институтов возник Институт истории, археологии и этнографии. Директором его стал многообещающий и инициативный историк Е. Б. Бекмаханов, тогда еще не предугадывавший своей драматической судьбы (вскоре он был репрессирован...).

Продолжили полевые исследования экспедиции ленинградских ученых: Семиреченская, во главе с профессором А. Н. Бернштамом, и Восточно-Казахстанская, созданная истинным рыцарем без страха и упрека, защитником Ленинграда в дни блокады, капитаном С. С. Черниковым.

Археологи, разворачивая послевоенную работу, формировали свою научную стратегию и тактику. Но в Казахской Академии Наук в то время Маргулан был единственным ученым, который задумал создать сектор археологии на пустом месте. И тогда он поехал в Москву. Отчего же не в близкий ему с юности Ленинград? Кажется, потому, что “А. Х. Маргуланов” (как он тогда подписывал свои статьи) после страшных 1937–1938 гг., будем говорить, просто “устал” от Ленинграда. Он решил обратиться за помощью к своим московским коллегам, ведущим профессорам кафедры археологии Московского университета. Ими были известные ученые Б. Н. Граков и С. В. Киселев. Граков в 1928–1933 гг. раскопал значительное количество андроновских, савромато-сармато-аланских и средневековых могил в северных пределах Западного Казахстана. В 1930 г. в г. Кызылорде им был издан известный программный труд “Ближайшие задачи археологического изучения Казакстана”, с приложением первой карты “главнейших археологических культур и культурных влияний” этой страны [Граков, 1930]. Киселев, во главе отряда Карагандинского областного музея, в 1940 г. произвел в Каркаралинском районе, вблизи аула Бесоба, генеральное археологическое обследование местности. Он раскопал там около десяти андроновских погребальных

сооружений и одно святилище солнцепоклонников бронзового века [Киселев, 1949, с. 55, 59, прим. 139; Маргулан, Агеева, 1948, с. 132–133].

Кафедра археологии МГУ откликнулась на просьбу Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана и направила туда на постоянную работу двух молодых специалистов-археологов из выпуска 1946 г. Это были ученые-энтузиастки: А. Г. Максимова и Т. Н. Сенигова. Обе они посвятили археологии Казахстана всю свою трудовую жизнь. Именно с их именами связано преодоление нелегкого периода становления сектора археологии АН Казахстана и резкого расширения фронта его полевых работ.

По предложению профессора С. В. Киселева кафедра археологии МГУ откомандировала на полевой сезон 1948 г. в помощь А. Х. Маргулану и меня, в то время готовившего дипломную работу на тему: “Алтайские племена в V–X вв.” [экскурсы из этой работы опубликованы: Кызласов, 1949; 1951б]. Было принято во внимание, что в 1946–1947 гг. я, в качестве научного сотрудника Саяно-Алтайской археологической экспедиции АН СССР, работавшей под руководством профессора С. В. Киселева, прошел специальную полевую подготовку по исследованию памятников древнетюркской культуры VI–X вв. в Туве и Хакасии [Евтюхова, Киселев, 1949, с. 120]. В те годы я застал в Туве еще не затронутых цивилизацией кочевников-тувинцев, которые по образу жизни и самобытной культуре мало чем отличались от скотоводов, составлявших основное население Тюркских каганатов в VI–VIII вв.

Поэтому в Центральном Казахстане археологический отряд в 1948 г. быстро обнаружил в ряде пунктов сосредоточение типичных жертвенно-поминальных памятников эпохи Тюркских каганатов [Кызласов, 1950; 1951а]. Для поминальных жертвоприношений в честь погибших героев древние тюрки сооружали подквадратные оградки из плит, врытых на ребро, с каменными изваяниями, установленными вертикально и изображавшими покойных воинов. От этих изваяний на восток отходили ряды каменных столбиков-балбалов, устанавливаемых, по тюркскому обычаю, по числу убитых воином при жизни врагов [Кызласов, 1964; Кызласов, 1969, с. 23–43].

Центрально-казахстанские жертвенно-поминальные памятники оказались абсолютно тождественными изучавшимися мною за год до этого в Туве. Наше открытие показало, что памятники Тюркских каганатов VI–VIII вв. одинаковы на всей территории первых древнетюркских государств. Само по себе это было большим успехом и очень порадовало Алькея Хақановича [Маргулан, 1966, с. 8–21].



Рис. 2. Л. Р. Кызласов, студент 3 курса. 1947 г., июль. Фото из семейного архива И. Л. Кызласова

Как видно из нашего изложения, и экспедиция 1948 г., в которой участвовало двое профессионально работающих москвичей, и, главное, активный повседневный труд новых сотрудниц-москвичек в создаваемом секторе археологии АН Казахстана должны быть отмечены как известный вклад кафедры археологии Московского университета в создание и развитие собственной археологической науки в Казахстане.

Добавлю, что казахстанская тематика постоянно находилась в поле зрения московских университетских археологов. В 1950–1960-х гг. читался спецкурс по археологии Казахстана и Киргизии, готовились и кадры молодых специалистов. В 1964 г. курс Московского университета по кафедре археологии (под руководством Л. Р. Кызласова) окончил будущий казахский ученый Сержан Мусатаевич Ахинжанов [Смагулов, 1992, с. 297–298]. Другая моя ученица – Л. А. Чалая – в 1967–1971 гг. изучала в Центральном и Северо-Восточном Казахстане стоянки неолитической эпохи. Собранный ею материал опубликован и исследован в защищенной кандидатской диссертации [Чалая, 1971].

Однако безусловным организатором целой отрасли гуманитарной науки о казахах в Казахстане стал неутомимый в хлопотах, настой-

чивый и деятельный, внешне всегда спокойный, но в действительности тонко чувствующий и глубоко ранимый, стойко переживавший многие нападки и удары судьбы, наш почтенный патриарх Алёкэ Маргулан.

Энтузиазмом археологов удивить нельзя, но внутренняя убежденность в личной ответственности за воссоздание подлинной истории своего народа дана не каждому. Сегодня нам легко понять, что в те годы наиболее опасной для Алёкэ была, как это не парадоксально звучит, именно нескрываемая им любовь к родному народу. Этим пользовались его враги.

Может быть, потому Маргулан уцелел и дожил до высокого возраста, что, как мне доподлинно известно, единственный экземпляр рукописи его диссертации “Эпические сказания казахского народа” вовремя исчез из фонда Ленинской библиотеки. Но, увы, потому и книги с таким названием Алькей Хаканович для нас не оставил...

При первой нашей встрече осенью 1947 г., состоявшейся в Москве на профессорских хорах общего читального зала Ленинской библиотеки – бывшего Румянцевского музея в Доме Пашкова – Алькей Хаканович был прост и обстоятелен. Он рассказал, кажется, обо всех особенностях нашей будущей экспедиции, но оказалось, как всегда, что реальная жизнь богаче людских планов. Нас подстерегали неожиданные встречи и потрясения. Два случая особенно сохранились в памяти, даже сейчас – шестьдесят лет спустя.

На подъезде к небольшому горняцкому городку Джезказгану из тучи пыли, ползущей навстречу нам по степной разбитой дороге, раздалась отчетливая автоматная очередь. Но пули ушли куда-то вверх. Наша машина съехала с дороги и остановилась. Надрывный собачий лай, многократный лязг железа, резкие окрики... Что происходит? С увала на увал, затекая в рытвины и колдобины, по пыльному шляху ползла плотная колонна страшных двуногих существ, непохожих на обычных людей. Скованные попарно металлическими прутьями, с кандалами, замкнутыми на щиколотках, сторбленные и качающиеся, механически и обреченно куда-то брели серые фигуры.

Да, да, это все-таки оказались люди: в серых брезентовых робах, с бубновыми тузами между

лопаток, в немислимых “котах” из автомобильных покрышек на ногах и в брезентовых, плоских, округлых головных уборах, надвинутых на уши. Они медленно двигались вперед нестройными рядами, по три пары в ряд, а по бокам плотной цепочкой шли кавказцы-автоматчики, каждый пятый – с рвущейся на сворке возбужденной овчаркой. И звон, звон кандалный, о котором до того я слышал только в старых сибирских песнях.

Впервые я увидел советских каторжников... “Значит, у нас есть каторга? И это при социализме?” Тогда, единственный раз, мне довелось видеть на лице Маргулана черный гнев и недоумение... Позднее нам разъяснили джезказганские геологи: “Да, вы видели каторжников. Это самые страшные изменники: власовцы, полицаи и диверсанты. Они осуждены на 25 лет каторжных работ, при самом строгом режиме. На работы в медные рудники их гоняют только в кандалах, в лагере кандалы снимают”.

Второе потрясение произошло в Алма-Ате. В самом конце сентября экспедиционная машина прорвалась через снежную злую пургу в Северном Прибалхашье и 1 октября 1948 г. мы вернулись в столичный город-сад. Масса цветов, горы разнообразных фруктов, обилие снеди на зеленых восточных базарах! От обилия изнеживающих даров природы кружилась голова – начинался отдых.

Ночью в гостинице мою кровать на колесах неведомая сила вдруг выкатила в центр комнаты, затем с грохотом бросила в стену. Все выбежали на улицу. На утро мы узнали о страшном Ашхабадском землетрясении, совершившемся 6 октября и вчистую разрушившем город. Это горы Алатау привели затухающую волну земных судорог в Алма-Ату. Тогда ночью я не удивился, встретившись с Алькеем Хакановичем в уличной толпе. Обезопасив семью, он бросился к гостинице, чтобы успокоить своих московских коллег.

Вот в этих-то случаях и проявилась, вероятно, главнейшая черта в характере Алёкэ Маргулана: прирожденное равнодушие к людям, ради благополучия и счастья которых только и стоит жить и работать на этой земле.

Примечание

1 – Рукопись данной публикации предоставлена сыном Л. Р. Кызласова – И. Л. Кызласовым.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.** Отрар в XIII–XV веках. – Алма-Ата: Наука, 1987. – 256 с.
- Ахинжанов С.М.** Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 287 с.
- Ахинжанов С.М.** Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алматы: Ғылым, 1995. – 296 с. Изд. [2-е] испр.
- Байпаков К.М.** Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). – Алма-Ата: Наука, 1986. – 255 с.
- Байпаков К.М.** По следам древних городов Казахстана: (Отрарский оазис). – Алма-Ата: Наука, 1990. – 208 с.
- Граков Б.Н.** Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. – Кызыл-Орда: Казиздат, 1930. – 20 с.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В.** Саяно-Алтайская экспедиция // КСИИМК. – 1949. – Вып. 26. – С. 120–127.
- Кадырбаев А.Ш.** Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. – Алма-Ата: Ғылым, 1990. – 160 с.
- Киселев С.В.,** Древняя история Южной Сибири. – МИА. – 1949. – № 9. – 364 с.
- Кумекоев Б.Е.** Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 156 с.
- Кызласов Л.Р.** К истории шаманских верований на Алтае // КСИИМК. – 1949. – Вып. 29. – С. 48–54.
- Кызласов Л.Р.** Сары-Булакская писаница в Бетпак-Дала // КСИИМК. – 1950. – Вып. 35. – С. 139–143.
- Кызласов Л.Р.** Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана // Известия АН КазССР, сер. археол. – 1951а. – № 108, вып. 3. – С. 53–63.
- Кызласов Л.Р.** Резная костяная рукоятка плети из могилы Ак-Кюна (Алтай) // КСИИМК. – 1951б. – Вып. 36. – С. 50–55.
- Кызласов Л.Р.** О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // СА. – 1964. – № 2. – С. 27–39.
- Кызласов Л.Р.** История Тувы в средние века. – М.: МГУ, 1969. – 214 с.
- Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х.** Плиточные ограды могильника Бегазы // КСИИМК. – 1950. – Вып. 32. – С. 18–32.
- Маргулан А.Х.** Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 года // Известия АН КазССР, сер. археол. – 1949. – № 67, вып. 2. – С. 3–36.
- Маргулан А.Х.** Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. – Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1950. – 122 с.
- Маргулан А.Х.** Раскопки погребения воина XIV века в долине реки Нуры // Тр. ИИАЭ, сер. археология. – 1959. – Т. 7. – С. 262–265.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. – 360 с.
- Маргулан А.Х. Личное дело // НА «Ғылым ордасы», ф. 11, оп. 1л/д, д. 112, 201 л.
- Маргулан А.Х., Агеева Е.И.** Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 гг.) // Известия АН КазССР, сер. археол. – 1948. – № 46, вып. 1. – С. 125–135.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.** Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 436 с.
- Марғұлан Ә.** Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндер // Ежелгі мәдениет куәлары. – Алма-Ата, 1966.
- Смагулов Е.А.** Памяти Сержана Мусатаевича Ахинжанова (1939–1991) // РА. – 1992. – № 3. – С. 297–298.
- Чалая Л.А.** Неолит Северо-Восточного и Центрального Казахстана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ, 1971. – 24 с.

**Г. А. Базарбаева,
Г. С. Джумабекова**

Г. А. Базарбаева, Г. С. Джумабекова
*Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
г. Алматы*
G. A. Bazarbayeva, G. S. Jumabekova
A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty
E-mail: galiya2002@gmail.com

А. Х. Маргулан и Е. Ю. Спасская – первые исследователи культовых бронз Жетысу

Работа выполнена при финансовой поддержке МОН РК, проект 2987/ГФ4 «Древние котлы казахской степи: анализ одной категории предмета во времени и пространстве»

Аннотация. Настоящая заметка посвящена некоторым аспектам в истории изучения культовых бронз Жетысу. Впервые в отечественной науке систематическое исследование сакских котлов было инициировано А. Х. Маргуланом в секторе археологии Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР в далеком 1946 г. Под руководством выдающегося казахского археолога тему разрабатывала Е. Ю. Спасская. Исследовательницей впервые были систематизированы данные по культовым бронзам Жетысу. Разработки Е. Ю. Спасской представляют собой ценный источник информации о такой категории находок, как котлы древнего населения региона.

Ключевые слова: А. Х. Маргулан, Е. Ю. Спасская, Жетысу, ранний железный век, культовые бронзы, котлы.

A. Kh. Margulan and E. Yu. Spasskaya – the first researchers of Jetysu cult bronzes

The work was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, project 2987/GF4 “Ancient caldrons of the Kazakh steppe: analysis of one category of subject in time and space”

Abstract. The article is devoted to some aspects in the history of the study of Jetysu cult bronzes. The systematic study of the Saka caldrons was initiated by A. Kh. Margulan in the archaeology sector of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the KazSSR Academy of Sciences in 1946 for the first time in the domestic science. Under the leadership of an outstanding Kazakh archaeologist, the topic was developed by E. Yu. Spasskaya. The researcher systematized data on Jetysu cult bronzes for the first time. E. Yu. Spasskaya’s developments are a valuable source of information on this category of finds like the caldrons of the ancient population of the region.

Keywords: A. Kh. Margulan, E. Yu. Spasskaya, Jetysu, Early Iron Age, cult bronzes, caldrons.

В далеком 1946 г. в Институте истории, археологии и этнографии был сформирован сектор археологии. В штатном расписании сектора значилось всего два археолога – А. Х. Маргулан и Г. И. Пацевич [НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 36, л. 108]* [*Благодарим А. З. Бейсенова за помощь в сборе материала]. Причем на обоих лежал груз большой ответственности. Если первый являлся руководителем сектора, то второй – возглавлял Джамбулский археологический пункт. В истории отечественной науки в 1946 г. произошло три важных события: 1) Открытие Академии наук КазССР; 2) Организация сектора археологии и 3) Организация ЦКАЭ. Перечисленные пункты позволяют представить какое количество мероприятий они влекли за собой. Вся эта нагрузка, безусловно, падала на двоих археологов – А. Х. Маргулана и Г. И. Пацевича. В такой обстановке возникала острая необходимость в по-

полнении сектора квалифицированными кадрами. Так, в июне 1946 г. в сектор на должность младшего научного сотрудника была зачислена Е. Ю. Спасская [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 4, л. 48] (рис. 1).

В отчете сектора археологии за 1946 г. читаем: «Тов. Спасская, разрабатывающая тему под руководством доктора наук А. Х. Маргулана, в настоящее время закончила описание 16 котлов, хранящихся в республиканском музее КазССР и просмотрела обширную литературу, имеющую отношение к культуре кочевых племен эпохи бронзы. К концу года она окончит подборку всего материала, описание котлов, их фотографирование, обмер и производство химического анализа. После этого она закончит и теоретическое обобщение своей работы в виде монографии» [цит. по: НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 36, л. 112].

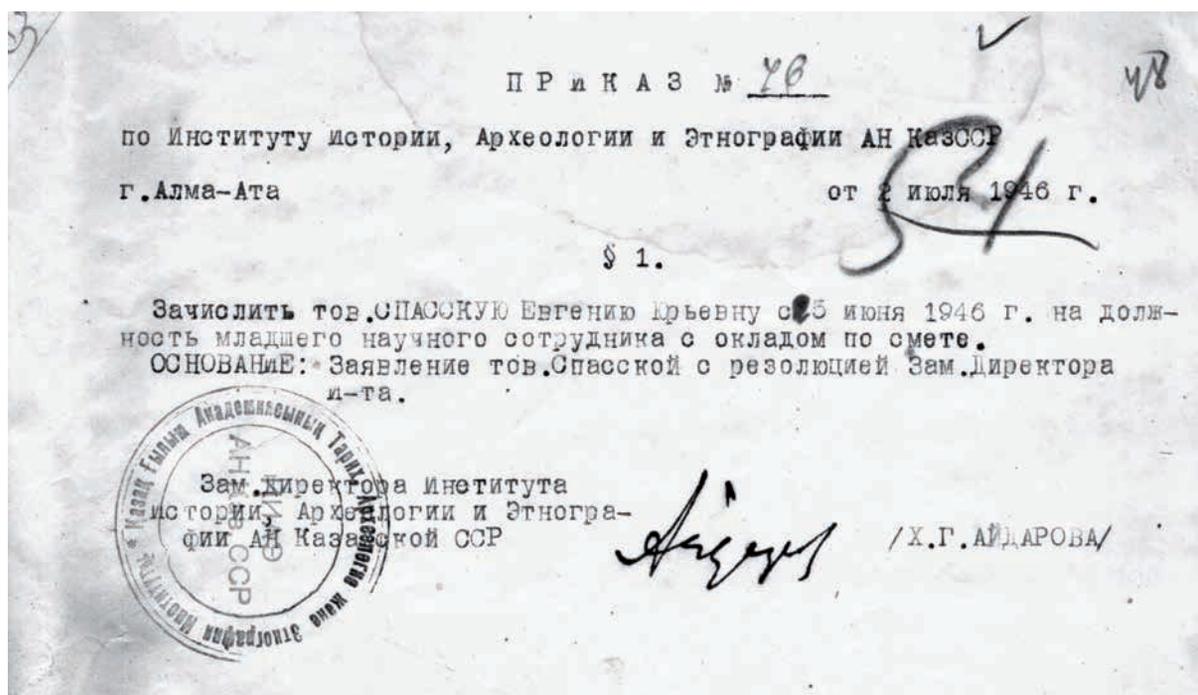


Рис. 1. Копия приказа по ИИАЭ о зачислении в штат Е. Ю. Спасской
(по: НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 4, л. 48)

Поколение исследователей 1940-х годов – это люди, пережившие эхо второй мировой войны, испытавшие события грозных 1930-х гг. Наука Казахстана в военные годы была организована таким образом, чтобы в сжатые сроки, в пределах возможностей минимального финансирования открывать, создавать, реализовывать масштабные проекты, направленные на обеспечение фронта. Так под руководством К. И. Сатпаева было разработано месторождение марганца в Жезказгане, столь необходимого металла для брони танков [Бейсенов, 2015]. Видимо, поэтому цели, которые ставили исследователи, имели также практическое значение. Возможно, данное обстоятельство и послужило причиной того, что на тему изучения котлов, предметов, причастных к культуре воинов, имеющих отношение к воинской символике, служащих символом единения рода, племени, сообщества, обратил внимание А. Х. Маргулан. Аликей Хаканович располагал колоссальными сведениями по этнографии, фольклору, искусствоведению. Скорее всего, он уже заранее знал, каким должен быть результат систематического исследования данной категории находок. А. Х. Маргулана всегда волновали вопросы происхождения металлических изделий, начиная с процесса добычи руды и завершая готовым изделием. Он всячески поддерживал изыскания Н. В. Валукинского в этом направлении, даже приглашал его работать в сектор. Об этом известно из переписки [Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2017, приложение 5]. А. Х. Маргулан затрагивал вопросы изучения металлургического производства в своих монографиях [Маргулан,

1979; Маргулан и др., 1966]. Затем разработкой данного направления активно занимался М. К. Кадырбаев. Этот аспект был одним из ключевых в его так и незавершенной докторской диссертации [Кадырбаев, 1959].

Талантливый организатор науки, выдающийся стратег А. Х. Маргулан старался охватить разносторонние направления науки. Исследователь изначально был ориентирован на комплексный подход в археологии и вопрос изучения котлов – не исключение. В самых первых числах июня 1946 г. происходило важнейшее событие – открытие Академии наук КазССР. Все руководители научных подразделений АН КазССР знакомили многочисленную аудиторию с результатами деятельности возглавляемых ими институтов. Так, в докладе А. К. Жубанова “Музыкальная культура казахского народа” прозвучала информация, имеющая отношение к изучению такой категории находок, как котел: «Казахский ударный инструмент – даулпаз (уйгурский – тебильбаз, видимо, от арабского – табиль) встречается и у русских: в “Описании оружия царя Бориса Годунова” - медная чаша, с обтянутой в полую части кожей, по которой били кожаной плетью, называли “Тулумбас” и приписывается монголо-татарское происхождение этому инструменту. Даулпаз имеет вид *медного котла* [курсив наш – авт.], закрытый кожей, по которому ударяют короткой нагайкой. Даулпаз также использовался во время охоты на гусей и уток в качестве пугала. Вообще предполагается, что даулпаз как ударный инструмент, видимо, почти не употреблен в музыкальном быту казахов. Подобное явление можно объяснить тем, что

ритм музыки у казахов дается не извне определенного назначения для этой цели инструментом, а находится в самой музыке» [цит. по: Жубанов, 1946, л. 439].

Творческая интеллигенция 1940-х тесно сотрудничала. Они пересекались на расширенных заседаниях Ученых советов институтов, заседаниях отделения общественных наук. Делились информацией, дискутировали, обсуждали основные положения своих исследований. Такие встречи не проходили мимо А. Х. Маргулана, который по воспоминаниям очевидцев был великолепным, внимательным собеседником [Мұсатайұлы, 2017]. При выдвижении кандидатуры А. Х. Маргулана в действительные члены АН КазССР А. К. Жубанов горячо поддержал соискателя [НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 168].

При анализе работ Е. Ю. Спасской обращают на себя внимание моменты, связанные со сведениями из казахской этнографии о котлах. Изучению жизни Евгении Юрьевны Спасской в Казахстане посвящено специальное исследование Н. Анохиной. Благодаря этой публикации, можно представить образ исследовательницы культовых бронз Жетысу – Е. Ю. Спасской [Анохина, 2011].

Евгения Юрьевна Спасская (1892–1980) родилась в г. Нежин, Украина. В 1910–1914 гг. училась на историко-филологическом факультете Московских высших женских курсов им. В. И. Герье. В 1924 г. поступила в Киевский археологический институт. В годы работы в Киевском сельскохозяйственном музее (1925–1934) изучала этнографию украинского и крымско-татарского народов, в частности традиционную народную вышивку, украинские народные промыслы. В 1931 г. в Харьковском научно-исследовательском институте материальной культуры защитила кандидатскую диссертацию, посвященную изучению деятельности Волокитинской фарфоровой мануфактуры А. Н. Миклашевского. Научная и музейная деятельность Е. Ю. Спасской в Украине прервалась в 1934 г. в связи с арестом и ссылкой на три года в г. Уральск. В 1937 г. после окончания срока ссылки получила разрешение на переселение в г. Алма-Ату, где работала в Центральном музее Казахстана. Далее, до 1946 г., вместе с сыном она жила в ссылке в г. Семипалатинске (рис. 2). Вернувшись в Алма-Ату, проработала около года в секторе археологии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, затем до выхода на пенсию в 1959 г. в Казахском педагогическом институте им. Абая – сначала как ученый секретарь Ученого совета, затем – заведующая аспирантурой. В послевоенное время Е. Ю. Спасская проживала в доме № 53 по ул. Тимирязева напротив Ботанического сада, сохранившемся до наших дней.

Оставаясь настоящим ученым-этнологом, Е. Ю. Спасская в Алма-Ате занималась изучением традиционных ремесел и быта казахов и кыргызов. Особенно заслуживает внимания исследование медных котлов ранних кочевников. Материалы для этого исследования она собирала с 1946 г. Находясь на пенсии, Е. Ю. Спасская помогала каталогизировать фонды Картинной галереи и Ботанического сада.

Наиболее полный на сегодняшний день свод бронзовых котлов Жетысу и Кыргызстана составлен Е. Ю. Спасской. Список котлов является наиболее подробным на период 1948 г. – в нем собраны сведения о находках котлов за 1829–1948 гг. [Спасская, 1949; 1955]. Относительно использования металлических котлов, Е. Ю. Спасская высказала мнение о том, что они употреблялись и в быту и в ритуальных целях. Она также предложила типологию скифских котлов. Ею разрабатывались вопросы реконструкции технологии отливки котлов. Появление литых медных котлов Е. Ю. Спасская связывала с переходом населения к кочевому скотоводству и освоением обработки металла для изготовления крупных предметов. Она высказала предположение о том, что треногие котлы могли использоваться в ритуальных целях, а также предположила и более оседлый уклад вождей племен и возможность более позднего времени изготовления треногих



Рис. 2. Евгения Юрьевна Спасская с сыном Юлием. Алма-Ата, 1947 (по: Анохина, 2011, с. 53)

котлов. Е. Ю. Спасская высказала предположение о бытовании на территории Казахстана в скифосакский период кочевого и оседлого укладов хозяйства; выделении кочевой аристократии саков, сосредоточившей светскую и духовную власть в своих руках, занимавшую наиболее благоприятные в природно-климатическом отношении участки – подножия гор. По мнению Е. Ю. Спасской, треногие семиреченские котлы – усуньского времени, местного изготовления, их назначение – пиршественные атрибуты. Очень ценным является описание находок восьми треногих котлов в г. Алма-Ате [Спасская, 1949; 1955].

В Научном архиве «Гылым ордасы» сохранились отзывы на работу Е. Ю. Спасской «Коллекция медных котлов Государственного центрального музея Казахской ССР», подготовленные сотрудниками отдела археологии ИИАЭ АН КазССР Т. И. Сениговой и Е. И. Агеевой [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 560]. В отзыве Т. И. Сениговой, датированном 11 марта 1952 г. отмечено, что исследование Е. Ю. Спасской представляет собой первую в советской литературе работу, в которой суммированы казахстанские коллекции котлов. Т. И. Сенигова далее пишет:

«Автором проделана кропотливая работа по сбору литературных, устных и этнографических данных, связанных с изучением котлов. На основании анализов и обмеров котлов составлена подробная паспортная таблица каждого котла, что представляет несомненную ценность для музея и археолога. На основе изучения форм и техники, дано постепенное развитие форм котлов».

В отзыве, подготовленном Е. И. Агеевой, от 24 марта 1952 г. звучит: «Огромнейшая заслуга автора и состоит в том, что он проделал большую, кропотливую работу по паспортной таблице этой уникальной коллекции, систематизации, научному описанию. Работа эта вводит в научный оборот весьма ценные материалы и, конечно, работа вполне заслуживает того, чтобы быть опубликованной в самое ближайшее время».

Материалы, собранные Е. Ю. Спасской об условиях и месте находок котлов Жетысу, представляют собой золотой фонд информации о данной категории предметов. Исследовательницей проделан колоссальный труд, который еще долго будет востребован.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохина Н.** Жизнь Евгении Юрьевны Спасской в Казахстане по воспоминаниям родных и переписке ученой // *Нижинська Старовина*. – 2011. - Вип. 11 (14). - С. 51–56.
- Бейсенов А.З.** Организация и ранний этап исследований Центрально-Казахстанской археологической экспедиции // *История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): матер. междунар. научн.-практич. конф. (20–23 апреля 2015)*. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2015. – С. 40–47.
- Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.** Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской Академии наук // *Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана*. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 11–64.
- Кадырбаев М.К.** Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // *ТИИАЭ АН КазССР*. – 1959. – Т. 7. – С. 162–203.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 360 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.** Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 434 с.
- Мұсатайұлы А.** Археолог ғалымдар // *Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана*. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 65–69.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Жубанов А.К. Музыкальная культура казахского народа. В: Доклады ученых на торжественном заседании, посвященном открытию АН КазССР 1–6 июня 1946 г. // НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 38.
- Материалы по проведению 1-й сессии АН КазССР за 1946 г. // НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 52, 237 л.
- Отчет о работе Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. За время с 1-го января по 31-е декабря 1946 г. В: Отчеты о научно-исследовательской работе учреждений Академии наук КазССР за 1946 г. Т. 2. // НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 36, 176 л.
- План работ и отчет о работе Сектора-Отдела археологии за 1952 г. Переписка по археологическим исследованиям и другим вопросам работы отдела. Перечень научных отчетов и статьи по итогам работ ЦКАЭ за 1946–1952 гг. // НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 560, 116 л.
- Приказы Института истории, археологии и этнографии КазФАН СССР, 1946 // НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1, д. 4.
- Спасская Е.Ю. Бронзовые котлы в Казахстане. Алма-Ата, 1949. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, д. 188, 45 л.
- Спасская Е.Ю. Алма-Атинские медные котлы (К 100-летию основания укрепления Верного 1854 г. – 1954 г.). Алма-Ата, 1955. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, д. 55, 66 л.

О. А. Артюхова

О. А. Артюхова

*Институт археологии имени А. Х. Маргулана,
г. Алматы*

O. A. Artyukhova

*Institute of archaeology named after A. Margulan,
Almaty, Kazakhstan*

e-mail: paleo_artuhova@mail.ru

Валукинский Николай Васильевич

Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК, проекты 2977/ГФ4; 2986/ГФ4

Аннотация. Статья посвящена разносторонней деятельности Н. В. Валукинского (1886–1950) – археолога, этнографа, художника, писателя, создавшего при Жезказганском медном комбинате геолого-минералогический музей, который с 1950 года носит его имя.

Ключевые слова. Жезказган, древняя металлургия, археология, этнография.

Valukinski Nikolay Vasilyevitch

Abstract. The article is devoted to N. V. Valukinski's many-sided activity – archaeologist, ethnographer, artist, writer, creator of the museum that is called with his name from 1950.

Keywords: Jezkazgan, ancient metallurgy, archaeology, ethnography.

Николай Васильевич Валукинский стоял у истоков Центрально-Казахстанской археологической экспедиции. Именно его находки и исследования так часто упоминает А. Х. Маргулан в своих работах по изучению эпохи бронзы Центрального Казахстана. Его имя иногда сопровождает уточнение: «техник-гидролог». В интернете имя Н. В. Валукинского упоминается преимущественно как автора книги «По следам древних предков» [Валукинский, 1940]. Из разных справок в интернете собирается краткая биография: Валукинский Николай Васильевич (1886–1950 гг.), художник, археолог, этнограф, псевдонимы Н. В., М. Валуйко.

Родился 1 мая 1886 г. в г. Козлов Тамбовской губернии (ныне г. Мичуринск), умер в январе 1950 г. в г. Джезказгане КазССР. Окончил Воронежское техническое железнодорожное училище (1904). В 1909–1915 гг. учился в Киевском художественном училище. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Картины Валукинского экспонировались на художественных выставках в Воронеже (1918–1919). Учитель одной из школ Воронежа, преподаватель художественно-промышленного техникума (1922–1925). Член губернского краеведческого общества (с 1924 г.). Директор (1925–1930), заместитель директора,

научный сотрудник (1930–1941) Воронежского областного краеведческого музея.

Автор книг: «Суконные фабрики крепостного времени в Воронежской губернии» [Валукинский, 1926], «Помещики в рясах. Церковно-монастырское крепостное хозяйство» [Валукинский, 1929]. Картины и рисунки Валукинского имеются в ВОКМ и областном Литературном музее им. И. С. Никитина. В архиве А. М. Горького сохранилась переписка с Валукинским.

С 1942 жил в Киргизии, с 1945 – в Казахстане. Начиная с июня 1945 г., устроился на должность техника-гидролога Жезказганского медеплавильного комбината. Будучи на службе, проводил археологические раскопки, занимался историей производства рудника. На основе его собранных богатых материалов в декабре 1947 г. был создан Геолого-минералогический музей. Музейному комплексу корпорации «Казахмыс» присвоено имя Н. В. Валукинского [Валукинский Николай Васильевич, Интернет-ресурс].

В архиве Института археологии им. А. Х. Маргулана хранятся рукописи Н. В. Валукинского: отчеты, дневники, наброски статей и книг, написанные на пожелтевшей неровной бумаге, полувывцветшими чернилами, мелким не слишком разборчивым почерком.

Одна из рукописей, озаглавленная «Поиски и разведки» [Валукинский, 1949], представляет автобиографический очерк, в котором переплетены события личной жизни, занятия наукой, искусством, встречи и переписка с интересными людьми: известными учеными, писателями, простыми рабочими, крестьянами – всеми, кто оставил след в его жизни. Очерк написан очень живым, сочным языком, которым, к сожалению, в наше время мало кто владеет. Он представляет собой практически законченное научно-художественное произведение. Однако, в этой рукописи или пропущены, или утрачены впоследствии отдельные события и целые годы. Лакуны можно заполнить информацией из другой рукописи: «Моя полевая работа по археологии» [Валукинский, 1948].

В предлагаемой работе приводятся некоторые моменты из этих рукописей, которые дают представление о жизни и творчестве выдающегося исследователя древней истории Центрального Казахстана.

Мать Николая Васильевича Валукинского звали Наталья Антоновна. Она родила сына 1 мая по старому стилю в 4 часа утра 1886 г. Бабушка, помогавшая при родах, вздохнула: «Эх, Наташа, чтобы тебе часочка на четыре раньше родить, родила бы ты в апреле, а то родила в мае... Век будет маяться сынок» [Валукинский, 1949, л. 48].

Отец, Василий Ильич, родом из села Кузьминского Рязанской губернии, из крепостных крестьян, служил тогда счетоводом материальной части управления Рязанско-Козловской железной дороги. «Одевался он чисто, носил глаженные сорочки с запонками, с галстуком» [Валукинский, 1949, л. 48].

В полтора года ребенок сильно простудился и заболел – с трудом сидел, руки и ноги не действовали. Но на пятом году весной стал поправляться и наверстывать годы неподвижности. Стал очень любопытным и непоседливым. Обегал все окрестности.

Город Козлов расположен вдоль берега реки Воронеж и притока ее маленькой реки Каменки. Со временем Валукинские переехали в собственный домик, рядом с маленькой речкой, большим лугом, а за лугом — село Донское и около него речка Воронеж с хорошим песчаным берегом, удобным для купанья, где на другом берегу был сад И. Я. Мичурина. Для детей это была настоящая свобода – можно было бегать и шуметь, не боясь окрика сердитых хозяев.

На седьмом году, еще до школы, Н. В. научился читать вместе со старшим братом-школьником и мамой, которая поступила в воскресную школу и тоже училась читать. Затем случилась беда – отец потерял работу и сильно запил. Перебивался случайными заработками. Мать делала корзинки, коробочки для кондитерской, плела кружева на продажу. Дети собирали металлолом, помогали как могли. К счастью, отец со временем справился со своей бедой и перестал пить совершенно.



Николай Васильевич Валукинский

В 1899 г. переехали в г. Воронеж, где в 1904 г. окончил техническое железнодорожное училище. «С аттестатом из этого училища никуда не принимали учиться далее» [Валукинский, 1949, л. 50]. От товарищей Н. В. узнал, что можно поступить в художественное училище, сдал экзамены по рисованию. Но на какие деньги учиться? Отец получал 40 рублей в месяц, едоков – пять человек. Старший брат заболел и помещен в психиатрическую больницу. Нужно было накопить средства. Н. В. с отцом купили небольшой участок земли, на нем построили небольшой домик в привокзальном поселке.

Наконец, в 1909 г. была накоплена небольшая сумма денег и можно было учиться дальше. «Я поехал в Киев и сдал экзамен в Киевском художественном училище по рисованию. В Киевском художественном училище, находившемся в ведении Академии художеств, можно было получить и художественное образование, и общее среднее в общеобразовательных классах. По рисованию я был принят в класс простого орнамента и в 5 класс общеобразовательный» [Валукинский, 1949, л. 50]. Накопленные деньги быстро закончились. «Летом я поступил техником в Воронежскую дистанцию службы пути, а вечером работал у архитектора В. И. Гайна, большого любителя старины. Так же проработал и второе лето» [Валукинский, 1949, л. 50].

С 1911 г. Н. В. Валукинский стал подрабатывать написанием статей о старинных зданиях

в Воронежской газете. Купил на толкучке рукописный сборник стихов Демидова, современника поэта А. Я. Кольцова. Написал статью об этом сборнике.

В училище стал учиться на двух отделениях: архитектурном и скульптурном. Писал и выставлал живописные работы акварелью. Много занимался в библиотеке, посещал музеи и выставки. «Зарабатывал и частными уроками, преподавал рисование, подготавливал богатых учеников к экзамену в общеобразовательные классы за деньги, а своих товарищей бедняков – бесплатно... В журнале «Огни» поместили мою статью с иллюстрациями – «О дошкольном художественном воспитании детей» [Валукинский, 1949, л. 51].

В киевский период Н. В. сотрудничал с музеями, занимался реставрацией посуды, писал работу о глиняной игрушке. «25 марта старого стиля 1912 г. я был снаряжен в с. Яблонивку Киевской губернии для сбора предметов народного творчества» [Валукинский, 1949, л. 51]. Один крестьянин показал черепки древнего сосуда, найденного при распашке поля, долго не хотел брать за него деньги – «соседи засмеют».

Чем только не интересовался Н. В. Валукинский во время учебы в училище и работы в Киевских музеях! Вот основные направления его изысканий: народная живопись, старообрядческая иконопись, народные костюмы, архитектурная резьба, по следам великого художника И. Е. Репина, роспись украинских хат и печей, резьба надмогильных памятников из дерева, досок для пряников, повозок и деталей конской упряжи (ярмо, дуги, притыки и др.), гончарное дело и роспись глиняной посуды, игрушки из керамики и дерева, стеклодувное дело (изучал историю стеклянных заводов на Украине), ковроткачество, вышивки – обо всем этом он писал научные статьи в журналы и газеты. Отлично сдал экзамены. Исходил вдоль и поперек Киевскую, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Волынскую, Подольскую, Воронежскую и часть других губерний, главным образом с украинским населением. Эти экспедиции обходились недорого: «пить водку я не научился, не курил, а крестьяне, у которых я останавливался, считали меня гостем из Киева...» [Валукинский, 1949, л. 52].

В 1915 г. Н. В. закончил скульптурное отделение художественного училища и поехал к родным в Воронеж. Через несколько месяцев, в этом же году «был вызван к воинскому уездному начальнику и отправлен как ратник ополчения 2-го разряда в Смоленск, где был зачислен рядовым 205 пехотного земельного батальона» [Валукинский, 1949, л. 58]. Служил в 3 железнодорожном батальоне, занимался разборкой и восстановлением железнодорожных путей. Был демобилизован 7 марта 1918 г. и вернулся к семье в Воронеж.

В 1918 г. к годовщине Октябрьской революции был объявлен конкурс на лучшие плакаты. Н. В. Валукинский получил премию и заказ на выполнение двух плакатов. Зимой 1919 г. послан на борьбу со снежными заносами. «В 1919 г., 15 мая, был назначен в ряды Красной Армии в г. Богучар... Далее был в железнодорожных частях на фронтах Южном, Кавказском, под Каховкой и кончил ст. Жмеринкой, где я уже числился начальником штаба железнодорожной бригады. Получил аттестат, в котором было написано: «Дан сей аттестат в жел. диве помощнику командира дивизиона Ник. Вас. Валукинскому в том, что он находился в 6 жел. диве с 15 июля 1919 г., занимал должность техника штаба в период работы жел. роты на головном участке Лиски-Сагуны-Острогжск-Бобров...» [Валукинский, 1949, л. 59]. Был демобилизован в декабре 1920 г.

В 1922 г. побывал в Киевском музее, его пригласили остаться работать. Но в Воронеже уже ждала семья. Сын умер, родилась дочь. Брат и мать умерли в 1919 г., отец – в 1920 г. Квартиру разграбили белобандиты при захвате Воронежа отрядами Шкуро и Мамонтова. Жену ранило осколком снаряда в голову. Надо было восстанавливать свое домашнее хозяйство [Валукинский, 1949, л. 60].

«Воронежский губернский выставочный комитет пригласил меня к сбору материала для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, организовавшейся в Москве. По моим зарисовкам и обмерам был на выставке построен крестьянский двор, выставочный комитет в Москве присудил мне диплом как художнику-этнографу. Губернский музей издал мой альбом с текстом и малым словариком на тему «Деревня Воронежского уезда». Не прекращал и преподавательскую работу – в художественно-промышленной школе, в художественном техникуме, в школе-мастерской для беспризорных детей железнодорожников, в школе 9-летке, с 1936 г. – в 4 средней школе при ст. Отрожки. В 1923 г. был приглашен для участия в реставрации дома поэта Ив. Сав. Никитина и для подготовки в доме музея литературы» [Валукинский, 1949, л. 61, 62].

«В начале 1925 г. политпросвет отдела Народного образования предложил мне место заведующего историко-культурным музеем в Воронеже. Долго я не решался, но в конце концов согласился. Музей был помещен в так называемом дворце времен Екатерины II. Во дворце когда-то жил последний крымский хан Шагин-Гирей...» [Валукинский, 1949, л. 62].

«Я уже считался заведующим музеем, но когда до мелочей увидел всё то ужасное состояние, в котором находились ценности музея, не выдержал и пошел отказываться от заведывания» [Валукинский, 1949, л. 62]. Уговорили остаться. Дали 40 рублей на ремонт. Н. В. решил разобрать отдельно стоящий сарай у входа в музей, этими

досками и кровельным железом отремонтировали крышу и пол.

«В испарте и политпросвете заговорили о необходимости отметить 20 лет революции 1905 г. Вызвали меня и предложили организовать выставку «1905». К выставке стал готовиться и я с женой, которая вместе со мной окончила Киевское художественное училище и уже стала достаточно известна среди художников своими своеобразными рисунками цветными карандашами со своеобразной техникой штриховки» [Валукинский, 1949, л. 62].

Благодаря этой выставке выделили еще немного денег и частично отремонтировали здание музея.

«В забастовках 1905 года я участвовал и отразил в работах все, что было мне ясно: митинг в малярном цехе железнодорожных мастерских, призыв к забастовке, празднование 1 мая и т. д. Все это было отражено в работах. Это была первая большая выставка на революционные темы в Воронеже. Выставка привлекла большое внимание посетителей. Из Москвы прибыл представитель для отбора картин для будущего музея революции, приобретены были работы и жены, и мои» [Валукинский, 1949, л. 62].

На основе экспозиций музея было создано несколько новых музеев – Музей революции, постоянная Художественная выставка и др. Сам историко-культурный музей был преобразован в Областной краеведческий музей. Стали организовываться «исследовательские выезды», по результатам которых Н. В. Валукинский публикует ряд работ, в сборнике «Рабочий» (Воронеж), в журнале «Октябрь» (Москва), в Воронежском краеведческом журнале [Валукинский, 1949, л. 63].

В дальнейшем директорами музея назначались партийные работники. Н. В. остался заместителем директора, а позже заведовал отделом историческим и археологическим. «В это время я прошел заочником исторические дисциплины в Воронежском комвузе и получил то, чего мне не хватало в профиле моих знаний» [Валукинский, 1949, л. 63].

Один из объектов научного интереса Н. В. Валукинского – суконные фабрики. «Книжка “Суконные фабрики крепостного времени в Воронежской губернии” [Валукинский, 1926] была отпечатана с некоторыми моими рисунками» [Валукинский, 1949, лист 63].

При формировании экспозиции музея Н. В. собрал много материалов о хозяйстве монастырей, о религиозных сектах и других сторонах жизни духовного сословия. В результате он написал и издал книгу “Помещики в рясах. Церковно-монастырское крепостное хозяйство” [Валукинский, 1929].

Поиски колыбели русского флота – отдельная глава научной деятельности Н. В. в 1930-е

годы. Еще учась в школе, он заинтересовался остатками земляных насыпей и плотин в окрестностях города. Теперь же он нашел верфи и рабочий поселок петровского времени и начал их планомерное исследование. «Тогда я уже пользовался Открытым листом на право производства раскопок, присылаемым мне Институтом Истории материальной культуры из Ленинграда» [Валукинский, 1949, л. 64].

В 1940 г. в Воронеж приезжала научная сотрудница из военно-морского Ленинградского музея. У Н. В. были куплены для военно-морского музея графические работы, изображавшие кораблестроение, старый город. Намечены были раскопки и на 1941 год. Н. В. написал на основе своих исследований работу по кораблестроению в Воронежской области с конца XVII в. до конца XVIII в. «Эта работа еще раз убедила меня в том, что работа на историческую тему без глубокого исследования сохранившихся объектов материальной культуры так же слаба, как книги на историческую тему без иллюстраций, а музейная экспозиция для научного сотрудника, не занимающегося поисками, разведками, изучением памятников материальной культуры, так же нема, как немая карта» [Валукинский, 1949, л. 65]. Не ясно, успел ли Н. В. Валукинский ее издать.

Особый интерес представляет сотрудничество Н. В. Валукинского с ведущими археологами того времени. «В 1923 г. научный сотрудник музея С. Н. Замятнин, с согласия отдела народного образования, организовал экспедицию для поисков палеолитической стоянки в с. Боршево». «Боршево – старое село, расположенное на живописном правом берегу р. Дона ниже с. Костенки... В экспедицию С. Н. Замятин пригласил и меня. Время было тяжелое, трудно было получить продукты для экспедиции. С трудом С. Н. Замятнин достал пшеницу и сухой воблы, хлеба не достал. Экспедиция отправилась пешим порядком, прибыла в с. Боршево. С. Н. Замятин заложил раскопки во дворе Домаши Кузнецовой, около сарая. Копали археологи сами. Раскопки дали положительные результаты. Были обнаружены разбитые кости мамонта, следы деятельности человека, кремневые орудия и отколы. По вечерам сбор обычно был у костра. Варилась пшеничная похлебка. К нам приходила молодежь и пела песни, частушки, тогда же была составлена про нас частушка:

«Приезжали чудачки,

«Накопали мослаки» [Валукинский, 1949, л. 75].

В результате этой экспедиции было сделано первое открытие палеолитической стоянки советской археологией в СССР, первой стоянки в с. Боршево. Попутно был вскрыт курган недалеко от славянского городища с трупосожжением и обследовано славянское городище... «Это одно из самых живописных городищ на участке Дон–Воронеж» [Валукинский, 1949, л. 75].

«Позже на Дону стал работать проф. П. П. Ефименко (теперь академик, орденосеиц). Он сосредоточил свое внимание на палеолитических стоянках в расположении сел Костенки-Боршево. Прежде всего, надо отдать должное уважение к методу ведения работ им» [Валукинский, 1949, л. 75].

«Для подготовки раскопок он привлекал лучших специалистов по геологии, минералогии, палеонтологии и т. д., которых нередко вызывал на место... Для раскопок подбирал лучших своих учеников, обеспечивал весь ход работы необходимыми инструментами, материалом и т. д. Из года в год не прерывал связи с колхозниками, которые у него работали по несколько лет и получали квалификацию копачей стоянок. Обеспечивал сотрудников хорошим, здоровым питанием, удобной квартирой и т. д. Четкость работы у Петра Петровича была превосходная. Раскопки велись со скрупулезной тщательностью, с мастерством опытного хирурга, с осторожностью и тщательностью, которых я не встречал у других археологов. Точно по установленным часам начиналась работа и кончалась работа, не взирая на все препятствия погоды. Это же мастерство передалось и многим его ученикам, которые проходили «школу Ефименко» [Валукинский, 1949, л. 75].

«Мне пришлось у него вскрывать культурный слой в одном разведочном шурфе, на глубине около 2 м, в котором обнаружилась сплошная залежь костей мамонта. Но среди них мелькнуло что-то черное. Я решил позвать Петра Петровича. Он внимательно осмотрел и решил, что оказался зуб, а, следовательно, возможно вскрытие целого черепа какого-то другого животного. Максимум осторожности, просидите день, два, но не зацепите кости при вскрытии. Я вооружился терпением, перышком, палочкой, шильцем я снимал крошки глины, кусочки мелового щебня. Определялся череп. Состояние кости во влажной глине было близко к состоянию воска. Изъятая кость, когда была изъята из культурного слоя на сухом месте на ветру и на солнце начинала получать твердость. Череп был вскрыт. Это был череп пещерного медведя» [Валукинский, 1949, л. 75, 76].

«После того, как череп на месте высох и несколько затвердел, он был залит парафином и тщательно упакован в вату в отдельный ящик... Все находки сотрудник-коллектор тщательно записывал и упаковывал. Никто не имел права касаться всего этого материала. Раскопки в с. Костенки, сделанные на большой площади, перекрывали малые раскопки целого ряда ученых. Они как дырки в ковре мешали общей картине раскопок П. П. Ефименко... Когда на обширной жилой площади были вскрыты землянки в стоянке Костенки-1, то не удовлетворяясь фотографиями, П. П. Ефименко предложил зарисовать их, сделать графическое изображение с более тщательной графической рельефностью более су-

щественных деталей. Это пришлось сделать несколько раз с разных точек. Я понял, что фотография ступевывает рельефность, случайные пятна затупевывают более важные детали. Три дня дал мне сроку Петр Петрович на выявление рельефа окрестностей вокруг стоянок. От Костенок-1 до Костенок-4 на зарисовку этого рельефа без дворов и хат (реконструкцию рельефа)... Рельеф был нарисован. Это был первый вариант реконструкции. Второй вариант был сделан по первому варианту реконструкции с пейзажем времен палеолита... В один летний сезон Петр Петрович приехал в Воронеж ранним летом без сотрудников. Он решил всю предварительную работу поручить мне. Это было большое доверие и, пожалуй, экзамен для меня» [Валукинский, 1949, л. 76].

Отдельные главы рукописи посвящены поискам и находкам стоянок неолита и эпохи бронзы. «Мне не раз приходилось делать прогулки с С. Н. Замятниным, В. К. Быстржинским по левому берегу р. Воронеж, несколько южнее впадения р. Инютинки» [Валукинский, 1949, л. 78]. Во время этих прогулок обнаружались стоянки эпохи неолита, на которых Н. В. Валукинский работал далее самостоятельно.

В 1931 г. проф. П. П. Ефименко поручил Н. В. начать раскопки землянки эпохи бронзы. «Старые археологи не раз говорили, что в Воронежском крае нет памятников этого периода, так как нет медной руды. Но уже С. Н. Замятнин, впервые опубликовавший в своей работе формочки для отливки поделок из бронзы, опровергал старых археологов. В период бронзы население было оседлое, оно должно было жить по берегам позже, чем в пору неолита» [Валукинский, 1949, л. 80].

А вот дополнение к биографии: «В селе Таврово у меня жил приятель, старый рабочий вагоноремонтного завода им. Тельмана, куда я был мобилизован в 1931 г. по приказу нар. кома пути, как старый транспортник и где я работал по изобретательству и стандартизации в течение пяти лет» [Валукинский, 1949, л. 81].

Н. В. Валукинскому приходилось раскапывать также курганы скифского времени, и городища, и селища ранних славян. «В 1925 г. научный сотрудник Воронежского музея Д. Д. Леонов и археолог М. Е. Фосс произвели раскопки одного скифского кургана. Я тогда заведовал музеем, тогда же наблюдал за раскопками...» [Валукинский, 1949, л. 84].

«В 1927 г. в Воронеж прибыл археолог В. А. Городцов и начал большие раскопки на «Частых курганах» по поручению Государственного Московского исторического музея. Он вскрыл шесть курганов. Я сделал глазомерную съемку плана расположения «Частых курганов», по моему подсчету всех курганов сохранившихся и вскрытых было 33, из них 20 курганов были вскрыты. Знакомство

с В. А. Городцовым помогло мне приблизить этнографический материал к археологии. Добрые отношения не прекращались с ним до самой его смерти. Он подарил мне несколько своих работ с автографами...» [Валукинский, 1949, л. 84].

«В 1931 г. по поручению П. П. Ефименко я начал раскопки на средства Воронежского музея малого скифского кургана между селом Яблочным и с. Боршево. Особенностью погребения было отсутствие могильной ямы, погребение оказалось бедным...» [Валукинский, 1949, л. 84].

«В областном краеведческом музее г. Воронежа я теперь мог развернуть полную картину прошлого. Только в расположении г. Воронежа и близких прилегающих окрестностях обнаружено свыше 130 стоянок, городищ, селищ, курганных могильников и т. д. Ни один город не мог похвалиться таким изобилием и такой разновидностью памятников. Эта кладовая, из которой можно десятки лет все более и более пополнять фонд музея. Мои статьи помещались в “Историческом журнале” (Москва), в “Советской археологии” (Ленинград), Воронежское госиздательство выпустило мою книжку “По следам древних предков”, которая разошлась в течение двух недель. В марте 1941 г. Коллегия наркомпро-са РСФСР постановила занести меня в книгу почета» [Валукинский, 1949, л. 87].

Н. В. Валукинский дает рекомендации музейным работникам, которые актуальны и в наше время: археологические «памятники, прежде всего, обязаны выявлять научные сотрудники музея, на них должны лежать задачи по первичным поискам и разведкам. Они должны крепко увязываться с Институтом истории материальной культуры, с институтами истории, археологии и этнографии, с экспедициями, с отдельными специалистами-археологами. Для каждого музея должно быть свое «поле», свой фонд, из которых они должны черпать материалы для экспозиции.

В поисках не должно быть торопливости, “спеши медленней”. Если есть первые находки, то это не значит, что вы попали на центр средоточия находок, нужно затратить несколько часов на тщательный просмотр окружающего находки участка. Необходимы неоднократные и повторные поиски на одном месте... На этот комплексный стационарный метод поисков и разведок в расположении г. Воронежа я потратил около 18 лет. Это был мой “Университет”» [Валукинский, 1949, л. 88].

22 июня 1941 г. Н. В. Валукинский со студентами пединститута ходил на очередную экскурсию в с. Шилово, километров за 10 от города. На обратном пути в трамвае узнали, что началась война. Вместе с другими жителями города, Н. В. Валукинский строил за городом земляные укрепления, рыл окопы. Начались налеты немецкой авиации и бомбежки.

18 октября 1941 г. Н. В. получил повестку из военкомата. Ему было уже 55 лет.

«Получив предписание в батальон из пяти рот и чемодан денег, я в дождь выступил в поход. Город бомбили, били зенитки. Поход пешим порядком длился два месяца. Сдав мобилизованных в Саратовской области, меня и моих командиров рот направили в г. Саратов. Отсюда меня направили в Балашов в резерв. Через 2,5 месяца я снова получил назначение отправлять мобилизованных в глубокий тыл из г. Липецка. Теперь уже не пешим порядком, а поездом в Нижний Тагил на Урале. Здесь я познакомился с хорошим музеем. В апреле месяце нам командирам была назначена врачебная комиссия для освидетельствования. У меня признали болезнь сердца, но кроме того и преклонный возраст. Я было начал протестовать, заявил, что всё же я за это время был фактически годен, но меня убедили, что на мое место будет взят более сильный и крепкий командир, а я и в тылу буду полезен» [Валукинский, 1949, л. 89].

«Приехав в Воронеж, я не нашел своей семьи, она была эвакуирована еще в 1941 году» [Валукинский, 1949, л. 89]. Старшая дочь окончила университет, вышла замуж за однокурсника-геолога, и они отправились в Казахстан, где проработали до 1949 г. Жена и младшая дочь были сначала эвакуированы в Ташкент, а затем переехали в Джезказган.

В 1942 г. Воронеж горел, «сгорел и мой домик, и мой садик, и моя библиотека с моими рукописями, картинами, альбомами рисунков, книгами с автографами, посвященными мне и т. д. Сгорел домик, который посещали многие знатные люди... В июле мне посоветовали эвакуироваться в глубокий тыл. С сестрой, ее мужем, котельщиком завода Дзержинского, и двумя племянницами мы с узелками за плечами пешим порядком отправились в дальний путь» [Валукинский, 1949, л. 89].

«В Борисоглебске сели на поезд с имуществом завода Дзержинского и доехали до Чкалова. В Чкалове я стал просить пропуск на рудник Джезказган, где была моя семья, но пропуска мне не дали, ссылаясь на необходимость получить согласие с рудника. Я сел в поезд, в котором ехали эвакуированные воронежцы и доехал до Фрунзе. Здесь у буфета на станции у меня вытащили последние мои 120 рублей. Я остался без копейки. На мою просьбу помочь мне, эвакуационное бюро мне отказало. Пришлось идти к вербовщику и записаться на работу на Васильевский Лубзавод на р. Чу Ворошиловского района Фрунзенской области» [Валукинский, 1949, л. 89, 90].

«Начал свои археологические исследования по берегу р. Чу и ее замершим притокам, ставшими притоками весенних вод. На заводе подымался вопрос, можно ли сделать из местной глины гончарную посуду. Я собрал образцы старинной керамики и доказал, что посуду делали, и доста-

точно прочную, и указал, где можно взять глину для поделки посуды. Под моим руководством на стоянке было изготовлено и обожжено в печи для обжига кирпича 150 образцов сосудов. Начатые археологические поиски и разведки в расположении Васильевского лубзавода, причисленного к военным, и совхоза в радиусе 4–5 км от центра завода, дали блестящие результаты. Здесь так же, как и раньше я решил, что если найдено одно городище, то по соседству должны быть и другие памятники прошлого. В конечном итоге определилось, что памятники – племен усуней, на той ступени их развития, когда они от скотоводства переходили к земледелию. Обнаружены были зерна проса, масса зернотерок. В одном городище разбитых зернотерок было определено 18 штук. Особенно богата и разнообразна была посуда, которая часто делалась путем облепки мешочков из ткани, набитых песком, оглажкой. Благодаря чему установлено было 89 отпечатков ткани... Всего было исследовано обнаруженных мной 72 пункта городищ, стоянок, запруд, групп курганов и т. д. Собранный материал был сдан в музей г. Фрунзе. Описание было принято к печати в трудах Академии наук КиргССР» [Валукинский, 1948, с. 72].

«В 1945 г. я списался с семьей. На заводе к 1 мая получил денежную премию, которую я получал уже не первый раз. И решил ехать к своему семейству в Джезказган... Наконец я прибыл в Джезказган. Семья моя состояла из старшей дочери – инженера-геолога ГРП и зятя – инженера-геолога, жены моей и внучки. Теперь я дед. Младшая дочь, работавшая в медкомбинате, поступила в Одесский институт инженеров морского флота, училась в Одессе. Я поступил в геологический отдел медкомбината» [Валукинский, 1948, с. 72].

«Еще будучи во Фрунзенской области, и из письма зятя, инженера-геолога В. Н. Еремина, узнал, что памятниками истории материальной культуры в Джезказгане и его окрестностях интересовался К. И. Сатпаев. Но этого было мало. Надо было разрешить ряд сложных вопросов, касавшихся самого рудника Джезказгана» [Валукинский, 1948, с. 72].

«С первых же дней приезда в Джезказган я начал свои поиски. Первой находкой был наконечник стрелы из кварца, с тонкой ретушью. Это был первый экспонат для будущего музея в Джезказгане. Ознакомился с работой К. И. Сатпаева, в которой он охарактеризовал историческое прошлое Джезказгана, стал знакомиться с местами добычи руды и переработки ее» [Валукинский, 1948, с. 72].

«Здесь до меня не работали археологи. Между тем ясно было видно, что если не будет исследован район, то из года в год будут исчезать бесследно многие редкие памятники старины, т. к. строительство шахт, поселков, укладка

и переукладка новых путей железной дороги, автогужевых дорог и т. д. будет из года в год перебивать памятники старины... Начались работы по поискам древних стоянок, старинных запруд, курганов, мест разведки, добычи руды, мест рудоразработки, мест дробления, обжига руды и плавки руды на медь. В 1946 г. рудник посетил К. И. Сатпаев» [Валукинский, 1948, с. 73].

«К. И. Сатпаев воодушевил меня на поиски и исследования памятников, ознакомился с моими коллекциями и спросил, как мое здоровье. Я ответил, что археологи народ выносливый. Но попутно задал и другой вопрос, что я археолог или любитель» [Валукинский, 1948, с. 73].

Видимо, этот вопрос вызвал бурю чувств в душе уже достаточно известного авторитетного ученого, автора нескольких книг и множества статей по истории, археологии и этнографии Украины, Воронежской губернии, Киргизии.

«Я ответил, что археолог, хотя этого звания никто не утвердил за мной. Пусть простит он мне это самопризнание. Я знал многих археологов, которые совершили за долгое время их работы много меньше, чем я. Думаю, что за 25 лет моей работы за мной утвердят звание археолога и, пожалуй, звание подлинного советского археолога» [Валукинский, 1948, с. 73].

Очевидно, в результате этой встречи был написан краткий вариант автобиографии – письмо в Академию наук КазССР от 6 сентября 1948 г., подписанное «Лаборант Н. Валукинский» [Валукинский, 1948], которое опубликовано нами [Артюхова, Мамиров, 2014, с. 288–294].

Приезд в Джезказган члена-корреспондента Академии наук КазССР А. Х. Маргулана, который в докладе о своей работе в Джезказганском районе, одобрил работу Н. В. Валукинского, заставил многих относиться более уважительно к занятиям археологией. «Я работал в поле с утра с 4–5 часов и до позднего вечера» [Валукинский, 1948, с. 73].

«Но не обходилось и без огорчений. Когда обнаруженным двум курганам на горе «Чум» угрожали открытые горные работы, я поднял тревогу. Стал настойчиво требовать рабочую силу для раскопок. Пустили слух, что на горе похоронены зачумленные, т. к. гора носит название «Чум», я стал объяснять, что гора носит название чума, шатерообразного жилища, коническая форма горы старинным поселенцам напоминала такую форму. Кроме того, если я не вскрою погребения, то администрация нарушит советский закон об охране памятников и всё же будет вскрывать погребение. Мне дали рабочую силу для раскопок» [Валукинский, 1948, с. 74].

«За три года и три месяца установлено мной свыше 120 пунктов: древних стоянок, курганов, запруд, ограждений, мест разведки, добычи медной и железной руды, мест рудоразборки, дробления руды, печи для плавки из предварительно

обоженной и дробленой руды меди, ручные доменки и помещения с горнами для поделки кричного железа и т. д.» [Валукинский, 1948, с.74].

«Собранные мной коллекции заполнили полки, столы, шкафы геологического отдела. За них я стал слышать упреки от работающих в отделе. Я убедился, что отдел «перегрузил». Первое заслуженное признание моей неустанной работы по археологии я услышал от одного администратора, который почествовал меня званием “маниака”» [Валукинский, 1948, с. 74–75].

«С 1947 г. в моем деле принял участие неутомимый директор Медькомбината т. Харламов Т.Ф. Он принял проект здания химлаборатории с включением части помещения под музей. На все свои поиски и разведки за три года я не израсходовал ни одной советской копейки. С 1 августа 1947 г. был выпущен приказ, по которому я назначался заведующим музеем. 27/ХІІ 1947 г. был открыт музей» [Валукинский, 1948, с. 75].

«С февраля 1948 г. по совместительству я стал работать в Базе Академии наук КазССР, лаборантом. С весны веду раскопки выявленного мной старинного заводского двора в урочище Милы Кудук или “Елу-кудук”» [Валукинский, 1948, с. 76].

Н. В. Валукинский успел опубликовать результаты раскопок поселения Милыкудук (или Милекудук) [Валукинский, 1949].

Среди архивных материалов хранятся рисунки Н. В. Валукинского – изображения артефактов из камня и бронзы, керамики; а также зарисовки рудника Жезказган, исторические реконструкции, пейзажи. Его перу принадлежат также стихи-баллады по мотивам казахских легенд и

сказаний, лирические и патриотические стихи. Они пронизаны такой жизнеутверждающей силой, что становится понятным тот энтузиазм, который помогал советскому народу победить в Великой войне, построить мощное государство с развитой индустрией, воспитать грамотное, цивилизованное поколение граждан.

Вот одно из стихотворений Н. В. Валукинского [Валукинский, 1945, с. 12].

Утро рудника
 Свежо. Луч утренней звезды
 Бодрит и радуется... и сопки
 И степи с плесами Джебды
 Овеял ветра шепот робкий.
 Прошел давно сезон осенний
 Зима в права вступила рано.
 А на душе восторг весенний.
 Растут постройки Джебказгана.
 Прошли мы долгий путь тернистый
 Идем дорогой мирной жизни
 Яснеет даль и воздух чистый
 Крепим мы мощь своей отчизны
 Пышней и ярче стали краски
 Богатой залежи руды
 Растет наш рудник словно в сказке
 В долинах будут цвести сады
 Растет ряд шахт, растут отвалы
 Везут с карьеров мощных новых
 Руду к вагонам самосвалы
 К победам новым мы готовы.
 4.IX.1945

ЛИТЕРАТУРА

- Артюхова О.А., Мамиров Т.Б.** Каменный век Сарыарки: эволюция культур от древнепалеолитических охотников до первых металлургов в свете новейших исследований. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. – 356 с.
- Валукинский Н.** Сукожные фабрики крепостного времени в Воронежской губернии. – Воронеж: Областной редакционно-издательский комитет, 1926. – 14 с.
- Валукинский Н.В.** Помещики в рясах. Церковно-монастырское крепостное хозяйство. – Воронеж, 1929. – 38 с.
- Валукинский Н.В.** По следам древних предков. – Воронеж, 1940. – 55 с.
- Валукинский Н.В. Утро рудника. 1945–1949 // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 1, д. № 144, 106 л.
- Валукинский Н.В. Моя полевая работа по археологии. 1948 // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 1, д. № 107, 57 л.
- Валукинский Н.В. Поиски и разведки. 1949 // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, д. № 143, 138 л.
- Валукинский Н.В.** Раскопки в урочище Милекудук в Южной части рудника Джебказгана // Изв. АН КазССР, сер. археол. – 1949. – Вып. 2. – С. 122–125.
- Валукинский Николай Васильевич. Интернет-ресурс. URL: <https://vrnguide.ru/bio-dic/v/valukinskij-nikolaj-vasilevich.html>

**Е. Ш. Ақымбек,
А. Ә. Нұржанов**

Е. Ш. Ақымбек, А. Ә. Нұржанов
*Ә. Х. Марғұлан атындағы археология институты,
Алматы*
Е. Ш. Ақымбек, А. А. Нұржанов
*Институт археологии им. А. Х. Марғұлана,
Алматы*
e-mail: eraly_a@mail.ru

Г. И. Пацевичтің Шу-Талас өңірлеріндегі зерттеулері

Түйін. 1930–1950-ші ж. басы аралығында Республика аумағындағы археологиялық зерттеулерде Г. И. Пацевичтің Шу-Талас өңірлерінің әр түрлі дәуірлеріне жататын ескерткіштеріне жүргізген экспедициялық зерттеулері жетекші орын алады. Ол экспедицияны ұйымдастырушы және жетекшісі болып, керуен жолдары бойында орналасқан материалдық мәдениет ескерткіштері, яғни қалалар, бекіністер, қоныстардың қиранды орындары мен оба қорымдарын картаға енгізіп, зерттеді. Қомақты археологиялық материалдар беретін кең көлемді барлау және тұрақты зерттеу жұмыстарын жүргізді. Көрші аймақтармен мәдени-тарихи өзара байланысы бар археологиялық ескерткіштер мен заттар кешені зерттелінді.

Тірек сөздер: Шу-Талас өңірлері, археология, тарих, орта ғасыр, мәдениет, қала орны, оба, қоныс.

Археологические исследования Г. И. Пацевича в Шу-Таласской долине

Аннотация. В археологическом изучении Республики Казахстан в 1930–начале 1950-х гг. важное место занимают экспедиционные исследования Г. И. Пацевича в Жетысу. Он был организатором и руководителем экспедиций, которые обследовали и нанесли на карту памятники материальной культуры, расположенные вдоль караванного пути, то есть развалины городов, крепостей, поселений и курганные могильники. Г. И. Пацевичем были произведены широкие рекогносцировочные и стационарные исследования, давшие большой археологический материал, а также исследованы археологические памятники и комплексы находок в культурно-исторической взаимосвязи с сопредельными территориями.

Ключевые слова: Шу-Таласская долина, археология, культура, городище, курган, поселение, история, средневековье.

Шу-Талас өңірінің ескерткіштерін сипаттау жұмыстары XIX ғ. ортасында, ал тұрақты зерттеу жұмыстары XX ғ. 30-шы ж. ортасында басталғандығы белгілі. Өңірлердегі ескерткіштерді зерттеуде 1938 жылы құрылған Жамбыл археологиялық пункті (ЖАП) айтарлықтай рөл атқарды. Бұл мекеменің құрылуы Г. И. Пацевичтің қызметімен тікелей байланысты.

Героним Иосифович Пацевич 1893 ж. Белоруссияның Витебск облысы Шатрово ауылында дүниеге келген. 1910 ж. Мәскеу археологиялық институтына түсіп, 1914 ж. ғалым-археолог мамандығын алып шығады. 1919–1924 ж. Қызыл Армия қатарында борышын өтеп, 1924–1933 ж. инженер болып қызмет етеді. 1934–1938 ж. Қазақстан Орталық музейінің ғалым хатшысы

бола жүріп, А. Н. Бернштам басқарған Жетісу археологиялық экспедициясының жұмыстарына белсене қатысады. 1936 ж. КСРО ҒА Қазақ филиалы Талас, Шу, Аса өңірлері ауданындағы ескерткіштерге жоспарлы түрде зерттеу жүргізуге кірісіп, бірқатар археологиялық экспедициялар ұйымдастырады. Соңынан 1938 ж. 11 қаңтарда Қазақ КСР Халық Комиссарлар Кеңесінің №34 қаулысына сай ҚазКСР ХКК жанындағы Қорық және көне ескерткіштерді сақтау Республикалық Басқармасында осы жылдың мамыр айында Жамбыл (қазіргі Тараз) қаласында Жамбыл археологиялық пункті ұйымдастырылып, төмендегідей негізгі міндеттер белгіленеді:

1. ҚазКСР Оңтүстік Қазақстан мен Қызылорда, сосын Жамбыл облыстарындағы айтарлықтай маңызды археологиялық

ескерткіштерді, аймақтағы көне ескерткіштерді есепке алу, сақтау және зерттеу, соның ішінде Жамбыл қаласының орталығындағы базар орнында орналасқан ежелгі Тараз қаласы аумағын сақтау және зерттеу.

2. Үкімет қаулысын мекемелер мен жеке тұлғалардың орындауын қадағалау, сонымен қатар көрсетілген облыстар аумағындағы археологиялық және архитектуралық ескерткіштерді есепке алу, сақтау, зерттеу және реставрациялау мәселелері бойынша Көне ескерткіштерді сақтау және қорық Басқармасы бұйрығы мен өкімін бақылау.

3. Археологиялық экспедицияларға және жеке ғылыми жұмысшыларға жұмысы, археологиялық пунктіне әкелінген барлық материалдар, материалдық мәдениет заттары үшін өкімде көрсетілген жолмен көмек көрсету [Пацевич, 1941, с. 1–2].

Құрылған Жамбыл археологиялық пунктінің жетекшісі болып Г. И. Пацевич тағайындалады. 1938 ж. Археологиялық пункттің штаты бір ғылыми қызметкер мен қазба аймағын қорғау бойынша қарауылдан тұрады. Сондықтан мұндағы барлық жұмыстарды тікелей Г. И. Пацевич жүргізген.

Г. И. Пацевич басқарған экспедиция революцияға дейінгі археологтар мен өлкетанушылардың жүйесіз жұмыстарынан өз әдістері бойынша ерекшеленеді. Г. И. Пацевич ежелгі Қазақстанның ірі отырықшы-егіншілік аудандарының – Шу мен Талас өңірлерінің, Отырар оазисінің тарихи даму ерекшеліктеріне және олардың Орта Азия өлкелерімен тарихи, әлеуметтік, саяси, мәдени өзара қарым-қатынастарына алғашқылардың бірі болып көңіл аударды.

Пункттің құрылған кезі КСРО ҒА Материалдық мәдениет тарихы институты мен ҒА Қазақ филиалы ұйымдастырған археологиялық экспедицияның ежелгі Тараз қаласына қазба жұмыстарын жүргізуімен тура келді. А. Н. Бернштам басқарған бұл экспедицияның негізгі міндеті ежелгі Тараз қаласының аумағын белгілеу және осы аудандағы көшпелі және отырықшы мәдениеттің ескерткіштерін анықтау болатын [Маргулан, 1948, с. 128].

Ежелгі Тараз қаласының нақты орны туралы алғашқы пікірлерді В. В. Бартольд айтқан болатын [Бернштам, 1949, с. 8]. Осы мәселеге байланысты ЖАП құрамына енген экспедиция Тараз қаласына бес қазба жұмыстарын жүргізіп, стратиграфиялық қазбадан бес мәдени қабатты анықтап, су құбырын, қала қақпасын, XI–XII ғғ. жататын монша-хамам және т. б. ашады [Пацевич, 1941, с. 2–4; Бернштам, 1940, с. 177–183]. Жүргізілген жұмыстардың нәтижелерінде



Г. И. Пацевич (1893–1970)
(по: Кузнецова, 2014, с. 151)

ежелгі Тараз қаласы орталықтағы базар астында екендігі толығымен анықталды. Жұмыстың соңында Археологиялық пункт осы экспедиция құрамында Талас өңірінің батыс бөлігінде, Аса өзені бассейнінен Билікөлге дейінгі аймаққа археологиялық барлау жұмыстарын жүргізуге қатысып, Берікқара қорымынан 30 аса обаны ашады [Труды..., 1949, б. 17–22]. 1938–1939 ж. Қаратаудың солтүстік беткейінде орналасқан осы Берікқара ауданынан ашылған обалар б. д. д. III–I ғғ. – б. д. I–II ғғ. жатқызылды [Бернштам, 1939, с. 176–177]. 1939 ж. Археологиялық пункт жеке өзі екі экспедиция жүргізеді. Біріншісі – Жуалы өңіріндегі ізденістер [Пацевич, 1948, б. 92–97]. Екіншісі – экспедиция Жамбыл қаласынан 3 км шығыстағы Тектұрмас тауындағы ежелгі зороастр ғұрпындағы бейіттерге қазба жүргізеді. Экспедиция 8 қазба салып, нәтижесінде көпшілігі «зороастризмдік» типте адам қаңқаларын арнайы ыдыстарға жерлеген орындарды және «наус» түріндегі жерлеу орындарын ашады [Пацевич, 1948, с. 98–104].

1940 ж. Археологиялық пункт төмендегідей жұмыстарды атқарды:

1) Ежелгі Тараз аумағындағы «қолөнершілер кварталы» деп аталатын жерге қазба жүргізіп, үшінші, яғни Қарахан уақытының қабатынан (XI–XII ғғ.) қыш күйдіретін пешті ашады. Пешті сфероконус күйдіруге арналған пеш деп қорытындылайды [Пацевич, 1956, с. 73–86]. Сонымен қатар, ЖАП 1938 ж. ашылған ежелгі моншаның сақталуын қамтамасыз ету үшін құрылысты қайта топырақпен көмеді [Пацевич, 1940, с. 6].

2) Экспедиция Тараздан 40 км шығыста орналасқан, ірі тас блоктардан салынған құрылысы бітпеген, ежелгі керуен жолының бойындағы Ақыртасты зерттейді [Пацевич, 1949, с. 80–85].

3) 1936–1939 ж. Тараз қаласының жоғарғы жағына, Талас өзенінің сол жақ жағалауындағы аумаққа археологиялық барлау жүргізіп, Төменгі Барысхан, Атлах және басқа да бірқатар қалалардың орнын баламалады.

4) В. В. Бартольд пен В. А. Каллаурдың жазбалары бойынша Тараздан Испиджабқа дейінгі ежелгі керуен жолы бойындағы материалдық мәдениет ескерткіштеріне зерттеу жүргізеді [Пацевич, 1940].

1941 ж. Археологиялық пункт төмендегідей жұмыстарды белгілейді:

1) Тараз қаласы мен оның төңірегіне археологиялық зерттеулер жүргізу, ең бастысы Тараз қаласын арабтардың жаулап алу кезіндегі бұрынғы христиан-несториандық храмды алқалы мұсылмандық мешітке айналдырған құрылыстың қалдықтарына барлау жасау.

2) Шу–Сарысу аудандарындағы материалдық мәдениет ескерткіштеріне, қарахандық кезеңдегі кесенелердің қалдықтарына археологиялық барлау жүгізу.

3) Шымкент–Сырдария аудандарындағы материалдық мәдениет ескерткіштеріне археологиялық барлау жүргізу.

Осы жылы Ұлы Отан соғысының басталуына байланысты жоғарыда аталған жұмыстар және ҚазКСР аумағындағы Үлкен Шу каналы өтетін жерлердегі жұмыстар тоқтатылып, тек Шу өзенінің төменгі ағысындағы материалдық мәдениет ескерткіштеріне зерттеулер жүргізіледі.

Жазба деректерде 893 жылы Исмаил Таласқа жорық жасап, қаладағы бас шіркеуді мешітке айналдырғаны туралы мәліметтер бар [Бартольд, 1897, с. 15]. Г. И. Пацевичтің осы деректерге сүйеніп, Тараз қаласы аумағынан храмнан мешітке айналдырылған ғимарат орнын іздеуді ЖАП-тың 1941 жылғы жұмыс жоспарына енгізгендігі анық. Бірақ жоспарланған жұмыс соғыстың басталуына байланысты жүргізілмеді. Дегенмен, мешітке айналдырылған храмның ғимарат орны 2005–2006 ж. анықталды [Лияс, 2008, б. 156–159].

1941 ж. ЖАП экспедициясы тек Шу өңіріне ғана барлау-зерттеу жұмыстарын жүргізеді. Экспедиция Жамбыл–Мерке арасындағы жерлерге зерттеулер жүргізбеді, себебі 1936 жылы КСРО ҒА Қазақ филиалы осы аудандарға айтарлықтай зерттеулер жүргізген болатын. Сондықтан, Шу өңіріндегі бірқатар нысандарды зерттейді [Пацевич, 1949].

1941 ж. көктемде Талас су қоймасы құрылысы жұмыстарына байланысты Тектұрмас тауы ауданына ЖАП-тың экспедициясы зерттеу жұмыстарын жүргізіп, нәтижесінде ер, әйел және балалардың жерлеу орындарынан тұратын 43 моланы ашады. Жерлеу шұңқырларынан ешқандай жерлеу заттары шықпағандықтан, басы батысқа, ал аяғы шығысқа қаратылып жерленген мәйіттің қаңқаларына қарап, Г. И. Пацевич бұл молалар христиан-несториандықтарға жатады деп болжам жасайды [Пацевич, 1941, с. 17–18]. 1941 ж. басында Шолақтау ауылынан (қазіргі Қаратау қаласы) жаңа фосфор кенінің ашылуына байланысты Археологиялық пункт темір жол тармағы өтетін жерлердегі археологиялық ескерткіштерді есепке алу мақсатында экспедиция ұйымдастырады. Бұл аймаққа 1938–1939 ж. А. Н. Бернштамның жетекшілігіндегі экспедиция Қаратаудың солтүстік баурайына, яғни Берікқара обалар қорымы мен Тамды өзені алқабына айтарлықтай зерттеулер жүргізген болатын [Бернштам, 1941, с. 10–17; Маловицкая, 1950, с. 119–121]. Жаңа зерттеулер 1941 жылы қазан айында 20 күнге созылған зерттеулер жүргізді [Пацевич, 1941, с. 1–25].

Ұлы Отан соғысының басталуына орай Археологиялық пункт археологиялық зерттеулер мен қазба жұмыстарын тоқтатып, негізінен экспедицияның алдыңғы жылдарда тапқан материалдарын өңдеумен, сонымен қатар, пункт Жамбыл, Оңтүстік Қазақстан және Қызылорда облыстары аумағындағы архитектуралық және археологиялық ескерткіштерді есепке алу және қорғаумен айналысады. 1941–1942 ж. Археологиялық пункт Түркістан қаласында орналасқан Қожа Ахмед Ясауи кесенесінде жүргізіліп жатқан реставрациялық жұмыстарға бақылау қызметін атқарады [Пацевич, 1950, с. 95–100]. 1942 ж. пункт ұйымдастырған Археологиялық музей 1940 ж. жаңа мәртебеге ие болған Жамбыл облыстық өлкетану музейіне беріледі [Нұржанов, 2013, б. 78–82]. 1942 ж. Археологиялық пункт КСРО Архитектура академиясының ортаазиялық архитектура және құрылыс мәселесі бойынша V-ші сессиясына қатысады [Пацевич, 1949, с. 18]. 1943 ж. Археологиялық пункттің өтініші бойынша Головачевка (қазіргі Айша-биді) ауылындағы Айша-биді мен Бабажы қатын (X–XII ғғ.) кесенелерінің өлшемін алу үшін КСРО Архитектура академиясының қызметкерлері жұмыс жасайды.

1945 жылы маусым айында Қазақ КСР Ғылым Академиясы Тарих, археология және этнография институтының қарауына беріледі [Пацевич, 1949, б. 19]. 1945 жылы Археологиялық пункт Қазақ КСР-і Министрлер Кеңесі жанындағы архитектура ісі жөніндегі Республикалық Басқарманың

Қазақстанның оңтүстік облыстарындағы ежелгі архитектуралық ескерткіштерді зерттеу бойынша экспедициясына қатысты. Экспедиция бұрын ешқандай әдебиеттерге тіркелмеген архитектуралық құрылыстардың өлшемін, сызбасын және фотосуретін алады. Сонымен бірге, Қызылорда бөгеті құрылысы салыну барысында Сырдария өзенінің суы басып қалатын жерлерді зерттеді.

Г. И. Пацевич 1946 ж. Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы (ОҚАЭ) құрамында Орталық Қазақстан және Жамбыл облысының солтүстік аудандарында жұмыс істеді [Маргулан, 1948, с. 119–145].

Г. И. Пацевичтің ОҚАЭ зерттеулеріне қатысуы мұнымен шектелмейді. Ғалым бұдан соң да осы экспедициямен, оның жетекшісі Ә. Марғұланмен тікелей байланысын үзбеген. Нақты айтсақ, ол 1949, 1952–1953 жылдары да Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясына қатысып, әр түрлі дәуірлерге жататын ескерткіштерге зерттеулер жүргізуге, керуен жолдарының бағытын анықтауға ат салысқандығын көруге болады [Пацевич, 1949; 1952; 1953]. 1945 ж. Жамбыл Археологиялық пункті ҚазКСР ҒА Тарих, археология және этнография институтының қарамағына өтуіне байланысты Г. И. Пацевич аталған институтта қызмет етеді.

1947–1951 ж. Г. И. Пацевич ҚазКСР ҒА Тарих, археология және этнография институты ұйымдастырған, А. Н. Бернштам жетекшілік еткен Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясына қатысып, оңтүстік өңірлерге зерттеулер жүргізеді [Агеева, 1958, с. 19]. Экспедицияның бір отряды 1947 ж. Шолақтау ауылының батысындағы, Тамды өзенінің жағасындағы б. д. д. III–I ғғ. жататын обаларға қазба жүргізумен қатар [Маловицкая, 1950, с. 119–121], ортағасырлық Тамды қаласының цитаделіне шурф салады. Г. И. Пацевич табылған керамикалар негізінен моңғол және саманилік типтегі, ал үстінен жиналған материалдардың ішінде біршама ерте кездегі үлгілер де бар деп жазса [Пацевич, 1949, с. 21], А. Н. Бернштам жиналған қыш ыдыстарды VI–XII ғғ. жатқызады [Средневековое городище..., 1960, с. 246].

1950 ж. Ә. Марғұлан ұйымдастырған Батыс Қазақстан Археологиялық экспедициясына қатысып, Сарайшық қаласына қазба жұмыстарын жүргізеді. Нәтижесінде өзеннің оң жағасындағы қала орнының батыс шетінен керамика күйдіретін үлкен пешті ашады [Пацевич, 1956, с. 221–224].

1953 ж. Г. И. Пацевич ОҚАЭ құрамында Бабата қаласының цитаделіне жүргізілген № 1 қазбаға басшылық жасап, оңтүстік-батыс қорғаныс мұнарасының сақталған қалдықтары мен шахристанға жалғасқан жалды анықтайды [Агеева, 1956, с. 36–45].

Қазақстанның оңтүстік аймақтарына жүргізілген археологиялық экспедициялардың бірнеше жылдық жұмыстарының нәтижесінде жиналған бай материалдардың негізінде ғалым 1954 ж. Мәскеу қаласында «VII–XV ғғ. Қазақстанның оңтүстігіндегі қалалар мен қоныстардың тарихи топографиясы» атты кандидаттық диссертациясын жемісті қорғайды.

1955 ж. құрметті демалысына шыққанымен, 1956 жылы тың игерілетін Қостанай облысы аумағына, 1959 ж. Шардара су қоймасы салынатын жерге жүргізілген археологиялық экспедицияларға қатысады [Кузнецова, 2014, с. 152]. 1970 жылы 4 қазанда білікті ғалым-археолог дүниеден өтті.

Жалпы ЖАП экспедициясының атқарған жұмыстары өте ауқымды. ЖАП-тың жетекшісі болған Г. И. Пацевич ел тарихы мен мәдениеті үшін аянбай қызмет еткен. Ол жазба деректерді жетік меңгеріп, сол бойынша қыруар еңбектер атқарған. Көне керуен жолдарының бағытын анықтауда деректерді және сол туралы жазылған еңбектерді негізге ала отырып, өзінің экспедициялық жұмыстарының маршрутын анықтаған. Жүргізілген барлау жұмыстарында әр түрлі дәуірлерге жататын барлық ескерткіштердің түрлерін қағазға хаттап, картасы мен фотосуретін түсіріп отыру дәл бүгінгі күннің талабына сай келеді. Қиын-қыстау жылдардың өзінде осындай жұмыстардың барлығын санаулы қызметкерлермен, онда да арбамен жүріп атқарып, Қазақстан археологиясына өшпес мұра қалдырды. Оның экспедициясының барысында тарихи-мәдени құндылығы жоғары қомақты археологиялық материалдар жиналды. Г. И. Пацевичтің өз қолымен жазылған есептері мен күнделіктері бойынша керуен жолдарының маршрутын анықтауға, апатты жағдайдағы ескерткіштерді уақыт оздырмай дер кезінде қазба жүргізуге, ескерткіштердің тізімін, оның сипаттамасын, жоспарын, фотосуретін алып, картаға түсіруге бар күшін жұмсағандығын көруге болады. Г. И. Пацевичті Қазақстанның оңтүстігі мен оңтүстік-шығысындағы ежелгі және ортағасырлардағы ескерткіштерді зерттеу мәселесін жолға қойған алғашқы ғалым-археологтардың бірі деп айтсақ қателеспейміз.

ӘДЕБИЕТ

- Агеева Е.И., Пацевич Г.И.** Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года // Тр. ИИАЭ. Археология. – 1956. – Т. 1. – С. 33–60.
- Агеева Е.И., Пацевич Г.И.** Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Тр. ИИАЭ. Археология. – 1958. – Т. 5. – С. 3–215.
- Бартольд В.В.** Отчет о поездке в Среднюю Азию. Записки Вост. Отд. Археол. Общ. – Т. VIII, с. 341–342. Записки Академии Наук 1897 г. – Т. 1. – № 4. – Сер. 8.
- Бернштам А.Н.** Археологические работы в Казахстане и Киргизии // ВДИ. – 1939. – С. 169–181.
- Бернштам А.Н.** Баня древнего Тараза и ее датировка // Государственный Эрмитаж. Труды Отдела Востока. – 1940. – Т. 2. – С. 177–183.
- Бернштам А.Н.** Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. – Алма-Ата, 1941. – 66 с.
- Бернштам А.Н.** Общие данные о Таласе // Труды Семиреченской археологической экспедиции (1936–1938 гг.) Таласская долина. – Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1949. – 229 с.
- Кузнецова О.В.** Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция (ЮККАЭ): научные биографии участников и библиография исследований. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. – 252 с.
- Маловицкая Л.Я.** Тамдинский могильник III–I вв. до н. э. // Изв. АН КазССР. Сер. археол. – 1950. – № 67. – Вып. 2. – С. 119–121.
- Маргулан А.Х.** Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.) // Изв. АН КазССР. Сер. ист. – 1948. – № 49. – Вып. 4. – С. 119–145.
- Маргулан А.Х., Агеева Е.И.** Археологические работы и находки на территории Казахской ССР // Изв. АН КазССР. Сер. археол. – 1948. – Вып. 1. – С. 125–135.
- Нұржанов А.Ә., Ақымбек Е.Ш.** Жамбыл облыстық тарихи-өлкетану музейі туралы қысқаша мәлімет // «Ғылым ордасы» РМК Археология мұражайының 40 жылдығына арналған «Қазақстан археологиясы: қорытындылары және келешегі» халықар. ғыл.-тәж. конф. матер. (2013 ж., 5 желтоқсан). – Алматы, 2013. – Б. 159–163.
- Пацевич Г.И.** Отчет о работе Джамбулского археологического пункта за время с организации его – июня 1938 г. по 31 декабря 1941 г. // Архив ИА МОН РК, ф. 1, оп. 1, д. № 60, 21 л.
- Пацевич Г.И.** Джамбулский археологический пункт ИИАЭ АН КазССР за 10 лет (1938–1947 гг.) // Архив ИА МН РК, ф. 1, оп. 1, д. № 133, 29 л.
- Пацевич Г.И.** Археологические памятники района среднего течения реки Чу // Архив ИА МОН РК, ф. 1, оп. 1, д. 134, 89 л.
- Пацевич Г.И.** Археологические работы / Памятники материальной культуры вдоль трассы ж. д. ветки Джамбул – Чулак-Тау // Архив ИА МОН РК, ф. 1, оп. 1, д. 38, 187 л.
- Пацевич Г.И.** Археологические работы // Архив ИА МОН РК, ф. 1, оп. 1, д. 38, 187 л.
- Пацевич Г.И.** Дневник ЦКАЭ 1949 г. // Архив ИА МОН РК, ф. 1, оп. 1, 131 л.
- Пацевич Г.И.** Дневник ЦКАЭ 1952 г. // Архив ИА МОН РК, ф. 1, оп. 1, 120 л.
- Пацевич Г.И.** Дневник ЦКАЭ 1953 г. // Архив ИА МОН РК, ф. 1, оп. 1, ф. 266, 90 л.
- Пацевич Г.И.** По древним караванным путям от г. Тараза до Испиджаба // Архив ИА МОН РК, ф. 1, оп. 1, д. 39, 87 л.
- Пацевич Г.И.** Ахыр-Таш // Вестник АН КазССР. – 1949. – № 4. – С. 80–85.
- Пацевич Г.И.** Гончарная печь на городище Сарайчик // Тр. ИИАЭ. Археология. – 1956. – Т. 1. – С. 221–224.
- Пацевич Г.И.** Зороастрийское кладбище на Тиктурмасе // Изв. АН КазССР. Сер. археол. – 1948. – Вып. 1. – С. 98–104.
- Пацевич Г.И.** Отчет об археологической разведке в Джувалинском районе Южно-Казахстанской области в 1939 г. // Изв. АН КазССР. Сер. археол. – 1948. – Вып. 1. – С. 92–97.
- Пацевич Г.И.** Раскопки на территории древнего города Тараза в 1940 году // Тр. ИИАЭ. Археология. – 1956. – Т. 1. – С. 73–86.
- Пацевич Г.И.** Ремонт и реставрация мавзолея-мечети Ходжа-Ахмеда Ясави в 1939–1941 гг. // Изв. АН КазССР. Сер. архит. – 1950. – Вып. 2. – С. 95–100.
- Средневековое городище Тамды. № 3521 // Археологическая карта Казахстана. Реестр. – Алма-Ата: Наука, 1960. – 449 с.
- Труды Семиреченской археологической экспедиции (1936–1938 гг.) Таласская долина. – Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1949. – 229 с.
- Ілияс С.Р.** Ортағасырлық Тараз қаласындағы соңғы жылдардағы археологиялық ғылыми-зерттеу жұмыстарының нәтижелері // ҚР ҰҒА Хабарлары. Қоғамдық ғылымдар сериясы. – 2008. – № 1 (254). – Б. 156–159.

С. С. Тихонов

С. С. Тихонов

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск

S. S. Tikhonov

Omsk division of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Omsk

E-mail: st-57@mail.ru

Вклад М. П. Грязнова в археологию Казахстана

Аннотация. Автор в данной работе рассмотрел вклад известного советского археолога М. П. Грязнова в археологию Казахстана. Проведя в 1920–1930 годах небольшие раскопки и получив интересные материалы, ученый начал собирать материалы для книги по бронзовому веку Казахстана. Через несколько лет замысел стал более грандиозным — речь уже пошла о сочинении по казахской археологии в нескольких томах. Выполнению планов помешала Вторая мировая война. В 1946 г. начинает формироваться казахская национальная школа археологов. Интересно, что они, так или иначе, были связаны с М. П. Грязновым. Сам же исследователь продолжил сбор материалов по древностям Казахстана и опубликовал несколько статей по археологии ранних кочевников Алтая и Казахстана. Публикует он и материалы раскопок могильника Дандыбай, изученного в 1933 г. Материалы этого памятника хорошо коррелировали с древностями могильника Бегазы, что послужило основой выделения бегазы-дандыбаевской культуры. Но самое главное — М. П. Грязнов, судя по материалам личного архива, помог становлению первых национальных археологов Казахстана. Второй, и тоже очень важный вклад М. П. Грязнова в науку — сбор и хранение материалов, которые собрали его коллеги в конце XIX – первой половине XX века по археологии Казахстана.

Ключевые слова: Казахстан, М. П. Грязнов, археология, личный архив ученого, история науки.

M. P. Gryaznov's contribution to archaeology of Kazakhstan

Annotation. The author in this work has considered a contribution of the famous Soviet archeologist M. P. Gryaznov to archaeology of Kazakhstan. Having carried out small excavation in 1920–1930, and having received interesting materials the scientist has begun to collect materials for the book on a bronze age of Kazakhstan. In several years the plan became more grandiose — the speech has already gone about the composition on the Kazakh archaeology in several volumes. To performance the plan was placed by World War II. In 1946 the Kazakh national school of archaeologists begins to be formed. It is interesting that they, anyway, have been connected with M. P. Gryaznov. The researcher has continued collecting materials on antiquities of Kazakhstan, and has published several articles on archaeology of early nomads of Altay and Kazakhstan. He publishes and materials of excavation of a burial ground of Dandybay studied in 1933. Materials of this syte well correlated with antiquities of a burial ground of Begazy that eventually, has formed a basis of allocation of Begazy-Dandybay culture. But the most important — M. P. Gryaznov, judging by materials of personal archive, has helped formation of the first national archaeologists of Kazakhstan. The second, and too very important contribution of M. P. Gryaznov to science — collecting and storage of materials which have collected his colleagues at the end of 19 – the first half of the 20th century on archaeology of Kazakhstan.

Keywords: Kazakhstan, M. P. Gryaznov, archaeology, personal archive of the scientist, science history.

Михаил Петрович Грязнов — известный советский ученый¹, лауреат Государственной премии СССР 1983 г., заслуженный деятель науки РСФСР, кавалер ордена «Знак Почета», награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Его биография хорошо известна: он родился в 1902 г. в г. Березов Тобольской губернии в семье Петра Никандровича Грязнова — инспектора городского четырехклассного училища. С 1912 по 1919 гг. учился во Втором Томском реальном училище, после окончания которого поступил в Томский университет на математи-

ческое отделение физико-математического факультета². Весной 1920 г. перевелся на естественное отделение этого же факультета. Во время сплава по Енисею летом 1920 г. попал в отряд С. А. Теплоухова, и навсегда связал свою жизнь с археологией. Переехал в 1922 г. в Петроград, перевелся в Петроградский университет, который не окончил. В. И. Матющенко рассказывал мне, что в 1925 г. М. П. Грязнов написал заявление ректору примерно такого характера: «не могу продолжать учебу в университете, т. к. она мешает моим занятиям археологией». С этого времени и до смерти в 1984 г. М. П. Грязнов за-

нимается археологией, работая в Ленинградском государственном университете, Ленинградском отделении Института археологии (до 1957 г. — ЛО ИИМК), Государственном Эрмитаже. Он изучал археологические памятники на Алтае, на Байкале, Ангаре, Оби, Дону, в Казахстане, Туве, Киргизии. Много лет он руководил крупными новостроечными археологическими экспедициями: Новосибирской (1952–1954), Ангарской (1957), Иркутской (1959), Красноярской (1955, 1958, 1960–1970, 1975–1976), т. е. почти 20 лет работал, напрягая все силы. Лишь дважды: на Ближних Елбанах в 1946–1948 гг. и в 1971, 1973–1974 на Аржане он работал не как «новостройщик», а как обычный полевик. Но и книги по материалам этих раскопок — одни из лучших его произведений [Грязнов, 1956г; 1980]. За годы раскопок М. П. Грязнов исследовал такие значимые для археологии комплексы, как Пазырык, Аржан, Тепсей, Улан-Хада, Ближние Елбаны, Ирмень-1, Дандыбай и другие. Он написал полторы сотни научных работ, и еще с десяток вышло в свет после его смерти [Всевиов, 2002, с. 10–17; Всевиов, Бобровская, Длужневская, 2012а, с. 55–62]. Конечно, по сравнению с некоторыми учеными — это и не много. Но... каждая его работа была совершенна и напоминала монографию в миниатюре.

О Михаиле Петровиче Грязнове написано немало работ, и их список был составлен коллегами ученого [Всевиов, Бобровская, Длужневская, 2012б, с. 63–65]. Кроме того, на конференции, посвященной 110-летию со дня рождения исследователя, проведенной в Санкт-Петербурге в 2012 г., работала секция, где звучали доклады о нем [Культуры..., 2012, с. 11–87]. Отрадно, что организаторы этой конференции подготовили восьмидесятистраничный справочный том [Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур..., 2012], где опубликовали информацию о проведенных им экспедициях, сданных отчетах, фотоматериалах, об опубликованных работах и т. д. Наконец, есть биографическая справка о М. П. Грязнове, подготовленная И. Л. Тихоновым [Тихонов, 2012].

Казалось бы, что информации о таком незаурядном человеке более чем достаточно, и можно легко в мельчайших деталях описать его биографию, проанализировать его методы познания древностей, ознакомиться со спектром его научных интересов. Но на самом деле, чем больше изучаешь личность и творчество ученого, тем больше возникает вопросов о процессе формирования ученым концепции, его методологии, причинах тех или иных его поступков, о взаимоотношениях с коллегами, что могло привести к

непредсказуемым последствиям, о симпатиях и антипатиях ученого и т. д.

К сожалению, число людей, лично знавших М. П. Грязнова, неуклонно уменьшается и, следовательно, постоянно уменьшается возможность узнать у них что-то новое об ученом. К сожалению, подробных мемуаров М. П. Грязнов не написал. Не премину заметить, что жанр биографических записок и воспоминаний у ученых, по крайней мере, археологов, не в чести. Отсутствие же многочисленных работ такого жанра значительно уменьшает возможность предельно полного изучения личности и деятельности ученого, а также обстановки, в которой он работал. Поэтому историографам археологии остается только изучать архивы ученых и их публикации.

Что касается публикаций М. П. Грязнова, то с большинством из них, не считая самых ранних, или изданных малыми тиражами, или путеводителей, можно ознакомиться в библиотеке, или на каком-нибудь сайте. Другое дело — архивы. Так

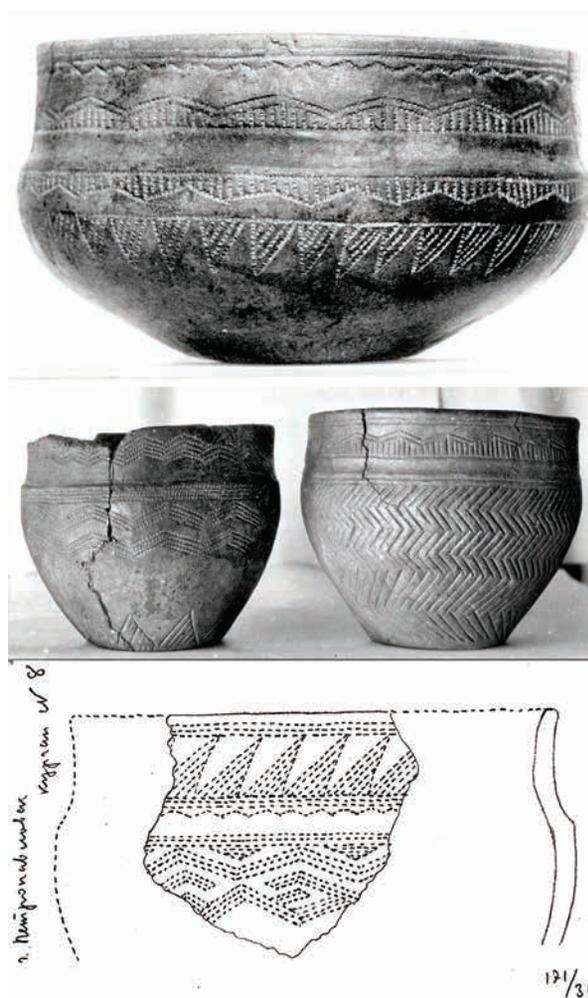


Рис. 1. Керамика могильника близ Пестрого озера (Петропавловск). Раскопки Ю. П. Аргентовского, 1911 г.

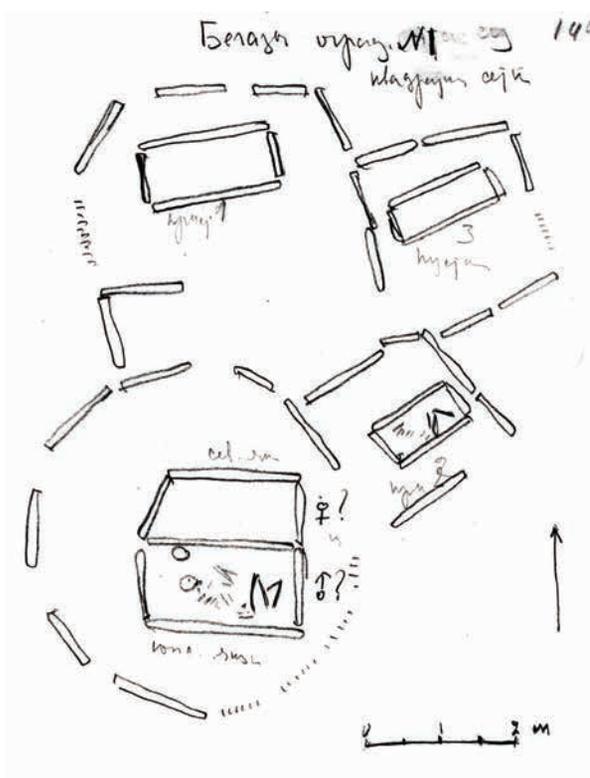


Рис. 2. Могильник Бегазы. План ограды 1. Раскопки А. Х. Маргулана

получилось, что личный архив М. П. Грязнова, который он формировал чуть ли не всю жизнь, оказался разделен на две части. Одна из них хранится в Институте истории материальной культуры в Санкт-Петербурге (Ф. 91 — рукописи, Ф. 60 — фотоматериалы), и подробное описание архива опубликовано [Михаил Петрович Грязнов..., 2012]. Вторая часть хранится в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета, образовав Фонд Ш. Эти материалы М. Н. Комарова — жена М. П. Грязнова, передала В. И. Матющенко, а тот привез их в родной вуз или в конце 1985 или в начале 1986 года. В числе переданного была личная библиотека Михаила Петровича, в том числе и с его автографами (находится в научной библиотеке ОмГУ), собрание авторефератов диссертаций, некоторые личные документы и записи, книги и брошюры на иностранных языках, отдельные отписки статей отечественных ученых, папки с материалами по археологии многих регионов: Сибири, Верхнего Приобья, Притомья, Прибайкалья, Алтая, Тувы, Казахстана. В папках находились фотографии памятников или предметов, рисунки, копии или кальки планов памятников, личные письма, тезисы выступлений как самого М. П. Грязнова, так и других ученых, вырезки из газет, и т. д., объединенные в небольшие тетради. Некоторые мате-

риалы из архива были опубликованы [Татауров, Тихонов, 1999, с. 153–161; Тихонов, 2009а, с. 87–98; 2009б, с. 189–193; 2011, с. 151–154; 2012, с. 96–99]. Все эти материалы — поистине бесценный источник по истории археологии и археологии многих регионов, входивших когда-то в Советский Союз.

Но вернемся к вкладу М. П. Грязнова в археологию Казахстана.

Археологические раскопки на территории республики М. П. Грязнов проводил три раза. Первый раз он в 1925 г. раскопал несколько андроновских могил на р. Урал в пределах Казахстана. Второй раз он работал в Казахстане в 1926 г., возглавляя Южно-Уральский отряд Казахстанской комплексной экспедиции, которой руководил С. И. Руденко. Третий полевой сезон в Казахстане М. П. Грязнов провел в составе экспедиции П. С. Рыкова, которая работала в 1933 г. в самом центре Карлага на территории совхоза «Гигант» в Долинке, Алеп-ауле, хуторе Центральном и в урочище Дандыбай [Длужневская, 2012, с. 5–6; Тихонов, 2009б, с. 189–193]. Результаты всех этих раскопок были опубликованы в пяти статьях [Грязнов, 1926, с. 96; 1927а, с. 238–257; 1927б, с. 179–221; 1930, с. 149–162; 1952, с. 129–162]. Все материалы сохранились в нескольких папках архива.

В 1939 г. в свет вышел макет тома Истории СССР, в который М. П. Грязнов, к тому времени уже признанный специалист по кочевникам Алтая и Казахстана, написал три раздела [Грязнов, 1939а, с. 188–193; 1939б, с. 399–413; Грязнов, Пиотровский, 1939, с. 142–159]. Эти работы вошли в состав изданных после Великой Отечественной войны «Очерков по истории СССР», многотомного обобщающего издания, подводящего итоги работы советских историков, первые тома которого писали археологи [Грязнов, 1956а, с. 168–176; Грязнов, Окладников, 1956, с. 388–412]. В середине 1950-х гг. в свет выходит три полемические статьи М. П. Грязнова о ранних кочевых обществах [Грязнов, 1955, с. 19–29; 1956б, с. 9–16; 1957, с. 21–28]. В рамках профессиональной музейной деятельности М. П. Грязнов подготовил два путеводителя по выставкам в Эрмитаже [Грязнов, 1940; 1948].

Казалось бы, три коротких сезона раскопок, несколько публикаций по их результатам, разделы в академическом обобщающем издании и путеводители — это обычный, но не выдающийся вклад в развитие археологии Казахстана. Но, материалы, находящиеся в архивах, свидетельствуют об ином. Ученый задумал писать работу по теме «Бронзовый век Казахстана» и для сбора материалов завел особую папку, куда помещал собранные

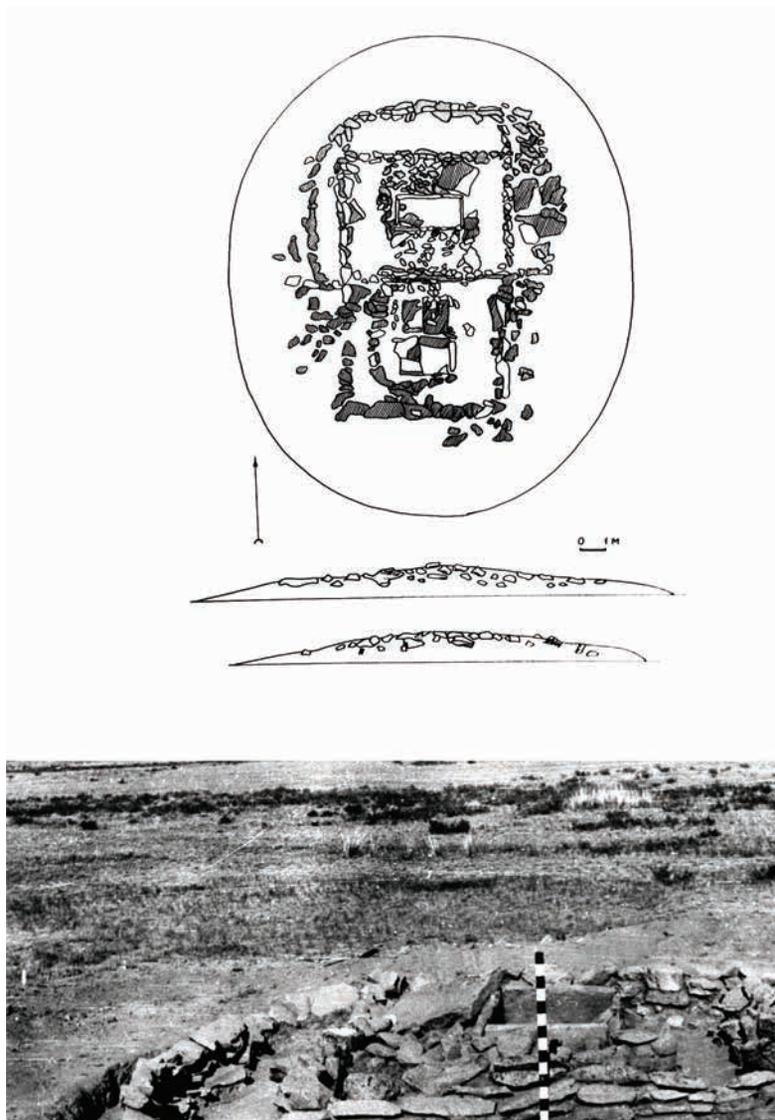


Рис. 3. Материалы памятника Бель-Асар.
Раскопки А. М. Оразбаева, 1957 г.

им материалы: оттиски ранних статей, сведения, полученные от коллег, рисунки сосудов, реконструкции штампов по нанесению орнамента и т. д. Появился у него и план работы над темой, в котором он выделил направления исследований: техника, хозяйство, быт, социальный строй с небольшими подразделами, и поставил главную проблему: Дандыбай — это единичное явление? Или это пока первый памятник карасукского типа в Казахстане? Эту папку М. П. Грязнов постоянно пополнял. Внутри нее он группировал материалы в отдельные тетради, где были помещены данные о конкретных памятниках: планы могильников, рисунки и фотографии, керамики, реконструкции керамических штампов и т. д. Интересно, что керамические сосуды М. П. Грязнов рисовал и фотографировал несколько раз, сопровождая рисунок

описанием внешней поверхности, орнамента, орнаментира, теста, из которого лепили сосуд.

Ссылка в Киров внесла коррективы в деятельность ученого, по после нее он снова собирает материалы по археологии Казахстана, причем замысел его был более глобален. Был запланирован большой труд, первый том которого предварительно был назван «История культуры Южной Сибири и Казахстана во II–I тысячелетиях до н. э. I. Эпоха бронзы». Из названия можно понять, что М. П. Грязнов отказался от представлений о связи материалов могильника Дандыбай с Западным Казахстаном и отнес его материалы к кругу карасукских памятников. Но и эта работа не была закончена. Началась Великая Отечественная война. В архиве ученого остались материалы, которые собрали его коллеги: Л. Ф. Семенов по Акмолинскому округу в 1929 г., Н. Харламов по Коктыкулю (рукопись 1939 г.), О. А. Гракова — по Алексеевке (раскопки 1931, 1935, 1936 гг.), К. В. Сальников — по Джанатану (1936). Есть еще находки разных лет С. И. Руденко (1921), А. Я. Брюсова (1945), А. А. Формозова (1944), Г. В. Подгаецкого. Очень интересны материалы работ Ю. П. Аргентовского, изучившего

в 1911 г. могильник близ оз. Пестрое на окраине Петропавловска (Тихонов, 2009а, с. 87–98). Получается, что был раскопан могильник андроновского типа, такого же самого, который был изучен А. Тугариновым в 1914 г. близ д. Андроновно Енисейской губернии (рис. 1), и который послужил основой для выделения андроновской культуры. Иными словами, М. П. Грязнов собрал значительное количество материалов по Казахстану, по Алтаю и Верхнему Приобью, и, похоже, стал признанным специалистом, поскольку получил приглашение написать несколько разделов в академическое издание.

После Великой Отечественной войны в Казахстане выросли свои археологи. Первым был заведующий отделом Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана А. Х. Маргулан, который с 1946 г. начал прово-

дить раскопки археологических памятников. Затем к нему присоединились К. А. Акишев, А. М. Оразбаев, М. К. Кадырбаев. Интересно, что А. Х. Маргулан в 1936–1938 гг. был научным сотрудником Института истории материальной культуры АН СССР, А. М. Оразбаев участвовал в раскопках памятников на Большой речке в 1948 г., М. К. Кадырбаев окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета в 1955 г. Т. е. молодые археологи были связаны с Ленинградом. Вероятно, поэтому, бывая на сессиях в ЛОИИМК, они знакомили М. П. Грязнова с новыми материалами, возможно, обсуждали научные темы.

С тех пор в архиве М. П. Грязнова отложились материалы по памятникам Бегазы (рис. 2), Атасу, Бугулы-1–3, Былкылдак-1–3 и других из раскопок А. Х. Маргулана. А. М. Оразбаев познакомил М. П. Грязнова с материалами раскопок Бельасара, Канатгаса (рис. 3), К. А. Акишев — Каныра, М. К. Кадырбаев — Тасмолы, обсуждал с ним тезисы своего выступления. Интересно, что все эти четыре археолога вместе написа-

ли первую обобщающую работу по археологии Центрального Казахстана [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966].

Продолжал М. П. Грязнов собирать данные об археологии Казахстана, знакомясь с материалами русских коллег: Е. Е. Кузьминой, Л. Ф. Семенова, К. Ф. Смирнова, В. С. Сорокина, С. С. Черникова. Последний документ в папках о Казахстане датирован 1961 г. Вероятно, после этого времени М. П. Грязнов плотно занялся проблемами археологии Саян, Алтая и ранних кочевников в целом.

И что в сухом остатке? М. П. Грязнов раскопал несколько археологических памятников в Казахстане, написал научные работы по материалам раскопок. Но самое главное, как мне кажется, способствовал становлению первых археологов Казахстана, и собрал уникальные материалы по археологии этой страны. К сожалению, эти аспекты научной деятельности М. П. Грязнова отражены слабо, и данная публикация, одна из попыток их осветить.

Примечания

1 – Я намеренно не употребляю термины «русский» или «отечественный», поскольку считаю, что М. П. Грязнов, русский по национальности, был именно советским ученым, жил в советской стране, и работал вместе с другими археологами многонационального Советского Союза, изучая древности народов, живших на территориях, которые во время его жизни были частью СССР.

2 – Почему-то никто пока не объяснил следующий факт: по нормам царской России в Императорские университеты можно было поступать только после окончания классической гимназии. Выпускники реальных училищ образование обычно продолжали в политехнических или технологических институтах. В момент поступления М. П. Грязнова в университет — осень 1919 — это правило должно было бы соблюдаться, поскольку в Томском университете работали местные профессора старой школы, а также ушедшие от красных профессора из Перми и Казани. Советская власть в Томске была установлена 22 декабря 1919 года, т. е. уже после поступления М. П. Грязнова на первый курс.

ЛИТЕРАТУРА

- Всевиов Л.М.** Список опубликованных работ М. П. Грязнова // Степи Евразии в древности и средневековье: матер. научн.-практич. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. – СПб.: 2002. – Кн. I. – С. 10–17 (Электронный ресурс, доступ 28.03.2016. URL: <http://web.archive.org/web/20120326103534/http://kronk.narod.ru/library/vseviiov-lm-2002.htm>)
- Всевиов Л.М., Бобровская Е.В., Длужневская Г.В.** Список опубликованных работ Михаила Петровича Грязнова (дополненный по материалам личного архива и печатным работам, опубликованным после 2002 г.) // Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ. — СПб.: ЭлекСис, 2012а. – С. 55–62.
- Всевиов Л.М., Бобровская Е.В., Длужневская Г.В.** Литература о М. П. Грязнове // Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ. — СПб.: ЭлекСис, 2012б. – С. 63–65.
- Грязнов М.П.** Раскопки на Урале // Природа. – 1926. – № 9–10. – С. 96.
- Грязнов М.П.** Описание костей человека из древних могил на Урале // Казаки. – Л., 1927а. – Вып. 1. – С. 238–257.
- Грязнов М.П.** Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. – Л., 1927б. – Вып. 1. – С. 179–221.
- Грязнов М.П.** Казахстанский очаг бронзовой культуры // Казаки. – Л., 1930. – Вып. 3. – С. 149–162.
- Грязнов М.П.** Массажеты и саки // История СССР (макет). – М., Л., 1939а. – Ч. I–II. – С. 188–193.

- Грязнов М.П.** Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР (макет). – М., Л., 1939б. – Ч. I–II. – С. 399–413.
- Грязнов М.П., Пиотровский Б.Б.** Сибирь, Казахстан и Средняя Азия // История СССР (макет). – М., Л., 1939. – Ч. I–II. – С. 142–159.
- Грязнов М.П.** Сибирь и Казахстан в эпоху бронзы. Культура и искусство ранних кочевников Сибири // Эрмитаж. Общий путеводитель. – Л., 1940. – Вып. 1.
- Грязнов М.П.** Сибирь и Казахстан в неолите и бронзовом веке. Культура и искусство эпохи ранних кочевников Сибири // ГЭ. Краткий путеводитель по отделу истории первобытной культуры. – Л.: изд-во Гос. Эрмитажа, 1948.
- Грязнов М.П.** Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. – 1952. – Т. 16. – С. 129–162.
- Грязнов М.П.** Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ. – 1955. – Вып. 24. – С. 19–29.
- Грязнов М.П.** Племена Сибири и Казахстана в эпоху бронзы // Очерки истории СССР: Первобытнообщинный строй и древнейшие государства. – М., 1956а. – С. 168–176.
- Грязнов М.П.** Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. – 1956б. – Вып. 61. – С. 8–16.
- Грязнов М.П., Окладников А.П.** Племена Сибири и Казахстана в I тыс. до н. э. // Очерки истории СССР: Первобытнообщинный строй и древнейшие государства. – М., 1956в. – С. 388–412.
- Грязнов М.П.** История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – МИА. – № 48 – 1956г. – 161 с.
- Грязнов М.П.** Этапы развития скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИЭ. – 1957. – Вып. 26. – С. 21–28.
- Грязнов М.П.** Аржан: Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 62 с.
- Длужневская Г.В.** Материалы полевых исследований Михаила Петровича Грязнова в рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН // Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ. – СПб.: ЭлекСис, 2012. – С. 5–10.
- Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Секция I. Научное наследие М. П. Грязнова. – СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. – Кн. 1. – С. 11–87.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.** Древние культуры Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 436 с.
- Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ. — СПб.: ЭлекСис, 2012. – 80 с.
- Татауров С.Ф., Тихонов С.С.** Реконструкция М. П. Грязнова или история одного доклада // Проблемы музееведения и народная культура народов России. – Новосибирск: Наука, 1999. – Т. 4. – С. 153–161.
- Тихонов И.Л.** Грязнов Михаил Петрович (1902–1984) // Сетевой биографический словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII–XX вв. – СПб., 2012 (Электронный ресурс Доступ 28.03.2016. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/1178.html>)
- Тихонов С.С.** Андроновский могильник у с. Пестрое // Маргулановские чтения–2009. – Петропавловск, 2009а. – Т. 1. – С. 87–98.
- Тихонов С.С.** Могильник Дандыбай и его исследования Нуринской археологической экспедицией Института истории материальной культуры // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: матер. междунар. научн. конф. “Маргулановские чтения–2008”. – Караганда, 2009б. – С. 189–193.
- Тихонов С.С.** Полевые материалы 1929 года и изучение древностей Акмолинска // Маргулановские чтения–2011: матер. междунар. археол. конф. – Астана: НИИ археологии им. К. А. Акишева при Евразийском национальном университете им. Л. Н. Гумилева, 2011. – С. 151–154.
- Тихонов С.С.** Материалы М. П. Грязнова по Северному и Центральному Казахстану и современные археологические исследования // Маргулановские чтения–2012: матер. междунар. археол. конф. – Астана, 2012. – С. 96–99.

С. У. Жауымбаев

С. У. Жауымбаев

Е. А. Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті

С. У. Жауымбаев

*Карагандинский государственный университет
им. Е. А. Букетова*

Менің ұстаздарым

Түйін. Мақалада Қазақстандағы археологиялық мектептің негізін салушы көрнекті ғалымдар Ә. Х. Марғұлан, К. Ақышев, М. Қ. Қадырбаев, Ә. М. Оразбаевтардың ғылым саласындағы өмір жолдары туралы айтылады. Мақала авторы студент, яғни, шәкірт кезінен әріптестік кезеңдегі ұстаздарымен арақатынасы туралы құрметпен еске алады.

Тірек сөздер: археологиялық ескерткіштер, Ә. Х. Марғұлан, К. А. Ақышев, М. Қ. Қадырбаев, Ә. М. Оразбаев, ҚазМУ, Е. А. Бөкетов, ҚарМУ, Атасу, аспирант.

Мои наставники

Аннотация. В статье рассматривается вклад основателей отечественной археологической науки А. Х. Маргулана, К. Акишева, М. К. Кадырбаева, А. М. Оразбаева в создание казахстанской археологической школы. Автор делится воспоминаниями о встречах с археологами, а также о взаимном научном сотрудничестве со своими наставниками.

Ключевые слова: археологические исследования, А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев, КазГУ, Е. А. Букетов, КарГУ, Атасу, аспирант.

1971 жыл. Қазақ мемлекеттік С. М. Киров атындағы университеті, тарих факультетінің үшінші курс студентіміз. Жаңа оқу жылында факультет деканы А. Чупеков биылдан бастап, археология және этнография мамандығы бойынша жаңа кафедра ашылды, кім осы мамандыққа барғысы келеді, жазылыңдар, ал мына кісі сол кафедраның меңгерушісі деп, орта бойлы, мұрты бар аққұбаша келген егделеу адамды таныстырды. Бұл атақты ғалым, белгілі археолог Ә. М. Оразбаев болатын. Әбдіманап Медеуұлы Қазақстанның археологиялық ескерткіштері, оларды зерттейтін ғалымдар туралы көптеген мағлұматтар беріп осы ғылыммен кімдер айналысқысы келетіндігін және ер балалардың керек екендігін айтқаннан кейін қазақ бөлімінен алты адам жазылдық. Соның бірі мен болатынмын. Жоғарғы курстарда әрбір таңдаған мамандықтан арнаулы курстар оқылады және оған сол саланы зерттеп жүрген үлкен ғалымдар шақырылады. Міне, алғашқы шақырылып лекция оқыған ғалымдар қатарында академик Ә. Х. Марғұлан, Қазақ ССР

Ғылым Академиясының археология бөлімінің басшысы, онда К. А. Ақышев, сол бөлімнің аға қызметкерлері М. Қ. Қадырбаев, Х. А. Алпысбаев, К. М. Байпақов, С. М. Ақынжановтар болған еді.

Ә. Х. Марғұлан Орталық Қазақстанның археологиялық ескерткіштері жайлы қоңыр дауысымен бастаған лекциясын тынбастан бірнеше сағат оқитын. Ол әсіресе Ұлытау–Жезқазған өңірін зерттеу жылдарын, Жезқазған қаласының астында қалған қола дәуірінен ортағасырларға дейін көне металлургияға қоныс болған Милықұдық туралы айтқанда, жұмыс барысын Қ. И. Сәтбаев үнемі келіп қадағалап отырды, егер комбинат салынбағанда, бұл Атасу қонысы сияқты ұзақ қазатын ескерткіш еді деп отыратын.

Ә. Х. Марғұланмен жақын таныстығым 1975 жылы басталды. Осы жылы мен Қазақ ССР Ғылым Академиясының тарих, археология және этнография институтының археология бөліміне аспирантураға түстім. Ғылыми жетекшілікке институт басшылары Ә. Х. Марғұланды бекітті. Сонымен, атақты археологияның ата-

сы Марғұланның аспиранты болып, оның басшылығымен кандидаттық диссертация дайындадым.

1975 жылдың маусым айында ҚарМУ-дің тарих факультетінің студенттері археологиялық практиканы Солтүстік Қазақстан облысы Сергеев ауданындағы Алыпқаш деген жердегі қола дәуірінің қоныстары мен зираттарын зерттеуден бастады. Студенттердің орыс тобының жетекшісі Г. Б. Зданович еді, ал мен қазақ тобында болдым.

Маусым айының орта шенінде экспедицияға университет ректоры академик Е. А. Бөкетов келді. Ол қазған жерлерімізді, табылған заттарымызды көре жүріп, «бұл менің туып-өскен жерім, мына төбенің етегінде менің әкем мен шешем жатыр, осы жерге жылына бір рет келіп түнеп кетемін, бүгін сіздердің лагерлерінде боламын» деп, студенттермен тамақты бірге ішіп, лагерге қонып шықты. Ертеңгісін жүрерінің алдында мені шақырып алып, биыл аспирантураға барасың, ғылыми жетекшің менің досым академик Ә. Х. Марғұлан болады дегені бар. Шындығында сол жылы аспирантураға бір орын бөлініп мені жіберді, кетерімде ректор «мына конвертті Ә. Х. Марғұланға бересің» - деп қолыма үлкен конверт-хат берді. Алматыға келген соң Ә. Х. Марғұланның тұратын үйін тауып алып хатты қолына бердім, ол кісі ашып оқып шықты да «әй, шырақ, академик Е. А. Бөкетов хатында осы балаға ғылыми жетекші бол депті ғой» деп маған таңдана қарады.

Аспирантураға түскен соң Ә. Х. Марғұлан К. Ақышевпен ақылдаса отырып, «шырақ, сен Орталық Қазақстанның ежелгі металлургиясының даму мәселесін алсаң қайтеді, кезінде Кемал Ақышев ағаң алмақшы болғанда заман өзгеріп, басқа тақырыппен айналысуына тура келді» - деп әкелік ақылын айтты.

1976 жылдан бастап мен Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының құрамында ежелгі металлургиямен айналыстым. Экспедиция құрамында М. Қ. Қадырбаев, Ж. Қ. Құрманқұлов болды. ҚарМУ-дің тарих факультеті маған аспирант болсам да көмек ретінде жылына 25 студент-практикант беріп отырды. Сонымен Ә. Х. Марғұланның басшылығымен қола дәуірінің металлургия қонысы Атасуды ұзақ уақыт қаздық.

Ә. Х. Марғұлан металлургия тақырыбы жөнінде терең білетін ғалым еді, Қазан төңкерісіне дейінгі әдебиеттердің, кеңес өкіметі дәуірінде шыққан еңбектердің тізімін маған беріп, «бірінші жылы осылармен жете таныс, нағыз диссертациялық кезең екінші жылдан басталады» - дейтін. Орталық Қазақстандағы түсті метал шығатын жерлердің аттарын, орналасқан жерлерін жатқа білетін, «біз Қаныш Сатпаев екеуіміз бұл жерлерді атпен жүріп аралағанбыз» деп отыратын.

1978 жылы диссертацияны аяқтауға жақындағанда, Ә. Х. Марғұланды Академия Новосибирск қаласына ғылыми іссапарға жіберді. Сол кездегі тарих, археология және этнография институтының директоры академик А. Н. Нүсіпбеков мені шақырып алып, «Сағындық, сен Ә. Х. Марғұланды Новосибирске алып барып қайтасың, жол қаражаты Ғылым Академиясынан» - деп мені бірге жіберді.

Ә. Х. Марғұлан Новосибирск қаласындағы академик А. П. Окладников басқаратын СССР Ғылым Академиясының филиалында қорғалатын хақасиялық ғалым Я. И. Сунчугашевтің докторлық диссертациясына бірінші оппонент екен. Осы сапарда Ә. Х. Марғұлан бүкіл Сібір ғылымдарының ортасында түрік халқының тарихы, оның ішінде археологиялық ескерткіштері туралы терең білетін ғалым екендігін көрсетті. Қайтар кезімізде академик А. П. Окладниковқа «мынау менің аспирантым, кейін сіздерге келіп қорғайды» - деп мені тапсырып кетті. Ә. Х. Марғұлан Орталық Қазақстанның археологиясын өте терең білетін, энциклопедист ғалым болатын. Ол «Орталық Қазақстанның ежелгі мәдениеті», «Орталық Қазақстандағы Беғазы-Дәндібай мәдениеті» т. б. еңбектерімен болашақ маман археологтарға сара жол салып кеткен адам.

Ә. Х. Марғұлан жасының келгендігі себепті экспедицияға шыға алмауына байланысты Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясын 1970-жж. ортасынан бастап М. Қ. Қадырбаев басқарды. М. Қ. Қадырбаев ЛГУ-ді бітірген, Ленинградта кандидаттық диссертациясын қорғаған өте білгір, қаламы жүйрік ғалым болатын. Ә. Х. Марғұланның қасында Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының құрамында жүріп, ол Орталық Қазақстанның ежелгі темір дәуірінің ескерткіштерінің даму тарихымен айналысып, ғылымға Тасмола мәдениеті деген тың кезеңді енгізді.

1976 жылдан бастап сол кісінің қарамағында бірге жұмыс істеп, жақын інісіндей, шәкірті болып кеттім. Қарағанды облысының сол кездегі Ағадыр ауданындағы металлургия қонысы Атасуды ұзақ уақыт нағыз ғалым ағамызбен бірге қазғанымды мақтан тұтамын. Екеуіміз ежелгі кен орындарын іздеп бірнеше рет барлауға бірге шықтық, алғашқы тапқан мыс кенін қазған ежелгі кен орындары Сарыбұлақ, Оғызтау болатын, кейіннен Шет ауданының жеріндегі Босаға, Бұқаржырау ауданындағы Алтынтөбе, Қарқаралы жеріндегі Кеңсай, Кентөбе кен орындарын бірге зерттедік.

Барлау сапарының бірінде Нүркен ауылының маңындағы неолит, қола дәуірі петроглифі Кестелітас ескерткішін, Шет ауданындағы палеолит дәуірінің үңгіріндегі бояумен салынған мамонттардың суреттейтін қағазға түсіргенім

есімде, кейіннен осы палеолит дәуірінің үңгірін геологтар копарғыш дәрімен аттырып жіберіпті, орнында үлкен шұңқыр ғана жатыр. Өкінішке орай, бұл палеолит дәуірінен қызыл охрамен төбеге салынған Қазақстандағы жалғыз-ақ сурет ескерткіш болатын.

М. Қ. Қадырбаевтың жанұясы өте қарапайым кең, қонақжай жандар болатын, әйелі Люция Андреевна Мир Қасымовичты жазғы экспедицияға шығарда балаша өбектеп, барлық керек-жарақтарын түгелдей салып, бір қимастықпен шығарып салып отыратын. Баласы Владимир суретші, талантты жігіт, мамандығы физик болса да, әкесімен бірге экспедицияға шығып, табиғаттың суретін салатын.

Мир Қасымович ағамыз біздің жанұяның үлкен досы, қамқоршысы болатын, әрбір экспедиция соңында Қарағандыға келіп факультетке, деканымыз Қали Жуасовичке сәлем беріп, жазғы экспедицияның табыстары жайлы әңгімелеп беретін.

Менің кандидаттық диссертацияма үлкен көмегін тигізді, жұмыстың әрбір тарауына, ондағы материалдардың орналасуына мұқият қарап, өте құнды ақылдарын айтып отырды.

Әбдіманап Медеуович Оразбаевпен алғаш рет 1972 жылы кездестім. Ол Қазақ ССР Ғылым Академиясынан осы жылы ҚазМУ-дің тарих

факультетінде жаңа ашылған археология және этнография кафедрасына меңгеруші болып келді. Ұлы Отан соғысының ардагері, жаралы болып жақ сүйегі зақымданған болу керек, аздап тұтыға сөйлейтін. Ә. Х. Марғұланның сүйікті шәкірттерінің бірі, Ленинград университетінде Солтүстік Қазақстанның қола дәуірі ескерткіштері тақырыбында кандидаттық диссертация қорғаған, өз мамандығына берілген, өте білгір адамы болатын.

Алғашқы келген күннен бастап кафедрада археология және этнографиямен мамандануға тарих факультетінен қазақ балаларын тарта бастады, соның бірі болып мен осы мамандықты таңдадым. Қазір сол мамандықпен даярланғандардан Әлішер Ақышев, Болат Смағұлов үшеуіміз ғана қалдық.

Ә. Оразбаев ағамыз Орталық Қазақстанның қола дәуірі жайлы өте құнды лекциялар оқитын, соңғы курста маған Қазақстанның ежелгі металлургиясымен айналысуға ақыл беріп, диплом жұмысыма жетекшілік жасады.

Ә. Оразбаев ағамыздың ұйымдастыруының арқасында Ә. Х. Марғұлан, К. А. Ақышев, М. Қ. Қадырбаев, Х. А. Алпысбаев, К. М. Байпақов, Л. Б. Ерзакович, С. М. Ақынжанов, Т. Н. Сенигова, А. Г. Максимова СССР Ғылым Академиясынан М. П. Грязнов, С. С. Черников, А. П. Окладниковтер арнаулы курстар оқыды.



*М. Қадырбаевтың Ақтөбе облысындағы экспедициясы.
Солдан оңға қарай: үшінші – С. Жауымбаев, төртінші – Н. Боковенко, бесінші – Ж. Құрманқұлов,
алтыншы – М. Қадырбаев, сегізінші – А. Ермолаева*

Мен Кемал Ақышевпен алғаш рет Отырар қаласын қазу кезінде, яғни 1970 ж. кездестім. Ол кезде К. Ақышев Қазақ ССР Ғылым Академиясындағы тарих, археология және этнография институтының археология бөлімінің басқарушысы болатын. 1969 ж. Отырар археологиялық экспедиция құрылып, К. Ақышев сол экспедицияның жетекшісі болып тағайындалды. Отырар қаласындағы қазба жұмысына 1970 жылы ҚазМУ-дің тарих факультетінің 50 студенті қатынасты, солардың старостасы, лагерь коменданты мен болдым. К. Ақышев, К. Байпақов екеуі бізді, ҚазМУ-дің студенттерін Шымкент облысы, Шәуілдір ауданындағы Темір деген станцияда қарсы алып Отырар қаласының етегіндегі жібек құрты қоректенетін тұт ағашының ішіндегі палаткадан тұратын лагерьге орналастырды. Осы лагерьде 20 күн қазба жұмысына қатынасып, атақты археолог ғалымдардан дәріс алдық.

Екінші кездесуім 1972 жыл болатын, бұл кезде үшінші курста оқыдым, археология кафедрасы ашылып, белгілі ғалым ағамыз Ә. М. Оразбаев кафедра меңгерушісі болып келді.

Археологиядан арнаулы курстарды Ә. Х. Марғұлан, К. А. Ақышев, М. Қ. Қадырбаев, К. М. Байпақов, Х. А. Алпысбаев, А. Г. Максимова, Т. Н. Сенигова т. б. оқыды. К. А. Ақышев «Есік қорғаны», «Ежелгі Отырар» атты екі арнаулы курс оқыды.

Үшінші кездесуім Қазақ ССР Ғылым Академиясының археология бөліміне аспирантураға түскен кезде болды. Ә. Марғұланға аспирант болғаннан кейін мені өз кабинетіне шақырып алып К. Ақышев ағамыз Орталық Қазақстанның археологиялық ескерткіштері, соның ішінде ежелгі металлургия туралы әдебиеттер мен ескерткіштер жайлы үлкен кеңес берді. Әсіресе, Н. Валукинскийдің архивін өз қолымен тауып беріп, «мен де бір кездерде Орталық Қазақстанның ежелгі металлургиясымен айналыспақшы болғанмын» деп бірталай жинаған материалдарын берді.

Одан кейінгі жылдары К. Ақышев ағамызбен конференцияларда үнемі кездесіп, ақылдасып тұрдым.

1994 жылы Қарағанды мемлекеттік университеті базасында Ә. Х. Марғұланның 90 жылдық мерейтойына арналған «Марғұлан оқуларын» өткіздік, ол конференцияға Алматыдан К. А. Ақышев бастаған үлкен ғалымдар делегациясы келіп екі күн ғылыми форум болды. Конференцияның екінші күні Бұқар жырау

бабамыздың кесенесін көрсетіп, Бұқаржырау ауданында жылжымалы конференцияны жалғастырдық.

Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының ең жас мүшесі Жолдасбек Құрманқұлов. Ол Әлкей Марғұлан мен Мир Қадырбаевтың қарамағына 1972 жылы барды. Жолдасбекпен студент кезінен таныспын, ол үш курс жоғары оқып, 1971 жылы тарих факультетін бітірді. Қызмет барысында жақын таныстығымыз 1975 жылдан басталды. Ол тарих, археология, этнография институтының археология бөлімінде кіші ғылыми қызметкер болып істеді. 1976 жылдан бастап Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының құрамында бірге қазба жұмыстарына қатынасып 1989 жылға дейін бірге Атасу қонысын қаздық. Ол кезде экспедицияға сәуір айының аяғында шығатынбыз, 1-мамырда К. Ақышев, К. Байпақов, М. Қадырбаев және біз Жолдасбек екеуіміз Отырар археологиялық экспедициясымен бірге Отырар қаласында өткізіп, мамыр айының төртінші күні Созақ арқылы Бетпақдаланы кесіп екі ГАЗ-51 машинасымен Шалқия, Қаражалдатып Жаңаарқаға шығатынбыз.

Кей жылдары Атасу бойында жаз кеш шығып, қардың астында жатқан кездеріміз болды. Орталық Қазақстан экспедициясы осы жылдары Атасу, Ақмұстафа, Мыржық қоныстарын Саңғыру, Дарат бойындағы Беғазы-Дәндібай кезеңінің зираттарын зерттеді.

Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы – Қазақстандағы ең көлемді, маңызы жағынан Қазақстан тарихының ежелгі кезеңін зерттеуде аса үлкен роль атқарған коллектив. Қ. И. Сәтбаевтан, Ә. Х. Марғұланнан бастап кейінгі зерттеушілер Ж. Құрманқұлов, А. Бейсеновке дейінгі ғалымдар үлкен жұмыстар атқарып, Қазақстан тарихының ежелгі дәуірін жазуда қомақты үлес қосты. Ә. Марғұлан басқарған Орталық Қазақстанның археологиялық экспедицияның құрамынан Ә. Оразбаев, К. Ақышев, М. Қадырбаев, А. Максимова, С. Ақынжанов, С. Жолдасбаев, А. Загородний, З. Самашев, Ж. Құрманқұлов, С. Жауымбаев, А. Ермолаева, Т. Нұрымов, Ж. Таймағамбетов, Л. Ермоленко және т. б. көптеген маман, ғалымдар тәрбиеленіп шықты. Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы сол бір жылдары әуелі археология секторының, одан соң археология бөлімінің тұғыры, негізі болып еді.

А.Т. Толеубаев

А.Т. Толеубаев,
КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан
A.T. Toleubaev,
al-Farabi Kazakh National University, Almaty,
Kazakhstan
 e-mail: toleubayev@mail.ru

Место и роль А. М. Оразбаева в археологии Казахстана

Аннотация. В отечественной археологии А. М. Оразбаев – видный казахский специалист-археолог. Маршрутами экспедиций Абдулманапа Медеуовича, нацеленными на поиск, выявление и изучение памятников эпохи бронзы и ранних кочевников, были охвачены районы Северного, Центрального и Восточного Казахстана. Раскопы А. М. Оразбаева, отчетно-полевая документация исследователя ярко свидетельствуют о принадлежности специалиста к ленинградской школе археологов, где он закончил сначала университет, а затем и аспирантуру под руководством М. П. Грязнова. С именем А. М. Оразбаева связано становление археологии в стенах КазНУ им. аль-Фараби, где по рекомендации академика А. Х. Маргулана он начал преподавательскую деятельность. За заслуги в области науки и образования Оразбаев был награжден множеством медалей и орденов, грамотами и благодарностями Минвуза и университета. В 1976 г. за особый вклад в науку, вместе с А. Х. Маргуланом, он был удостоен I премии им. Ч. Ч. Валиханова. В настоящее время ведутся мероприятия, связанные с присвоением имени А. М. Оразбаева одной из аудиторий истфака КазНУ им. аль-Фараби.

Ключевые слова: А. М. Оразбаев, первый профессиональный казахский археолог, памятники эпохи бронзы и ранних кочевников, Северный Казахстан, Центральный Казахстан, Восточный Казахстан, КазНУ им. аль-Фараби.

A. M. Orazbayev's place and role in Kazakh archaeology

Abstract. Abdulmanap M. Orazbayev is a prominent Kazakh expert and archaeologist of domestic archaeology. The routes of expeditions under the guidance of Abdulmanap Orazbayev, aimed at search, identification and study of the monuments of the Bronze Age and the early nomads, included areas of North, Central and East Kazakhstan. A. Orazbayev's excavations, his reports and field records clearly indicate the fact that their author belonged to the Leningrad school of archaeologists, where at first he graduated from the university and then defended his thesis under the direction of Gryaznov. The name of A. Orazbayev is related to the development of archaeology in the Kazakh National University named after al-Farab, where, on the recommendation of academician A. Margulan he began his teaching career. A. Orazbayev was given numerous medals, awards, diplomas by the Ministry of Education and the university for his service in the field education. In 1976 for his special contribution to science, together with A. Margulan, he was awarded the I Valikhanov Prize. Currently some preparations are under the way on naming one of the halls of Historical department of al-Farabi Kazakh National University after A. Orazbayev.

Keywords: A. Orazbayev, first professional Kazakh archaeologist, monuments of the Bronze Age and the early nomads, North Kazakhstan, Central Kazakhstan, East Kazakhstan, al-Farabi Kazakh National University.

Действительно, у истоков археологической науки Казахстана стояли такие маститые ученые как А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, А. М. Оразбаев. Чуть позже в эту отрасль науки пришли такие исследователи как Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич, Т. Н. Сенигова, Г. А. Кушаев, Х. А. Алпысбаев, М. К. Кадырбаев и др.

Большую роль в археологическом исследовании Казахстана и формировании казахстанской

школы археологии сыграли такие видные ученые как М. П. Грязнов, С. И. Руденко, С. С. Черников, С. П. Толстов, А. Н. Бернштам, С. С. Сорокин, О. А. Кривцова-Гракова, Л. Р. Кызласов и др.

Особую роль в формировании молодого казахского археолога Абдулманапа Медеуовича Оразбаева сыграл известный исследователь первобытной археологии Сибири и Казахстана, один из крупных методистов археологических рас-

копок – М. П. Грязнов. Учителем и наставником А. М. Оразбаева на пути к большой науке был также академик А. Х. Маргулан, с кем он более 15 лет работал в составе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (ЦКАЭ).

Для того, чтобы полнее представить образ ученого-педагога Оразбаева необходимо остановиться на отдельных моментах его биографии.

Родился Абдулманап Медеуович 20 июля 1922 г. в Чингизских горах бывшей Чингизтауской волости Абайского района Семипалатинской области. Дед его был крупный феодал из рода Тобыкты – знаменитый Оразбай. Литературный отрицательный герой Оразбая в романе Мухтара Ауэзова, на мой взгляд, является собирательным прототипом байско-феодальной верхушки казахского общества XVIII–XIX вв. Историческая личность Оразбай был крупным феодалом в Среднем жузе (только лишь чубарых лошадей имел более 500 голов), уважаемым и признанным бием, человеком совершившим хадж в Мекку.

Сын Оразбая – Медеу был одним из активных членов Алашорды, большим другом Ахмета Байтурсынова, Султанмахмута Торайгырова и других прогрессивных деятелей Семипалатинска первой четверти XX в. Думая о просвещении своего народа в отдаленном глухом урочище Садыр Медеу построил школу с интернатом, где могли учиться и жить дети окрестных аулов. Жженный кирпич для строительства школы везли за 200 км на верблюдах из Семипалатинска. Учителей также приглашал из Семипалатинска. До последнего времени эту школу в народе называли школой Медеу. В настоящее время этот населенный пункт носит имя благородного предка Абдулманапа Медеуовича.

Чтению и письму арабским шрифтом молодого Абдулманапа обучала жена его старшего брата Саниязбека Аклия (Акыш), внучка Абая.

Среднюю школу Абдулманап Медеуович закончил в Алма-Ате.

Абдулманап Медеуович Оразбаев, относится к поколению, которое, будучи совсем юным, вынесло все тяготы Великой Отечественной войны. После ранения и контузии при обороне Сталинграда прошел боевой путь до Австрийских Альп, где встретил окончание войны и праздник победы над фашистской Германией.

В 1941 г. поступил на исторический факультет КазПИ, откуда 13 декабря был призван в армию. По окончании Омского военного училища им. Фрунзе в составе 45-ой Щорсовской дивизии защищал Сталинград.

В 1946 г. был демобилизован и продолжил учебу в КазГУ, откуда был переведен на археологическое отделение Ленинградского универ-

ситета. В Ленинграде слушал лекции таких специалистов, как академики Б. Б. Пиотровский и А. И. Окладников, член-корреспонденты В. И. Равдоникас и Л. А. Мацулевич, профессора – М. П. Грязнов, М. М. Дьяконов, А. Н. Бернштам, М. И. Артамонов, П. И. Борисковский и др. После успешного окончания университета, А. М. Оразбаев был оставлен в аспирантуре при Ленинградском отделении Института истории материальной культуры АН СССР, где под руководством М. П. Грязнова специализировался по эпохе бронзы Казахстана и Сибири. С тех пор с археологией связана была вся его жизнь. В 1958 г. А. М. Оразбаев блестяще защитил кандидатскую диссертацию на тему «Северный Казахстан в эпоху бронзы».

С 1956 до 1971 годы работал в отделе археологии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, вначале младшим, затем старшим научным сотрудником. Еще со студенческих лет, с первого курса, Абдулманап Медеуович участвовал в экспедициях, изучая методику полевых археологических исследований. С 1947 по 1952 годы он принимал участие в работах Восточно-Казахстанской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института материальной культуры (ЛОИМК) и АН КазССР под руководством С. С. Черникова.

В 1951 г. работал в составе Южно-Казахстанской археологической экспедиции ЛОИМКа и Института истории, археологии и этнографии АН КазССР под руководством А. Н. Бернштама.

В 1953 г. участвовал в Новосибирской экспедиции ЛОИМКа АН СССР под руководством М. П. Грязнова.

Экспедиционные исследования продолжались и в последующие годы, в течение 45 лет. Основной темой исследования были вопросы, связанные с историей материальной культуры племен эпохи бронзы и попутно памятников ранних кочевников.

Для выяснения роли племен андроновского общества и ранних кочевников в древней истории Казахстана Абдулманап Медеуович охватил исследованиями почти всю территорию Казахстана.

В 1954, 1960, 1961, 1964, 1965, 1967 годах он возглавлял Северо-Казахстанскую археологическую экспедицию, в отдельные годы руководил исследованием археологических памятников в Кокшетауской области. В 1968 г. работал в Западном Казахстане, в том же году вел археологическую разведку в Южном Казахстане.

В 1957, 1961–1963, 1972, 1974-е годы совместно с легендарным Аликей Хакановичем

Маргуланом исследовал памятники эпохи бронзы и ранних кочевников Центрального Казахстана.

В 1959 г. руководил крупной археологической экспедицией из четырех отрядов. Первый отряд исследовал памятники эпохи бронзы (руководитель А. М. Оразбаев), 2-й отряд – памятники ранних кочевников (руководитель М. К. Кадырбаев), 3-й отряд – памятники каменного века (руководитель Х. А. Алпысбаев), 4-й отряд – памятники поздних кочевников кимаков-кыпчаков (руководитель Ф. Х. Арсланова). Антропологические исследования проводил в составе этой экспедиции О. И. Исмагулов.

В 1958, 1985–1988 годах руководил Восточно-Казахстанской, а в 1989, 1990-е годы Семипалатинской археологической экспедициями, где проводилась разведка, регистрация и исследование памятников энеолита, эпохи бронзы и ранних кочевников.

Таков краткий, возможно, неполный перечень полевых экспедиционных работ А. М. Оразбаева. Если хорошо вдуматься, то нетрудно увидеть за каждой экспедицией кропотливый труд, трудности необустроенной полевой жизни.

Среди изученных А. М. Оразбаевым археологических памятников широко известны в науке поселения эпохи бронзы Казахстана как Бугулы, Суук-Булак, Шортанды-Булак, Шагалалы/Чаглинка. Они отличаются своеобразием строительной техники, конструкциями, формами, типами жилищ и оригинальными находками. На поселении Бугулы установлено жилище своеобразной конструкции, двухкамерное со входом сверху через крышу, очевидно при помощи лестницы. Стены полуземлянки сложены из камней и облицованы большими каменными плитами. На Шагалалы зафиксированы круглые и восьмеркообразные землянки с колодцами внутри жилищ глубиной 3–3,5 м, укрепленные внутри камнем и плахами. В Суук-Булаке впервые на поселениях эпохи бронзы Казахстана найдена железная руда и шлаки.

Одной из фундаментальных работ А. М. Оразбаева является его монография «Северный Казахстан в эпоху бронзы», опубликованная в «Трудах института истории, археологии и этнографии» (т. 5, 1958). Фактически это исследование является сокращенным вариантом его кандидатской диссертации.

В монографию вошли материалы таких памятников как Шагалалы, Боровое, Обалы, Биырек-коль, которые исследователем были отнесены к федоровскому этапу андроновской культуры. Основными признаками федоровских памятников А. М. Оразбаев считал (как и его учителя и современники М. П. Грязнов, С. В. Киселев,

К. В. Сальников, О. А. Кривцова-Гракова и др.) обряд трупосожжения, горшковидные сосуды с плавным профилем плечиков... [Оразбаев, 1958, с. 251]. В настоящее время место федоровского этапа в системе андроновской культуры принципиально пересмотрено. Если в 50-60-е годы XX столетия периодизация и хронология эпохи бронзы, в том числе андроновской культуры, производилась, в основном, по материалам захоронений, то материалы раскопок многослойных поселенческих комплексов урало-казахстанских степей широкими площадями представляют конкретные и убедительные факты, свидетельствующие о хронологической последовательности памятников северных ареалов андроновской культурно-исторической общности. Это петровский, алакульский, федоровский, саргаринский комплексы.

К тому же, в отличие от 1960–1980-х гг., в настоящее время бывшая андроновская культура в силу широты ареала и множества локальных и хронологических особенностей понимается как культурно-историческая общность, где присутствуют петровская, алакульская, федоровская и саргаринская культуры.

Одним из важных и достаточно спорных для того времени новшеств в монографии А. М. Оразбаева являлось выделение им замараевского этапа андроновской культуры в качестве самостоятельной культуры. По личному признанию мне А. М. Оразбаева, это ему стоило больших усилий и определенных преград для своевременной защиты.

Впервые на территории Казахстана, в Восточном Казахстане им найдено захоронение в колоде, аналогичное скифо-сакской культуре Горного Алтая, что позволило установить границу распространения на запад этой культуры.

В 1986 г. в Катон-Карагайском районе А. М. Оразбаевым также впервые в Казахстане было обнаружено и исследовано энеолитическое захоронение хорошей сохранности, близкое к афанасьевской культуре Южной Сибири.

В 1960-е годы А. М. Оразбаевым была разработана периодизация памятников эпохи бронзы Северного Казахстана. Вслед за К. В. Сальниковым он выделил три этапа в развитии андроновской культуры: федоровский, алакульский и замараевский. Кроме того, в замараевском этапе он видел самостоятельную, своеобразную культуру. Концептуальные мысли Оразбаева относительно культуроформирующего своеобразия замараевского периода в свое время были поддержаны отдельными учеными, и, на мой взгляд, до сих пор не потеряли своего научного значения.

Одной из особых черт археолога А. М. Оразбаева было то, что он часто обращался к этнографическим параллелям из материальной культуры и быта казахского народа. Например, геометрический орнамент на керамике эпохи бронзы он сравнивал с узорами казахских «бау», «басқұр», «алаша», жилища эпохи бронзы в планировке и строительной технике — сравнивал с казахскими «шошала», юртой и т. д. Причем он это делал очень умело и уместно. Некоторые современные ученые обычно считают некорректным такие достаточно далекие во временном отношении культурно-исторические параллели артефактов. На мой взгляд, методика сравнительно-исторического анализа археологических и поздних этнографических материалов, как это умело использовали известные специалисты Д. Н. Анучин, В. А. Куфтин, С. И. Руденко, С. П. Толстов, В. Н. Чернецов, А. Х. Маргулан и др. заслуживает пристального внимания. На мой взгляд, это вдвойне оправдано относительно культуры древних, средневековых и поздних кочевников Евразии, где четко прослеживается определенная неразрывная генетическая связь основных культууроформирующих и культууроопределяющих ценностей.

Следует также особо отметить высокий методический профессионализм А. М. Оразбаева в изучении памятников, безупречное владение им научной методикой раскопа, что стало своеобразным эталоном, казахстанской школой методики полевых археологических исследований. Мы, ученики А. М. Оразбаева гордимся этой школой и стараемся продолжить методику чистого, безупречно документированного полевого исследования памятников.

Большой по объему археологический материал, накопленный исследователем за сорокапятiletний период его экспедиционной деятельности, пополнил ценными артефактами казахстанскую археологическую науку.

Огромный вклад внес А. М. Оразбаев в исследование погребальных памятников, особенно, поселений эпохи бронзы Центрального Казахстана. Им или при его прямом участии были раскопаны такие огады и курганы-огады как Канатгас, Ботакара, Жамбай-Карасу, Баспалдак, Алтынсу, Жанайдар, Беласар, Елшибек, Егиз-Койтас. Все поселения, раскопанные в ходе работ ЦКАЭ в период с 1957 по 1974 гг., были изучены исключительно под непосредственным руководством или при участии А. М. Оразбаева. А. Х. Маргулан высоко ценил профессиональное качество, совершенство методики раскопа, добросовестность А. М. Оразбаева. В свою очередь глубокий аналитический ум, энциклопедические

знания, широта кругозора, острое научное чутье А. Х. Маргулана, все это было предпосылками плодотворного научного тандема этих двух замечательных исследователей.

На мой взгляд, в археологической науке Казахстана А. М. Оразбаев больше признан как археолог-полевик. Своими многолетними экспедиционными исследованиями он старался вносить в научный оборот больше фактологического материала, зачастую оставив глубокий историко-культурный анализ и излишнюю теоретизацию на потом.

Таким образом, мы сегодня можем вполне обоснованно утверждать, что у истоков казахстанской археологической науки, наряду с такими маститыми учеными как А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, несомненно, стоял первый профессиональный археолог-казах А. М. Оразбаев.

В 1998 году в годовщину смерти Абдулманапа Медеуовича мы с коллегами провели в КазГУ научную конференцию и издали сборник «Проблемы изучения и сохранения исторического наследия». На первой странице сборника, над фотографией А. Оразбаева была надпись «Посвящается памяти первого профессионального археолога Казахстана, лауреата премии им. Ч. Ч. Валиханова Абдулманапа Медеуовича Оразбаева». Когда я преподнес этот сборник Кемалу Акишевичу он с отеческой заботой и удовлетворением пролистал первые страницы и мне с улыбкой и братским наказом сказал: «Абдеш молодец, продолжай так дело памяти Манапа Медеуовича! Но первенство Оразбаева в казахстанской археологии – вопрос еще спорный?!». Да действительно, и А. М. Оразбаев и К. А. Акишев каждый по своему имели право на профессиональное первенство в области археологии в Казахстане. А. М. Оразбаев был первым казахом, который получил диплом Ленинградского университета по специальности «Археология». А первым остепененным казахом в области археологии, конечно, был великий Кемал Акишевич.

Начало археологического образования и подготовки археологов высшей квалификации в Казахстане также связано с именем незаурядного ученого, прекрасного педагога — А. М. Оразбаева.

В 1971 г., в целях подготовки кадров археологов и этнографов для республики, при историческом факультете КазГУ была открыта кафедра археологии и этнографии. Это новшество было одним из многих благих начинаний талантливого руководителя университета У. А. Джолдасбекова. По рекомендации А. Х. Маргулана А. М. Оразбаев был приглашен для ее организации и заведования. Кафедра была создана буквально на пустом ме-

сте. А. М. Оразбаев впервые в Казахстане составил учебный план специализации «Археология и этнология».

В первое время основные археологические дисциплины вел сам Оразбаев, а этнографические предметы читала к. и. н. Муканова Т. А. Через год на кафедру были приглашены доцент А. С. Загородний и, только что окончивший археологическое отделение Ташкентского университета, молодой специалист Н. Алдабергенов. При создании учебного плана специальности «Археология и этнография» А. М. Оразбаев опирался на опыт археологического отделения Ленинградского университета, где в свое время получил знания сам. Наряду с общими курсами «Основы археологии», «Основы этнографии», уже в первые годы работы кафедры читались спецкурсы по следующим периодам и проблемам археологии: «Каменный век Казахстана и Средней Азии», «Эпоха бронзы Казахстана и Южной Сибири», «Памятники эпохи бронзы Казахстана», «Железный век Казахстана», «Средневековые города Казахстана», «Методика археологических раскопок», «Музееведение», «Камеральная обработка археологических памятников», «Историческая антропология». Как видно из перечня курсов специализации, будущие археологи могли получить все необходимые знания по археологии Казахстана и сопредельных регионов. Такое богатство и разнообразие спецкурсов по археологии в те годы не было даже в Среднеазиатском университете, где подготовка специалистов по археологии началась на много раньше. В силу отсутствия специалистов перечень этнографических курсов был скромнее, это – «Прикладное искусство казахов», «Земледелие Средней Азии и Казахстана», «Семья и быт казахов».

Вначале было очень трудно, не хватало квалифицированных кадров. Поэтому для чтения лекций А. М. Оразбаев из Академии наук приглашал таких крупных казахстанских ученых, как академик А. Х. Маргулана, к. и. н., первый специалист по каменному веку Х. А. Алпысбаев, талантливый ученый, первый антрополог Казахстана – О. И. Исмагулов.

С целью подготовки специалистов высокой квалификации А. М. Оразбаев из городов Москва и Ленинград в КазГУ для чтения спецкурсов приглашал всеосознано известных крупных специалистов М. П. Грязнова, С. С. Черникова, Ю. А. Заднепровского и др. Во время приезда лекторов из других городов по личному распоряжению ректора У. А. Джолдасбекова студенты, специализирующиеся по археологии и этнологии в течение недели или нескольких недель слушали

лекции только приглашенных специалистов. На такие нестандартные решения вопросов для пользы дела мог пойти только У. А. Джолдасбеков. Мне тоже посчастливилось слушать лекции вышеназванных корифеев археологической науки 1950–1970-х годов.

Мне посчастливилось три года подряд участвовать в ЦКАЭ. Позднее, в 1989–1990 гг. мы с А. М. Оразбаевым организовали совместную археологическую экспедицию в юго-восточные районы бывшей Семипалатинской области. Я в жизни многому научился у этого замечательного ученого-педагога. Он обычно очень точно оценивал возможности и перспективы своих учеников. Не любил натаскивать, учил своим личным примером. Его лекции зачастую были достаточно конкретными, наглядно иллюстрированными.

Абдулманап Медеуович также сумел сплачивать на кафедре талантливых студентов, которые впоследствии стали профессиональными археологами и этнологами. Нынче с гордостью считают себя учениками А. М. Оразбаева археологи С. Жауымбаев, А. Акишев, Е. Смагулов, М. Е. Елеуов, С. Ажигали, А. Толубаев, Ф. Григорьев и др.

Научная и педагогическая судьба А. М. Оразбаева была сложной, полной драматизма. Он был слишком честным и преданным своему изучаемому периоду исследователем, не мог смириться с несправедливостью, поверхностным, дилетантским отношением к делу. Для студентов он старался отдать все что знает и чем владеет. Студенты его боялись, но любили. Личная требовательность и требовательное отношение к другим – вот что отличало ученого, педагога А. М. Оразбаева.

За заслуги в защите Родины и вклад в науку и образование он был награжден множеством медалей и орденов, грамотами и благодарностями Минвуза и университета. В 1976 г. за особый вклад в науку, вместе с А. Х. Маргуланом, он был удостоен I премии им. Ч. Ч. Валиханова.

Жаль что до сих пор в университете ничего не делалось с целью увековечивания памяти об этом прекрасном ученом-педагоге. Мы многократно поднимали вопрос об открытии «Оразбаевской аудитории», о названии «Института археологии, этнологии и антропологии при КазНУ именем А. Оразбаева. Но не нашли поддержки у прежнего руководства факультета. Нынче этот вопрос снова поднимается, кажется лед тронулся. Дай Бог, хотя бы таким образом увековечить имя одного из первых основателей археологического образования и науки в Казахстане.

И. Л. Кызласов

И. Л. Кызласов
Институт археологии РАН, Москва
I. L. Kyzlasov
Institute of Archaeology RAS, Moscow
E-mail: kyzlasovil@mail.ru

Археолог Леонид Романович Кызласов Биографический очерк

Аннотация: Статья знакомит с вехами жизненного пути выдающегося советского археолога Л. Р. Кызласова, прошедшего путь от аспиранта до профессора МГУ. Будучи студентом, он участвовал в работе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции. В возрасте 29 лет в 1953–1954 гг. Л. Р. Кызласов провел раскопки на огромном городище Ак-Бешим в Кыргызстане. Археологом была определена точнейшая дата, позволившая отождествить руины с раннесредневековым городом Суябом – столицей Западнотюркского каганата. В период с 1950 по 2002 гг. Л. Р. Кызласов возглавлял Хакасскую археологическую экспедицию.

Одних лишь археологических работ Л. Р. Кызласова хватило, чтобы полностью сломать старые представления о вечной культурной неразвитости коренных народов Сибири. Многочисленные и бесспорные факты высокого художественного и ремесленного, т. е. экономического и социального, развития триумфально дополнены открытием и изучением древних и средневековых городов, крепостей и монументальных храмов. Одним человеком обнаружено и обследовано 17 городов VIII–IX вв., два города VIII–XIII в. и шесть городов XIII–XIV вв., на территории Тувы и Хакасии, а также два храма II–I вв. до н. э. и до 12 храмов и святилищ VIII–XII вв. на землях Хакасии. Этим было совершено открытие древней и средневековой городской цивилизации Южной Сибири.

Образ Л. Р. Кызласова – достойный пример служения науке. Статья снабжена списком основных публикаций ученого, позволяющим судить об энциклопедических знаниях исследователя. Сын хакасского народа – Л. Р. Кызласов уделял внимание подготовке значимых исследований по истории края своих предков. Вклад Л. Р. Кызласова в науку высоко оценен в мировом научном сообществе.

Ключевые слова: Л. Р. Кызласов, археология, Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция, Ак-Бешим, Хакасия, Тува.

Archaeologist Leonid Romanovich Kyzlasov Biographic sketch

Abstract: The article introduces the life journey of the outstanding Soviet archaeologist L. R. Kyzlasov, who ran the gamut from a post-graduate student to a professor at Moscow State University. Being a student, he participated in the work of the Central Kazakhstan Archaeological Expedition. At the age of 29 in 1953–1954 L. R. Kyzlasov conducted excavation works in a huge ancient settlement Ak-Beshim in Kyrgyzstan. The archaeologist defined the exact date, which allowed to identify the ruins with the early medieval city of Suyab, the capital of the Western-Turk Kaganate. In the period from 1950 to 2002, L. R. Kyzlasov headed the Khakassian archaeological expedition.

The amount of L. R. Kyzlasov's archaeological works was enough to demolish completely the old ideas about the eternal cultural underdevelopment of the indigenous peoples of Siberia. Numerous and indisputable facts of high artistic and craft, that is, economic and social, development are triumphantly supplemented by the discovery and study of ancient and medieval cities, fortresses and monumental temples. One person discovered and studied 17 cities of the VIII–IX centuries, two cities of the VIII–XIII centuries and six cities of the 13th–14th centuries, on the territory of Tuva and Khakassia, as well as two churches of the II–I centuries BC as well as up to 12 temples and sanctuaries of the VIII–XII centuries on the lands of Khakassia. This was the discovery of the ancient and medieval urban civilization of Southern Siberia.

The image of L. R. Kyzlasov is a worthy example of service to science. The article is provided with a list of scientists' main publications which allow to speak about the encyclopedic knowledge of the researcher. The son of the Khakass people, L. R. Kyzlasov paid attention to the preparation of significant studies on the history of the land of his ancestors. L. R. Kyzlasov's contribution to science is highly appreciated in the world scientific community.

Keywords: L. R. Kyzlasov, archaeology, Central Kazakhstan Archaeological Expedition, Ak-Beshim, Khakassia, Tuva.

В 1948 г. 24-летний студент IV курса Исторического факультета МГУ Л. Р. Кызласов был приглашен возглавить археологический отряд Центрально-Казахстанской архитектурно-археологической экспедиции АН Казахской ССР, руководимой ее основателем доктором филологии, членом-корреспондентом Академии наук А. Х. Маргуланом. Работы, проводившиеся с июля по октябрь, оказались весьма успешными, а совместный полевой труд сблизил Алькея Хакановича с молодым ученым. Их связь не прерывалась – в 1950–1951 гг. москвичом были изданы три публикации по материалам работ Центрально-Казахстанской экспедиции. И когда в 1949 г. Леонид Кызласов окончил университетский курс, а в 1952 г. – аспирантуру, он получил личное приглашение от Президента АН Казахстана Каныша Имантаевича Сатпаева занять должность заведующего сектором археологии в Институте истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Уже зная адрес новой квартиры, он собрался переехать в Алма-Ату: супруга с двумя малыши детьми с готовностью паковала в московской коммуналке чемоданы. Узнав об этом, А. В. Арциховский приложил все силы к разрешению кадрового вопроса в МГУ – в результате Леониду Романовичу было предложено остаться работать на кафедре. Перешедший на основную работу в Институт археологии АН СССР С. В. Киселев видел на своем месте именно Л. Р. Кызласова.

В 1989 г., когда я впервые оказался в Алма-Ате на учрежденных Академией наук Республики Казахстан Маргулановских чтениях, отец привел меня к дому в центре города и сказал: «Вот в этом дворе ты мог вырасти, – и, помолчав, добавил, – Тогда ты был бы другим человеком». Разумеется, он был прав, хотя я поныне не понял полного смысла этой фразы. До конца дней Леонид Романович тепло вспоминал Алькея Хакановича Маргулана и экспедицию 1948 года, следил за развитием археологической науки в Республике, пополнял свою библиотеку казахскими изданиями, постоянно держал связь с казахскими учеными. Он гордился Московским университетом, ставшим для него родным, но, видимо, не раз с грустинкой подумывал о том, несостоявшемся переезде. Хотя, куда бы ни привела его

судьба, другим человеком Л. Р. Кызласов никогда бы не стал. Он знал, для чего работал.

Леонид Романович (24.03.1924 – 24.07.2007 гг.) принадлежал к немногочисленному коренному народу Саяно-Алтайской горной страны – хакасам. Он родился на реке Нине (бассейн р. Абакан, левого притока Енисея) в подтаёжном Сінемин-аалы (с. Синявино) Хакасского уезда Енисейской губернии (ныне Республика Хакасия). Отец Кызласов Роман Афанасьевич (сагаец рода Таг Харга) и мать Кызласова Христина Витольдовна (по матери сагайского рода Иргит) активно участвовали в культурной революции 1920-х гг.: он трудился в потребительской кооперации, она была учительницей (рис. 1). Достигнув 41 года от роду, Роман Афанасьевич стал жертвой сталинских репрессий. По вздорному обвинению он был арестован в 1937, и расстрелян в 1938 г., оставив сиротами 13-летнего старшего сына, 10-летнюю дочь и полугодовалого младшего сынишку. В 1942 г. в 39 лет угасла их мать.

Л. Р. Кызласов окончил среднюю школу 21 июня 1941 г. На следующее утро началась



Рис. 1. Семья Романа Афанасьевича и Христины Витольдовны Кызласовых с первенцем Леонидом. Фотоателье г. Минусинска, 1924 г.



Рис. 2. Л. Р. Кызласов, механик-водитель Т-34, гвардии ст. сержант 24-й Гвардейской танковой бригады 5-го Гвардейского отдельного Зимовниковского мотомеханизированного корпуса, 1943 г.

Великая Отечественная война. Из-за молодости добровольцу было отказано в отправке на фронт. Леонид вступил в большую войну в 18 лет в 1942 г., успев окончить 1-й курс Историко-Филологического факультета Томского университета. Он стал механиком-водителем танка Т-34 (рис. 2) и сражался с фашизмом до марта 1945 г. на землях Украины, Польши, Чехословакии и Германии. Семья дважды получала на него похоронные извещения (приложение 1). В последнем бою он потерял левую руку. За проявленное мужество Л. Р. Кызласов был награжден орденами Отечественной войны I и II степени, медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне» и 10-ю медалями Советской армии.

В 1945 г. солдат из госпиталя сразу направился в Московский университет. Археологией он увлекался с детства. Еще не демобилизованного фронтовика всерьез беспокоило, может ли однорукий человек быть археологом. Однако профессор А. В. Арциховский, основатель и руководитель кафедры археологии на Историческом факультете, решил вопрос короткой фразой: «Очень хорошо, археологов-танкистов еще не было», и Леонид Романович был зачислен. С тех пор вся его дальнейшая жизнь и научная деятельность были связаны с Московским университетом.

Л. Р. Кызласов в советское время первым из хакасов поднялся на уровень мировой науки, до-

стиг степени доктора наук и звания профессора. В университете он стал учеником выдающегося исследователя Сибири и Центральной Азии С. В. Киселева, и еще, не сменив гимнастерки, уже в 1946 и 1947 гг. принял участие в его экспедициях, работавших в Хакасии и в тогда еще неведомой для археологов Туве (рис. 3). В 1949 г. университетский курс был завершён дипломным сочинением «Алтай в V–X вв.», в 1953 г. Л. Р. Кызласов защитил кандидатскую диссертацию «Таштыкская эпоха (I в. до н. э. – V в. н. э.) в истории Хакасско-Минусинской котловины», а в 1966 г. – докторскую диссертацию на тему «История Тувы в средние века».

Зная ход археологической работы, можно поражаться тому, как много смог сделать один человек. Талант полевого исследователя и широта исторического взгляда на археологические материалы проявились у Л. Р. Кызласова очень рано. Уже раскопки, проведенные в 1953–1954 гг. на Ак-Бешиме (Кыргызстан) (рис. 4), принесли ему мировую известность: на огромном городище 29-летний археолог сумел отыскать и за два сезона раскопать остатки самого раннего в Средней Азии буддийского храма, первой христианской церкви, манихейского могильника и башни-дахмы, имевшей вид замка. Точнейшим образом определенная археологическая дата Ак-Бешима позволила ото-



Рис. 3. Тува. Л. Р. Кызласов у оленного камня, 1947 г.



Рис. 4. Киргизия. Городище Ак-Бешиш.
Интервью у буддийского храма, 1953 г.

ждествовать руины с раннесредневековым городом Суябом – столицей Западнотюркского каганата, а посвященный Майтреи буддийский храм оказался и поныне единственным известным комплексом из монастырей Даюнь (Великого Облака), некогда возведенных по эдикту китайской императрицы У Чжао. Методика, разработанная Л. Р. Кызласовым при этих раскопках, значительно обогатила археологические приемы и поныне применяется в Средней Азии. Помимо прочего изучение Ак-Бешима впервые показало официальное применение в Тюркешском каганате и на его монетах согдийской письменности и согдийского языка. Результаты раскопок в Ак-Бешиме, кроме СССР, были изданы в Англии, Франции, Индии и Китае. К ним вновь вернулся и сам автор в последней в его жизни книге, в 2010 г. изданной и на английском языке.

В 1950 г. аспирантом Кызласовым была основана Хакасская археологическая экспедиция, проработавшая до 2002 г. В сезоны 1955–1985 гг. исследования совмещались с раскопками в соседней Тувинской котловине, где исследовательская группа преобразовывалась в Тувинскую археологическую экспедицию МГУ. В этих случаях разведки и раскопки в Хакасии, а затем в Туве (рис. 5; 6), производились поочередно, так как полевой сезон делился пополам.

Л. Р. Кызласов вел раскопки и разведки с 1946 по 1991 г.: в Казахстане, Киргизии, Туве, Хакасии, Красноярском крае, Забайкалье, Приморье, а так-

же в Европейской России. Им открыты и изучены сотни памятников местных культур, создана фундаментальная база для нового этапа археологического изучения Сибири. Бесспорен вклад профессора Кызласова в воссоздание важнейших этапов до того неизвестной истории Сибири и Центральной Азии. В наше время узкой специализации он сумел широко раздвинуть рамки своей научной работы, с одинаковой глубиной и точностью охватить как первобытную, так и государственную стадии развития огромного и многоплеменного края. Разработки Л. Р. Кызласова лежат в основе всех современных исследований сибирского

средневековья.

К важнейшим достижениям ученого относятся: создание сплошной шкалы древних и средневековых культур Тувы, соотносенной с древностями Хакасии, Монголии и Алтая, разработка методов этнического определения древностей Сибири и Центральной Азии, обнаружение древностей Уйгурского каганата, фактическое открытие Древнехакасского государства – одной из наиболее развитых средневековых держав Евразии, установление исторической роли его аристократического рода *кыргызы*, определение времени бытования енисейской рунической письменности и создание учения о тамгах. Именно профессором Кызласовым впервые осуществлено собрание и обобщение летописных свидетельств о Южной Сибири и Центральной Азии (китайских, персидских, арабских, тюркских, греческих, западноевропейских, русских).

Особой заслугой Л. Р. Кызласова стало воссоздание древней и средневековой истории двух ещё недавно бесписьменных южно-сибирских народов: тувинского и хакасского. Им внесен значительный вклад в познание истории северных и южных алтайцев, шорцев, чулымцев, тофов, хантов и манси, селькупов, уйгуров, киргизов, казахов, якутов, бурят, монголов и других обитателей Сибири и Центральной Азии. Существенно продвинуто изучение некоторых древних народов Средней Азии – прежде всего саков, тюркешей и карлуков.



Рис. 5. Тува. Лагерь у городища Дён-Терек монгольского времени, 1956 г.

Одних лишь археологических работ Л. Р. Кызласова хватило, чтобы полностью сломать старые представления о вечной культурной неразвитости коренных народов Сибири.

Многочисленные и бесспорные факты высокого художественного и ремесленного, т. е. экономического и социального, развития триумфально дополнены открытием и изучением древних и средневековых городов, крепостей и монументальных храмов. Одним человеком обнаружено и обследовано 17 городов VIII–IX вв., два города VIII–XIII в. и шесть городов XIII–XIV вв., на территории Тувы и Хакасии, а также два храма II–I вв. до н. э. и до 12 храмов и святилищ VIII–XII вв. на землях Хакасии. Этим было совершенно открытие древней и средневековой городской цивилизации Южной Сибири.

Среди особенно важных открытий Л. Р. Кызласова значатся монументальные памятники высокой духовной культуры: первый и ранний буддийский храм VII в. и первая несто-



Рис. 6. Тува, пос. Хову-Аксы. Экспедиция МГУ. Археологи (слева направо): сидят: повар Л. Гуцина; К. В. Гайдай (1 курс); Доан Тхань Хьонг (3 курс, вьетнамец); аспирантка Ин-та народов Азии АН СССР Элеонора Афанасьева Новгородова (отец якут); Сержан Мусатаевич Ахинжанов (3 курс, казах). Стоят: А. П. Павленко (1 курс); шофер Михаил К. Колмаков; А. Е. Остапенко (1 курс); Яков Иванович Сунчугашев (аспирант ИА АН СССР); Л. Р. Кызласов; В. Н. Шамшиуров (1 курс); Василий Георгиевич Борисов (5 курс, якут); О. П. Тимофеева (студентка Ин-та вост. языков при МГУ); Анатолий Рудольфович Вяткин (школьник, сын китаиста Р. В. Вяткина), на него смотрит С. Ахинжанов. На снимке отсутствует студент-археолог Владимир Владимирович Сидоров (2 курс). По его словам (20.04.2017 г.) фотографировал



Рис. 7. Семинар на кафедре археологии МГУ. 1985 г.

рианская церковь в Средней Азии (Ак-Бешим), первые едва ли не единственные археологически изученные манихейские храмы (Хакасия), буддийские храмы и мусульманские кладбища XIII–XIV вв. в Туве, ламаистская кумирня XVII в. в Хакасии. В последние годы трудами Л. Р. Кызласова доказано закономерное вхождение всей горностепной, лесостепной и части таежной Северной Азии в зону мировых религий не позднее VIII в. Распространение северной разновидности манихейства на территории Сибири, Казахстана и Средней Азии явилось крупным открытием Л. Р. Кызласова в области востоковедения.

Археолог Кызласов был энциклопедически образованным ученым и блестящим педагогом. Огромен пространственно-временной охват курсов, преподававшихся им в разное время: «Основы археологии» и «Археология СССР», «Археология Казахстана и Киргизии (каменный век – раннее средневековье)», «Неолит и энеолит Сибири и Дальнего Востока», «Бронзовый век Сибири», «Ранний железный век Сибири», «Средневековая археология Сибири», «Письменные известия о древних городах Сибири». Леонид Романович руководил семинаром «Археологическое источниковедение» и семинарами по специальности (рис. 7). Для курсов, читаемых им, был характерен детальный анализ археологических материалов и проблем, возможно полное рассмотрение обществ, оставивших изучаемые древности: па-

леоклиматических, антропологических, остеологических данных, технологических особенностей (от трасологических до металлографических наблюдений), социально-демографических, лингвистических и этногенетических гипотез. Особо очерчивались культурные связи, ставились вопросы истории искусства. Параллельно археологическим данным постоянно привлекались и письменные источники, способствующие воссозданию исторического пути конкретных народов и этнических групп.

Л. Р. Кызласов подготовил более 70 специалистов, под его научным руководством 40 человек защитили кандидатские, 14 человек – докторские диссертации, восемь из них, при жизни учителя, стали профессорами. Его ученики трудились и ныне трудятся в России, на Украине, в Молдавии, Венгрии, Германии, в Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Таджикистане, во Вьетнаме, Южной Корее, Монголии.

В аудиторных стенах он был строг, а иногда и суров. Не спускал недоработок ни студентам, ни коллегам (по рассказам, те нередко спрашивали мою маму: «Как ты с ним живешь, Аня?». Она же в ответ только смеялась, поскольку знала в семье совсем другого человека, всю жизнь считая, что ей повезло).

То же высокое уважение к науке царило и в его экспедициях, хотя при ежедневном общении в поле он был прост, внимателен к каждому и за-



Рис. 8. Дома с сыном и дочерью. Декабрь 1956 г.

ботлив. По-армейски понимая сущность единоначалия, Леонид Романович всю ответственность за работу и быт брал на себя, выстраивая дисциплину участников на осознании исследовательских задач, точном выполнении необходимых действий и на уважении к предкам. В иных археологических коллективах мне поныне не верят,

что я вырос в экспедициях с сухим законом и не понимаю другого стиля полевой работы. Как и не понимаю небрежности в отношении погребений. Испробовал я на себе также, каково сдавать спецкурсы собственному родителю. Надо сказать, это меня не удивило, в год поступления он спросил: «Ты все-таки решил идти на Истфак?», добавил: «Попробуй, не поступи» и на все лето уехал в экспедицию, забрав с собою маму. Дома всегда добрый и веселый (рис. 8; 9), никогда, как принято у хакасов, не наказывавший детишек, и даже защищавший их порой от строжащейся мамы, Леонид Романович становился недоступным за

дверью своего кабинета. А весь дом в это время стихал самым естественным образом.

Археолог Кызласов издал свыше 340 научных работ, в том числе 17 монографий и учебных пособий, 12 книг, написанных в соавторстве. Многие из них стали новаторскими: «Древняя Тува», «История Тувы в средние века», «История



Рис. 9. С семьей в подмосковном лесу. Сентябрь 1962 г.

Южной Сибири в средние века», «Древнейшая Хакасия» и впервые академически воссозданная «История Хакасии с древнейших времен до 1917 г.». В переводах его труды публиковались в США, Германии, Италии, Польше, Турции, Индии, Японии, изданы на тувинском и хакасском языках. Л. Р. Кызласов был одним из авторов много-томного издания «History of Civilizations of Central Asia», выпускающегося ЮНЕСКО, был избран членом Финно-Угорского общества (Хельсинки, 1983 г.), членом-корреспондентом Германского археологического института (Берлин, 1984 г.).

Профессор Л. Р. Кызласов был одним из крупнейших российских востоковедов, редким знатоком истории и археологии Сибири, Средней и Центральной Азии. Высокое положение в науке было достигнуто неустанным, энергичным и целеустремленным творческим трудом всей его долгой и нелегкой жизни.

Он стал лауреатом Государственной премии СССР (1985), Ломоносовской премии I степени (1982) и Государственной премии

Республики Хакасия им. Н. Ф. Катанова (№ 1, 1993), Заслуженным деятелем науки Тувинской АССР (1991) и Заслуженным деятелем науки Республики Хакасия (1994), действительным членом Российской академии естественных наук (1997) и Заслуженным профессором Московского государственного университета (2002).

12 октября 2016 г. Распоряжением Правительства Российской Федерации самой высокой вершине Хакасии, прежде безымянной горе с абсолютной высотой 2969,4 м, расположенной на хребте Сальджур в системе Западных Саян было присвоено имя «гора Кызласова» (приложение 2). Этим утверждено решение Верховного Совета Республики Хакасия по увековечиванию памяти об археологе Л. Р. Кызласове инициированное Республиканским Советом старейшин хакасского народа и поддержанное референдумом жителей горно-таежного Таштыпского района, на землях которого высится гора.

Основные труды Л. Р. Кызласова:

- Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М.: Изд-во МГУ, 1960. – 197 с.
 Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. – 1960. – №3. – С. 93–120.
 О датировке памятников енисейской письменности // СА. – 1965. – №3. – С. 38–49.
 История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 212 с.
 Древняя Тува. От палеолита до IX в. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 208 с.
 Народные рисунки хакасов. – М.: Наука, 1980. – 175 с. (с Н. В. Леонтьевым)
 История Южной Сибири в средние века. – М.: Высшая школа, 1984. – 167 с.
 Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 294 с.
 Древняя и средневековая история Южной Сибири (в кратком изложении). Пособие для учителя. – Абакан: Красноярское кн. изд-во, Хакас. отд-ние, 1989. – 56 с.
 Древняя и средневековая история Южной Сибири (в кратком изложении). Пособие для учителя. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1991. – 56 с.;
 Декоративное искусство средневековых хакасов, как исторический источник. – М.: Наука, 1990. – 216 с. (с Г. Г. Король)
 Очерки по истории Южной Сибири и Центральной Азии. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. – 224 с.
 Письменные известия о древних городах Сибири. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 134 с.
 Земля Сибирская / Страницы истории и современность. – Абакан-М.: [б.и.], 1994. – Вып. 1. – 93 с.
 О присоединении Хакасии к России / Страницы истории и современность. – Абакан-М.: Изд-во Хакас. ун-та, 1996. – Вып. 2. – 61 с.
 В Сибирю неведомую за письмена таинственными / Страницы истории и современность. – Абакан: РОСА, 1998. – Вып. 3. – 72 с.
 Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – М., 1998. – №3. – С. 8–35.
 Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. – М.: Восточная литература, 2001. – 176 с.
 Городская цивилизация Средней и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. – М.: Восточная литература, 2006. – 358 с.

Коллективные монографии:

- История Тувы. – М.: Наука, 1964. – Т. 1. – С. 117–137, 138–164, 184–197.
 История Тувы (на тувин. яз). – Кызыл, 1966. – С. 110–154, 174–186.
 История Тувы. – Новосибирск: Наука, 2001. – С. 113–132, 154–173.
 Древнемонгольские города. – М.: Наука, 1965. – С. 59–119.

- История Сибири. – Л.: Наука, 1968. – Т. 1 – С. 284–291, 372–377.
 Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 46–61, 136–147.
 История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. – М.: Наука, 1986. – С. 90–97, 280–287.
 История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. – М.: Наука, 1993. – С. 3–195, 299–302, 496–498.

Литература о нем:

- Леонид Романович Кызласов (1924–2007). Биобиблиографический справочник. Абакан: [б.и.], 2014. – 186 с.
- Архипов Н.Д.** Выдающийся сын Земли Сибирской. К 75-летию профессора Л. Р. Кызласова. – М.: [б.и.], 1999. – 84 с.
- Миллибанд С.Д.** Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов. – М.: Наука, 1995. – Кн. 1. – С. 650–651.
- Миллибанд С.Д.** Востоковеды России: XX – начало XXI века. Биобиблиографический словарь. В 2-х книгах. Кн. I. – М.: Восточная литература РАН, 2008. – С. 765–766.
- Кызласов И.Л.** Кызласов Леонид Романович // Большая Российская энциклопедия. М., 2010. – Т. 16. – С. 506, 507, портрет, изб. Библиография.
- Лауреаты Ломоносовских премий 1944–1994 гг. К 50-летию их учреждения. Биографический словарь. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 143–145.
- Профессора и доктора наук МГУ им. М. В. Ломоносова. Биографический словарь. 1997. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – С. 306.
- Окладников А.П.** Важный вклад в историю народов Южной Сибири (Полторы тысячи лет истории Тувы и Минусинской котловины в зеркале археологии) // Сибирские огни. – Новосибирск, 1973. – №1. – С. 144–152.
- Кызласов И.Л., Мылтыгашева Л.П.** 50-летний юбилей Хакасской археологической экспедиции // РА. – 2001. – №3. – С. 172–181.
- Кызласов И.Л.** Стратегия археологических экспедиций: опыт Л. Р. Кызласова в отыскании и изучении городов Срединной Азии // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2008. – С. 21–38.
- Беликова О.Б.** Леонид Романович Кызласов. Воспоминания об учебе в Томском университете в 1941–1942 гг. // Тр. Томского обл. краевед. музея. – Томск, 2010. – Т. 16. – С. 159–169.
- Filip J.** Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. – Prag, 1966. – Т. I. – S. 664.
- Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. – Stuttgart, 1966–1969. – S. 664.
- Чжунго дабапкэ цюаньшу. Каогусяэ. – Бейпин-Шанхай, 1986. – С. 800–804.
- Postică G.** Leonid R. Kyzlasov: well known Scientist of Siberian, Central and Middle Asian Studies // Kyzlasov L. R. The Urban Civilization of Northern and Innermost Asia. Historical and Archeological Research. – București – Brăila: Editura Academiei Române, Editura Istros a Muzeului Brăilei, 2010. – P. 9–12.

Публикации на иностранных языках:

- Die ältesten Heiligtümer im mittleren Ienissei-Tal. // Beiträge zur Allgemeinen und vergleichenden Archäologie. – Mainz am Rhein: Zabern, 1990. – Bd. 9–10. – 137 s.
- The Urban Civilization of Northern and Innermost Asia. Historical and Archaeological Research. – București: Editura Academiei Române; Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei, 2010. – 426 p.
- History of Civilizations of Central Asia. – Paris, 1996. – Vol. III – P. 315–325.
- History of Civilizations of Central Asia. – Paris, 2003. – Vol. V. – P. 175–181.

Приложение 1. Копия похоронного извещения, полученного сестрой Л. Р. Кызласова. Март 1945 г.

НКО СССР
У П Р А В Л Е Н И Е
24
ГВАРДЕЙСКОЙ
ТАНКОВОЙ БРИГАДЫ
9 апреля 1945 г.
№ 0172/20
Д.Д.

К О П И Я

4

АБАКАНСКОМУ ГОРОДСКОМУ ВОЕННОМУ
КОМИССАРУ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
Гор. Абакан

ИЗВЕЩЕНИЕ

Прошу известить гр. Кызласову Клару Романовну, проживающ.
в Красноярск. кр. г. Абакан, ул. Черногорская д. 39 о том, что ее
брат, младший сержант КЫЗЛАСОВ ЛЕОНИД РОМАНОВИЧ в бою за Социалисти-
ческую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество,
погиб 23 марта 1945 г. и похоронен с отдаением воинских почестей
Германия, Силезия, дер. Бладен, высота 292.

Командир 24 гв.Т.бр.
гв. полковник

/Рязанцев/

Начальник штаба
гв. майор

/Сербиченко/

КОПИЯ ВЕРНА:



АБАКАНСКИЙ ГОРВОЕНКОМ

ПОЛКОВНИК

ОСИПОВ

Приложение 2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 октября 2016 г.



ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РАСПОРЯЖЕНИЕ

от 12 октября 2016 г. № 2151-р

МОСКВА

В соответствии с Федеральным законом "О наименованиях географических объектов" и на основании предложения Верховного Совета Республики Хакасия, а также для увековечивания памяти археолога Л.Р.Кызласова, внесшего значительный вклад в изучение Сибири, Средней и Центральной Азии, присвоить наименование "гора Кызласова" безымянной горе с координатами 51°39,6' северной широты, 89°12,5' восточной долготы и абсолютной высотой 2969,4 метра, расположенной на хребте Сальджур горной системы Западный Саян на территории Таштыпского района Республики Хакасия.

Председатель Правительства
Российской Федерации



Д.Медведев

3088369

М. К. Хабдулина

М. К. Хабдулина
 НИИ им. К. А. Акишева ЕНУ им. Л. Н. Гумилева
M. K. Khabdulina
 Research Institute after K. A. Akishev ENU after
 L. N. Gumilyov
 E-mail: m_habdulina@rambler.ru

К. А. Акишев и Ишимская археологическая экспедиция

Аннотация. В статье изложена история создания и итоги работ Ишимской археологической экспедиции. Первым руководителем данного научного подразделения был известный казахстанский археолог – К. А. Акишев. Экспедиция занималась обследованием окрестностей и районов, прилегающих к столице нашей страны – Астане. Базовый лагерь экспедиции на основном объекте исследований Бозоке достигал порой 120 человек. Он состоял из студентов трех учебных заведений: Степногорского филиала Акмолинской медакадемии, ЕНУ им. Л. Н. Гумилева и КарГУ им. Е. А. Букетова. Вдохновителем создания экспедиции был М. Е. Уртембаев, директор Степногорского городского историко-краеведческого музея, выпускник Московского государственного историко-архивного института, в студенческие годы принимавший участие в работах археологической экспедиции МГУ под руководством Г. А. Федорова-Давыдова.

В статье затронут еще один аспект – это личность археолога К. А. Акишева, человека, не мыслившего себя вне служения науке о древних страницах истории родной земли. Центральный Казахстан, с изучения которого начался его самостоятельный научный путь, стал завершающим полигоном его археологической службы. Через полвека, став маститым ученым, открывшим миру древнюю историю саков, усуней, исследовав жемчужину Великого Шелкового пути – город Отрар, он обратился к археологии цивилизации кочевников Сарыарки и открыл городище Бозок, доказав, что степные регионы Казахстана имели славную историю и здесь всегда протекали бурные исторические и политические процессы.

Ключевые слова: Ишимская археологическая экспедиция, К. А. Акишев, Степногорск, археолог, разведки, раскопки, Бозок, казахские зимовки.

K. A. Akishev and the Ishim Archaeological Expedition

Abstract. The article depicts the history of the creation and the work results of the Ishim Archaeological Expedition. K. Akishev, the well-known Kazakhstan archaeologist, was the first head of this scientific unit. The expedition was engaged in the research of the surrounding areas and areas adjacent to the capital of our country – Astana. The main camp of the expedition at the main research site of Bozok reached at times 120 people. It consisted of students from three educational institutions: Stepnogorsk Branch of Akmola Medical Academy, Eurasian National University after L. N. Gumilyov and Karagandy State University named after E. A. Buketov. The inspirer of the expedition was M. E. Urstembayev, the director of the Stepnogorsk Municipal Museum of Local History, a graduate of the Moscow State Historical and Archival Institute, who took part in the works of the archaeological expedition of Moscow State University under the guidance of G. A. Fedorov-Davydov.

The article highlights one more aspect – the personality of the archaeologist K. A. Akishev, a man who did not think about himself without science about the ancient pages of the history of his native land. Central Kazakhstan, from where K. A. Akishev's independent scientific career began, became the final polygon of his archaeological work. Half a century later, having become a venerable scholar who discovered the ancient history of the Saka people, Usuns, exploring the pearl of the Great Silk Road – the city of Otrar, he turned to the archaeology of the Saryarka nomads civilization. He opened the town of Bozok, proving that the steppe regions of Kazakhstan had a glorious history and stormy historical and political processes took place there.

Keywords: Ishim archaeological expedition, K. A. Akishev, Stepnogorsk, archaeologist, exploration, excavations, Bozok, Kazakh winterings.

Ишимская археологическая экспедиция под руководством К. А. Акишева начала свою деятельность в 1997 г. Поводом послужило письмо директора Степногорского городского музея Уртембаева Марата Егинбаевича, обратившегося к К. А. Акишеву с просьбой осмотреть древ-

ние археологические памятники, обнаруженные им у г. Степногорска. М. Е. Уртембаев выпускник Московского государственного историко-архивного института, в студенческие годы принимал участие в работах археологической экспедиции МГУ под руководством Г. А. Федорова-



Рис. 1. К. А. Акишев в целинной экспедиции, 1955

Давыдова. Несколько археологических сезонов провел на раскопках столиц Золотой Орды – городищ Селитренное и Царевское. По окончании института, став директором Степногорского городского историко-краеведческого музея, сохранил интерес к археологии и в окрестностях г. Степногорска обнаружил курганные могильники, пополнил экспозицию музея, забрав у местного краеведа каменное изваяние скифского времени [Хабдулина, 2015, с. 372].

Степногорск, расположенный в зоне степной возвышенной равнины, сразу очаровал К. А. Акишева. Город не имеет прилегающих пригородных строений, одноэтажных окраинных массивов, - он, как сказочный мираж, возникает внезапно среди степного пространства. Степь здесь перемежается мелкопочными всхолмлениями с живописно разбросанными гранитными валунами, глыбами причудливых форм. И над всем этим – бездонное голубое небо с низко плывущими белоснежными облаками. Кималь Акишевич всегда говорил, что такого неба и таких облаков, как в Сарыарке, нет в Жетысу и на юге Казахстана, где он провел большую часть своей жизни.

Первые годы (1997-1999) Ишимская археологическая экспедиция работала в окрестностях г. Степногорска [Акишев, 1999]. Были осмотрены берега степных рек Аксу, Карасу, прилегающих к Степногорску, берега многочисленных озер. Небольшой разведочный маршрут на р. Селеты привел к открытию поселений раннего железного века, многочисленных казахских зимовок. Развалины в урочище Кырык-Кудук привлекли внимание К. А. Акишева из-за топонима. По аналогии с кяризами Саурана,

К. А. Акишев предположил, что здесь тоже могло иметь место строительство колодцев для орошения культивируемых земель. На одном из бугров развалин была заложена траншея, расчистившая культурный слой позднего средневековья.

Становление Ишимской археологической экспедиции совпало с творением новейшей истории Казахстана. 1997 – год переноса столицы в Целиноград – Ақмолинск. Страна вступала в новый виток пассионарного взлета. Многие верили и не верили,

что новая столица состоится. Одним из доводов противников переноса столицы вглубь страны являлось утверждение, что во все века этот край являлся отсталой периферией, далекой окраиной передовых цивилизаций. Здесь нет и не могло быть ярких памятников, здесь не происходили значительные исторические процессы. В решении этого вопроса нужна была воля лидера и желание ученых, знакомых с глубинными страницами истории Казахстана. Для решения этих задач Н. А. Назарбаев приглашал и поддерживал представителей научной и культурной элиты страны. Среди них был и К. А. Акишев.

1998-й был объявлен Годом Национальной истории, и археологические работы в пришимских степях стали государственной задачей. Нужен был археологический памятник, исследование которого отвечало бы требованиям новой эпохи. По работам А. Х. Маргулана и материалам российских экспедиций XVIII-XIX вв. было известно о существовании многочисленных средневековых городов в Сарыарке. С осени 1997 г. начинается планомерное разведочное



Рис. 2. К. А. Акишев на раскопках, р. Коньыр, 1955

обследование окрестности Акмолинска. В поисках К. А. Акишев ориентировался на материалы А. Х. Маргулана и сведения о древних развалинах, опубликованные в трудах русских офицеров и чиновников, посещавших казахские степи в XVIII-XIX вв. (П. И. Рычков, И. П. Шангин, А. И. Левшин). Более всего его интересовали древние городища, указанные в Нура-Ишимском междуречье. Мы осмотрели городище Ботагай у с. Коргалжин, осмотрели сырцовые мавзолеи по р. Нуре, поселение на Ишиме у с. Талапкер, могильники на Тай-тюбе. Главной целью было найти средневековое городище (известное сегодня как городище Бозок), местоположение которого указывалось в окрестностях брода Караоткель. Памятник был найден только осенью 1998 г. в результате сплошного обследования берегов Ишима. Он оказался в совершенно неожиданном для нас месте – среди болот в пойме левого берега Ишима.

Героико дней переноса столицы в Акмолу наглядно описал Президент в своей книге «В сердце Евразии». Ему лично приходилось вникать во многие большие и малые дела. Так случилось и с организацией работ Ишимской археологической экспедиции - не хватало оборудования, были проблемы с доставкой воды. Пришлось обратиться лично к Президенту. По этому вопросу 29 июня 1999 г. в Администрации Президента состоялось совещание с приглашением руководителей ведомств, на которых возлагалась помощь в организации археологических работ на городище Бозок. Сохранился список участников этого совещания. Экспедиции были выделены один грузовик, вагончики, армейские палатки, емкость для воды. Раскопки памятника начались 3 июля 1999 г. в течение последующих 12 полевых сезонов городище Бозок стало основным стационар-

ным объектом Ишимской археологической экспедиции.

Основной состав экспедиции составили студенты Степногорского филиала Акмолинской медакадемии. К ним присоединились студенты исторических факультетов Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева и Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова. Это был огромный археологический лагерь численностью 120 человек. Организация работ и организация функционирования такого многочисленного лагеря требовало много сил и времени.

В исследовании городища Бозок археологическую помощь оказали бывшие аспиранты К. А. Акишева – В. В. Варфоломеев, Ю. А. Мотов. На городище Бозок они проработали четыре года (1999–2002). Отсутствие находок и значительный объем земляных работ возмещался веселым студенческим бытом, знакомством и дружбой студентов трех вузов. Позднее география участников расширилась за счет студентов Кокшетауских вузов, проходивших археологическую практику на Бозоке. Завязывалась дружба, и даже сложились семейные пары, встреча которых произошла именно на Бозоке.

Археологический лагерь на Бозоке каждое лето стоял полтора–два месяца. В августе, как правило, выезжали на другие объекты. В 1999–2001 гг. проводили раскопки поселений раннего железного века Таскора и Таскора-1 на реке Селеты, на могильниках у г. Степногорска. Коллекции были сданы в фонды Степногорского городского историко-краеведческого музея.

Все годы обязательным видом археологических работ Ишимской экспедиции были длительные и кратковременные поисковые маршруты по Сарыарке. Необходимо отметить, что

Центральный Казахстан занимал знаковое место в научной биографии К. А. Акишева. Он оказывается здесь в особые рубежные моменты истории Казахстана, в периоды активных созиданий. И этот дух новаций, стремительных перемен полностью соответствовал натуре Кималья Акишевича. В Центральном Казахстане в конце 40-х годов XX в. он начал постигать археологию под руководством А. Х. Маргулана, принимал участие в раскопках ныне широко известных некрополей эпохи бронзы – Бегазы, Сангру. Самостоятельная научная деятельность ученого также началась с исследова-



Рис. 3. К. А. Акишев и М. К. Хабдулина в экспедиции, 1997



Рис. 4. Б. Н. Нурмуханбетов (слева), К. А. Акишев и Атабай – сын археолога А. З. Бейсенова, декабрь 1997. Фото из семейного архива М. К. Хабдулиной

ния северных и центральных регионов Казахстана в период освоения целинных и залежных земель (1954–1956).

Об этих годах Кималь Акишевич вспоминал часто. Прошло всего восемь лет как кончилась война, когда было задумана грандиозная эпопея по освоению целинных и залежных земель Казахстана. Сегодня мы понимаем, что это был ничтожно малый срок. Страна еще не оправилась от последствий войны. Не хватало рабочих рук. Будущие целинные районы представляли собой глухую окраину, где не было дорог, не было электричества, основное население составляли женщины и старики.

Освоение целины началось темпами и методами, принятыми в стране в годы войны. В короткие сроки разбивались земли новых совхозов, по комсомольским путевкам прибывали тысячи целинников. Не хватало жилья, не хватало продуктов, не было строительного материала. Сводки целины продолжали дух военных сводок.

Одновременно с новыми совхозами, которых еще не было на карте, началась трехлетняя эпопея археологического обследования территории Казахстана

с целью выявления и регистрации древних памятников, сбора материала для составления археологической карты республики. Эта задача легла на плечи небольшого по численности отдела археологии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Надо сказать, что археология Казахстана в те годы еще не являлась самостоятельной отраслью исторических знаний. Первая кандидатская диссертация по археологии Казахстана была защищена в 1953 г. К. А. Акишевым. Она была написана по материалам работ ЦКАЭ, созданной в структуре Института в 1946 г. Руководителем ее стал А. Х. Маргулан. А. Х. Маргулан – ученый-востоковед широкого профи-

ля, образование получил в Ленинграде. В 1951 г. подвергся репрессиям и был на время отстранен от руководства экспедицией и от работы в ИИАЭ АН КазССР.

Отдел археологии в 1955 г. возглавил молодой кандидат исторических наук, первый дипломированный археолог Казахстана – К. А. Акишев. В отделе работали А. Г. Максимова и Т. Н. Сенигова – выпускницы МГУ 1946 г. Еще один археолог – Е. И. Агеева имела за плечами опыт археологических исследований в составе Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1949–1952 гг. В Джамбульском областном



Рис. 5. К. А. Акишев в экспедиции на Бозоке со своими бывшими аспирантами Ю. А. Мотовым (в берете) и В. В. Варфоломеевым (в очках), 2000



Рис. 6. К. А. Акишев и М. К. Хабдулина в студенческой аудитории. ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2001

музее работал Г. И. Пацевич. Он имел прекрасное европейское образование. Вот эти имена стояли у истоков археологической науки Казахстана, и на их плечи легла задача по обследованию территории Казахстана. Все они возглавили отдельные экспедиции, которые в течение трех лет прошли десятки тысяч километров по стране.

Всего было организовано 10 экспедиций по 10 областям Казахстана [АКК, 1960, с. 21]. Это была напряженная работа. Руководителем работ был назначен К. А. Акишев. В организации на-

учной фиксации памятников ему помог военный опыт и обучение в Воронежском училище связи, где он прошел краткий курс обучения военной топографии. На основе этих знаний вся территория Казахстана была поделена на 160 условных квадратов с нанесением всех рек, озер и иных географических и административных объектов [АКК, 1960, с. 7]. При обследовании совхозных земель использовалась более подробная карта в масштабе 2 х 2 км. На нее было удобно наносить обнаруженные памятники. Такие заготовки значительно облегчили процесс фиксации археологиче-

ских памятников.

До этих масштабных работ территория Казахстана представляла собой практически белое пятно на археологической карте Евразии. Целинные экспедиции воспитали первую академическую плеяду археологов Казахстана. Когда читаешь, что лаборантами в экспедициях были Г. А. Кушаев, Х. А. Алпысбаев, Ф. Х. Арсланова, М. К. Кадырбаев, понимаешь какую закалку прошли будущие маститые ученые, возглавившие целые научные направления в археологии



Рис. 7. К. А. Акишев и Д. А. Талеев в студенческой аудитории. ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2001

Казахстана. Имена их навсегда вписаны в историю науки Казахстана. А тогда это были юные студенты, аспиранты, специализирующиеся по археологии.

В северных регионах республики работали Северо-Казахстанская и Акмолинская археологические экспедиции под руководством К. А. Акишева. Начальником Павлодарской экспедиции была Е. И. Агеева, начальником отряда А. Г. Максимова. Кималь Акишевич вспоминал, как из Алма-Аты на грузовой машине, в кузове которой были один-два лаборанта и три-четыре рабочих, через всю страну шли на север. Здесь же в кузове был нехитрый экспедиционный скарб и бочка с бензином. Автозаправок не было. Но в руках у начальников экспедиций был документ, по которому их должны были на местах обеспечить бензином. До Акмолинска добирались несколько дней. На маршруте были один-два месяца. Телефоны и телеграфы были редкостью, поэтому связь с домом практически отсутствовала. Продуктовые лавки тоже были редкостью, поэтому в основном покупали молоко и лепешки у местного населения. В таких нелегких условиях, не обращая внимания на погоду, отсутствие дорог, мостов, археологи обследовали территорию распахки целинных и залежных земель в пределах Кустанайской, Западно-Казахстанской, Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Акмолинской и Павлодарской областей.

За три года целинных экспедиций в северных областях Казахстана было зарегистрировано 600 археологических памятников. Раскопки были проведены примерно на 200 объектах. Почти через полвека, уже перебравшись в Астану и возглавив Ишимскую археологическую экспедицию, К. А. Акишев совершил разведочную поездку по многим из тех памятников, которые были открыты в период целинных экспедиций. Осенью 1999 г. мы проехали маршрутом 1956 г. по реке Ишим, побывали на неолитической стоянке Маданият в районе Боровских озер. Долго искали могильник у с. Васильковка на р. Коныр. Как вспоминал Кималь Акишевич, в одном из курганов под насыпью было расчищено 17 черепов овец и лошадей. Погребения человека не было. Кималь Акишевич назвал его святилищем кыпчакского времени. И опять как в годы целины на коленях К. А. Акишева лежала потрепанная карта с пометками и нанесенными от руки объектами археологии...

Осенью 1999 г. был совершен самый длинный по протяженности маршрут по широтному отрезку Ишима и его притокам. На повороте русла реки на север (у с. Есиль) было осмотрено устье р. Терисаккан. На речке Ак-Кайракты был обнаружен памятник, который в путевых записках И. П. Шангина упоминается как развалины городища. Он пишет: «На сем расстоянии среди



Рис. 8. Кималь Акишевич Акишев, 2003

открытой степи проезжали остатки разделившихся стен древних полевых укреплений. Четыре из оных в расстоянии друг от друга не с большим на 100 сажен лежат от севера к югу линией зигзага, пятое расположено позади оных против самой середины от берега р. в 1000 саженях, шестое в 2,5 верстах к востоку против одного из крайних укреплений.

Каждое при первом взгляде представляет фигуру несовершенно правильного эллипса. Две противоположные вытянутые полудугой с выдавшимися несколько внешними углами стены, концами своими не соединяются, но разделены к западу пространством 25 сажен. К востоку около 60. Западные и восточные концы стен оканчиваются остатками четырехугольных башен. Посреди западных башен в пустом между оными пространстве находилась в каждом укреплении четырехугольной фигуры посредине преградой разделенной несколько большой величины развалившаяся башня» [цит. по: Шангин, 2006, с. 107–108].

Это оказались удивительно точно описанные пять курганов с усами. Видимо, в начале XIX в. они сохранились хорошо. При осмотре 1999 г. часть камней была уже выкорчевана, и комплекс имел уже не столь рельефный вид. Позднее, в 2004 г., отдельный отряд Ишимской археологической экспедиции под руководством А. Н. Свиридова раскопал один из курганов с усами. В насыпи были найдены фрагменты скелета лошади и фрагменты сосуда [Свиридов, 2004, с. 45–51].

Разведочными маршрутами по Ишиму и его притокам установлено, что, наряду с курганными могильниками, массовым видом памятников являются казахские зимовки. Они имеют вид задернованных всхолмлений правильной формы. По размерам среди них выделяются остатки замков или крупных поселений-усадеб. Рядом видны хозяйственные пристройки, углубления колодцев. На некоторых из них обнаружены руины кузниц, много железных вещей, инструментов кузнечного ремесла, битая посуда, царские монеты, оловянные пуговицы. По штампам на дне фарфоровой посуды видно, что казахи пользовались продукцией заводов братьев Кузнецовых, встречены фрагменты пиал с китайскими иероглифами.

На всем протяжении Ишима много ответвлений, стариц. Берега их также насыщены руинами поселений прошлых веков. Эти открытия уверили К. А. Акишева в обоснованности его выводов, что степь – не только мир кочевников, но и территория, густо заселенная оседлыми памятниками. Планировка многих зимовок читается на современной поверхности. Чаще встречаются поселения, состоящие из трех-четырех автономно расположенных комплексов. Есть и большие поселения – до 20 отдельных усадеб или домостроений. Кималь Акишевич любил бродить по территории зимовок. Наверно, ему казалось, что он житель этого места и его генетическая память оживала. И еще он говорил, что этот вид археологического памятника требует масштабного изучения.

К. А. Акишев заложил основы Ишимской археологической экспедиции. До получения первых радиоуглеродных дат определил дату городища Бозок. Он утверждал, что самые древние его строения появились в VII, возможно, даже в VI веке. При нем был создан новый археологический коллектив в Астане, в ЕНУ им. Л. Н. Гумилева его ученики продолжают и ныне работать здесь по направлениям, намеченным Кималем Акишевичем.

Для К. А. Акишева археология навсегда была связана с маршрутами. Дорога – это была настоящая жизнь. Поэтому он любил Астану за то, что можно было и зимой и летом быстро вые-

хать за город и оказаться в степи. В течение всех лет жизни в Астане он почти ежедневно, в любую погоду выезжал за город. Его УАЗ с «крутым» номером 777 даже заметила дорожная полиция Астаны. И однажды, когда Кималь Акишевич зимой ушел побродить по степи, а машина стояла на обочине Астраханской трассы, подъехала машина ГАИ и поинтересовалась у водителя Улана Айтхожина: «Чья это машина? То она стоит на Коргалжинской трассе, то на Кокшетауской, то на Павлодарской?». Как рассказывал Улан, хоть он очень перепугался, но сказал, что это военная машина К. А. Акишева. Автоинспекторы подумали, что речь идет о каком-то генерале. К. А. Акишев был очень доволен, т. к. «генерал Акишев» – его прозвали еще в годы Илийской экспедиции 1957–1961 гг.

Кималь Акишевич восхищался стремительными переменами в облике Астаны. Когда он приезжал, я шутя спрашивала: «Ну, как идет стройка? Довольны ли Вы темпами строительства?...».

И еще у него был постоянный сон, что он ставит лагерь. Причем, снится это начиналось далеко до весны, и часто, поглядывая в заснеженное окно, он говорил: «Сегодня мне приснилось, что мы ставим лагерь». И дальше шло перечисление тех, с кем он ставил лагерь («Бекешка, Карл, Виктор»)* [*Бекешка – Бекмуханбет Нурмуханбетов, Карл – К. Байпаков, Виктор – В. Грошев – прим. ред.]. Это были его ученики и близкие друзья.

Центральный Казахстан, с изучения которого начался его самостоятельный научный путь, стал завершающим полигоном его археологической службы. Через полвека, став маститым ученым, открывшим миру древнюю историю саков, усуней, исследовав жемчужину Великого Шелкового пути – город Отрар, он обратился к археологии цивилизации кочевников Сарыарки. И открыл городище Бозок, доказав, что степные регионы Казахстана имели славную историю и здесь всегда протекали бурные исторические и политические процессы.

ЛИТЕРАТУРА

- АКК. Археологическая карта Казахстана. Реестр. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – 450 с.
- Акишев К.А.** Итоги работ Ишимской археологической экспедиции // Изв. МН и ВО РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. – 1999. – № 1. – С. 107–113.
- Свиридов А.Н.** Курганы с «усами» из Акмолинской области (по результатам работы Ишимской археологической экспедиции) // Ахинжановские чтения – 2004: тез. докл. научн. конф. молодых ученых. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2004. – С. 45–51.
- Хабдулина М.К.** Каменное изваяние сакского времени из Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: сб. статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 372–375.
- Шангин И.** Дневные записки путешествия в степи киргиз-кайсаков Средней Орды ... берг-гешворена Ивана Шангина // Астана. История столицы и края XVII–XIX вв. / сост. А. Смайыл. – Астана: Фолиант, 2006. – С. 13–152.

Е. Ш. Амиров

Е. Ш. Амиров

Казахский национальный университет им. аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан)

Ye. Sh. Amirov

al-Farabi Kazakh national university (Almaty, Kazakhstan)

e-mail: e.amirov82@gmail.com

Проблемы сако-усуньской археологии в научном наследии Е. И. Агеевой (третья четверть XX в.)

Аннотация. В статье дается характеристика проблем сако-усуньской археологии третьей четверти XX в. по трудам Е. И. Агеевой. Взгляды Е. И. Агеевой рассматривались в разрезе современной ей историографической традиции. Это касается проблем происхождения культуры усуней, хозяйства и погребальной обрядности. Выводы, к которым пришла Е. И. Агеева, рассматриваются в сравнении с современным состоянием сако-усуньской проблематики. В рамках анализа взглядов Е. И. Агеевой в работе приводится мнение автора на роль земледелия в сако-усуньском обществе, а также характер взаимодействия пришлых племен с автохтонным населением.

Ключевые слова: Жетысу/Семиречье, историография, археология, саки, усунь.

Saka-usun archaeology problems in scientific heritage of e. I. Ageeva (the third quarter of the 20th century)

Abstract. The article is devoted to the characteristic of problems of Saka-Usun archeology in the third quarter of the 20th century on E. I. Ageeva's works. E. I. Ageeva's views were considered in a section modern by her historiographical tradition. It concerns the problems of the origins of Usun culture, economy and funeral rituals. Conclusions to which E. I. Ageeva had come are considered in comparison with a current state of a Saka-Usun perspective. Within the analysis of the views of E. I. Ageeva's work the author gives his opinions of the role of agriculture in Saka-Usun society, and also the nature of interaction of alien tribes with the autochthonic population.

Keywords: Jetysu/Semirechye, historiography, archaeology, Sakas, Usuns.

Евгения Ивановна Агеева (1916–1965) — выпускница Ленинградского государственного университета. Первые шаги в археологии она сделала еще в студенческие годы, участвуя в полевых исследованиях на территории Семиречья. По окончании университета продолжила работы в Казахстане под руководством А. Н. Бернштама. Е. И. Агеева входит в число первых казахстанских археологов, составивших отдел археологии ИИАЭ. Как организатор науки, она внесла ощутимый вклад в развитие археологии Казахстана, возглавляя такие крупные научные экспедиции как Южно-Казахстанская археологическая экспедиция (1947, 1957–1959) и Семиреченская археологическая экспедиция (1956). Работы Е. И. Агеевой охватывали памятники широкого хронологического диапазона. Особо можно отметить ее вклад в изучение сако-усуньских древностей Семиречья. Накопленный к началу 60-х гг. XX в. значительный фонд археологических ис-

точников требовал анализа и обобщения. На его основании Е. И. Агеева провела работу по систематизации сведений о погребальном обряде племен Семиречья в усуньский период. Результатом стала одна из первых классификаций керамики и типов погребальных сооружений рассматриваемой культуры. Отталкиваясь от этого, она предприняла попытку этнокультурных реконструкций, подкрепленных сведениями письменных источников и методами естественных наук. Оценивая ее вклад в разработку сако-усуньской проблематики, необходимо учитывать определенные установки, стоявшие перед исследователями, общее состояние археологической науки того периода и степень разработанности смежных проблем. Работы, в которых она интерпретировала материал, достаточно четко отражают основные концепции отечественной археологии в третьей четверти XX в. Вместе с тем некоторые ее высказывания демонстрировали склонность к поиску новых подходов к проблематике.

Проблема этнокультурной интерпретации погребальных сооружений

Е. И. Агеевой было отмечено распространение в конце I тыс. до н. э. в Семиречье подбойных захоронений. Они трактовались ею как отражение миграции группы кочевых племен, выдвинутых из Средней Азии в ходе освоения земледельцами пастбищных угодий [Агеева, 1961, с. 39]. Действительно, появление в конце I тыс. до н. э. относительно новой формы могильных ям наиболее логично объясняется приходом новой группы населения. Тот факт, что в плане распространения подбойных захоронений Семиречье является периферией по отношению к среднеазиатским очагам, а также палеоантропологические наблюдения вполне закономерно стали отправной точкой для гипотезы Е. И. Агеевой. Сюда же стоит отнести дефицит информации об археологических материалах со смежных территорий Китая. Таким образом, наличный археологический материал вполне допускал выдвинутую гипотезу. Однако в совокупности с данными письменных источников более привлекательной выглядит теория о приходе групп населения, привнесших новые элементы погребальной обрядности, из глубин Центральной Азии – собственно усуней и юэчжей [Заднепровский, 1971], что также укладывается в концепцию о традиционных маршрутах многовековых миграций кочевых племен с востока на запад, через Казахстан и в частности Семиречье как крупный транзитный коридор. Впрочем, в качестве обратного примера, близкого взглядам Е. И. Агеевой, можно привести согдийскую колонизацию региона как освоение и эксплуатацию торгового и земледельческого потенциала Семиречья.

Сопоставляя массовые грунтовые погребения с усунями, Е. И. Агеева принимает теорию о культурной преемственности между саками и усунями, основанную на построениях А. Н. Бернштама, отрицавшего факт переселения усуньских племен [Бернштам, 1949, с. 359]. Усуни воспринимаются как одно из племен, перехвативших политическую инициативу в гунно-сарматский период на территории Семиречья, чье имя было принято подчиненными группами населения. Однако тут в историографии проблемы начинает проявляться перекося между археологическим и историческим пониманием термина «усунь». В этот период исследователями признавались местные корни культуры усуней. Однако это не совсем стыкуется с теорией миграции усуней из Центральной Азии, и собственно с периодом переселения, датируемым II в. до н. э. На этом же фоне начала вырисовываться проблема малочисленности собственно сакских рядовых погребальных памятников, что можно было списать на недостаточность фактического материала, который только предстояло открыть.

В этом вопросе Е. И. Агеева отталкивалась от доминирующей на тот момент концепции автотонизма, позволявшей в духе марксизма проследить стадиальность развития культур [Клейн, 1999, с. 56]. Сегодня уже совершенно определенно можно говорить о том, что подобные явления в археологии не уместаются в одномерные лекала. В контексте сако-усуньских древностей проблема погребальной обрядности тесно связана с вопросами общественного устройства, которые мы рассмотрим ниже.

Проблема социальной организации

Е. И. Агеева сделала важное наблюдение, касающееся отсутствия предметов вооружения в погребальном инвентаре. С одной стороны, она объясняла это зарождением профессиональной армии и отделением рядового населения от воинских обязанностей, с другой – религиозными взглядами, не предусматривающими погребения с оружием. Последняя версия универсальна, ее столь же трудно оспорить, как и поддержать. Сложность погребального обряда вкупе с обилием предметов культа сакского времени возможно несколько выделяют религию сако-усуньских племен на фоне остального скифо-сибирского единства. Однако это не дает твердых оснований считать религиозные воззрения причиной исключения оружия из состава погребального инвентаря.

Гипотеза о выделении служилого сословия в усуньской среде была максимально развита К. А. Акишевым [Акишев, 1998, с. 67]. Однако демилитаризация рядового населения за счет создания профессиональных дружин в кочевом обществе выглядит маловероятной, исходя из того, что мы знаем о военной организации кочевников. Но это вполне приемлемо для оседлого населения. Примером этому может служить тюркско-иранское (таджикское) взаимодействие в средневековье.

Стройная картина вырисовывается при наложении на взгляды Е. И. Агеевой и К. А. Акишева точки зрения А. И. Тереножкина, который отмечал, что различия погребений в Притяньшанье отражают не только социальную, но и этнокультурную дифференциацию [Тереножкин, 1941], сюда же укладывается мнение Ю. А. Заднепровского. Местное оседлое население могло оказаться подконтрольным пришедшим группам кочевых усуней, образовавших господствующую, но достаточно тонкую демографически надстройку.

Проблемы хозяйственной специфики усуньских племен

Е. И. Агеева в числе первых отметила, что основная часть населения в усуньский период не могла быть определена как чисто кочевая [Агеева, 1961, с. 37]. Долгое время доминировали взгляды

о кочевом укладе хозяйства племен региона как в сакский, так и усуньский периоды, вытекающие еще из работы Н. Я. Бичурина [Бичурин, 1950, с. 190]. Эту систему взглядов было достаточно сложно преодолеть, однако Е. И. Агеева сделала шаг в этом направлении, высказав мнение, что усунь вели скорее полукочевое хозяйство и со временем все более тяготели к оседлости [Агеева, 1960, с. 67]. К этому выводу она пришла исходя из анализа керамического материала. Переход от круглодонных сосудов к плоскодонным был оценен, как признак большей оседлости.

Е. И. Агеева и современные ей авторы, рассуждая об отсутствии в погребениях оружия, не акцентировали внимание на том, что в погребениях усуньского периода практически нет и предметов конской узды. Стандартный набор в виде украшений (хоть и немногочисленных), поясной гарнитуры, зеркал сохранился, но из него выпали только предметы вооружения и конской узды. На наш взгляд, это также может служить доказательством оседлости обширной группы сако-усуньского населения в рассматриваемый период.

На тот момент для выводов о широком распространении оседлости и земледелия в сако-усуньский период еще не было достаточных фактических данных. Однако Е. И. Агеева смогла достаточно четко определить ландшафтную привязку памятников, отметив, что большинство могильников расположено на границе предгорной и степной зон, а поселения локализируются у выходов рек из горных ущелий. Она трактовала этот факт, как попытку оптимально локализовать стационарные поселения между летними и зимними пастбищами [Агеева, 1960]. На сегодняшний день уже определенно можно говорить о важной роли земледелия в хозяйственном укладе местных племен в сако-усуньский период [Байпаков, 2008]. Поселения привязывались к конусам выноса горных рек, прекрасно подходящих для развития орошаемого земледелия, могильники же располагались на периферии аллювиальных образований.

Высокая плотность населения, открытие поселений земледельческой направленности, привязка памятников к конусам выноса горных рек, характер погребального инвентаря свидетельствуют об оседло-земледельческом образе жизни значительной части населения сако-усуньского периода. С оседло-земледельческим населением соотносятся погребения усуньского или чильпекского типа. Одонтологическое исследование останков погребенных из могильника Каратума VI–III вв. до н. э. показало повышенную, в сравнении с Западным Казахстаном, частоту случаев кариеса [Китов, 2016]. Большинство курганов могильника Каратума содержат простые грунтовые могилы с бедным инвентарем,

традиционно определявшиеся как усуньские. Повышение частоты возникновения кариеса свидетельствует о наличии в рационе высокоуглеводной пищи – наиболее вероятно злаковых, что также свидетельствует о земледельческом укладе хозяйства. Несомненно, определенная часть населения региона сохраняла кочевые традиции. С одной стороны, этому способствовали благоприятные для этого природные условия, с другой – представляется вероятным престижный статус этого вида хозяйства, что подтверждается данными этнографии. Часть кочевого населения могла состоять из местных позднесакских групп, а также из пришлых племен – «исторических» усуней, группа которых заняла господствующее положение и оставила памятники айгырджальского типа. Эта концепция позволяет не закрывать глаза на прямые указания китайских источников о переселении усуней в Семиречье с одной стороны и снимает вопрос о нестыковке даты переселения по данным археологических и письменных источников. Симбиоз кочевого и оседлого населения был достаточно распространенным явлением на протяжении длительного времени. Среди синхронных культур можно отметить высокую значимость земледелия и оседлой жизни в обществе сюнну [Давыдова, 1978]. В большинстве случаев политическая инициатива и военное превосходство были на стороне кочевников. Вместе с тем достаточно обводненные предгорья в Семиречье позволяли получать значительный прибавочный продукт посредством земледелия. Он же мог быть одной из основ экономики усуньского государства.

В период творческой деятельности Е. И. Агеевой еще не были выработаны классификационные схемы для некоторых категорий инвентаря, с которыми ей приходилось сталкиваться. Примером может служить подвеска-костылек из могильника Шормак-1, датированного усуньским временем [Агеева, 1961, с. 34]. Данный железный костылек с кольцевидным навершием и одним валиком у основания петли представляет собой редкий тип. Эта форма в бронзовом исполнении [Сингаевский, 2007, с. 172] имела хождение в Обь-Иртышском междуречье и на Алтае в VI–V вв. до н. э. В материалах из Семиречья и Тянь-Шаня находка из Шормака-1 занимает промежуточное место между железными костыльками с гладким стержнем и бронзовыми стремечковидными с валиком на переходе, что расширяет его датировку до VI–IV вв. до н. э. [Иванов, 2012, с. 237]. В этом свете привлечение материалов могильника Каратума, датированного VI–III вв. до н. э. [Амиров, 2015, с. 165], выглядит совершенно закономерным.

Данный пример иллюстрирует возможность некоторого удревнения памятников, традиционно считавшихся усуньскими, что обеспе-

чивается привлечением новых материалов. На перспективность данного направления указывает пример ревизии взглядов на хронологию погребений каменной культуры, тесно связанной с позднесакскими племенами [Уманский и др., 2005, с. 70; Шульга, 2003, с. 107]. Возможность снижения дат некоторых памятников непосредственно в Семиречье была продемонстрирована П. И. Шульгой и А. З. Бейсеновым [Шульга, 2003, с. 61; Бейсенов, 2014, с. 76].

Подчеркнем, что костыльки отражают контакты Семиречья с Алтаем, отмеченные еще Е. И. Агеевой [Агеева, 1961, с. 40]. Однако направление миграций было обратным, нежели это считала Е. И. Агеева – некоторые сакские племена продвинулись на северо-восток, сохраняя и поддерживая контакты с Семиречьем [Иванов, 2012]. Можно предположить, что эти контакты поддерживались не столько в силу культурной

близости, сколько материальной потребностью. Не исключено что мигрировавшие саки получали в ходе сношений продукцию земледелия, доступ к которой они не имели в новых условиях.

В целом можно отметить, что взгляды Е. И. Агеевой достаточно полно отражают современную ей концепцию относительно культуры древних племен Юго-Восточного Казахстана. Она руководствовалась действующей системой взглядов, но вместе с тем там, где это позволял материал, выходила за ее рамки. Работы, опубликованные Е. И. Агеевой, были основными публикациями по сако-усуньской проблематике, заложившими основы казахстанской школы, в период между активной деятельностью А. Н. Бернштама и выходом монографии К. А. Акишева и Г. А. Кушаева [Акишев, Кушаев, 1963].

ЛИТЕРАТУРА

- Агеева Е.И.** Некоторые новые данные по археологии Семиречья // КСИИМК. – 1960. – Вып. 80. – С. 64–69.
- Агеева Е.И.** К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области // Тр. ИИАЭ. Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. – 1961. – Т. 12. – С. 22–41.
- Акишев К.А.** Социально-экономические отношения у древних усуней (уйсуней) I–V вв. н. э. // Вопросы археологии Казахстана. – М.–Алматы: Институт археологии им. А. Маргулана, 1998. – Вып. 2. – С. 65–71.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А.** Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата: Наука, 1963. – 297 с.
- Амиров Е.Ш.** Подвески-костыльки из могильника Каратума (к расширению серии из долины р. Или) // Казахстанская археология и этнология: прошлое, настоящее и будущее: матер. междунар. научн.-практич. конф. «VII Оразбаевские чтения». – Алматы: КазНУ им. аль Фараби, 2015. – С. 163–165.
- Байпаков К.М.** Город и степь в древности: оседлость и земледелие у саков и усуней Жетысу // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2008. – Вып. 1 (254). – С. 3–25.
- Бейсенов А.З.** О памятниках карамолинского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина I тыс. до н. э.) // Вестник НГУ. Серия «История, филология». – 2014. – Т. 13, вып. 7. – С. 68–79.
- Бернштам А.Н.** Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. – 1949. – XI. – С. 337–384.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф)** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М., Л. 1950. – Т. II. – 335 с.
- Давыдова А.В.** К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сунну // КСИА. – 1978. – Вып. 154. – С. 55–59.
- Заднепровский Ю.А.** Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н. э. – V в. н. э. // Страны и народы Востока. – 1971. – Т. X. – С. 27–36.
- Иванов С.С.** «Костыльки» – элементы боевых поясов ранних кочевников Семиречья и Тянь-Шаня // Проблемы и достижения Отечественной археологии и этнологии в XXI столетии: матер. републ. научн.-практич. конф. «IV Оразбаевские чтения». – Алматы: КазНУ им. аль Фараби, 2012. – С. 234–240.
- Китов Е.П.** Антропологические особенности ранних кочевников бассейна реки Или (по материала могильника Каратума) // Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. – Алматы: Археологическая экспертиза, 2016. – С. 609–622.
- Клейн Л.С.** Миграция: археологические признаки // Stratum plus. – 1999. – № 1. – С. 52–71.
- Сингаевский А.Т.** Поясные подвески VII в. до н. э. – I в. н. э. с территории Обь-Иртышского междуречья как культурный и хронологический индикатор // Известия АлтГУ. Сер. «История. Политология». – 2007. – № 4/3. – С. 161–173.
- Тереножкин А.И.** Рецензия на статью: Воеводский М.В., Грязнов М.П. Усуньский могильник на территории Киргизской ССР (ВДИ, 1938, №3) // ИУзФ АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1941. – № 2. – С. 73–75.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И.** Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: АлтГУ, 2005. – 204 с.
- Шульга П.И.** Могильник скифского времени Локоть 4а. – Барнаул: АлтГУ, 2003. – 204 с.

В. С. Волошин

В. С. Волошин
«Алтын-Орта», г. Астана
V. S. Voloshin
“Altyn-Orta”, Astana
e-mail: voloshin49@list.ru

Клапчук – первый профессиональный археолог Караганды

Аннотация. Статья посвящена жизни и научной деятельности М. Н. Клапчука (1920–1984 гг.) одного из основателей казахстанского палеолитоведения, проводившего исследования в Центральном Казахстане в 60-ых годах прошлого века. Свою работу по поиску и изучению памятников каменного века М. Н. Клапчук сочетал с геологическим изучением плиоцен-четвертичных отложений, и в частности, с использованием спорово-пыльцевого метода в целях реконструкции палеоклиматов и палеоландшафтов в регионе. Разработанная им периодизация палеолита Центрального Казахстана включала этапы нижнего палеолита, памятники которого он относил к плювиалам минделя и начала рисса, среднего палеолита (плювиал начала вюрма), а также верхнего палеолита (поздний вюрм). В рамках последнего им была выделена батпакская культура, происхождение которой он связывал с палеолитом Алтая.

Ключевые слова: археология, палеолит, плейстоцен, неолит, артефакт, памятник.

Abstract. The article is dedicated to the life and scientific work of Michail Klapchuk, one of the founders of the Paleolithic studies in Kazakhstan, who explored Central Kazakhstan in 1960's. His exploration of the Stone Age sites Michail Klapchuk combined with geological studies of Pliocene-Quaternary sediments, in particular, with spore and pollen analysis in order to reconstruct the paleoclimate and paleoenvironment of the region. He developed a periodization of the Paleolithic of Central Kazakhstan. It included Lower Paleolithic, whose sites he attributed to Mindel-Riss interglacial, Middle Paleolithic (pluvial in early Würm), as well as Upper Paleolithic (late Würm). Within the latter he identified the Batpak culture, whose genesis he associated with the Paleolithic of Altay.

Keywords: archaeology, Paleolithic, Pleistocene, Neolithic, artifact, site.

В наше время, когда археология в Казахстане стала зрелой и почитаемой наукой и уже приобрела свою собственную историю, нельзя не вспомнить о Михаиле Николаевиче Клапчуке – человеке и ученом, одном из основателей казахстанского палеолитоведения, с кого, собственно, и началась археология в Караганде. В 1968–1969 гг., в бытность студентом истфака Карагандинского ГПИ, мне довелось не только часто встречаться с М. Н. Клапчуком, но и быть принятым в ученичество к нему и, таким образом, получать с его стороны наставничество на первых своих шагах в археологии. С тех пор многое стерлось из памяти, но сохранившимися воспоминаниями мне, естественно, хочется поделиться.

М. Н. Клапчук был, безусловно, человеком сложной судьбы. Уроженец Прикарпатья (Ивано-

Франковская область Украины), во второй половине 1930-х он поступил на истфак Львовского университета и обучался археологии под руководством польских ученых. Присоединение Западной Украины к СССР в 1939 г. и последующие за ним грозные события войны в корне изменили политическую ситуацию тех мест и всю жизнь М. Н. Клапчука. Обычно немногословный и осторожный в своих высказываниях, М. Н. Клапчук никогда не рассказывал мне о военном времени; однажды только при разговоре упомянул об «ошибках молодости». Известно, что после войны он отбывал срок ссылки в Джекказгане, а затем переехал в Караганду.

Здесь ему удалось обжиться и обустроиться. Жил он на окраине города, далеко за железнодорожным вокзалом среди частного сектора –

в низком доме, довольно неказистом, очевидно, саманном и порядочно просевшем, обшитым с внешней стороны досками. Когда я был там зимой, мне показалось там очень холодно, и я подумал, что, наверное, экономят на угле, или же основание дома очень уж сырое. Но внутри все было чисто и опрятно обставлено, в простенке – шкаф с собранием Большой Советской Энциклопедии. Видимо, хозяин дома часто прибегал к помощи этих томов, поскольку нельзя было не заметить использование М. Н. Клапчуком замысловатых слов («эквалонгентность» и т. п.), отсутствующих даже в современном словаре иностранных слов! Жена его запомнилась как вежливая, простая, добродушная женщина, которая, очевидно, нигде не работала и всецело посвятила себя дому и своим трем маленьким озорным детям. М. Н. Клапчук был исключительно хорошим семьянином. Мне не раз приходилось удивляться, как это ему удается – сочетать и дом, и семью, и такую нагрузку на работе. Ведь он всегда был перегружен работой.

В начале 1960-х гг. М. Н. Клапчуку удалось поступить на работу в Палинологическую лабораторию Центрально-Казахстанского геологического управления, которая находилась тогда в здании ЦКГУ на Советском проспекте. Это случилось не без помощи видного геолога Г. Ц. Медоева, который, зная об увлечении М. Н. Клапчука археологией каменного века, вполне справедливо рассчитывал на тесное сотрудничество в предстоящем исследовании палеолита Центрального Казахстана между ним и своим сыном Аланом Медоевым, тогда также только вступившим на эту стезю.

Оказавшись в стенах ЦКГУ, М. Н. Клапчук быстро освоил спорово-пыльцевой метод для четвертичных отложений и получил возможность работать палинологом, что позволяло ему, пусть ненадолго, но всё же несколько раз в году выезжать в полевую экспедицию. Эта работа предусматривала посещение различных геологических партий и тесный контакт с геологами, что очень помогало поиску памятников каменного века. Одновременно с этой работой М. Н. Клапчук заочно получил высшее историческое образование в Карагандинском ГПИ. После отчетов, направленных в Сектор археологии Алма-Аты, ему был выдан Открытый Лист на право проведения исследований в бассейнах рек Нура и Сарысу. Свои первые археологические находки он опубликовал [Клапчук, 1964; 1965; 1967; 1968].

В первой половине 1960-х годов М. Н. Клапчук много времени уделял поискам археологических памятников в черте Караганды: у истоков ручья Ашларык, в верховьях ручьев Большая и Малая Букпа, на западной окраине и южной оконечности Майкудукской гряды и в ряде других мест. На составленной им в



Михаил Николаевич Клапчук

1966 г. «Археологической карте окрестностей Караганды» значится 65 объектов каменного и бронзового веков (табл. 1). Среди них самыми крупными были стоянки Караганда-15, 27, 37 и Зеленая Балка-4. На стоянке Караганда-15 с помощью студентов Карагандинского ГПИ в 1967–1968 гг. были проведены раскопки, результаты которых позднее были опубликованы [Клапчук, 1970]. В Карагандинской области М. Н. Клапчуком были обнаружены десятки неолитических памятников: в бассейне рек Сарысу и Каракенгир, на южных отрогах Улутау, в районе Жана-Арки, южнее Караганды, в окрестностях села Батпак и в других местах. Всего на территории области им было закартировано 150 неолитических памятников (табл. 2).

Одновременно М. Н. Клапчук был активен и на геологическом поприще в ЦКГУ: он был одним из инициаторов регулярного проведения с 1966 года Научно-технической конференции Научно-технического общества геологов. Выпуски тезисов докладов публиковались. В них он впервые опубликовал геологический разрез Батпака [Клапчук, 1967а], свои первые методические разработки по использованию спорово-пыльцевого анализа в условиях степей и пустыни Центрального Казахстана [Клапчук, 1968а], а так-

же материалы по палеоклимату и палеоландшафтам плейстоцена этого региона [Клапчук, 1968б; 1968в; 1969].

Что касается сотрудничества по изучению палеолита между М. Н. Клапчуком и Аланом Медоевым, то оно так и не случилось. Причина этого мне поначалу была непонятной, открылась позднее, в середине 1970-х годов, когда я познакомился с Аланом Медоевым. Забегая вперед, остановлюсь на этом подробнее. Вопреки давнему совету М. Н. Клапчука обходить, по возможности, встречи с «непредсказуемым» Аланом Медоевым, я, движимый, прежде всего любопытством, зашел однажды к нему в кабинет в Геологическом институте. Помню, что, представившись палеолитчиком, я сразу приступил к рассказу о своей работе. Но Алан резко оборвал меня, сразу подвел к стеллажу, на полках которого были разложены крупные кварцевые образцы нуклеусов из Кудайколя, и начал вопрошать, тыкая пальцем в каждый: «Это что? А это что?» И так шесть или семь раз. Наконец, удовлетворившись, потеплевшим голосом спросил: «Где ты так насобачился?». После моего ответа, что я был в течение двух лет учеником М.Н. Клапчука, он был сильно изумлен. Затем последовал любопытный рассказ о встречах между ним и М. Н. Клапчуком, в том числе на Самаркандском палеолитическом совещании 1966 г.

Начиная с этого времени, постепенно между мною и Аланом Медоевым установились своеобразные дружественные отношения старшего с младшим, которые, надеюсь, были искренними с обеих сторон и предполагали обсуждение любых вопросов. Не скрою, мне доставляло большое удовольствие, надеюсь так же и ему, сидя в кабинете за чашечкой Ркацители, обсуждать вопросы палеолита и, вообще, науки и человеческого мышления. У него была увлеченность эстетической и филологической сторонами дел. Одно только утомляло меня – это некоторая заторможенность, медлительность его реакций в подборе слов; он сам признавался, что ему трудно писать (я бы сказал, ему было трудно хорошо писать, но плохо он вообще не писал). Последнее обстоятельство, кстати, сыграло свою роль в одном курьезном случае, который произошел со мной незадолго до его смерти. Я как-то позвонил ему по межгороду, уже не помню по какому вопросу, но разговор по этой самой причине настолько сильно затянулся, что я начал досадовать на то, что вообще позвонил, и уже мысленно простился со своей месячной зарплатой, но всё же, довел разговор до логического завершения. Каково же было мое радостное удивление, когда спустя некоторое время, получив квитанцию об оплате, я не обнаружил в ней этого звонка. Я воспринял это как дар свыше.

Я остановился подробнее на своих встречах с А. Медоевым для того, чтобы сказать, что если я его понимал (а в этом у меня никогда не было особых причин сомневаться), то отправляясь от противного, я тем самым стал лучше понимать и М. Н. Клапчука. Это были совершенно разные люди, которые испытывали друг к другу чувство внутреннего отторжения. Чистый эмпирик и немного педант, М. Н. Клапчук, со своим микроскопом и ящиками каменных изделий, в частной, конкретной науке был «у себя в доме». Он по крохам собирал и накапливал информацию, упаковывая ее в различные исписанные листы, статистические таблицы, графики, фотографии и т. п. – всё это раскладывалось по тематическим папкам и нумеровалось. Обобщения делались очень осторожно, всегда с привязкой к конкретному материалу и, по возможности, со ссылками на различных авторов – он много работал с литературой. Помимо самой науки он чувствительно относился к своему положению в этой науке и среди коллег по цеху. А. Медоев же был свободен от всего этого, в археологии он был скорее «гостем». О своих именитых коллегах, авторах целых томов, он говорил: «чего ты хочешь, они кроме своих бюлбюбов и фасов ничего больше не знают». По существу, он тяготился вещами и стандартными приемами их описания; от них он искал выход в искусстве и философии. Он устремлялся от вещи к идее, образу вещи – с этими последними, т. е. феноменами, предпочитал далее работать, стремясь филологически довести их до совершенства. Ему достаточно было беглого ознакомления с коллекцией, далее работало воображение, интуиция и отточенный язык. Таким образом, возникли идеи «леваллуа-ашеля» – «ad modum ашело-леваллуа оазиса Эль-Харга», «протолеваллуа-ашеля», «арыстанды», «кудайколя», «саяка». Известный пассаж при описании «саяка», позднее цитированный [Деревянко и др., 1993, с. 42], был навеян, конечно же, «Творческой эволюцией» А. Бергсона, в заключительной главе много писавшего о «кинематографическом характере механизма обычного познания». Удивительно, что все эти понятия, будучи совершенно не подкрепленными тщательным изучением материала, всё еще живут в нашей археологической литературе, страдающей явным дефицитом критицизма.

Вернусь, однако, к М. Н. Клапчуку. Имея к середине 1960-х гг. уже некоторый задел в изучении каменного века и палеолита, в частности, (Кенжебайсай-7, Космола, Кзыл-Джар-3, Батпак-7, 8), он установил связь с ЛОИА, сделав на секторе палеолита первые сообщения о своих находках. Спустя некоторое время ему удалось закрепить за собой тему диссертации «Палеолит Центрального Казахстана» под руководством известного специалиста по палеолиту В. П. Любина.

С этого времени он мог уже отдалиться, конечно, насколько этому позволяла служба палинологии, тематической работе по палеолиту.

В 1964 г. М. Н. Клапчуком были обнаружены крупные палеолитические местонахождения Жаман-Айбат-3, 4 вблизи песков Жетыкыныр и Агайдар (Передержка) на левом берегу Сарысу; в

1967 г. – галечные местонахождения Обалысан-1 в районе станции Теректы и Музбель-1 на правом берегу Сарысу, а также памятник Айдарлы-2 в районе горы Азат в северной части Бетпак-Далы; в 1968 г. – памятники Коскудук, Соркудук и Карабас-3. Это были открытые местонахождения, связанные с кварцитовыми галечниками плиоцена

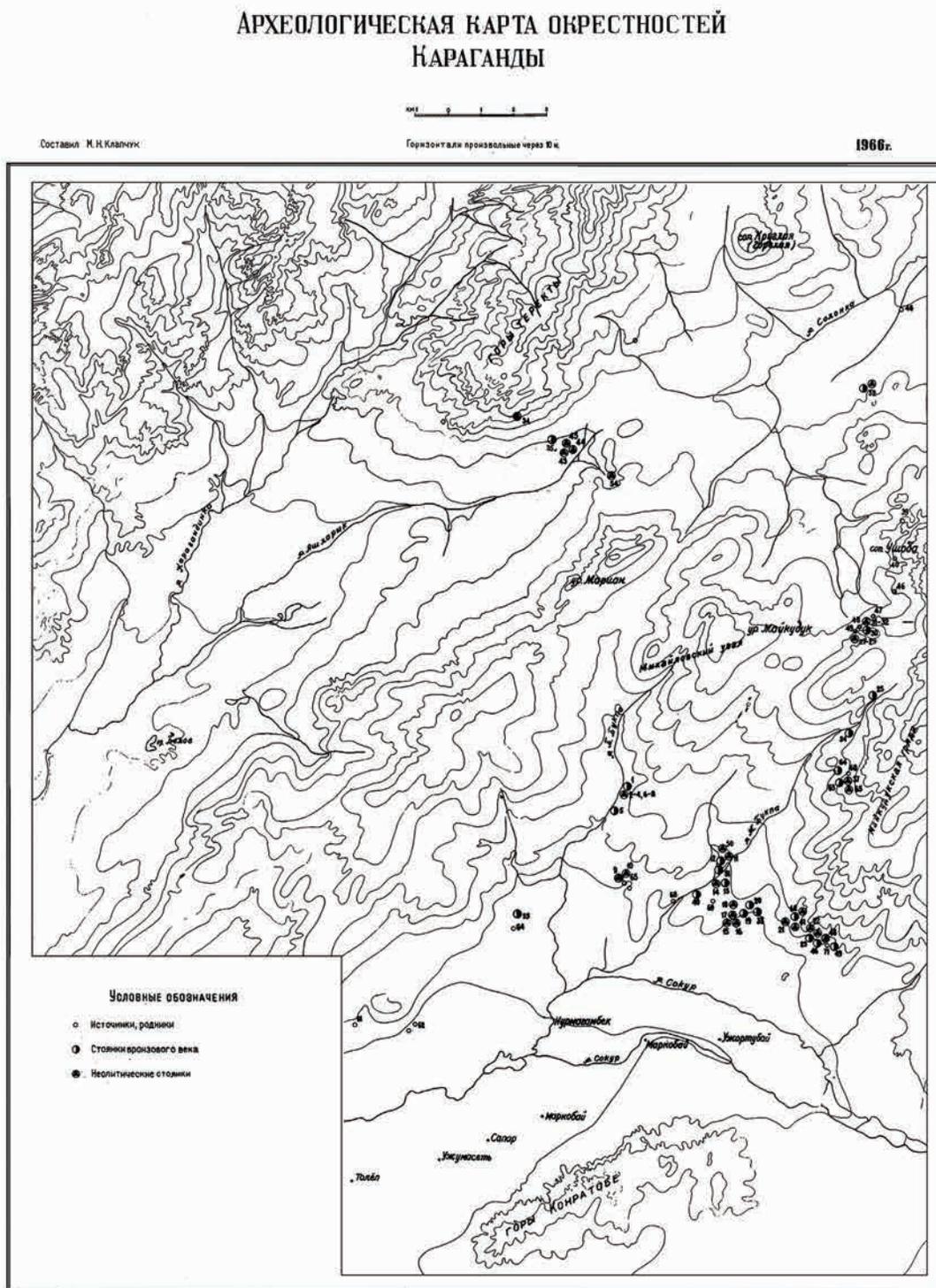


Рис. 1. Археологическая карта окрестностей Караганды

(Обалысан, Музбель), либо выходами на поверхность различных пород – мелового сливного песчаника (Жаман-Айбат, Агайдар), красной яшмы протерозоя (Айдарлы, Коскудук, Соркудук) и девонского туфо-песчаника (Карабас). На памятнике Конайбек (правый берег Сарысу) кремневые патинированные артефакты были извлечены из аллювиальных песков перовой надпойменной террасы. В 1966–1968 гг. М. Н. Клапчук проводил также обследование «Глубокого оврага» возле села Батпак. Здесь на памятнике Батпак-7 им проводились зачистки обрыва с фиксацией в слоях каменного инвентаря и остатков мамонтовой фауны; в Батпаке-8 и 12 – сбор подъемного инвентаря. В северо-восточной части Центрального Казахстана в это же время им были открыты памятники на яшмо-кварците Ангресор-2 и памятник на эоценовых кварцитах Таскудук-1.

Во время экспедиций 1968–1969 гг. мне довелось побывать на всех его основных палеолитических памятниках. Помню, дефицит времени был определяющим фактором всех наших изысканий; долгие дороги по степи и пустыне не оставляли нужного времени для обследования самих памятников и тщательного сбора поверхностного материала. Поэтому коллекции из сборов были обычно небольшими, начитывали десятки, в лучшем случае сотни артефактов. М. Н. Клапчук, почему-то, не обращал особенного внимания на состояние поверхностей артефактов, что немислимо при современном исследовании. А ведь на Жаман-Айбате-4, Музбеле-1, да и на многих других местонахождениях, наряду с заглаженными, выветренными изделиями, нами подбирались относительно «свежие» артефакты. В его публикациях, а также и в диссертации ничего не сказано о «хронологических сериях», словно материал с каждого памятника по определению принадлежал одному времени. Возможно, какая-то часть материала – наиболее сомнительные находки – им просто игнорировалась при подсчетах и описании. Обработка и описание коллекций, насколько помню, проводились им в предельно сжатые сроки; коллекции были переданы в фонды Карагандинского облмузея.

К написанию диссертации М. Н. Клапчук приступил в начале 1969 г. «Каждый день пишу по одной–две страницы», однажды обмолвился он. Работа была завершена к концу этого же года, защита предполагалась в 1970 г. Однако, произошло непредвидимое: несмотря на положительные отзывы в Секторе палеолита ЛОИА, к защите диссертации он не был допущен. В печать вышла серия статей [Клапчук, 1969а; 1969б; 1969в; 1969г; 1970а; 1971; 1971а; 1975; 1976], которые, однако, не охватывают всего содержания его работы.

Поскольку мне уже приходилось специально касаться палеолитических изысканий

М. Н. Клапчука [Волошин, 2002], чтобы не повторяться, остановлюсь на самой диссертации. Она состояла из 208 страниц текста и Приложения из 64 таблиц. Список литературы включал 401 публикацию. Из семи глав последние три охватывали нижне-, средне- и верхнепалеолитические памятники Центрального Казахстана. Особенно выделялись солидная четвертая глава, посвященная плиоцен-четвертичным отложениям и палеоклиматическим условиям их образования [с. 30–61], а также заключение [с. 145–180].

В четвертой главе М. Н. Клапчук собрал все свои результаты спорово-пыльцевого изучения отложений не только памятников, но и почти всех известных в Центральном Казахстане свит и слоев от среднего плиоцена до голоцена. Для того времени это было совершенно новое явление, и не только для палеолитоведения Казахстана. Он использовал, разработанное тогда для плейстоцена умеренного пояса Евразии, понятие климатического цикла, включающего фазы плювиала и арида. Всего им было выделено: для битекейских слоев среднего–позднего плиоцена – три цикла, для покровных образований верхнего плиоцена – три цикла, для нижнеплейстоценовых (миндель) долин – один цикл, для среднеплейстоценовых террас – один цикл и для верхнеплейстоценовых террас – два цикла.

В Заключении диссертации, подводя итоги своих исследований, М. Н. Клапчук высказался в пользу миндельского плювиала, как времени первоначального проникновения архантропов на территорию Казахстана. С этим событием он связывал артефакты из конгломератов Арыстанды, памятники Борьказган и Тенирказган на хребте Каратау, а также галечные орудия из Обалысана-1. Верхний ашель Жаман-Айбата-4 он отнес к следующей эпохе – плювиалу среднего плейстоцена и связывал его с первыми миграциями палеоантропов в Казахстан с юга. В среднем палеолите Центрального Казахстана (плювиал раннего вюрма) им было выделено три локальных культурных варианта: мустье с ашельской традицией (Айдарлы-2), мустьеро-соан (Музбель-1) и леваллуа-мустье (Космола, Конайбек). Он соглашался, что последний вариант слабо обоснован. Средний палеолит М. Н. Клапчук связывал с неандертальским человеком. Для верхнего палеолита им выделялись Агайдарская культура (бассейн Сарысу), которую он связывал с индустрией верхних слоев Оби-Рахмата, а также более поздняя Батпакская культура (сартан), для которой он, прежде всего, отмечал наличие двухсторонних орудий (наконечников, бифасов); происхождение последней он усматривал в среде палеолитических памятников Алтая.

Так выглядела одна из двух построенных в то время конкурирующих картин по палеолиту Центрального Казахстана (автором второй был,

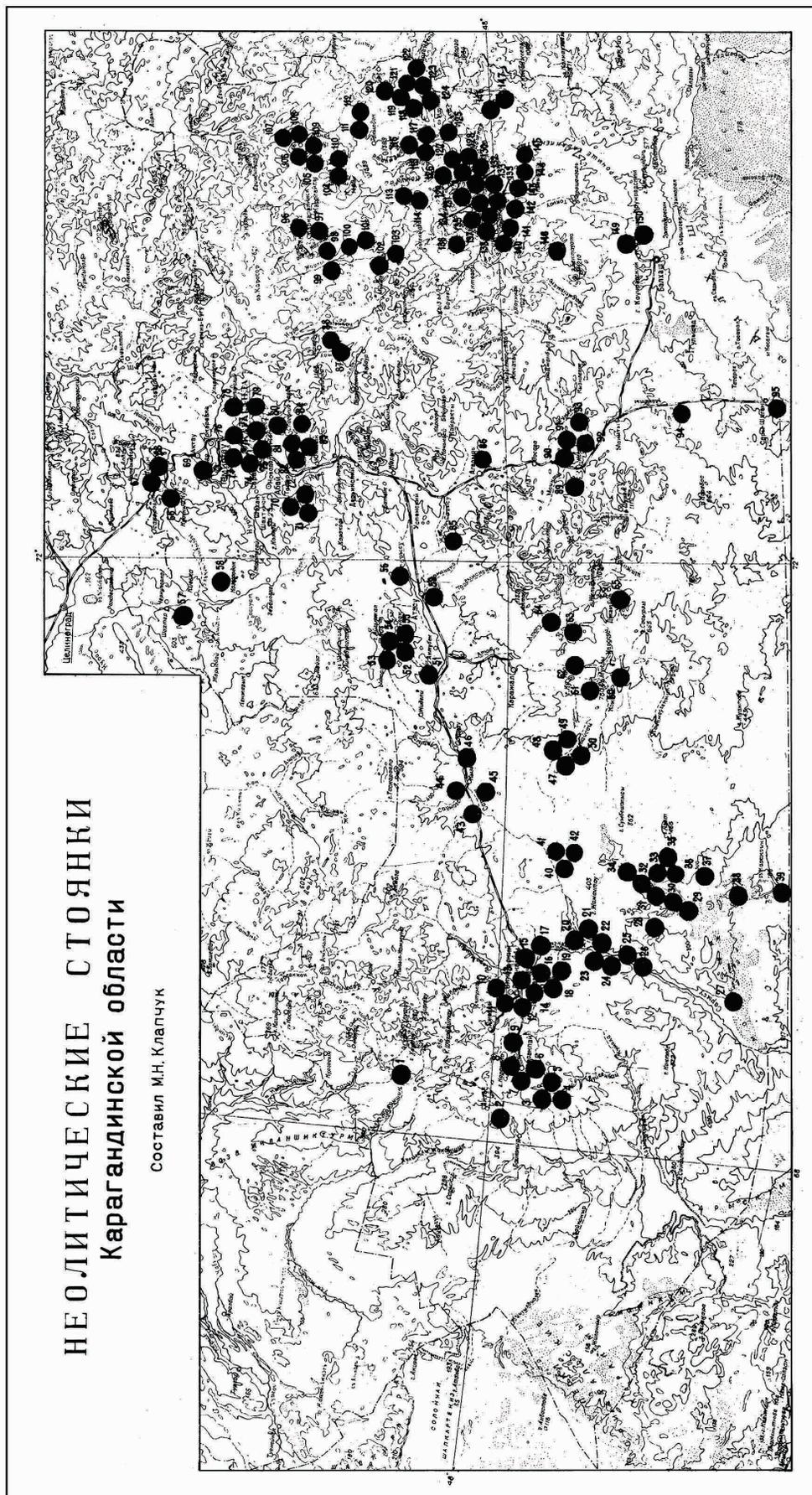


Рис. 2. Неолитические стоянки Карагандинской области

естественно, А. Г. Медоев). М. Н. Клапчук скептически относился к построениям А. Г. Медоева: комплекс леваллуа-ашеля он считал одной из модификаций верхнепалеолитической батпакской культуры, остальные понятия А. Г. Медоева вообще не использовал. Слабость построений М. Н. Клапчука, равно как и построений А. Г. Медоева, была связана с тем, что они опи-

рались, в значительной степени, если не полностью, на коллекции из поверхностных сборов на памятниках; стратиграфических данных тогда было очень мало.

После завершения работы над диссертацией и неудачи с ее защитой М. Н. Клапчук в конце 1969 г. вернулся на родину.

ЛИТЕРАТУРА

- Волошин В.С.** К вопросу об истории изучения палеолита Сары-Арки // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: изд-во ПГУ, 2002. – С. 21–43.
- Деревянко А.П., Аубекеров Б.Ж., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Аргюхова О.А., Зенин В.Н., Петров В.Г.** Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу, пункт 2. Ранний – Поздний палеолит). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. – 114 с.
- Клапчук М.Н.** Первые палеолитические находки в Центральном Казахстане // СА. – 1964. – № 3. – С. 268–272.
- Клапчук М.Н.** Археологические находки в Карагандинской области в 1962 г. // СА. – 1965. – № 3. – С. 212–217.
- Клапчук М.Н.** Археологические исследования в бассейнах рек Нура и Сарысу // АО–1966. – 1967. – С. 271–272.
- Клапчук М.Н.** Обнажения у с. Батпак и их стратиграфическое значение // Научно-техническая конференция НТО геологов: тез. докл. – Караганда, 1967а. – С. 50–58.
- Клапчук М.Н.** Новые археологические находки в бассейнах рек Нура и Сарысу // АО–1967. – 1968. – С. 321–322.
- Клапчук М.Н.** К вопросу о соотношении состава растительности и ее спорово-пыльцевых спектров в условиях степи и пустыни Центрального Казахстана // Научно-техническая конференция НТО геологов: тез. докл. – Караганда, 1968а. – С. 84–89.
- Клапчук М.Н.** Из истории климата, флоры и растительности Центрального Казахстана в нижнем и среднем плейстоцене // Научно-техническая конференция НТО геологов: тез. докл. – Караганда, 1968б. – С. 89–95.
- Клапчук М.Н.** К вопросу о палеоклиматических событиях в Центральном Казахстане в верхнем плейстоцене // Научно-техническая конференция НТО геологов: тез. докл. – Караганда, 1968в. – С. 95–98.
- Клапчук М.Н.** К вопросу о палеоклиматических условиях аккумуляции покровных суглинков и отложений аллювиальных равнин в Центральном Казахстане // Третья научно-техническая конференция НТО геологов: тез. докл. – Караганда, 1969. – С. 64–69.
- Клапчук М.Н.** Находки галечных орудий в Центральном Казахстане // Третья научно-техническая конференция НТО геологов: тез. докл. – Караганда, 1969а. – С. 69–71.
- Клапчук М.Н.** Разведки в Центральном Казахстане // АО–1968. – 1969б. – С. 402–403.
- Клапчук М.Н.** К вопросу о климатических условиях жизни палеолитического человека на территории Центрального Казахстана (на украинском языке) // Украинский ботанический журнал. – 1969в. – № 5, т. XXVI. – С. 54–60.
- Клапчук М.Н.** К вопросу об археологических культурах Центрального Казахстана в верхнем плейстоцене // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1969г. – С. 121–135.
- Клапчук М.Н.** Стоянка Караганда-15 // СА. – 1970. – № 4. – С. 153–160.
- Клапчук М.Н.** Галечные орудия местонахождения Музбель 1-2 в Центральном Казахстане // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970а. – С. 217–226.
- Клапчук М.Н.** Археологические находки у хребта Жаман-Айбат (Казахстан) // МИА. – 1971. – № 173 – С. 233–239.
- Клапчук М.Н.** Местонахождение галечных орудий Обалысан 1 в Центральном Казахстане // СА. – 1971а. – № 1. – С. 191–195.
- Клапчук М.Н.** Палинологическая характеристика отложений первой надпойменной террасы Сарысу близ зимовки Конайбек (Центральный Казахстан) // Украинский ботанический журнал. – 1975. – № 1, т. XXXII. – С. 115–118.
- Клапчук М.Н.** Позднеашельское местонахождение Жаман-Айбат 4 в Центральном Казахстане // СА. – 1976. – № 3. – С. 176–190.

Л. В. Кулаковская

Л. В. Кулаковская
Институт археологии НАН Украины, Киев
L. V. Kulakovskaya
Archaeology Institute NAS, Kiev
e-mail: larissa.kulakovska@gmail.com

Палеолитические изыскания М. Н. Клапчука в Украине

Аннотация. Статья посвящена палеолитическим изысканиям М. Н. Клапчука в Украине, в частности на Прикарпатье. На протяжении 15 лет он открыл около 170 стоянок каменного века. Особое внимание уделено верхнепалеолитической стоянке Межигорцы-1.

Ключевые слова: М. Н. Клапчук, Украина, Прикарпатье, палеолит, исследования.

M. N. Klapchuk's paleolithic research in Ukraine

Abstract. The article is devoted to M. N. Klapchuk's paleolithic researches in Ukraine, in the Carpathian region in particular. He discovered about 170 Stone Age sites in 15 years. The Mezhyhirszi Upper Paleolithic site is the main focus of the article.

Keywords: M. N. Klapchuk, Ukraine, the Carpathian region, paleolith, researches.

Михаил Николаевич Клапчук заинтересовался палеолитом еще во время учебы в Львовском университете в конце 30-х годов прошлого века. Уже тогда он познакомился с известными специалистами в области первобытной, в частности, четвертичной археологии – Леоном Козловским, Стефаном Круковским, Юрием Полянским. Помимо учебы он работал препаратором на кафедре археологии. Именно Леон Козловский помог провести молодому студенту в 1939 г. самостоятельные палеолитические разведки по маршруту Коломыя – Ланчин – Товмач-Городенка. В результате этой поездки было открыто 22 стоянки времени верхнего палеолита и мезолита.

Формирование М. Клапчука как специалиста по четвертичной археологии произошло в Казахстане. Здесь он закончил исторический факультет Карагандинского пединститута, работал в геологической партии, проводил первые серьезные палеолитические поисковые работы, постигал азы палеолитоведения. Изучение каменной индустрии происходит параллельно с познанием геологии и палеоботаники. В это же время он входит в среду экс-советского палеолитического сообщества, у него завязываются тесные

профессиональные контакты с В. А. Рановым (Таджикистан) и В. П. Любиным (Ленинград) и другими. Его статьи печатаются в серьезных научных изданиях, к примеру, в «Советской археологии» и «Материалах и исследованиях по археологии СССР» [Клапчук, 1971; 1976]. Именно в Караганде он подготовил кандидатскую диссертацию «Палеолит Центрального Казахстана», которая, не смотря на рекомендацию, так и не была защищена.

В 1969 г. он возвращается в Украину уже сформировавшимся профессиональным палеолитчиком и сразу же приступает к поисковым изысканиям в Прикарпатье.

Археологические маршруты М. Н. Клапчука четко очерчены территорией Покутья и Ополья¹. Большая эрудиция ученого, профессиональная подготовка, прекрасное знание геологии и топографии Галичины, наработанные еще перед Второй мировой войной поисковые маршруты стали залогом его успешных изысканий.

Территория Прикарпатья известна в палеолите давно благодаря работам польских археологов В. Пшебыславского и И. Коперницкого, которые открыли первую в этом регионе палеоли-

тическую стоянку Городница [Kopernicki, 1878]. В 20-е годы прошлого века Юрий Полянский открыл стратифицированные стоянки Маринополь и Рожнев [Клапчук, 1971; 1976], в 1950–1960-е здесь работали львовские археологи А. Черныш и Л. Мацкевой. Большая часть известных памятников была лишена стратиграфического контекста [Археологічні пам'ятки..., 1981].

Не будет ошибкой сказать, что наиболее плодотворным в изучении палеолита этого края был период 1960 – начала 1980-х годов, когда именно М. Клапчук проводил здесь целенаправленные и научно обоснованные поисковые работы.

Первоочередной задачей в палеолитических исследованиях ученый определил мониторинг уже известных местонахождений. Таким образом, он ознакомился с их топографическими и, по возможности, геологическими условиями. Параллельно проводились сборы каменных артефактов с точной топографической (на то время) привязкой. Благодаря этим работам на карте палеолита Украины появилось более 100 новых пунктов. Наиболее весомые материалы (Долина-2, мезолитические пункты у с. Красная, Гавриляк, Гарасимов) были опубликованы [Клапчук, 1968; 1970; 1971; 1972].

В 1975 году к ученому пришел первый успех. М. Н. Клапчук открыл и максимально исследовал стратифицированную верхнепалеолитическую стоянку Межигорцы-1 (Галицкий р-н, Ивано-Франковской обл.). Экспедиция Ивано-Франковского областного краеведческого музея под руководством М. Клапчука работала на памятнике два сезона. Было вскрыто более 500 м², зафиксирован культурный слой в верхах ископаемой почвы (вероятно, витачевского времени). Раскопки проводились профессионально, все находки наносились на план в масштабе 1:10, культурный слой разбирался очень тщательно, в слое отмечены очаги, некоторые с прокалом, места обработки сырья, фаунистические остатки [Клапчук, 1975].

Коллекция кремневых артефактов насчитывает около 5 000 предметов: нуклеусы, продукты расщепления, орудия труда, отходы производства. Представленные материалы демонстрируют полный цикл раскалывания и вторичной обработки местного мелового кремня непосредственно на стоянке.

Уже во время раскопок стоянки М. Н. Клапчук усматривал аналогии этой коллекции в материалах верхнепалеолитической молодовской культуры, в частности, в ее ранней фазе [Клапчук, 1975, л. 10]. Результаты детального технико-типологического анализа индустрии позволили говорить о сходстве именно с материалами седьмого слоя стоянки Молодово-5 в

Среднем Поднестровье [Григорьева, Клапчук, 1981; Клапчук, 1983].

Фаунистический материал, обработанный палеозоологом В. И. Бибиковой также подтвердил этот вывод.

В 80-х годах прошлого века исследования стоянки перманентно проводились коллективом Археологического музея Института археологии НАН Украины. Полученные материалы и дата по древесному углю – GRn 27.070 BP [Haesaerts et al., 2004], полностью подтвердили выводы М. Н. Клапчука о культурно-хронологической принадлежности стоянки.

За 15 лет активной археологической работы Михаил Николаевич Клапчук открыл около 170 палеолитических местонахождений. Очень небольшая часть из них была определена им как мустьерские, хотя уже в 1984 г. сам Михаил Николаевич довольно скептически говорил об их возрасте, предполагался выезд на местонахождения с целью сбора нового материала и более корректного определения их принадлежности в рамках палеолита. Большая часть открытых им памятников отнесена к верхнему палеолиту и представлена многочисленными коллекциями, которые можно отнести к граветтскому кругу. Конечно же, наиболее важным среди них есть стоянка Межигорцы-1. Индустрия эта уже заняла свое место в палеолите Среднего Поднестровья и рассматривается как одно из древнейших проявлений граветтского технокомплекса в этом регионе [Борзіяк, Кулаковська, 1998].

Археологические поисковые работы М. Клапчука сопровождалась также поисками месторождений сырьевого материала, который использовался древним человеком. Так, ему удалось найти залежи кремня в Попрутье, артефакты из которого были собраны на стоянках Красная, Старуня и др. Этим фактом было опровергнуто мнение о транспортировке в этот район кремня из Днестра.

Если сравнить два периода научной жизни Михаила Николаевича Клапчука, то можно сказать, что его работы в Казахстане завершились итоговым аналитическим исследованием. В Украине он собрал крупнейший массив источников, часть из которых смог обработать и опубликовать только предварительно. У него было много планов, задумок и идей, он надеялся продолжить раскопки стоянки Межигорцы-1. Одной из проблем, которой интересовался ученый, был поиск связей между палеолитом Прикарпатья и Закарпатья. В 60–80 гг. прошлого столетия Закарпатская палеолитическая экспедиция Института археологии АН УССР под руководством В. Н. Гладиллина проводила работы по изучению палеолита, в частности,

исследованию стоянки Королево. Эти вопросы коллеги обсуждали неоднократно, выстраивали маршруты совместных экспедиций. При жизни М. Н. Клапчука эти планы не осуществились, время пришло намного позже, уже в новом тысячелетии. До последних дней Михаил Николаевич постоянно работал над добытыми материалами, зарисовывал, готовил итоговую публикацию. Но жизнь распорядилась иначе... Он так и не успел объединить и издать результаты своих археологических изысканий в Украине.

Михаил Николаевич Клапчук умер в августе 1984 г.

Творческое наследие ученого насчитывает около 100 научных и научно-популярных работ. Среди них – рукописи «История Корнича», «Страницы истории Яремчанского курортной зоны от древнейших времен до 1930-х годов», «Источники в историю Делятинщины 1400–1700 г.», «Церковные здания на Делятинщине» и другие. Собранные М. Н. Клапчуком коллекции хранятся в Ивано-Франковском областном краеведческом музее, отчеты о полевых исследованиях – в Научном архиве Института археологии НАН Украины.

Примечание

1 – Ополе (Опільля) – восточная часть Подольской возвышенности (современные Львовская, Тернопольская и Ивано-Франковская области Украины). Покутье (Покуття) – историко-географическая область Украины, восточная часть Ивано-Франковской области.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологічні пам'ятки Прикарпаття і Волині кам'яного віку. – Київ: Наукова думка, 1981. – 312 с.
- Борзіак І.О., Кулаковська Л.В.** Гравет Подністров'я. Загальний огляд // Археологія. – 1998. – № 4. – С. 55–64.
- Григорьева Г.В., Клапчук М.Н.** Верхнепалеолитическая стоянка Межигорцы на Ивано-Франковщине // КСИА. – 1981. – Вып. 165. – С. 58–63.
- Клапчук М.Н.** Разведка на Покутье // АО–1967. – 1968. – С. 205.
- Клапчук М.М.** Пізньопалеолітичне місцезнаходження Добротів // Археологія. – 1970. – № 23. – С. 208–209.
- Клапчук М.Н.** Разведка в Ивано-Франковской области // АО–1970. – 1971. – С. 230.
- Клапчук М.Н.** Археологические находки у хребта Жаман-Айбат (Казахстан) // МИА. – 1971. – № 173. – С. 233–240.
- Клапчук М.М.** Верхньопалеолітичні місцезнаходження на Покутті // Археологія. – 1972. – № 2. – С. 90–95.
- Клапчук М.Н., Микитенко Л.М.** Поиски палеолитических местонахождений в Прикарпатье // АО–1972. – 1973. – С. 286.
- Клапчук М.М.** Звіт про польові роботи археологічної експедиції музею протягом 1975 року // НА ІА НАН України, 1975, д. 7751, 26 л.
- Клапчук М.Н.** Позднеашельское местонахождение Жаман-Айбат 4 в Центральном Казахстане // СА. – 1976. – № 3. – С. 176–189.
- Клапчук М.Н.** Новые данные о палеолите и мезолите Прикарпаття // СА. – 1983. – № 4. – С. 103–118.
- Kulakovska L., Otte M.** Mezigirzi // Prehistoire Europeenne. – 1999. – Vol. 13. – P. 149–166.
- Haesaerts P., Borziak I., Chirica V., Damblon F., Koulakovska L.** Cadrestratigraphique et chronologique du Gravettien en Europe Centrale // Dolnivistonickij Studie, Archeologicky ustav CR. – 2004. – № 11. – P. 33–56.
- Kopernicki J.** Poszukiwanie archeologiczne w Horodnicy nad Dnirstrem, spolnie z p. Wladyslawem Przybywal-skiem czlon. Kom. antrop. i arch. dokonane w roku 1877. – ZWAK. – 1878. – T. 11. – 26 с.
- Krukowski S.** Paleolit, Prehistoria ziem Polskich // Encyklopedia Polski. – Krakow, 1939–1948. – P. 1–117.

В. М. Клапчук

В. М. Клапчук

*Прикарпатский государственный университет
им. В. Стефаныка, Ивано-Франковск*

V. M. Klapchuk

*Vasyl Stefanyk Precarpathian National University,
Ivano-Frankivsk*

E-mail: volodymyr_klapchuk@ukr.net

Известный археолог Предкарпатья. Об украинском этапе научной деятельности Михаила Клапчука

Аннотация. Статья посвящена последним 15 годам жизни и научной деятельности Михаила Клапчука (1920–1984), видного археолога и краеведа, проводившего фундаментальные исследования памятников Центрального Предкарпатья в 1960–1980-х годах. Практически все исследования по поиску и изучению памятников каменного века М. Клапчук сочетал с изучением плиоцен-плейстоценовых отложений, иногда с использованием спорово-пыльцевого метода, что позволило ученому восстановить палеоландшафты региона. За время предкарпатского этапа своей научной деятельности М. Клапчуком было найдено, учтено и изучено более 240 археологических памятников, выделена плошанская культура. М. Клапчук профессионально занимался и этнологической деятельностью, создал в Делятине краеведческий музей, собрал удивительные коллекции вышивок, кептарей, пысанок, горных пород и минералов, создал частный архив.

Ключевые слова: археология, палеолит, этнология, краеведение.

The famous archeologist of Precarpathia (the Ukrainian stage of scientific activities of Mykhailo Klapchuk)

Abstract. The article is devoted to the last 15 years of life and work of Mykhailo Klapchuk (1920–1984). Mykhailo Klapchuk was a prominent archaeologist and regional ethnographer who carried out fundamental research on the Central Precarpathia in the 1960–1980. M. Klapchuk combined practically all his search and study of lithic age monuments with studying plio-pleistocene measures, sometimes by means of using spore and pollen method that allowed him to reconstruct paleolandscapes of the region. During the Precarpathian stage of his scientific activities M. Klapchuk found, registered and studied more than 240 archaeological sites, picked out the Ploschan culture. M. Klapchuk was also a professional ethnologist, he started a museum in Delatyn, built up amazing collections of embroideries, keptars, pysankas, rocks and minerals, created a private archive.

Keywords: archaeology, paleolithic age, ethnology, regional studies.

Известным археологом и этнологом Предкарпатья конца XX в. был Михаил Николаевич Клапчук. Он родился в 1920 г. в с. Корныч Коломыйского уезда. Окончив начальную школу в родном селе и гимназию в Коломые, поступил на гуманистический факультет Львовского университета, где смог окончить, в связи с началом Второй мировой войны, три курса. Позже он полгода учился в Венском университете и на историческом факультете Карагандинского педагогического института, в г. Караганде Казахской ССР.

С 1954 г. М. Клапчук проживал в г. Караганда, где вместе со своей женой Юстыной (рис. 1) вырастил четверых детей – дочек Любовь, Свитославу и Всеволоду и сына Владимира, автора настоящего сообщения.

В семье М. Клапчука особое внимание уделялось образованию, культуре, воспитанию детей. Все дети Юстыны и Михаила окончили

среднюю школу с золотыми медалями, а затем, все – Черновицкий университет. Любовь и Владимир окончили учебу с отличием.

Все дочери Михаила Клапчука ныне работают преподавателями в общеобразовательных школах. Сын Владимир – кандидат географических наук (1994), доктор исторических наук (2010), профессор, заведующий кафедрой Прикарпатского национального университета (г. Ивано-Франковск, Украина).

Михаил Клапчук свою научную деятельность начал в Предкарпатье еще в середине 1930-х годов, когда нашел первый археологический памятник в окрестностях родного села Корныч. Позже принимал участие в раскопках Древнего Галича под руководством проф. Я. Пастернака.

Семья М. Клапчука вернулась на родину в конце 1969 г. В связи с политической деятельностью во время Второй мировой войны, работы



Рис. 1. Юстына и Михаил Клапчук, 1982

по специальности М. Клапчуку не дали. С конца 1969 г. М. Клапчук проживал в пгт. Делятин Надворнянского района Ивано-Франковской области. Он работал в Делятинском лесокомбинате, лаборантом-фотографом, организатором и заведующим музеем. М. Клапчук создал краеведческий музей на базе Делятинского лесокомбината. Обнаружил более 240 стоянок первобытного человека, собрал более 1900 вышивок и 200 документальных открыток первой трети XX в., взял на учет и описал более 150 «писанных» столов, записал более 500 народных песен.

Краеведческий музей Делятинского лесокомбината был создан в период 1969–1971 гг. на базе Любичнянского лесничества на площади около 100 м². В музее было создано четыре зала, которые освещали жизнь первобытного человека и истории края, природы Карпат, народного творчества местного населения (гуцулов), истории и деятельности Делятинского лесокомбината. В дальнейшем музей был перенесен в центральный офис лесокомбината, где его площадь возросла в три раза за счет укрупнения раздела деятельности лесокомбината. Фонды музея насчитывали тысячи экспонатов, особенно за счет новых археологических находок, а также предметов народной утвари, которые представляли всемирный интерес.

М. Н. Клапчуком собран частный исторический архив, который состоит из 13 фондов, 125 описей и почти 2000 дел. Научная библиотека по Карпатам и Предкарпатья является одной из крупнейших частных и насчитывает более 2500 наименований. Исследователем опубликовано более 100 научных и научно-популярных статей, подготовлено восемь рукописей работ монографического плана.

Некоторое время М. Клапчук возглавлял археологические экспедиции АН УССР, собирал краеведческие материалы, большинство

из которых находятся в Ивано-Франковском и Коломыйском музеях.

Объектом археологических исследований Михаила Клапчука была восточная часть Ивано-Франковской обл., именуемая Покутьем, занимающая площадь примерно в 6–7 тыс. км². В течение 1969–1983 гг. здесь открыто и обследовано свыше 240 археологических местонахождений [Клапчук, 1968; 1970; 1971; 1972; 1973; 1974; 1975; 1976а; 1946б; 1978; 1980; 1983], сконцентрированных, главным образом, на высоких правобережных террасах Днестра, между областным центром и г. Городенка, а также на левобережье Прута в окрестностях Делятина. Наибольшее количество – в

Тлумачском (116 объектов), Надворнянском (47), Снятинском (23), Тисменицком (20) и Городенковском (19) районах.

Большинство археологических местонахождений датируется верхним палеолитом, некоторые из них имеют мустьерский, мезолитический или же более поздний возраст. Количество находок на отдельных местонахождениях колеблется в пределах 50–250 кремней, и только в редких случаях оно превышает 1,5–2 тыс. каменных изделий. Особого внимания заслуживают такие местонахождения, как Делятин-7, 11, Долина-2, Красна-3, Межигирци-1 и др. [Клапчук, 1983].

Делятин-7. Местонахождение в урочище «Куцикове поле», в 5 км к северо-востоку от пгт. Делятин открыто летом 1970 г. Находки (не покрытые патиной кремневые изделия) собраны на поверхности пашни и частично получены в результате раскопок. Собрано свыше 300 кремней небольших размеров, в т. ч. 17 со следами обжига. Найдены девять нуклеусов, 10 целых пластинок, 82 сечений пластинок и 58 готовых орудий труда. Нуклеусы (рис. 2, 1–3) представлены небольшими с разной степенью сработанности, призматическими, кубическими и пирамидальными формами с негативами снятия с них, прежде всего, отщепов. Ввиду этого несколько удивляет факт наличия на местонахождении среди заготовок значительного количества мелких, узких, с правильной огранкой пластинок и их сечений (в группе последних сечения пластинок составляют около 90%), по-видимому, использовавшихся в качестве орудий труда без дополнительной обработки. Источник получения этих заготовок в коллекции местонахождения отсутствует.

На пластинках было изготовлено не более 10–12% орудий труда, полуфабрикатами для изготовления которых служили, прежде всего, отщепы. В частности, среди скребков, составляющих самую многочисленную группу (74,1%) готовых

изделий, встречено лишь 4,6% форм на пластинках (рис. 2, 8, 11) и 95,4% форм на отщепках.

Из 40 скребков на отщепках 22 (53,4%) представлены короткими, близкими к округлым формами (рис. 2, 4–7). Характерной их особенностью является наличие примерно по середине лезвий более или менее отчетливо выраженных гребней. Еще выразительнее они прослеживаются на скребках удлиненных очертаний, напоминающих ланцеты (рис. 2, 9, 10). Но удельный вес этих форм среди скребков на отщепках незначителен (4,9%). Довольно много (свыше 40%) скребков на отщепках имеют неопределенные очертания, как правило, очень мелкие размеры и в ряде случаев представляют собой фрагменты аморфных скребков.

В комплексе кремневых изделий и, в частности, среди готовых орудий труда абсолютно преобладают скребки. Проколки на пластинках (рис. 2, 14, 18, 19) составляют лишь 5,2%, пластинки с зубчатым краем (рис. 2, 13, 17) – 3,4%. Единичными экземплярами представлены острие граветского типа, скребло, а также скобель и пластинка с прямым лезвием на одном конце (рис. 2, 16).

Комплекс кремневых изделий местонахождения Делятин-7 очень своеобразен, резко вы-

деляется среди других археологических памятников Прикарпатья. Он самый молодой, кремневые изделия не успели покрыться пагиной, среди готовых орудий преобладают короткие скребки на отщепках. Этот комплекс сопоставляется с набором находок Фрумушки-1 и, как и последний, датируется поздним мезолитом.

Аналогичными находкам с местонахождения Делятин-7 являются кремневые коллекции стоянок Делятин-6, 10, Верхний Майдан-1 и некоторых других из окрестностей Надворной. Представляется возможным выделить эти позднемезолитические памятники в самостоятельную так называемую площанскую культуру.

Долина-2. Местонахождение расположено на расстоянии 1 км от центра с. Долина Тлумачского района, в ур. «Чучелове». На поверхности вокруг карьера, а также на поверхности пашни после многократных весенне-осенних вспашек в течение 1974–1978 гг. собрано свыше 530 кремневых изделий, покрытых глубоким слоем молочной пагины. Кремнь местного происхождения в виде желваков. Коллекцию кремней составляют 19 нуклеусов, 130 отщепов, семь пластинчатых сколов, 46 орудий труда и свыше 220 отходов производства.

Удельный вес нуклеусов в общем количестве находок небольшой (4,4%). Большинство

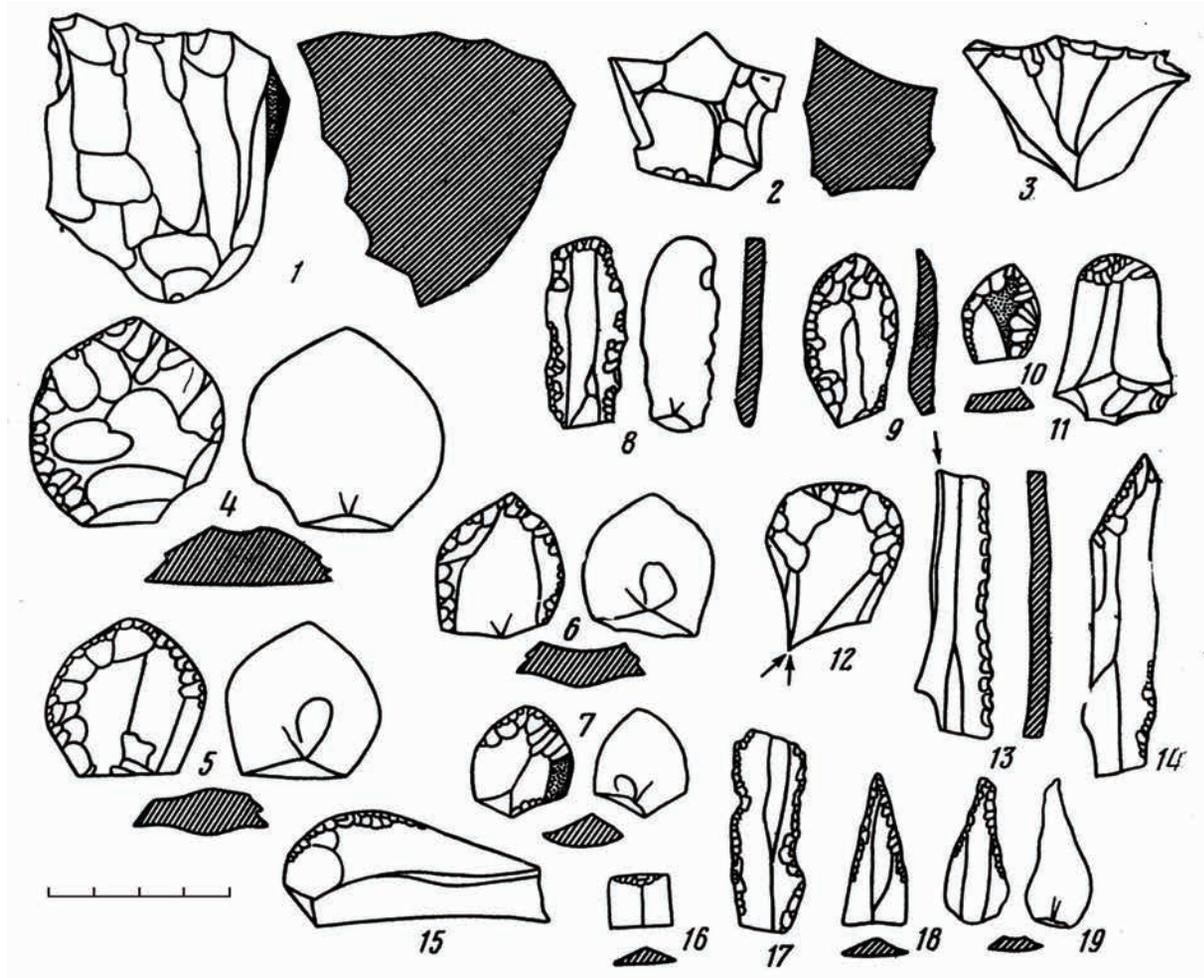


Рис. 2. Инвентарь позднемезолитического местонахождения Делятин-7

их (68%) представлено многогранниками, в частности 11 – одноплощадочными экземплярами коротких пропорций (рис. 3, 3) и 2 экз. удлиненных (рис. 3, 4) пропорций. Один нуклеус (рис. 3, 1) обладает формой чопинга и еще один (рис. 3, 2) – формой одностороннего диска. От четырех, по-видимому, аморфных нуклеусов сохранились только более или менее выразительные фрагменты.

Сколы составляют 31,8% от общего числа кремней в коллекции. В основном (95%), это отщепы, главным образом клектонского типа. Они характеризуются небольшими размерами, значительной массивностью, короткими пропорциями, большими ударными бугорками, скошенными и нефасетированными ударными площадками. На многочисленных экземплярах на спинке сохранились более или менее значительные участки с желвачной коркой. Только семь экз. можно отнести к категории пластинчатых сколов, которые, как и отщепы, характеризуются массивностью и бессистемным ограничением.

Готовые изделия составляют 10,7% кремневых находок. Они представлены в основном четырьмя группами орудий, в частности зубчатыми орудиями (19,5%), острьями (15,2%), скреблами (15,2%) и сколами со следами вторичной обработки. Зубчатые орудия (рис. 3, 10, 11) изготовлены на коротких массивных отщепках всевозможных очертаний, со значительными участками с желвачной коркой на спинке. Эти орудия оформлены крутой ретушью, нанесенной только в определенных, необходимых для выполнения тех или иных операций, местах рабочего края.

Крутой, грубой ретушью оформлены и острья (рис. 3, 8), изготовленные на отщепках. Некоторые из них имеют несколько удлиненные пропорции.

Среди скребел выделяется одно (рис. 3, 8), длиной 132 и шириной 57 при толщине 20 мм, изготовленное на крупном отщепе, один длинный край которого утолщенный, покрытый желвачной коркой, а другой – грубой, крутой, местами ступенчатой ретушью оформлен в рабочий край.

Скребла имеют разновидности с прямым лезвием (рис. 3, 14), выпуклым (рис. 5, 9) и вогнутым (рис. 3, 13), оформленными крутой ретушью со стороны спинки.

Внимания заслуживают два рубильца. Одно из них сердцевидной формы (рис. 3, 5) изготовлено посредством двухстороннего снятия коротких, широких сколов по всей поверхности и крутой, мелкой ретушью по периметру. Второе рубильце (рис. 3, 6) овальных очертаний, весьма небольших размеров, с одной стороны оформлено снятием небольших сколов от краев к центру по всей поверхности. Вторая сторона рубильца оформлена только частичным снятием коротких сколов по периметру, а центральная часть орудия осталась под желвачной коркой. В коллекции имеются три концевых скребка (рис. 3, 15–17): два, сохранившиеся во фрагментах, и один на целой массивной пластинке. Острья скребков изготовлены посредством снятия крутой ретуши. В общем комплексе находок местонахождения Долина-2 характеризуется абсолютным преобладанием клектонских приемов скалывания кремня, почти полным отсутствием левалязских элементов, сериями зубчатых орудий, клектонских острий и рубилец, истоки которых

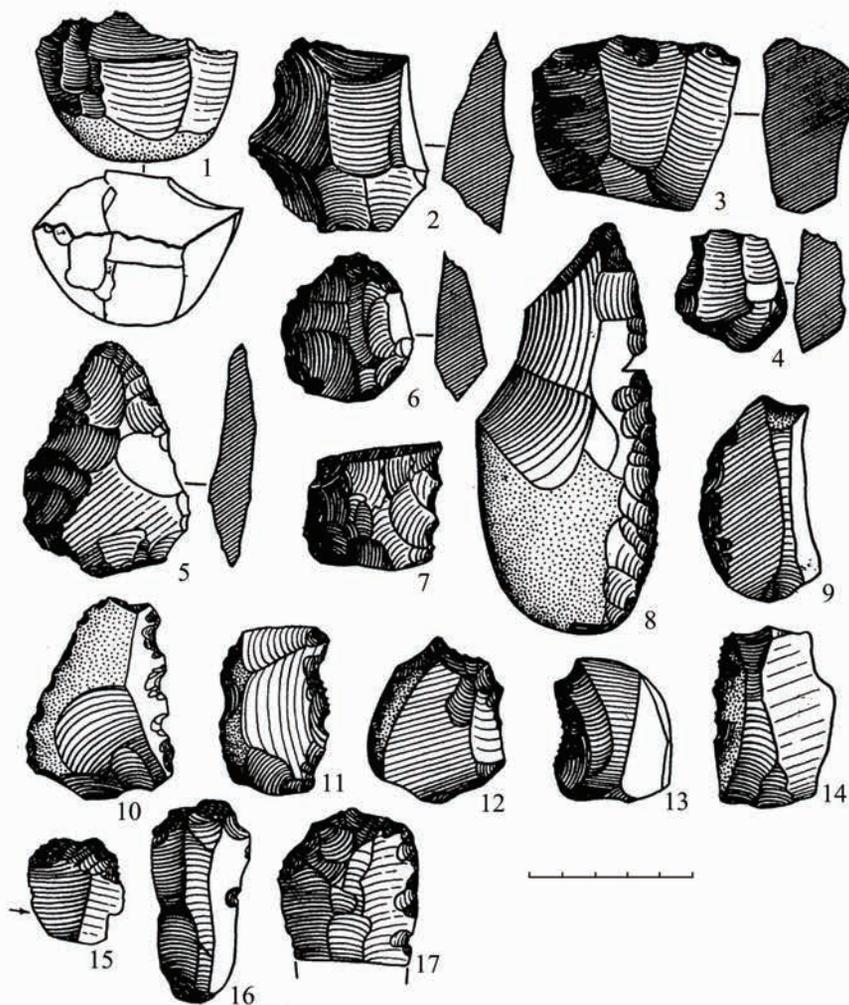


Рис. 3. Инвентарь мустьерского местонахождения Долина-2

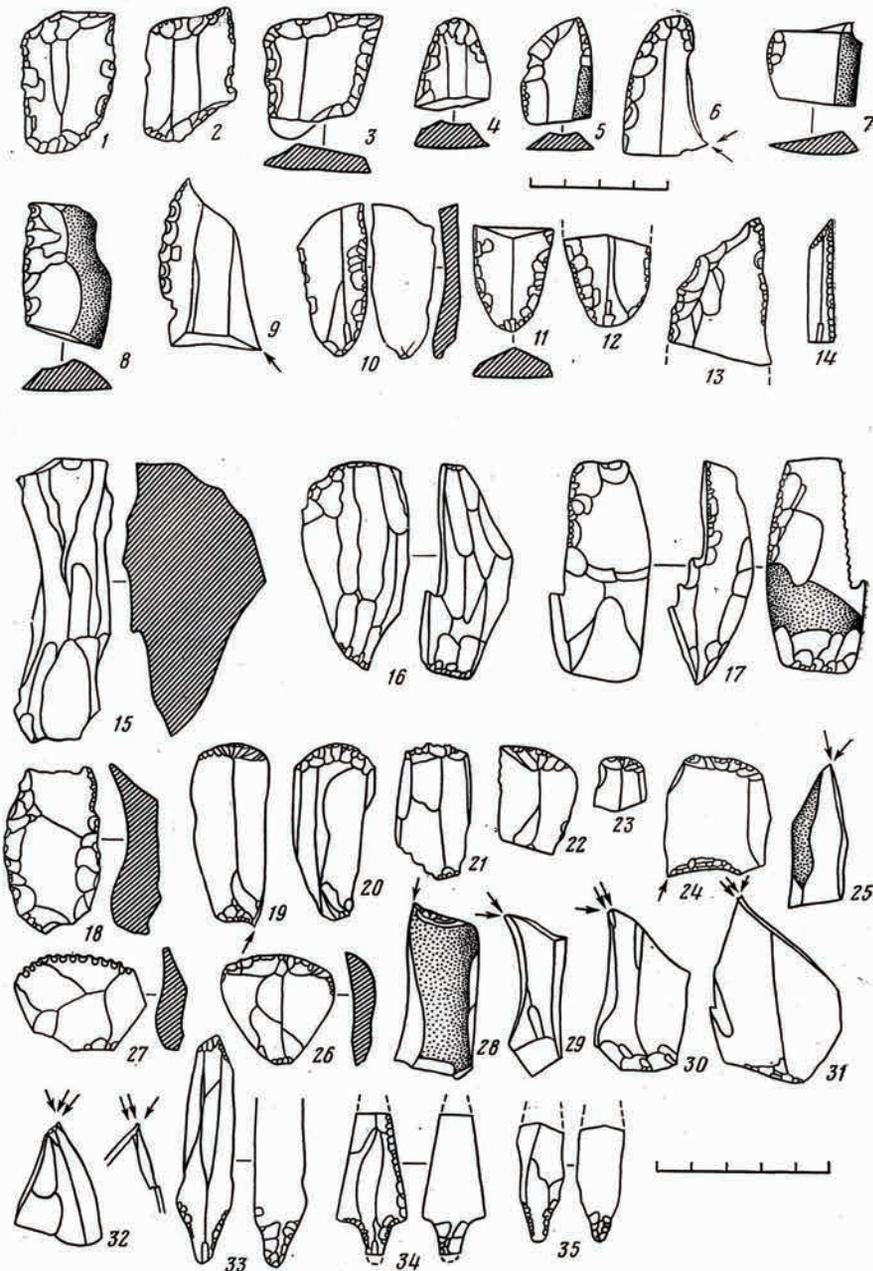


Рис. 4. Инвентарь местонахождений: 1-14 – Делятин-11; 15-35 – Красна-3

следует искать в ашеле. Их древний, среднепалеолитический возраст и принадлежность к мустье не вызывает сомнения. В известной мере сопоставляется с инвентарем коллекции Осыпки на Буковине [Анисюткин, 1971].

Делятин-11. Местонахождение расположено в ур. «Жбыр», в 5 км к северо-востоку от Делятина. Открыто М. Клапчуком в 1972 г. В течение 1973–1979 гг. на нем собрано свыше 130 изделий, изготовленных из светло-серого кремня, поверхность которого покрылась молочной патиной различной интенсивности. В коллекции находок числится один нуклеус, 22 сечения пластин, 22 готовых орудия и свыше 80 аморфных сколов и отходов производства. В отдельных случаях ширина сечений пластин достигает 40–45 мм. Значительная часть несколько меньших за размера-

ми готовых изделий изготовлена на сечениях пластин, а изготовленные на целых сколах орудия труда дошли до нас в поломанном состоянии. Удельный вес орудий труда здесь очень высок (18,3%) и в Предкарпатье уступает только местонахождению Делятин-7.

Комплекс орудий труда состоит фрагментов концевых скребков на пластинках (4), резцов (2), двойных скребков со скошенными лезвиями ромбoidalных очертаний (3) (рис. 4, 1–3), аморфных фрагментов режущих орудий с лезвием на одном длинном крае (4) (рис. 4, 7–9), фрагментов пластин с ретушированными двумя длинными краями и иногда заovalенной концевой частью (7) (рис. 4, 4–6, 10–13), а также острия граветского типа (рис. 4, 1, 14). Стоянка датирована М. Клапчуком началом второй половины верхнего палеолита.

Красна-3. Местонахождение расположено на возвышенности Кливка, к северу от с. Красна Надворнянского района. Местонахождение открыто М. Клапчуком в 1972 г., дополнительные сборы производились в 1973–1979 гг. Всего собрано свыше 700 кремней, интенсивно покрытых

патиной молочного цвета с грязными налетами. В коллекции находок встречено 23 нуклеуса, 322 пластинки и сечения пластинок, 33 готовых изделий и свыше 320 аморфных отщепов и отходов производства (рис. 4).

Нуклеусы представлены всеми верхнепалеолитическими типами, но преобладают призматические формы с сильно скошенной ударной площадкой. Эти нуклеусы характеризуются небольшими размерами (рис. 4, 15–17), по преимуществу удлинёнными пропорциями и наличием на рабочих сторонах негативов длинных, прямых пластинок. В этой группе нуклеусов преобладают двуплощадные формы, с одной или двумя рабочими сторонами со встречным снятием пластинок. Зачастую двусторонние призматические нуклеу-

сы имеют рабочие стороны, расположенные по отношению друг к другу на 60–90°, и это обстоятельство способствовало переоформлению этих нуклеусов на орудия для выполнения операций, связанных с долблением (рис. 4, 16). В коллекции встречены также нуклеусы, деформированные в результате приламливания пластин примерно в половину длины тела (рис. 4, 17). Они также в результате дополнительной обработки длинных краев рабочей стороны были переоформлены на орудия со скребуще-скоблящими функциями.

В группе пластин и сечений пластин большой удельный вес (87%) имеют последние, но бесспорного доказательства преднамеренного членения пластин в древности не имеется. Они, скорее всего, образовались в процессе употребления целых экземпляров, не имевших дополнительной обработки. Целые пластинки обычно длинные, узкие, прямые с параллельными длинными краями. Готовые орудия представлены скребками (13), резцами (10), скреблами (2), комбинированными резцами-скобелями (2), вербовлистыми наконечниками (3), «пилками» (2). Скребки составляют почти половину (40,6%) орудий труда. Большинство из них (69,2%) изготовлено на ножевидных пластинках, как правило не особенно длинных (рис. 4, 19–23). В большинстве случаев (78%) лезвия скребков на пластинках симметричные, овальные, и только 22% имеют скошенное вправо лезвие. Длинные края скребков не ретушированы. Скребки на отщепках небольших размеров, очень короткие, лезвия у них расположены на конце отщепов.

Удельный вес резцов среди готовых орудий составляет 31,2%. Преобладающее большинство резцов (70%) представлено средними формами (рис. 2, 25, 31) на отщепках, целых пластинках и сечениях последних. Около 30% резцов имеют боковые лезвия. Резцовые лезвия встречены на скобеле (рис. 4, 28) и на

скребке-скобеле (рис. 4, 24).

Скребла (рис. 4, 18) представлены одним одинарным и одним двойным экземплярами с выпуклыми рабочими краями. Особого внимания заслуживают один целый и два приломанных наконечника стрел вербовлистных очертаний (рис. 4, 33, 35). Один из наконечников (рис. 4, 34) имеет хорошо выраженный черешок. Два коротких отщепка имеют по краям оформленные мелкой, двухсторонней ретушью, мельчайшие зубья «пилочек» (рис. 4, 27).

По ряду признаков (удлиненные пропорции нуклеусов с негативами снятия длинных, прямых пластинок, такие же пластинки, наличие вербовлистных наконечников и т. д.) комплекс изделий местонахождения Красна-3 хорошо сопоставляется с инвентарем стоянок свидерской культуры, расположенных на большом удалении от Предкарпатья. Рядом с Красной-3 М. Клапчуком открыты аналогичные местонахождения Верхний Майдан-1, 3, Красна-1, 4, Средний Майдан-2, Ланчин-2, Делятин-1, 6, 8, 9 и Заречье-1. Местонахождения с аналогичным инвентарем находятся также к северо-западу от Надворной. Большая отдаленность этих местонахождений свидерского типа от основного ареала свидерской культуры позволила М. Клапчуку выделить их как кливский феномен.

Сравнение инвентаря Красной-3 и местонахождения Межигирци-1 позволило ученому предположить о местном происхождении кливского комплекса Предкарпатья, которому присуще преобладание призматических нуклеусов удлиненных пропорций с острым углом между ударными площадками и рабочими сторонами, высокий удельный вес скребков и резцов, наличие изделий с лезвиями в виде «пилочек» и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисюткин Н.К. Мустье Пруто-Днестровского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л.: ЛОИА АН СССР, 1971. – 26 с.
- Клапчук М.Н. Разведка на Покутье // АО–1967. – 1968. – С. 205–206.
- Клапчук М.М. Пізньопалеолітичні місцезнаходження Добротів // Археологія. – 1970. – Т. XXIII. – С. 208–209.
- Клапчук М.Н. Разведка в Ивано-Франковской области // АО–1970. – 1971. – С. 230–231.
- Клапчук М.М. Верхньопалеолітичні місцезнаходження на Покутті // Археологія. – 1972. – № 7. – С. 87–91.
- Клапчук М.Н. Поиски палеолитических местонахождений на Прикарпатья // АО–1972. – 1973. – С. 286–287.
- Клапчук М.Н., Микитенко Л.Н. Разведка на Прикарпатья // АО–1973. – 1974. – С. 281–282.
- Клапчук М.Н., Микитенко Л.Н., Томенчук Б.П. Исследования в Тлумачском районе // АО–1974. – 1975. – С. 287–288.
- Клапчук М.Н., Микитенко Л.Н. Новые данные о палеолите и мезолите в Ивано-Франковской области // АО–1975. – 1976. – С. 335.
- Клапчук М.Н. Раскопки верхнепалеолитического местонахождения Межигирци I // АО–1976. – 1977. – С. 335.
- Клапчук М.М. Палеолітичні та мезолітичні місцезнаходження поблизу Делятина // Археологія. – 1980. – № 34. – С. 65–75.
- Клапчук М.Н. Новые данные о палеолите и мезолите Прикарпатья // СА. – 1983. – № 4. – С. 103–116.
- Томенчук Б.П., Клапчук М.Н., Арсенич П.И. Разведки на юго-западном пограничье Руси // АО–1978. – 1979. – С. 423.

А. Е. Рогожинский

А. Е. Рогожинский *Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым», Алматы, Казахстан*

A. E. Rogozhinskii
The research and restoration laboratory «Ostrov Krym», Almaty, Kazakhstan
e-mail: alexeyro@hotmail.com

Труженица археологии

Аннотация. Эссе посвящается А. Г. Максимовой (1923–2002), одному из первых профессиональных археологов Казахстана. Автор излагает некоторые малоизвестные данные ее биографии до приезда в Казахстан и в период работы в составе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции (1947–1954). На основе архивных документов устанавливается весомый личный вклад А. Г. Максимовой в создание первой сводной археологической карты Восточного Казахстана.

Ключевые слова: Максимова, археологическая карта, Восточный Казахстан

The toiler of archaeology

Abstract. The essay is dedicated to A. G. Maksimova (1923–2002) who was one of the first professional archaeologists in Kazakhstan. The author recounting some little-known biographical data related to the time before her leaving for Kazakhstan and when she worked within the Eastern-Kazakhstan archaeological expedition during 1947–1954. On the basis of archival documents the author ascertains a personal major contribution of A. G. Maksimova to elaboration of the first combined archaeological map of Eastern Kazakhstan.

Keywords: Maksimova, archaeological map, Eastern Kazakhstan

*...Все истинное
умеет быть тихим.
В тиши созревает плод,
листва опадает неслышно.
Хайнц Калау (1931–2012)*

Разные люди создают науку. Иных уже в начале творческого пути ободрительно именуют *сложившимися*, с годами многих признают *выдающимися*, а в оценках ученых потомков они же, как правило, становятся *блестящими*. Случается, правда, что блеск иных начинает тускнеть, когда из толпы идущих следом вдруг выступит некий сорванец и, взглядевшись пристально в суть дела, наивно воскликнет: «А король-то голый!». Но есть в науке и другие люди, простые труженики археологической нивы, – их большинство, содеянное ими служит вечно, и про них говорят: «Все истинное умеет быть тихим». Такой я вижу мою первую наставницу в полевой раскопной жизни – Анну Георгиевну Максимову (1923–2002). О ней хочу рассказать историю, свидетелем которой не был, ибо давно это случилось – в трудные

послевоенные годы, когда поднималась заря собственной археологической науки в Казахстане. Напоминают же нам об этом листы архивных документов.

...Люди сталинской эпохи не имели легких судеб. Время великих потрясений почти на каждом из них оставило свои отметины: следы «великого перелома», репрессий, рубцы Великой Отечественной, и на всех без исключения – печать Великого Страх, научившего одних порой публично каяться в несодеянных грехах, других – по-большевистски твердо требовать такого покаяния, разоблачая недругов среди коллег своих, среди друзей и близких. Докладная записка или рапорт на собрата в академической среде полноправно вошли тогда в служебный обиход как эфемизмы доноса – легитимной подлости, помо-

гая иногда выживать и строить карьеру. Смеем ли мы выступать праведными судьями для людей той эпохи, – ответить нелегко, но забыть, смолчать и списать в архив истории огульно «правых» и «левых», значит окончательно смешать в сегодняшнем дне черное и белое. Каким же тогда явится будущее?

Итак, она выросла в рабоче-крестьянской семье: сначала в сибирском селе, ставшем вскоре городом Сталинском (ныне Новокузнецк), затем на Урале, где училась в педагогическом техникуме и поступила в Нижнетагильский учительский институт. Отец её работал на железной дороге, был репрессирован по ложному обвинению за вредительство – так была квалифицирована случайная трудовая оплошность. Комсомольская ячейка настаивала, чтобы дочь отрелась от отца, но она выстояла, решительно сказала: нет, он не виноват. Началась война. Наравне с другими сверстниками в студенческие каникулы 1941 и 1942 годов она трудилась для победы: на военном заводе обучилась гильзы снарядов начинять тротилом. По окончании института «дирекция и партийно-комсомольская организация меня, как активную участницу в общественной работе института и на трудовом фронте, – напишет она в автобиографии в 1949 г. – направили на учебу в университет. Я поступила в Московский ордена Ленина государственный университет им. Ломоносова, который находился тогда в г. Свердловске. В 1943 г. в мае месяце университет возвратился обратно в Москву. ...В летний период была привлечена на работу в команде по противовоздушной обороне Москвы и одновременно работала по восстановлению водопроводной сети. В 1944 г. была на производственной практике (археологические раскопки) в с. Царицыно (под Москвой) под руководством профессоров А. В. Арциховского, С. В. Киселева, В. Д. Блаватского и Г. Ф. Дебеца. В 1945 г. была на производственной практике в Переяславе-Хмельницком (под Киевом) под руководством профессора Рыбакова. В 1946 г. после окончания университета была приглашена на работу в сектор археологии Института истории АН КазССР в г. Алма-Ата, где и работаю до сего времени» [Архив ИА МОН РК, ф. 1, оп. л/д, л. д. 108, л. 9, 9 об.].

Первые годы работы в Казахстане были почти полностью посвящены раскопкам памятников бронзового века и разведкам на востоке страны, где с 1947 г. продолжила деятельность ВКАЭ под руководством С. С. Черникова, организованная ИИМК АН СССР и Институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР, финансировавшим совместные полевые изыскания. Одним из ценных результатов труда научного коллектива

экспедиции стала сводная археологическая карта Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей. Карта получилась замечательная и на тот момент – образцовая. Но именно она стала поводом к серьезному конфликту между Анной Георгиевной и Сергеем Сергеевичем, обнажив одновременно более глубокие противоречия, складывавшиеся между «центром» и «периферией». Чтобы разобраться в нюансах, последуем далее за строками архивных документов из личного дела А. Г. Максимовой.

Закончился полевой сезон 1954 года, и сотрудники ВКАЭ со своим руководителем вернулись в Алма-Ату. Вскоре на стол И. С. Гороховдатского, директора Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, ложится рапорт С. С. Черникова следующего содержания: «Прошу наложить дисциплинарное взыскание на младшего научного сотрудника института А. Г. Максимова за отказ передать мне пленки Канайского отряда, несмотря на мое прямое приказание как начальника экспедиции. Пленки эти были ею самовольно проявлены на месте (что является недопустимым по техническим причинам), а в Алма-Ате, также без моего разрешения, с них были сделаны отпечатки. Считаю все эти факты грубым нарушением служебной и экспедиционной дисциплины. Начальник Восточно-Казахстанской экспедиции ИИМК, старший научный сотрудник АН СССР (так в документе) С. Черников. 18 сентября 1954 г.» [Архив ИА МОН РК, ф. 1, оп. л/д, л. д. 108, л. 33]. Резолюция директора гласит: «В личное дело. Принимая во внимание, что тов. А. Г. Максимова в присутствии С. С. Черникова и Е. И. Агеевой признала неправильность и ошибочность своего поступка (отказ выполнить распоряжение [начальника] экспедиции) и принесла извинение С. С. Черникову, считать возможным ограничиться устным предупреждением, сделанным тов. Максимовой. И. Гороховдатский. 20 сентября 1954 г.». Значит, публичное покаяние состоялось, но было ли раскаяние?

Об этом можно догадываться, читая собственноручную объяснительную записку Анны Георгиевны, датированную следующим числом сентября. «С 1947 г. по настоящее время (исключая 1951 г., когда не было экспедиции) я от Института истории, археологии и этнографии АН КазССР принимала участие в работах Восточно-Казахстанской археологической экспедиции под руководством Сергея Сергеевича Черникова. С 1949 (надо: 1947) по 1949 г. (включительно) экспедиция проводила работы на средства Института истории АН КазССР.

С 1947 г. по 1950 г. я вела маршруты экспедиции и составляла археологические карты по

ним [см. дела сектора №№ 369, 406 (дневники), 54 (отчет С. С. Черникова), Известия АН КазССР, серия археологическая, в[ыпуск] 2, стр. 56].

В 1951 г. во время командировки в Ленинград (цель – камеральная обработка материала ВКАЭ–1950 г. и сбор материала к археологической карте – по теме сектора) я составила археологическую карту Восточно-Казахстанской области (см. дело сектора – отчет С. С. Черникова о моей работе в Ленинграде). Карта составлена по материалам Восточно-Казахстанской экспедиции 1947–1950 гг. При составлении также был использован архивный материал ЛО ИИМК (дневники С. С. Черникова 1935–1937 гг.) и его опубликованная работа. У меня сохранился архивный материал по составлению этой карты и подлинник ее. Сергей Сергеевич сделал синьку с этой карты, где составителем ее уже значился сам.

В 1954 г. во время пребывания в экспедиции я увидела в Усть-Каменогорском музее в экспозиции копию с синьки (составил С. С. Черников). Во время нашего разговора по поводу этой карты сначала он говорил, что карту все-таки составил он, т. к. использованы материалы ВКАЭ, руководимой им. Потом стал говорить, что не заметил этой подписи, хотя на синьке имеется его личная подпись.

Карта входит в выполняемую мною плановую тему Института «История Восточного Казахстана в эпоху бронзы». Весь документальный, чертежный и фотоматериал необходим мне для завершения этой темы в срок (конец 1954 г.).

По окончании экспедиции Сергей Сергеевич, как начальник экспедиции, приказал весь вышеуказанный материал сдать для отправки в Ленинград и обещал выслать после обработки. Боясь за срыв темы Института, если принять во внимание историю с картой, фотоматериалы 1952 г. и определение костного материала, которые он все еще не выслал, я не подчинилась его

приказанию, сказав, что я без указания на то директора института тов. Гороховдатского И. С. материалы не сдам.

Возложенные на меня обязанности как начальника отряда я выполняла честно, и за все время работ в этих экспедициях Сергей Сергеевич не делал мне замечаний в несерьезном или халатном отношении к работе. 21 сентября 1954 г. Максимова [Архив ИА МОН РК, ф. 1, оп. л/д, л. д. 108, л. 34–36].

После этого случая Анна Георгиевна никогда больше с С. С. Черниковым не работала; впереди ее ждали новые важные открытия на северо-востоке Сарыарки, в Жетысу и на юге Казахстана. В Прииртышье она вернулась в 1977 г. – руководителем Шульбинской археологической экспедиции, масштабные работы которой стали началом нового этапа комплексного изучения древней истории региона. Но тогда, в 1954-м, ей пришлось уступить, и свою готовую диссертацию на тему «Восточный Казахстан в эпоху бронзы» она представила к защите лишь после выхода в 1960 г. одноименной монографии старшего коллеги из Ленинграда. Публикуя сводную карту и реестр памятников Восточного Казахстана, С. С. Черников на стр. 39 сделал примечание: «Карту вычертил С. С. Сорокин. Условные знаки на основу перенесла А. Г. Максимова, она же отредактировала сводное описание по областям (до 1952 г.)». Кто когда-нибудь занимался подобной поисково-творческой работой, скрупулезно составляя мозаичное полотно карты из осколков разрозненных данных, хорошо понимает, что означало «перенести на основу условные знаки». Впрочем, главное заключается в другом: карта эта служит нам поныне – добротная, подробная и... безымянная.

ЛИТЕРАТУРА

Личное дело А. Г. Максимовой // Архив Института археологии им. А. Х. Маргулана, ф. 1, оп. л/д, д. 108.

Г. Г. Петенёва

Г. Г. Петенёва,

*Восточно-Казахстанский областной
архитектурно-этнографический и
природно-ландшафтный музей-заповедник,
г. Усть-Каменогорск, Казахстан*

G. G. Peteneva,

*East Kazakhstan Regional Architectural-Ethnographic
and Natural Landscape Museum-Reserve,
Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan*

e-mail: peteneva63@mail.ru

Остался мой след далеко за порогами. С моими трудами, с моими тревогами

Аннотация: Эссе содержит воспоминания Г. Г. Петенёвой об А. Г. Максимовой и Ф. Х. Арслановой.

Ключевые слова: А. Г. Максимова, Ф. Х. Арсланова, Прииртышье, археология, экспедиция, воспоминания, память.

My trace is far behind thresholds.

With my works, with my alarms

Abstract: The essay is devoted to G. G. Peteneva's memoirs about A. G. Maximova and F. Kh. Arslanova.

Key words: A. G. Maximova, F. Kh. Arslanova, Irtysh area, archaeology, expedition, memoirs, memory.

Вот почему, когда мы умираем,
Оказывается, что ни полслова
Не написали о себе самих,
И то, что прежде нам казалось нами,
Идет по кругу
Спокойно, отчужденно, вне сравнений
И нас уже в себе не заключает
(А. Тарковский)

Когда начинаешь вспоминать о каком-то человеке, сам невольно становишься участником событий. Каким ты был человеком тогда, много лет назад? Описывая события прошлого, анализируешь и даешь оценку уже с позиций того человека, каким ты стал – на много лет вперед... Дневники и Мемуары. Вроде бы рассказывают об одном и том же, но есть нюансы, как в запахе духов, вкусе вина или деликатеса! Тут главное распробовать. У каждого будут свои ощущения. И как говорится, о вкусах не спорят. Постоянно и никогда не вела личного дневника, но, просматривая свои старые ежедневники и полевые дневники, обнаружила в них «календарные листочки» с заметками. Сейчас, конечно, отдельные события оцениваешь по-другому, но тогда это было написано так, как написано.

Мне, как студентке исторического факультета, имена Максимовой Анны Георгиевны и Арслановой Фираи Хабибулловны были известны уже с первого курса. Именно на первом курсе в педагогических институтах читали курс археологии. Позднее, когда археологией я стала заниматься серьезно и писала сначала курсовую, а потом и дипломную работы, мне больше приходилось читать и изучать труды Ф. Х. Арслановой. В первое лето, сразу после окончания института, я работала в экспедиции у З. С. Самашева, тогда и произошла моя встреча с Ф. Х. Арслановой. Она прилетела из Калинина (Твери), и получилось так, что именно мне было поручено встретить её в аэропорту. Я очень волновалась по поводу того, что могу не узнать Фираю Хабибулловну. Когда пассажиры вышли из самолета, среди них

выделялась статная, величавая женщина. «Это – Арсланова!» – подумала я и... не ошиблась!

Наш лагерь стоял на берегу Иртыша, в зарослях черемухи. Жили мы – романтики за гранью влекущей мечты, в обычных советских брезентовых палатках, ночи напролет сидели у костра и пели песни под гитару.

«Под вечер станет уплывать куда-то в бесконечность

*Палатки выгоревший верх в мозаике за-
плат...*

*Что нужно ветреной душе? - Два сухаря и
вечность,*

*Да всякий раз встречать рассвет, да про-
вожать закат»*

(Е. Курдаков)

Большим достижением и прогрессом в жизни нашей экспедиции являлось наличие на кухне газовой плиты, с которой и связана следующая история. В один из дней, отдыхая после работы на кургане, участники экспедиции занимались своими делами, в основном спали. И вдруг, спокойную жизнь лагеря нарушил вой сирены. По реке шёл катер и трубил в свой гудок. Все высыпали из палаток и побежали к реке. Каково было наше удивление, когда этот катер направился к нам. Подойдя достаточно близко к берегу, с кобеля спустили шлюпку с матросами. Молодые ребята в тельняшках дали нам целое ведро свежей рыбы, что вызвало у всех восторг. Мы долго кричали и махали руками вслед уплывающим рыбакам. В большом эмалированном ведре остались лещи, судаки и щуки. Каждому хотелось эту рыбу рассмотреть и потрогать. Но все восторги быстро улеглись, когда Фирая Хабибулловна заметила, что на неё нечего смотреть, а надо чистить и жарить! Тем более, что скоро ужин. Кончилось все тем, что чистили и жарили ту рыбу мы с ней вдвоем на той самой газовой плите. В целях экономии газа готовить пищу на плите разрешалось в исключительных случаях, в основном еще варили на костре, но в данном случае нам позволили использовать плиту! Счастье... Рыбы было много, и чистили мы её долго. Если для меня это в большей степени была обязанность, то ей это доставляло неопишное удовольствие. За делом завязался разговор. О чём мы тогда с ней говорили? Сейчас даже трудно вспомнить. В основном говорила Фирая Хабибулловна. Мое участие в беседе ограничивалось фразой: «Я беседу поддержку и с тобою посижу, понимающе кивая головою». Однако я вспоминаю этот эпизод с большой теплотой, все было как-то по-домашнему. На маленьком стульчике сидела женщина в белом платке, в кухонном фартуке и проворно орудовала ножом. Рыбья чешуя разлеталась вокруг серебристыми блестками, иногда прилипая на лоб

или щеки. Моя задача заключалась в том, чтобы натаскать чистой воды с речки и как следует промыть рыбу. Наконец, процесс потрошения был завершен, и мы начали жарить рыбу. Когда по лагерю стал распространяться вкусный запах, у кухни начали собираться ребята. Они заглядывали в палатку и жалобно спрашивали: «Ну, скоро?!» Фирая Хабибулловна шуточно отгоняла их полотенцем. Наконец, накрыли стол, поставили большую тарелку с нажаренной рыбой, которую быстро расхватали. Пока все ели, она хлопотала вокруг стола и приговаривала: «Кушайте, кушайте, не торопитесь, всем хватит». Накормив всех до отвала и получив массу благодарности, мы сидели с ней за столом, пили чай, изредка поглядывая друг на друга, и улыбались... Она подмечала все – кто забыл надеть теплую фуфайку на раскоп, у кого башмаки разлезлись от дождя и грязи, кому не хватило спального мешка... Подмечала и помогала, добываясь того, чтобы проблема была решена.

Конечно, по своей природе она была лидер, командир и в быту, и конечно на работе.

*«...С утра поехали в степь, искать с
Арслановой курганы. Ездили целый день, на кочках
вытрясло всю мою бедную душу. Выбрали какую-
то ограду на берегу Иртыша. Место ничего себе
так. Красиво. С пригорка видно всю речку, но от
лагеря далеко. Отобрали тех, кто будет копать
эту ограду. Я в их числе. Все без настроения» - из
полевого дневника, лето 1988 г.*

Без ведома Ф. Х. Арслановой на раскопе, никто ничего не смел делать. Сначала она сама все проверит, посмотрит, зачистит и только потом может быть кому-то еще будет позволено дальше продолжить работу под её пристальным руководством. Особо инициативным излишнее проявление самодеятельности могло закончиться печальным результатом, но отходила она тоже быстро!

*Искрится пыль в долине перегретой,
Где возлежит, извечно одинок,
Хвостатой отгоревшею кометой
Двойной курган с грядками на восток.
Два каменных луча, как два порыва
Неутомимой памяти земли.
Вещают тяжело и терпеливо
О горнем свете, виденном вдали.*

(Е. Курдаков)

Курганы «с усами» – это особая тема в её научном наследии. Она раскопала их на Кызылтасе и в Зевакино, но они так до сих пор остаются неразгаданной тайной. Все, чем занималась в археологии Фирая Хабибулловна, стало классикой. Раскопки в Центральном Казахстане в 60-х годах XX в. позволили защитить ей кандидатскую диссертацию. На основе полученных материалов она разработала типологическую и хронологическую

схемы средневековых кочевнических древностей. Позднее в Верхнем Прииртышье в течение многих лет она занималась изучением памятников от эпохи бронзы до средневековья. Древности кимако-кыпчакского времени Прииртышья, пожалуй, главное направление её исследований. Здесь наши интересы совпадали. Несмотря на то, что в то время многие её материалы были еще не опубликованы, она позволила мне использовать их частично в своей работе, за что я ей бесконечно благодарна.

Фирая Хабибуловна любила Казахстан и скучала по его просторам.

*«Степной травы пучок сухой,
Он и сухой благоухает!
И разом степи надо мной
Всё обаянье воскрешает...»*

Именно запах степной полыни был для неё самым узнаваемым и дорогим. Она потом еще раз приехала в Казахстан, в Алма-Ату на конференцию «Валихановские чтения». Главной заботой Фирай Хабибуловны тогда была публикация книги по средневековым кочевникам. Понадобилось ещё два десятка лет, чтобы эти материалы были изданы...

С Анной Георгиевной Максимовой мы были не просто знакомы, она стала для меня очень родным и близким человеком. Снять квартиру в Алма-Ате всегда было задачей трудно выполнимой. Когда я в очередной раз оказалась «на ули-

це», на время меня приютила Тоня Ермолаева. Они сами тогда жили с двумя детьми в небольшой однокомнатной квартире в микрорайоне «Аксай». Безуспешные поиски жилья измотали меня окончательно. Видя мое состояние безысходности и подавленности, Антонина Сергеевна решилась на отчаянный шаг – обратиться к Анне Георгиевне Максимовой, у которой в микрорайоне «Коктем» стояла пустая квартира. Набравшись храбрости и предварительно созвонившись, мы отправились на встречу к Анне Георгиевне. Дверь нам открыла высокая, сухощавая, скромно одетая пожилая женщина. Я обратила внимание на её причёску – две косы уложены в «корзинку». Также заплетала волосы моя бабушка. Беседа наша была не продолжительной и больше напоминала официальный прием, чем поход в гости. Анна Георгиевна была не многословна, внимательно нас выслушала, обещала подумать и сообщить результат. Какие факторы тогда повлияли на её решение – мой затравленный вид, то, что я была из Восточного Казахстана, что привела меня Антонина Сергеевна или что-то еще, но в итоге я поселилась в одной из комнат большой пустой квартиры, в которой и прожила более трех лет.

«Комната небольшая, но уютная. Ничего лишнего. Кровать, стол, шкаф для одежды, сервант и кресло. В серванте в небольших рамках стоят копии золотых бляшек из Иссыка – «летящий» олень, накладка с лосем, а еще фигурка старичка – нэцкэ. Подарок от Садомскова В. И.» - из ежедневника, осень 1993 г.



А. Г. Максимова и Ф. Х. Арсланова на раскопках мог. Измайловка (огр. 25), 1982 г. Фото А. С. Ермолаевой (по: Арсланова, 2013, с. 19)

Анна Георгиевна два-три раза в месяц приезжала на квартиру, не столько с проверками (она мне доверяла полностью, хотя и была очень осторожным человеком), сколько «нагрузить сумки». У неё была дача – «рог изобилия», в чем я убедилась, когда зашла с ней в её комнату, которая была заполнена овощами, фруктами, банками с разным вареньем и соленьями, но особенно меня поразили большие бутылки с домашним вином – яблочным, малиновым, смородиновым, вишневым и каким-то там еще.

«...В квартире пусто и холодно. Ещё не дали отопление, не простыть бы. Вчера легла поздно, допечатывала обоснование к теме диссертации. Днем пришла Аннушка. Дала мне шиповник. Растет у неё на даче. Круглый, здоровый, как маленькие яблочки-ранетки и цвет какой-то необыкновенный – темно-бордово-коричневый. Катаешь пальцами ягоду, она ровненькая, гладенькая. Удивил старенький, холщовый мешочек. Когда она его сшила?! Сшит в ручную иголкой с потрясающей «аннушкиной» аккуратностью. Запишу, что мешочек я должна обязательно вернуть! Ценная вещь. Хотя, если я забуду, она не забудет. Это точно! Конечно, не обошлось без лекции о пользе шиповника. Заварили чай. С шиповником! Вторая лекция о его пользе! Чай пили с сахаром и сушками. Больше ничего нет...» - из ежедневника, осень 1993 г.

С её дачи урожая было всегда так много, что тыква и какие-то травы всю зиму могли храниться, сушиться и в «моей» комнате. В каждый свой приезд она обязательно чем-нибудь меня угощала. Это были 90-е годы, когда еда и предметы первой необходимости были по талонам, которые по своей прописке я получать не могла. Она была, с одной стороны, очень наблюдательным, а с другой стороны очень деликатным человеком. Чтобы не поставить меня в неловкое положение или не обидеть, Анна Георгиевна говорила так: «Ну, давайте, пока я тут занимаюсь своими делами, вы поставьте вариться картошку или макароны!» К этой «картошке или макаронам» потом она специально открывала по нескольку банок с какими-то салатами, огурцами, помидорами. Однажды, она пришла и говорит: «У вас есть мука? Месите тесто». Сама достала мясо, одну из своих знаменитых «максимовских» тыкв, и мы с ней лепили

манты. Это повторялось из раза в раз, она обязательно что-нибудь придумывала. Когда накрывали на стол, Анна Георгиевна всегда приносила в небольшом графинчике свое вино или наливочку. Об археологии она говорить не любила. Неохотно и скупое вспоминала жизнь в экспедициях. О людях высказывалась осторожно и никогда никого не осуждала, хотя особенно и не восторгалась. Единственным человеком, которого она могла выделить, был М. П. Грязнов. Вообще я бы не сказала, что она была разговорчивой, но она потрясающе умела слушать и слышать собеседника. Это был как раз тот человек, с которым можно было не только поговорить, но и помолчать. Она могла даже не намекать, предполагалось, что собеседнику все должно быть понятно из контекста разговора. В жизни Анна Георгиевна была очень простым, можно даже сказать аскетичным человеком. Её аккуратность, бережливость, бдительность и ответственность просто поражали, а у многих вызывали улыбку. Но это были те качества, правила и принципы, которые помогли ей выжить в 1940–1950-е годы. Анна Георгиевна стала для меня родным человеком. Позднее я переехала на другую квартиру, но мы продолжали поддерживать отношения. Иногда я заходила к ней, иногда она приходила в институт, а иногда мы просто договаривались о встрече в парке или на улице. Однажды даже ходили в пиццерию на углу ул. Фурманова и Абая. Настояла Анна Георгиевна, хотя пицца не произвела на неё положительного впечатления! Каждый раз она звала меня с собой на дачу, но я так и не съездила с ней на её «обетованную» землю. Когда я уезжала в 2002 году из Алматы, Анны Георгиевны не было в городе, она гостила в Санкт-Петербурге у сына. Возможно, что разговор с ней тогда, если бы и не изменил моего решения, то очень сильно бы меня поддержал. Осенью этого года её не стало. К моему большому сожалению, я узнала об этом значительно позже.

Своим рассказом я не ставила себе цель охватить всю жизнь Анны Георгиевны или Фираи Хабибулловы. Каждая из них прошла свой долгий путь, но когда я думаю о том, что наши дороги по жизни пересекались и даже какое-то время шли рядом, своей судьбе я благодарна за это.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланова Ф.Х.** Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. – Материалы и исследования по археологии Казахстана. – Астана: Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана, 2013. – Т. 3. – 405 с.
- Курдаков Е.** Избранное. – Усть-Каменогорск: «Шығыс Ақпарат», 2009. – 264 с.
- Тарковский А.** Стихотворения. – М.: «Художественная литература», 1991. – 464 с.

Я. А. Лукпанова

Я. А. Лукпанова

Западно-Казахстанский центр истории и археологии, г. Уральск

Ya. A. Lukpanova

Western-Kazakhstan centre of the history and archaeology, Uralsk

e-mail: yana_2004_75@mail.ru

Археологические исследования Т. Н. Сениговой в Западно-Казахстанской области

Аннотация. Данная статья посвящена исследованиям археолога Таисии Николаевны Сениговой в Западном Казахстане, всю свою жизнь посвятившую изучению древней и средневековой истории Казахстана. Под руководством Т. Н. Сениговой проводились экспедиции, целью которых ставились аварийные раскопки в связи с намечавшимся строительством оросительных каналов. Археологический отряд под руководством Сениговой изучил междуречье Большого и Малого Узеней, провел разведки по районам области. По итогам плодотворной работы археолога, была составлена археологическая карта области.

Ключевые слова: Приуралье, сарматы, стоянка, разведка, археологическая карта, поселение, раскопки.

Archaeological research T. N. Senigova in West Kazakhstan region

Abstract: This article is devoted to the research of the scientist archaeologist Taisiya N. Senigova in Western Kazakhstan, who devoted her entire life to the study of the ancient and medieval history of Kazakhstan. Before the expedition under her leadership in the Urals region, the task was to conduct emergency excavations in connection with the planned construction of irrigation canals.

Archaeological detachment under the leadership of Senigova studied the interfluvium between the Bolshoi and Malyi Uzen, conducted reconnaissance in the districts of the region. Based on the results of her work of the archaeologist, an archaeological map of the region was compiled.

Keywords: Cisurals, sarmatians, camp, exploration, archaeological map, settlement, excavations.

Таисия Николаевна Сенигова – известный археолог, изучавшая широкий круг археологических проблем истории Казахстана, в 2017 г. исполняется 95 лет со дня ее рождения. Она участвовала в работах Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, руководила работами Западно-Казахстанской археологической экспедиции в 1953–1954 гг., в 1960-е годы работала в составе Семиреченской археологической экспедиции, вела раскопки на городище Тараз. В 1955–1957 гг. ею был прочитан курс «Основы археологии» на историческом факультете КазГУ, Уральского пединститута им. А. С. Пушкина. Т. Н. Сенигова является одним из составителей сводного труда казахстанских археологов «Ар-

хеологическая карта Казахстана». Участвовала в работе ЮККАЭ – в 1972–1975 гг. руководила Туркестанским отрядом, проводившим исследования на городище Туркестан. Является автором известной монографии «Средневековый Тараз» [Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. л/д, л. д. № 157].

Таисия Николаевна родилась 22 июля 1922 г. в г. Великие Луки в семье служащего. В 1940 году закончила школу в г. Великие Луки и была эвакуирована в г. Свердловск. Там же поступила в МГУ им. Ломоносова. За годы учебы приняла участие в экспедициях под Москвой и на Украине. В 1946 г. после окончания университета была направлена на работу в Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР и зачисле-

на на должность младшего научного сотрудника [Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. л/д, л. д. № 157]. В 1954 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Керамика городища “Алтын-Асар”».

В 1953 году в связи с намечавшимся строительством Урало-Кушумской оросительной системы Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР направил в Западный Казахстан экспедицию под руководством Т. Сениговой, которая обследовала районы г. Уральска, оз. Райым, Камыш-Самарских озер, рек Большой и Малый Узеней. Кроме разведки, были проведены раскопки 20 курганов и собран с дюнных стоянок подьемный материал.

Археологические раскопки

В июле 1953 года отрядом под ее руководством было раскопано восемь курганов на комплексе Курпобай и 12 курганов на памятнике Караоба.

Могильник Курпобай расположен в 15 км северо-западнее пос. Новая Казанка. Насыпи курганов были высотой от 0,5 до 1,0 м, их диаметр от 15 до 30 м. В 1889 г. комплекс был исследован профессором МГУ А. Н. Харузиным, в 1948–1951 гг. профессором Саратовского университета И. В. Сеницыным. По материалам, полученным в процессе исследования могильника, большинство курганов было отнесено к скифо-сарматской эпохе. В 1953 г. исследования на этом могильнике были полностью завершены Т. Н. Сениговой, ее отряд раскопал оставшиеся восемь курганов. Курганы изучались методом закладки шурфов, по методике рекомендованной Сеницыным [Сенигова, 1956, с. 143].

Захоронения в могильнике Курпобай были выполнены в прямоугольных ямах, поверхность которых была перекрыта деревом, в ямах-подбоях, погребенные ориентированы головой на юг (курган № 3), юго-запад (курган № 2), на восток (курганы №№ 4, 5, 8), на юго-восток (курган № 7).

Сопутствующий инвентарь в погребениях, был представлен бронзовыми зеркалами с валиком по краю, сосудами «ручной формовки», пряслицами, мечами и кинжалами с прямым, кольцевидным и серповидным навершием, ромбовидным и прямым перекрестьем, трехгранными наконечниками стрел, курительницами – маленькими ритуальными сосудами [Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 135]

Могильник Караоба был расположен на левом берегу р. Малый Узень в 6 км к северо-востоку от поселка Жангала, в 14 км на северо-запад от пос. Новая Казанка в местности Джасаул, в 100 м от дороги из Новой Казанки на Коктерек и состоял из 30 курганов.



*Таисия Николаевна Сенигова
(по: Кузнецова, 2014, с. 162)*

Отряд Сениговой на могильнике раскопал 12 курганов, в трех из которых не было обнаружено могильных ям. Захоронения в отличие от могильника Курпобай разновременные. Могильные ямы прямоугольные, ямы с подбоем, скелеты ориентированы головой на юго-запад (курган № 3), на восток (курганы №№ 4, 12), на запад (курган № 5), на юго-восток (курган № 6), на северо-восток (курганы №№ 8, 9). В кургане № 6 было выполнено коллективное захоронение.

В курганах №№ 1, 2, 5, 6, 8, 9 артефакты были представлены кинжалами с серповидным навершием, железными мечами с прямым перекрестьем, железными пряжками, с подвижным язычком, железными ножами, плоскими трехгранными железными наконечниками стрел, фрагментами бронзовых зеркал с бортиком по краю, пряслицем, стеклянными и гешировыми бусинами, курительницей.

Полученные результаты раскопок на курганных комплексах Курпобай, Караоба в 1953 г., материалы раскопок И. В. Сеницына на выше-названных памятниках в предыдущие годы при сравнении с материалами сарматских погребений других районов во многом аналогичны с материалами прохоровской культуры Приуралья и Нижнего Поволжья, датированными III–I вв. до н. э. (курганы №№ 1–5, 7 мог. Курпобай, курганы

№№ 1–3, 5–11 мог. Караоба), I–III вв. до н. э. (курганы №№ 6, 8 мог. Курпебай).

В курганах №№ 3, 4, 12 были обнаружены серьга в виде знака вопроса, бронзовое зеркало [Сенигова, 1953, с. 18], орнаментированные четырьмя симметрично расположенными рельефными кругами, в центральной части зеркала с оборотной стороны зеркала было припаяно кольцо, остатки основы головной убора из бересты (бокка?), железные ножницы. Обнаруженный материал в этих курганах позволил археологам датировать погребения XI–XIII вв.

В экспедиции впервые приняли участие студенты и сотрудники историко-филологического факультета Уральского педагогического института (рук. Г. И. Багриков) и Западно-Казахстанский областной музей в лице научного сотрудника Н. П. Шишкина [Багриков, 1954, с. 4]. Экспедиция под руководством Сениговой стала новым этапом археологического исследования области, а Г. И. Багриков, который начинал раскопки с Т. Н. Сениговой, продолжил археологические исследования в 1960-е годы в области.

Уже в 1966 г. начинаются первые планомерные археологические исследования организованные Уральским педагогическим институтом им. А. С. Пушкина, под руководством краеведа Г. И. Багрикова. За два сезона, 1966–1967 гг. экспедиция раскопала несколько курганов в нынешних Теректинском и Шынгырлауском районах [Железчиков, 1998, с. 6]. Примечательным было то, что П. И. Багриков положил начало изучению восточной части области и открыл археологический памятник Лебедевка, состоящий из восьми курганных комплексов [Кушаев, 1993, с. 12] и расположенного в 8 км северо-западнее от одноименного села. На могильнике экспедицией под руководством П. И. Багрикова, под методическим руководством Сениговой было раскопано два кургана из двух комплексов [Багриков, Сенигова, 1968, с. 72], в результате был получен уникальный материал по истории Западного Казахстана. Раскопанный ими большой курган (№ 2), содержал богатое женское погребение позднесарматского времени, оно отличалось конструкцией погребальной камеры и наличием большого количества импорта. Аналогичным был и второй курган (№ 1) с захоронением воина. В 1968 г. в серии «Известия Академии наук Казахской ССР» вышла статья Г. И. Багрикова и Т. М. Сениговой, где были опубликованы результаты работ на комплексе Лебедевка [Лукпанова, 2011, с. 72].

Археологические разведки

В 1953 г. Западно-Казахстанская археологическая экспедиция, руководимая Т. Н. Сениговой провела археологические разведки на обширной

территории области, ею были обнаружены стоянки эпохи неолита, курганные комплексы эпохи бронзы и раннего железа.

Одна из плодотворных работ была проведена в Жангалинском районе, здесь у Камыш-Самарских озер, по берегам озер Сорайдын, Райм были обнаружены дюнные поселения [Сенигова, 1953, с. 2].

Членами экспедиции был собран со всех стоянок многочисленный кремневый материал: ножевидные пластины, скребки, проколки, нуклеусы, сегментовидные вкладыши, наконечники стрел, большое количество микролитических орудий. В отчете о проделанной работе Т. Н. Сенигова отмечает, что особый интерес из обнаруженных при разведке материалов поселений представляет керамический материал с оттисками гребенчатого штампа, с ямочным орнаментом, в изломе, которых «видны примеси толченых раковин» [Сенигова, 1956, с. 140]. Культурный слой стоянок был сильно нарушен, поэтому было сложно расчленивать подъемный материал.

В Жангалинском районе были выявлены случайные находки бронзовых ножей, в северной и южной части песков Жаскускум эпохи бронзы, фрагмент керамики в песках Тулеб эпохи бронзы, кремниевых наконечников в песках Карабудыр эпохи неолита [Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 134], ею была обследована неолитическая стоянка в районе оз. Райым в 3 км к западу от Жангалы.

В результате разведок был получен разнообразный материал, который позволил «выявить общность культур Северного Прикаспия, Юго-Западного Приуралья и Приаралья» и подтвердить выводы И. В. Сеницына об «этническом единстве племен» [Сенигова, 1953, с. 2, 4].

Сотрудники экспедиции произвели разведку по реке Урал в окрестностях пос. Калмыково, в Тайпакском районе, ею было открыто семь археологических объектов [Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 136].

Экспедиция под руководством Таисии Николаевны провела разведывательные работы в юго-западной части Жанибекского района, где было выявлено девять археологических объектов. [Сдыков и др., 2009, с. 60].

Район исследования экспедиции Т. Н. Сениговой практически совпадает с территорией, ранее изученной А. Н. Харузиным, П. Рау и И. В. Сеницыным. В процессе исследований был изучен разнообразный материал, датированный от эпохи камня до средневековья, в большинстве своем имевший схожесть с находками И. В. Сеницына [Сенигова, 1953, с. 4].

В 1960 г. была издана «Археологическая карта Казахстана», где были зафиксированы памят-

ники археологии и нанесено на карту более пяти тысяч памятников республики. Карту Западно-Казахстанской области составила Т. Н. Сенигова. На территории Уральской области к тому времени было открыто 211 памятников. Таисия Николаевна систематизировала все ранее выявленные памятники археологии и обобщила проделанную работу в области. Археологическая карта явилась началом картографирования древностей Казахстана [Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 7].

Таисия Николаевна Сенигова провела в Западном Казахстане огромную, плодотворную

работу, исследованные на территории области памятники археологии систематизировала и нанесла на карту археологических объектов области, обобщила свои археологические исследования на территории области и разделила памятники на три хронологические группы: 1. Неолит и эпоха бронзы; 2. Железный век – III в. до н. э. – III в. н. э., 3. Средневековье – XI–XIII вв. [Сенигова, 1956, с. 140; Археологическая карта Казахстана, 1960, табл. 1].

ЛИТЕРАТУРА

- Археологическая карта Казахстана. – Алма-Ата: Издат-во АН КазССР, 1960. – 450 с.
- Багриков Г.И.** К археологическим работам в Западном Казахстане // Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1, д. 288, 21 л.
- Багриков Г.И. Сенигова Т.Н.** Открытие гробниц в Западном Казахстане // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. – 1968. – № 2. – С. 71–90.
- Железчиков Б.Ф.** Археологические памятники Уральской области. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. – 192 с.
- Кузнецова О.В.** Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция (ЮККАЭ): научные биографии участников и библиография исследований. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. – 252 с.
- Кушаев Г.А.** Этюды древней истории Степного Приуралья. – Самара: Диалог, 1993. – 171 с.
- Личное дело Т. Н. Сениговой // Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1л/д, д. 157.
- Лукпанова Я.А.** Археологическое изучение Западно-Казахстанской области // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: матер. междунар. научн. конф., посвящ. 20-летию Независимости РК и 20-летию ИА КН МОН РК. – Алматы: Институт археологии им. А. Маргулана, 2011. – С. 69–82.
- Памятники природного и историко-культурного наследия ЗКО в 14 т. Жанибекский район. – Уральск: «Полиграфсервис», 2009. – Т. 10. – 238 с.
- Сенигова Т.Н.** Краткий отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции за 1953 год (Большой и Малый Узени – Джангалинский район) // Архив ИА МОН РК, ф. 1, оп. 1, д. 278, 13 л.
- Сенигова Т.Н.** Отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. // Тр. ИИАЭ. – 1956. – Т. 1, Археология. – С. 140–156.
- Сенигова Т.Н.** Дневник Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1, д. 280, 56 л.

Г. А. Базарбаева

Г. А. Базарбаева

Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
г. Алматы

G. A. Bazarbayeva

A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty
E-mail: galiya2002@gmail.com

Хасан Алпысбаев – первый исследователь древнекаменного века Казахстана

Аннотация. В статье представлен обобщающий портрет первого казахского археолога, посвятившего свою творческую деятельность изучению древностей палеолита – Х. А. Алпысбаева (1928–1978). Один из ярких памятников назван известным археологом в честь Шокана Валиханова. Жизнь Х. А. Алпысбаева тоже перекликается с судьбой первой казахского историка, которого Сабит Муканов назвал промелькнувшим метеором. Можно сказать, что след, оставленный Х. А. Алпысбаевым в отечественной археологии, не менее яркий. Открытые им памятники известны теперь всему миру, например, Борыказган и Танирказган.

Ключевые слова: Х. А. Алпысбаев, палеолит, яркий след в отечественной археологии.

Khasan Alpysbayev – first researcher of the Ancient Century of Kazakhstan

Abstract. The article presents a general portrait of the first Kazakh archaeologist who dedicated his creative work to the study of the antiquities of the Paleolithic times – Kh. A. Alpysbayev. One of the most striking monuments is called in the honor of the famous archeologist Shokan Valikhanov. Kh. A. Alpysbayev's life also echoes with the fate of the first Kazakh historian, whom Sabit Mukanov called the flashed meteor. It can be said that the trace left by Kh. A. Alpysbayev in domestic archaeology is no less striking. The monuments he discovered are now known throughout the world, for example, such as Borykazgan and Tanirkazgan.

Keywords: Kh. A. Alpysbayev, Paleolithic times, bright trace in domestic archaeology.

При подготовке данной заметки преследовалась всего лишь одна цель – показать общие черты образа первого исследователя древностей палеолита Казахстана Х. А. Алпысбаева (1928–1978). Поскольку автор данной публикации дилетант в вопросах изучения каменного века, то этот аспект рассматривается на основе мнений специалистов, опубликованных в различных изданиях* [*Благодарю А. З. Бейсенова, О. А. Артюхову и Т. Б. Мамирова за помощь в сборе материалов о Х. А. Алпысбаеве].

Источниковедческой базой подготовки данного материала послужил личный фонд Х. А. Алпысбаева, хранящийся в Научном архиве «Гылым ордасы» [НА «Гылым ордасы», ф. 81, оп. 1, д. 71], а также воспоминания специалистов, опубликованные в сборнике, посвященном 70-летию Хасана Алпысбаевича, подготовленного группой археологов под руководством Ж. К. Таймагамбетова (отв. ред.) «Каменный век Казахстана и сопредельных территорий» [Каменный век..., 1998].

В Научном архиве «Гылым ордасы» в фонде “Алпысбаев Х. А., археолог” среди немногочисленных дел хранится папка с 29 вырезками из газет, тщательно собранных археологом [НА «Гылым ордасы», ф. 81, оп. 1, д. 71]. Насколько они были ему не безразличны, свидетельствуют записи, выполненные на полях, обороте, пометки, сделанные в тексте. Из пожелтевших, обветшавших газетных листочков складывается удивительная мозаика, повествующая об отдельных эпизодах творческой жизни исследователя [Раецк, 1953; Солотчина, 1954; Редкие находки археологов, 1958; Дебеч, 1958; 1959; Сулейменов, 1959; Советтік археология ғылымына..., 1960; По следам..., 1960; Кипчаков, 1972; Иванов, 1972; Вдовин, 1972; Байбосынов, 1973; Кульджанова, 1974; и др.]. Вот фотография двух выпускников Среднеазиатского госуниверситета, опубликованная в газете «Комсомолец Узбекистана» (1950, 5 июля) (рис. 1).

Теперь перед нами обветшавшая и пожелтевшая вырезка из газеты «Советская Киргизия»,

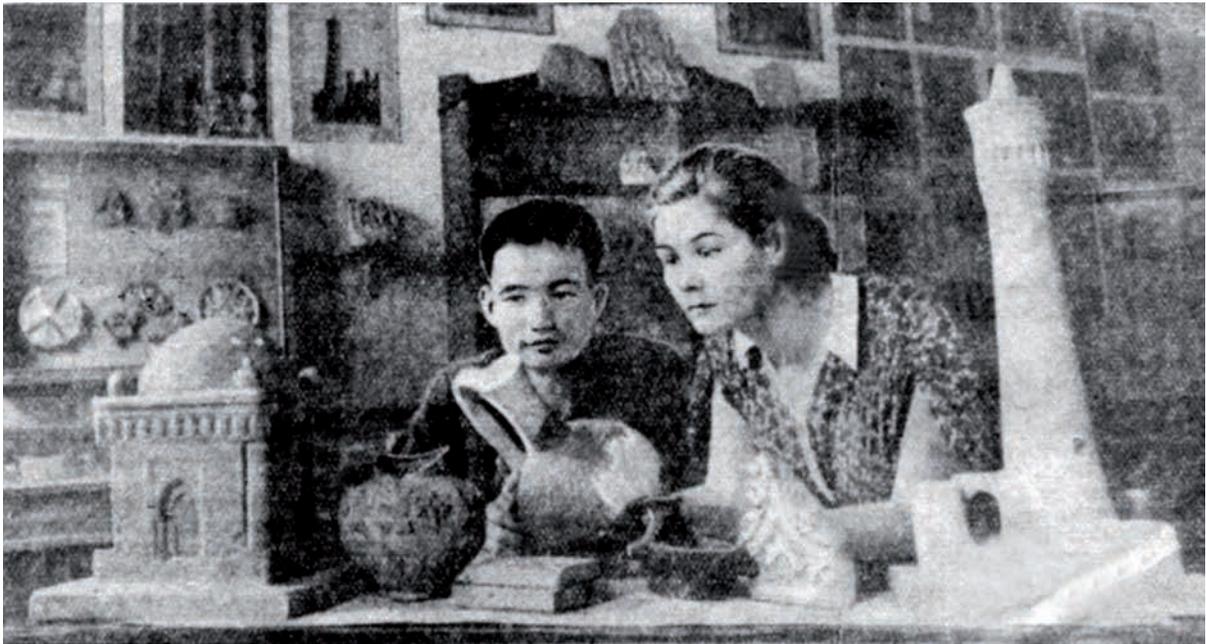


Рис. 1. Выпускники САГУ – Х. Алпысбаев и Е. Салтовская, 1950 г.
(по: НА «Гылым ордасы», ф. 81, оп. 1, д. 71)

в которой мастером спорта В. Рацеком кратко изложены результаты обследования пещеры Акчункур альпинистами и археологом Х. А. Алпысбаевым [Рацек, 1953] (рис. 2). В нижнем углу заметки автограф, выполненный Хасаном Алпысбаевичем. В тексте выделен фрагмент, в котором кратко изложены результаты обследования: «В полу пещеры были найдены грубые каменные орудия. Среди них оказалось прямое режущее рубило, скребки, отщепы от кремневых орудий и другие предметы, подтверждающие пребывание в пещере Акчункур человека палеолитической эпохи. Исследования следующего дня дали не менее интересные находки. Под слоем пыли, плотно осевшей на сводах, следопыты обнаружили многочисленные следы примитивных рисунков, выполненных красной охрой» [цит. по: Рацек, 1953].

Видимо, наиболее дорогой являлась маленькая заметка «Находка археолога», написан-

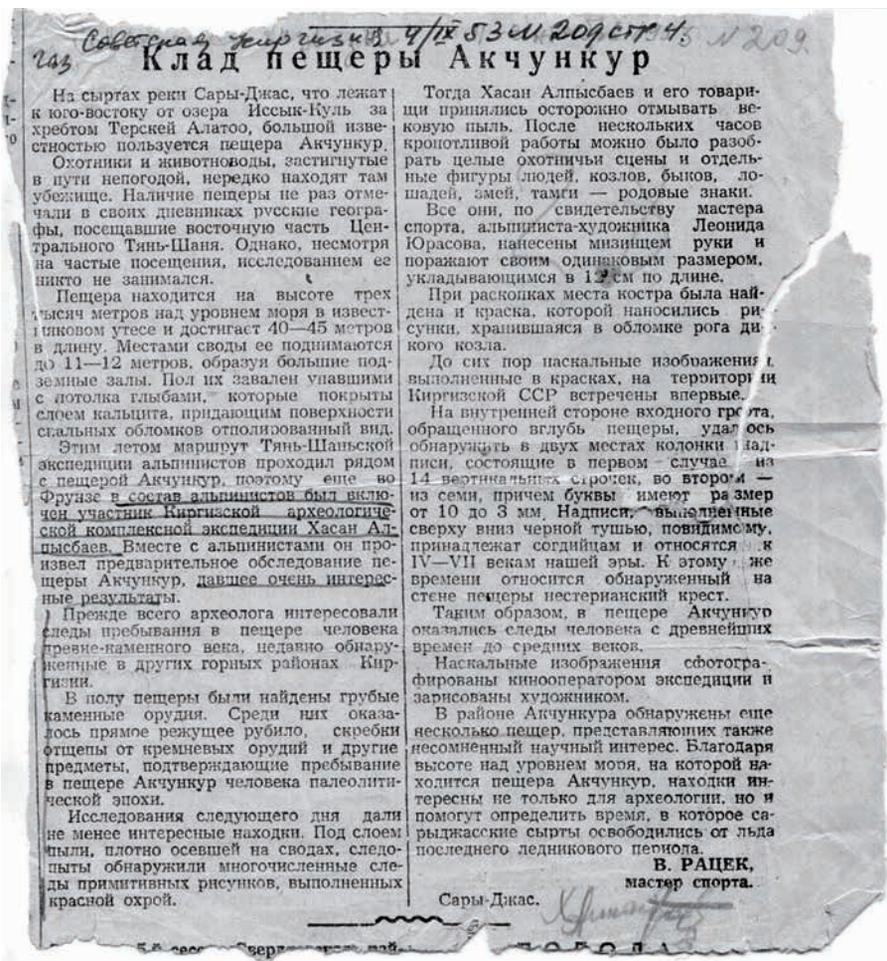


Рис. 2. Заметка о результатах исследования пещеры в Кыргызстане, 1953 г.
(по: НА «Гылым ордасы», ф. 81, оп. 1, д. 71)



Рис. 3. Репортаж из отдела археологии о планах на полевой сезон 1960 г. (по: НА «Гылым ордасы», ф. 81, оп. 1, д. 71)

ная доктором биологических наук Г. Дебецем в 1958 г. Поскольку она встречена в личном фонде Х. А. Алпысбаева трижды (один экземпляр в оригинале и две фотокопии), то, видимо, лучше привести текст полностью: «Казахский археолог Хасан Алпысбаев обнаружил на склонах хребта Каратау, близ Джамбула, каменные орудия древнейшего человека. До сих пор на территории СССР такие орудия были найдены только на Кавказе. По мнению специалистов, находка имеет мировое значение. Ближайшее местонахождение предметов такого рода находится в Пенджабе. Древность найденных орудий составляет несколько сотен тысяч лет» [цит. по: Дебец, 1958].

В этой краткой заметке запечатлен факт состоявшегося яркого открытия, сделанного Х. А. Алпысбаевым. Отметим, что один экземпляр фотокопии вклеен в фотоальбом

[НА «Гылым ордасы», ф. 81, оп. 1, д. 59, ф. 59]. Судя по дизайну, альбом был приобретен в городе на Неве, т. к. на обложке насыщенного коричневого цвета красуется роstralная колонна, высящаяся на стрелке Васильевского острова. Некогда эти исполины выполняли функцию фонарей порта славного северного города [Ростральные колонны, Интернет-ресурс].

Следующая заметка – маркер еще одного значимого события страны, связанного со строительством трассы Иртыш–Караганда [По следам..., 1960] (рис. 3). Со страниц ведущего печатного издания республики в виде небольшой статьи читателя знакомят с планами археологов на полевой сезон 1960 г. В заметке говорится, что три экспедиции Института истории, археологии и этнографии: Центрально-Казахстанская (ЦКАЭ), Чардарьинская и Семиреченская отправятся к месту исследований. Отдельным пунктом зав. отделом археологии К. А. Акишев отметил работу палеолитического отряда: «В 1957 году в предгорьях Кара-Тау геологи обнару-

жили следы стоянки человека древнекаменного века. Дальнейшие исследования казахстанских археологов, особенно кандидата исторических наук Х. Алпысбаева, привели к открытиям, которые позволили отодвинуть время появления человека на территории Казахстана на сотни тысяч лет в глубь веков. Нынче здесь вновь будет вести работу палеолитический отряд под руководством Х. Алпысбаева» [цит. по: По следам..., 1960].

Годом раньше датируется полевой дневник (1959), свидетельствующий о том, что Х. А. Алпысбаев был задействован в работе ЦКАЭ по трассе Иртыш–Караганда и проводил разведки в Карагандинской и Павлодарской областях (рис. 4) [НА «Гылым ордасы», ф. 81, оп. 1, д. 15, л. 6]. Однако, «след» Х. А. Алпысбаева в археологии Центрального Казахстана не улавливается по печатным изданиям.

В сборнике в честь 70-летия Х. А. Алпысбаева присутствуют воспоминания коллег и соратников: Ж. К. Таймагамбетова, О. И. Исагулова, А. Г. Максимовой, Н. О. Алдабергенова. Фрагменты текстов позволяют представить образ нашего героя [Каменный век..., 1998].

О. И. Исагулов в своих воспоминаниях об исследователе пишет, что у Х. А. Алпысбаева была трудная судьба [Смағұлұлы, 1998, б. 18–19]. Он рос без родителей. Воспитывался в детском доме. В Среднеазиатском государственном университете у Х. А. Алпысбаева была поддержка в лице ректора учебного заведения – Т. А. Сарымсакова. Как вспоминает Оразак Исагулович, Х. А. Алпысбаеву было

сложно выжить на одну стипендию. Эту проблему он озвучил на приеме у ректора. Тогда Т. А. Сарымсаков поручил ответственному по хозяйству, чтобы студент был обут, одет и не испытывал чувства голода. Благодаря такой поддержке Хасану Алпысбаевичу удалось окончить вуз. В эссе О. И. Исагулова также упоминается о знакомстве нашего героя с Л. Н. Гумилевым и о дружбе, возникшей между исследователями.

Будучи студентом Х. А. Алпысбаев увлекается среднеазиатской археологией, участвует в экспедиции М. Е. Массона (рис. 5)* [*Благодарю С. Б. Болелова и Н. Ю. Смирнова за помощь в составлении подписки фото]. На одной из фотографий 1947 г. из личного фонда «Х. А. Алпысбаев, архе-

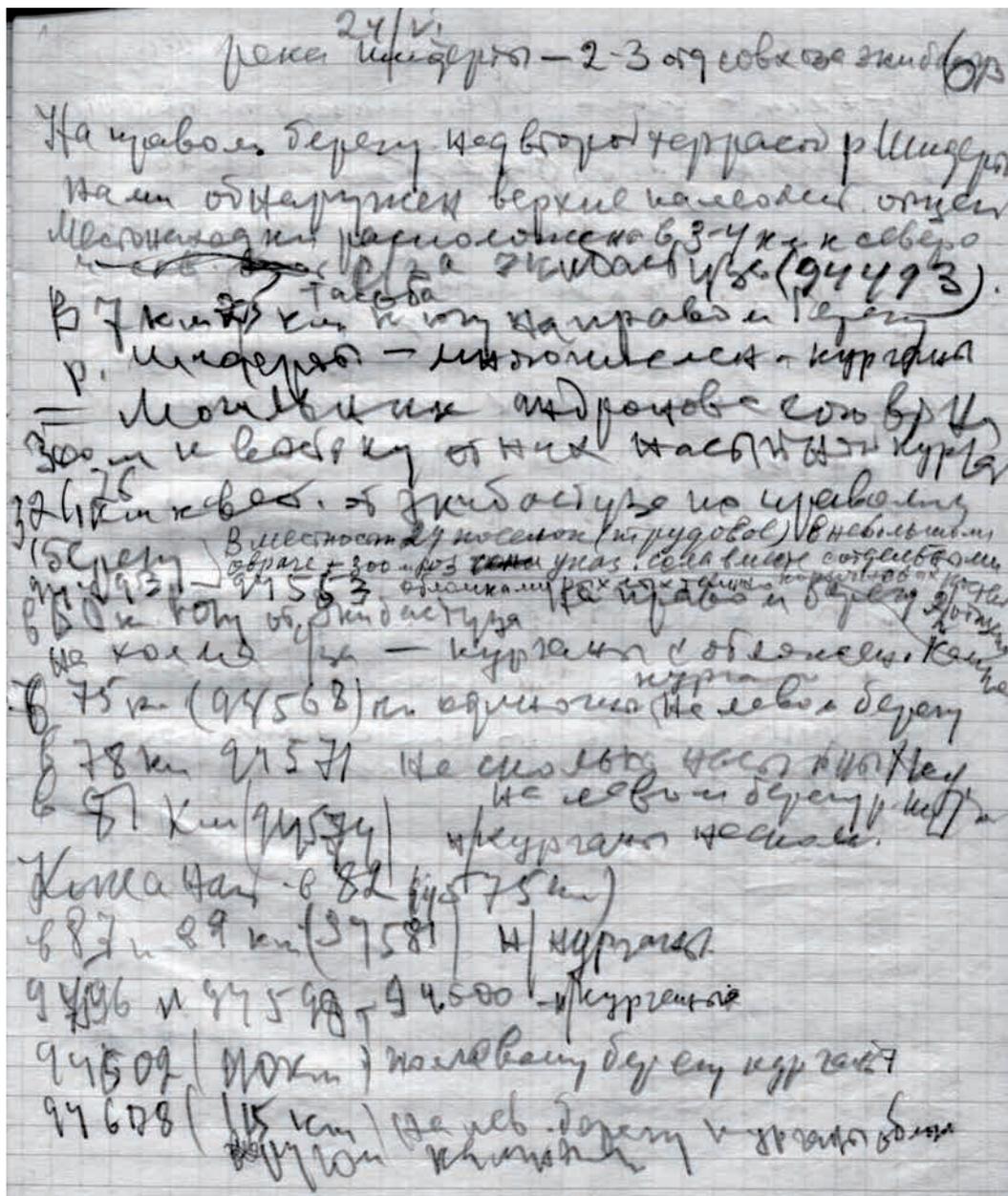


Рис. 4. Страничка из дневника Х. А. Алпысбаева в экспедиции по трассе канала «Иртыш-Караганда», 1959 г. (по: НА «Гылым ордасы», ф. 81, оп. 1, д. 15)

олог» перечислены присутствующие на снимке, среди них: Г. А. Пугаченкова, профессор Окладников, М. И. Вязьмитина, М. С. Мершиев и многие другие [НА «Гылым ордасы», ф. 81, оп. 1, д. 59, ф. 16 об.].

Как вспоминает Ж. К. Таймагамбетов, по окончании вуза Х. А. Алпысбаев работал в Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, Кыргызской археолого-этнографической экспедиции, Северо-Казахстанской и Илийской археологических экспедициях [Таймагамбетов, 1998, с. 6]. Будучи с 1954 г. аспирантом Ленинградского отделения ИИМК АН СССР он занимается изучением вопросов древнекаменного века и в 1958 г. под руководством П. И. Борисковского защищает кандидатскую диссертацию «Позднепалеолитическая стоянка Костенки-2» [Таймагамбетов, 1998, с. 6].

В воспоминаниях О. И. Исмагулова встречаем, что Х. Алпысбаева и академика Окладникова (1908–1981) связывала большая дружба. На встречах профессор Окладников с теплом повторял, что Алпысбаев был его вечным научным спутником. Он также отмечал, что у Х. А. Алпысбаева был сильно развит природный дар – чувствовать памятники. Далее О. И. Исмагулов пишет, что в Казахстане первая книга по древнекаменному веку была написана Х. А. Алпысбаевым, кото-

рую исследователь так и не увидел [Алпысбаев, 1979]. Он умер, не дожив до 50 лет, не полистав свое произведение... Как пишет О. И. Исмагулов, сердце Х. Алпысбаева было средоточием многого и поэтому не выдержало такого напряжения [Смағұлұлы, 1998, б. 19].

С теплом отзывается о Х. А. Алпысбаеве археолог А. Г. Максимова (1923–2002) [Максимова, 1998]. Завершая краткое, но емкое эссе исследовательница пишет: «Хасан ушел в бессрочную экспедицию. Одно я хочу сказать. Хасан был честным, принципиальным и порядочным по отношению к окружающим. Таким и остался он в моей памяти. Жизнь Хасана Алпысбаевича продолжается в его открытиях и трудах» [цит. по: Максимова, 1998, с. 22].

Восторг и удивление, возникшие от знакомства с Х. А. Алпысбаевым в своих воспоминаниях описывает археолог Н. О. Алдабергенов [Алдабергенов, 1998]. Молодого тогда человека поразило то, как уже известный своими яркими открытиями специалист, явивший миру открытие погребения ребенка в гроте Тешик-Таш в 1938 г. – академик А. П. Окладников ни на миг не отпустил от себя среднего роста казаха, все время с ним что-то обсуждая. Потом состоялось знакомство Н. О. Алдабергенова с Х. А. Алпысбаевым. Прекрасно зная об открытиях Х. А. Алпысбаева



Рис. 5. Хасан Алпысбаев в экспедиции М. Е. Массона, 1947 (?) г. На фото в центре – М. Е. Массон, по левую руку от него Г. А. Пугаченкова. Х. А. Алпысбаев во втором ряду, за спиной М. Е. Массона (по: НА «Гылым ордасы», ф. 81, оп. 1, д. 59)

1958 г. начинающий археолог получил ответы на волновавшие его вопросы в области изучения древностей каменного века. Тогда во время знакомства с исследователем Н. О. Алдабергенова покорила мягкость и простота известного казахского археолога. Н. О. Алдабергенов отмечает, что студенты, побывавшие в экспедиции Х. А. Алпысбаева однажды, на следующий год снова рвались ехать с ним. Х. А. Алпысбаев мог часами рассказывать интересующейся аудитории об особенностях каждого каменного орудия, посвящая ее в мир знаний о каменном веке. Н. О. Алдабергенов пишет, что Х. А. Алпысбаев был искренне преданным науке наставником. Бывая у него дома Н. О. Алдабергенов, заставлял картину постоянной работы, увлекшись которой, Х. А. Алпысбаев не замечал даже времени суток [Алдабергенов, 1998, б. 25].

В Предисловии к монографии Х. А. Алпысбаева [Алпысбаев, 1979], подготовленного А. П. Окладниковым и опубликованного в вышеназванном сборнике, встречаем строки о том, что археологом были открыты памятники – Борыказган, Танирказган, Акколь, Кемер, Кызылрысбек, Токалы и мн. др. По мнению исследователя, значимым событием в науке явились раскопки многослойного памятника, открытого и названного Х. А. Алпысбаевым в честь Ч. Валиханова. А. П. Окладников отмечает, что материалы этой стоянки обнаруживают сходство с древностями Средней Азии, Монголии и других сопредельных регионов. Отмечая важность монографии Х. А. Алпысбаева, исследователь резюмирует, что проведен масштабный анализ полученных данных, позволяющий определить место Казахстана в системе нижнепалеолитических древностей СССР и Старого Света [Окладников, 1998, с. 12–13].

В рецензии на сборник, посвященный Х. А. Алпысбаеву, известного специалиста по изучению древнекаменного века В. А. Ранова (1924–2006) встречаем: «В конце 50-х – начале 60-х годов я неоднократно приезжал в Алма-Ату и пользовался материалами Х. А. Алпысбаева для осмотра его коллекций из Каратау и копаншейся тогда стоянки Валиханова, которая, как мне тогда казалось, содержала многие элементы галечной индустрии. Казахский археолог запомнился как очень сдержанный, я бы сказал даже суровый и очень скромный человек. Чувствовалась и его одержимая преданность археологии каменного века» [цит. по: Ранов, 2000, с. 102].

В целом, кратко описывая образ Х. А. Алпысбаева, В. А. Ранов характеризует археолога так: «Х. А. Алпысбаев шел на несколько шагов впереди меня (он окончил САГУ в 1950, я – Таджикский госуниверситет в 1954 г.; он за-

щитил кандидатскую диссертацию в 1958, я – в 1963 г.), но к концу 50-х – началу 60-х годов, волею археологических судеб, мы оба были вовлечены в проблемы, связанные, как теперь говорят, с «линией Мовиуса» или иными словами говоря, проблемой существования «галечных культур» на территории Средней Азии и Казахстана. При этом, для обоснования выдвинутой мною в развитие идей своего учителя А. П. Окладникова, гипотезы существования в Средней Азии двух технико-типологических групп или «линий развития» (кстати, подтвержденной всем развитием палеолитоведения Средней Азии в последующие 40 с лишним лет), в моем распоряжении тогда были лишь отдельные изолированные находки галечных орудий с поверхности высоких террас, да памятник мустьерского времени Кара-Бура, в котором удивительным образом совмещались обе технические традиции – переднеазиатская и юго-восточная (группы А и Б). Х. А. Алпысбаев, располагал превосходным материалом с южных склонов и останцов казахстанского Каратау. И хотя, в поздних своих работах, как правильно отметил в своей мемориальной статье Ж. К. Таймагамбетов [Таймагамбетов, 1998 – прим. ред.], Х. А. Алпысбаев пришел к выводу о том, что находки единичных (замечу, трудносопоставимых с основными сборами хронологически) бифасов, тем не менее не позволяют отнести его каратауские сборы к «азиатскому палеолиту» по Х. Л. Мовиусу. В то время его находки в Каратау позволяли впервые в значительном объеме работать с галечными орудиями – чоппингами и чопперами...» [цит. по: Ранов, 2000, с. 100].

Хасан Алпысбаевич Алпысбаев прожил удивительную жизнь. Однако, его уход – это всего лишь физическая составляющая. Его открытия живы. У него есть сын по имени Каныш, что вероятно, свидетельствует об уважении Х. А. Алпысбаева к К. И. Сагпаеву (1899–1964). Всего у Х. А. Алпысбаева трое детей.

То, что один из ярких памятников каменного века назван Х. А. Алпысбаевым в честь Шокана Валиханова (1835–1865), вероятно, далеко не случайно. Имя первого казахского историка, очевидно, отзывалось глубоко в сердце исследователя. Известный роман Сабита Муканова (1900–1973), посвященный кумиру Х. А. Алпысбаева, назван “Промелькнувший метеор” (“Аққан жұлдыз”). След, оставленный Х. А. Алпысбаевым в отечественной археологии не менее яркое, чем только стоит открытие хотя бы двух памятников – Борыказган и Танирказган, известных теперь широкому мировому научному сообществу.

ЛИТЕРАТУРА

- Алдабергенов Н.О.** Тасты тандап сөйлеткен // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий: матер. междунар. конф., посвящ. 70-летию Х. А. Алпысбаева. – Туркестан: Институт археологии им. А. Х. Маргулана; МКТУ им. Х. А. Ясауи, научно-исследовательский центр истории и археологии, 1998. – Б. 23–26.
- Алпысбаев Х.А.** Памятники нижнего палеолита Казахстана (О древнейшем заселении Казахстана первобытным человеком). – Алма-Ата: Наука, 1979. – 208 с.
- Байбосынов К.** Ежелгі елді мекендер. Археологиялық экспедиция кезекті сапарынан оралды // Еңбек туы, 1973, 18 июль
- Вдовин А.** Наскальная галерея // Огни Алатау, 1972, 21 января.
- Дебец Г.** Находка археолога // Советская Россия, 1958, 12 декабря
- Дебец Г.** Где родина человека? // Комсомольская правда, 1959, 22 февраля
- Иванов В.** Пещера танцующих человечков // Труд, 1972, 23 января.
- Каменный век Казахстана и сопредельных территорий: матер. междунар. конф., посвящ. 70-летию Х. А. Алпысбаева. – Туркестан: Институт археологии им. А. Х. Маргулана; МКТУ им. Х. А. Ясауи, научно-исследовательский центр истории и археологии, 1998. – 283 с.
- Кипчаков А.** Тайны пещеры Сырлыкунгур // Вечерняя Алма-Ата, 1972, 14 января.
- Кульджанова Г.** Находки археологов // Вечерняя Алма-Ата, 1974, декабрь.
- Максимова А.Г.** Последние дни Хасана // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий: матер. междунар. конф., посвящ. 70-летию Х. А. Алпысбаева. – Туркестан: Институт археологии им. А. Х. Маргулана; МКТУ им. Х. А. Ясауи, научно-исследовательский центр истории и археологии, 1998. – С. 22.
- Окладников А.П.** Предисловие // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий: матер. междунар. конф., посвящ. 70-летию Х. А. Алпысбаева. – Туркестан: Институт археологии им. А. Х. Маргулана; МКТУ им. Х. А. Ясауи, научно-исследовательский центр истории и археологии, 1998. – С. 12–13.
- По следам древней культуры // Казахстанская правда, 1960, 4 июня.
- Ранов В.А.** Серьезный вклад в изучение каменного века Центральной Азии: рец. на сб.: “Каменный век Казахстана и сопредельных территорий”: матер. междунар. конф., посвящ. 70-летию Х. А. Алпысбаева. Отв. ред.: Ж. К. Таймагмбетов. Туркестан, 1998. 283 с. // Вестн. КазГУ. Сер. истор. – 2000. – № 16. – С. 100–111.
- Рацек В.** Клад пещеры Акчункур // Советская Киргизия, 1953, 4 сентября
- Редкие находки археологов // Казахстанская правда, 1958, 21 декабря.
- Ростральные колонны (Санкт-Петербург). Интернет-ресурс. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Ростральные_колонны_\(Санкт-Петербург\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Ростральные_колонны_(Санкт-Петербург))
- Смағұлұлы О.** Хасан Алпысбаев төл тарихымыздың “қақпасын” қалады // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий: матер. междунар. конф., посвящ. 70-летию Х. А. Алпысбаева. – Туркестан: Институт археологии им. А. Х. Маргулана; МКТУ им. Х. А. Ясауи, научно-исследовательский центр истории и археологии, 1998. – Б. 18–21.
- Советтік археология ғылымына қосылған үлес // Өңтүстік Қазақстан, 1960, 26 тамыз.
- Солотчина Ю.** В глубь веков // Алма-Атинская правда, 1954, 24 ноября.
- Сулейменов Р.** Замечательное открытие казахского ученого // Казахстанская правда, 1959, 6 мая.
- Таймагмбетов Ж.К.** Хасан Алпысбаевич Алпысбаев // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий: матер. междунар. конф., посвящ. 70-летию Х. А. Алпысбаева. – Туркестан: Институт археологии им. А. Х. Маргулана; МКТУ им. Х. А. Ясауи, научно-исследовательский центр истории и археологии, 1998. – С. 6–11.

Архивные материалы

- Алпысбаев Х. Альбом с фотографиями Алпысбаева Х. А. разных лет жизни 1943–1977 // НА «Гылым ордасы», ф. 81, оп. 1, д. 59, 85 ф.
- Алпысбаев Х. Полевой дневник Иртыш–Караганда, 1959 // НА «Гылым ордасы», ф. 81, оп. 1, д. 15, 8 л.
- Алпысбаев Х. Вырезки из газет (на казахском и русском языках) // НА «Гылым ордасы», ф. 81, оп. 1, д. 71, 29 вырезок.

А. Н. Марьяшев

А. Н. Марьяшев

*Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
Алматы*

A. N. Mar'yashev

*Archaeology Institute named after A. Kh. Margulan,
Almaty*

Семь лет с Миром Касымовичем Кадырбаевым

Аннотация. В 1970-е годы состоялось мое знакомство с М. К. Кадырбаевым. М. К. Кадырбаев был первым, кто начал изучать петроглифы Казахстана. Вместе мы открыли ряд уникальных памятников и ввели их в научный оборот. Молодежь всегда тянулась к М. К. Кадырбаеву. Он жил в духе нового времени. Благодаря М. К. Кадырбаеву, начала функционировать лаборатория археологической технологии. Ранняя смерть оборвала смелые замыслы специалиста. Летом 1982 г., вернувшись из очередной экспедиции, я узнал о его смерти от инфаркта. Его вклад в науку оценили позже, о чем свидетельствуют, помимо прочего, «Кадырбаевские чтения», которые часто проводятся в городе Актобе.

Ключевые слова: М. К. Кадырбаев, петроглифы, смелые замыслы исследователя.

Seven years together with Mir Kadyrbayev

Abstract. I met M. K. Kadyrbayev in 1970s for the first time. M. K. Kadyrbayev is the archaeologist, who studied a number of unique monuments and introduced them into scientific use. The young generation always turned to M. K. Kadyrbayev. He followed the spirit of the time. Owing to M. K. Kadyrbayev, a laboratory of archaeological technology started working in the institute. His early death deranged all the projects. In summer 1982 having returned from the regular expedition, I learnt about his death from heart attack. His contribution to science was evaluated later, which is proved by “Kadyrbayev readings” held often in Aktobe.

Keywords: M. K. Kadyrbayev, petroglyphs, scientist's projects.

С Миром Касымовичем Кадырбаевым я познакомился в начале семидесятых годов прошлого века. Он работал в Институте истории, археологии и этнографии в городе Алматы. О моих поисках петроглифов знали друзья, один из них, Павел Месерле, предложил познакомить меня с Кадырбаевым. У меня к этому времени была издана небольшая статья о рисунках Чолпон-Аты с комментариями Якова Абрамовича Шера.

Петроглифы мы нашли раньше, когда на мотоцикле с коляской совершали поездку от с. Талечи до Чолпан-Аты. Я сидел за рулем, а жена, чтобы каждый раз не слезать с коляски, низко нагибалась и подбирала по ходу крупные шампиньоны. Так мы добрались до аэропорта Чолпон-Аты и увидели множество рисунков. Многие камни с петроглифами были взорваны во время расчистки взлетной полосы в аэропорту. Частично они сохранились немного восточнее взлетной полосы. Нас поразила большая плита с фигурами козлов и барса. Жена моя сказала:

- Вот и займись этим. Никто ничего не знает о рисунках, а их тысячи! Может быть, это станет твоей новой профессией.

Так и вышло. Лет через пять я стал археологом. Мир Касымович пригласил меня в экспедицию в Каратау.

Никто из археологов не спешил заняться петроглифами. Некоторые из них считали, что определить время появления древних рисунков невозможно: нет разработанной периодизации и доказательств из древности. Так, одни археологи относили колесницы и повозки к средневековью и считали их кыпчакскими. Другие все рисунки считали сакскими, так как в Семиречье еще не были найдены памятники эпохи бронзы – могильники и поселения, а крупные курганы саков, заметные издалека, уже были изучены и опубликованы.

Меня с Миром Касымовичем связывают лучшие годы жизни. Вспоминаются интересные случаи из полевой жизни. В начале 1970-х

годов М. Кадырбаев руководил Каратауским отрядом Отрарской экспедиции. В Каратау условия для работы были суровые. Все жили в палатках. Температура в июле поднималась до 40°. Командировочные расходы составляли 1 рубль в день на человека. В эти годы в экспедициях Академии наук своих машин не было. На один сезон работы в Академической автобазе арендовали грузовик ГАЗ-51. Очень многое зависело от работы водителей. В наш отряд попал шофер, отсидевший 10 лет за убийство своей жены. Еще до моего приезда в отряд Мир Касымович с Жолдасом Курманкуловым ездили на разведку в Бетпакдалу. У водителя закончилась водка и он стал требовать деньги, но ему их не дали. Тогда он высадил их в пустыне за десятки километров от ближайшего жилья. Они сидели и ждали, пока водитель образумится и вернется. Так и вышло: водитель к ночи протрезвел и нашел их в пустыни, где не было никаких четких ориентиров.

Мир Касымович, в отличие от некоторых других археологов, выделялся радушием и никогда по пустякам не кричал на лаборантов и рабочих. В сложных переделках и нестандартных ситуациях он никогда не терялся и находил выход из положения. Его редко видели в гневе, кроме двух случаев. Первый раз, это когда мы ехали в грузовике в ущелье Каракуйс. Я стоял, держась за кабину грузовика, остальные сидели в кузове. Машину вел Мир Касымович (видимо, шофер в тот день еще не протрезвел). Я крикнул:

- Человек под колесами!

Мир Касымович тут же ударил по тормозам. Все в кузове покатались.

- Что за дурацкая шутка! - закричал он.

Я ему показал на камень с рисунком человека. Тут же раздался хохот. Если он и сердился, то быстро остывал. Вообще, в группе были всегда хорошие отношения и здоровая атмосфера. Был еще один случай. Во время раскопок курганов Бесоба и Сынтас под Актюбинском дул сильный ветер. Песок выдувало из-под ног. А Мир Касымович ходил рядом и о чем-то размышлял. Вдруг остановился и закричал:

- Кто это выбросил? Кто это сделал?

Никто, конечно, не сознался, да и винить кого-либо нельзя было: песок бил в лицо, и никто не заметил, что за пределы раскопа кто-то выбросил золотой перстень с инкрустацией.

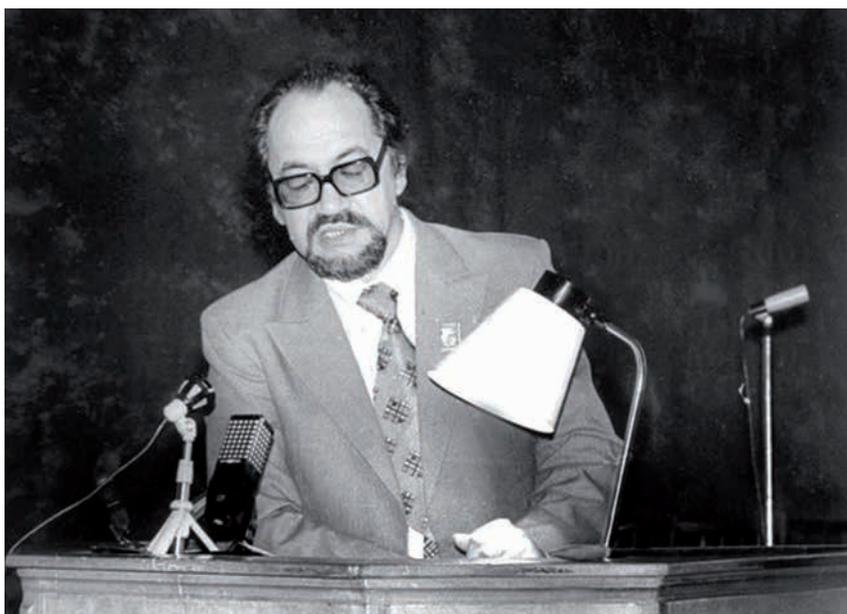
А в Каратау велись раскопки средневековых курганов. Я занимался поиском петроглифов.

Мир Касымович одобрил мое предложение осмотреть новые ущелья и найти новые большие скопления рисунков, не хуже, чем в Семиречье. К этому времени мы уже нашли на южных склонах хребта в урочище Майдамтал в ущелье Ушозен целую группу сакских рисунков. Это фигуры козлов и крупных кабанов в зверином стиле. Они располагались на большой высоте от 10–12 до 20 м от уреза воды на отвесной скале.

В ходе раскопок выяснилось, что Мир Касымович не может часто выделять автомашину на разведку, так как на раскопки нужно было возить рабочих. Уже на следующий год из Чимкента Мир Касымович привез велосипед и я на нем отправился в ущелье Каракуйс. Проехал около 200 км за день и прибыл в лагерь. В те годы я с друзьями совершал немало походов, преодолевая 200–250 км за день. Теперь я не зависел от грузовика и на велосипеде в одиночку выезжал на разведку за 20–30 км. Осматривал скалы, фотографировал петроглифы и складывал туры на сопках, где были найдены интересные рисунки, возвращался в лагерь. Так были открыты петроглифы на сопках Койбагар 1, 2 и 3, и ущелье Ран, Ксан у совхоза им. Энгельса.

Однажды я поехал на сторону Чулак-кургана, вдоль гор по полевой дороге, увидел черные скалы и подобрался к ним. Рисунки оказались очень интересными: на одной большой плите были выбиты изображения крупного верблюда величиной около 2 м. Под ним были высечены люди с воздетыми вверх руками.

Ниже по ущелью я нашел петроглифы с изображением караванов верблюдов, «хвостатых людей». Совершенно в пустынной местности обна-



Мир Касымович Кадырбаев на II Всесоюзном андроновском совещании. Петропавловск, 1980. Фото из личного архива А. М. Кисленко

ружил сцену сражения двух групп. Одну из групп возглавлял мужчина с посохом в руках, видимо, главный в этой сцене персонаж. Неподалеку нашел сцену охотой на колесницах с лучниками, стреляющими из луков.

Стало ясно, что это одно из больших скоплений рисунков. Я завершил осмотр и понесся назад в лагерь. Наутро вся группа с Миром Касымовичем прибыла в Арпаузен. Позже мы несколько лет работали на этом памятнике: копировали рисунки, делали опись. Оказалось, что в Арпаузене было более 3000 изображений. Мы решили, что о таком интересном памятнике нужно написать книгу и разработать периодизацию петроглифов.

Мир Касымович учил не спешить. Мне казалось, что важно скорее опубликовать материалы о новых памятниках. А он считал, что следует «разворачивать отдельные тезисы», снабжать их археологическими материалами. Мы с ним решили выстроить периодизацию петроглифов степной полосы таким образом: поскольку точных аналогов мало, строить хронологию следует не по столетиям, а по эпохам. В эти годы существовали периодизации А. Н. Бернштама и Ю. Голендухина. У последнего за основу была взята хронология А. Н. Бернштама на материалах Саймалы-таша. Однако она была излишне дробной и без необходимых аргументов. В эти годы вышла книга Анри Лотта, о фресках Тасилии в Африке. У него были выделены основные периоды в эволюции рисунков: период круглоголовых, «период колесниц». Автор последовательно использовал наиболее типичные образы, характерные для конкретной эпохи.

По примеру Лотта мы выделили как наиболее древний пласт период колесниц. Рисунки в зверином стиле и сопутствующие им сюжеты связали с периодом олени. Конечно, это первая периодизация теперь показалось бы смешной, но она дала толчок поискам и осмыслению петроглифов. Как ни странно, в Арпаузене мы нашли очень мало средневековых петроглифов, но обнаружили небольшую группу рисунков с изображением охотников с фитильными ружьями в руках периода казахских ханств.

В 1976 году мы с Миром Касымовичем подготовили книгу о наскальных рисунках Каратау, 1977 году она была издана. Со временем у Мира Касымовича появилось много учеников, он был большим ученым. К этому времени он уже издал материалы по тасмолинской культуре Центрального Казахстана. Кроме того, исследовал курганы с «усами». Сам он находил и плодотворно изучал разные памятники, и курганы с «усами» в том числе, в то же время работал с молодыми археологами. В чем же секрет его успехов? Для него самого были интересны молодые археологи. Он не выгадывал, что он может полу-

чить от молодых сотрудников. Они росли вокруг него и сами к нему тянулись. В экспедиции всегда звучали шутки, он рассказывал о своих учителях, о Бернштаме, других ученых. Ходили слухи, что Бернштам как-то из экспедиции прислал телеграмму в Ленинград: «потратился на баб, прошу выделить еще деньги». В институте поднялся шум. Имелись в виду каменные бабы, их надо было доставить в Ленинград. Шутки не прекращались и в лагере Кадырбаева, как и его увлеченная игра на аккордеоне... Последние годы он уже болел. Как-то сказал:

- Ну, мы, Кадырбаевы, долго не живем, такая наследственность.

Но никто не принял эти слова всерьез.

При нем в нашем институте была открыта лаборатория по технологии керамики. Он чувствовал время, понимал, что надо работать на новом уровне. Мир Касымович руководил этим отделом последние годы. Много сил приложил в исследовании Атасуских комплексов в Центральном Казахстане, которым он придавал большое значение.

Мир Касымович хорошо играл на аккордеоне, он возил инструмент с собой в экспедиции. Последние годы, когда уже болел, он неожиданно уходил в юрту и играл грустные мелодии.

С конца 1970-х годов я уже работал в «Казреставрации», а еще позже с Анной Георгиевной Максимовой и Антониной Сергеевной Ермолаевой работали над книгой о Тамгалы. Летом 1982 г., вернувшись из очередной экспедиции, я узнал о его смерти от инфаркта. Его вклад в науку оценили позже, о чем свидетельствуют, помимо прочего, «Кадырбаевские чтения», которые часто проводятся в городе Актобе.

Мир Касымович был научным руководителем моей кандидатской диссертации. И тема диссертации, и сама идея, положенная в основу исследования, были навеяны им. Это был наш совместный материал, в обработке, подаче и трактовке которого я пользовался советами Мира Касымовича. Веселый, открытый человек, талантливый ученый, хороший организатор, он слишком рано ушел от нас.

А. С. Ермолаева

А. С. Ермолаева,
Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
Алматы
A. S. Ermolaeva,
Archaeology Institute named after A. Kh. Margulan,
Almaty

Мои университеты с Миром Касымовичем Кадырбаевым

Аннотация. В статье изложены воспоминания о работе с удивительной личностью, профессиональным археологом, прекрасным человеком, серьезным исследователем – М. К. Кадырбаевым.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, М. К. Кадырбаев, Тагыбайбулак.

My universities with Mir Kasymovich Kadyrbayev

Abstract. The article presents memories related to the working moments with an outstanding person, professional archaeologist, excellent man, great researcher – M. K. Kadyrbayev.

Keywords: Central Kazakhstan, M. K. Kadyrbayev, Tagybaybulak.

Мир Касымович!!! Я имела счастливую возможность работать рядом с ним в отделе археологии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР и участвовать в археологических экспедициях под его руководством. С его помощью постигала загадочную эпоху ранних кочевников и получала квалифицированную консультацию по материалам Измайловского могильника. С ним можно было просто и по-дружески поговорить на житейские темы и попросить совета как у старшего товарища. С его помощью входила в коллектив отдела и набиралась мудрости во взаимоотношениях с сотрудниками. Он гордился тем, что работает в Академии наук и не терпел неуважительных высказываний в ее адрес, за что я однажды получила резкое замечание. В связи с 50-летием Мира Касымовича, руководством ИИАЭ было организовано чествование его в конференц-зале, где он в ответной речи сказал, что гордится наличием в своей трудовой книжке одной лишь записи о приеме на работу.

Это был профессиональный археолог, но самое главное – это был прекрасный человек. В экспедициях особенно ярко и обнаженно проявляются человеческие качества, т. к. здесь коллективы оказываются вдалеке от цивилизации и нае-

дине с природой, которая далеко не всегда бывает ласковой к ним, создавая порой экстремальные ситуации. В таких условиях общий климат в коллективе экспедиции и безопасность каждого ее члена напрямую зависят от руководителя, от его человеческих качеств и организаторских способностей. В экспедиции Мира Касымовича всегда было комфортно и спокойно. Этому способствовал и его заместитель в экспедиции – степной интеллигент Курманкулов Жолдасбек.

А какими запоминающимися были интеллектуальные вечера, которые организовывал Мир Касымович – эрудированный и музыкальный человек. В его исполнении я впервые услышала и полюбила песни Вертинского, замалчиваемого в советское время: «В синем и далеком океане, где-то возле Огненной Земли, плавают в сиреновом тумане мертвые седые корабли». Романтик до глубины души, он всецело окунался в полевую жизнь, которая придавала ему силы и уносила от городских проблем. В окружении молодежи он тоже становился молодым, жизнерадостным.

Но еще более значимой и запоминающейся была информация, которую мы, молодежь, получали на этих «посиделках». Мир Касымович был эталонным представителем ленинградской шко-



Рис. 1. Баянаул, 1974 г. Во дворе музея К. И. Сатпаева. Слева направо: третья – А. С. Ермолаева, четвертый – М. К. Кадырбаев, пятый – З. Самашев, шестой – Ж. Курманкулов

лы археологов, которую формировали корифеи науки археологии. С завистью и грустью слушали его рассказы о лекциях по археологии, которые читали легендарные для нас личности. Для меня это была своеобразная школа-ликбез, во время которой мое провинциальное бесформенное образование получало огранку. Он щедро делился идеями, формулировал проблемы на конкретных материалах и возможные пути их разрешения. Во время этих непринужденных и неформальных бесед приобщались к тяжкому труду исследователя.

Только опытные полевики-археологи знают как беспокойна и чрезвычайно ответственна роль руководителя экспедиции и не у всех получается исполнить ее. Но в экспедициях у Мира Касымовича всегда был не только здоровый и комфортный психологический климат, но и интересное времяпровождение для всех участников в свободное от раскопок время, что было уже из области высшего пилотажа. Вот поэтому у него бессменными участниками были археологи и архитекторы из Ленинграда – Наталья Севериновна Гецова, Людмила Владимировна Скалина и другие, тонко чувствующие и ценившие этот самый климат и комфорт.

Если вернуться к истокам его жизни, то многое станет понятным в характере его личности. Он сам вспоминал, что родители очень ждали рождения девочки и даже имя приготовили – Мира. Но УЗИ тогда еще не было, а народные приметы далеко не всегда были точными, поэтому обычно пол ребенка узнавали только после появления его на свет. И неудивительно, что вместо ожидаемой дочки на свет неожиданно появился сын. Но расставаться с именем «Мира» родители не захотели и просто переделали его для мальчика. Существует поверье, правда научно не подтвержденное, что имя как-то определяет характер и судьбу человека, которое к Миру Касымовичу определенным образом приложилось. Изначально женское имя привнесло женские черты в его характер: утонченность, ранимость, чувствительность, тактичность, мнительность. Программирование родителями ребенка на девочку также в какой-то степени сыграло свою роль. Хватался за сердце и всерьез переживал по пустякам, не заслуживающим внимания, не мог «адекватно» ответить на грубость и хамство, объясняя это тем, что ему «образование не позволяет». Признавался, что больше всего в экспедициях ему «крови попили» шоферы и поварахи. Но,

конечно же, слабым человеком его назвать было нельзя, в принципиальных вопросах он проявлял мужскую твердость, умел отстаивать свои интересы, имел внутренний стержень. Был брезглив к закулисной возне и интригам, которые неизбежно присутствуют и в научных коллективах.

В 1974 г. я и Зайнолла Самашев приехали к Миру Касымовичу на раскопки поселения Тагыбайбулак в Баянаульском районе по рекомендации Фираи Хабибуловны Арслановой, являвшейся нашей руководительницей в археологии. Уезжая из Усть-Каменогорска на местожительство в г. Калинин (ныне г. Тверь), Фирая Хабибуловна после недолгих размышлений сказала: «Я передам вас Миру» и позвонила к нему в Алма-Ату. Я поняла, что Мира Касымовича она уважала и доверяла ему больше чем кому-либо из археологов. Фирая Хабибуловна была почти полной противоположностью Миру Касымовичу. Имела крутой характер, могла быть резкой и прямолинейной, с начальством держалась независимо, за что ее недолюбливали конъюнктурного пошиба коллеги на кафедре истфака. Таких женщин характеризует поговорка: «мужик в юбке». Конечно, Мир Касымович представлял собой значительный контраст по сравнению с Фираей Хабибуловной, вызывая в первое время общения с ним удивление и насмешливую улыбку: «странный какой-то!?!». Удивительным было обращение

по имени-отчеству и на «Вы» ко мне, ничего еще не представляющей из себя в археологии и не обремененной солидным грузом лет. В первое время часто попадала впросак, когда моя прямолинейность «по-арслановски» и юношеский максимализм наткнулись на его вежливость и тактичность. Нахально критиковала за отдельные отступления, как мне представлялось, от правил методики раскопок, а он в ответ терпеливо объяснял, что правила определяются каждым конкретным случаем и что академические экспедиции отличаются от показательных учебных, в которых студенты проходят полевою практику и т. п. В итоге заработала от него прозвище «Язва Сергеевна». Он любил и умел подшучивать-«юморить», причем юмор был тонким и добрым. Над своими и чужими шутками он смеялся от души, открыв рот и сотрясаясь всем телом. В один из сезонов по разным ситуациям он шутливо с пафосом цитировал так называемое стихотворение: «Листья падают с дуба-ясеня, вот ни фи́га себе, вот ни фи́га себе!». Поэтому в его экспедициях завтраки, обеды и ужины проходили в веселой обстановке.

Участие в раскопках на Тагыбайбулаке было испытанием не только для меня, не копавшей до этого поселений, но и для Мира Касымовича. Так, в ответ на мою попытку отказаться от ведения полевого дневника с мотивацией отсутствия опыта раскопок такого типа памятников, он в от-



Рис. 2. Атасу. Слева направо: в первом ряду третья – А. С. Ермолаева; во втором ряду третий – М. К. Кадырбаев, четвертый – С. У. Жауымбаев



Рис. 3. Тагыбайбулак, 1974 г. Слева-направо: третий – Ж. Курманкулов, шестой – З. Самашев

вет сказал: «Ну и что?! Я тоже впервые буду копать поселение» и вооружил меня коллективной монографией «Древняя культура Центрального Казахстана», которая в том сезоне стала для меня своеобразной Библией. Оказывается, что Тагыбайбулак был платой за возможность работать в степном регионе, такой ценой была помощь Алькея Хакановича Маргулана в организации бегства из ЮККАЭ. ЮККАЭ была мощной экспедицией, состоящей из разных отрядов, главным объектом которой было городище Отрар. Для Мира Касымовича, специалиста по первобытной тематике степных археологических культур, южный регион был чужим и непонятным. Выходом из положения явилось создание археологической экспедиции под руководством Алькея Хакановича Маргулана, которого интересовали поселения эпохи бронзы. Но для кочевниковеда Мира Касымовича это была другая эпоха и другой тип памятника, который надо было осваивать. Понимая это, Алькей Хаканович мудро подобрал поселение, конструкция жилищ которого соответствовала уровню начинающего бронзоведа. Тагыбайбулак имел мощные каменные стены, что облегчало и упрощало раскопки, кроме того, этот памятник оказался переходным от эпохи бронзы к раннему железу.

Полевой сезон был интересен знакомством с Алькеем Хакановичем, который лично сам посетил это поселение проездом из Алма-Аты далее на север Казахстана. Поездка на далекие расстояния и далеко не в комфортабельных условиях

на УАЗе с кабиной из брезентового покрытия и с амортизацией близкой к нулю – такое путешествие мог выдержать далеко не каждый, тем более имеющий за плечами семьдесят лет, но только не Алькей Хаканович – опытный полевик. В один прекрасный день к поселению подъехала машина, которую в обиходе называли «козлик», из нее вылез пожилой мужчина и бодрой походкой направился к раскопу – это был Алкей Хаканович Маргулан. Все замерли на своих местах, он подошел к каждому из нас и обменялся рукопожатием, а потом начал осматривать раскоп. «Узын кулак» сработал – о его приезде знала вся баянаульская степь и его уже ждали аксакалы, поэтому в нашем лагере он сделал короткую остановку и уехал в аулы. Через три дня появился снова, чтобы попрощаться и поехал дальше.

На Тагыбайбулаке запомнился еще один эпизод, характерный для Мира Касымовича, – это покупка аккордеона, с которой начались музыкальные вечера в лагере. В один из выходных дней мы все поехали на озеро Джасыбай, а по дороге заехали в Баян-Аул на экскурсию в музей имени Каныша Имантаевича Сатпаева. Выйдя из музея, Мир Касымович, смущенно помявшись, сказал, что хочет купить музыкальный инструмент и предлагает обсудить эту покупку всем вместе. Народ, конечно, единогласно одобрил это и всей толпой мы пошли в комиссионный магазин. Выбор был невелик и состоял из двух аккордеонов, которые он тщательно исследовал, а затем пересчитал деньги и купил один из них.

Следующий год и последующие до самой кончины Мир Касымович работал в атасуйском микрорайоне, первым и основным памятником в котором было поселение Атасу. В атасуйский период мне довелось копать погребения на могильнике Ак-Мустафа и немного на поселении Мыржык. На раскопках этих памятников познакомилась с Любой (теперь это Любовь Николаевна) Ермоленко – спокойной и рассудительной девушкой, дотошно копавшей памятники; и Эммой Усмановой, потрясавшей своей неумной энергией и буйной фантазией. Эмма, устраивавшая театрализованные шествия и постановки с ребятами на территории лагеря, приводила в восторг Мира Касымовича, он иногда называл ее «Эмич». Особо следует сказать о гордости экспедиции – Тамаре Ивановне Кулик, воспитаннице ленинградской школы археологии, имевшей за плечами серьезный багаж раскопок средневековых памятников Средней Азии, но сделавшей окончательный выбор в пользу первобытной археологии под влиянием Мира Касымовича. Принципиальный, бескомпромиссный человек, она, конечно, только в экспедиции М. К. Кадырбаева могла быть в своей стихии и посвятила себя исследованию керамики эпохи бронзы поселения атасуйского микрорайона.

Колоритной фигурой в экспедиции был Загородний Александр Степанович, которого сокращенно сотрудники звали «ЗАС», бесценно руководивший раскопками на поселении Мыржык, квалифицированный археолог, прекрасно владеющий методикой раскопок, он был предан своему объекту, за что получил еще одно прозвище «Замыржыкский». В общем-то добродушный и доброжелательный, он иногда ворчал по разным причинам и тогда Мир Касымович шутливо говорил: «Степаныч опять бухтит – бу-бу-бу». ЗАС нам представлялся как упрямый хохол с замашками единоличника, который плохо понимает слово «наше», ему ближе слово «мое». Мир Касымович иногда упрекал его за местничество и автономизм. Казалось, что Александра Степановича не очень волновали проблемы всей экспедиции, т. к. с ней ассоциируется Мир Касымович, а Атасу – это Жолдасбек Курманкулов. Но Мыржык! – это ведь он, за него он бы, наверно, пошел и

на эшафот, для своего поселения он готов был обокрасть всю экспедицию. Но это был своеобразный эгоизм, потому что не лично для себя, а для пользы памятника и общего дела. «ЗАС» запомнился опекунским отношением к ребятам из оздоровительного лагеря, участвующим в раскопках на Мыржыке. Он буквально «нянчился» с ними, оберегая от опасностей, подстерегающих неопытных людей в степи.

В последний год до смерти Мира Касымовича уже сильно беспокоило сердце и давление, что проскальзывало при общении на работе и, видимо, одолевало нехорошее предчувствие. Это выразилось как-то в очередном обсуждении материалов сложного Измайловского могильника, который я тогда копала и часто обращалась к нему за консультацией. Он вдруг сказал: «Измайловка будет Вашей «лебединой песней», а моей «лебединой песней» была Тасмола». Это означало, что он сомневался, что успеет докопать Атасу и осмыслить его материалы. Еще я заметила, что каждый раз он охотно и с удовольствием знакомился с новыми материалами из бегазинских и раннекочевнических погребений Измайловки, а затем, как обычно, разговор переходил на Тасмолу. Зимой 1982 г. в беседе у него в кабинете он сказал, что хочет пересмотреть датировку некоторых курганов Тасмолы. На мой вопрос, почему он это не сделал при публикации материалов, он коротко ответил: «Кто бы это мне позволил!?!». Еще он высказался за удревнение измайловских раннекочевнических погребений, т. к. они древнее VII в. до н. э. А когда я сказала, что московские археологи в лице М. А. Итиной и других и сейчас против удревнения, то он коротко резюмировал: «Москва как всегда консервативна».

В заключение хочется сказать об этом Человеке, что когда он родился, то все смеялись, а когда умер, то все плакали...

Л. Н. Ермоленко

Л. Н. Ермоленко
Кемеровский государственный университет
L. N. Ermolenko
Kemerovo State University
E-mail: lyubov.ermolenko@mail.ru

Ностальгия по ЦКАЭ

Аннотация. В заметке емко и лаконично передано настроение ЦКАЭ периода М. К. Кадырбаева. Для Л. Н. Ермоленко дорога в большую науку началась с экспедиции на реке Атасу. ЦКАЭ – полевая школа, где опытом и знаниями делились археологи, архитекторы, реставраторы, а также специалисты других дисциплин.

Ключевые слова: ЦКАЭ, Атасу, М. К. Кадырбаев.

Nostalgia for SKAE

Abstract. The note depicted capaciously and concisely the character of the SKAE during the period of M. K. Kadyrbayev. For L. N. Ermolenko, the career in great science began with an expedition on the Atasu River. SKAE is a field school where the lessons were taught by archaeologists, architects, restorers, as well as specialists from other disciplines.

Keywords: SKAE, Atasu, M. K. Kadyrbayev.

Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция началась для меня с 1977 г., которая, прежде всего, связана с памятью о Мире Касымовиче Кадырбаеве, поселении Атасу, полевом лагере, устроенном между скальными

выходами и рекой, волшебстве лучей заходящего солнца, раскрашивавших окрестные сопки в немислимые изменчивые цвета. Одно из таких мгновений запечатлено на акварели художника Любови Рассказовой (рис. 1).



Рис. 1. Атасу. Акварель Л. Рассказовой, 1978



Рис. 2. Атасу, 1975. Слева направо: первая – А. С. Ермолаева, третий – М. К. Кадырбаев, пятый – З. Самашев, девятый – Ж. Курманкулов

Мир Касымович сыграл в моей археологической судьбе огромную роль, поскольку благословил на первые самостоятельные раскопки памятника, не исследованного ранее вида – кыпчакского святилища Аблай. Выслушав мои опасения по поводу предстоящих раскопок, Мир Касымович философски заметил: «Не боги горшки разбивают», и определил в аблайский отряд замечательного ленинградского архитектора Наталию Севериновну Гецову. И мы с ней, действительно, исследовали «курган как архитектурный памятник» в точном соответствии с грязновской методической установкой.

Мои первые (студенческие) полевые сезоны в ЦКАЭ дали много интересного и полезного для будущей археологической профессии. Речь не только о раскопках. В выходные проводились импровизированные полевые семинары, небольшие разведки, выезды на памятники. Помню, при осмотре грандиозных саманных мавзолеев, Мир Касымович рассказывал о наблюдениях МихПета (Михаила Петровича Грязнова) за процессом разрушения сырцовых сооружений. Вот это была лекция по методике полевых исследований! По случаю находки костяного предмета, Тамара Ивановна Кулик учила консервации с помощью акрилата. Архитектор Максут Султанович Нуркабаев показал на практике, как применять для археологического документирования способ

архитектурных обмеров. Особая признательность – Наталье Севериновне Гецовой за ее уроки, начиная с архитектурного видения памятника до черчения тушью и многого другого. Перечислять учителей моего ЦКАЭ-шного университета можно долго. Их было немало: Мир Касымович приглашал хороших и разных специалистов. Здесь работали многие казахстанские археологи. Здесь я познакомилась с Антониной Сергеевной Ермолаевой, восхищающей меня научной добросовестностью, способностью кропотливо и тщательно выполнять рутинную археологическую работу.

ЦКАЭ – значительная часть моей жизни, поскольку с ЦКАЭ у меня ассоциируется также многолетнее полевое изучение каменных изваяний Сарыарки в составе исследовательской группы под руководством Ж. Курманкулова – соратника и продолжателя дела М. К. Кадырбаева.

Заканчивая небольшое эссе о ЦКАЭ, скажу, что кадырбаевская ЦКАЭ была, простите за игру слов, особой археологической культурой, колорит которой придавали душевные песни Мира Касымовича под аккомпанемент аккордеона у костра, «пережитки цивилизации» – умывальники на берегу р. Атасу, но более всего – бескорыстная преданность ЦКАЭ-шников археологии.

К. М. Байпаков

К. М. Байпаков

*Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
Алматы*

К. М. Байпаков

*Archaeology institute after A. Kh. Margulan, Almaty
kbaipakov@mail.ru*

Сержан Ахинжанов – выдающийся археолог и востоковед Казахстана

Аннотация. В статье показаны основные вехи творческого пути С. М. Ахинжанова – выдающегося казахского археолога и востоковеда. После ухода из жизни М. К. Кадырбаева руководителем Центрально-Казахстанской археологической экспедиции был С. М. Ахинжанов. Труд всей жизни С. М. Ахинжанова «Кыпчаки в истории средневекового Казахстана» опередил время. Книга до сих пор остается востребованным научным изданием.

Ключевые слова: С. М. Ахинжанов, экспедиция, кыпчаки, источники, цивилизация.

Serjan Akhijanov outstanding Kazakh archaeologist and orientalist

Abstract. The article depicts the main milestones of S. M. Akhijanov's creative career – an outstanding Kazakh archaeologist and orientalist. After M. K. Kadyrbaev's death, S. M. Akhijanov was the head of the Central Kazakhstan Archaeological Expedition. The work of S. M. Akhijanov's whole life "Kypchaks in the history of medieval Kazakhstan" was ahead of time. The book is still a highly-demanded scientific publication.

Keywords: Serjan M. Akhijanov, expedition, Kypchaks, sources, civilization.

Чуть более четверти века назад, в августе 1991 года оборвалась жизнь известного казахского археолога Сержана Мусатаевича Ахинжанова [Кузнецова, 2014, с. 80–81].

Сержан Мусатаевич родился 3 сентября 1939 года в Алма-Ате, в семье ученого-историка Мусатая Ахинжанова.

В 1957 г. он поступил на исторический факультет Казахского государственного университета, а в 1961 г. перевелся на кафедру археологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, который с отличием окончил в 1964 г. Его научным куратором в университете был профессор Леонид Романович Кызласов, и под его руководством С. М. Ахинжанов написал и защитил дипломную работу по неолиту Северного Казахстана.

Вернувшись в Казахстан, он в конце 1964 года поступил в аспирантуру Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук КазССР. Руководителем аспиранта стал академик Алькей Хаканович Маргулан, а тема будущей диссертации называлась: «Кипчаки и их политическое взаимоотношение с Хорезмом

в XI – начале XIII в.», которая была блестяще защищена в 1973 г. Но еще до защиты Сержан Мусатаевич перешел в 1968 г. на работу в отдел археологии на должность научного сотрудника.

Здесь он прошел путь от научного сотрудника до руководителя лаборатории археологической технологии, от начальника отряда Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции до руководителя Шульбинской, а затем начальника крупной Центрально-Казахстанской археологической экспедиции. Позднее, в 1988 г. выполнял обязанности заместителя начальника экспедиции Свода памятников истории и культуры Казахстана. В 1989–1990 гг. был руководителем первой в Казахстане Международной казахско-американской археологической экспедиции.

Будучи начальником Шульбинской археологической экспедиции с 1982 по 1986 гг., работавшей в зоне затопления Шульбинской ГЭС в Восточном Казахстане, он собрал богатый археологический материал по средневековым кочевникам Прииртышья.



Рис. 1. А. Х. Маргулан и С. М. Ахинжанов в экспедиции. Место и год не известны. Фото из семейного архива Л. Акынжан

С. М. Ахинжанов активно накапливал сведения по истории кыпчаков, исследовал и анализировал все доступные ему письменные источники и исторические труды по тюркологии и кыпчаковедению [Ахинжанов, 1975; 1978; Ахинжанов, Ерзакович, 1972]. На юге Казахстана и в Сарыарке, в Восточном Казахстане и Жетысу, где он проводил археологические исследования, скрупулезно собирал и накапливал фонд археологических источников.

В 1989 г. Сержан Мусатаевич выпустил монографию «Кыпчаки в истории средневекового Казахстана», которая явилась весомым вкладом в историю кыпчаков Евразии [Ахинжанов, 1989]. Во введении к монографии С. М. Ахинжанов отметил большой интерес к проблеме кыпчаков Евразии у археологов, востоковедов, историков, лингвистов. Он проанализировал вклад в кыпчаковедение А. Х. Маргулана, А. Н. Кононова, Л. Т. Потапова, Н. А. Баскакова, С. Г. Агаджанова, С. Г. Кляшторного, Л. Р. Кызласова, Г. А. Федорова-Давыдова, Р. Г. Кузеева, Ю. А. Зуева, Б. Е. Кумекова, Ф. Х. Арслановой, Д. Г. Савинова.

Большой интерес, отметил С. М. Ахинжанов, имеют переводы из источников, в основном восточных, и комментарии к ним, а также исследования, выполненные востоковедами

В. В. Бартольд, В. Ф. Минорским, П. Пелльо, Д. А. Расовским, К. Цегледи, К. Менгесом.

Книга стала важным событием в исследовании кыпчаков, сыгравших важную роль в политической, экономической и культурной жизни средневекового Казахстана и Евразии. Велика была роль кыпчаков в этногенезе казахов и других тюркских народов. Из среды кыпчаков вышли представители правящих династий Мамлюкского Египта. Они возглавляли Делийский султанат, принимали активное участие в жизни Хорезма и Руси, Венгрии и Грузии. Важным событием их истории явилось создание в XII в. Кыпчакского государства с центром в Сыганаке.

С. М. Ахинжанов в монографии уделил большое внимание проблеме взаимодействия кыпчаков и Хорезма – части фундаментальной проблемы взаимосвязи города и степи, земледелия и скотоводства и одним из первых поставил вопрос о так называемой «степной цивилизации», дефиниция которой стала особенно в последние годы предметом дискуссий в науке [Козыбаев, 1998; Байпаков, 1998; Массон, 2008; Кумек, 2008; Хабдулина, 2008].

Достоинством этого сочинения является тщательный анализ почти полного свода всех возможных источников. Их критический анализ проведен с необходимым профессионализмом. Были обстоятельно изучены общественный строй кыпчаков в конце XI – начале XIII в., их государственность и формы скотоводческого хозяйства.

О связях кыпчаков и Хорезма специальных работ не было. Лишь в капитальном труде В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» затрагиваются некоторые стороны политических взаимоотношений хорезмшахов и кыпчаков, которые не позволяют воссоздать общей картины развития кыпчакского общества Казахстана на протяжении сравнительно большого хронологического периода, сколь бы ни была велика их ценность в решении того или иного конкретного вопроса. Поэтому в исторической литературе по этому периоду еще много нерешенных вопросов.

Среди них одной из важных является проблема взаимоотношения кыпчаков с крупнейшим государством Центральной Азии, каким стал Хорезм в начале II тыс. н. э. Взаимоотношения Хорезма и кыпчаков Дешт-и Кыпчака являются частью фундаментальной проблемы, играющей важную роль в изучении этнических процессов региона, где издревле устанавливались постоянные связи населения ираноязычных земледельческих оазисов со скотоводческим и перешедшим к оседлости тюркоязычным населением Дешт-и Кыпчака в предмонгольское время.



*Рис. 2. С. М. Ахинжанов, Ленинград, 1960 г.
Фото из семейного архива Л. Акынжан*



*Рис. 3. Л. Р. Кызласов с учениками. 1962. У вагона слева направо: А. Р. Вяткин, Л. Р. Кызласов,
А. Е. Остапенко, Доан Хань Хыонг, С. М. Ахинжанов, А. П. Павленко.
Фото из семейного архива Л. Акынжан*

Наиболее исследованными можно считать вопросы, связанные с обитанием кыпчаков в южнорусских степях, где они были известны окружающим их народам под именем половцев, их взаимоотношениям на протяжении более чем двухсотлетней истории с Древней Русью. Изучены вопросы о месте кыпчаков в составе государства кимаков, сложившегося к концу I тыс. н. э. в восточных пределах Казахстана на Иртыше [Кумеков, 1972]. Большой интерес представляют процессы взаимодействия и взаимовлияния языков славянских и тюркских, в частности, кыпчакских племен и народов, находившихся в тесном общении в начале II тыс. н. э. на анализе тюркских лексических элементов «Слова о полку Игореве» – выдающегося памятника древнерусской литературы [Сулейменов, 1975].

Многие вопросы исторического прошлого кыпчакских племен, населявших территорию Казахстана, остаются все еще не раскрытыми до конца. До сих пор неясно их происхождение, их взаимоотношения с племенами кимаков, а также с представителями других этносов.

Велика роль кыпчаков в формировании казахов, ибо они являются одним из крупнейших компонентов в этногенезе казахов, не менее важную роль они сыграли и в этногенезе других тюркоязычных народов. Об этом свидетельствует не только то обстоятельство, что даже для периода их ранней этнической истории имеются известия об их пребывании в более или менее разнящихся этнических коллективах (например, на Алтае, в Монголии, в Хорезме и других местах), а также то, что кыпчаки в качестве существенных этнических компонентов входили в состав современных тюркоязычных народов: узбеков, каракалпаков, кыргызов, башкир, туркмен, алтайцев и др.

Следует отметить, что исследователи в первую очередь обращали и в основном обращают внимание на те известия, которые могли бы пролить свет на историю западных кыпчаков, иначе именуемых в европейских хрониках команями, а в русских летописях – половцами. В основном такие исследования служили своего рода дополнениями к истории Древней Руси, Венгрии, Византии.



Рис. 4. С. М. Ахинжанов в экспедиции МГУ. 1962. Подпись к фото выполнена благодаря И. Л. Кызласову: «Двор Тувинского краеведческого музея (ныне – Тувинский республиканский краеведческий музей) им. 60 богатырей (г. Кызыл). На снимке рядом с Сержаном Мусатаевичем Владимир Владимирович Сидоров (тогда студент, ныне старейший сотрудник Отдела сохранения археологического наследия ИА РАН, к. и. н.). Приезжая в Кызыл экспедиция останавливалась на ночлег во дворе музея» [прим. – ред.]. Фото из семейного архива Л. Ахинжан

Так, многие из них еще со времени В. Н. Татищева и М. Н. Карамзина и до настоящих дней рассматривают историю половцев в основном в аспекте их взаимоотношений с Древней Русью. В 1884 г. появился наиболее обстоятельный труд П. В. Голубовского «Печенеги, тюрки и половцы до нашествия татар», не потерявший значения и в настоящее время. Собственно говоря, монография П. В. Голубовского явилась как бы венцом научного исследования о половцах в России до конца XIX в. Она отражала все недостатки и достоинства русской историографической мысли в этой области. Автор обратил внимание не только на военные столкновения половцев с русскими, исследовал конфликтные ситуации.

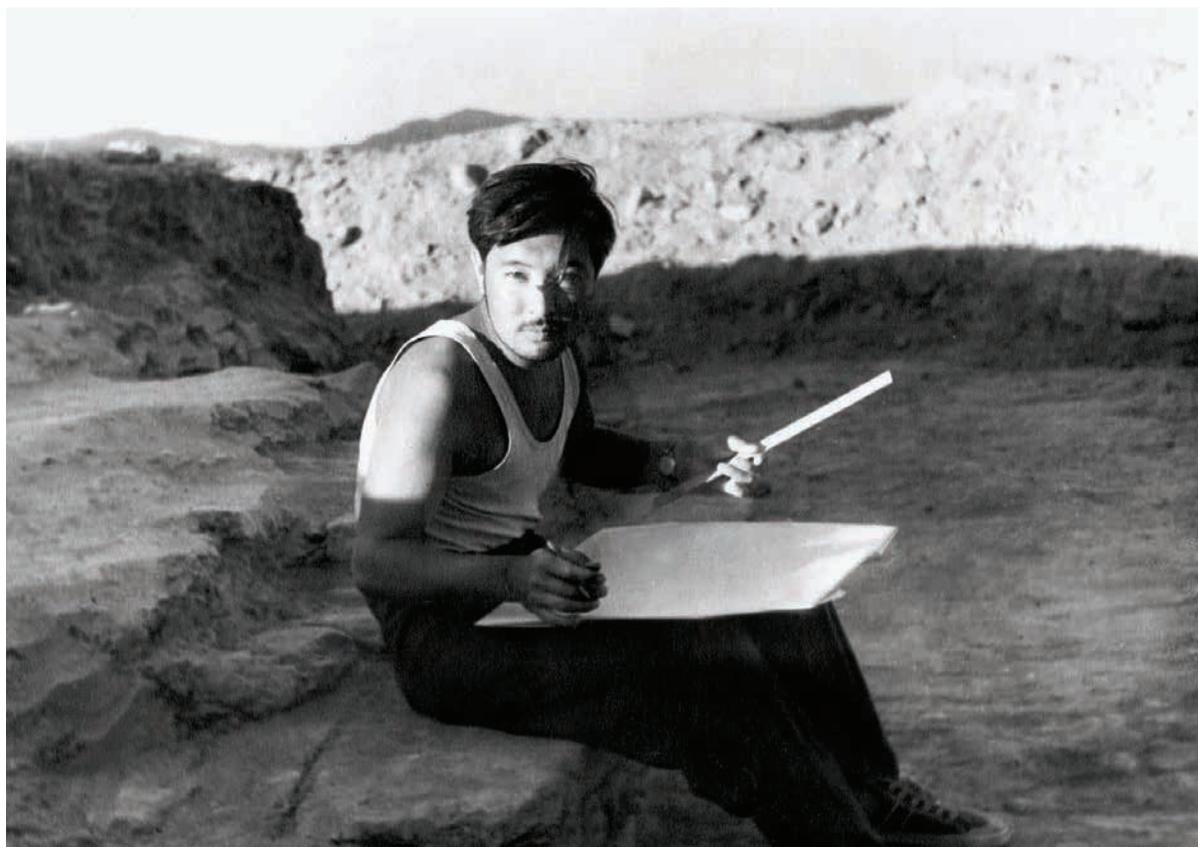
Опираясь на свидетельства русских летописей, этот исследователь дает картины миролюбивых взаимоотношений половцев и русских, заключавшихся в торговых и культурных связях, в установлении военных союзов против общих врагов, в развитии дипломатических контактов, нередко протекающих в форме заключения брачных союзов между представителями верхушки общества.

Другой известный труд немецкого ученого И. Маркварта, написанный в 1914 г., называется «О народности команов». Как видим, не кыпча-

ков, а команов – той части кыпчакского объединения, которая была известна только на западе, между тем как его работа являлась едва ли не единственной монографией, посвященной исследованию кыпчаков, проживающих еще в своих восточных кочевьях. Данная работа содержит большой фактический материал, который, однако, не был в достаточной мере использован ни самим автором, ни его последователями. Отдавая должное научным заслугам указанного автора, отметим, что труд И. Маркварта нуждается в дополнении на основании вновь открытых источников, а весьма полезные его научные поиски и подходы к решению важных и нужных проблем истории кыпчаков требуют дальнейшей разработки и более углубленных исследований.

Интерес к проблеме кыпчаков в восточной части Евразийских степей в последние полвека резко повысился. Об этом свидетельствуют работы археологов, историков, этнографов научных учреждений Казахстана и Южной Сибири, Санкт-Петербурга и Средней Азии.

Как отмечал Б. Е. Кумекон на основе тщательного источниковедческого анализа историко-географических сведений, содержащихся в средневековых арабо- и персоязычных сочинениях IX–XI вв., исследует историю кимаков (племени,



*Рис. 5. С. М. Ахинжанов в экспедиции. Место и год не известны.
Фото из семейного архива Л. Акынжан*

которое на определенном историческом отрезке времени имело теснейшие связи с кыпчакскими племенами, связи настолько близкие, что почти все современные исследователи, включая и самого Б. Е. Кумекова, считают, что кимаки и кыпчаки – это один и тот же этнический коллектив). Автор реконструирует основные этапы сложения и развития кимакского союза племен с середины IX до середины XI в., по-новому представляет социально-экономический строй кимакского общества, этногеографию кимакского объединения. Эта весьма интересная работа, фундированная ценным материалом, является как бы основой для продолжения изучения кимако-кыпчакской истории в последующие века, а именно в XI–XIII вв.

Интерес представляют исследования А. Ш. Кадырбаева, посвященные роли кыпчаков в этнической, культурной и политической жизни средневекового Китая [Кадырбаев, 1997].

Вопросам происхождения кыпчаков, степени и форм их участия в этногенезе многих тюркоязычных народов Южной и Западной Сибири посвящены работы Д. Г. Савинова, многие годы занимающегося изучением истории древних народов Южной Сибири в древнетюркскую эпоху по данным письменных источников и археологических изысканий. Д. Г. Савинов считает, что южные районы Западной Сибири были одной из основных областей кыпчакского этногенеза на всех этапах его развития [Савинов, 2005].

Талантливая многоплановая книга С. М. Ахинжанова опередила время и поэтому остается остро востребованной и сейчас, о чем свидетельствует факт ее нескольких переизданий, для научных работ – случай достаточно редкий.

С. М. Ахинжанову был свойствен научный интерес к широкому кругу проблем истории и истории культуры древнего и средневекового Казахстана. Его перу принадлежит более 50 научных статей по малоизученным проблемам истории средневековой и городской культуры.

С. М. Ахинжанов является соавтором коллективных монографий «Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС» [Археологические памятники... 1987], «Охотничье-промысловая и животноводческая деятельность населения древнего Центрального Казахстана» [Ахинжанов, 1991]. Для работ Сержана Мусатаевича характерна тщательность обработки исходных данных, широкий историко-культурный контекст рассмотрения конкретных проблем и вопросов, привлечение широкого круга разнообразных источников.

В течение ряда лет, руководя лабораторией археологической технологии Института, он сумел сплотить сотрудников вокруг выполнения

конкретных тем, создал действительно творческую обстановку в коллективе.

С. М. Ахинжанов являлся соруководителем первой в истории казахстанской археологии международной Казахско-Американской археолого-этнографической экспедиции. При этом он проявлял максимум профессионализма и такта при решении порой неординарных проблем.

Много усилий было приложено Сержаном Мусатаевичем для развития в Казахстане археологической кочевниковедческой медиэвистики: подготовлены молодые специалисты, определены перспективы и сформулированы темы конкретных исследований.

Особая часть полевых научных исследований Сержана Мусатаевича связана с его работой в Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции в Отраре.

Он занимался вопросами Великого Шелкового пути, изучал древние города на юге Казахстана и в Жетысу, участвовал в международных экспедициях, в том числе и экспедиции ЮНЕСКО «Степной путь» в 1991 г., выступал с яркими докладами на симпозиумах и конференциях по тематике диалога культур и цивилизаций на Шелковом пути.

Что бы ни делал С. М. Ахинжанов, все у него получалось талантливо, ярко, увлекательно. Его любили, ему подражали и не случайно «Ахинжановские чтения», которые проводятся с 1993 г., ежегодно привлекают внимание ученых, пользуются популярностью.

Тематика чтений различна – это и вопросы изучения культур каменного века, исследования памятников эпохи бронзы и раннего железа, древних тюрков и урбанизации. Они собирают широкий круг участников из Казахстана, России, стран Средней Азии и дальнего зарубежья. Они стали своеобразным полигоном для молодых исследователей, где они зачастую впервые приобретают опыт публичных выступлений, участия в дискуссиях.

С. М. Ахинжанов был талантлив во всем. Он был главным научным консультантом, имевшим большой успех художественного, исторического фильма режиссера А. Амиркулова «Гибель Отрара». Этот фильм отмечен престижными международными премиями.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата, 1987. – С. 243–246.
- Ахинжанов С.М.** К вопросу о знаках на керамике позднесредневекового Отрара // Древности Казахстана. – Алма-Ата, 1975. – С. 49–54.
- Ахинжанов С.М.** Об этнической принадлежности каменных изваяний в «Трехрогих головных уборах» // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата, 1978. – С. 65–79.
- Ахинжанов С.М.** Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1989. – 287 с.
- Ахинжанов С.М.** Охотничье-промысловая и животноводческая деятельность населения древнего Казахстана. – Алма-Ата, 1991.
- Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б.** К вопросу о происхождении канов на Сырдарье // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. – 1972. – Вып. 2. – С. 64–99.
- Байпаков К.М.** Древняя и средневековая история Казахстана в свете археологических исследований // Отан тарихы. – 1998. – №1. – С. 35–42.
- Кадырбаев А.Ш.** За пределами Великой степи. – Алматы, 1997. – 200 с.
- Козыбаев М.К.** История казахов – составная часть цивилизации Степи // Отан тарихы. – 1998. – №1. – С. 18–25.
- Кузнецова О.В.** Ахинжанов Сержан Мусатаевич // Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция (ЮККАЭ): научные биографии участников и библиография исследований. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. – 252 с.
- Кумеков Б.Е.** Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. – Алма-Ата, 1972. – С. 120–129.
- Кумеков Б.Е.** О степной цивилизации // Роль степных городов и цивилизаций номадов: матер. междунар. конф., посвящ. 10-летию юбилею г. Астана (Астана, 2 июня 2008 г.). – Астана, 2008. – С. 42–49.
- Массон В.М.** Номады и древняя цивилизация, динамика и типология взаимодействий // Роль степных городов и цивилизаций номадов: матер. междунар. конф., посвящ. 10-летию юбилею г. Астана (Астана, 2 июня 2008 г.). – Астана, 2008. – С. 26–34.
- Савинов Д.Г.** Культура племен кимако-кыпчакского объединения // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб., 2005. – С. 276–330.
- Сулейменов О.О.** Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. – Алма-Ата, 1975. – 304 с.
- Хабдулина М.К.** Кочевая цивилизация: критерии и понятия // Роль степных городов и цивилизаций номадов: матер. междунар. конф., посвящ. 10-летию юбилею г. Астана (Астана, 2 июня 2008 г.). – Астана, 2008. – С. 49–58.

Л. Акынжан
(Лейла Ахинжанова)

Л. Акынжан (Лейла Ахинжанова),
Алматы
L. Akynjan (Leila Akhinjanova),
Almaty
e-mail: akynzhan@gmail.com

Археолог Сержан Ахинжанов. Имя на Шелковом пути¹

Аннотация. В воспоминаниях дочери С. М. Ахинжанова – Лейлы предстает другой образ известного археолога. С. М. Ахинжанов был не просто отцом, а настоящим другом.

Ключевые слова: папа-археолог, Великий Шелковый путь, знаки судьбы.

Archaeologist Serjan Akhinjanov. The name on the Silk Road

Annotation. A different image of a well-known archaeologist S. M. Akhinjanov appears in the memories of his daughter Leila. S. Akhynjan was not just a father, he was a real friend.

Keywords: father-archaeologist, Great Silk Road, signs of fate.

В детстве у каждого из нас были свои непререкаемые «атрибуты счастья». Счастья, как праздника, который устраивает для тебя мироздание без всяких на то твоих заслуг. Все дивиденды, подбрасываемые судьбой позже, – либо заслужены, либо выстраданы, либо оплачены. Но это уже совсем другое... А тогда, в самом начале марафона, никто в мире не мог разубедить меня в моей богоизбранности – так силен был детский козырь: «А МОЙ ПАПА – АРХЕОЛОГ!!!»

Он был крепким, загорелым, веселым бородачом в культовом берете и с рюкзаком на плече. Он был крупнейшим ученым-востоковедом с мировым именем, руководителем международных экспедиций и при этом – скромнейшим человеком, ни разу не позволившим шоферу вынести из дома его тяжелый полевой сундук, всегда выносил сам. Он не терпел просиживания в кабинетах, все время рвался на раскопки в «поле» и был блестящим практиком. Он был, возможно, последним из «чистых» романтиков XX века и стал первым, чьим именем назвали отрезок Великого Шелкового пути.

Он безотчетно любил мою маму. Он разговаривал со мной на «птичьем» языке, который зна-

ли только мы. Он писал стихи. Он знал обо всем на свете. В тот день, когда его не стало, и в наш дом шли и ехали люди со всей страны, я спряталась на балконе и просила: «Ну подай мне хоть какой-то знак!.. Мы же с тобой знаем, что все это неправда!..» И в этот момент с неба просыпался фантастический звездный дождь. Возможно, потому что был август. А возможно, это, как всегда, тихо пошутил мой отец, он всегда стеснялся помпезности и надрыва.

Я – немного другая. Мне нравятся шум, блеск, фанфары, звучание собственных регалий и прочая мишура. Но замирает мое сердце, и я чувствую себя настоящим гражданином своей земли, когда достойные люди с уважением говорят: «Это дочь археолога Сержана Ахинжанова».

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Мои родители познакомились в Москве, когда учились в МГУ и были Королем и Королевой твиста. Они шли навстречу друг другу мимо памятника Карлу Марксу. Папа обернулся и подумал: «Какая красивая еврейка!». Мама обернулась и подумала: «Какой красивый араб!». Оба оказались казахами, оба из Алма-Аты. В Москве тогда учились сплошь аристократы духа. Их

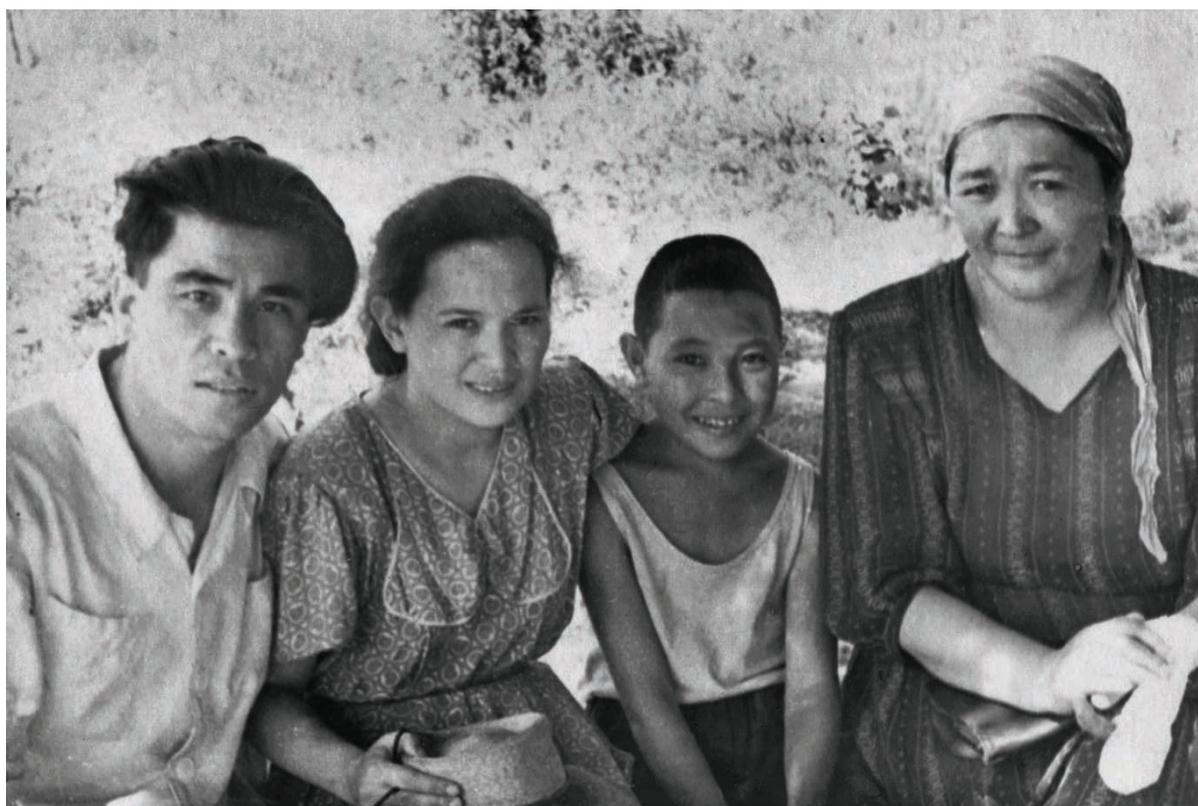


Рис. 1. Отец со своей мамой Бабирой Ахинжановой, старшей сестрой Сауле и ее мужем Эдиге Масановым. Алма-Ата, 1952 г.

имена сегодня известны всем. Так до Алма-Аты дошел воздух свободы шестидесятых... Отец с отличием закончил Истфак МГУ. Потом была аспирантура, он был любимым учеником легендарного А. Х. Маргулана. Мама рассказывала, что перед защитой его диссертации «Кипчаки и их политические взаимоотношения с Хорезмом», я, маленькая, всю ночь кричала во сне: «Завтра папу будут бить!». Отец защитился с блеском, а это чудовищное напряжение перед любым серьезным событием в жизни у меня осталось до сих пор – отстаивать, добиваться, побеждать... Серьезные уважаемые ученые, отец и его друзья, всегда, как студенты, воровали друг у друга из библиотек редкие научные книги. Однажды я видела, как один профессор «стырил» из нашего шкафа книгу и быстро спрятал ее в портфель. Заметил это и папа. Улыбнулся и подмигнул мне: «Ничего! Мы у него тоже что-нибудь заберем!». Что мы и сделали, когда были у профессора в гостях. С тех пор мне страшно симпатичны люди, которые «таскают» у меня хорошие книги.

ОТЕЦ «КИНОШНИЦЫ»

Отец очень гордился, что я учусь во ВГИКе и занимаюсь кино. Он хвастал этим наивно, совсем по-детски. Всем знакома, например, ситуация в аэропорту, когда к очереди на регистрацию подбегает взмыленный ассистент с киностудии и умоляет взять в багаж тяжеленный яуф с плен-

кой. Раньше, когда фильмы сдавались в Москве, и нужно было срочно передать материал, такие ситуации были очень частыми. Обычно, тащить с собой такой груз никто не соглашался – пассажиры отводили глаза, отнекивались... Но только не мой папа! Он, часто ездивший в командировки, наоборот – с удовольствием пользовался такими моментами. Он добродушно соглашался отвести яуф с пленкой, интересовался, что за фильм, что за режиссер? И громко – чтобы слышала вся очередь – говорил, что его дочка учится во ВГИКе, что она сценаристка, что безумно талантлива и пр. Многие ассистенты знали отца в лицо и сразу же бросались к нему. Так, мечтая путешествовать налегке с одним портфелем, папа часто возил тяжелый киношный груз.

Отец был главным консультантом на кинокартине «Гибель Отрара». Он не одно десятилетие «копал» Отрар, возил меня туда на раскопки.

Отца знали на киностудии и любили. Он консультировал страстно, креативно... К сожалению, он был только на одной моей премьере – на первой картине «Полнолуние». Больше моих фильмов он увидеть не успел. Десять следующих картин: «Фара», «Тот, кто нежнее», «Абай», «Станция любви», «И увидел во сне», «Слабое сердце», анимационные фильмы, сериал «Перекресток», сериал «Дорогая редакция» – все это было после...

«ЗОЛОТОЙ ЧЕЛОВЕК»

Я помню ту ночь, когда в Иссыке нашли знаменитого «золотого человека». Я уже спала, приехал папа... В доме были возбужденные голоса, все друг другу звонили... Отец уехал в Иссык и приехал только через день. Позже, когда «золотой человек» был выставлен в музее археологии, в школе началась эпоха моего триумфа! Я училась в 35-й школе с «шарами». Это на проспекте Ленина, как раз напротив Трех Богатырей, где располагался музей Археологии. Отец с удовольствием встречал наш класс в музее, показывал «золотого человека»... А когда я приходила с «избранными» подружками и друзьями, то нам «открывали» его по два раза. Однажды, когда я училась во ВГИКе в Москве, отец привез «золотого человека» на какую-то выставку. «Человека» всегда возят в разобранном виде, золото – отдельно, в специальных охраняемых контейнерах, с милицией. Но был конец 1980-х, общий развал и неразбериха в стране. Одним словом отца, который вез небольшую часть золота, спецмашина с охраной не встретила! Произошла какая-то ошибка, нестыковка, чудовищная халатность встречающей стороны... И вот поздней ночью на пороге моей общежитской комнаты, весь в снегу, с напряженным лицом, бледный и сосредоточенный, появляется мой отец. В руках – завернутое в толстые ткани подобие маленького сейфа. Отец бежит в комнату, кладет сейф под подушку, сверху, не снимая пальто, ложится сам и просит запереть дверь и не давать ему спать. На мои вопросы, что случилось – тихим голосом



Рис. 2. Отец в экспедиции, 2 курс МГУ, 1 мая 1963 г. Разведочный маршрут с однокурсниками в Подмосковье (к ССЗ от Москвы) [Подпись к фото составлена благодаря И.Л. Кызласову – прим. ред.]



Рис. 3. Отец в экспедиции. Тува, 1962



Рис. 4. Отец закончил истфак МГУ с красным дипломом. Москва, апрель, 1962 г.

говорит, что здесь, с ним находится часть «золотого человека» и он, раз их не встретили, несет государственную ответственность за достойные республики. На страже достойных республик в ту ночь стояли почти все вгиковцы из Казахстана. Я быстро рассказала народу, в чем дело, и около моей комнаты всю ночь дежурили ребята-казахи. Утром папа обзвонил все инстанции и вызвал патрульные машины.

НЕПРОЧИТАННЫЕ ДНЕВНИКИ

Прошло ровно 25 лет со дня гибели моего отца. Остались его книги. Осталась тонна архива. Остались десятки его полевых дневников и последний, американский дневник, который отец вел три месяца, когда представлял казахстанскую археологическую выставку в Денвере, США. До сих пор у нас с мамой не хватает душевных сил прочитать эти записи. Открываю одну страницу наугад: «3 июня 1989 года. Ночью видел страшный сон. Землетрясение в Алма-Ате... Рушатся дома по Ленина, крыши, блоки, деревья, памятник Чокану... Мои часы остановились в 1 ночи по местному времени. Видел доченьку, видел Нелижанку. Что это – предупреждение? Очень скучаю. Хочу домой».

В его американских фотографиях мы нашли снимок с экс-президентом Джимми Картером. Папа рассказывал, что он очень милый человек. Потом в течение года Картер присылал отцу поздравительные открытки к разным датам, но папа

стеснялся своего ужасного английского и не отвечал.

Сотни писем со всего мира на разных языках продолжали приходить на наш адрес после гибели отца еще много лет. Не было сил читать. Не хватало мужества отвечать. Отец был – праздником. Для всех. «Дорогому Сержану!», «Прекрасному другу Сержану с сотней благодарностей!», «В память о блестящем докладе», «Нашему новому другу из Казахстана, Сержану!», «Мы любим Сержана, теперь мы любим Казахстан!». Любой формат траура просто-напросто не вяжется с образом моего отца. Пусть его помнят веселым, жизнерадостным, добрейшим в мире другом. А дневники читать не буду. Слишком больно.

ВРЕМЯ

Впервые о тайнах исторического времени он рассказал мне на крыше мавзолея Ахмеда Яссауи. Тогда там шла реставрация, мы сидели рядом и смотрели на закат. Солнце было огромным, красным. Отец говорил о вечности, о тех, кто жил до нас, о мире, о богах, о древних камнях, о пещерах, знаках, курганах... Я не вникала. Просто слушала, как музыку. Смотрела на отцовский красивый профиль с горбинкой, на его знаменитую бороду, на загорелое лицо. Мне казалось, что так будет всегда, и времени еще очень-очень много...



Рис. 5. Мы с папой. Алма-Ата, 1971 г.



Рис. 6. С отцом на Иссык-Куле, 1977 г.

Он погиб во время казахстанско-американской экспедиции, утонул в реке Тараз.

Уходя с рюкзаком на плече, улыбнулся и помахал рукой. Здоровый, красивый, веселый. Он погиб 16 августа 1991 года. А 19 августа, через три дня, пришло другое время, другой мир, другая эпоха. Когда я впервые вышла после этого на улицу, не было ничего – ни сил, ни отца, ни страны. Рыцарь своего Времени, он остался со своим Временем.

Монография Сержана Ахинжанова «Кыпчаки в истории средневекового Казахстана» стала бестселлером. До защиты докторской диссертации оставались считанные недели. Коллективные монографии, сотни научных статей, ученики, мировое имя, «поставленные» им экспедиции, фантастические планы и темы исследований... Отец служил Археологии и стал ее Символом.

В 1995 году отцу посмертно присуждена Премия имени Чокана Валиханова за его книгу, ежегодно в Институте археологии проводятся «Ахинжановские чтения». А Национальный комитет РК «Жибек жолы» принял беспрецедентное решение о присвоении его имени отрезку Великого Шелкового Пути от Тараза до Кулана. Мой отец всю жизнь путешествовал из Настоящего в Прошлое, но на этом пути нашел дорогу в Будущее. Вечен Шелковый Путь... Сколько еще поколений пройдет по этой великой дороге. Путь этот светел. Там навсегда остался мой отец, Археолог Сержан Ахинжанов.

Примечание

1 – Впервые текст был опубликован в журнале “Nomad-Kazakhstan”, 2005, №5 (5). Благодарим А. Таукелову за возможность повторной публикации материала.

**М.В. Бедельбаева,
Э.Р. Усманова**

М.В. Бедельбаева, Э.Р. Усманова
КарГУ им. Е. А. Букетова, г. Караганды
M. V. Bedelbayeva, E. R. Usmanova
Buketov Karagandy State University
e-mail: bmv_1967@mail.ru; emmadervish2004@mail.ru

Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция и карагандинская школа археологии: творческий союз исследователей древней истории Сарыарки

Аннотация. Несколькими поколениями археологов в Центральном Казахстане были открыты и изучены многочисленные памятники, свидетельствующие о том, что это был один из регионов становления и развития древних культур Евразии. В статье отражены основные моменты творческого взаимодействия Центрально-Казахстанской археологической экспедиции и карагандинских археологов по исследованию древней истории Сарыарки. Приведена информация справочного характера, отражающая вклад представителей карагандинской археологической школы в создание источниковой базы археологических материалов и разработку масштабных проблем археологии региона.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, археология, экспедиции, школа, памятники, персоналии.

Central Kazakhstan archaeological expedition and Karaganda archaeological school: creative union of researchers of the ancient history of Saryarka

Abstract. Thanks to efforts of several generations of archaeologists and studied numerous archaeological sites in Central Kazakhstan were discovered. They are confirmed that Central Kazakhstan is one of the biggest region of the formation and development of the Eurasian ancients Cultures. The article reflects the main points of creative collaboration between Central Kazakhstan archaeological expedition and Karagandy archaeologists in studying the Saryarka ancient history. The article's information has directory character. It is presented the contribution of the Karagandy Archaeological School in the creation of the source base of archaeological materials and the development of large-scale archaeological problems of the region.

Keywords: Central Kazakhstan, archaeology, expeditions, school, sites, personalities.

Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция (ЦКАЭ) с момента организации сделала своим научным брендом комплексное изучение археологических древностей Сарыарки – этого поистине уникального пространства центра Евразийского пояса степей. Многоплановый характер работы ЦКАЭ позволил создать системное видение археологического изучения региона: научная деятельность А. Х. Маргулана и его коллег выявила матрицу исследований на многие годы вперед. Архетип исследовательской деятельности сложился именно в 40–60-е годы XX века на основе небывалой трудоспособности, таланта, эрудиции, интуиции и проницательности, энциклопедичности знаний адептов ЦКАЭ. В 70-е годы прошлого века импульс и практиче-

ский опыт ЦКАЭ по научной и организационной деятельности определил колоссальные масштабы полевых изысканий в степной зоне Казахстана.

Карагандинская археологическая школа: начало содружества с ЦКАЭ

Археология приобрела собственный научно-исследовательский статус в стенах нового Карагандинского государственного университета в 1973 г., когда полевые изыскания под руководством Г. Б. Здановича и С. Я. Зданович определили первые самостоятельные шаги карагандинских археологов. В 1977 году на смену семейной чете археологов Здановичей, уехавших работать в Челябинск, в Караганду приехал В. В. Евдокимов. Он, как и Г. Б. Зданович, и

С. Я. Зданович, был воспитанником уральской археологической школы и одним из учеников В. Ф. Генинга – известного советского археолога. Так начало формироваться «ядро» кадрового потенциала археологов Карагандинского государственного университета – работоспособного творческого коллектива, из которого вышло значительное количество ученых, определяющих в настоящее время качественно новый уровень историко-хронологических реконструкций древней истории Сарыарки [Усманова, Бедельбаева, 2014, с. 25–37].

С 1977 года археологическая учебная практика студентов исторического факультета КарГУ стала проходить на базе ЦКАЭ под руководством М. К. Кадырбаева на поселении эпохи бронзы Атасу. Практику возглавлял аспирант Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова, преподаватель С. У. Жауымбаев. На первый взгляд этот факт – непродолжительный по времени – может показаться всего лишь эпизодом в процессе дальнейшей исследовательской практики археологов КарГУ. Но на самом деле это сотрудничество оказалось очень ярким и показательным в отношении становления методологии исследований и научного мировоззрения. В ходе совместных экспедиций молодые специалисты получили богатейший опыт в полевой практике и позднее начали проводить самостоятельные исследования.

С. У. Жауымбаев и выпускники исторического факультета Л. Н. Ермоленко, Э. Р. Усманова, К. М. Карабаспакова, Ж. Е. Смаилов, А. З. Бейсенов внесли свою лепту в исследовательскую программу ЦКАЭ. Археологи-карагандинцы, удачно сочетая традиции уральской археологической школы и полученные в ЦКАЭ навыки научного исследования археологического материала, выдвинули свои приоритеты в изучении древностей степной Евразии.

Современное состояние и приоритеты деятельности карагандинской школы археологии

За прошедшие годы произошли существенные трансформации в организационных формах научно-исследовательской деятельности археологов КарГУ (от лаборатории и отдела археологии до Сарыаркинского археологического института), системе подготовки кадров (от специализации по археологии на кафедре до обучения студентов по специальности «Археология и этнология» в бакалавриате и магистратуре), использовании естественно-научных методов и междисциплинарного подхода (сотрудничество с международными научными центрами по радиоуглеродному датированию, археозоологии, дендрохронологии, палеоантропологическим определениям и

др.), требованиях к полевым исследованиям и камеральной обработке материала (применение приборов глобального позиционирования, электронных тахеометров и пр.). Тем не менее, всё это существенно не изменило практику научного поиска и исторических интерпретаций в археологии, основанную традицией ЦКАЭ. И сейчас археологи продолжают использовать те же исследовательские процедуры, которые были сформированы в конце 1950-х годов. Таким образом, на протяжении исторического развития археология в КарГУ имела и имеет прочные традиции, как в выборе предметной сферы исследований, так и в методическом смысле.

С 80-х годов XX века основная деятельность карагандинских археологов была направлена на исследование памятников Сарыарки и на формирование коллекций находок в музее археологии и этнографии КарГУ. Приоритеты в изучении евразийских степных древностей отличались своей специализированной направленностью: культура поздней бронзы; технология изготовления керамики; наскальное искусство; методы естественных наук в археологии; культуры кочевников; тюркские каменные изваяния; мировоззрение древних племен.

В этот период исследовались могильники Бозинген, Нуркен, Карагаш, Копя, Сатан, Ташик. Началось изучение уникального по своему собранию древних памятников горного оазиса Кент. В те же годы были открыты и исследованы памятники, определившие целое направление в евразийской археологии по проблемам датировки и хронологии эпохи камня и бронзы, ставшие классическими в решении узловых вопросов древней истории срединной Евразии. Но не только стационарные археологические раскопки производились специалистами. Многочисленные разведочные маршруты по всему Центральному Казахстану открыли для истории сотни новых памятников древних эпох и позволили стереть многие «белые пятна» на археологической карте Карагандинской области.

Количественное накопление материалов переросло в качественное его осмысление. В диссертационном совете Института археологии имени академика А. Х. Маргулана (г. Алматы) успешно прошли защиты кандидатских диссертаций В. В. Варфоломеева, И. А. Кукушкина, К. М. Карабаспаковой, А. З. Бейсенова, Ж. Е. Смаилова, И. Н. Швеца; диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук защитил В. В. Евдокимов. В археологических центрах России защищали свое научное видение различных проблем археологии выпускники КарГУ — представители карагандинской археологической школы: В. Г. Ломан (г. Москва),

В. А. Новоженев (г. Кемерово), А. Ю. Чиндин (г. Санкт-Петербург). Всё это говорит о ее мощном научном потенциале и работоспособности.

Сегодня выпускники КарГУ, работающие в разных странах, стали лидерами евразийской археологии: д. и. н. А. Д. Таиров – директор научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского госуниверситета (г. Челябинск, Россия); д. и. н. Л. Н. Ермоленко – профессор кафедры археологии Кемеровского госуниверситета (Россия); д. и. н. А. А. Ткачев – заместитель директора Института проблем освоения Севера (г. Тюмень, Россия); к. и. н. И. Н. Швец – защитившая еще одну диссертацию в г. Гайдельберге (Германия) и возглавлявшая совместные международные проекты по исследованию наскального искусства.

Выпускники карагандинской школы археологии работают во многих археологических центрах и вузах Казахстана: А. З. Бейсенов – заведующий отделом первобытной археологии Института археологии им. А. Х. Маргулана (г. Алматы); Ж. Е. Смаилов – директор ТОО «Казархеология» (г. Алматы); Е. Амиров, Р. Ильин – докторанты PhD.

Археологами университета издано 15 монографий, 10 научных сборников, опубликовано более 700 статей, открыто и паспортизировано более 1000 новых археологических памятников, зафиксировано 27 местонахождений наскальных рисунков. Стационарные археологические раскопки осуществлены на более чем 80 памятниках [Ломан, 2011, с. 408–414].

Объем данной статьи позволяет только в эскизном исполнении очертить вклад карагандинских археологов и дать краткую оценку значения их деятельности в формировании, как источниковедческой базы, так и исследовательских подходов к изучению древней истории Сарыарки.

Персоналии карагандинской археологической школы

Исследовательская деятельность В. В. Евдокимова связана с многолетним изучением поселенческих и погребальных памятников (Алексеевское и Загаринское поселения, могильники Карагаш, Сатан, Ташик, поселения Семиозерное-2, Копа-1, Алат и др.), что позволило создать зональную периодизацию эпохи бронзы Центрального и Северного Казахстана, а также сформировать суждения об исторической среде эпохи бронзы степей Сарыарки, представляющей совокупность компонентов природы и общества. Реконструкция основных палеодемографических данных на основе методов археологической демографии и связанных с этим археологических понятий и фактов свидетельствуют об интересе

исследователя к теоретизации науки [Евдокимов, 2000]. Благодаря научному и организационно-педагогическому таланту В. В. Евдокимова сформировался исследовательский дух карагандинского археологического сообщества.

К настоящему времени накоплен значительный материал по истории горно-металлургического и металлообрабатывающего производства древних племен Казахстана. Составлена характеристика использовавшихся в древности рудных участков наиболее крупных месторождений меди, олова и золота. На поселениях Милькудук и Атасу (раскопки А. Х. Маргулана, Н. В. Валукинского, М. К. Кадырбаева, Ж. Курманкулова) впервые исследованы и документированы археологические объекты, благодаря которым реконструируются техника и технология выплавки металла в Центральном Казахстане в эпоху поздней бронзы [Валукинский, 1949; Кадырбаев, Курманкулов, 1992; Кузнецова, Тепловодская, 1994].

На новом археологическом материале С. У. Жауымбаев показал конкретные пути формирования металлургии древнего населения Сарыарки, сумев аргументированно развить и углубить разработки своих учителей – руководителей ЦКАЭ [Жауымбаев, 2001]. Исследование промышленной площадки Алат, синхронизированной с жизнедеятельностью поселения Кент, стало настоящим открытием. Детальная характеристика горно-металлургического производства открыла новую главу в истории изучения эпохи поздней бронзы. В научный оборот введены данные, позволяющие говорить о сарыаркинском металлургическом очаге азиатской зоны обществ культур валиковой керамики. Уникальный археологический комплекс Алат является первым в Казахстане, где наряду с бронзолитейным производством начинается производство кричного железа в эпоху поздней бронзы на рубеже II–I тыс. до н. э. [Евдокимов, Жауымбаев, 2009].

В научном арсенале ЦКАЭ к настоящему времени и исследование поселения металлургов в Улытауском районе Талдысай (руководитель экспедиции А. С. Ермолаева) [Артюхова, Курманкулов, Ермолаева, Ержанова, 2013].

Научный опыт В. В. Варфоломеева начался с участия в раскопках могильников Жабай-Покровка-2, Алыпкаш, Петровка, Кенес, поселений Синташта, Саргары, Петровка-2, 4. Им проведены исследования на 30 памятниках археологии в Карагандинской, Костанайской, Акмолинской и Павлодарской областях (могильники Карагаш, Донгал, Дермен, Енбексуйгуш, Тегисжол, Шат, Коржар, Бада, Танкара, Шоиндыколь, Жасыбай-3 и др.; поселения Кент, Лисаковское, Темиркаш, Кыштан, городище

Бозок) – из них более 10 открыто впервые. Это позволило в полной мере овладеть мастерством эталонного проведения раскопок.

Доминантной темой еще со времени работы ЦКАЭ стало исследование крупных поселений эпохи бронзы (Бугулы-2, Мыржык, Шортанды-Булак, Бегазы-1) [Маргулан, 1979]. Особое место среди них занимает поселение финальной бронзы Кент с площадью в 30 га, претендующее по своим характеристикам на статус протогорода. Многолетние исследования археологической экспедиции КарГУ на этом памятнике (в разные годы ими руководили В. В. Варфоломеев, В. В. Евдокимов, В. Г. Ломан, И. В. Рудковский) позволили получить уникальные материалы, которые существенно дополняют характеристику бегазинского варианта саргаринско-алексеевской культуры [Варфоломеев, 2011, с. 210–240].

В ходе изучения этого поселения получены данные о городских признаках и функциях памятника, развитом ремесленном производстве, подтвержден комплексный скотоводческо-земледельческий характер хозяйства, устойчивые контакты с земледельческими культурами Средней Азии, доказан факт использования конских удил в эпоху поздней бронзы. Научная концепция о протогородах, как определенной ступени развития древнего общества Казахстана, постулируемая В. В. Варфоломеевым, является свидетельством качественно нового уровня изучения степной протоцивилизации эпохи бронзы.

Работы В. В. Варфоломеева всегда отличает глубокое знание предмета, умение подобрать аналогии и привести аргументированные параллели, что позволило представить авторскую типологию керамического комплекса [Варфоломеев, 2013, с. 167–197], рассмотреть проблемы культурогенеза и хронологии, предложив собственную картину эпохи поздней бронзы в Казахстане [Варфоломеев, 2003, с. 88–108].

Успешной остается и преподавательская деятельность В. В. Евдокимова, С. У. Жауымбаева, В. В. Варфоломеева. Способность к совместной работе со студентами, обсуждению, развитию и критическому осмыслению идей, методов и научных результатов свидетельствует об их педагогическом даре. Преемственность есть выражение объективной закономерности развития науки. Поэтому столь важна связь теоретического преподавания с исследовательской практикой, сложившаяся в сообществе археологов КарГУ им. академика Е. А. Букетова.

Введение в научный оборот принципиально новой историко-культурной информации о традициях гончарства эпохи бронзы и раннего железного века принадлежит В. Г. Ломану, который провел масштабные исследования и дифферен-

цировал керамические комплексы по технологическим признакам. Применение единой методики и формализованно-статистических процедур при обработке керамики, в первую очередь технико-технологический ее анализ, освоенный исследователем под руководством А. А. Бобринского, способствовали выявлению специфики и признаков смены культурных традиций (исходное сырье, технологии конструирования и др.). На основе технико-технологического анализа керамики В. Г. Ломаном выявлены культурные традиции в области гончарного производства, характерные для носителей андроновской культурно-исторической общности эпохи бронзы, определено существенное различие в происхождении федоровской и алакульской культур [Ломан, 1995, с. 115–128], обнаружены процессы взаимодействия и смешения, проходившие между различными группами древнего населения. Своеобразная валиковая керамика из поселений Донгал и Кент, датированная в пределах VIII в. до н. э. и связывающая культуру финальной бронзы с ранним железным веком, была выделена им в особый донгальский тип [Ломан, 1987, с. 115–128]. Особенности этой керамики сближают ее с лепной посудой раннего железного века. В настоящее время поселения с донгальской керамикой обнаружены не только в Центральном Казахстане, но и в Жетысу, а работы российских археологов расширили ареал донгальских памятников до Алтая и Западной Сибири.

Мировоззрение и духовную культуру древнего населения Центрального Казахстана исследует И. А. Кукушкин. Новые данные из раскопанных им элитных курганных некрополей (Аяпберген, Ащису, Танабай и др.), позволяют перейти к конкретно-историческому аспекту изучения эпохи бронзы, реконструкции системы родовых отношений, исследованию колесничного комплекса и захоронений социальной группы воинов-колесничих, занимавших высшую ступень в иерархии раннего андроновского общества [Kukuschkin, 2013, p. 221–230]. Яркие артефакты могильника Ащису (тонкостенный медный сосуд на кольцевом поддоне, изготовленный местными мастерами-бронзолитейщиками, комплекс вооружения воина-колесничего, керамическая коллекция и ювелирные гарнитуры) представили оригинальный предметный мир эпохи бронзы. Радиоуглеродное датирование памятника определило время его сооружения концом III тыс. до н. э., что существенно удревяняет памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана [Кукушкин, 2011, с. 103–109].

Скальные мавзолеи Бегазы являются своего рода жемчужиной Сарыарки и в такой концентрации нигде не встречаются. Благодаря

деятельности ЦКАЭ разработана и к настоящему времени дополнена новыми данными типология бегазинских погребальных сооружений финала эпохи бронзы. Материалы исследования грандиозных мавзолеев с каменной и сырцовой архитектурой (Дандыбай, Бегазы, Сангыру-1, 3, Каражартас) позволили зафиксировать механизмы социально-экономического развития племен эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана, находившихся на стадии зарождения государственности. Выдвинутая версия о существовании погребального бегазинского феномена в рамках саргаринско-алексеевской культуры [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 86–87] подтверждается и исследованием могильника Каражартас (рук. И. А. Кукушкин), центральное каменное сооружение которого имеет необычную пирамидально-ступенчатую конструкцию [Кукушкин, Дмитриев, 2016, с. 78–81].

В полевых сезонах второй половины 50-х годов XX века А. Х. Маргулан обследовал в Улытау более десятка средневековых городищ и поселений. Прекрасное знание трудов средневековых авторов, сведений первых русских исследователей степи, казахского исторического наследия, сконцентрированного в эпосах, легендах и преданиях позволило А. Х. Маргулану стать первым исследователем памятников оседлости Центрального Казахстана. Картографирование средневековых городищ Центрального Казахстана, отождествление археологических памятников с городами по сведениям письменных источников, археологические раскопки на ряде городищ, проведенные под руководством Ж. Е. Смаилова, расширили круг источников по оседлой и городской культуре региона. Исследователь представил типологию городищ и неукрепленных поселений [Смаилов, 2015]. Археологические исследования последних лет подтвердили тезис А. Х. Маргулана о Жезказган-Улытауском регионе, как политическом центре средневековых кочевников казахских степей.

В середине 80-х годов XX века экспедицией КарГУ были исследованы развалины знаменитого Кызылкентского дворца, находящегося в Кентских горах. Раскопками руководили Ж. Е. Смаилов и А. З. Бейсенов [Смаилов, Бейсенов, 2004, с. 254–270]. Историко-культурная интерпретация этого уникального памятника как ойратского буддийского монастыря была проведена на основе сочетания археологических данных с историческими сказаниями о памятнике, сохранившихся у местного населения, сведениями из дореволюционной печати, архивными материалами. В настоящее время продолжается изучение и археологическое исследование культурных объектов этого комплекса с целью обосно-

вания историко-культурной ценности ландшафта XVII в. [Усманова, 2012, с. 470–477].

На современном этапе исследований подходы в изучении Центрального Казахстана, демонстрируемые ЦКАЭ, наиболее последовательно реализованы в работах А. З. Бейсенова, использующего данные казахской этнографии по вопросам ландшафтной топографии кыстау на территории Сарыарки. Благодаря широте научных взглядов и неустанному исследовательскому поиску им получен значительный объем данных, которые расширили источниковую базу по памятникам археологии Сарыарки: открыты и изучены десятки новых погребальных памятников и поселенческих комплексов [Бейсенов, Ломан, 2009], выделен коргантасский этап тасмолинской культуры [Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014]. Так, в последние годы им было открыто около 50 поселенческих объектов раннего железного века, что подтвердило гипотезу об особенностях кочевых путей, сезонных переходов, организации зимнего цикла хозяйствования и, в целом, о закономерностях исторического развития древних и средневековых кочевников [Бейсенов, 2002, с. 31–41; Бейсенов, Ломан, 2006, с. 36–45; Бейсенов, 2015]. Большой резонанс вызвали открытия на памятниках сакской элиты (Нуркен, Талды-2), которые имеют поразительные научные результаты [Бейсенов, 2014]. Тщательный анализ полученных данных подтверждает высокий уровень социально-культурного развития общества, в целом, и искусства сакских племен, в частности [Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2015]. На основании этих материалов созданы модели, реконструирующие векторы связей населения Центрального Казахстана с сопредельными и отдаленными районами [Бейсенов, Исмагулова, Китов, Китова, 2015].

Исследования В. А. Новоженова – активного участника международных экспедиций, эксперта ЮНЕСКО в странах Центральной Азии – позволили получить новые данные о комплексах петроглифов Сарыарки и выйти на уровень реконструкций исторических процессов, обобщая огромный массив источников и расширяя существовавшие ранее рамки источниковедческого подхода в изучении петроглифов [Новоженов, 2002]. В. А. Новоженов высказывает интересные, но не бесспорные идеи об этническом субстрате насельников, создавших изобразительные каноны и традиции в наскальном и прикладном искусстве Евразии, которые можно зафиксировать на уровне культурно-исторических общностей и археологических культур. Ученый хорошо известен в научных кругах аргументированными гипотезами о распространении древнейшего колесного транспорта и дискуссионными аспек-

тами теории о древних и современных коммуникациях, изложенными в пяти монографиях и множестве научных статей [Новоженков, 1994; 2012 и др.]. Совместно с М. В. Бедельбаевой продолжается мониторинг и специализированное изучение памятников наскальной живописи региона. Полученные данные позволяют выстроить методику дальнейших исследований и решать вопросы обеспечения сохранности и возможной музеефикации таких объектов, а также их использования в культурно-просветительских целях, для развития регионального и международного туризма [Бедельбаева, Новоженков, Новоженкова, 2015].

Теоретико-методологические разработки в области петроглифики, применяемые И. Н. Швеце, отвечают самым современным требованиям времени и позволяют рассмотреть изобразительные памятники Казахского мелкосопочника в комплексе с общей проблематикой археологии Центральной Азии. Благодаря опубликованным ею в европейских научных изданиях материалам, информация о наскальных изображениях Сарыарки стала доступна международному сообществу исследователей [Shvets, 2012 и др.].

Со студенческих лет принимала участие в археологических экспедициях в Северном и Центральном Казахстане, осваивая алгоритм исследовательской деятельности в ЦКАЭ, К. М. Карабаспакова (раскопки поселений Саргары, Петровка-2, Усть-Кенетай, могильников Альпкаш, Сатан, Карагаш и др.) Научные интересы этой вдумчивой и эрудированной исследовательницы охватывают большой круг проблем эпохи бронзы Евразии. В 80-е годы XX века она возглавляла отряд по исследованию памятников эпохи бронзы Жетысу. Ее выводы и заключения очень важны в русле современных разработок изучения эпохи бронзы: в частности, она отмечает значительное сходство выделенной биенской (буйенской) культуры с материалами памятников поздней бронзы Центрального Казахстана. Происхождение комплексов поздней бронзы Жетысу К. М. Карабаспакова связывает с миграцией носителей валиковой и бегазинской традиций из Центрального Казахстана в конце II тыс. до н. э. [Карабаспакова, 2011].

Активно участвовала в работах ЦКАЭ и Э. Р. Усманова. Это были раскопки поселений Акмустафа, Мыржык, Атасу, могильников Шет, Акмустафа, Сангыру и Атасу. Работая научным сотрудником Жезказганского историко-краеведческого музея, она организовала детский клуб юных археологов «Эх, раскопаем!», продолжив участие в работах ЦКАЭ в Атасуском микрорайоне и самостоятельные исследования

бегазинского могильника Уйтас Айдос, курганов ранних и средневековых кочевников в Улытауском районе. Более 30 лет она исследует археологические объекты Лисаковской округи (Костанайская обл.). В научном сообществе по достоинству оценена высокая степень достоверности целой серии (24 образца) радиоуглеродных дат этого памятника, сопряженных с дендрохронологическими исследованиями и другими уточняющими мультидисциплинарными методами [Panyushkina, Mills, Usmanova, Cheng, 2008, p. 459–469; Памятники..., 2013]. Сфера научных интересов исследовательницы включает изучение андроновской культуры в ритуальном контексте поведения человека, реконструкцию костюма эпохи бронзы. Монографии и научные статьи Э. Р. Усмановой свидетельствуют о существенном вкладе в изучение древней истории [Усманова, 2005; 2010 и др.]. В своей деятельности она в полной мере реализует сочетание археологического и музееологического интереса, являясь автором ряда музейных экспозиций и куратором выставок.

Определенный вклад в решение вопросов развития каменной индустрии мезолита и неолита Центрального Казахстана внесли А. Ю. Чиндин, который конкретизировал представления о памятниках эпохи камня [Чиндин, 1989, с. 234–237; Мамиров, Чиндин, Тебаев, 2009] (в настоящее время поменял свою профессию и работает в городе Выборг) и А. П. Мазниченко, выпускник КарГУ, который кратковременно занимался полевыми исследованиями в составе ЦКАЭ.

Несколько слов хочется сказать о вкладе ведущих российских археологов, докторов наук Л. Н. Ермоленко, А. А. Ткачева и А. Д. Таирова. Основное направление исследований Л. Н. Ермоленко – изучение каменных изваяний древних и средневековых кочевников. В составе ЦКАЭ и археологического отряда под руководством Ж. Курманкулова она более 30 лет занимается документированием каменных изваяний Сарыарки. Проведены раскопки культовых сооружений со средневековыми изваяниями Копа, Караколь, Коргантас (древнетюркские ограды), кыпчакских «святых» (Атасу, Аблай, Мыржык, Жинишке), кургана с изваянием сакской эпохи (Айбас-Дарасы). Всего ею зафиксировано и введено в научный оборот около 200 изваяний Казахстана [Ермоленко, 2004; Курманкулов, Ермоленко, 2013].

С конца 70-х годов XX века А. А. Ткачев начинает систематическое изучение памятников атасуской и выделенной им нуртайской культуры эпохи бронзы, которые довольно равномерно расположены по всей степной зоне Северной Сарыарки. Нуртайский культурный слой изучен

им на однослойном (Икпень-2) и многослойных (Икпень-1, 3) поселениях, могильниках (Икпень-1, Нуртай, Сатан, Шет-2, Актобе-1, 2, Ащису и др.). Детальный анализ представительного материала позволил выделить яркие признаки нуртайской культуры во всех сферах жизнедеятельности сообщества: домостроительстве, погребальной обрядности, элементах материальной культуры [Ткачев, 2002].

Полевые исследования поселений и курганов в Северном и Центральном Казахстане в 1970–1980-е годы проводил А. Д. Таиров (совместно с Г. Б. Здановичем, В. Ф. Зайбертом, В. В. Евдокимовым). Его изыскания в области генезиса и эволюции номадизма в степной и лесостепной Евразии, изучение природной среды и обществ кочевников Центральной Евразии позволяют воссоздать этнокультурные процессы в раннем железном веке [Таиров, 2007 и др.].

И. В. Рудковский – специалист по древним орнаментам – в 1980–1990-е годы работал в КарГУ и участвовал в исследованиях многих contemporaneous памятников (поселения Ташик, Кент, могильники Жасыбай, Тегисжол и др.). Используя оригинальные методы классификации андроновских орнаментов (формирование таксономической базы, типология симметрий, морфология), определил критерии различия между алакульской и федоровской орнаментикой, привлекая данные по атасуской культуре Центрального Казахстана, что позволило углубить информацию по хронологии памятников эпохи бронзы, их территориальным и субкультурным вариантам [Рудковский, 2013].

Под влиянием идеи государственной независимости процесс исследования древних памятников, финансируемый в рамках программы «Культурное наследие», получил новый импульс. Адекватная государственная политика благоприятно сказалась на процессе археологического изучения Центрального Казахстана. В настоящее время в изучении Сарыарки взят курс на сглаживание территориальных и хронологических диспропорций. Исследовательские и научно-реставрационные работы развернулись, прежде всего, на объектах, относящихся к эпохе бронзы и раннему железному веку, так как Центральный Казахстан занимает лидирующее положение по количеству и разнообразию памятников этих периодов.

Широкомасштабные реставрационно-консервационные работы осуществлены на могильнике Бегазы (рук. А. З. Бейсенов), на ряде памятников Кентского микрорайона, раннеандроновском могильнике Ащису (рук. И. А. Кукушкин), мавзолее Аксу-Аюлы-3 (рук. Ж. Е. Смаилов) и других объектах, что позволило

в ряде случаев восстановить памятники в первоначальном виде и использовать их в туристско-экскурсионной деятельности. Проведенные работы, финансируемые Управлением культуры, архивов и документации Карагандинской области, являются существенным вкладом в сохранение историко-культурного наследия Центрального Казахстана. Формирование эффективной системы охраны историко-культурного наследия области, в том числе археологического, стало возможным вследствие активной деятельности Центра по сохранению историко-культурного наследия (рук. Т. С. Толеуов), инициирующим издание археологических карт Карагандинской области, что стало возможным благодаря открытию новых объектов, обследованию и мониторингу уже паспортизированных памятников.

Демонстрацией результатов деятельности школы археологии КарГУ являются фонды и экспозиция музея археологии и этнографии КарГУ, постоянно пополняемые материалами новых памятников древней истории Сарыарки и представляющими полноценную базу для проведения научных исследований специалистов, а также студентов, магистрантов и докторантов.

Таковы основные векторы развития региональной археологии. Коротко характеризуя полевые работы САИ и достигнутые научные результаты, можно сказать, что основные вопросы интерпретации и историко-культурного осмысления уже поставлены и во многом определены научными усилиями исследователей нескольких поколений – преемников научных идей ЦКАЭ, поддерживая заложенную ими высокую планку исследований. Несмотря на значительные достижения, предстоит еще немало сделать для ликвидации «белых пятен» в древнейшей истории Казахстана. Наблюдается процесс переориентации исследовательского внимания в сторону изучения памятников раннего железного века и хуннской эпохи, времени монгольского завоевания и Золотой Орды. Практически не изучены курганы, оставленные в Сарыарке средневековыми кочевниками.

Исследовательские традиции карагандинской школы археологии в контексте деятельности ЦКАЭ – это не только устойчивый «каркас» науки, но и необходимое условие ее дальнейшего обновления в современных условиях развития технологий и инноваций.

ЛИТЕРАТУРА

- Артюхова О.А., Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Комплекс памятников в урочище Талдысай. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2013. – Т. 1 – 400 с.
- Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Новоженева Н.В. Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника. – Караганды, 2015. – 252 с.
- Бейсенов А.З. Исследования Сарыаркинской археологической экспедиции в Центральном Казахстане // Известия МОН РК–НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2002. – № 1. – С. 31–41.
- Бейсенов А.З. Древние сокровища Сарыарки. Книга-альбом. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2014. – 196 с. (на каз., рус. и англ. яз.)
- Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. памяти выдающегося казахского археолога К. А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 7–34.
- Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. – 192 с.
- Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Искусство саков Сарыарки. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. – 168 с.
- Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тыс. до н.э. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. – 188 с.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Вопросы изучения поселений раннего железного века Казахстана // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2006. – № 1. – С. 36–45.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, «Инжу-Маржан» полиграфия, 2009. – 264 с.
- Валукинский Н.В. Раскопки в урочище Милекудук в Южной части рудника Джекказгана // Изв. АН КазССР, сер. археол. – 1949. – Вып. 2. – С. 122–125.
- Варфоломеев В.В. Кент и его округа (некоторые итоги палеоэкономического и социокультурного анализа памятников восточной Сары-Арки) // Степная цивилизация Восточной Евразии. Древние эпохи. – Астана: Изд-во «Култегин», 2003. – Т. 1. – С. 88–108.
- Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевская культура степей Центральной Евразии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: матер. междунар. научн. конф., посвящ. 20-летию независимости РК и 20-летию ИА КН МОН РК. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2011. – Т. 1. – С. 210–240.
- Варфоломеев В.В. Керамика суперстратного облика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. – С. 167–197.
- Евдокимов В.В. Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2000. – 138 с.
- Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Учебное пособие. – Караганда: КарГУ им. Е. Букетова, 2002. – 137 с.
- Евдокимов В.В., Жауымбаев С.У. По следам древних металлургов Сарыарки (научно-популярный очерк). – Караганда: КарГУ им. Е. Букетова, 2009. – 66 с.
- Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2004. – 132 с.
- Жауымбаев С.У. Горное дело и металлургия бронзового века Сарыарки. – Караганда: КарГУ им. Е. Букетова, 2001. – 131 с.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сарыарки. – Алматы: Гылым, 1992. – 247 с.
- Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. – 220 с.
- Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. – Алматы: Гылым, 1994. – 207 с.
- Кукушкин И.А. Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису (Центральный Казахстан) // РА. – 2011. – № 2. – С. 103–109.
- Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Казахская пирамида // Мәдени мұра. – 2016. – № 5 (68). – С. 78–81.
- Курманкулов Ж.К., Ермоленко Л.Н. Древности Сарыарки: каменные изваяния. – Караганда: CredosLtdС, 2014. – 156 с.
- Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: КарГУ, 1987. – С. 115–128.

- Ломан В.Г.** Андроновское гончарство: общие приемы изготовления сосудов // Культуры древних народов степей Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала Материалы 3-й Международной конференции «Россия и Восток. Проблемы взаимодействия». Ч. V, кн. 1. – Челябинск: Чел. ГУ, 1995. – С. 96–100.
- Ломан В.Г.** Исследования Сарыаркинского археологического института // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991-2011): сб., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана. – С. 408–414.
- Мамиров Т.Б., Чиндин А.Ю., Тебаев Д.Б.** Памятники каменного века Карагандинской области. – Караганда: Карагандинская областная государственная инспекция по охране историко-культурного наследия, 2009. – 132 с.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: «Наука», 1979. – 360 с.
- Новоженев В.А.** Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. – Алматы, 1994. – 266 с.
- Новоженев В.А.** Петроглифы Сары-Арки. – Алматы, 2002. – 125 с., илл.
- Новоженев В.А.** Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. //Под редакцией Е. Е. Кузьминой. – М.: Таус, 2012. – 500 с.
- Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. // Сб. стат. под ред. Э.Р. Усмановой. – Караганды, 2013. – 336 с.
- Рудковский И.В.** Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2013. – 192 с.
- Смаилов Ж.Е.** Памятники археологии Западной Сарыарки. Средневековые городища и поселения. – Караганды, 2015. – 142 с.
- Смаилов Ж.Е., Бейсенов А.З.** Кызылкентский дворец (Кыз Аулие) // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. – Алматы: Эверо, 2004. – С. 254–270.
- Таиров А.Д.** Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 274 с.
- Ткачев А.А.** Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: ТюмГНТУ, 2002. – Ч. 1 – 289 с.
- Ткачев А.А.** Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: ТюмГНТУ, 2002. – Ч. 2 – 243 с.
- Усманова Э.Р.** Могильник Лисаковский: факты и параллели. – Караганда–Лисаковск, 2005. – 232 с.
- Усманова Э.Р.** Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. – Караганда–Лисаковск, 2010. – 176 с.
- Усманова Э.Р.** Ламаистский монастырь Кызылкент // Буддизм Ваджраяны в России: от контактов к взаимодействию. – М., 2012. – С. 470–478.
- Усманова Э.Р., Бедельбаева М.В.** Археологическая школа КарГУ имени академика Е. А. Букетова (история, исследования, достижения) // Историческая наука Казахстана: современное состояние и перспективы развития: матер. Республ. научн.-практич. конф., посвящ. 75-летию исторического факультета. – Караганды: КарГУ им. Е. Букетова, 2014. – С. 25–37.
- Чиндин А.Ю.** Археологические исследования на территории Карагандинской и Джезказганской областей // Маргулановские чтения: сб. матер. конф. – Алма-Ата: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 1989. – С. 234–237.
- Kukuschkin I.** Streitwagen in Kasachstan und in den angrenzenden Gebieten // Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. – Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2013. – Band I. – S. 221–230.
- Panyushkina I., Mills B., Usmanova E., Li Cheng** Calendar Age of Lisakovsky Timber Attributed to Andronovo Community of Bronze Age in Eurasia // Radiocarbon. – 2008. – Vol. 50, no. 3. – P. 459–469.
- Shvets I.** Studien zur Felsbildkunst Kasachstans. Materialien zur Archäologie Kasachstans. Bd. 1. – Darmstadt/Mainz: Philipp von Zabern, 2012. – 267 s., 151 tafeln.

И. Гусева (Семенова)

И. Гусева (Семенова)

Карагандинская областная универсальная научная библиотека

I. Guseva (Semenova)

Karagandy regional universal scientist library

E-mail: sajva68@mail.ru

Леонид Федорович Семенов – исследователь Сарыарки

Аннотация. В заметке, подготовленной внучкой Л. Ф. Семенова, рассказывается о некоторых эпизодах из личной и творческой жизни выдающегося краеведа, известного музеолога, основоположника Акмолинского и Карагандинского музеев, энтузиаста, человека, бесконечно преданного служению любимому делу. Л. Ф. Семенов проводил раскопки в Карагандинской области. Ему принадлежит открытие удивительного памятника бронзового века – Енбексуйгуш. Благодаря активной, творческой деятельности Л. Ф. Семенова, направленной на популяризацию знаний о древнем прошлом, оживали страницы богатейшей истории Центрального Казахстана.

Ключевые слова: Л. Ф. Семенов, Акмолинск, Караганда, музей, экспонат, археология, раскопки, находки.

Leonid Fedorovich Semenov – Saryarka researcher

Abstract. The note presented by L. F. Semenov's granddaughter describes some moments from private life and career of the outstanding ethnographer, famous museologist, founder of Akmola and Kargandy museums, enthusiast, person who devoted all his life to his favourite occupation. L. F. Semenov headed the excavations in Karagandy. He discovered the unique Bronze Age monument – Enbeksuigush. Owing to L. F. Semenov's active creative work aimed at popularizing the knowledge about the past, some parts of the riches history of Central Kazakhstan are brought back.

Keywords: L. F. Semenov, Akmolinsk, Karagandy, museum, exhibit item, archaeology, excavations, findings.

Наш дедушка Семёнов Леонид Федорович родился 1(14) апреля 1901 года в Акмолинске (ныне город Астана), его отец Семёнов Федор Тимофеевич был приказчиком, который незадолго до революции стал купцом, мать была домохозяйкой. В 1919 г. дед окончил реальное училище в г. Петропавловске. В 1920 г. прослушал месячные библиотечные курсы при Петропавловском ГубОНО и в 1921 г. поступил в уездный отдел народного образования на должность инспектора библиотечного дела, а затем был переведен в Акмолинск заведующим городской библиотеки. Полезное было у него тогда дело – просвещать народ, прививать любовь к книгам. Тогда же Леонид Федорович выступил с предложением организовать краеведческий музей. К этому относились вполне благосклонно до тех пор, пока энтузиасту не потребовалась материальная помощь. Ему всё-таки выделили семь рублей, которые ушли на то, чтобы сделать перегородку в одной из свободных комнат народного дома.

Первым экспонатом была железная кольчуга, которую он увидел случайно у порога дома, где квартировал, - хозяйкам она заменяла скребок,

о который счищали с обуви грязь. За кольчугой появился шлем, затем – глазурированный кирпич с мавзолея кыпчакской знати... Весной 1923 года в Акмолинске начал работать первый краеведческий музей, существовавший за счёт добровольных пожертвований. Леонид Федорович обладал редкой работоспособностью, самоотверженностью, неутомимым характером искателя. Он как муравей, тащил все, что ни попадало под руку, все, что удавалось где-нибудь “выклянчить”, достать или купить за счёт своей более чем скромной зарплаты.

1 мая 1923 года, в День международного пролетарского праздника, в Народном доме, в небольшой, неудобной и тёмной комнате состоялось торжественное открытие музея. В год открытия музей занимал помещение на втором этаже красного кирпичного здания Народного дома. Несколько первых лет музей “висел в воздухе”, так как его никто не брал на бюджет, Л. Ф. Семёнов содержал его за счёт собственной зарплаты. Только пять лет спустя музей был включен в смету, а директору установили оклад. По заказу Центрального исторического музея Казахстана

Л. Ф. Семёновым была составлена и выпущена в Алма-Ате в 1930 г. объёмом в 13 страниц брошюра “Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа”, с кратким описанием археологических памятников округа и находок, хранящихся в Акмолинском музее. В том же году в Акмолинске вышла его небольшая хроника “Акмолинск за 100 лет. Материалы и летописи”. В начале 1932 г. Центральный исторический музей Казахстана приглашает Леонида Федоровича на работу в Алма-Ату, но проработал он там недолго и по состоянию здоровья он вынужден был вернуться в Акмолинск, а в 1937 г. переехал в Караганду. Но и здесь практически на пустом месте он основал Карагандинский областной историко-краеведческий музей. В 1938 г. под его руководством состоялась первая экспедиция Карагандинского музея. В программе экспедиции, снаряженной на одноконной подводе со специальной будкой, был сбор материалов и приобретение экспонатов, предметов казахского быта, массовая работа среди казахского населения. Также, с конца 1920-х годов, дед начал заниматься исследованием памятников Центрального Казахстана. Он собирает данные, ведет небольшие раскопки, производит фиксацию и описание многих памятников, в дальнейшем посещает и Каркаралинский район. Он зафиксировал поселение эпохи бронзы Суыкбулак в 1,5 км к югу от г. Каркаралинска; курганы и каменные кольца эпохи бронзы в урочище Мухтарово, где отмечено трупосожжение в каменном ящике, керамика, орудия из кремня; могильник эпохи бронзы из 19 каменных оград на берегу ручья Тасбулак, четыре из которых были раскопаны (здесь им выявлены четыре ящика-могилы с погребенными, при которых найдены бусы, бронзовые браслеты, раковины, орнаментированные фрагменты керамики). На территории бывшего колхоза “Комсомол” (ныне с. Кент) им были обследованы: могильник Енбексуйгуш, состоящий из шести десятков курганов, каменных ящиков и оградок, жертвенных колец, выложенных из крупных камней; могильник Нарбас, где визуально зафиксированы 26 каменных ящиков, из которых 10 были вскрыты и дали орнаментированную керамику эпохи бронзы; каменное антропоморфное изображение (“каменная баба”) тюркского времени и жертвенное кольцо. Очень ценил заслуги Леонида Федоровича и А. Х. Маргулан. На его труды, сборы интерес-



Рис. 1. Леонид Федорович Семенов с супругой в день свадьбы, 1 сентября 1924 г. (по: Леонид Семенов (1901–1986), Интернет-ресурс)

ных полевых экспонатов ученый ссылался довольно часто. Так, А. Х. Маргулан ставит в заслугу раскопки курганов в урочище Шолак-каин, Алгабас, Алтыншоки, Ботакара, Каркаралы, описание каменных фигур, обнаруженных в горах Кызыларай, Каркаралы, Байдаулет, и наскальных изображений у Каражартаса.

Женился Л. Ф. Семенов в 1924 году на Горбуновой Евдокии Терентьевне. 17 июля 1925 года у них родился первенец Новомир, через десять лет родилась дочь Клара, но девочка была очень слабенькая и умерла. В 1937 г. родилась дочь, которой дали тоже имя, в 1939 г. родилась еще одна дочь Инесса, а в 1942 г. родился сын Авенир.

Новомир в возрасте 18 лет ушел добровольцем на фронт. 22 ноября 1943 года был смертельно ранен осколком в живот и по дороге в госпиталь скончался. Похоронен в братской могиле в городе Рудня Смоленской области.

Клара Леонидовна закончила Ленинградский институт культуры, работала директором библиотеки в Карагандинском медицинском институте. Сейчас на пенсии, живет в России в городе Санкт-Петербург. Воспитала двух дочерей - Оксану и Наталью.

Инесса Леонидовна закончила Карагандинский педагогический институт. Работала в школе поселка Шахан учителем русского языка и литературы. Сейчас на пенсии, живет в России в станице Старотиторовская Краснодарского края. Воспитала троих детей – сыновей Константина, Глеба и дочь Олесю.

Авенир Леонидович закончил строительный техникум, работал в Теплотранзит-Караганда начальником деревообрабатывающего цеха.



Рис. 2. Л. Ф. Семенов в Центральном музее Казахстана с директором Павлодарского музея Д. П. Богаевым, 1948 г.

Скончался 19 мая 2008 года. Воспитал двух дочерей Ирину и Анну.

Леонид Федорович скончался 9 мая 1986 года. В период с 1958 по 1975 годы им была проделана колоссальная работа: прочитано 950 лекций и докладов, собраны материалы и составлено 199 альбомов, отражающих настоящее и прошлое родного края, подготовлено 18 научных рукописей, сделано в общественных местах 107 документально-рукописных подборок, организована 61 выставка, опубликовано 310 очерков, статей и заметок, выпущено четыре брошюры, 105 раз выступал на радио и телевидении, организо-

вано 489 посещений школьниками и молодежью своего домашнего музея.

С детства помню, что в дедушкиной комнате над диваном висела физическая учебная карта Целиноградской области, выпущенная в 1972 году в Москве Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров СССР. В разделе “Достопримечательности” отдельной графой было выделено, что Целиноград – «родина Л. Ф. Семенова – известного в республике краеведа». Такая честь вполне заслуженна.

Литература

Леонид Семенов (1901–1986). Фотоархив. Официальный сайт Карагандинской областной универсальной научной библиотеки. URL: <http://old-site.karlib.kz/semenov/foto.html> Дата обращения: 06.06.2017.

Л. Ф. Семенов

Л. Ф. Семенов

L. F. Semenov

Краткий отчет по раскопкам могил андроновской культуры Мырзашоки

Аннотация. Публикуется отчет карагандинского краеведа Л. Ф. Семенова. Приводятся материалы раскопок андроновских могил, а также описание курганов и каменных жертвенных оград раннего железного века, исследованных в 1952 г. в местности Мырзашоки (Мурза-Шоку) у г. Каркаралинска. Отчет снабжен иллюстрациями.

Ключевые слова: археология, Казахстан, краеведение, курганы, погребения, бронзовый век, ранний железный век.

A short report of excavation the graves of the andronovo culture Myrzashoky

Abstract: The report of the Karaganda local historian L. F. Semenov is published. Materials of excavation the andronovo of graves, and also the description of the barrows and stone sacrificial fencings of the early Iron Age investigated in 1952 in the area Myrzashoky (Murza-Shoku) at Karkaralinsk are given. The report is supplied with illustrations.

Keywords: archaeology, Kazakhstan, regional studies, barrows, burial, Bronze Age, Early Iron Age.

«Краткий отчет по раскопкам могил андроновской культуры Мурза-Шоку Каркаралинского района Карагандинской области»¹

В августе 1952 года экспедицией Карагандинского областного музея были произведены раскопки группы могил в Каркаралинском районе Карагандинской области. Еще с 1948 года в местности Мурза-Шоку приступили к строительству плотины и тогда же при заготовке земли для насыпи тела плотины метрах в 50 от нее на западе строительства были обнаружены бронзовые вещи, относящиеся к периоду сакских племенных союзов /навершие с литой фигурой архара, оленя и бронзовой накладной пластиной в форме кабана и другие вещи, которые, к сожалению, оказались расхищены². Перечисленные вещи хранятся в Карагандинском музее и рисунки их опубликованы в известиях Академии наук Казахской ССР № 108, серия археологическая, выпуск третий от 1951 года.

Глубокой осенью нам случайно пришлось быть в районе этой плотины. Обнаружить следы могилы, где были эти вещи, не представилось возможным. С поверхности земли для насыпи мощными механизмами был снят слой на толщину до полуметра. Перевалив плотину, нами на восток от нее были обнаружены десятки могил андроновского типа. Место расположения могил с весны 1952 года подлежало затоплению. Нами был поставлен перед Академией наук КазССР вопрос о необходимости вскрыть хотя бы часть этих могил, погибающих для науки, тем более, что в августе 1952 года воду со дна плотины, где были могилы, предполагалось спустить.

Получив необходимое разрешение на производство работ, мы приступили к работам. В состав экспедиции вошли три человека: на-

чальник экспедиции директор областного музея Семенов Л. Ф., местный краевед – любитель археологии т. Ясенецкая В. Е., учащийся 9 класса Каркаралинской средней школы Дубовицкий.

К началу работы вода была уже спущена, что облегчило работы. По прибытию на место выяснилось, что многие внешние признаки могил, виденные нами осенью 1951 года исчезли, камни были взяты для укрепления откосов плотины.

Район Мурза-Шоку характеризуется как осадочными, так и изверженными породами. По возрасту, геологи относят их к силуро-девону, девону, третичным и послетретичным отложениям. Наибольшее распространение имеют туфогенные песчаники и кварциты, а также нормально осадочные песчаники с включением известняков. Все перечисленные породы выходят на поверхность в виде сплошных гор, отдельных глыб и т. п. В створе плотины песчаники встречаются в виде отдельных глыб и зубцов.

Водоем Мурза-шоку, на дне которого находятся могилы, со стороны левого берега реки Карасу /см. план (рис. 1, А)/ ограничен горой Улькун-мурза, с правой сопкой Аулье-шоку /Итчал/.

Левый более отлогий берег реки на месте створа сложен из суглинистых грунтов, залегающих на глубину от одного до двух метров, ниже идут тонкозернистые пески, местами переходящие в супеси.

Чаша водоема представляет собой речную долину реки Карасу с незначительным уклоном по течению последней. Площадь долины покрыта луговой растительностью, местами заросли ивы /тала/ и др. кустарников.

Плотина тянется на 620 м, высота ее 7 м. Общая площадь водоема до 2 км². Интересовавшие

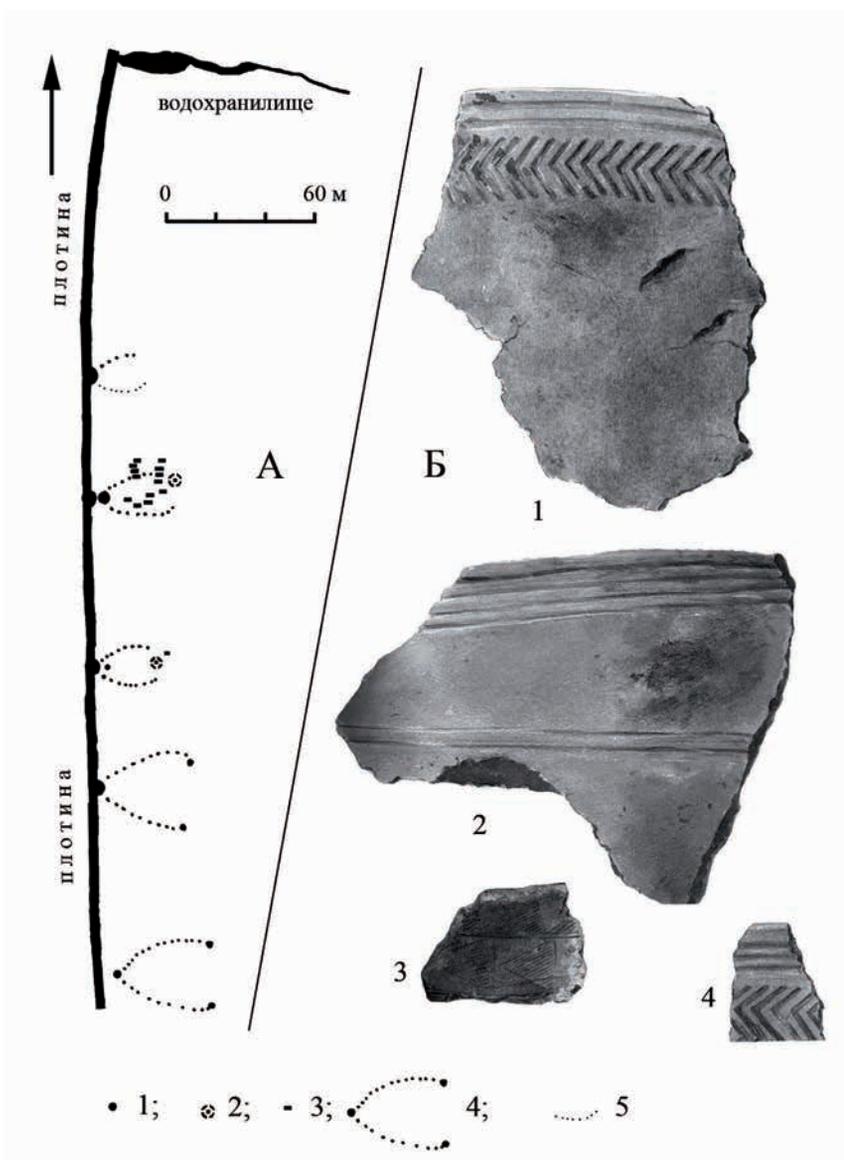


Рис. 1. Мырзашоки.

А – план памятника. Условные обозначения на плане: 1 – курган с каменной одеждой; 2 – оградка с каменным ящиком; 3 – каменный ящик; 4 – курган с «усами»; 5 – уничтоженный ус.

Б – керамика. 1 – ящик № 1; 2, 4 – ящик № 2; 3 – ящик № 3

нас могилы расположены у восточной стороны плотины и сгружены в основном к северной стороне. При обследовании и составлении плана выяснилось, что здесь несколько типов археологических памятников: курганы «с усами», каменные оградки и каменные ящики. Все памятники расположены вдоль плотины с севера на юг. Один из курганов, по словам рабочих, заканчивавших строительство, целиком ушел в тело плотины.

Стенки каменных ящиков выступали над поверхностью земли на пять, на 10 см, заметны обычно были только две, три стенки.

Ящик № 1. Работу мы начали с ярко выраженного ящика №1. Длина его по наружному обмеру 1,46 м, ширина в среднем 60 см /точные об-

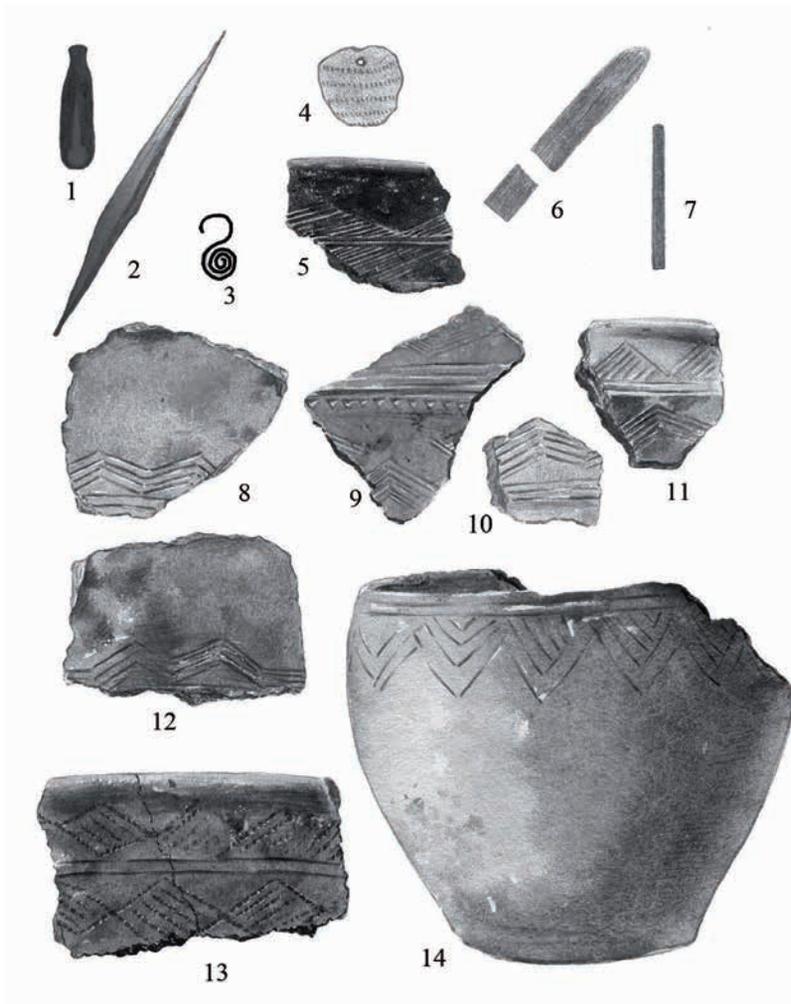


Рис. 2. Мырзаишoky.

Керамика и вещи. 1, 2, 4-7 – ящик № 3; 3, 9, 11 – ящик № 4; 8, 10, 12 – ящик № 6; 13 – ящик № 7; 14 – ящик № 8; 1, 3, 6, 7 – бронза; 2 – кость; 4 – раковина; остальное керамика

меры см. в приложении № 1/. При производстве раскопки сразу же были обнаружены куски разбитой крышки ящика. Как показала последующая раскопка, могила оказалась грабленой, видимо, в давние времена. На глубине 33 см в северо-западном углу лежал фрагмент сосуда с елочным орнаментом (рис. 1, 1), а на 25 см от него вправо четыре зуба человека. Части черепа человека и его отдельные полуистлевшие кости встречались на различной глубине в беспорядке, перемешанные с землей и так, надо отметить, было во всех 14 вскрытых нами могилах, кроме могилы № 11. На глубине 60 см у самого дна могилы в северо-восточном углу были найдены две бронзовые бляхи, одна диаметром в 4,5 см, а другая 5 см.

Ящик № 2. Снаружи были заметны только западная и восточная стенки. При дальнейшей раскопке выявились и остальные. На глубине 15 см в северо-восточном углу были найдены обломки

сосуда без орнамента, черные в изломе (рис. 1, 2, 4). На этой же глубине, но в северо-западном углу обнаружена верхняя часть черепной короба без глазниц. В этом же углу на глубине в 25 см был найден маленький обломок сосуда с орнаментом елочкой (рис. 1, 4), на глубине 30 см, в середине могилы, и куски камня, стоявшего углом, тоже в северо-западном углу. Изредка попадались мелкие обломки сосуда без орнамента, в изломе черные. Часть черепной короба была встречена на глубине 35 см. В левом /северо-западном/ углу на глубине в 20 см был найден небольшой обломок сосуда с волнистым орнаментом.

На глубине 40 см у западной стенки ящика была найдена теменная часть черепа со сквозным отверстием от какого-то орудия. У южной стенки на глубине 46 см были найдены тонкая небольшая раковина и обломок бронзовой бусинки. На глубине 55 см обломок сосуда, ранее встреченный на глубине в 25 см. Ярко выраженный орнамент андроновского типа виден на небольшом обломке сосуда, найденном на глубине в 30 см в северо-западном углу ящика. У самого дна могилы были найдены обломок кольца и две бронзовых бусинки.

Ящик № 3. У этого каменного ящика была заметна только одна западная стенка, выступавшая на поверхность сантиметров на 10. На глубине 15 см был найден обломок сосуда с точечным орнаментом (рис. 1, 3).

Здесь же на глубине 30 см был найден обломок сосуда с желобчатым орнаментом. На этой же глубине были найдены куски камня разной формы, весом до 10 кг, предположительно, остатки крышки, покрывавшей ящик. На глубине в 35 см были найдены две бочонковидные бронзовые бусинки. Далее пошли разрозненные, разбросанные по всей поверхности могилы кости человека. Найдена была берцовая кость человека длиной 45 см.

Последний /донный слой/ дал наиболее богатый из всех раскопанных могил инвентарь, к сожалению, вещи находились в разрозненном виде,

отдельные бусинки, например, были рассыпаны по всей могиле. При внимательном осмотре удалось собрать до 30 штук белопастовых бусин, две бусинки бронзовых, согнутых из бронзовой проволоки, пять целых раковин, четвертинку раковины (рис. 2, 4) и на самом дне лежала костяная стрела (рис. 2, 2), бронзовый, изготовленный из листовой бронзы наконечник стрелы тупоконцовый (рис. 2, 1), и часть, вернее, кусочек сосуда с характерным андроновским орнаментом и лощением у венчика сосуда (рис. 2, 5). Среди полуистлевших костей была обнаружена лучевая кость с наростом на конце, видимо, болезненного происхождения.

Ящик № 4. По всему протяжению восточной стороны плотины были прослежены 5 курганов «с усами» и во втором из левого «уса» выделялись стенка каменного ящика. При раскопке определились и другие стенки. Только на глубине в 25 см встретились разрозненные кости человека плохой сохранности. В разных местах и на разной глубине были найдены три бронзовых бусинки и часть спиральной бронзовой серьги (рис. 2, 3). Керамики почти не было, если не считать несколько мелких без орнамента кусочков. Лишь у конца южной плиты был найден кусок сосуда с орнаментом двух типов (рис. 2, 9, 11).

Ящик № 5. На поверхности была заметна более высокая западная стенка, при раскопке показались и остальные. Могила, как и другие, оказалась разграбленной, на разной глубине были найдены кости человека, сильно тронутые временем, встречались лишь обломки сосудов на глубине 20, 30, 40 см, все без орнамента. Из вещей были найдены только две малых белых раковины.

Ящик № 6. В ящике № 6 обнаружены были только две стенки, восточная и западная. На первом штыке показались и остальные, причем южная стенка состояла из двух плит, заходящая одна за другую, а остальные были цельные. Находки стали встречаться на глубине 40 см, это были обломки сосудов андроновского типа (рис. 2, 8, 10, 12). Могила оказалась разграбленной, сосуд разбит, и осколки его были прослежены на разной глубине. На глубине в 52 см был найден хорошо сохранившийся наконечник стрелы, костяной, и

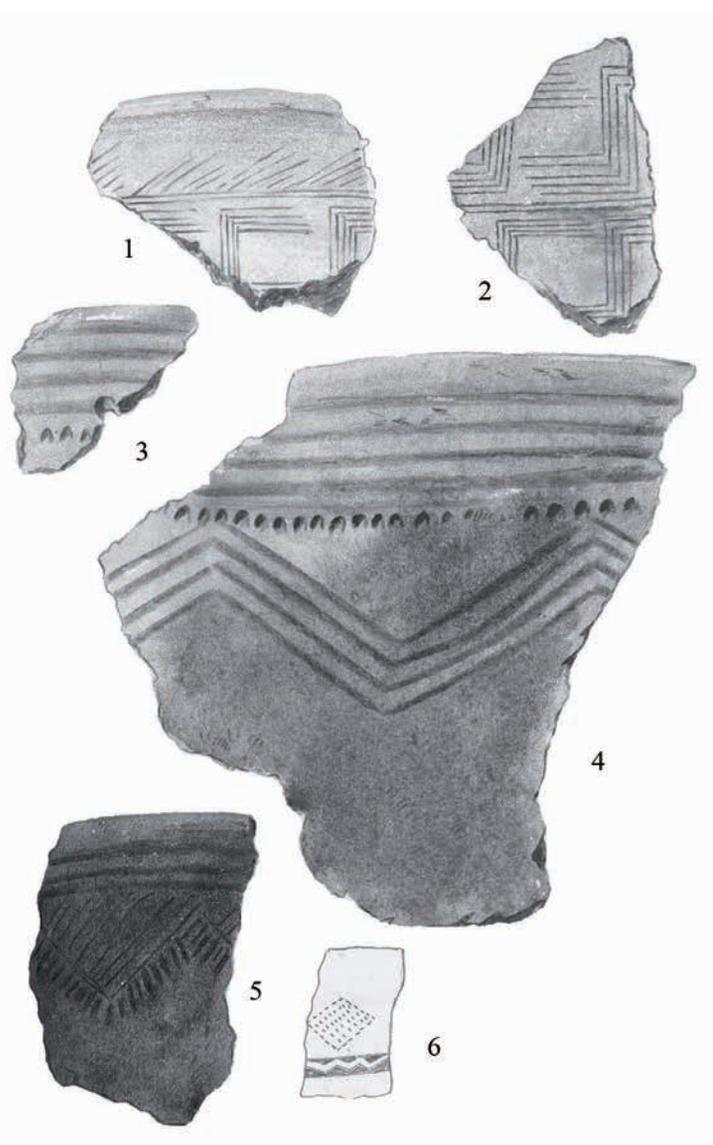


Рис. 3. Мырзашоки.
Керамика. 1, 2 – ящик № 9; 3, 4 – ящик № 10; 5 – ящик № 11;
6 – ящик № 12

в сторону к западной стенке второй костяной наконечник стрелы.

А на глубине в 60 см было найдено дно от сосуда. В западной стороне ящика на глубине в 50–60 см были найдены астрагал и зубы рогатого скота, зуб грызуна. Костей человека не было почти, они, видимо, истлели, не встретились кости черепа, лишь обратила на себя внимание большая берцовая кость человека длиной в 45 см. Вещей обнаружено не было.

Ящик № 7. Длина ящика 1,8 м, ширина 98 см. На глубине 19 см уже встретились разрозненные кости человека. В середине могилы на глубине в 46 см, встретился один уголёк и обломок сосуда без орнамента. На глубине в 46 см, у края восточной плиты лежал раздробленный череп человека, а на глубине в 41 см фрагмент сосуда с точечным ромбовидным орнаментом (рис. 2, 13). В юго-



Рис. 4. Мырзашоки.

Сооружения и находки. 1 – кольцо № 1, план; 2 – подвеска из кольца № 1; 3 – сосуд из пристроенного ящика кольца № 1; 4 – фрагмент сосуда из оградки № 2; 5 – оградка № 2, план; 6, 7 – жертвенные кольца, планы. 2 – бронза, золото; 3, 4 – керамика

западной стороне могилы на той же глубине обломки керамики. Здесь лежали несколько костей человека, лучевая кость с сильной окисью меди. На глубине в 47 см оказалась и вторая часть обломка сосуда с точечным орнаментом, часть дна. Вещей не было.

Ящик № 8. На поверхность выходила восточная стенка длиной 1,17 м и северная из трех частей. При раскопке другие стенки не были обнаружены. У восточной стенки на глубине на 15 см был обнаружен почти целый небольшой горшочек, высотой в 10 см с орнаментом (рис. 2, 14). Ничего другого в этом месте не было обнаружено.

Ящик № 9. Длина ящика 116, ширина 52, западной стороны 55. Погребение детское, судя по длине ящика и остаткам костей. Погребение, как и всюду в Мурза-шоку, нарушенное. Костей черепа совсем не оказалось, за исключением одного

зуба. На глубине 50 см лежал разрозненный детский костяк. Вещей не было, лишь встретились обломки сосуда с типичным андроновским орнаментом (рис. 3, 1, 2).

Ящик № 10. Была видна только восточная сторона. При раскопке выявились и остальные. На глубине в 35 см был найден обломок сосуда со следами сажи на стенках, обломки ребер, лучевой кости. На 45 см глубины был найден у западной стенки каменный скребок и часть горловины сосуда с орнаментом и сквозным круглым отверстием для подвешивания или скрепления отломленной части (рис. 3, 3). Далее был найден большой кусок сосуда с тем же орнаментом (рис. 3, 4). Из вещей оказались только бронзовая бусинка, обломок кольца, белопастовая бусинка и две мелких ракушки. Ближе ко дну могилы была найдена часть дна сосуда с толстым слоем сажи в виде налета.

Ящик № 11 – это единственное хорошо сохранившееся погребение. Длина ящика 124 см, ширина 50 см. На поверхности земли выделялась только одна стенка. Сразу же в 10 см от поверхности земли у восточной стенки ящика стоял прислоненный к ней горшочек в раздавленном виде с орнаментом (рис. 3, 5). На самом дне, головой на запад, лежал, сохранивший правильное расположение костей,

детский скелет в скорченном виде на левом боку. Никаких вещей не оказалось, на разной глубине в разбивку встречались маленькие кусочки древесного угля.

Ящик № 12. На поверхности земли лежала плита размером 90 x 48 см. Подняв ее, мы обнаружили стенки ящика длиной 2,20 м, шириной 0,93 м. Это была часть крышки. Еще одну часть мы обнаружили позднее, размером 1,08 x 0,8 м. Видимо, крышка была разбита грабителями. Вещей никаких обнаружено не было. Встретилось лишь несколько разрозненных костей человека, в том числе черепная коробочка /верхняя часть/, один зуб и ножная кость рогатого скота. Было найдено несколько обломков сосуда с точечным орнаментом (рис. 3, 6).

Кольцо № 1. Кольцо-оградка неправильной формы в поперечнике 3,7 м и 3,1 м (рис. 4, 1). С юго-восточной стороны к оградке примыкало

детское погребение в виде каменного ящика размером 0,75 x 0,40 м. В середине оградки-кольца при раскопке был выявлен ящик длиной 1,65 м, шириной 60 см, при высоте стенок в среднем 55 см. Могила также была разграблена в давнее время. На поверхности повреждений не было заметно. На глубине в 10 см от стенок каменного ящика были обнаружены разной величины (30 x 60 см и др.) камни, лежавшие поперек могилы. На глубине в 45 см у западной стенки лежала груда сложенных крест на крест костей человека, одна из костей лежала на куске плоского камня. Берцовая кость имела длину в 42 см. У западной стенки на глубине в 1,2 м была найдена часть какого-то женского украшения, сделанного из бронзы и обернутого тонким листовым червонным золотом (рис. 4, 2).

Детское погребение, примыкавшее к оградке-кольцу № 1 представляло явно выраженный каменный ящик. При раскопке в северо-западном углу ящика на глубине 15 см был найден неорнаментированный горшочек высотой в 14,5 см, лежавший на боку, отверстием на восток (рис. 4, 3). На глубине 28 см встретились мелкие кусочки угля. Ни вещей, ни костей в ящике не оказалось.

Кольцо-оградка № 2. Эта оградка имела более правильную форму, близкую к кольцу, диаметр ее 3 м (рис. 4, 5). Приблизительно в середине была заметна плита размером 77 x 62 см, под которой обнаружили стенки ящика. В конечном итоге ящик оказался длиной в 2,3 м, шириной западной части 64 см, восточной 80 см. Могила также оказалась грабленой. Уже на 40 см глубины появились разрозненные кости человека. В восточной стороне были найдены верхняя часть черепа крупного человека, лучевая кость с наростом, видимо болезненного происхождения. Большая длина ящика, крупные кости головы, ног, фаланги пальцев говорят, что в могиле был погребен человек большего роста.

На всей глубине могильного слоя земли встречались разбитые части орнаментированного сосуда /меандр/, диаметр дна которого определяется в 19 см (рис. 4, 4). Вещей не оказалось.

На запад от плотины в 50 примерно метрах расположены два возвышения, похожие на курганы, по краю насыпи, обложенные крупными камнями числом 8. Подобный памятник нам пришлось наблюдать в Коунрадском районе, в самом

райцентре Актогай, с той лишь разницей, что те же 8 камней расположенные также кругом лежат не на насыпи, а на ровном месте. Диаметр первой насыпи 1,2 м, диаметр второй – 3 м (рис. 4, б). Первый штык лопаты ничего не дал. Это был верхний слой почвы, густо переплетенный корнями трав. Во втором штыке пошла суглинистая почва. В восточной части на пространстве свободном от камней были обнаружены пятна черной сажи с мелкими кусочками пережженных костей. Третий штык ничего не дал. Круг из камней, наличие во втором штыке сажи и пережженных костей дают основания считать, что памятник является жертвенным местом.

Общий вывод

Археологические памятники района Мурзашоку, данные настоящих раскопок позволяют утверждать, что здесь как и в других районах области жили люди андроновской эпохи с несколько отличным от других мест инвентарем. Устанавливается, что захоронения они проводили в каменных ящиках, покрытых крышками. Для охоты употребляли не только костяные стрелы, но и тупоносые бронзовые. Пользовались, пусть мало, каменными орудиями /скребок из каменного ящика № 10/. Жили андроновцы здесь длительное время и много могил, а главное, по фрагментам глиняных сосудов видно, как совершенствовалась техника их выделки. Чрезвычайно разнообразна орнаментировка сосудов, много типичного для этой культуры, много сходного с инвентарем захоронений у аула Дандыбай по реке Чурубай-Нура /Долинка в 40 км от Караганды/, вскрытых проф. Рыковым. Костяные наконечники стрел сходны с наконечниками, найденными проф. Маргуланом в Шетском районе Карагандинской области. Некоторые сосуды орнаментированы иначе, чем в других местах распространения этой культуры /см. рисунки в тексте/.

Находка в районе данной плотины вещей эпохи сакских племенных союзов, малое количество вскрытых могил андроновского типа, наконец, наличие здесь же курганов «с усами» требует дополнительного, более тщательного изучения всех видов археологических памятников района Мурзашоку, который уже занимает известное место в археологии Казахстана.

Примечания

1 – Отчет подготовлен к публикации доцентом Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова, к. и. н. В. В. Варфоломеевым. Приводится с незначительными исправлениями и дополнениями. Работа выполнена при поддержке гранта КН МОН РК 0286/ГФ4 «Археологическое и антропологическое исследование раннебегазинского могильника Бада».

2 – Сноски в косых скобках Л. Ф. Семёнова

3 – Ссылки в круглых скобках В. В. Варфоломеева

Таблица – Обмеры каменных ящиков Мурза-шоку Каркаралинского района Карагандинской области

№№ ящиков	Длина (м)	Ширина (м)	Высота вертикальных стенок			
			Восточ.	Запад.	Южной	Северной
Ящик №1	1,46	0,7	65	62	60	55
Ящик №2	2,1	0,8	70	72	50	50
Ящик №3	1,22	0,91	77	78	72	77
Ящик №4	1,74	0,68	65	60	54	52
Ящик №5	1,76	0,66	50	69	50	50
Ящик №6	1,96	0,8	80	90	68	57
Ящик №7	1,8	0,98	84	84	77	73
Ящик №8	2,16	1,17	94	-	-	-
Ящик №9	1,16	52	88	70	60	60
Ящик №10	2,2	0,66	71	69	47	48
Ящик №11	1,24	0,50	57	61	57	54
Ящик №12	2,2	0,93	0,70	0,63	55	56
Ящик детского погребения кольца № 1	0,75	0,4	38	32	33	32
Кольцо № 1 диаметр	3,7					
Кольцо № 2 диаметр	5,75					
Жертвенное место 1. Диаметр	1,2					
Жертвенное место 2. Диаметр	3					

В. В. Варфоломеев

В. В. Варфоломеев
КарГУ им. Е. А. Букетова, г. Караганды
V. V. Varfolomejev
Buketov Karagandy State University
e-mail: vicvarfolomeev@mail.ru

Исследования Л.Ф. Семенова в местности Мырзашоки в 1952 г.

Работа выполнена при поддержке гранта КН МОН РК 0286/ГФ4 «Археологическое и антропологическое исследование раннебегазинского могильника Бада».

Аннотация. В публикации анализируются материалы раскопок карагандинского краеведа Л. Ф. Семёнова, проведённые им в 1952 г. в местности Мырзашоки Каркаралинского района Карагандинской области. Археологический комплекс Мырзашоки включал андроновские каменные погребальные ограды, пять курганов с «усами» и два кольца-жертвенника из восьми камней. Установлено точное местонахождение объекта Мырзашоки и культурная принадлежность погребений эпохи бронзы.

Ключевые слова: Казахстан, археология, краеведение, курганы, погребения, бронзовый век, ранний железный век.

The research of the L. F. Semenov in the Myrzashoky in 1952

Abstract: In the publication the materials of excavation of the Karagandy local historian L. F. Semyonov which are carried out by him in 1952 to areas Myrzashoky of Karkaralinsk district of the Karagandy region are analyzed. The archaeological complex of Myrzashoky included Andronovo stone funeral fences, five barrows with stone ridges and two rings altars from eight stones. The exact location of an object of Myrzashoky and cultural accessory of burials of an era of bronze is established.

Keywords: archaeology, Kazakhstan, regional studies, barrows, burial, Bronze Age, Early Iron Age.

Почти 50 лет – с 1937 по 1986 гг. – в Караганде жил человек удивительной физической и творческой энергии – Леонид Федорович Семёнов. Кажется, его главной жизненной целью было краеведение. Его интересовало всё: палеонтологические находки и архивные документы, геология и фотография, современная история родного края и тайны древних курганов. Мне посчастливилось встречаться с Леонидом Фёдоровичем в 70-е годы прошлого столетия. Геннадий Борисович Зданович, работавший тогда в Карагандинском государственном университете, много занимался со студентами, участниками археологического кружка, устраивал нам встречи с интересными людьми. Помню некоторые детали встречи с Леонидом Федоровичем. Он – человек невысоко-

го роста, на носу – очки с мощными линзами. Семёнов увлеченно рассказывал о своих поездках по Целиноградской (Акмолинской области), об интересных находках и археологических раскопках в разных местах Карагандинской области. Не избегал он и рассказов о каких-то частных подробностях. Вспоминая о поездке с профессором С. В. Киселевым в сентябре 1940 г. в Каркаралинскую степь, Леонид Фёдорович отмечал высочайшую эрудицию московского специалиста, или прораба археологических работ, как он его называл. Не забывал и житейские мелочи. Сергей Владимирович, оказывается, был приверженцем почти утраченного сейчас искусства чаепития. Он пил так много чая, что заслужил у местных жителей прозвище шэйқор (по-казахски шэйқор, шайқор – чаёвник).

Очень любил Леонид Фёдорович живописные каркаралинские места. Он рассказывал о дворце в урочище Кзылкенч, раскопках у скалы Нарбас в Кентских горах, Калмыцком вале на гребнях гор Каркаралы, могильнике у Большого озера. Не помню, шла ли речь об исследованиях в местности Мырзашоки. Этот памятник упоминается в работах А. Х. Маргулана. Но много лет спустя я познакомился с отчетом Л. Ф. Семенова о его раскопках разрушаемого памятника у сопки Мырзашоки (у Л. Ф. Семёнова – Мурза-Шоку).

Отчет Л. Ф. Семенова хранится в Карагандинском областном историко-краеведческом музее, под шифром КОМ/Кн.Ф. 1792. Состоит из текста, отпечатанного на портативной пишущей машинке и снабжен цветными иллюстрациями, выполненными акварельными красками на плотной бумаге желтого цвета. Масштаб указан только на плане памятника, керамика и вещи прорисованы, видимо, в натуральную величину, без указания масштаба. Ссылки на рисунки в тексте отсутствуют, но на иллюстрациях указано местонахождение находок.

В вводной части Л. Ф. Семёнов дает характеристику природных условий местно-

сти Мырзашоки, упоминает своих партнеров по раскопкам В. Е. Ясинецкую и школьника из Каркаралинска Дубовицкого. Вера Евграфовна Ясинецкая (1891–1986), в девичестве Бофталовская, родилась в Санкт-Петербурге, по образованию медик, учительница и краевед. В Каркаралинске она жила с 1930 г., куда приехала вместе с мужем Б. И. Ясинецким. Ясинецкий Богдан Ильич-Людвигович (1873–1968), магистр сельскохозяйственных наук, преподаватель естественных наук, работал в г. Умань, Украина. В 1930 г. был выслан в Каркаралинск. Здесь преподавал естественные науки в Каркаралинском зооветеринарном техникуме. 8 декабря 1937 г. постановлением тройки УНКВД по Карагандинской области осужден на 10 лет. Срок отбыл в Ухтাপечлаге на сельхозработах, состоял научным сотрудником опытного поля. С 1947 г. вновь проживал в Каркаралинске [Попов, 2016].

Вера Евграфовна Ясинецкая была очень увлечена краеведческой работой, открыла несколько археологических памятников в Каркаралинске, сотрудничала с Л. Ф. Семёновым и А. Х. Маргуланом.

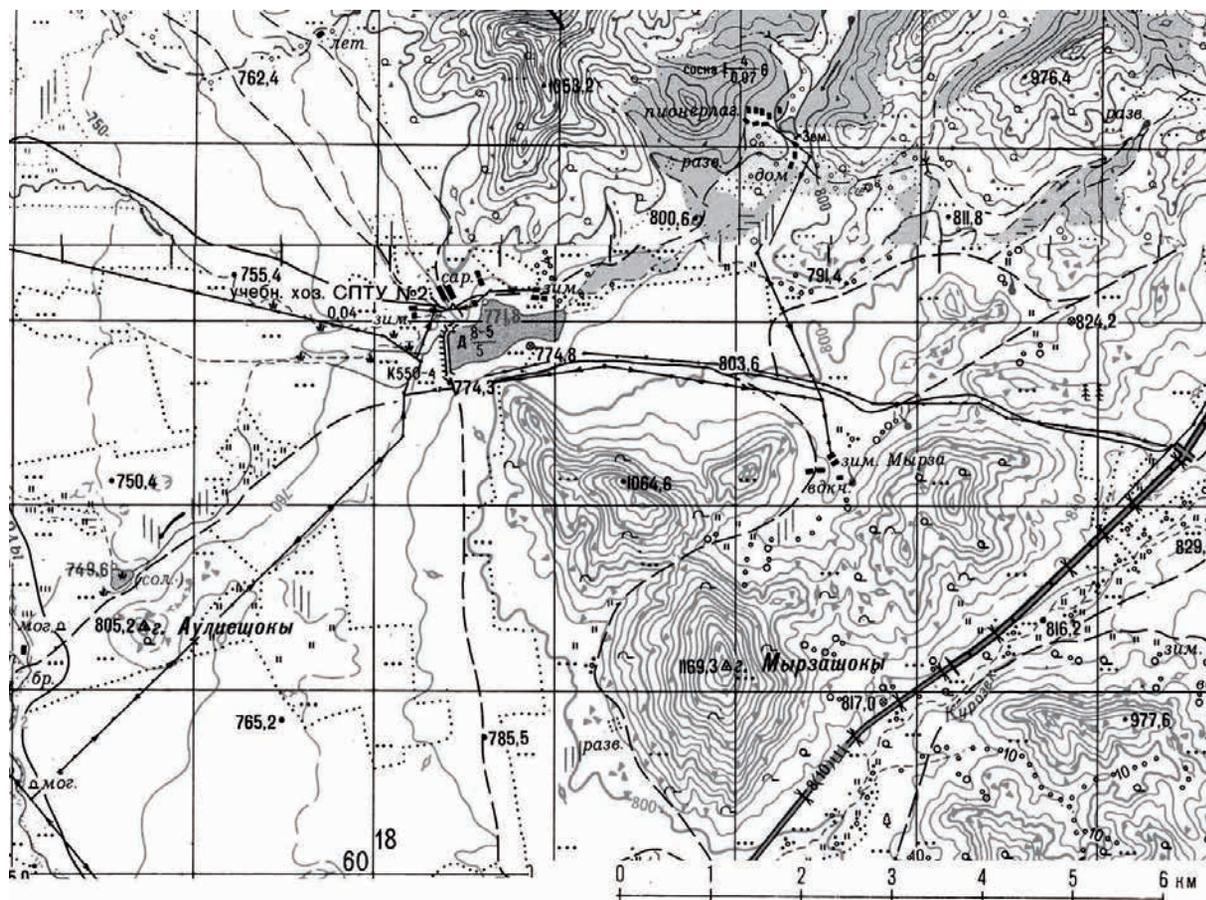


Рис. 1. Мырзашоки на карте масштаба 1:100000

В отчете Л. Ф. Семёнова приведены сведения об очень интересном археологическом памятнике, но, к сожалению, не указано его точное местонахождение. Локализация комплекса может быть проведена на основании описания из отчета. В нём приводятся следующие географические названия: местность и водоём Мурза-шоку, река Кара-су, сопка Аулье-шоку (Итчал), гора Улькунмурза. Некоторые из этих топонимов – р. Карасу, г. Мырзашоки, г. Аулиешоки сконцентрированы южнее и юго-западнее учебного хозяйства Каркаралинского СПТУ № 2 (рис. 1)¹.

При учебном хозяйстве СПТУ № 2 находится водохранилище. Л. Ф. Семёнов указывает длину плотины – 620 м. Длина дамбы водохранилища по замерам на космоснимках около 700 м. Таким образом, есть все основания считать, что исследования 1952 г. проводились на юго-западном склоне гор Каркаралы, в 17 км к юго-западу от г. Каркаралинска и в 17 км к северо-северо-востоку от с. Жарлы, ныне им. Нуркена Абдирова (рис. 2). Вероятно, сейчас сооружения памятника затоплены водами пруда. Л. Ф. Семёнов работал, когда уровень воды был низким. Памятник разновременный, включал андроновские погребения, курганы с усами и жертвенные кольца [Семенов, 2017, рис. 1, А].

Комплекс, исследованный в урочище Мырзашоки, разновременный. Каменные ящики отнесены Л. Ф. Семёновым к андроновской культуре, что справедливо на уровне изученности

бронзового века Казахстана того времени. Ныне можно конкретизировать культурную принадлежность погребений из каменных ящиков. Керамика из них имеет характерные алакульские признаки – уступчик в месте перехода от шейки к тулову сосуда и алакульский орнамент, выполненный в резной и гребенчатой технике [Семенов, 2017, рис. 1, 3; 2, 5, 9, 13; 3, 6; 4, 2].

Бронзовый инвентарь представлен гильзой, свернутой из пластины [Семенов, 2017, рис. 2, 1], ножом [Семенов, 2017, рис. 2, 6], шилом [Семенов, 2017, рис. 2, 7], спиралевидной подвеской [Семенов, 2017, рис. 2, 3] и лапчатой подвеской, обернутой золотой фольгой [Семенов, 2017, рис. 4, 2]. Найдены также две бронзовые бляхи и бусы, бронзовые и пастовые.

Другие находки – украшения из раковин [Семенов, 2017, рис. 2, 4] и три костяных наконечника стрел, из которых проиллюстрирован один [Семенов, 2017, рис. 2, 2].

Некоторые из вещей, найденных Л. Ф. Семёновым, опубликованы А. Х. Маргуланом: гильза-наконечник [Маргулан, 1979, с. 313, рис. 227, 8], бляшки [Маргулан, 1979, с. 314, рис. 228, 5, 6], лапчатые подвески [Маргулан, 1979, с. 311, рис. 226, 58], спиралевидная подвеска [Маргулан, 1979, с. 320, рис. 231, 49], два костяных наконечника стрел [Маргулан, 1979, с. 320, рис. 231, 49].

Другая, хронологически поздняя группа сооружений в комплексе Мырзашоки – курганы с усами и жертвенные кольца. На плане

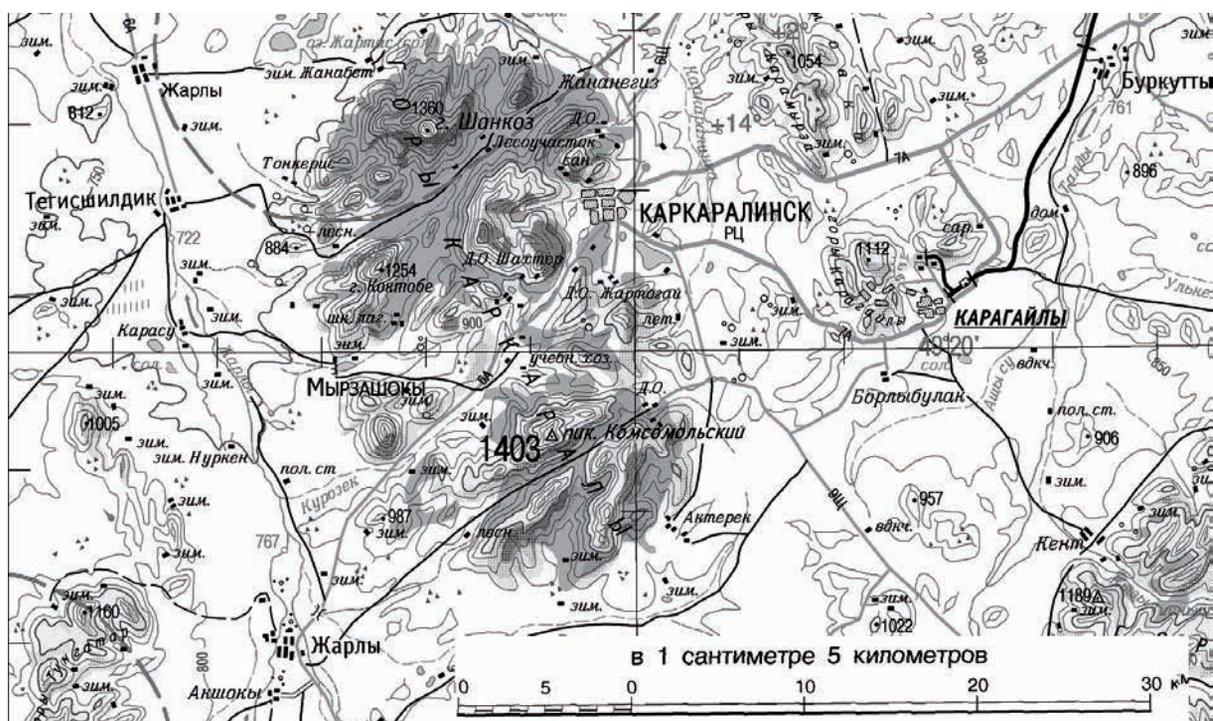


Рис. 2. Мырзашоки на карте масштаба 1:500000

Л. Ф. Семёнова отмечено пять (!) курганов с каменными грядами-усаами. Вероятно, это самая высокая концентрация курганов этого типа в пределах одного памятника. Все мырзашокинские курганы каменные, расположены цепью по линии север–юг, усы отходят на восток. Видимо, эти курганы составляли единый культурный комплекс, включавший и два каменных жертвенных кольца из восьми камней и не отмеченные на плане. Л. Ф. Семёнов отмечает, что они имели земляные насыпи и находились в 50 м западнее плотины. Диаметр жертвенных колец 1,2 и 2 м. Одно из колец было раскопано и содержало следы сожжения животного в виде пятен сажи пережженных раздробленных костей. Восьмикаменные кольца в Казахстане датируются ранним железным веком, относятся к тасмолинской культуре и встречаются как в комплексе с курганами, так и по отдель-

ности [Бейсенов, 2015]. С курганами и кольцами следует связывать и находки раннего железного века, о которых Л. Ф. Семёнов упоминает в начале своего отчета (навершие с литой фигурой архара, олень, бронзовая пластина в виде кабана и другие). Некоторые из этих предметов опубликованы [Агеева, 1951; Грязнов, 1956; Кадырбаев, 1958].

Таким образом, памятник в урочище Мырзашоки разновременный, состоял из андроновских-алакульских и тасмолинских сооружений и был разрушен в результате строительства водохранилища. Но, думается, что призыв краеведа Л. Ф. Семенова к ученым исследовать памятник Мырзашоки актуален и сейчас. Представляется целесообразным провести новое обследование этого урочища.

Примечание

1 – Во избежание путаницы следует отметить, что в 10 км восточнее, у трассы Каркаралинск–Нуркен есть другое учебное хозяйство – Каркаралинского сельскохозяйственного колледжа имени Мынжасара Адекенова (бывший зооветеринарный техникум), у каркаралинцев известное как Учхоз и тоже с водохранилищем.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеева Е.И.** Хроника археологических раскопок и находок в Казахстане в 1948–1949 гг. // Изв. АН КазССР. – 1951. – № 108. – С. 130–133.
- Бейсенов А.З.** Околокурганые жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник ТомГУ. История. – 2015. – № 4 (36). – С. 96–104.
- Грязнов М.П.** Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. – 1956. – Вып. 61. – С. 8–16.
- Кадырбаев М.К.** О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана // Изв. АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. – 1958. – Вып. 1 (6). – С. 95–104.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 360 с.
- Попов Ю.** Заповедные ценности Сарыарки // Индустриальная Караганда, 17 ноября 2016 г., № 146.
- Семенов Л.Ф.** Краткий отчет по раскопкам могил андроновской культуры Мырзашоки // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. науч. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: научно-исследовательский центр «Бегазы-Тасмола», 2017. – С. 198–204.

**Д. Т. Шашенов,
Г. А. Базарбаева**

Д. Т. Шашенов¹, Г. А. Базарбаева²

¹Карагандинский областной историко-краеведческий музей

²Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы

D. T. Shashenov¹, G. A. Bazarbayeva²

¹Karagandy regional museum of local history

²A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty

e-mail: darkhan_57@mail.ru; galiya2002@gmail.com

Письма археологов краеведу Л. Ф. Семенову

Аннотация. В статье публикуется несколько писем, адресованных карагандинскому краеведу Л. Ф. Семенову археологами – Е. И. Агеевой, М. К. Кадырбаевым, Е. Е. Кузьминой, А. Х. Маргуланом.
Ключевые слова: Л. Ф. Семенов, краевед, археолог, письмо, исследования, экспедиция, находки.

Archaeologists' letters to the local historian L. F. Semenov

Abstract. The article illuminates a number of letters addressed to Karagandy local historian L. F. Semenov. They were written by E. I. Ageeva, M. K. Kadyrbayev, E. E. Kuzmina, A. Kh. Margulan.

Keywords: L. F. Semenov, local historian, archaeologist, letter, research, expedition, finds.

В Государственном архиве Карагандинской области в фонде 1363 хранятся документы Л. Ф. Семенова. В данной публикации приводятся письма, адресованные карагандинскому краеведу археологами – Е. И. Агеевой, М. К. Кадырбаевым, Е. Е. Кузьминой, А. Х. Маргуланом. Письма датируются интервалом от 1955 по 1974 год. Последовательность писем в данной статье соответствует хронологическому принципу.

Характер писем рисует образ человека, которому было интересна не только археология, но и вопросы генеалогической составляющей казахов. Если пролистать подшивки газет, вышедших в то время, то можно заметить, что Л. Ф. Семенов регулярно освещал некоторые моменты исследований, проводившихся в регионе в периодической печати [напр., Семенов, 1952 и мн. др.].

Из письма Е. И. Агеевой легко можно уловить с каким усердием археологи проводили исследования на обширной территории Казахстана в связи с предстоящей реализацией мегапроекта, направленного на освоение целинных и залежных земель. С каким упорством и отдачей выполнялась эта работа также явствует из публикуемого документа.

Больше всего писем насчитывается в переписке с Миром Касымовичем Кадырбаевым. Исследователь живо интересуется результатами исследований Леонида Федоровича. Из текста переписки устанавливается очень важный для М. К. Кадырбаева период, связанный с подготовкой и успешной защитой кандидатской диссертации.

Письмо Е. Е. Кузьминой свидетельствует об интересе исследовательницы к материалам эпохи поздней бронзы, которые были выявлены в ходе исследования могильника Энбек-Суйгуш (Енбек-Суйгуш).

Судя по дате письма А. Х. Маргулана, не трудно догадаться, что исследователь работал над подготовкой к печати обширного материала по Центральному Казахстану, вышедшего в виде фундаментальной монографии «Бегазы-дандыбаевская культура» в 1979 году [Маргулан, 1979].

№ 1 Письмо Е. И. Агеевой [ГАКО, ф. 1363, оп. 1, д. 38]

Уважаемый Леонид Федорович!

Очень рада за Вас, удалось побывать в Москве, и получили хорошую зарядку еще на несколько лет.

В этом году мы все едем на целину², выбрали три области, в которых почти не было ни одного археолога: Павлодарскую, Акмолинскую и Кустанайскую. Выезжать думаем в середине мая. Две из них (Кустанайская и Акмолинская), пройдут через Караганду. Я³ и Анна Георгиевна⁴ направляемся в Павлодарскую область, думаем ехать через Каркаралинск.

Основной задачей Вашего музея на ближайшее время, я считаю спасти памятники, которые будут уничтожены во время подъема целины.

Собирается в Вашу область ехать Алькей Хаканович Маргулан⁵. Пока еще с его экспедицией вопрос не ясен. Если дадут дополнительные средства, то ждите его в гости.

Очень хорошо, если в Вашем музее будет, археолог, специально получивший образование.

На анализ Ваш кусочек металла сдали, но товарищ, который делает анализы, сейчас в Москве и без него ничего получить не можем.

Ваши заметки о Суук-булаке⁶ и каменном тополе⁷ поместили в наши труды. Труды уже сдали в издательство.

Привет от всех археологов Вам и семье.

12.IV.1955г.Е. И. Агеева

№ 2 Письмо Е. И. Агеевой [ГАКО, ф. 1363, оп. 1, д. 38]

Уважаемый Леонид Федорович!

Получила Ваше письмо. Очень рада за Вас, что Вы теперь сможете спокойно заниматься своим любимым делом. Краеведением. Пора привести в систему все накопленное Вами за эти долгие годы. Ведь музейная работа Вас очень отрывала от этих занятий. И как уже видно из письма, первый камень обобщения уже скоро будет в печати. Я имею в виду «Достопримечательные места Карагандинской области»⁸. Очень хорошо, что Вы, сможете давать серии таких вещей. Ведь материала хватит?

Никто Вам не писал последнее время, потому что, во-первых, Вы были в поле, во-вторых, по карте⁹ так много работы, которой мы даже и не предвидели, что зарылись в нее все выше головы. Это не значит, что мы Вас не помним. Все ждали от Вас сообщений о летних работах, ведь Вы уже нас приучили, к ежегодным отчетам. Хоть я немного и поплакалась по поводу карты, но сейчас уже потихоньку все сводим воедино. Получается, на мой взгляд, неплохо. Кроме текстов и квадратов, карты со знаками подготовим указатель литературы, краткий очерк археологического изучения и хронологические таблицы материалов по каждой области от палеолита до XV в. Это рисунки основных датирующих вещей. Отдельные уникальные памятники решили дать отдельными вклейками в текст. Думаю, что эта работа будет и полезна музейным работникам.

Мы все археологи шлем Вам большой, большой привет, думаем, что останемся с Вами по-прежнему в крепкой и тесной дружбе.

Привет вашей семье.

Уважающая Вас Е. И. Агеева

P.S. Пишите нам почаще. 1958 г.

№ 3 Письмо М. К. Кадырбаева [ГАКО, ф. 1363, оп. 1, д. 43]

Дорогой Леонид Федорович!

Получил сегодня Ваше письмо и спешу ответить. Только 10 дней назад получил первые фотоотпечатки материалы нынешнего года. Ответить сразу не смог, ибо был страшно занят организацией музея археологии при нашем институте и беготней, связанной с рассылкой автореферата диссертации. Ваше письмо К. А. Акишев¹⁰ получил давно и передал мне для ознакомления и ответа Вам.

По понятным теперь Вам причинам, сразу ответить не удалось. Никакого письма вашей директрисе я не писал, возможно, писал Оразбаев¹¹? Не знаю.

Теперь о деле. Леонид Федорович, из Вашего письма Акишеву и Агеевой я с прискорбием узнал, что абсолютно не был осведомлен в Ваших недавних раскопках курганов «с усами» в районе Каркаралинска. Это тем более приятно, что результаты подобных раскопок интересуют в первую очередь меня, поскольку анализом этого типа памятников занимаюсь 4 года. Если Вы, Леонид Федорович, считаете, что между нами есть кое-что общее, с чем я абсолютно согласен, то тем более необходима взаимная информация и тесный контакт. В будущем нам придется много работать в этом направлении. Со своей стороны обещаю присылать Вам все интересное.

Посылаю Вам некоторые отпечатки: положение погребенного в к-не № 19 Тасмола (это «с усами»¹²), бронзовое зеркало, бусы и таблицу других находок из этого же могильника. Материал этого года еще мною не «переварен», но некоторые сведения с полной ответственностью можно сообщить и сейчас. Прежде всего, коллекция вещей из к-на № 19 и расположенных рядом курганов относится к VII–VI вв. до н. э. Это наиболее ранний этап ранних кочевников, т. е. то что мы безуспешно искали ранее. Одной из основ датировки служит бронзовое зеркало с высоким бортиком по краю диска и широкой петлей по середине, нигде позже V в. до н. э., не встречаемые стремевидные удила, с псалиями того же времени. Между прочим, этот материал перекликается с памятниками майемирского этапа на Алтае (КСИИМК, 18, 1947 г., стр. 10 и др.)¹³.

Интересна так же бронзовая бляшка (в таблице под удилами и псалиями) изображающая

в стилизации морду хищника. Также близка к Алтаю. Бусы, которые Вас особенно интересуют, имеют бочонковидную форму и были нанизаны на повод лошади. Из других вещей особенно интересны: краскотерка из розового песчаника (слева-внизу), сделанная очень искусно под дуб и находящийся рядом с ней точильный камень саблевидной формы.

Если нужны будут более подробные данные – напишите, с удовольствием отвечу.

В будущем году едем туда же на трассу¹⁴.

Хотя до лета еще далеко, но надеюсь, что в этом сезоне Вы примите непосредственное участие в работах экспедиции. Если не будет непредвиденных изменений, то думаю, что мы будем иметь возможность пригласить Вас в экспедицию сроком, скажем, на 1 м-ц, с оплатой необходимых расходов. На эту тему я уже говорил с Акишевым.

Передайте большущий привет всей Вашей семье.

Крепко жму руку.

Ваш М. Кадырбаев¹⁵.

P.S. Сообщите, пожалуйста, подробные данные о раскопанном Вами кургане.

№ 4 Письмо М. К. Кадырбаева [ГАКО, ф. 1363, оп. 1, д. 43]

Дорогой Леонид Федорович!

Ваше письмо от 18/12–59 г. получил из нашей канцелярии только на днях. Дело в том, что с 9/XII по 7/I находился в Ленинграде, где защищал свою диссертацию «Памятники кочевых племен Центрального Казахстана»¹⁶. Защита кандидатской диссертации прошла очень успешно.

Насчет канаттаской коллекции могу сообщить следующее. В 1957 году, когда я был аспирантом, в Коунрадском районе, 2 км к СВ от аула Канаттас, я обследовал и раскопал могильник. Один из курганов дал особенно потрясающие материалы. Это был курган «с усами» (№ 19) с невысокой каменной насыпью диаметром 10–12 м. Под насыпью в прямоугольной камере, находился скелет женщины с двумя детьми (одному 6–7 лет, другому 4–5 лет) и неполные скелеты лошадей и коровы (*Bos taurus* L). На лобной части черепа женщины, *in situ*, находилась золотая диадема, состоящая из двух золотых пластин на бронзовой основе. Внешняя поверхность диадемы была украшена инкрустацией того же типа, что и в Коктале (Джамб. обл.) и зерню.

Здесь, же были найдены и другие вещи: серебряный наборный пояс, бусы из разновидного граната, костяная пряжка от узды лошади, желез-

ные кольчатые удила и другие. Вся эта коллекция давно обработана и описана мной в 7^м томе трудов ИИАЭ АН¹⁷, где Вы сможете с ней подробно и ознакомиться. Этот том Вы можете найти в вашей городской библиотеке.

Датируется эта коллекция IV–V вв. н. э., т. е. временем предшествующим распространению в Центральном Казахстане тюркских погребений. Снимки самой коллекции, к сожалению, прислать не могу, т. к. последний их экземпляр включил в свою диссертационную работу. Если Вы не найдете том 7 в Караганде, то в июне я привезу оттиск этой статьи.

Посылаю Вам отпечаток, той самой Кокталской диадемы, о которой Горшенин написал в «Советском Казахстане»¹⁸ (рис.). Это пока только единственный, известный мне, вариант диадемы вообще.

17.I.60 г. С глуб. уважением М. Кадырбаев.

P.S. Ваши бусы из к-на «с усами» очень интересны и пока единственные в своем роде. К сожалению фотография не совсем удачная. Ваш отчет об этих раскопках еще не видел, видимо



Коктал. 1958. М. Кадырбаев

он еще не пришел. Может быть оттуда почерпну подробные сведения. Постарайтесь определить через специалистов-геологов по камню, из чего они сделаны (паста, гранат, или другое).

№ 5 Письмо М. К. Кадырбаева [ГАКО, ф. 1363, оп. 1, д. 43]

Дорогой Леонид Федорович, здравствуйте!

Извините за задержку с ответом. С опозданием, но все же примите поздравления Вам и Вашему семейству с весенним майским праздником.

С большим интересом узнал о Вашем родословном древе. По этому поводу могу сообщить очень немного, поскольку наши этнографы уже в экспедициях.

Кереи – тюркское племя Среднего жуза. К концу XIX в. в Среднем жузе было 13 тыс. семей кереев. Как в древности, так и сейчас основная

масса керейского племени живут частью в пределах Тарбагатайских гор, на юге Алтая, в юго-восточной части от Петропавловска и даже на территории Западного Китая. По одним данным керей или керейты происходят от Жан-Арыса родоначальника Средней орды, по другим данным от незаконной жены другого родоначальника Средней орды Акжоло. В устном народном творчестве выделяются 4 легендарных сказания о прошлом кереев: 1. Поэма об Ер-кокче, 2. Поэма о Кабанбай-батыре – одном из освободителей казахов от ойратского ига (начало XVIII в).

3. Поэма о Базар-батыре – борце против бекков, биев и правителей, за что в конце XIX в. он был сослан на каторгу в Иркутскую губернию.

4. Рассказ о Куркебай-батыре искуснейшем охотнике Горного Алтая, голыми руками бравшего медведя.

С кыпчаками дело еще хуже. До сих пор спорен вопрос об их происхождении, территории их расселения и т. д. Это племя очень близко кереем и также входило в Средний жуз. Основная их часть живет в пределах Тургай, Актюбинской области, южной и северо-восточных частях Кустанайской области, Акмолинской области.

К концу XIX в. в пределах Среднего жуза насчитывалось 13.500 семей кыпчаков.

Первый казахский ученый-педагог И. Алтынсарин – кыпчак.

Леонид Федорович, постарайтесь в Караганде достать в библиотеке книгу С. А. Аманжолова Вопросы диалектологии и истории казахского языка, Алма-Ата, 1959. Там дана сводка всех сведений о племенах Казахстана.

В экспедицию мы выезжаем 10-го июня. По пути заглянем к Вам в музей. В этом году часть рабочих будем брать в Караганде. Для этого 10-го направим поездом в Караганду Васильеву. Заодно захватим и спальный мешок, о котором Вы нам любезно сообщили. Очень хочется съездить в этом году с Вами на Большое озеро¹⁹. Основные работы буду проводить там же, что и в прошлом году. Маргулан с Оразбаевым едут на Атасу²⁰.

Привет от всех археологов.

Крепко жму руку.

М. Кадырбаев.

5.V.1962 г.

№ 6 Письмо Е. Е. Кузьминой [ГАКО, Ф. 1363, оп. 1, д. 43]

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

В прошлом году, я осенью приезжала в командировку в Караганду и работала в музее. Пыталась связаться с Вами, но Вы в это время путешествовали. Среди Ваших замечательных находок мое внимание привлекли материалы могильника Энбек-Суйгуш²¹. Насколько я знаю, они

до сих пор не опубликованы, в тоже время любой памятник поздней бронзы заслуживает самого пристального внимания. Поэтому у меня появилась мысль обратиться к Вам с предложением, если конечно Вы не подготовили или не собираетесь в ближайшее время подготовить публикацию этого могильника, написать совместную статью, которую потом опубликовать за двумя подписями, особо отметив, что Вы являетесь автором раскопок. Практически я себе представляю это так, что я подготовила бы статью, и прислала Вам текст для исправлений и добавлений, если бы Вы сочли это необходимым. Меня эта работа интересует в связи с тем, что материалы Энбек-Суйгуш позволяют поставить проблемы хронологии и происхождения культур эпохи поздней бронзы в Казахстане.

Убедительно прошу Вас ответить мне, в любом случае, даже если мое предложение почему-либо представится Вам неприемлемым или если Вы уже подготовили публикацию могильника, чтобы я была в курсе дела.

Желаю Вам всего доброго и с нетерпением жду ответа и заранее благодарю за любезность.

P.S. Да, я забыла представиться: Я Елена Ефимовна Кузьмина, автор книги о металлических изделиях²² Средней Азии и нескольких десятков статей о памятниках бронзового века в Средней Азии и Казахстана.

Мой адрес: Москва, Б. Черкизовская ул, д. 8, корп. 3, кв. 108 или: Ул. Дм. Ульянова, 19, Центр Археологии АН СССР, сектор неолита. Передайте, пожалуйста, приветы в музей.

Е. Е. Кузьмина²³.

1971

№ 7 Письмо А. Х. Маргулана²⁴ [ГАКО, ф. 1363, оп. 1, д. 45]

Дорогой Леонид Федорович!

Большое спасибо за поздравление. Очень жаль, что не имели возможности приехать ко дню юбилея. Вам, как старому другу и коллеге по работе, было послано именное приглашение.

Должен сообщить, что имел случай ознакомиться с перечнем Ваших рукописей и альбомов. Это – громадный материал, над которым работать не менее 10 лет. При подготовке рукописей и автографов Ч. Ч. Валиханова²⁵, мне пришлось потратить целых 10 лет, а Ваши материалы в два раза больше Валихановских. Я полагаю, что для публикации ваших рукописей необходимо отобрать из них самые существенные в объеме около 20 печатных листов и издать в виде отдельной книги. Но более реально опубликовать отдельными статьями в сборниках ИИАЭ или в журналах АН КазССР. Литературную подготовку всех этих статей придется проводить Вам самим.

Трудный вопрос с Вашими альбомами²⁶. Их около 200 названий. Такое количество альбомов практически никогда не издавалось. Наиболее целесообразно предложить их научной библиотеке Академии Наук КазССР для приобретения по взаимно согласованной оценке. Материально это Вам гораздо выгоднее, чем долгое ожидание их выхода из типографии.

Леонид Федорович, к Вам есть одна просьба. Не откажите прислать мне фото пленки или хорошие рисунки всех бронзовых предметов, найденных Вами и другими в Карагандинской, Джезказганской и бывшей Акмолинской областях.

Меня интересуют:

1. Бронзовые орудия и оружие.
2. Бронзовые украшения.
3. Формы для отливки бронзовых изделий.

Помимо всего я имею в виду находки Кулешова²⁷, Ясенецкой²⁸, Бреннера²⁹, Клапчука³⁰ и других, описанные в Ваших трудах. В своей известной работе «Наша область»³¹ Вы упоминаете о том, что в Карагандинском музее хранятся зарисовки и чертежи горного инженера И. А. Могилевского³², сделанные им в Каркаралинске, с древних плавильных печей, установленных им в обрыве р. Каркаралинки.

Примечания

1 – Семенов Леонид Федорович (1901–1986) – археолог, видный деятель музейного дела, краевед разносторонних интересов, посвятивший всю свою жизнь сбору материалов, изучению Центрального Казахстана. Активно сотрудничал с археологами, проводил раскопки. Его перу принадлежат многочисленные работы, опубликованные в периодической печати и изданиях Института истории, археологии и этнографии АН КазССР.

2 – Перед археологами Казахстана стояла задача сплошного обследования территории, попадающей в зону освоения земель под целину. Одним из итогов этого фундаментального проекта явилось академическое издание – «Археологическая карта Казахстана» [АКК, 1960].

3 – Агеева Евгения Ивановна, археолог, к. и. н. (1916–1964) – работала в секторе археологии практически с момента его создания; являлась руководителем сектора, заместителем начальника ЮККАЭ.

4 – Максимова Анна Георгиевна, археолог, к. и. н. (1923–2002) — специалист по эпохе бронзы Восточного Казахстана. Работала в Восточно-Казахстанской, Центрально-Казахстанской, Отрарской и Южно-Казахстанской экспедициях. Руководила Шульбинской археологической экспедицией.

5 – Маргулан Аликей Хаканович, археолог, д. и. н., академик АН КазССР (1904–1985) – основатель археологической науки Казахстана, организатор и первый руководитель сектора археологии Института истории, археологии и этнографии КазФАН СССР, АН КазССР, Центрально-Казахстанской археологической экспедиции.

6 – Речь идет о заметках Л. Ф. Семенова [Семенов, 1956а; Семенов, 1956б].

7 – См. примеч. 6.

8 – Данные о такой публикации в наследии Л. Ф. Семенова обнаружить не удалось.

9 – См. примеч. 2.

10 – Акишев Кималъ Акишевич, д. и. н. (1924–2003) – археолог, ученик А. Х. Маргулана и М. П. Грязнова, один из основоположников археологической науки в Казахстане. Участвовал в работе ЦКАЭ. По итогам исследований по эпохе бронзы Центрального Казахстана подготовил и защитил в Ленинграде кандидатскую диссертацию. Долгие годы руководил отделом археологии ИИАЭ АН КазССР. Возглавлял ЮККАЭ, Северо-Казахстанскую и Ишимскую археологические экспедиции. Основатель научно-исследовательского института по археологии в Евразийском национальном университете им. Л. Н. Гумилева.

11 – Оразбаев Абдулманап Медеуович, археолог, к. и. н. (1922–1997) – ученик и соратник А. Х. Маргулана. Под руководством М. П. Грязнова подготовил и успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную эпохе бронзы Северного Казахстана. Руководил отрядом ЦКАЭ. Проводил многолетние исследования в Восточном Казахстане. Основатель и первый заведующий кафедрой археологии и этнографии КазНУ им. аль Фараби.

Так будьте добры, помогите мне получить копии рисунков Могилевского.

За все это приношу Вам мою глубокую благодарность.

С дружеским приветом, А. Маргулан.

20 декабря, 1974 г.

P.S. Дорогой Леонид Федорович, поздравляю Вас и Вашу супругу с наступающим Новым годом, желаю крепкого здоровья и осуществления вашей заветной мечты.

Письма ушедшей эпохи – это своеобразный мир, наполненный искренними человеческими ценностями. Эпистолярное наследие еще более ценно тем, что в них нет фальши. Такой источник информации источает тепло человеческих отношений, которое тщательно скрыто в нучных изданиях. Публикуемые письма передают настроение археологов, демонстрируют радость свершившихся археологических открытий и побед.

Поскрипту в письме А. Х. Маргулана звучит как послание потомкам, поскольку многочисленные альбомы Л. Ф. Семенова так и остались неопубликованными при жизни исследователя.

12 – Курганы с «усами» были рассмотрены М. К. Кадырбаевым как реперный признак тасмолинской культуры. В настоящее время пристальное внимание исследователей занимает вопрос хронологической принадлежности таких памятников [Бейсенов, 2015].

13 – В письме идет речь о статье М. П. Грязнова [Грязнов, 1947].

14 – Видимо, речь идет о грандиозном проекте археологов по трассе канала Иртыш-Караганда. Реализацией данного масштабного мероприятия занималась ЦКАЭ. В настоящее время канал называется «Канал имени Каныша Сатпаева».

15 – Кадырбаев Мир Касымович, археолог, к. и. н. (1932–1982) – ученик А. Х. Маргулана, с 1957 г. руководил отрядом по изучению памятников раннего железного века ЦКАЭ, затем возглавил ее (второй после А. Х. Маргулана начальник ЦКАЭ). М. К. Кадырбаев обосновал выделение новой культуры – тасмолинской. 1970-е годы изучал памятники эпохи бронзы в Атасуском микрорайоне.

16 – Защита диссертации М. К. Кадырбаева состоялась в Ленинграде в ЛО ИА АН СССР в 1959 [Кадырбаев, 1959а].

17 – Речь идет о публикации «Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана», в которой были изложены основные положения диссертации М. К. Кадырбаева [Кадырбаев, 1959б].

18 – «Советский Казахстан» – издание Союза писателей Казахстана, предшественник журнала «Простор». Заметка о которой идет речь опубликована в 1959 г. в № 10 [Горшенин, 1959].

19 – Имеется в виду озеро Улкен коль (Улкен көл) близ г. Каркаралинска.

20 – Атасу – поселение древних металлургов эпохи бронзы на одноименной реке в Центральном Казахстане. Результаты исследования памятника изложены в коллективной монографии археологов [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966], а также в книге М. К. Кадырбаева и Ж. Курманкулова [Кадырбаев, Курманкулов, 1992].

21 – Результаты исследования могильника Енбек-Суйгуш (Энбек-Суйгуш) не были опубликованы Л.Ф. Семеновым при жизни. Материал был введен в научный оборот доцентом КарГУ им. Е. Букетова, к. и. н. В. В. Варфоломеевым в 2007 г. [Варфоломеев, 2007].

22 – Речь идет о книге: «Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии» [Кузьмина, 1966].

23 – Кузьмина Елена Ефимовна, д. и. н. (1931–2013) – археолог, культуролог, заслуженный деятель науки. Проводила археологические раскопки в Казахстане и на Южном Урале.

24 – Это письмо было дважды опубликовано в статьях краеведа Ю. Г. Попова [Попов, 2011; 2016].

25 – А. Х. Маргулан внес выдающийся вклад в дело изучения творчества Ч. Ч. Валиханова. Благодаря исследователю, в 1961–1972 годах было опубликовано пятитомное собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова [Ч. Ч. Валиханов, о нем, Интернет-ресурс].

26 – Видимо, речь идет о материалах, которые собирал Л. Ф. Семенов не только по археологии, а в целом, по истории края. Информация о наследии Л. Ф. Семенова содержится на официальном сайте Карагандинской областной универсальной научной библиотеке им. Н. В. Гоголя [Труды Леонида Семенова, Интернет-ресурс]. Из очерка С. Омарова, подготовленного к 110-летию со дня рождения выдающегося карагандинского краеведа, следует, что в наследии Л. Ф. Семенова насчитывается 300 альбомов, более 200 рукописей, 170 папок с научными изысканиями по археологии, краеведению, истории, этнографии, культуре Центрального Казахстана [Омаров, Интернет-ресурс].

27 – В книге археологического фонда № 1 Карагандинского областного историко-краеведческого музея значит, что по акту № 161 28 октября 1969 года от В. Е. Ясенецкой были приняты находки, собранные Кулешовым в 1946–1947 гг. в Н. Тихоновке. Всего 179 предметов. Среди находок значатся: нуклеусы, скребки на отщепках, скребки на пластинах, фрагменты микропластин и др. [Книга...]. По сведениям А. З. Бейсенова Н. Тихоновка – это рабочий поселок, который сейчас находится в черте города Караганды. Благодарим А. З. Бейсенова за консультацию.

28 – Вера Евграфовна Ясенецкая (1891–1986) – врач, учитель, краевед из г. Каркаралы. Известный карагандинский краевед Ю. Г. Попов так описывает область интересов В. Е. Ясенецкой: «Увлекалась географией края, курортологией, топонимикой, археологией, поисками легенд из прошлого...» [Попов, 2016]. В. Е. Ясенецкая проводила разведки, принимала участие в раскопках.

29 – Относительно личности Бреннера существует два мнения. Из письма Л. Ф. Семенова, адресованного В. Е. Ясенецкой от 14.12.1956 г., явствует, что Бреннер – колхозник [статья в настоящем сборнике: Бейсенов, Базарбаева, Шашенов, 2017, письмо № 2]. Из статьи известного карагандинского краеведа Ю. Г. Попова – И. Бреннер учитель из Темиртау [Попов, 2016].

30 – Михаил Николаевич Клапчук (1920–1984) – археолог, палинолог. Первый карагандинский археолог, подготовивший кандидатскую диссертацию по археологии Центрального Казахстана. По стечению обстоятельств, данная работа так и осталась незащищенной.

31 – Данная публикация на момент выхода статьи М. К. Кадырбаева находилась в фондах архива ИИАЭ АН КазССР [Кадырбаев, 1959б]. Полное название рукописи «Наша область. Материалы к истории Карагандинской области» [Семенов, 1946].

32 – Могилевский – политический ссыльный горный инженер (Каркаралинск, Караганда) [Попов, 2016]. В монографии А. Х. Маргулана есть строки: «В 1940 г. на площади поселения, в обрыве р. Каркаралинки геологом И. А. Могилевским были открыты остатки медеплавильных печей с круглым подом и шлаками» [цит. по: Маргулан, 1979, с. 215].

ЛИТЕРАТУРА

- АКК – Археологическая карта Казахстана. – Алма-Ата: Издат-во АН КазССР, 1960. – 450 с.
- Бейсенов А.З.** Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 11–38.
- Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А., Шашенов Д.Т.** О семье краеведов Ясенецких из Каркаралы // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: Научно-исследовательский центр «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 1. – С. 216–229.
- Варфоломеев В.В.** Археологические работы Л. Ф. Семенова на могильнике Енбек-Суйгуш (50-е годы XX века) // Координация научных исследований и внедрение инноваций в музейную практику: сб., посвящ. 75-летию Карагандинского областного историко-краеведческого музея. – Караганды: Карагандинский областной историко-краеведческий музей, 2007. – С. 44–52.
- Горшенин Д.** Картинная галерея в пещере, «Курган с усамы» // Советский Казахстан. – 1959. – № 10. – С. 126–127.
- Грязнов М.П.** Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. – 1947. – Вып. 18. – С. 9–17.
- Кадырбаев М.К.** Памятники кочевых племен Центрального Казахстана (VII в. до н. э. – VI в. н. э.): дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛО ИА АН СССР, 1959а. 177 с. // Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 2-Д, д. №83.
- Кадырбаев М.К.** Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1959б. – Т. 7. – С. 162–202.
- Кадырбаев М.К., Курмангулов Ж.** Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 244 с.
- Книга археологического фонда № 1. Акты № 287–№ 2011. Начата 09.10.1969 г. Окончена 15.12.1982 г. Инв. № 1–85582.
- Кузьмина Е.Е.** Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. – 1966. – Вып. В4-9. – 150 с.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 360 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.** Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 434 с.
- Письма Агеевой Е., сотрудницы Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, 1955, 1958 гг. // ГАКО, ф. 1363, оп. 1, д. 38, 4 л.
- Письма Кадырбаева М., Кузьминой Е., сотрудников Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, 1959–1962, 1971 гг. // ГАКО, ф. 1363, оп. 1, д. 43, 5 л.
- Письма академика А. Маргулана, Мусиной А., сестры члена Каркаралинского совдепа, Мусина Гарифа // ГАКО, ф. 1363, оп. 1, д. 45, 4 л.
- Попов Ю.** Академик Маргулан – наставник краеведов // Индустриальная Караганда, 2011, 16 августа, № 92.
- Попов Ю.** Заповедные ценности Сарыарки // Индустриальная Караганда, 2016, 17 ноября, № 146.
- Семенов Л.Ф.** К новому расцвету казахского орнаментального искусства // Социалистическая Караганда, 1952, 30 сентября, № 194 (4530).
- Семенов Л.Ф.** Наша область. Материалы к истории Карагандинской области. 1946. Рукопись // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, д. 195.
- Семенов Л.Ф.** Стоянка эпохи бронзы Суук-Булак // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Сер. Археология. – 1956а. – Т. 1. – С. 263.
- Семенов Л.Ф.** Находка каменного топора у реки Нуры // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Сер. Археология. – 1956б. – Т. 1. – С. 263–264.
- Труды Леонида Семенова. URL: <http://old-site.karlib.kz/semenov/biblio.html>
- Ч. Ч. Валиханов, о нем. Статья на официальном сайте Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова. URL: http://iie.kz/?page_id=422
- Омаров С.** Интернет-ресурс. Краевед, этнограф, археолог, библиограф Леонид Федорович Семенов. URL: <https://karaganda-region.gov.kz/rus/news/3439/>

**А. З. Бейсенов,
Г. А. Базарбаева,
Д. Т. Шашенов**

**А. З. Бейсенов¹, Г. А. Базарбаева¹,
Д. Т. Шашенов²**

¹Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
Алматы

²Карагандинский областной историко-
краеведческий музей

**A. Z. Beisenov¹, G. A. Bazarbayeva¹,
D. T. Shashenov²**

¹Archaeology Institute after A. Kh. Margulan, Almaty

²Karagandy regional museum of local history

E-mail: azbeisenov@mail.ru

О семье краеведов Ясенецких из Каркаралы

Работа выполнена при финансовой поддержке МОН РК, проект № 2982/ГФ4 “Сарыарка в системе культур раннего железного века Степной Евразии”

Аннотация. Статья представляет собой краткий очерк о семье ссыльных поляков Ясенецких, с 1930 г. проживавших в г. Каркаралы Карагандинской области. Богдан Ясенецкий владел обстоятельной информацией о Каркаралы в части природы, истории, экономики, промышленности и перспективах развития. Он пользовался огромным уважением и любовью среди казахов, был отличным врачом-терапевтом. Б. Ясенецкий скончался в 1968 г., его похоронили на казахском кладбище. Согласно данным, надпись на памятнике сделана на казахском языке. Она гласит: «Богдану Ильичу Ясенецкому, поляку, нашедшему по своему желанию приют и спасение среди наших казахов. Пусть Аллах его благословит на том свете. От казахов».

Веру Ясенецкую можно назвать женой декабриста, последовавшей за мужем в ссылку. Ей принадлежит открытие ряда археологических памятников в Каркаралы. Она была учителем, библиотекарем, сотрудником музея. Супруги Ясенецкие хорошо разбирались в особенностях казахской культуры, были прекрасными собеседниками.

Ключевые слова: Каркаралы, Богдан Ясенецкий, Вера Ясенецкая (Бафталовская), археология, краеведение, маршруты, находки.

About family of researchers Yasenetsky from Karkaraly

The work was carried out with the financial support of MES of RK, project number 2982/GF4 “Saryarka in the system of early Iron Age Eurasian steppe cultures”

Abstract. The master of Agriculture Yasenetsky Bogdan, born in 1873, was expelled from the city of Uman' (Ukraine) to Kazakhstan. His destination was Karkaly in Central Kazakhstan. His wife Vera Yasenetskaya, born Baftalovskaya and his younger brother Heinrich Yasenetsky followed him voluntarily. Later all of them stayed in that small steppe city with which their further life was connected. They were well-educated people. They devoted much time to studies of the region, were interested in ethnography and lifestyle of the Kazakh people. Bogdan Yasenetsky was a respectful man among the Kazakhs, he was a healer. He used herbs in treating the ill and his methods were close to the Kazakh culture, who avoided any drugs and surgery. Bogdan Yasenetsky collected many materials on the Karkaraly area, its nature, history, economy, industry and development perspectives. He died in 1968 and he was buried in a Kazakh burial ground. His Kazakh friends wrote the following words on his gravestone: “To Bogdan Ilich Yasenetsky, a pollack, who found lodgment and safety among the Kazakhs. My the Allah bless him in another world. From the Kazakhs”. Vera Yasenetskaya can be called the wife of the Decembrist, who followed her husband to exile. V. Yasenetskaya opened a number of monuments in Karkaraly and its outskirts. She was a teacher, librarian, worker in the museum. Many ethnographers, archaeologists worked with her, among whom we can distinguish Alikey Margulan, the founder of the Kazakh archaeology.

Keywords: Karkaraly, B. Yasenetsky, V. Yasenetskaya (Baftalovskaya), researchers of Karkaly and its outskirts, archaeology, routes, finds.

В дело открытия и изучения памятников Центрального Казахстана большой вклад внесла супружеская чета поляков Ясенецких – Богдана Ильича и Веры Евграфовны (рис. 1). В Каркаралинске, где они жили, это были первые краеведы. Ясенецкие оказались в казахских сте-

пях не по своей воле, но то, что они сделали для краеведения региона можно расценивать как подвиг во имя науки.

Настоящая статья построена на основе материалов из Государственного архива Карагандинской области [ГАКО, ф. 1363, оп. 1, д. 50] и личного архива А. З. Бейсенова.



Рис. 1. Богдан и Вера Ясенецкие, 1962 г.
(по: Попов, 2016а)

Богдан Ильич Ясенецкий

Известный карагандинский краевед Ю. Г. Попов приводит такие биографические данные о Б. И. Ясенецком: «Ясенецкий Богдан Ильич-Людвигович, поляк, родился 10 декабря 1873 г. в Умани в семье архитектора. Образование высшее. Завершил обучение на Варшавских агрономических курсах в 1905 г. Магистр сельскохозяйственных наук. Автор ряда книг. До 1930 г. преподаватель в польских школах. Член ученого совета Уманьского сельхозинститута. 26 апреля 1930 г. постановлением Особого совещания государственного политического управления Украины по статье 58–10 УК РСФСР выслан в Каркаралинск. Здесь преподавал естественные науки в казпедтехникуме и зооветтехникуме.

8 декабря 1937 года постановлением тройки Управления народного комиссариата внутренних дел по Карагандинской области осужден на 10 лет. Срок отбыл полностью в Ухтинско-Печорском исправительно-трудовом лагере на сельхозработах, одно время состоял научным сотрудником опытного поля. По воспоминаниям заключенных, крайне авторитетный специалист, один из

ярких персонажей мемуарной книги Ю. И. Чиркова [Чирков, 1991]» [цит. по: Попов, 2016а]. Например, такие строки из мемуаров Ю. И. Чиркова: «“Клуб” Богдана Ильича был единственным местом, где, несмотря на всеобщую тоску, голод, опущенность, царил бодрый дух и живая мысль» [Чирков, 1991, с. 235].

Возвращение Б. И. Ясенецкого из лагеря пришлось на 1947 г. Год назад, в 1946 г., была организована и сразу приступила к работе Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция, возглавляемая А. Х. Маргуланом.

По словам Ю. Г. Попова, Богдан Ильич с 1947 г. снова работает в техникумах и школах Каркаралинска, городском парке. После прочтения строк из мемуаров Ю. И. Чиркова кажется невозможным не то чтобы выжить, а остаться человеком с ясным умом, жаждать новых открытий, продолжать исследования. У Б. И. Ясенецкого был настолько твердый дух, что после стольких лишений он смог вернуться к любимому делу, заниматься краеведением, лечить людей. Как пишет в своих мемуарах Ю. И. Чирков: «Богдан Ильич, хорошо слушал, иногда спрашивал о деталях» [цит. по: Чирков, 1991, с. 233]. «Богдан Ильич Ясенецкий знал о Каркаралах все в части природы, истории, экономики, промышленности и перспективах развития. Вел обширную переписку. На пенсию вышел в 85 лет. Скончался 27 июня 1968 года. Согласно его желанию, похоронен на мусульманском кладбище» [цит. по: Попов, 2016а].

Специалисты из Государственного архива Карагандинской области Л. Ж. Байкенжина и Л. А. Киселева сообщают, что Богдан Ильич также работал в научном учреждении где-то подо Львовом, возможно, в городе Дубляны, знал французский, английский и немецкий языки. В Санкт-Петербурге в 1913 г. на русском языке изданы две его книги: “Краткий курс организации хозяйства” и “Сельскохозяйственное счетоводство”. У Богдана Ильича был брат Генрих, выпускник юридического факультета Киевского университета, последовавший в ссылку в Каркаралы за братом [Байкенжина, Киселева, 2004, с. 506–507]. Л. Ж. Байкенжина и Л. А. Киселева отмечают, что, согласно завещанию, Богдана Ильича похоронили на казахском кладбище. Надпись на памятнике сделана на казахском языке. Она гласит: «Богдану Ильичу Ясенецкому, поляку, нашедшему по своему желанию приют и спасение среди наших казахов. Пусть Аллах его благословит на том свете. От казахов» [Байкенжина, Киселева, 2004, с. 507].

Человек с тяжелой судьбой, но с большим сердцем Богдан Ильич Ясенецкий был большим

другом казахского народа и его преданность выразилась в желании покоиться рядом с ними в своем последнем пристанище.

Вера Евграфовна Ясенецкая (Бафталовская)

Веру Евграфовну Ясенецкую можно назвать женой декабриста, последовавшей в ссылку с Богданом Ильичом. В. Е. Ясенецкой принадлежит открытие ряда памятников в Каркаралы и окрестностях.

Во второй половине XX века между археологами из Института истории, археологии и этнографии и четой Ясенецких установились творческие контакты, которые переросли в дружбу. К Богдану Ильичу и Вере Евграфовне заезжал академик А. Х. Маргулан, возможно, и другие археологи (А. М. Оразбаев?).

В своей фундаментальной монографии «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана» А. Х. Маргулан при характеристике памятников окрестностей Каркаралы пишет: «Каркаралинская степь являлась крупнейшим горнометаллургическим центром Центрального Казахстана в эпоху бронзы. Вместе с Баянаульской степью на севере, Прибалхашской на юге, Ишим-Сарысульской на западе она составляла важнейший историко-культурный узел региона, оказавший влияние на распространение культуры бронзы в степной полосе Евразийского континента» [цит. по: Маргулан, 1979, с. 215]. Особое внимание А. Х. Маргулан уделяет вкладу краеведа В. Е. Ясенецкой. Описывая материал поселения Каркаралы-1, исследователь приводит цитату из письма Веры Евграфовны: «в оврагах вблизи города есть очень много шлаков и остатки плавильных печей небольшого размера в виде ям с обнаженным подом» [цит. по: Маргулан, 1979, с. 215].

Далее А. Х. Маргулан дает характеристику коллекции, собранной В. Е. Ясенецкой. Он пишет: «В ее коллекции, хранящейся в Карагандинском краеведческом музее, немало интересных и редких орудий труда и предметов обихода, свидетельствующих о хозяйственной и культурной жизни поселения в эпоху поздней бронзы. Среди них обломки глиняных сосудов, орудия горного дела типа кайл, мотыг, клинов, топоров, рудодробильных орудий, различные типы пестов, молотков, ступок, каменные литейные формы, шлаки, каменные круги с отверстием в центре, каменные и бронзовые наконечники стрел. Основная их масса извлечена из культурного обнажения в обрыве р. Каркаралинка. В. Е. Ясенецкой найден один из наиболее оригинальных ножей Казахстана, относящийся к эпохе поздней бронзы...» [цит. по: Маргулан, 1979, с. 215; Попов, 2011; 2016б]. В своих работах патриарх отечественной археологии всегда ссылается на фондовые коллекции, откуда происходит тот или иной материал. А. Х. Маргулан отмечает, что

находки В. Е. Ясенецкой хранятся под шифром «Каркаралы» в фондах 62, 63, 65–68 названного выше музея [Маргулан, 1979, с. 11] (рис. 2–4).

Благодаря В. Е. Ясенецкой, свершилось открытие стоянки эпохи бронзы Суыкбулак, известного также как поселение Каркаралы-3 [Маргулан, 1979]. Об открытии удивительного памятника нашей героиней в своей заметке пишет знаменитый директор Карагандинского музея, известный музеевед, краевед, археолог, этнограф Л. Ф. Семенов [Семенов, 1956]. Расположен памятник в окрестностях Каркаралы, в небольшой долине, в урочище Мухтаров ключ. По мнению Л. Ф. Семенова, культурный слой поселения свидетельствует о продолжительном пребывании здесь людей в период бронзового века, которые практиковали металлообработку, земледелие, охоту. Одним из крупных специалистов по эпохе бронзы Казахстана А. М. Оразбаевым в 1962 г. были проведены раскопки этого памятника. Он датировал поселение поздним этапом бронзового века и, что очень важно, отметил наличие в культурном слое кусков железной руды и шлака. По мнению ученого, жители поселения Суыкбулак были знакомы с плавкой железа. А. М. Оразбаев предложил также научную реконструкцию жилища [Маргулан и др., 1966, с. 245–255, рис. 126].

Деятельность Л. Ф. Семенова и В. Е. Ясенецкой отмечена в монографии А. Х. Маргулана с особым пиететом. Он пишет: «Учетом и регистрацией памятников Центрального Казахстана неутомимо занимались местные краеведы: Л. Ф. Семенов в Акмолинской и Карагандинской степях, В. Е. Ясенецкая в Каркаралинском районе» [цит. по: Маргулан, 1979, с. 11].



Рис. 2. Сборы В. Е. Ясенецкой в окрестностях Каркаралы. Каменный диск с отверстием. Фонд № 61, КОИКМ. Фото Д. Шашенова



Рис. 3. Сборы В. Е. Ясенецкой в окрестностях Каркаралы. Наконечники. Фонд № 67 КОИКМ. Фото Д. Шашенова

Вера Евграфовна сотрудничала с Карагандинским областным музеем, Институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР. Об этом красноречиво свидетельствуют письма. Так, в письме от 15 июня 1959 г. дирекция Карагандинского областного музея выражала благодарность за наконечник копья, изготовленный из кремня и знакомила В. Е. Ясенецкую с заключением палеолитчика Х. А. Алпысбаева, определившего дату интервалом (7–8 тыс. лет назад).

В другом письме, присланном из Редакционно-издательского совета Академии наук, речь шла о заинтересованности в публикации материалов В. Е. Ясенецкой в академических изданиях. В то время публикуемые работы проходили строжайшее рецензирование, а здесь мы наблюдаем готовность такого солидного издательства принять рукописи для печати.

Приведем краткую биографическую справку, составленную Ю. Г. Поповым: «Ясенецкая Вера Евграфовна. Родилась 28 сентября 1891 года в Санкт-Петербурге. Отец Евграф Данилович Бафталовский – врач. Вера Евграфовна окончила женскую гимназию в Умани и три курса Киевского медицинского института. Преподавала русский язык и географию» [цит. по: Попов, 2016б]. Период работы с января 1914 по февраль 1920 г. восстанавливается по справке, датируемой 2 ноября 1939 г., подписанной Н. Домбровской – представителем Союза высших школ и научно-исследовательских учреждений (рис. 5). Согласно этого документа, в г. Умани В. Е. Ясенецкая работала учительницей

в женской гимназии, а также заведовала библиотекой данного учебного заведения. Далее в описании Ю. Г. Попова: «В 1930-м последовала вместе с мужем в ссылку. В Каркаралинских учебных заведениях вела разные предметы. С 1938 года – сотрудник музея в Каркаралинске. Увлечение географией края, курортологией, топонимикой, археологией, поисками легенд из прошлого стало уделом ее жизни. 6 января 1958 года обращается к министру сельского хозяйства республики - пора прекратить безжалостные рубки леса. Но всеказахстанскую славу принесли ей археологические коллекции, которые она отсылала в Алматы и Караганду. В ее дневниках подробная запись имен всех старожил, ученых и исследователей Каркаралы» [цит. по: Попов, 2016б].

Штрихи к портрету В. Бафталовской. По страницам тетрадей из прошлого века

Некоторые штрихи к портрету Веры Бафталовской позволяют сделать записи из гимназических тетрадей нашей героини. Прошло более 30 лет, как тетради хранятся у одного из авторов этих строк. А было это так.

В конце мая 1986 г. А. З. Бейсенов, студент-старшекурсник истфака КарГУ, и Ж. Е. Смаилов, молодой специалист, сотрудник истфака, после пешего осмотра места раскопок поселения Суыкбулак близ г. Каркаралы, вернувшись в город, зашли в среднюю школу № 2, где работала преподаватель географии София Пантелеевна Фесенко, уроженка этого города, знавшая многих старожил, природу, памятники местности. С. П. Фесенко, весьма добродуш-



Рис. 4. Сборы В. Е. Ясенецкой в окрестностях Каркаралы. Песты. Фонд № 61, КОИКМ. Фото Д. Шашенова

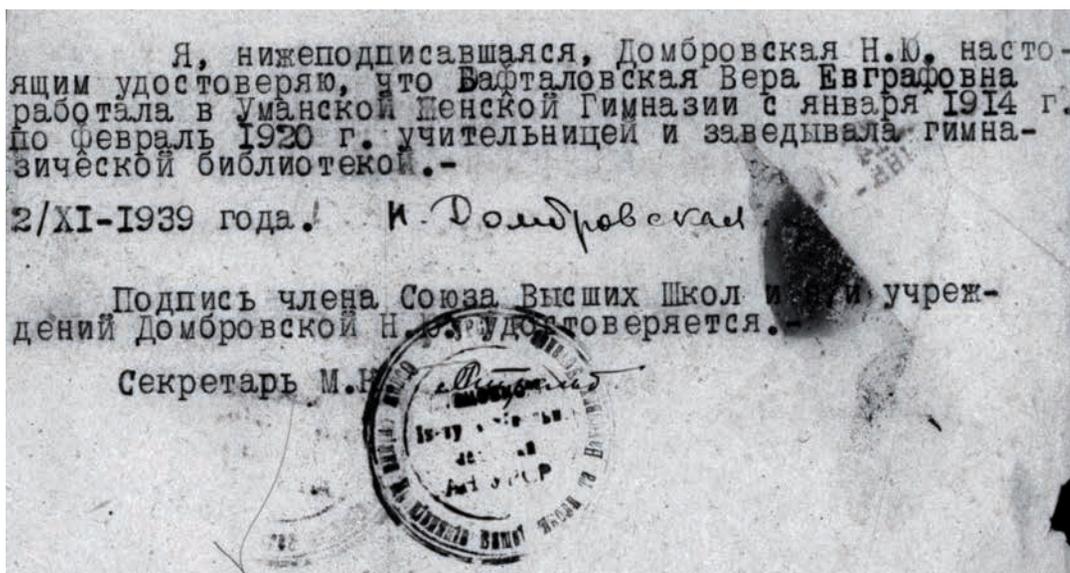


Рис. 5. Справка из Союза высших школ и научно-исследовательских учреждений (по: ГАКО, ф. 1363, оп. 1, д. 50)

но приняв гостей, после краткого рассказа о недавно умершей Вере Евграфовне Ясенецкой, передала А. З. Бейсенову две тетради, “оставшиеся у нее от бумаг покойной”, выразив при этом надежду, что «историкам, интересующимся прошлым славного города Каркаралинска, они будут более полезны».

В поступке учителя географии присутствует элемент этнографии. Вряд ли С. П. Фесенко поступила преднамеренно, сказать трудно, - тем не менее, в нюансах казахского поминального обряда есть момент, связанный с раздачей вещей, принадлежащих покойнику в течение 40 дней после смерти. Судя по данным Ю. Г. Попова, Вера Евграфовна скончалась 28 апреля [Попов, 2016а]. Видимо, события, приведшие двух молодых археологов в школу № 2, - это удивительным образом звенья одной цепочки. В таких случаях казахи говорят: «Кұдай айдады» (Бог послал). Получается, что тетради ждали археологов. Это как последнее послание от краеведа Веры Ясенецкой.

В одной тетради ученицы 6-го¹ класса Веры Бафталовской, подписанной на обложке «для хронологических записок из средней и новой истории», содержатся два стихотворения - “Перед портретом” и “Юнкер Шмидт”.

Перед портретом

Задумчиво гляжу на милые черты:

В улыбке – грусть, в глазах – глубокое страданье,

О счастья, о любви лучистые мечты

И жизни шуток злых печальное сознание.

Да, жизнь, как феодал, безумствует порой! –

Меня каждый день забаву,

То тешится страстей жестокою игрой,

То льет в вино гостям отраву!...

(Никол. Ник. Шрентерфельд, род. 1876, поэт. деят. в 1900-х годах)²

Юнкер Шмидт³

Вянет лист. Проходит лето.

Иней серебрится...

Юнкер Шмидт из пистолета

Хочет застрелиться.

Погоди, безумный, снова

Зелень оживится!

Юнкер Шмидт! Честное слово,

Лето возвратится!

род. 1821 г., поэтическая деятельность
1853–1864 под псевдонимом
(Козьма Прутков) Алексей
Мих. Жемчужников, п. д. и в 80 [годах].

Во второй тетради сохранилось сочинение, написанное В. Бафталовской. При проверке работы учителем сделаны незначительные исправления: пометки в виде коротких горизонтальных и вертикальных волнистых линий, замена синонимов, сделаны замечания по пунктуации и стилю изложения (рис. 6). Ниже приводим текст сочинения полностью.

10 декабря

Цель и смысл жизни

Цели жизни различны у людей, но бывает, что не только не знает, но и не хочет знать человек цель своей жизни. Подобные случаи, кажется, чаще всего. Подобная жизнь – бесцельная и поэтому бессмысленная, не жизнь, а прозябание.

Мне кажется, что жизнь нам дана для того, чтобы наслаждаться ею, наслаждаться радостями, для того, чтобы отыскать в самом себе и в окружающем мире поэзию [слово «поэзию» зачеркнуто учителем]⁴, красоту и истину, наконец, для того, чтобы облегчать кому-нибудь [слово «кому-нибудь» исправлено учителем на слово «другим»] существование, приносить посильную пользу –

жить и не мешать жить другим. Короче, – стараться уяснить для себя смысл и цель жизни и, раз они ясны и определены, то жить и поступать согласно своим убеждениям. С религиозной точки зрения (которой я прежде крепко придерживалась) земная жизнь нам дана, как предчувствие, как преддверие личной, блаженной жизни бессмертной души, той жизни, которая начинается после телесной смерти.

Собственно говоря, в отыскании вечной истины добра и красоты и пр., в отыскании этого в своей душе и старании достигнуть совершенного, блаженно-спокойного состояния духа я вижу цель жизни, цель идеальную и трудно достижимую. Кто имеет цель в жизни, эту или же другую, для того жизнь имеет смысл, тот знает для чего он живет и соответственно с этим поступает.

Для меня же жизнь еще загадка. В данную минуту я не вижу никакой цели в жизни, она мне кажется бессмысленной. Зачем это земное существование, которое все равно ни к чему не ведет? А есть ли загробная жизнь, жизнь бессмертной души и какую цель, какой смысл она имеет – я не знаю. Поэтому мне нечего сказать о своей цели в жизни – у меня ее нет, а сама жизнь не имеет в моих глазах никакого смысла. Это мой настоящий взгляд. Может быть это случайное, навеянное обстоятельствами и чтением Лермонтова – не знаю. Но идеальный взгляд на цель жизни, высказанный мною выше, не есть мое убеждение личное, а скорее вычитанное, заимствованное и, кажется, шаблонное. Я думаю, что все чувства, которые человек может испытывать, все сильные страсти и желания, все самые великие и дерзкие его мысли и творения, разве все это не минутный обман? Все исчезнет, все превратится в ничто и возвратится к первоначальному хаосу; позже будет и с нами и со всеми людьми. Подобное заявление – мой пессимизм. Но это не верно, а вернее сказать, что я сомневаюсь, ищущая, надеюсь и еще много жду от жизни, несмотря на некоторые минуты уныния. Все же я слишком привязана к земному, скоро забываю или стараюсь забыть безнадежные мысли и люблю весь мир и жизнь, хотя в глубине души часто

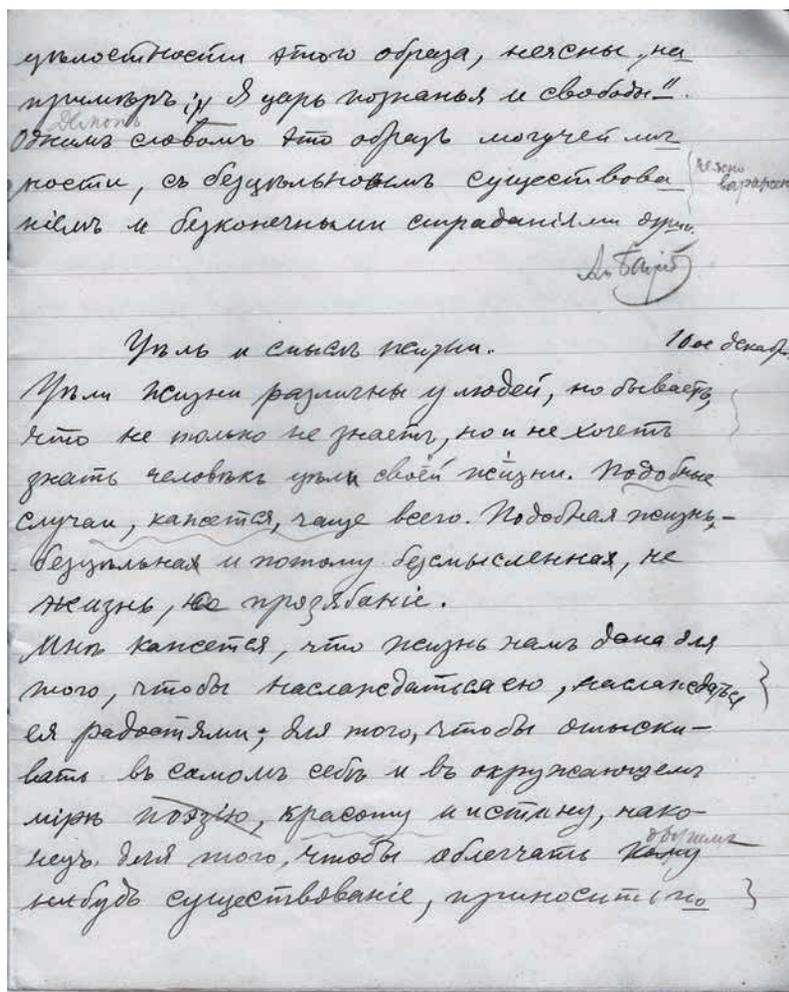


Рис. 6. Страница из тетради Веры Бафталовской. Личный архив А. З. Бейсенова

сомневаюсь. Поэтому повторяю, что мне нечего сказать о цели и смысле жизни. Пусть об этом скажет тот, кто убежден в этом, кого не охватывают сомнения, кто в глубине души не ужаснется той ужасной бесконечности неведомого мира, верный хаос, который ждет нас после смерти. Я могла бы разубедиться в этом, но лишь, когда мне докажут, что красота и добро не исчезают бесследно, что есть жизнь души после смерти. Когда я перестану бояться смерти, вернее того неведомого, ужасного, что в ней заключается, тогда я скажу, что жизнь имеет для меня смысл. Пока же мой взгляд таков: живи, пользуйся всеми радостями и наслаждениями, которые нам даны вместе с жизнью. Для этого только стоит жить, потому что смерть возьмет все. Кажется, это эпикурейский взгляд – но мне хотелось бы его изменить каким-либо другим, который глубже бы удовлетворял мои душевные запросы. Я сознаю, что жизнь – великое благо, дарованное нам Богом и поэтому ищущая цель своей жизни, стараюсь себе ее уяснить, и, потому, первые строки моего сочинения вовсе не обвинение самой себе [учителем сверху над-

писано «противоречие себе»). Такие периоды бывают, вероятно, у всякого человека, но кто на нем останавливается, жизнь того можно назвать прозябанием, а не жизнью, потому что при таких убеждениях и взглядах на жизнь остается только махнуть на все рукой [фраза «махнуть на все рукой» зачеркнута учителем] и жить как придется, без цели и смысла.

Из переписки Ясенецких

№ 1 Письмо Б. И. Ясенецкого Л. Ф. Семенову [ГАКО, ф. 1363, оп. 1, д. 50] (рис. 7)

3/VII–1956 г.

Многоуважаемый Леонид Федорович!

Письмо Ваше получили и благодарим за память. Очень рады, что Ваш юбилей прошел удачно и торжественно. Посылаю Вам список птиц⁵ и зверей. Что касается предложения стать корреспондентом Географического Общества, то пусть они ко мне напишут в чем должна состояться моя работа и т. д. Тут теперь часто бывают дожди – все хорошо растет. Мы здоровы.

Как поживаете?

С совершенным почтением и товарищеским приветом,

Б. Ясенецкий

№ 2 Письмо Л. Ф. Семенова, адресованное В. Е. Ясенецкой

Уважаемая Вера Евграфовна!

Шлю большой привет и наилучшие пожелания. Посылаю Вам несколько фото, переданных нам находок из других районов нашей области, а также фото черепка сосуда и камня для пращи с Большого озера⁶, круглый камень, помните, находка Деева В.

Впервые из района Темир-тау⁷ нам колхозник т. Бреннер принес бронзовый нож, бронзовую стрелку и железный наконечник стрелы (см. фото)⁸. Также посылаю фото того знаменитого топора-молота (в натуральную величину), найденного учащимися Ворошиловской школы в обрыве реки Нуры в 1954 году. Топор отличается, обратите внимание, замечательной обработкой (шлифовкой) сам он зеленоватого цвета и был найден им в каменном ящике.

Привет Богдану Ильичу. Как здоровье Ваше и Богдана Ильича? Нет ли чего нового? Вы так избаловали нас передачей нам разных вещей, что мы всегда от Вас чего-то ждем.

Крепко жму Вашу руку и желаю здоровья, здоровья и еще раз здоровья.

Семенов

14.12.1956

№ 3 Письмо В. Е. Ясенецкой Л. Ф. Семенову [ГАКО, ф. 1363, оп. 1, д. 50]⁹

23 декабря – 56 г.

Уважаемый Леонид Федорович!

По радио слышала о получении Вами награды, а затем прочла и в газетах. От души поздравляю Вас и шлю самые лучшие пожелания. Богдан Ильич, кажется, опередил меня и послал уже Вам свое поздравление, а я, по своей привычке всегда опаздываю. Очень Вам благодарна за память, за присланные фото. Как жаль, что тот бронзовый нож, что я Вам передала, потерялся. Но рисунок сохранился у меня, а также у профессора Маргулана¹⁰, который прошлой осенью заезжал к нам, видел этот нож и прислал своего рисовальщика и фотографа (из состава его экспедиции) который и увековечил изображение ножа.

Этой осенью, в октябре, мне посчастливилось побывать в горах Кента, где я видела развалины буддийского храма, который у казахов называется, если не ошибаюсь, – “Дворец сорока дев”¹¹ и с ним связаны разные легенды. Недалеко от этих развалин я нашла большое кладбище, по-видимому, андроновское, потому что это каменные четырехугольники в оградках и без оградок, сложенные из камней и плит довольно крупных размеров. Там я насчитала этих могил более 30, потому что точно подсчитать в зарослях караганника было затруднительно. Ближе к развалинам была большая группа могил калмыцкого типа¹². Если Вы увидите с Григорьевым Г. Вас.¹³, то он может Вам рассказать об этом больше. Это с ним я ездила в Кент. Видела этот пресловутый Кызыл-Кенш¹⁴. К сожалению, не удалось побывать там подольше. Была я также в Комиссаровке¹⁵, видела тот большой дом лесничества¹⁶, где, говорят, на чердаке были сложены, архивы лесничества, которые частично уже уничтожены невежественными людьми, а часть перевезена в Лесхоз в Каркаралинске. Посмотреть на подробности, т. е. на остатки архива на чердаке в Комиссаровке нельзя было, хотя времени для этого у меня было больше чем достаточно – мы там провели целый день, а ночевали у старшего лесничего. Но остальная часть дома и верхний этаж были заняты воинской частью, так что не представлялось возможным войти туда. Теперь, кажется, уже закончили постройку бараков¹⁷ возле Большого озера и воинская часть перешла туда. Но, боюсь, как бы не нарушили при будущих постройках этого древнего места, которое Вы сняли на план весной (когда приезжали в Каркаралинск в конце мая). Когда мы ехали в Комиссаровку, то посмотрелась к этому месту – там большой курган с огромными усами¹⁸ и пр. По-видимому, очень интересное и многообещающее место.

Из находок в Каркаралинске ничего особенно выдающегося не было, но мелкие находки есть. Как правило, наш огород по Красной¹⁹ улице дает при весенней и осенней копке разные обломки древней керамики, остатки шлаков, иногда каменные вещи, обработанные или полубработанные, иногда целиком, большей частью в обломках. В этом году нашлось: рожок козули-серны, с частью черепной кости, покрытый известковым налетом (на огороде дома № 17 по Красной улице). Был на глубине полного штыка лопаты и, что самое интересное, в этом самом месте, где года два или три тому назад я докопалась до очень плотно убитого слоя земли и там же был большой кусок шлака. А мелкие остатки шлака вокруг этого места находились ежегодно. Другая примечательная находка — это остаток какого-то металла, остатки от отливки. Имеет неправильную форму. Но это или медь чистая, а скорее всего бронза. Так утверждает Богдан Ильич и я думаю, что оно так и есть, потому что при отчистке ножом края, можно видеть блестящую желто-зеленую поверхность металла. Эта штучка была на нашем огороде по Красной улице № 23. Кроме того разные мелкие остатки.

От двух уже казахов из к-за Нуркен²⁰ слышала, что там есть сопка, называется Тунгатар²¹ или, может быть, Тункатар, верхушка которой никогда не бывает покрытой снегом зимой, а из глубокой расщелины на самой верхушке сопки зимой видно всегда облачко пара или дыма. Расщелина, по их словам, настолько глубокая, что при бросании туда камня, звука падения не слышно. Эта сопка в 8 километрах от к-за Нуркен и зимой туда ходит пастись скот. Конечно, все эти сообщения требуют проверки, но все же интересно. Ведь открыли же залежи в Милы-Булаке, потому что когда-то дети играли там, жгли костер из “черных камешков”.

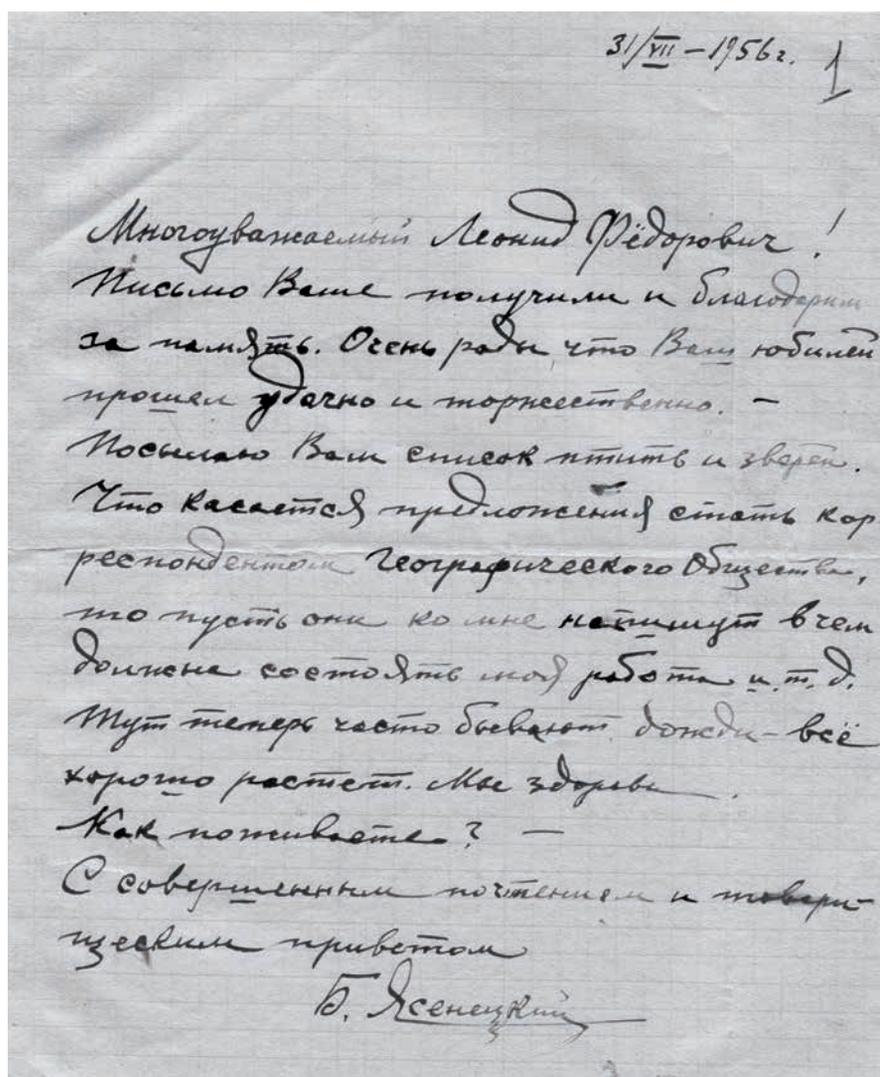


Рис. 7. Письмо Б. И. Ясенецкого, адресованное Л. Ф. Семенову (по: ГАКО, ф. 1363, оп. 1, д. 50)

Богдан Ильич больше не работает в школе, с 1-го ноября перешел на пенсию — 560 рублей. Я тоже теперь получаю 340 рублей. Но здоровье наше сильно сдает. Пока, всего хорошего, желаю Вам здоровья, также и Вашей семье. Вера Ясенецкая.

Примечание от авт.: На поле первой страницы письма с левой стороны сверху вниз написано крупными буквами: «Прошу писать и не забывать Каркаралинцев». На этой же странице, в верхней части, вписана фраза более мелким почерком: «О получении моего письма известите хоть парой слов, а [то] будет опять, как в прошлом году, когда мое письмо было Вам доставлено».

№ 4 Письмо В. Е. Ясенецкой Л. Ф. Семенову [ГАКО, ф. 1363, оп. 1, д. 50]

4 июня 1963 г.

Многоуважаемый Леонид Федорович! Любезное и грустное Ваше письмо мы получили 30-го апреля и как-то рука не поднима-

лась Вам ответить, ибо не хватает умения и слов, чтобы утешить Вас в столь великом горе, которое Вас постигло. В таких случаях является мысль, что для спасения дорогого человека делалось все возможное, а дальше мы не в силах бороться с неумолимыми законами природы. Ваше горе нам вполне понятно и мы его разделяем всем сердцем. Мы не в силах Вас утешить, ибо горе Ваше, многоуважаемый Леонид Федорович, слишком велико. Нежное и сердечное отношение Ваших детей и время до некоторой степени облегчает Ваше горе. Святое воспоминание о любимой жене и доброй матери должно остаться в семье навсегда.

Примите от нас, уважаемый Леонид Федорович, выражения нашего глубокого сочувствия и соболезнования.

Вера и Богдан Ясенецкие.

P.S. О нас могу сказать, что эту зиму Богдан Ильич много болел и до сих пор не оправился от осложнения после гриппа – у него межреберная невралгия. Это очень упорная и мучительная штука и только лежачее положение до некоторой степени облегчает боль. Но при деятельном и беспокойном характере Богдана Ильича такое вынужденное лежание очень ему надоедает, так что долго улежать он не может. Я в мае переболела гриппом и до сих пор не могу отделаться от последствий болезни. За последний год в Каркаралинске много перемен, но, к сожалению, не все к лучшему – лес ужасно портят и губят его нерациональным способом.

Напишите, пожалуйста, почему Ваша книжка о Каркаралинске не печатается? – у Вас неразборчиво написано. Желая Вам здоровья и бодрости.

С уважением и дружеским приветом, Вера Ясенецкая.

№ 5 Письмо Б. И. Ясенецкого С. Н. Маркову [цит. по: Попов, 2016б]

14 января 1958 г.

Уважаемый Сергей Николаевич!

Следуя Вашей просьбе, посылаю при сем краткий ответ на интересующие Вас вопросы.

1. Город Каркаралинск основан в 1824 году и представлял станицу Сибирского казачьего войска кроме которого тут жили казахи (киргизы). Это был уездный город, а в настоящее время это районный центр. Русское население (войсковые казаки) занималось немного земледелием и держало значительное количество скота (коровы, лошади, овцы). Казахи (киргизы), городские, вели полукочевую жизнь, так как летом кочевали из города в степь со своим многочисленным скотом (лошади, крупный рогатый скот, верблюды, козы и громадные стада курдючных овец). В сте-

пи вместе со скотом перекочевывали с места на место в поисках лучшего пастбища и в войлочных круглых юртах. Питались мясом, молоком, сыром (сушеный творог разного приготвления – курт и ирымшик), айраном и кумысом²². Хлеба в прежнее время казахи не ели, а из муки варили в кипящем жире кусочки теста, так называемые баурсаки.

2. Казахи исповедуют мусульманскую религию, но она введена тут недавно сравнительно, а именно со времени царствования Екатерины II. До того казахи были язычники-идолопоклонники, и до сих пор здесь сохранились на старых кладбищах каменные идолы²³.

3. По своему нраву казахи – люди спокойные и миролюбивые, очень вежливые. Очень почитают стариков и родителей, воля которых даже для взрослых детей – закон. Казахи очень гостеприимны, а скупость считается у них чуть ли не главным недостатком человека. К физическому труду не склонны, а любят занимать начальственные места, т. е. административные.

Все домашнее хозяйство лежит на женщине, а поэтому жена у казахов перегружена работой. Женщины ходят с открытым лицом. Обычая закрывать лицо у них не было никогда.

Мужчины-казахи занимались пасением скота – они хорошие наездники. Но были и ремесленники – преимущественно из городского населения – плотники, столяры, сапожники, кожевники и мастера обработки металлов, главным образом серебра и золота, отделки сбруи, седел и стремян, поясов и кожаных сумочек и многие другие.

Женщины пряли и ткали шерсть, делали из войлока кошмы – ковры с набивным рисунком.

4. В 50 километрах от г. Каркаралинска была так называемая Куяндинская ярмарка²⁴ (урочище Коянды), где в летнее время (июнь-июль) съезжалось множество народа и куда сгоняли громадные гурты скота. Приезжали купцы со всевозможными товарами, и шла продажа скота, шерсти, сала, кож и т. д. Куяндинская ярмарка продолжалась один месяц и там делались миллионные сделки. На ярмарку ехали почти все жители Каркаралинска и там закупали всего на целый год. Для этой ярмарки в степи неподалеку от большого озера Карасор²⁵ были построены каменные склады, лабазы, мечеть и пр. После окончания ярмарки всё пустовало, и только здания охранялись несколькими сторожами. Куяндинскую ярмарку называли также Ботовской, от имени здешнего богатого купца. Кругом Куяндинской ярмарки в степи много озер, которые служили для водопоя пригнанному туда во множестве скоту. Последняя ярмарка состоялась в 1930 году, а теперь она больше не существует.

5. В настоящее время поселки (русские и украинские) и казахские аулы объединены в колхозы с обобщенным скотом и обработкой земли. Климат здесь сухой (континентальный), а потому урожаи хлебов небольшие (30–60 пудов с гектара) и часто бывают недороды по причине засухи и жары. Сеют преимущественно яровую пшеницу, а кроме того ячмень, овес, просо и горох (немного).

Пропашные культуры почти отсутствуют. Недавно начали вводить в колхозах посадки картофеля. Огородничество в зачаточном состоянии.

6. Каркаралинские горы покрыты лесами, в которых растут каменная сосна, береза и осина – белая и обыкновенная (белая осина, по-казахски ак-терек, по своим качествам отличается от осины обыкновенной, сохранилось ее вообще мало). Елей и других пород хвойных, а также и других пород хвойных, а также и других лиственных здесь нет. Из кустарников есть: шиповник красный и белый, таволга – две разновидности ирга, смородина черная, красная и белая, малина красная и белая, жимолость татарская, можжевельник казацкий (арча), каменистая смородина, боярышник верболоз или, как здесь его называют, тал или тальник. Есть и корзиночная лоза, а также и другие кустарники.

Животный мир: волки, зайцы барсуки, лиса обыкновенная и лиса степная, называемая корсак серна, сайга, суслик, сурок, архар, рысь, ласка, горностай, тушканчик (большой). В Каркаралинских лесах не было белок, но в 1935 году сюда привезли 70 белок, и они размножились. Изредка попадает дикий кабан и даже иногда появляется лошадь Пржевальского.

Птиц здесь вообще мало. На степных озерах всевозможные виды уток, чибисы, чайка, выпь иногда – лебеди. В степях – дрофы, куропатки (белая и серая) жаворонок, журавли, тетерев-косач. В лесу орлы, сороки, вороны, грачи, синица большая, кукушка удод, несколько видов дятла и др., в городе и поселках – воробей. Ласточек тут почти нет, соловьев – также. Из пресмыкающихся: ужи, гадюки, ящерицы серые и зеленые, лягушки только древесница. В озерах рыбы: главным образом карась, чебак, изредка – щука.

Каркаралинские горы средней высоты. Самая высокая вершина в нашем районе называется Кабан-шал²⁶, около 1400 метров над уровнем океана. Город Каркаралинск расположен в широкой горной котловине, окруженной с севера и запада высокими и скалистыми горами, а с юго-востока – пологими холмами. Город находится на высоте 903 метра над уровнем океана. В горах на большой высоте озера – Шайган-куль (Чертово озеро²⁷ и Бассейн²⁸). Это от города недалеко, ки-

лометров 5 по лесной и горной дорогам. Оба озера очень красивы. Есть еще Пашенное озеро²⁹ в 8 километрах от города в большой долине между горами – очень живописное место.

Окрестности Каркаралинска очень интересны для археологических исследований. Тут в доисторические времена жил человек каменного века, а потом бронзовой и других эпох. В горах недалеко от города есть доисторические пещеры, выдолбленные людьми каменного века, а кроме того, вблизи города находятся древние кладбища и отдельные погребения, имеющие почтенный возраст от 2–3 тысяч лет до нашего времени и выше. Там есть погребения в лежачем положении, есть скорченные погребения, изредка попадаются следы сожжения. Большинство покойников похоронено в каменных ящиках, сложенных из хорошо обработанных каменных плит. Плиты эти иногда бывают весьма больших размеров. В этих могилах находят глиняную выжженную посуду, часто с разнообразным орнаментом, каменные топоры, ножи из кремня, скребки, бронзовые и иные украшения, кремневые наконечники к стрелам или к дротикам, предметы из кости, иногда золотые вещи. Многое найденное в этих могилах, находится теперь в краеведческом музее в гор. Караганде. Директор музея т. Семенов³⁰ ежегодно летом приезжает в Каркаралинск и производит археологические раскопки вблизи города или же в районе.

У самого города по гребню гор идет так называемая Калмыцкая стена³¹, сложенная из необработанного камня. Это граница бывшего Калмыцкого государства с казахскими владениями. Возле этой стены находят каменные пушечные ядра. Однажды нашли кольчугу и саблю.

7. За последнее время здесь началась распашка целинных степей, устраиваются совхозы. В окрестностях Каркаралинска и в районе каждое лето работают многие геологические партии, изучающие богатства недр земли, которых здесь весьма много³². В 25 километрах от Каркаралинска есть рудник Карагайлы, где добывают свинец, барий и др., а вблизи рудника ГРП (геологоразведочная партия) ведет изыскательные работы, которые в скором времени уже будут закончены, и место перейдет в эксплуатацию, т. е. присоединится к Карагайлинскому руднику. В урочище Милы-Булак³³ недавно (случайно) найден каменный уголь. Это приблизительно в 60–70 километрах от города на юго-восток. В 60 километрах от города находится железорудное месторождение Кен-тюбе³⁴, но оно пока законсервировано. Кен – по-казахски означает руда, а тюбе или тебе – холм. Каркаралинские горы состоят преимущественно из гранита, но есть и иные горные породы. В каменоломнях добывается камень-плитняк,

отличный материал для возведения каменных построек. Местный лес дает отличный строительный материал, а также топливо.

К югу от Каркаралинска, в получасе ходьбы от города, у подножья горы вытекает источник, вода которого считается у местного населения целебной. По мнению знающих людей, вода этого источника радиоактивна. Воздух в Каркаралинске прекрасный, больные туберкулезом излечиваются. Здесь есть туберкулезный санаторий для детей (костный туберкулез), расположенный в самом городе, хотя ему, конечно, было бы лучше поместиться в лесу, в горах.

В 8–10 километрах от города в урочище Пашенное озеро находятся пионерский лагерь и дом отдыха Акчетаустроя³⁵. Каркаралинск при наличии гор, чудесного леса, горного воздуха, отличной воды в родниках мог бы стать курортной или климатической станцией, но этому большой помехой является большое расстояние от железной дороги – ближайшая станция – Караганда, 240 километров.

В Каркаралинске меж казахским населением есть хорошие мастера: кузнецы, колесники и плотники, столяры и др. Женщины делают прекрасные ковры и узорные кошмы. Есть искусные ткачихи, которые ткут красивые узорчатые шерстяные материи, а нитки для этого красят своими отличными, нелиняющими красками. Особенно славятся здешние ювелиры, которые делают прекрасные серебряные браслеты, кольца, серьги и пр. Эти изделия художественно гравированы орнаментами.

Большинство казахов музыкальны и под аккомпанемент домбры поют народные песни, многие из них очень красивы и своеобразны. Последнее время часто исполняются песни национального поэта и певца Абая. Отец Абая³⁶, очень богатый человек, около ста лет тому назад выстроил в Каркаралинске большую деревянную мечеть. В этой постройке теперь помещается Дом пионеров. Громадную кирпичную церковь, построенную купцом Рязанцевым³⁷ и немного незаконченную, разобрали на постройку школы 10-летки. В городе есть несколько учебных заведений; казахская и русская десятилетки; казахская 7-летка, техникум с двумя отделениями – ветеринарным и зоотехническим – курс обучения 4 года. При техникуме есть и двухгодичное, ускоренное отделение. Кроме того, есть еще одногодичная школа с двумя отделениями – ветеринарным и бухгалтерским. В городе есть больница, амбулатория, аптека, ветеринарный пункт и ветеринарная бактериологическая лаборатория.

В средней части города есть молодой парк. Заводов и фабрик здесь нет. Есть паровая мельница, входящая в состав промкомбината, где имеет-

ся швейная и сапожная мастерская, производство валенок, пилорама для досок. Город состоит главным образом из небольших деревянных и саманных домов. Тут есть все районные учреждения, почта, дом инвалидов, баня, хлебопекарня, две столовые, гостиница. Местные магазины за последнее время хорошо снабжены товарами. Базар почти не существует, так как из аулов и поселков ничего не привозят.

Через город протекает небольшая горная речушка, которая летом почти пересыхает. На казахском языке Каркаралы означает ожерелье или же старинный женский головной убор, расшитый жемчугом, т. е. украшение. Это название связано с одной легендой. Город растет и развивается довольно слабо, хотя население за послевоенные годы увеличилось за счет переселенных сюда немцев и украинцев-галичан из Западной Украины (Галиции)³⁸.

Сообщение с Карагандой автобусами и грузовыми машинами, а также самолетами. Воздушное сообщение наиболее выгодно – час полета до Караганды. Зимой сообщение с Карагандой иногда прерывается из-за буранов на несколько дней или ещё больше³⁹. Бывает так, что почту не привозят по две недели, а, изредка и дольше. По той же причине зимой бывают перебои с доставкой продуктов и товаров. Впрочем, это бывает у нас и в летнее время, но уже по другим причинам. Я живу и работаю в Каркаралинске с 1930 года.

С совершенным почтением,
Б. Ясенецкий.

Семья Ясенецких оставила глубокий след в изучении Каркаралы и его окрестностей. По словам людей, знавших Б. И. Ясенецкого, он был народным любимцем, отличным врачом-врачевателем. Особую популярность Богдану Ильичу приносило то, что он лечил травами. Его специальное образование позволяло исключительно хорошо разбираться в растениях. Поскольку каркаралинцы в то время избегали какого-либо хирургического вмешательства, то методы лечения Б. И. Ясенецкого были для них самыми подходящими.

Ясенецкие хорошо разбирались в особенностях казахской культуры, были прекрасными собеседниками. Беседы с каркаралинцами позволяли узнать больше о той или иной местности, собирать легенды и предания, выявлять новые археологические объекты.

В. Е. Ясенецкая пережила мужа на 18 лет и умерла в возрасте 95 лет. Как писала в своем сочинении Вера Бафталовская* [*Авторы форму написания фамилий Ясенецкая, Бафталовская (есть варианты Ясинецкая, Бофталовская) придерживаются, исходя из писем, тетрадных записей Веры Евграфовны], она очень сильно привязана к

земному. Эта хрупкая женщина бесконечно была влюблена в жизнь, иначе как в условиях тех лет смогла бы выстоять и продолжить заниматься делом, приносящим радость и смысл от существования на этой земле?!. Возможно, своеобразным

девизом ее земного существования были строки из приведенных поэтических произведений, суть которых сводилась к тому, что ни при каких обстоятельствах не следует падать духом.

Примечания

1 – На обложке в самом низу слева, в уголке есть строки: «19-го ноября 1906 года в 11 часов вечера», сделанные чернилами [Тетрадь Бафталовской В.]. Если учесть, что В. Бафталовская 1891 г.р. [Попов, 1916], то получается, что на момент начала работ в данной тетради, нашей героине было 15 лет.

2 – Под псевдонимом Н. Шрейтер (у В. Е. Ясенецкой – Никол. Ник. Шренерфельд) печатались стихи А. В. Луначарского. Стихотворение “Перед портретом” было опубликовано в журнале Русское богатство” (1991, № 11) [Наследие А. В. Луначарского, Интернет-ресурс]. Данное литературное и научное издание выходило раз в месяц в Санкт-Петербурге в период с 1876 по 1918 год [Русское богатство, Интернет-ресурс].

3 – Под псевдонимом “Козьма Прутков” во второй половине XIX в. выступала группа поэтов: Алексей Толстой и братья – Алексей, Владимир и Александр Жемчужниковы [Козьма Прутков, Интернет-ресурс]. По мнению составителя книги “Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений” В. Серова, иронико-пародийное восьмистишие Козьмы Пруткова “Юнкер Шмидт из пистолета хочет застрелиться” датируется 1854 г. и «служит шутивно-ироническим комментарием по поводу мрачного настроения, дурного расположения духа, пессимизма и т. д.» [Юнкер Шмидт..., Интернет-ресурс].

4 – Здесь и далее примечания в квадратных скобках даны авторами настоящей статьи.

5 – В письме именно так и написано «птить» (рис. 7).

6 – Имеется в виду озеро Улкен коль (Үлкен көл) близ г. Каркаралинска.

7 – Темир-тау (Темиртау) – город в Карагандинской области. Дословно название переводится как железная (темир) гора (тау).

8 – К сожалению, снимки отсутствуют.

9 – Письмо опубликовано в статье известного карагандинского краеведа Ю. Г. Попова [Попов, 2016б].

10 – Звания академика АН КазССР А. Х. Маргулан был удостоен в 1958 г. [НА «Гылым ордасы», ф. 11, оп. 1л/д, д. 112, л. 90]

11 – Речь идет о памятнике, находящемся в ущелье Кызылкеныш. Этот памятник казахи называли “Святая дева” (Қыз әулие), а в научные работы он попал под названием “Кызылкентский дворец” или же “Дворец Кызылкеныш” (см.: [Смаилов, Бейсенов, 2004, с. 254–269]). Рядом с ним имеется каменная вершина, называемая “Сорок дев” (Қырық қыз). Часто люди эти названия путают и поныне.

12 – По-видимому, под “могилами калмыцкого типа” имеются в виду курганы раннего железного века.

13 – Личность Григорьева Г. Вас. уточнить не удалось.

14 – Возможно, имеется в виду упомянутый “Дворец Кызылкеныш” или же само ущелье.

15 – Урочище Комиссаровка.

16 – Дом лесника. Здание, архитектурный памятник начала XX в.

17 – в районе Большого озера в то время действительно стояла небольшая воинская часть, располагавшаяся в саманных и деревянных бараках.

18 – Курганы с “усами” – широко распространенные в Центральном Казахстане памятники раннего железного века. В настоящее время одним из актуальных вопросов является хронология этих загадочных сооружений (см.: [Бейсенов, 1999; 2001; 2015]).

19 – Ул. Красная в 1974 г. была переименована и носит имя Петра Теряева – Героя Советского Союза, летчика-истребителя, погибшего во Второй мировой войне. Он был уроженцем Каркаралинского района, родился в выселке (хуторе) Кутузовский, который находился на территории современного Буркуттинского сельского округа. Как сообщают старожилы Каркаралы, ул. Красная изгибами шла вдоль речки и «особо хорошо бывал здесь урожай картошки».

20 – Современное село Нуркен, центр одноименного сельского округа. В настоящее время здесь проводятся многолетние археологические исследования [Бейсенов, 2007; Бейсенов и др., 2015].

21 – Аналогичные сведения о горе Тунгатар распространены среди казахов в районе села Нуркен с давних времен и передаются из поколения в поколение. Эти данные никем не проверялись.

22 – В летнее время после продолжительной суровой зимы наступало раздолье в молочной пище: молоко; айран – заквашенное кипяченое молоко; кумыс – напиток, изготовленный из кобыльего молока; иримшик – варенный и высушенный творог, обычно, светло-коричневого цвета.

23 – Скорее, имеются в виду старинные каменные кулпытасы.

24 – Кояндинская ярмарка еще имела название Ботовской. Подписи под знаменитой и исторически важной каркаралинской петицией, составленной лидерами Алашорды, были собраны именно на этой ярмарке.

25 – Озеро Карасор недалеко от современного села Коянды Каркаралинского района.

26 – Кабаншат, Кабанья гора – местные названия вершин.

27 – Озеро у каркаралинских казахов раньше имело свое собственное название – “Аулиеколь” (Өуликөл), священное озеро (см.: [Бейсенов, 2014, с. 38]). Шайтанколь – новое название.

28 – Озеро Бассейн близ Каркаралы.

29 – Озеро Самал, где ныне расположен дом отдыха “Шахтер”.

30 – Семенов Леонид Федорович – известный краевед в Центральном Казахстане, археолог, музеевед, основатель Карагандинского областного историко-краеведческого музея.

31 – Близ Каркаралы действительно есть остатки бывшей каменной стены, дата которой остается неизвестной. Помимо распространенной версии о появлении ее в эпоху казахско-жонгарских войн, а также ряда откровенных и бессмысленных выдумок, современные целенаправленные археологические исследования, в т. ч. какие-либо обмеры, шурфовки, не проводились. Во второй половине 1980-х гг. местами еще были видны хорошо сохранившиеся нижние слои стены.

32 – В Центральном Казахстане работал целый спектр различных экспедиций – археологи, геологи, гидрологи, ботаники, зоологи и мн. др. [НА «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 31].

33 – Урочище Милыбулак, село Милыбулак – на территории Кайнарбулакского сельского округа.

34 – Ныне действующий рудник Кентобе.

35 – Здесь ныне находится дом отдыха “Шахтер”.

36 – Отец Абая – Кунанбай Ускенбайулы, старший султан Каркаралинского внешнего округа. Мечеть, строительство которой завершилось летом 1851 г., была построена на добровольные пожертвования волостных управителей. Большая личная заслуга в строительстве мечети Ага-султана К. Ускенбаева, человека энергичного и влиятельного, заключалась, прежде всего, в умелой организации и форсировании этого дела.

37 – Рязанцевы – каркаралинская семья, из которых вышли зажиточные люди, наживших состояние, главным образом, торговлей скотом. Появление нового понятия “скотопромышленники” в последней трети XIX в. связано именно с такими предпринимателями. Широко известными в конце XIX – начале XX вв. торговыми деятелями были братья, купцы П. С. Рязанцев и А. С. Рязанцев. Стало быть, речь идет о “Княже-Владимирской церкви” г. Каркаралы, в строительство которой вкладывали свои средства оба брата. Церковь была разрушена в начальный период советской власти, камни и кирпичи действительно были использованы затем в строительстве казахской школы (СШ № 1). Принято считать, что в домах купцов Рязанцевых сейчас расположены районная библиотека, финансовый отдел и, кажется, еще какие-то учреждения. По поводу разрушения старинных зданий в г. Каркаралы любопытные сведения были сообщены одному из авторов А. З. Бейсенову старожилом района Нургалием Ниханбайулы (1893–1985), родным старшим братом его бабушки. Аксакал Н. Ниханбайулы, научивший еще в 1970-х гг. А. З. Бейсенова чтению арабской вязи “кадым”, был человеком грамотным, известным в Каркаралинском районе муллой. Устный рассказ, записанный А. З. Бейсеновым, имел место осенью 1982 г. Решение о разрушении церкви было принято на большом коммунистическом митинге. Согласно информатору, это произошло в конце 1920-х или же в самом начале 1930-х гг. Затем, на следующем митинге приняли решение разрушить мечеть Кунанбая, но тут же один из присутствующих, выйдя вперед, предложил отложить снос мечети до будущих времен, а сейчас превратить здание в зерносклад, громко мотивируя это отсутствием хорошего склада для хлеба. Несколько человек громко поддержали оратора, крича о надвигающейся осени, отсутствии складов для урожая, и митингующие согласились подождать с разрушением мечети. Затем мечеть так и осталась не разрушенной. Как считал информатор, дело было организовано группой аксакалов, тайно придумавших довольно хитроумный способ спасти мечеть и поручивших проведение такого “сценария” верным молодым людям. Дело было настолько скрытное, что в 1982 г. информатор или действительно не знал или не пожелал назвать имена организаторов этого почти героического поступка, спасших уникальный памятник истории. Этот же информатор сообщил примерную дату разрушения еще двух мечетей близ Каркаралы, находившихся в районе современных сел Токтар (урочище “Мешіт шілігі” в 3–4 км от села, - неподалеку от частично изученного могильника сакского времени Кособа) и Нуркен (урочище “Мешіттөбе” в 4–5 км от села, на правом берегу реки Жарлы) – 1927–1930 гг.

38 – Отдаленный от многих городских центров степной регион Каркаралы еще в царское время был местом постоянной ссылки различных политических противников самодержавия, “неблагонадежных”, эта традиция имела продолжение и в советское время. С началом Второй мировой войны сюда было выслано много немцев из Поволжья. Во время и после второй мировой войны в Каркаралы ссылались люди, причастные к оппозиционным группировкам, действовавшим в западной части СССР.

39 – В настоящее время между Караганды и Каркаралы воздушного сообщения нет. Зимой дороги все также оказываются закрытыми из-за метелей.

ЛИТЕРАТУРА

- Байкенжина Л.Ж., Киселева Л.А.** Обзор материалов Карагандинского государственного областного архива и выявленных документов по Каркаралинскому региону в архивах Восточно-Казахстанской области // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. Под редакцией К. С. Алдажуманова и А. З. Бейсенова. – Алматы: Эверо, 2004. – С. 477–519.
- Бейсенов А.З.** Изучение курганов с каменными грядами казахских степей // XIV УАС (21–24 апреля 1999). – Челябинск: Рифей, 1999. – С. 114–115.
- Бейсенов А.З.** “Мұртты” обаларды зерттеудің кейбір мәселелері // Достижения и перспективы археологической науки независимого Казахстана: тр. Междунар. конф. “Маргулановские чтения”, посвящ. 10-летию независимости Республики Казахстан. – Кызылорда, 2001. – Б. 67–74.
- Бейсенов А.З.** Работы на могильнике Нуркен-2 // Историко-культурное наследие Сарыарки: сб. научн. ст. – Караганда: Карагандинская областная государственная инспекция по охране историко-культурного наследия; САИ при КарГУ им. Е. Букетова, 2007. – С. 173–197.
- Бейсенов А.З.** Древние сокровища Сарыарки. Книга-альбом. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана; НИЦИА “Бегазы-Тасмола”, 2014. – 196 с. (на каз., рус. и англ. яз.).
- Бейсенов А.З.** Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. – Алматы: НИЦИА “Бегазы-Тасмола”, 2015. – С. 11–38.
- Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О.** Население Центрального Казахстана в I тыс. до н.э. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. – 188 с.
- Козьма Прутков. Интернет-ресурс. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Козьма_Прутков
- Маргулан А.Х. Личное дело // НА “Тылым ордасы”, ф. 11, оп. 1л/д, д. 112, 201 л.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 360 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.** Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 435 с.
- Письма семьи Ясенецких краеведов Каркаралинской области (1956–1963) // ГАКО, ф. 1363, оп. 1, д. 50, 8 л.
- План экспедиционных работ КазФАН СССР на 1946 г. // НА “Тылым ордасы”, ф. 2, оп. 1, д. 31, 27 л.
- Попов Ю.** Академик Маргулан – наставник краеведов // Индустриальная Караганда, 2011, 16 августа, № 92.
- Попов Ю.** Заповедные ценности Сарыарки // Индустриальная Караганда, 2016а, 17 ноября, № 146.
- Попов Ю.** Заповедные ценности Сарыарки // Индустриальная Караганда, 2016б, 22 ноября, № 148.
- Русское богатство. Интернет-ресурс. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русское_богатство
- Семенов Л.Ф.** Стоянка эпохи бронзы Суук-Булак // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Сер. Археология. – 1956. – Т. 1. – С. 263.
- Смаилов Ж.Е., Бейсенов А.З.** Кызылкентский дворец (Кыз аулие) // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. Под редакцией К. С. Алдажуманова и А. З. Бейсенова. – Алматы: Эверо, 2004. – С. 254–256.
- Тетрадь В. Бафталовской // Личный архив А. З. Бейсенова.
- Чирков Ю.И.** А было все так.../предисл. А. Приставкина. – М.: Политиздат, 1991. – 382 с. – В прил.: Чиркова В.М. Красноярский край, с. 339–380. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=801>
- Юнкер Шмидт из пистолета хочет застрелиться // Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. Автор-составитель В. Серов. URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/25/36.htm>

Н. Ю. Смирнов

Н. Ю. Смирнов

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

N. Yu. Smirnov

*The Institute for the History of Material Culture, St.
Petersburg,*

E-mail: kolaksais@yandex.ru

Один на всех. К эпистолярным связям М. П. Грязнова и лидеров казахской археологии второй половины XX века

Аннотация: В статье впервые публикуются письма выдающихся казахских археологов — А. Х. Маргулана, А. М. Оразбаева, К. А. Акишева, М. К. Кадырбаева, адресованные крупнейшему специалисту по археологии ранних кочевников Евразии М. П. Грязнову и его жене, археологу М. Н. Комаровой. Статья состоит из четырех блоков, что соответствует количеству отправителей писем.

В первом блоке публикуются письма А. Х. Маргулана, стоявшего у истоков археологии Казахстана, и организатора Центрально-Казахстанской археологической экспедиции.

Второй блок – это письма А. М. Оразбаева, организатора профессионального археологического образования в Казахстане, первого заведующего кафедрой археологии и этнографии Казахского национального университета им. аль Фараби, активного участника Центрально-Казахстанской археологической экспедиции.

Третий блок – письма К. А. Акишева, участника Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, руководителя Северо-Казахстанской, Южно-Казахстанской и других экспедиций, автора раскопок погребения «золотого человека» в кургане Иссык.

Четвертый блок – письма М. К. Кадырбаева, участника и руководителя Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, открывшего памятники тасмолинской археологической культуры эпохи ранних кочевников в Центральном Казахстане и обосновавшего её выделение.

Ключевые слова: Алкей Хаканович Маргулан, Михаил Петрович Грязнов, Мария Николаевна Комарова, Абдулманап Медеуович Оразбаев, Кималъ Акишевич Акишев, Мир Касымович Кадырбаев, переписка.

One for all.

On epistolary relationships between M. P. Gryaznov and representatives of the Kazakh archaeology of the second half of the 20 century

Abstract: The paper presents the first publication of the letters written by the prominent Kazakh scientists A. Kh. Margulan, A. M. Orazbayev, K. A. Akishev, M. K. Kadyrbayev to the foremost authority on the archaeology of the early Eurasian nomads M. P. Gryaznov and his wife, archaeologist M. N. Komarova. The article consists of four blocks, which corresponds to the number of senders of the letters.

In the first block the letters of A. Kh. Margulan, who stands at the origins of archaeology of Kazakhstan, and the organizer of the Central Kazakhstan archaeological expedition are published.

The second block is the letters of A. M. Orazbayev, organizer of professional archaeological education in Kazakhstan, the first head of the department of archaeology and ethnography of the Kazakh National University named after al Farabi, active participant of the Central Kazakhstan archaeological expedition.

The third block is the letters of K. A. Akishev, the participant of the Central Kazakhstan archaeological expedition, the leader of the North Kazakhstan, South Kazakhstan and other expeditions, the author of the excavation of the burial of the “golden man” in the barrow Issyk.

The fourth block is the letters of M. K. Kadyrbayev, participant and leader of the Central Kazakhstan archaeological expedition, who discovered the monuments of the Tasmola archaeological culture of the early nomads in Central Kazakhstan and substantiated its identification.

Keywords: Alkey Kh. Margulan, Mikhail P. Gryaznov, Maria N. Komarova, Abdulmanap M. Orazbayev, Kimal' A. Akishev, Mir K. Kadyrbayev, correspondence.

В личном фонде Михаила Петровича Грязнова в Научном архиве ИИМК РАН хранится значительный объём писем, полученных учёным за длительный период с 1908 по 1984 г. Среди них особенный интерес для истории науки представляют письма коллег и учеников из разных научных центров Советского Союза, посвящённые не только насущным вопросам археологии, но и наполненные личной приязнью авторов к адресату и, тем самым, передающие ту общую атмосферу научного творчества и дружеских отношений, сохраняющуюся в науке в не самую простую эпоху в истории нашей страны.

Учитывая, что отмечаемый ныне юбилей Центрально-Казахстанской экспедиции напрямую связан с именами её основателей, руководителей и участников — А. Х. Маргулана, К. А. Акишева, М. К. Кадырбаева и А. М. Оразбаева мне представляется уместной публикация корпуса их писем и поздравительных открыток, адресованных не только крупному учёному и старшему коллеге, но многолетнему внимательному и доброжелательному наставнику и другу казахских археологов — М. П. Грязнову и его жене, археологу М. Н. Комаровой.

Письма авторов знаменитой монографии «Древняя культура Центрального Казахстана» не самая объёмная часть переписки, сохранившейся в фонде М. П. Грязнова, но характер писем и содержащаяся в них информация вне сомнения заслуживают внимания широкой учёной аудитории.



Рис. 1. М. П. Грязнов на работе, за письменным столом. 1970-е гг. (по: НА ИИМК РАН. РО, ф. 91, оп. 2, д. 51)

«ДОРОГИЕ МАРИЯ НИКОЛАЕВНА И МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ...»

ПИСЬМА АЛКЕЯ ХАКАНОВИЧА МАРГУЛАНА К МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ГРЯЗНОВУ И МАРИИ НИКОЛАЕВНЕ КОМАРОВОЙ

(Публикация и комментарии Н. Ю. Смирнова)

В личном фонде М. П. Грязнова в Научном архиве ИИМК РАН хранится небольшой объём писем и поздравительных открыток, полученных им от выдающегося учёного, стоявшего у истоков археологии Казахстана, и организатора Центрально-Казахстанской археологической экспедиции — Алкея Хакановича Маргулана. Письма адресованы не только самому Михаилу Петровичу, но и его жене, археологу Марии Николаевне Комаровой.

Можно заметить, что в ранний период переписки преобладали письма делового характера, насыщенные подробностями научной жизни и административных забот казахского археолога, в последующий период это только короткие поздравительные открытки, уже не касающиеся деловых отношений, но их тон становится более личным и тёплым.

Всего сохранилось четыре письма, девять почтовых открыток и одна телеграмма [Маргулан Алкей Хаканович...]. Ниже приводятся аннотированные тексты писем, открыток и телеграммы. При публикации сохранены все стилистические особенности авторского текста, за исключением очевидных опечаток. Расшифрованные сокращения отдельных слов и уточняющие комментарии публикатора помещены в квадратные скобки. Для недатированных писем и открыток предложена вероятная дата их написания.

1. Машинописное письмо от 17 января 1947 г.
[Маргулан Алкей Хаканович, л. 1].

[штамп] Академия наук
Институт истории, археологии
и этнографии от 17 января 1947
г. №08

Глубокоуважаемый Михаил Петрович.

Сектор Археологии ИИАЭ АН КазССР просит Вас дать статью для подготавливающегося к печати сборника Академии Наук КазССР по археологии Казахстана, а также сообщить каковы Ваши планы полевой работы летом 1947 года¹ и нет ли у Вас намерения работать в Казахстане.

Не откажите также в любезности сообщить, как обстоит дело с рецензией на работу Аккермана Б. А.²

Зав. сектором археологии ИИАЭ АН КазССР /Маргулан/

[подпись] А. Маргулан

[рукописный постскрипtum] P.S. Сборник должен быть сдан в печать в ближайшее время.

2. Рукописное письмо от 30 марта 1952 г.
[Маргулан Алкей Хаканович, л. 2–3].

Дорогой Михаил Петрович,

Шлю Марии Николаевне и вам мой сердечный дружеский привет. Думаю, что вы уже давно вернулись из отпуска и день и ночь работаете над разрешением сложных вопросов древнейшей истории нашего отечества. Я знаю, что вы очень заняты своими делами, но мне хотелось бы получить от вас официальные данные химического анализа стеклянных бус, которые мне нужны для обоснования того или другого вывода. Надеюсь, не откажете в неотложной присылке.

Затем очень хотелось бы узнать ваше мнение относительно плоского кургана, имеющего в плане форму концентрического круга, выложенного из камня. Подобные курганы Киселёв считает характерными для афанасьевского времени (С. В. Киселёв, История Южной Сибири, стр. 57)³. В прошлом году мне удалось раскопать один курган, сильно напоминающий алтайские курганы, описанные Киселёвым. Внешняя форма моего кургана концентрический круг, выложенный из камня в три ряда. Его диаметр с запада на восток 5,8 м, с севера на юг 4,7 м. Таким образом, он представляет собой концентрический овал. В нём был заключён большой каменный ящик (2,4 м x 1,0), ориентированный длинной осью с востока на запад. В ящике находился целый костяк, на спине, с вытянутой вдоль тела левой рукой, ноги согнуты в коленях. Правая рука, согнутая в локте, протянута в сторону барана, костяк которого лежал у северо-западного угла каменного ящика. Ориентировка человека головой на ЗЮЗ. В ящике обнаружены две миниатюрные каменные тёрки, одна из которых из мягкого красного песчаника, другая из более твёрдой породы. Но самое замечательное – андронидный череп с очень низким лбом. Кроме указанных находок ничего найдено не было, ни керамики и ни металлических изделий.

Мне кажется, датировка этого кургана представляет огромный интерес, так как он не похож на более позднеандроновские памятники Центрального Казахстана. Архаические элементы ритуала и форма самого погребения затрудняют отнести также к более позднему времени, например ко времени ранних кочевников.

Хорошо было бы, если вы высказали ваше соображение по этому поводу и может быть привели некоторые параллели. Если найдёте время черкнуть несколько слов – буду вам очень благодарен.

С глубоким уважением,

А. Маргулан

30 III 1952 Алма-Ата

3. Рукописное письмо от 20 мая 1953 г.
[Маргулан Алкей Хаканович, л. 4–5].

Дорогой Михаил Петрович,

К Вам направляется аспирант археолог Академии Наук Казахстана товарищ Акишев⁴ для завершения своей кандидатской диссертации по теме бронза Центрального Казахстана. Весь период аспирантской подготовки он находился под моим руководством, неоднократно принимал участие в Центр[ально]-Казахстанской археологической экспедиции, проявляя энтузиазм и способности в полевой научно-исследовательской работе. Участие в археологических раскопках на Бегазах, на реке Талды-Нура, Бугулы и в верховьях р. Атасу (северная граница Бетпак-Дала) помогло ему получить практический опыт и навык в полевой работе, освоить методику раскопок и в тоже время обогатить своё знание по археологии степной полосы нашей страны. Сейчас у него сложилось ясное представление о культуре эпохи бронзы на территории степных областей, он хорошо знает археологию Южной Сибири, Казахстана и Южного Урала.

Его диссертация должна быть построенная, в основном, на материале Центрально-Казахстанской археологической экспедиции. В частности ему предоставлен богатый Атасуйский комплекс, заслуживающий не только кандидатскую, но и докторскую работу.

Сейчас им написаны 2–3 главы его диссертации, однако отсутствие необходимой литературы не позволяет ему научно оформлять свою работу. В этом отношении Ленинград окажет ему несомненную пользу.

В связи с болезнью я получил полугодовой отпуск, поэтому я им сейчас не руковожу. Он нуждается в руководстве и получении квалифицированной научной консультации по основным проблемам эпохи бронзы на территории КазССР.

Михаил Петрович, может быть Вы не откажете в любезности быть его опекуном, руководить его диссертационной работой и поможете в окончательном завершении его кандидатской работы.

Прошу передать горячий привет Марии Николаевне.

С дружеским приветом А. Маргулан.

20 мая, 1953

4. Рукописное письмо от 19 марта 1959 г.
[Маргулан Алкей Хаканович, л. 6–7 об.].

19 III 1959 г.

Дорогие Мария Николаевна и Михаил Петрович,

Извините, что я долго не ответил на Ваше письмо, потому что ждал окончательного решения руководителей нашей Академии. Наконец получил санкцию президента, который говорил, что, поскольку речь идёт об имени крупного советского учёного, мы непременно устроим его сына. И он специально выделил должность Лаборанта для Орика⁵. В ближайшее время мы должны оформлять Орика сотрудником нашего Института.

Кроме того, сегодня 19-го марта, на специальном заседании Президиума Академии Наук Казахстана, рассмотрен вопрос о дальнейшей работе археологических экспедиций на территории Казахстана и археологической науке — вообще. В связи с этим нам выделено пять вакантных мест. Из них три — лаборанты, 2 — млад[шие] науч[ные] сотр[удники]. Можно сказать, что мы несколько подкрепляемся. Эти места уже ориентировочно распределены между тремя экспедициями. Орика возьму я для работы в Центральном Казахстане. Недавно через Манеша⁶ я его пригласил к себе, чтобы поговорить с ним и дать

некоторые советы. Он очень деликатный, корректный и скромный, только, говорят, немного лентяй. Я ему дал задание, пока мы собираемся в экспедицию, чтобы он сдал все зачёты и экзамены по Университету и чтобы за ним не было никаких долгов. Если он всё это будет аккуратно выполнять — я ему обещал премию в период экспедиции. Он радостно улыбнулся и дал слово, что всё он сделает досконально. Вчера я спрашивал Манеша, как дела со сдачей экзаменов Орика, он молчал и улыбался, видимо хвостов ещё много.

Относительно Орика прошу не беспокоиться. Материальная база уже создана, теперь остаётся преодолевать канцелярскую волокиту.

Михаил Петрович, Манеш мне сообщил, что в этом году Вы очень заняты делами около Байкала⁷, что Вы и Мария Николаевна не можете приехать в Центральный Казахстан. Это очень досадно. Нам хотелось бы посоветоваться с Вами при раскопке Атасуйского поселения — очень сложного по структуре и расположению на площади. Если найдёте время, хотя бы на 2–3 дня, было бы замечательно приехать к нам и проконсультировать нас, каким методом вести раскопку. Подумайте, дорогой Мих[аил] П[етрович], если окажется такая возможность — сообщите, когда лучше встретиться нам в верховьях р. Атасу? Или отправиться вместе из Алма-Аты, Караганды, Агадырь? По этому поводу черкните несколько слов.

С наилучшими пожеланиями.

Всегда Ваш А. Маргулан

5. Рукописная почтовая открытка от 1961 г. (?) Дата определена по дате выпуска открытки [Маргулан Алкей Хаканович, л. 17].

Дорогой Михаил Петрович

Дружески поздравляю Вас с наступающим праздником первого мая. Уже несколько дней, как Мария Николаевна гостит в нашей небесной Алма-Ате. Погода была не особенно похвальная, но со вчерашнего дня, кажется, устанавливается.

С добрыми пожеланиями А. Маргулан

6. Рукописная почтовая открытка от 06 декабря 1961 г. Дата определена по дате штемпеля почтового отделения г. Алма-Аты [Маргулан Алкей Хаканович, л. 7].

Ленинград, 12 Линия, д. 15, кв. 5. М. П. Грязнову

Алма-Ата, ул. Карла Маркса 135, кв. 59
А. Х. Маргулан

Дорогие Мария Николаевна и Михаил Петрович,

Поздравляю Вас от всего сердца с Новым годом, новым счастьем, желаю доброго здоровья

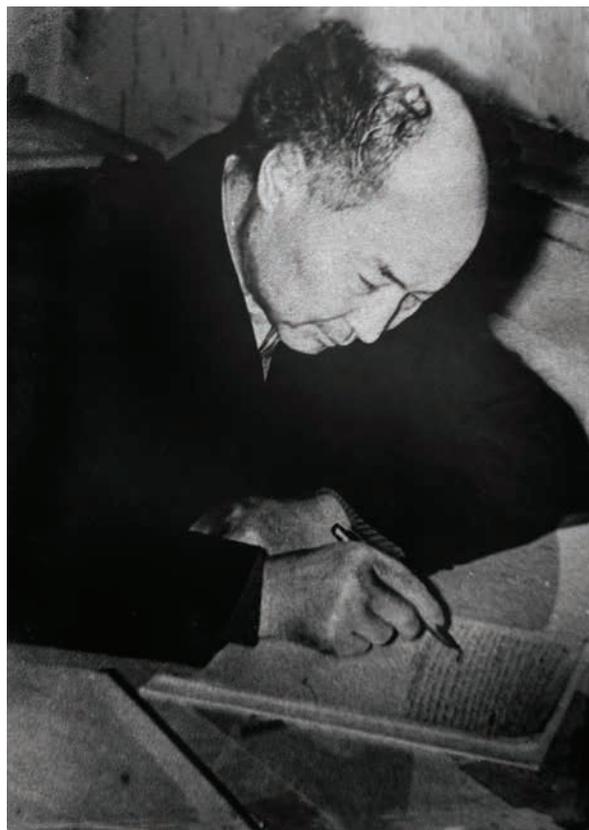


Рис. 4. А. Х. Маргулан за рукописью,
г. Алма-Ата, год не известен.
Фото из личного архива А. З. Бейсенова

и новых замечательных успехов в наступающем году.

Очень признателен за присылку ваших очередных трудов, представляющих для меня огромный интерес.

Алкей.

7. Рукописная почтовая открытка от 30 декабря 1963 г. [Маргулан Алкей Хаканович, л. 8].

Дорогие Мария Николаевна и Михаил Петрович

Позвольте поздравить Вас с новым годом, пожелать Вам крепкого, богатырского здоровья, и ещё более грандиозных творческих успехов, в новом году совершить

замечательные открытия, делающие переворот в науке.

Хочу ещё пожелать Вам красивой, счастливой жизни.

С глубоким уважением

А. Маргулан

30/XII 63 г.

8. Рукописная почтовая открытка от 28 декабря 1964 г. [Маргулан Алкей Хаканович, л. 9].

Дорогие Мария Николаевна и Михаил Петрович!

Примите от нас, от Раушан Абикеевны⁸ и от меня, сердечные поздравления с новым годом и пожелания держать постоянные связи с Алма-Атой и Казахстаном. Отсутствие Орика в Алма-Ате не должно быть помехой. Прошу передать привет и новогодние поздравления Орику Михайловичу.

С глубоким уважением к Вам А. Маргулан
28/XII 64.

9. Телеграмма, после 1965 г. (?). Дата определена по дате выпуска бланка [Маргулан Алкей Хаканович, л. 10].

Ленинград 12 линия 15 кв 5 Грязновым

Шлём сердечные поздравления и наилучшие пожелания в новом году. Маргулан.

10. Рукописная почтовая открытка от 1966 г. (?). Дата определена по дате выпуска открытки [Маргулан Алкей Хаканович, л. 12].

Дорогие Мария Николаевна и Михаил Петрович,

Шлём из Алма-Аты в майские дни горячий привет и пожелания, чтобы результаты



Рис. 2. М. П. Грязнов, М. Н. Комарова и А. Х. Маргулан на даче М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой, 1980 г. (по: НА ИИМК РАН. РО, ф. 91, оп. 2, д. 51)

Вашей летней экспедиции были также блестящи, как всегда.

А. Маргулан

11. Рукописная почтовая открытка от 26 декабря 1966 г. [Маргулан Алкей Хаканович, л. 11].

Дорогой Михаил Петрович,
Шлём Вам и Марии Николаевне сердечный привет и новогодние пожелания.

С искренним уважением

Алкей Маргулан

26/XII 66 г.

12. Рукописная почтовая открытка от декабря 1969 г. Дата определена по упоминанию в тексте письма грядущего 1970 г. [Маргулан Алкей Хаканович, л. 13].

Дорогие Мария Николаевна и Михаил Петрович

К новому году шлю Вам сердечные приветы и добрые пожелания, чтобы 1970 год был для Вас таким же плодотворным, как все годы прошлого десятилетия.

С глубоким к Вам уважением

Алкей Маргулан

13. Рукописная почтовая открытка от 2 октября 1972 г. [Маргулан Алкей Хаканович, л. 15].

Дорогие Мария Николаевна и Михаил Петрович

Очень рад поздравить Вас с праздником революции и 50-летием образования Советского государства, пожелать Вам много успехов в ва-

шей творческой деятельности, открыть новых Тутаменхопов⁹. Может быть Вы уже открыли, к сожалению мы ещё ничего не знаем.

Любящий и уважающий Вас
Ваш Алкей Маргулан
2/Х 72 г.

14. Рукописная почтовая открытка, начало 1970-х гг. (?). Дата определяется условно, открытка отпечатана в Турции [Маргулан Алкей Хаканович, л. 16].

Дорогие Мария Николаевна и Михаил Петрович

По случаю праздника весны шлю Вам тёплые приветы и добрые пожелания. Одно из этих пожеланий то, чтобы в этом летнем сезоне ваши имена гремели ещё сильнее, чем до сих пор и волна приветствий оглушала долину Верхнего Енисея¹⁰.

Ваш Алкей Маргулан

«ДОРОГИЕ МАРИЯ НИКОЛАЕВНА И МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ, Я ПОНИМАЮ КАК ЭТИМ Я ВАМ ОБЯЗАН...».

ПИСЬМА АБДУЛМАНАПА МЕДЕУОВИЧА ОРАЗБАЕВА К МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ГРЯЗНОВУ И МАРИИ НИКОЛАЕВНЕ КОМАРОВОЙ

(*Публикация и комментарии Н. Ю. Смирнова*)

В личном фонде М. П. Грязнова, среди писем от коллег и учеников, хранятся письма видного казахского археолога, стоявшего у истоков высшего профессионального археологического образования в Казахстане, первого заведующего кафедрой археологии и этнографии Казахского национального университета имени аль-Фараби Абдулманапа Медеуовича Оразбаева. Среди писем, поздравительных открыток и телеграмм особое значение имеют три развёрнутых письма к М. П. Грязнову и М. Н. Комаровой, повествующие о перипетиях строительства археологической науки и образования в Казахстане, а также о работах автора в рамках Центрально-Казахстанской и других крупных археологических экспедиций [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович...].

Ниже приводятся аннотированные тексты этих трёх писем, а также тексты поздравительных открыток и телеграмм, показывающие очень тёплое и внимательное отношение семьи Оразбаевых к М. П. Грязнову и М. Н. Комаровой. При публикации сохранены все стилистические особенности авторского текста, за исключением очевидных опечаток. Расшифрованные сокращения отдельных слов и уточняющие комментарии публикатора помещены в квадратные скобки. Для недатированных писем предложена вероятная дата их написания.

1. Рукописное письмо от 10 мая 1958 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 1, 2, 2об.].

Дорогие Михаил Петрович, Мария Николаевна, большое спасибо за привет, переданный Миром¹¹. Сразу после приезда из Москвы занялся хлопотами в издательстве, составлением археологической карты Гурьевской области, доработал статью, которую Вам показывал и сдал её в «Труды» Института¹². Наконец долгожданная, вымученная диссертация вышла в свет¹³. Вчера получил оттиски только в 30 экземплярах. Дорогие Мария Николаевна и Михаил Петрович я понимаю как этим я вам обязан. Посылаю вам оттиски, а по получении книги сразу же вышлю книгу. Михаил Петрович, с Павлом Александровичем¹⁴ по поводу организации защиты договорился будучи в Москве и по его указанию высылаю заявление, оттиски и жду вызова на защиту. Мне бы хотелось, по возможности, защитить до отъезда в экспедицию. Руководство нашего Института того же мнения.

У нас в Институте всё по-прежнему. Собираемся в экспедицию. Как я предполагал меня посылают в Восточный Казахстан. Кемаль¹⁵ берёт Орика¹⁶ с собой на Или. До сих пор устроить Орика на постоянную работу Кемалю не удалось, так как не дают единицу и вопрос об увеличении штатов по сектору археологии откладывается до осени. Орик иногда приходит в Институт работает в лаборатории (бесталантно). Говорил с ним насчёт учёбы: ему нужно сдать немецкий язык и латинский за первый курс. Он обещал до отъезда в экспедицию подготовить и сдать их. На днях сказал мне, что экзамены у заочников будут принимать только с 20 июня. Хотел взять справку о том, что он едет в экспедицию, чтобы сдавать экзамены осенью. Я ему сказал — приготовить языки и обещал договориться в Университете о досрочной сдаче, но боюсь что он их не подготовит. Выглядит он хорошо, здоров, собирается в экспедицию, а осенью надеется работать в Институте. К нам он изредка заходит. Не женился и не собирается. Живёт на старой квартире — на Советской. Посылку вашу, переданную Миром получил. Вот Михаил Петрович, наши новости. Как Вы живёте, как здоровье Марии Николаевны. Об Орике пусть она особенно не беспокоится. Он здоров, ничего плохого не делает, с осени, вероятно, будет работать. Привет от Наташи¹⁷, Апы¹⁸.

Уважающий вас Манеш.
10.5.58 г.

2. Телеграмма, наклеенная на открытку, от 20 апреля 1960 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 27]. Дата определена по штемпелю почтового отделения г. Ленинграда.

ПОЗДРАВЛЯЮ ПРАЗДНИКОМ ПЕРВОГО
МАЯ ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ СЧАСТЬЯ
= МАНЕШ –

3. Рукописное письмо от 12 октября 1960 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 17, 17об., 18].

Здравствуйте, многоуважаемые Михаил Петрович и Мария Николаевна! Как ваше здоровье, как съездили в экспедицию? Мы — алмаатинцы все здоровы, работаем. Кемаль копал свой Беш-Атыр. Раскопанные курганы, почти все, оказались граблеными. Под насыпью одного большого кургана обнаружили круглое сооружение из камня и камыша в виде казахского мазара. Находок почти нет. Прекрасный казахстанский сруб (Беш-Атыр) сторел. Анна Георгиевна¹⁹ работала на Чардаре. О находках её экспедиции, наверно, Орик писал Вам. Я до 5 августа раскапывал могильник Нурманбет, на трассе канала Иртыш-Караганда (Павлодарская обл[ась], Куйбышевский район). Раскопки этого года дали хороший материал. Найдены десять целых горшков и около двадцати раздавленных, которые легко восстанавливаются. Из бронзовых вещей найдены: два листовидных (литых) кинжала. Четыре больших височных колец, обложенные золотой фольгой с орнаментом. Очень много бронзовых и пастовых бус; подвески из раковин; бронзовые нашивные бляшки с орнаментом; подвески из зубов корсака. Около десяти бронзовых браслетов со спиральными завитками на концах. В одном ящике был найден один браслет и четыре перстня. Браслет очень похож на казахские браслеты Семипалатинской области.

В одной из оград, в могильнике Нурманбет, найдено оригинальное захоронение. Погребение оказалось неграбленным. На дне могильной ямы лежали два скелета погребённых. Мужчина лежал на левом боку, женщина — на правом. В юго-западном конце ямы стояли два орнаментированных горшка. В изголовье мужчины лежал литой бронзовый кинжал и бронзовая пластинка (14 см). На запястьях женщины — по два бронзовых браслета с орнаментом в виде спирального завитка на концах, на пальцах — пять бронзовых перстней с тем же орнаментом, на ноге — «ножной браслет» из бронзовых бус. Рядом с женским черепом, в затылочной части найдены бронзовые шилья и иголки. Вообще в этом году могильник Нурманбет дал богатый материал. Ездил на Чаглинку. Копал памятники эпохи бронзы — земляные курганы. Под земляной насыпью кургана на древнем горизонте сооружена ограда, круглой формы, из небольших сланцевых плит. Раскопанные курганы дали вещи алакульского этапа. Из-за ограниченности времени землянки не копал. Ещё раз сняли план землянок (18 шт[ук]), сделали зачистку обрыва на 215 метров. Несколько землянок, с юго-восточной части, размывается Чаглинкой. На зачищенной стене обрыва хорошо прослеживаются слои. Землянки большие 10 × 20 и 10 × 30 м. При

зачистке обрыва найдено много костей животных и черепков. Для раскопки землянок нужна какая-то механизация. Без механизации трудно работать. Возможно, рационально будет использовать транспортёр, самосвал. По поводу использования механизма и раскопки землянок хотелось бы мне посоветоваться с вами. Желательно было бы, если бы вы хотя бы на несколько дней приехали к началу раскопа и проконсультировали. Если вы не возражаете, то я включу в смету экспедиции все расходы необходимые для вашего приезда.

Михаил Петрович, Мария Николаевна, я очень извиняюсь перед вами, что так долго задержал долги. Я бы раньше рассчитался, но не было возможности. По моим записям до отъезда я взял у вас следующую сумму: 150 + 200 + 200 + 300 + 25 + 500 + 100 + 1000 = 2475 рублей.

После экспедиции 1956 года ещё 200 рублей. Кроме этого возвращаю 400 рублей, которые вы оставили Евгении Ивановне²⁰, для преподавателя немецкого языка. Евгения Ивановна отдала их мне, но они были истрачены мною, когда я ездил на защиту. Таким образом, я должен возратить вам долг в общей сумме — 3075 рублей (2475+200+400).



Рис. 5. А. М. Оразбаев со своим питомцем, г. Алма-Ата, год не известен.
Фото из личного архива А. З. Бейсенова

Указанную сумму вчера перевёл почтой на ваш адрес. Если я в чём-нибудь ошибся, то прошу мне сообщить. Я бесконечно благодарен вам за оказанную мне помощь.

Уважающий вас Манеш.

12. X. 60 г.

[приписка на полях] Высылаю фотографию «Загробной любви»²¹. Большой привет Сергей Сергеевичу²² и поздравляю его [с] Чиликтой²³.

4. Телеграмма, наклеенная на открытку, от 21 декабря 1960 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 26]. Дата определена по штемпелю почтового отделения г. Ленинграда; на открытке надпись получателя, М. П. Грязнова (?): 1.1.1961.

=ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС НОВЫМ ГОДОМ ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ СЧАСТЬЯ УСПЕХА ТВОРЧЕСКОМ ТРУДЕ=МАНЕШ-

5. Телеграмма, наклеенная на открытку, после 1957 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 30]. Дата определена по дате выпуска открытки; возможно, телеграмма от апреля 1961 г., т. к. открытка идентична той, на которую наклеена первомайская телеграмма от 1960 г.

ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС ПРАЗДНИКОМ ПЕРВОГО МАЯ ЖЕЛАЮ СЧАСТЬЯ ЗДОРОВЬЯ УСПЕХА В ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЕ=МАНЕШ-

6. Телеграмма, наклеенная на открытку, после 1958 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 31]. Дата определена по дате выпуска открытки; возможно, декабрь 1961 г., т. к. открытка идентична той, на которую наклеена декабрьская новогодняя телеграмма от 1960 г.

ПОЗДРАВЛЯЮ НОВЫМ ГОДОМ ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ СЧАСТЬЯ УСПЕХА В ТРУДЕ=МАНЕШ-

7. Телеграмма от 29 декабря 1961 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 32]. Дата определена по штемпелю почтового отделения г. Ленинграда.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС НОВЫМ ГОДОМ ЖЕЛАЕМ ЗДОРОВЬЯ СЧАСТЬЯ УСПЕХОВ ТРУДЕ=ОРАЗБАЕВЫ-

8. Рукописная открытка, после 1965 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 13]. Дата определена по дате выпуска открытки.

Михаил Петрович и Мария Николаевна!
Поздравляю вас с Новым годом. Желая вам большого здоровья.
Наташа.

9. Телеграмма, наклеенная на открытку, от 2 января 1966 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 29]. Дата определена по штемпелю почтового отделения г. Ленинграда.

=ПОЗДРАВЛЯЕМ НОВЫМ ГОДОМ ЖЕЛАЕМ ЗДОРОВЬЯ СЧАСТЬЯ УСПЕХОВ ТВОРЧЕСКОМ ТРУДЕ=ОРАЗБАЕВЫ-

10. Телеграмма, наклеенная на открытку, от 29 декабря 1966 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 28]. Дата определена по штемпелю почтового отделения г. Ленинграда.

=ПОЗДРАВЛЯЕМ НОВЫМ ГОДОМ ЖЕЛАЕМ ЗДОРОВЬЯ СЧАСТЬЯ УСПЕХОВ ТРУДЕ=ОРАЗБАЕВЫ-

11. Телеграмма, наклеенная на открытку, от 7 марта 1967 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 25]. Дата определена по штемпелю почтового отделения г. Ленинграда.

ДОРОГАЯ МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ПОЗДРАВЛЯЕМ ВЕСЕННИМ ПРАЗДНИКОМ 8 МАРТА ЖЕЛАЕМ ЗДОРОВЬЯ НАИЛУЧШИХ БЛАГ ЖИЗНИ=ОРАЗБАЕВЫ-

12. Рукописная открытка, после 1967 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 14]. Дата определена по дате выпуска открытки.

Дорогие Мария Николаевна, Михаил Петрович!

Поздравляем вас с праздником. Желаем счастья, здоровья, плодотворной работы. Приезжайте к нам в Алма-Ату, будем рады.

Наташа, Манеш,
Кеша²⁴.

13. Рукописная открытка, после 1968 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 16]. Дата определена по дате выпуска открытки.

Дорогие Мария Николаевна, Михаил Петрович!

Поздравляем с праздником²⁵. Желаем здоровья, счастья и успехов в работе.

Наташа
Манеш
Кеша

14. Рукописная открытка, после 1969 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 10]. Дата определена по дате выпуска открытки.

Дорогие Мария Николаевна, Михаил Петрович!

От души поздравляем вас с Новым Годом. Желаем крепкого здоровья, искренне большого счастья, успехов в работе.

Если будет возможность приезжайте к нам в Алма-Ату, будем очень рады.

Крепко целуем любящие вас Манеш, Наташа.

15. Рукописная открытка, после 1969 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 11]. Дата определена по дате выпуска открытки.

Дорогие Мария Николаевна, Михаил Петрович!

Поздравляем вас [с] самым тёплым, радостным праздником весны — Первое мая!

Желаем вам крепкого здоровья, счастья, радости и успехов в развитии археологии.

Целуем вас

Наташа

Манеш

Кеша.

16. Рукописное письмо в конверте от конца декабря 1971 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 19–23]. Месяц написания устанавливается на основании упоминаемых в письме дат и штемпеля почтового отделения г. Алма-Аты. Письмо получено 5 января 1972 г. Дата установлена по штемпелю почтового отделения г. Ленинграда.

Многоуважаемый Михаил Петрович!

Очень рад Вашему письму. Да, после 66 года я не был в Ленинграде. Раньше мы ездили в командировку, на археологическую сессию, а последние годы никуда не выезжаем даже в сессиях не принимаем участие — средств нет.

По своей теме, в Северный Казахстан, последний раз ездил в 67 году, а в 69 меня перебрали на юг. В южно-казахстанской (Чимкентской) области маршем обследовал четыре района, в основном долины рек и предгорья, а также северные и южные склоны хребта Каратау, но ярко выраженных памятников бронзы не нашёл. Был на могильнике Тау-Тары, где остались нераскопанной одна ограда и один курган. На левом берегу р. Ушбас есть овальные западины явно от землянок, но при закладке шурфа поперёк западины на гл[убине] 2,30 м культурный слой не обнаружили. На территории землянок в небольшом шурфе нашёл два маленьких черепка без орнамента. По структуре теста, по обжигу похожи на керамику с поселений поздней бронзы. Недалеко от этого пункта есть могильник (50 оград), сооружённый из каменных глыб. Ограды разной формы. Есть прямоугольные с пристройкой. На этом могильнике мы раскопали две маленькие ограды. Одна оказалась пустой, в другой нашли голенные кости. Судя по голенным костям погребённый лежал в вытянутом положении, головой на 3. Возможно, среди оград есть и ограды эпохи бронзы. Больше

копать мы не могли, т. к. нужно было обследовать другие районы и кроме того не было достаточно рабочей силы (2 рабочих). Я наметил ряд пунктов, чтобы на следующий сезон обследовать их, но в 70 г. экспедиция не состоялась.

В 71 г. сложились некоторые другие обстоятельства, поэтому я не поехал на юг. Я теперь работаю в Университете. В этом году в Университете на историческом факультете открыли новую кафедру — археологии и этнографии. Меня пригласили на заведывание этой кафедрой и я согласился. Оформили переводом. Будем готовить археологов с этнографическим уклоном.

Когда уходил из Академии договорился с Акишевым, что бронза останется за мной. В 68, 70, 71 гг. ездил с Алькей Хакановичем Маргуланом в Центральный Казахстан. В 68 году в могильнике Бель-асар в пристройке одной ограды нашли захоронение подростка в скорченном виде и рядом с ним глиняный сосуд в виде плошки с плоской ручкой, кроме плошки у черепа погребённого нашли височное кольцо-подвеску, обёрнутое в золотую фольгу. Несомненно, это погребение поздней бронзы. В том же году в могильнике Егзек (Центральный Казахстан) в погребении нашли сосуд с ручкой. Весь материал находится у Алькей Хакановича.

Что касается аспирантки, то пожалуйста пусть приезжает в любое время, что есть покажу и в чём смогу помогу. Мой совет Вашей аспирантке: пусть запасётся отношением на устройство в гостиницу Академии на имя вице-президента АН. Каз. ССР Акая Нусупбековича Нусупбекова.

Мы все благодарим Марию Николаевну за пожелания и привет.

Дорогие Мария Николаевна, Михаил Петрович, у нас в семье новость. Наш единственный, любимый Кеша женился. Женился на девушке, которая вместе с ним учится на 5 курсе мед[ицинского] института. Девушка хорошая и пока нам очень нравится. Вместе они идут в институт, вместе занимаются, вместе едят историю болезни. Наташа работает в своём музее²⁶. Думает в 72 г. выпустить ещё один альбом²⁷. После Нового года думаю попасть в Ленинград и Москву для ознакомления с работой кафедры археологии.

Очень, очень были рады получить Ваше письмо. Искреннее спасибо за него.

Дорогой Михаил Петрович, наша кафедра имеет возможность пригласить специалиста высокой квалификации из ведущих научных учреждений страны и мне бы очень хотелось чтобы приехали Вы. Если Вы имеете такую возможность и желание приехать в Алма-Ату, срочно сообщите мне. Ректорату до 8 января 72 г. необходимо уже предоставить заявки, где указать точное наименование специальной дисциплины или её разделов какие Вы будете читать, а также предполагаемое

время и продолжительность командировки. Все расходы за счёт университета.

Если Ваше здоровье позволяет, то приезжайте, пожалуйста, в Алма-Ата сейчас хорошо. Мне Вы очень, очень pomoжете. Пожалуйста, согласие или отказ сообщите срочно.

Искренне уважающий и любящий Вас Манеш.

17. Рукописная открытка, после 1971 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 8а]. Дата определена по дате выпуска открытки. Возможно, это открытка от 1977 или 1979 г, так как она идентична новогодней открытке от 1978 г.

Многоуважаемые Мария Николаевна, Михаил Петрович!

Поздравляем Вас с Новым Годом!
Желаем Вам крепкого здоровья, счастья, успехов в археологии и много радости.

Ждём Вас к себе.

Оразбаевы

18. Л. 9. Рукописная открытка, после 1971 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 9]. Дата определена по дате выпуска открытки.

Дорогая Мария Николаевна!

Поздравляем Вас с праздником 8 марта. Желаем здоровья, счастья и много радости.

Крепко целуем

Наташа

Манеш

Кеша

19. Рукописная открытка в конверте от 28 декабря 1978 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 7, 8]. Дата определена по штемпелю почтового отделения г. Алма-Ата.

Многоуважаемые Мария Николаевна и Михаил Петрович!

Сердечно поздравляем Вас с наступающим Новым годом!

Желаем счастья, здоровья и радости в наступающем году.

Любящие Вас Наташа

Манеш.

20. Телеграмма, наклеенная на открытку, от 9 марта 1979 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 34]. Дата определена по штемпелю почтового отделения г. Ленинграда.

=МНОГОУВАЖАЕМАЯ МАРИЯ
НИКОЛАЕВНА ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС
ПРАЗДНИКОМ 8 МАРТА ЖЕЛАЕМ ЗДОРОВЬЯ
СЧАСТЬЯ РАДОСТИ=ОРАЗБАЕВЫ-

21. Телеграмма, наклеенная на открытку, от 20 апреля 1980 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 27]. Дата определена по штемпелю почтового отделения г. Ленинграда.

ПОЗДРАВЛЯЮ ПРАЗДНИКОМ ПЕРВОГО
МАЯ ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ СЧАСТЬЯ
=МАНЕШ-

22. Телеграмма, наклеенная на открытку, от 18 апреля 1981 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 24]. Дата определена по штемпелю почтового отделения г. Ленинграда.

ПОЗДРАВЛЯЮ ПРАЗДНИКОМ ПЕРВОГО
МАЯ ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ ТВОРЧЕСКОГО
УСПЕХА= МАНЕШ-

23. Рукописная открытка в конверте от 03 января 1982 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 5, 6]. Дата определена по штемпелю почтового отделения г. Алма-Ата.

Глубоко уважаемые Мария Николаевна, Михаил Петрович!

Сердечно поздравляем Вас с Новым 1982 годом! Желаем Вам крепкого здоровья, счастья, успехов, благополучия.

Целуем Оразбаевы

24. Телеграмма от 14 марта 1982 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 35]. Дата определена по штемпелю почтового отделения г. Ленинграда.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ МИХАИЛ
ПЕТРОВИЧ СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ
ВАС ПРАЗДНИКОМ ЮБИЛЕЯ ЖЕЛАЮ
КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ БОЛЬШОГО СЧАСТЬЯ
ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ=МАНЕШ-

25. Телеграмма, наклеенная на открытку, от 15 марта 1982 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 33]. Дата определена по штемпелю почтового отделения г. Ленинграда.

ГЛУБОКО УВАЖАЕМЫЙ ДОРОГОЙ
МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС
ЮБИЛЕЕМ ЖЕЛАЕМ ВАМ КРЕПКОГО
ЗДОРОВЬЯ УСПЕХОВ НАУКЕ СЧАСТЬЯ
ЛЮБЯЩИЕ ВАС ОРАЗБАЕВЫ

26. Рукописная открытка в конверте от 6 ноября 1982 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 3, 4]. Дата определена по штемпелю почтового отделения г. Алма-Ата.

Многоуважаемые Михаил Петрович, Мария Николаевна!

Поздравляем Вас [с] праздником Октября! Желаем Вам здоровья, счастья, много, много радости.

Любящие Вас

Оразбаевы

27. Рукописная открытка, после 1971 г., вероятно от декабря 1983 г. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 15] Дата определена по дате выпуска открытки и по упоминанию в тексте Государственной премии, которую М. П. Грязнов получил в 1983 г.

Глубокоуважаемые Мария Николаевна, Михаил Петрович!

Поздравляем Вас с Новым Годом! Желаем крепкого здоровья, радости и счастья.

Любящие Вас Оразбаевы.

P.S. Поздравляем с присуждением государственной премии очень рады за Вас.

28. Рукописная открытка, недатированная. [Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович... л. 12]. Дата не определяется.

Дорогие Мария Николаевна, Михаил Петрович!

Поздравляем вас с Новым годом!

Желаем счастья, крепкого здоровья и много радости в жизни.

Целуем.

Искренне любящие вас

Наташа,

Манеш,

Кеша.

«ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО МНЕ ОСОБЕННО ЦЕННО ВАШЕ МНЕНИЕ, МНЕНИЕ МОЕГО УЧИТЕЛЯ...»

ПИСЬМА КИМАЛЯ АКИШЕВИЧА
АКИШЕВА К МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ
ГРЯЗНОВУ И МАРИИ НИКОЛАЕВНЕ
КОМАРОВОЙ

(Публикация и комментарии Н. Ю. Смирнова)

В архивном фонде М. П. Грязнова хранятся несколько писем и ряд поздравительных открыток, полученных им от знаменитого казахского археолога, участника Центрально-Казахстанской экспедиции и руководителя Северо-Казахстанской, Южно-Казахстанской и некоторых других экспедиций, открывателя «золотого человека» из кургана Иссык — Кималья Акишевича Акишева [Акишев Кималъ Акишевич...]. Письма повествуют не только о профессиональном становлении их автора и о его научных планах, но и об особенностях развития археологии в Казахстане в 1950-е гг., а также о некоторых перипетиях, связанных с изданием знаменитой книги «Древняя культура Центрального Казахстана» [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966], а поздравительные открытки дополняют деловую переписку, передавая тёплую и дружескую атмосферу личного общения семей М. П. Грязнова и К. А. Акишева.

Ниже приводятся аннотированные тексты одного распоряжения, четырёх писем, одной телеграммы и восьми поздравительных открыток. При публикации сохранены все стилистические особенности авторского текста, за исключением очевидных опечаток. Расшифрованные сокращения отдельных слов и уточняющие комментарии публикатора помещены в квадратные скобки. Для недатированных писем предложена вероятная дата их написания.

1. Машинописное письмо от 18 августа 1953 г. [Акишев Кималъ Акишевич... л. 2]. копия.

ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК
КАЗАХСКОЙ ССР
РАСПОРЯЖЕНИЕ №485

гор. Алма-Ата 18 августа 1953 г.

Утвердить с 1 июня 1953 года профессора Грязнова Михаила Павловича²⁸ научным руководителем аспиранта Акишева Кималья.

Вице-президент АН КазССР
Действительный член АН КазССР
М. И. Горяев

И.О. Главного учёного секретаря
Президиума АН КазССР
кандидат исторических наук
А. С. Елагин

верно: Старший Референт
Президиума Академии Наук
Казахской ССР

/подпись/

копия верна:
[подпись, печать]

2. Рукописное письмо в конверте от 30 августа 1953 г. [Акишев Кималъ Акишевич... л. 1].

[Адрес получателя, на конверте] г. Новосибирск, Красный проспект, дом №7, Музей краеведения. Михаилу Петровичу Грязнову.

[Адрес отправителя, на конверте] г. Ленинград, 164, Тучкова наб., дом №2, общ[ежитие] аспирантов] Акишев К.

30.8.53

Глубокоуважаемый Михаил Петрович!

Надеюсь Вы и Мария Николаевна здоровы и благополучны и работа экспедиции проходит успешно²⁹.

Сегодня посылаю Вам 6-ю и последнюю главу диссертации³⁰. В 20-х числах отослал 4 и 5-ю главы, наверно Вы их уже получили. Сегодня же закончил введение и начал заключение. Но их думаю не посылать, ибо дней через

20 Ваша экспедиция вероятно вернётся обратно. Постараюсь к Вашему возвращению закончить и автореферат.

Спешу изо всех сил домучить всю работу, но кажется чрезмерная спешка отражается на качестве и стиле написанных глав.

Михаил Петрович, с этим письмом отправляю к Вам распоряжение Президиума АН КазССР о назначении Вас научным руководителем³¹. Это безусловно не предусматривает какую-либо Вашу ответственность за мою просроченную защиту. Дирекция института истории знает, что Вы согласились быть только научным консультантом.

Желаю Вам здоровья и успехов в работе.

Большой привет и наилучшие пожелания уважаемой Марии Николаевне.

Глубоко уваж[ающий] Вас Кималь.

3. Рукописное письмо в конверте от 15 декабря 1956 г. [Акишев Кималь Акишевич... л. 4.]

[Адрес получателя] Ленинград.
Васильевский остров, 9-я линия, д. №15, кв. 5.
Грязнову Михаилу Петровичу.

Дорогой Михаил Петрович!

Пишу Вам из Москвы. Приезжал на координационное совещание, думал, что и Вы будете здесь, но ЛОИИМК представлял Мандельштам³². Как проходят такие совещания, конечно, Вам известно.

Посылаю Вам фотографии³³, которые просила передать Аня Максимова³⁴, в надежде, что Вы может быть подскажете ей аналогию. Ей в этой далеко неясной вещи хочется видеть лошадь или свинью.

Большой привет и наилучшие пожелания Марии Николаевне.

Желаю Вам здоровья, успехов в работе.

К. Акишев

P.S. Хотя и несколько рановато, поздравляю Вас, Марию Николаевну с Новым годом и ещё раз желаю здоровья, успехов [в] работе и экспедиции 1957 года.

К. Акишев

15/ХІІ-56 г.

4. Рукописное письмо от 12 февраля 1964 г. [Акишев Кималь Акишевич... л. 6, об.]

Дорогая Мария Николаевна!

Только на днях получил Ваше письмо, т. к. оно пролежало в Институте, ожидая моего возвращения из отпуска.

Поэтому я Орику³⁵ ничем помочь не мог, но из разговора с ним знаю, что он сдал экзамен по новой истории. Сейчас уже сессия закончилась.

Помня своё обещание Вам, постараюсь помочь ему в сдаче новейшей истории, если удастся сейчас, то во время летней сессии.

У нас особых новостей нет. Сокращают сметы экспедиционных расходов, соответственно с этим мы вынуждены сокращать объём работ и сворачивать начатые раскопки. Со временем, по видимому, установим очерёдность выезда сотрудников в поле.

С великим трудом, с «бурей и натиском» закончили монографию по Центральному Казахстану, посвящённую бронзе и железу³⁶. Авторы: Маргулан³⁷, Акишев, Кадырбаев³⁸ и Оразбаев³⁹.

Крепко подвели отдел Алкей Хаканович и Манап⁴⁰, так и несумевшие на высоком уровне закончить свои разделы (А.Х. — позднюю бронзу, Манап — поселения). Пришлось очень крепко поругать Манапа на отделе, за то, что совершенно перестал работать и следить за литературой по своей специализации. Думаю, что понял критику правильно.

Я в эту монографию включил свою диссертацию⁴¹, переработав и дополнив её новыми данными, накопленными за прошедшие 10 лет. Вся основа осталась по-старому, включая классификацию Ц[ентрально-]Казахстанского андрона.

Надеемся, что в 1965 г. книгу выпустим в свет.

Самые добрые пожелания Вам и Михаилу Петровичу от меня и моей семьи.

Ваш Кималь

12/ІІ-64 г.

5. Рукописное письмо от 12 февраля 1964 г. [Акишев Кималь Акишевич... л. 7, об.]

Дорогой Михаил Петрович!

После получения от Вас фототелеграммы, автореферат Ф. Арслановой⁴² сдали в печать⁴³. Из этой же телеграммы я понял, что Вы согласны оппонировать её диссертацию. В письме к Вам от имени нашего Учён[ого] Совета, я просил также выступить оппонентом по работе Г. Кушаева⁴⁴, но Вашего мнения по этому вопросу я не знаю. Сообщите, пожалуйста, Михаил Петрович, приемлемое для Вас время защиты, а также Ваше отношение к работе Г. Кушаева.

К сожалению, Г. Кушаев отправил Вам книгу о саках и усунях⁴⁵ во время моего отсутствия в городе, поэтому в ней нет моей подписи. Я это исправлю.

Михаил Петрович, мне бы очень хотелось узнать (в любой форме) Ваше мнение по моему разделу книги.

Вы знаете, что мне особенно ценно Ваше мнение, мнение моего учителя.

Задумал нечто подобное, примерно в 10 п. л., написать про древних усуней и эти две работы представить на Ваш суд и после защищать как докторскую диссертацию.

Ещё раз желаю Вам и Марии Николаевне здоровья и успехов.

Ваш Кималь
12/II-64 г.

6. Рукописная открытка от декабря 1966 г.
[Акишев Кималь Акишевич..., л. 9].

Дорогие Мария Николаевна, Михаил Петрович!

Поздравляю с Новым годом! Желаю здоровья, счастья, новых успехов.

Ваш Кималь.
Алма-Ата
декабрь 1966 г.

7. Рукописная открытка от ноября 1967 г.
(?). Дата определена по тексту открытки [Акишев Кималь Акишевич..., л. 8].

Дорогие Мария Николаевна, Михаил Петрович!

Шлю Вам сердечные поздравления по случаю 50-летнего юбилея Великого Октября!

Желаю крепкого здоровья, многих лет жизни, дальнейших успехов в плодотворной научной работе.

С искренним уважением,
Ваш Кималь.

8. Рукописная открытка, не ранее 1969 г.
(?). Дата определена по году выпуска открытки [Акишев Кималь Акишевич..., л. 19].

Дорогие Мария Николаевна, Михаил Петрович!

Рад поздравить Вас и сердечно пожелать здоровья, всех благ и успехов в связи с годовщиной Октября.

Ваш Кималь

9. Рукописная открытка от декабря 1969 г.(?). Дата определена по упоминанию в письме наступающего 1970 г. [Акишев Кималь Акишевич..., л. 10].

Дорогие Михаил Петрович,
Мария Николаевна!

В канун Нового, 1970-го года шлём искренние поздравления и наилучшие пожелания!

Ваши Кималь, Катя⁴⁶.

10. Рукописная открытка от 26 декабря 1970 г. [Акишев Кималь Акишевич..., л. 12].

Дорогие Михаил Петрович, Мария Николаевна!

Сердечно поздравляем Вас с Новым годом! От души желаем прежде всего здоровья крепкого, большого счастья, много сил и бодрости, новых успехов в труде и творчестве!

Ваши Катя,
Кималь.
26.XII.70 г.

11. Рукописная открытка от 1 ноября 1971 г. [Акишев Кималь Акишевич..., л. 11].

Дорогие Мария и Михаил Петрович, поздравляю с 54-ой годовщиной Октябрьской революции, желаю здоровья и хорошо встретить праздник. Я немного простудилась, сижу в комнате и скучаю.

1/XI-71 г. Катя

12. Телеграмма, наклеенная на открытку от 13 марта 1972 г. Дата определена по штемпелю почтового отделения г. Ленинграда [Акишев Кималь Акишевич... л. 13].

ДОРОГОЙ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ
СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ СЛАВНЫМ
ЮБИЛЕЕМ⁴⁷ ВАС КРУПНОГО СОВЕТСКОГО
УЧЁНОГО ВНЕСШЕГО БОЛЬШОЙ ВКЛАД
РАЗВИТИЕ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ СИБИРИ
КАЗАХСТАНА АЛТАЯ ТУВЫ ВАША ЖИЗНЬ
ПРИМЕР ГУМАННОСТИ ПРЕДАННОСТИ
ДОЛГА ГОРЕНИЯ ТРУДЕ ЖЕЛАЮ
ДОЛГОЛЕТИЯ ТВОРЧЕСКОМ ПОИСКЕ
ВАШ УЧЕНИК АКИШЕВ



Рис. 6. К. А. Акишев с семьёй: с супругой Екатериной, дочерью Зариной и сыном Алишером, г. Алма-Ата, 1950-е гг. Фото из семейного архива А. К. Акишева

13. Рукописная открытка от декабря 1975 г. (?). Дата определена по упоминанию в тексте наступающего 1976 г. [Акишев Кималь Акишевич..., л. 20].

Дорогие Михаил Петрович,
Мария Николаевна!
Поздравляем Вас с Новым 1976 годом!
От души желаем здоровья, бодрости, благополучия! Счастливого Нового года!
Катя,
Кималь.
Р. С. Алик⁴⁸ счастлив, что видел Вас и Ленинград.

14. Рукописная открытка от декабря 1978 г. (?). Дата определена по упоминанию в тексте нового, 1979 г. [Акишев Кималь Акишевич..., л. 14].

Дорогие Михаил Петрович, Мария Николаевна!
Шлём новогодние сердечные поздравления и наилучшие пожелания!
Счастливого Нового, 1979-го года!
Ваши Катя
Кималь.

**«ПРИМИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА,
НАШИ ПО-АЛМААТИНСКИ ТЁПЛЫЕ
ПОЗДРАВЛЕНИЯ...»**

ПИСЬМА МИРА КАСЫМОВИЧА
КАДЫРБАЕВА МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ
ГРЯЗНОВУ И МАРИИ НИКОЛАЕВНЕ
КОМАРОВОЙ

(*Публикация и комментарии Н. Ю. Смирнова*)

В личном фонде М. П. Грязнова в Научном архиве ИИМК РАН хранится несколько коротких писем и поздравительных открыток, полученных им и его женой, М. Н. Комаровой, от известного казахского учёного, участника и руководителя Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, открывшего памятники тасмолинской археологической культуры эпохи ранних кочевников в Центральном Казахстане и обосновавшего её выделение, — Мира Касымовича Кадырбаева [Кадырбаев Мир Касымович...]. В скупых, но наполненных искренним, «алма-атинским» теплом строках этих писем автор сообщает о своих полевых успехах, делится новостями, поздравляет с праздниками... Многие поздравительные открытки подписаны от всей семьи Кадырбаевых.

Ниже приводятся аннотированные тексты одного письма, трёх телеграмм и восьми поздравительных открыток. При публикации сохранены все стилистические особенности авторского текста, за исключением очевидных опечаток.

Расшифрованные сокращения отдельных слов и уточняющие комментарии публикатора помещены в квадратные скобки. Для недатированных писем предложена вероятная дата их написания.

1. Рукописная открытка от 26 декабря 1965 г. [Кадырбаев Мир Касымович..., л. 1].

Дорогие Михаил Петрович и Мария Николаевна!
В канун Нового года примите самые горячие, как наше южное солнце, поздравления крепчайшего Вам здоровья и всяческих успехов в научной работе.
Вся наша семья кланяется Вам и присоединяется к поздравлениям.
Ваш Мир.
26.12.65 г.

2. Рукописная открытка от 27 декабря 1966 г. [Кадырбаев Мир Касымович..., л. 2]. Дата определена по штемпелю почтового отделения г. Алма-Ата.

Дорогие Михаил Петрович и Мария Николаевна!
Примите наши горячие, алмаатинские поздравления с Новым годом и пожелания Вам крепчайшего здоровья, дальнейших научных свершений в 1967 г.
Кадырбаевы.

3. Рукописная открытка от 3 ноября 1970 г. [Кадырбаев Мир Касымович..., л. 3].

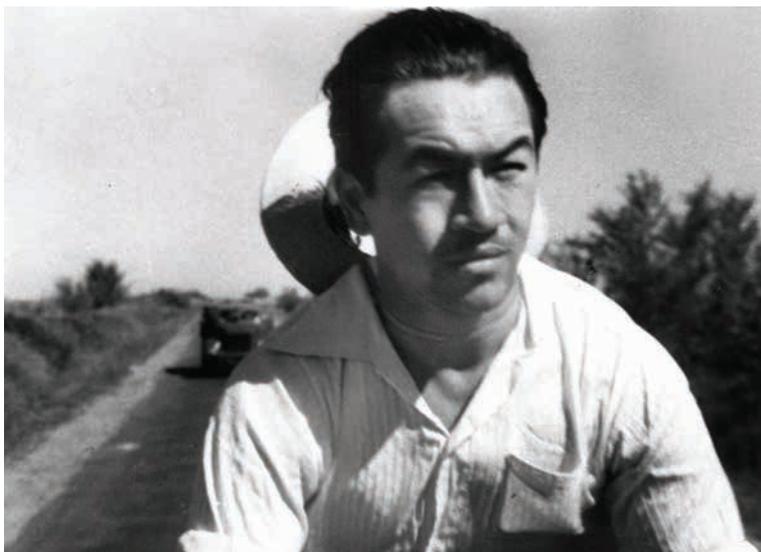
Дорогие Михаил Петрович и Мария Николаевна!
С праздником Вас октябрьским!
Крепкого Вам здоровья и больших успехов.
Кадырбаевы.
3/XI-70 г.

[Открытка из набора. На лицевой стороне изображена поясная пронизь в виде фигурки кабана, вырезанной из рога. Подпись: «Фигурка кабана, сделанная из рога. VII–V вв. до н. э. Могильник Нурманбет II, Павлодарская область. Раскопки М. Кадырбаева. АН КазССР ИИАЭ»].

4. Рукописная открытка от 22 декабря 1970 г. [Кадырбаев Мир Касымович..., л. 4].

Дорогие Михаил Петрович и Мария Николаевна!
Самые тёплые пожелания шлёт Вам наше семейство в наступающем 1971-м году!
Ваши
Кадырбаевы.
22/XII-70 г.

[Открытка из набора. На лицевой стороне изображены бронзовые поясные бляхи. Подпись: «Бронзовые бляхи. VI–III вв. до н. э. Могильник Кара-Мурун II, Павлодарская область. Раскопки М. Кадырбаева. АН КазССР ИИАЭ»].



*М. К. Кадырбаев, 1954.
Фото из семейного архива В. М. Кадырбаева*

5. Рукописная открытка от 1971 г. [Кадырбаев Мир Касымович..., л. 5]. Дата определена по карандашной пометке в тексте открытки — «1971 г.», вероятно сделанной рукой М. П. Грязнова и по упоминанию 54-й годовщины Октябрьской революции.

Дорогие Михаил Петрович и Мария Николаевна!

В 54-ю годовщину Октября и в год Вашего, Михаил Петрович, семидесятилетия, примите от семьи Кадырбаевых горячие поздравления и самые наилучшие пожелания.

Ваш Мир.

Передайте, пожалуйста, поздравления Орику⁴⁹ и Эльвире⁵⁰.

[Вероятно, здесь недоразумение и ошибка — юбилей М. П. Грязнова случился в следующем, 1972 г.].

6. Рукописная открытка в конверте от декабря 1973 г. [Кадырбаев Мир Касымович..., л. 6, 7]. Дата определена по упоминанию в тексте грядущего 1974 г.

Дорогие Михаил Петрович и Мария Николаевна!

С наступающим Новым, 1974 годом Вас!

Крепкого Вам здоровья в Новом году и дальнейших успехов на всех фронтах научной, научно-педагогической и личной жизни! У нас открылся довольно приличный археологический музей и все мы переехали в новое помещение⁵¹.

Летом копал савроматов в Актюбинской области. Материал интересный, но в пределах уже известного по Смирнову К. Ф.

Ваш М. Кадырбаев

7. Рукописная открытка от декабря 1975 г. [Кадырбаев Мир Касымович..., л. 8]. Дата определена по упоминанию в тексте наступающего 1976 г.

Дорогие Михаил Петрович и Мария Николаевна!

В канун Нового, 1976 года примите сердечные поздравления и пожелания крепкого здоровья, дальнейших творческих успехов от всего нашего семейства!

Ваш М. Кадырбаев.

8. Рукописная записка от 30 мая 1976 г. [Кадырбаев Мир Касымович..., л. 9].

Дорогой Михаил Петрович!

Рад передать Вам, через отъезжающего Николая Боковенко⁵², слова приветия и самых добрых пожеланий успеха в предстоящем сезоне, крепкого Вам здоровья!

У нас сезон начался нынче рано и вот уже месяц мы копаем в Актюбинской степи интересный, дающий хороший материал могильник Бесобу.

На днях получил сборник посвященный Вашему юбилею⁵³. По-моему он удачный. Во всяком случае в нём много статей Ваших учеников и почитателей, а это немало важно.

Ваш стажёр, Николай Боковенко, произвёл хорошее впечатление. Он любознателен, инициативен и хорошо подготовлен. Самостоятельно вёл раскопки одного кургана. Теперь он имеет вполне конкретное представление о курганах савроматского времени в Казахстане. Нам жаль с ним расставаться...

Всего Вам доброго, дорогой Михаил Петрович!

30/V-76 г.

М. Кадырбаев

9. Рукописная открытка в конверте от 27 декабря 1978 г. [Кадырбаев Мир Касымович..., л. 10, 11].

Дорогие Михаил Петрович и Мария Николаевна!

Примите, пожалуйста, наши по-алмаатински тёплые поздравления с Новым годом и пожелания доброго здоровья и всего самого наилучшего и приятного в Вашей жизни и творчестве!

Всегда Ваши

Кадырбаевы

27/XII-78 г.

10. Телеграмма от 28 декабря 1980 г. [Кадырбаев Мир Касымович..., л. 13]. Дата

определена по штемпелю почтового отделения г. Ленинграда.

ДОРОГИЕ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЮ НОВЫМ ГОДОМ ЖЕЛАЮ КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ = МИР –

11. Телеграмма, наклеенная на открытку, от 10 марта 1982 г. [Кадырбаев Мир Касымович..., л. 12]. Дата определена по штемпелю почтового отделения г. Ленинграда.

ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЕМ СТАРЕЙШИНУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ ДНЁМ ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЯ ТЧК ЖЕЛАЕМ НАШЕМУ ДОРОГОМУ МИХАИЛУ

ПЕТРОВИЧУ ЗДОРОВЬЯ РАДОСТИ НОВЫХ НАУЧНЫХ ОТКРЫТИЙ КРЕПКО ОБНИМАЕМ = КАДЫРБАЕВЫ –

12. Телеграмма от 11 марта 1982 г. [Кадырбаев Мир Касымович..., л. 14]. Дата определена по штемпелю почтового отделения г. Ленинграда.

ДОРОГОЙ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ В ДЕНЬ ВАШЕГО ЮБИЛЕЯ ПРИМИТЕ ГОРЯЧИЕ ПОЖЕЛАНИЯ ДАЛЬНЕЙШИХ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ И КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ = КАДЫРБАЕВ –

Примечания

1 – Летом 1947 г. М. П. Грязнов был начальником Верхнеобской (Алтайской) совместной экспедиции ИИМК АН СССР и ГЭ, которая работала в урочище Ближние Елбаны на р. Оби [Михаил Петрович Грязнов..., 2012, с. 6].

2 – Акерман (Аккерман) Борис Александрович, археолог, в конце 1930-х и в 1940-е гг. занимался исследованием оловянных разработок в Восточном Казахстане. Речь идёт о его статье [Акерман, 1948]. В архиве М. П. Грязнова имеется письмо Акермана от 1 февраля 1947 г., в котором излагается история появления этой работы о калбинских оловянных разработках [Акерман Борис Александрович, л. 1–2].

3 – Имеется в виду второе издание «Древней истории Южной Сибири» С. В. Киселёва [Киселёв, 1951].

4 – Акишев Кималъ Акишевич (1924–2003), археолог, ученик А. Х. Маргулана и М. П. Грязнова, специалист по эпохе бронзы Центрального Казахстана, руководитель Северо-Казахстанской, Южно-Казахстанской и ряда других экспедиций. Работал вместе с А. Х. Маргуланом в Центральном Казахстане. Автор раскопок кургана Иссык.

5 – Орик – Орик Михайлович Грязнов, сын М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой.

6 – Манеш – Абдулманап Медеуович Оразбаев (1922–1997), археолог, специалист по эпохе бронзы Северного Казахстана, многолетний начальник Северо-Казахстанской археологической экспедиции и ряда других. С 1957 по 1974 гг. совместно с А. Х. Маргуланом работал в Центральном Казахстане. Основатель и первый заведующий кафедрой археологии и этнографии КазНУ.

7 – В 1959 г. М. П. Грязнов возглавил новообразованную Иркутскую археологическую экспедицию, работавшую в зоне ложа водохранилища будущей Иркутской ГЭС. М. Н. Комарова в рамках этой экспедиции руководила отрядом, исследовавшим многослойное поселение Улан-Хада. Все работы должны были быть закончены за один полевой сезон [Михаил Петрович Грязнов..., 2012, с. 8].

8 – Раушан Абикиевна — Раушан Абикиевна Сатпаева (1916–1986), врач-онколог, доктор медицинских наук, профессор. Жена А. Х. Маргулана.

9 – Вероятно, это намёк на раскопки «царского» кургана Аржан в Туве, которые М. П. Грязнов вёл в 1971–1974 гг.

10 – По всей видимости, и здесь речь идёт о работах М. П. Грязнова на кургане Аржан в Туве, на территории которой и располагается верхнее течение Енисея. В этом случае открытие должно датироваться с 1971 по 1974 гг. Неточность заключается в том, что курган Аржан находится не в долине Енисея, а севернее, за перевалом, в долине р. Уюк.

11 – Мир — Мир Касымович Кадырбаев (1932–1982) — археолог, участник и руководитель Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, обосновавший выделение тасмолинской археологической культуры эпохи ранних кочевников в Центральном Казахстане.

12 – Речь идёт о статье А. М. Оразбаева «Северный Казахстан в эпоху бронзы» [Оразбаев, 1958, с. 216–294].

13 – Вышеупомянутая статья и является опубликованной диссертацией А. М. Оразбаева.

14 – Павел Александрович — Павел Александрович Раппопорт (1913–1988) — археолог, специалист по архитектурной археологии, сотрудник группы славяно-русской археологии ЛОИИМК/ЛОИА. В эти годы он имел отношение к Ленинградской секции учёного совета ИИМК, исполняя обязанности учёного секретаря совета [Диссертационное дело..., л. 30–32].

15 – Кемаль — Кималъ Акишевич Акишев (1924–2003). См. примеч. 4.

16 – См. примеч. 5.

17 – Наташа — Наталья Андреевна Оразбаева (1922–1997) — жена А. М. Оразбаева, главный хранитель Центрального музея Казахстана (г. Алма-Ата) в 1955–1974 гг. Приношу благодарность А. З. Бейсенову и О. А. Мякишевой за уточнение биографической информации о Н. А. Оразбаевой.

18 – Апа — Касежан Оразбаева (1878–1978) — мать А. М. Оразбаева. Приношу благодарность А. З. Бейсенову за уточнение биографической информации о К. Оразбаевой.

19 – Анна Георгиевна — Анна Георгиевна Максимова (1923–2002) — археолог, специалист по эпохе бронзы Восточного Казахстана. Работала в Отрарской и Южно-Казахстанской экспедициях. Руководила Шульбинской археологической экспедицией.

20 – Евгения Ивановна — Евгения Ивановна Агеева (1916–1964) — археолог, специалист по керамике Южного Казахстана, работала в составе Южно-Казахстанской экспедиции, в 1952–1953 гг. возглавляла её.

21 – Фотографии в деле нет.

22 – Сергей Сергеевич — Сергей Сергеевич Черников (1909–1976) — археолог, специалист по эпохе бронзы и раннего железного века Казахстана, истории горного дела и древней металлургии, сотрудник сектора археологии Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР.

23 – В 1960 г. Восточно-Казахстанская экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством С. С. Черникова исследовала курган № 5 могильника Чиликта, относящегося к эпохе ранних кочевников. Здесь было обнаружено парное захоронение мужчины и женщины с большим количеством изделий из золота, украшавших одежды и вещи покойных.

24 – Кеша – Алкей Абдулманович Оразбаев, сын А. М. Оразбаева, врач. Приношу благодарность А. З. Бейсенову за уточнение биографической информации об А. А. Оразбаеве.

25 – С 1 мая. Изображение на открытке посвящено именно этому празднику.

26 – Центральный музей Казахстана, г. Алма-Ата.

27 – Н. А. Оразбаева была составителем альбома «Казахское прикладное искусство» [Казахское..., 1956]. Приношу благодарность А. З. Бейсенову за уточнение сведений об этом издании. Но в этом письме речь, видимо, идёт о другой её книге «Народное декоративно-прикладное искусство казахов», вышедшей в 1970 г. в Ленинграде [Оразбаева, 1970]. В свою очередь, планировавшаяся на 1972 г. публикация, — это, вероятно, коллективная монография «Изобразительное искусство Казахской ССР», вышедшая в свет в 1974 г. [Тельжанов, Акишев, Оразбаева, Плахотная, 1974].

28 – Так в тексте документа.

29 – В 1952–1954 гг. М. П. Грязнов руководил Новосибирской новостроечной экспедицией. Проводились разведки и раскопки в долине р. Оби [Михаил Петрович Грязнов..., 2012, с. 7].

30 – Кандидатская диссертация К. А. Акишева на тему «Эпоха бронзы Центрального Казахстана» была защищена на заседании Ученого Совета Государственного Эрмитажа 4 декабря 1953 года.

31 – См. письмо № 1 в настоящей переписке.

32 – Мандельштам Анатолий Максимилианович (1920–1983) – археолог-востоковед, специалист по эпохе бронзы и эпохе ранних кочевников Средней Азии. Сотрудник сектора археологии Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР.

33 – К письму прилагаются три ч/б фотографии: на двух из них [Акишев Кималъ Акишевич..., л. 17, 18] упоминаемый в письме предмет снят *in situ* в могиле, а на третьей [Акишев Кималъ Акишевич..., л. 16], он снят крупным планом и добавлена графическая реконструкция утраченной части — «петли». На обороте последней фотографии карандашная надпись: «Джуван-тюбе, ранние кочевники VII–VI вв. до н. э».

34 – Максимова Анна Георгиевна (1923–2002).

35 – См. примеч. 5.

36 – См.: [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966].

37 – Маргулан Алкей Хаканович (1904–1985) — археолог, востоковед, академик АН КазССР, основатель Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, обосновавший выделение бегазы-дандыбаевской культуры эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана.

38 – См. примеч. 11.

39 – См. примеч. 6.

40 – Манап — Абдулманап Медеуович Оразбаев.

41 – См. примеч. 30.

42 – Арсланова Фирая Хабибулловна (1934–1995) — археолог, специалист по эпохе ранних и средневековых кочевников Центрального Казахстана.

43 – См.: [Арсланова, 1964].

44 – Кушаев Гаяз Абдулвалиевич (1925–1992) – археолог, специалист по культуре древних усуней Семиречья, в 1953–1967 гг. м.н.с. Отдела археологии Института истории АН КазССР. Вместе с К. А. Акишевым работал в долине р. Или.

45 – См.: [Акишев, Кушаев, 1963].

46 – Катя – Екатерина Ивановна Ларина (1927–1991) – первая жена К. А. Акишева. Работала преподавателем русского языка и литературы в кинотехникуме г. Алма-Ата в 1953–1981 гг. Приношу благодарность А. З. Бейсенову за уточнение биографической информации о Е. И. Лариной.

47 – 26 марта 1972 г. М. П. Грязнову исполнилось 70 лет.

48 – Алик – Алишер Кималевич Акишев, сын К. А. Акишева, археолог, к. и. н.

49 – См. примеч. 5.

50 – Эльвира — жена О. М. Грязнова. Приношу благодарность М. Н. Пшеницыной за уточнение этой информации.

51 – Археологический музей появился в Алма-Ате в 1973 г., его открытие инициировал первый секретарь Компартии КазССР Д. А. Кунаев, а активными участниками его создания были А. Х. Маргулан, А. Н. Нусупбеков, К. А. Акишев, А. Г. Максимова и многие другие, в том числе и автор письма.

52 – Николай Анатольевич Боковенко — археолог, к. и. н., с. н. с. Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, специалист по археологии эпохи ранних кочевников Южной Сибири.

53 – К 70-летию М. П. Грязнова (1972 г.) был подготовлен сборник научных статей, вышедший в 1975 г. [Первобытная..., 1975].

ЛИТЕРАТУРА

- Акерман Борис Александрович. Письмо из Семипалатинска в Ленинград. 1 п., 1 конв. // НА ИИМК РАН, РО, ф. 91, оп. 3, д. 3.
- Акерман Б.А.** О калбинских разработках олова эпохи бронзы // Изв. АН КазССР. Сер. археол. – Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1948. – Вып. 1. – С. 40–46.
- Акишев Кималъ Акишевич. Из Алма-Аты, Ленинграда, Москвы в Ленинград, Новосибирск. 4 п., 8 откр., 1 телегр., 3 фотогр., 3 конв. // НА ИИМК РАН, РО, ф. 91, оп. 3, д. 4.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А.** Древняя культура саков и усуней долины реки Или.– Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – 298 с.
- Арсланова Ф.Х.** Археологические памятники Среднего Прииртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1964. – 19 с.
- Диссертационное дело А. М. Оразбаева // НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 3, д. 68.
- Кадырбаев Мир Касымович. Из Алма-Аты в Ленинград. 1 п., 8 откр., 3 телегр., 2 конв. // НА ИИМК РАН, РО, ф. 91, оп. 3, д. 82.
- Казахское прикладное искусство. Каталог // Н. А. Оразбаева (сост.). – М.: МОССХ, 1958.
- Киселёв С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 643 с.
- Маргулан Алкей Хаканович. Письма из Алма-Аты в Ленинград. 4 п., 9 откр., 2 конв., 1 телегр. // НА ИИМК РАН, РО, ф. 91, оп. 3, д. 114.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.** Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 434 с.
- Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ / Д. Г. Савинов (ред.). – СПб.: «ЭлекСис», 2012. – 80 с.
- Оразбаев Манап (Манеш) Медеуович. Письма из Алма-Аты в Ленинград. 3 п., 8 откр., 12 телегр., 5 конв. // НА ИИМК РАН, РО, ф. 91., оп. 3, д. 135.
- Оразбаев А.М.** Северный Казахстан в эпоху бронзы // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958. –Т. 5. – С. 216–294.
- Оразбаева Н.А.** Народное декоративно-прикладное искусство казахов. – Л.: Аврора, 1970. – 207 с.
- Первобытная археология Сибири / А. М. Мандельштам (ред.). – Л.: Наука, 1975. – 224 с.
- Тельжанов К., Акишев К., Оразбаева Н., Плахотная Л.** Изобразительное искусство Казахской ССР. – М.: Советский художник, 1974. – 196 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА –	Археологический Альманах, г. Донецк
АВ –	Археологические вести, г. Санкт-Петербург
АК –	Археологическая комиссия
АКК –	Археологическая карта Казахстана
АКМ –	Азовский краеведческий музей
АлтГУ –	Алтайский государственный университет, г. Барнаул
АН КазССР –	Академия наук Казахской ССР, г. Алма-Ата
АН РТ –	Академия наук Республики Татарстан
АН СССР –	Академия наук СССР
АН УзССР –	Академия наук Узбекской ССР
АО –	Археологические открытия
АСГЭ –	Археологический сборник ГосЭрмитажа
АЭАЕ –	Археология, этнография и антропология Евразии, г. Новосибирск
БФ АН СССР –	Башкирский филиал Академии Наук СССР
ВААЭ –	Вестник археологии, антропологии и этнографии, г. Тюмень
ВАУ –	Вопросы археологии Урала, г. Свердловск
ВГО –	Всесоюзное Географическое общество СССР
ВГУ –	Воронежский государственный университет
ВДИ –	Вестник древней истории
ВОКМ –	Воронежский областной краеведческий музей
ВолГУ –	Волгоградский государственный университет
ГАКО –	Государственный архив Карагандинской области
ГАНИИИЯЛ –	Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГИМ –	Государственный исторический музей
ГЭ –	Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург
ДА –	Донская археология
ДонГУ –	Донецкий государственный университет
ДонНУ –	Донецкий национальный университет
ЗВОРАО –	Записки Восточного отделения Российского археологического общества
ЗГУ –	Западно-Казахстанский университет
ЗКО –	Западно-Казахстанская область
ИА КН МОН РК –	Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК
ИА РАН –	Институт археологии Российской академии наук, г. Москва
ИАИАИАНД –	Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону
ИАК –	Императорская археологическая комиссия
ИАЭ СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИАЭ АН КазССР –	Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
ИИА УрО РАН –	Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
ИИМК –	Институт истории материальной культуры РАН
ИИЯЛ УНЦ РАН –	Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
КазГУ –	Казахский государственный университет, г. Алма-Ата
КазНУ –	Казахский национальный университет им. ал-Фараби, Алматы
КарГУ им. Е.А. Букетова –	Карагандинский госуниверситет им. Е. Букетова

КемГУ –	Кемеровский госуниверситет
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК –	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ –	Краткие сообщения института этнографии
КузГТУ –	Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева
КуйбГПИ –	Куйбышевский гос. педагогический институт им. В.В. Куйбышева
КХТ –	культурно-хозяйственный тип
ЛАИ КГУ –	Лаборатория археологических исследований Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова
ЛГУ –	Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
ЛОИА АН СССР –	Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
ЛОИИМК АН СССР –	Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР
МАО –	Императорское Московское археологическое общество
МАЭ –	Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
МГУ –	Московский государственный университет
МИА –	Материалы и исследования по археологии
МКТУ –	Международный Казахско-Турецкий университет им. Ясауи
МОССХ –	Московский союз художников
НА «Гылым ордасы» –	Научный архив «Гылым ордасы»
НА ИИМК РАН –	Научный архив Института истории материальной культуры РАН
НА IA НАН України –	Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины
НАВ –	Нижеволжский археологический вестник, г. Волгоград
НАН РК –	Национальная Академия наук Республики Казахстан
НГУ –	Новосибирский государственный университет
НИИЯЛИ –	Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола»
ОЛЕАЭ –	Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
ОмГУ –	Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
ООПИК –	Общество охраны памятников истории и культуры
ОУАК –	Оренбургская учёная архивная комиссия
ОФ –	Общественный фонд
РА –	Российская археология, г. Москва
РИЦ НГУ –	Редакционно-издательский центр Новосибирского государственного университета
РО НА ИИМК РАН –	Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН
СА –	Советская археология
САИ –	Свод археологических источников
САИ при КарГУ им. Е.А. Букетова	Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском госуниверситете им. Е. Букетова
СГЭ –	Сборник Государственного Эрмитажа
СПбГУ –	Санкт-Петербургский государственный университет

СПбГУТД –	С.-Петербургский государственный университет технологии и дизайна
СЭ –	Советская этнография
ТППУ –	Томский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
ТГУ –	Томский государственный университет
ТИИАЭ АН КазССР –	Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР
ТПАИ –	Теория и практика археологических исследований
ТюмГУ –	Тюменский государственный университет
УАВ –	Уфимский археологический вестник
УзФ АН СССР –	Узбекский филиал АН СССР
УрГУ –	Уральский государственный университет
УрО РАН –	Уральское отделение РАН
ФО –	Фотографический отдел
ЧОКМ –	Челябинский областной краеведческий музей
ЮККАЭ –	Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция
ЮКО –	Южно-Казахстанская область
ЮУрГУ –	Южноуральский государственный университет, г. Челябинск
AJA –	American Journal of Archaeology
Buketov KSU –	Buketov named Karagandy State University
IA –	Iranica Antiqua
LLC –	Limited Liability Company
ZWAK –	Zbiór wiadomości do Antropologii Krajowej

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бейсенов А.З.</i> Алдыңғы толқын ағалар (Алғы сөз орнына)	7
Предисловие	9
<i>Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.</i> Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской академии наук	11
<i>Мұсатайұлы А.</i> Археолог ғалымдар	65
<i>Кызласов Л.Р.</i> Слово об Алексее Маргулане	70
<i>Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С.</i> А. Х. Маргулан и Е. Ю. Спасская – первые исследователи культовых бронз Жетысу	76
<i>Артюхова О.А.</i> Валукинский Николай Васильевич	80
<i>Ақымбек Е.Ш., Нұржанов А.Ә.</i> Г. И. Пацевичтің Шу-Талас өңірлеріндегі зерттеулері	88
<i>Тихонов С.С.</i> Вклад М. П. Грязнова в археологию Казахстана	93
<i>Жауымбаев С.У.</i> Менің ұстаздарым	99
<i>Толубаев А.Т.</i> Место и роль А. М. Оразбаева в археологии Казахстана	103
<i>Кызласов И.Л.</i> Археолог Леонид Романович Кызласов. Биографический очерк	108
<i>Хабдулина М.К.</i> К. А. Акишев и Ишимская археологическая экспедиция	119
<i>Амиров Е.Ш.</i> Проблемы сако-усуньской археологии в научном наследии Е. И. Агеевой (третья четверть XX в.)	126
<i>Волошин В.С.</i> М. Н. Клапчук – первый профессиональный археолог Караганды	130
<i>Қулаковская Л.В.</i> Палеолитические изыскания М. Н. Клапчука в Украине	137
<i>Клапчук В.М.</i> Известный археолог Прикарпатья. Об украинском этапе научной деятельности Михаила Клапчука	140
<i>Рогожинский А.Е.</i> Труженица археологии	146
<i>Петенева Г.Г.</i> Остался мой след далеко за порогами. С моими трудами, с моими тревогами	149
<i>Лукпанова Я.А.</i> Археологические исследования Т. Н. Сениговой в Западно-Казахстанской области	153
<i>Базарбаева Г.А.</i> Хасан Алпысбаев – первый исследователь древнекаменного века Казахстана	157
<i>Марьяшев А.Н.</i> Семь лет с Миром Касымовичем Кадырбаевым	164
<i>Ермолаева А.С.</i> Мои университеты с Миром Касымовичем Кадырбаевым	167
<i>Ермоленко Л.Н.</i> Ностальгия по ЦКАЭ	172
<i>Байпаков К.М.</i> Сержан Ахинжанов – выдающийся археолог и востоковед Казахстана	174
<i>Акынжан Л.</i> Археолог Сержан Ахинжанов. Имя на Шелковом пути	181
<i>Бедельбаева М.В., Усманова Э.Р.</i> Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция и карагандинская школа археологии: творческий союз исследователей древней истории Сарыарки	186
<i>Гусева И.</i> Леонид Федорович Семенов – исследователь Сарыарки	195
<i>Семенов Л.Ф.</i> Краткий отчет по раскопкам могил андроновской культуры Мырзашоки	198
<i>Варфоломеев В.В.</i> Исследования Л. Ф. Семенова в местности Мырзашоки в 1952 г.	205
<i>Шашенов Д.Т., Базарбаева Г.А.</i> Письма археологов краеведу Л. Ф. Семенову	209
<i>Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А., Шашенов Д.Т.</i> О семье краеведов Ясенецких из Каркаралы	206
<i>Смирнов Н.Ю.</i> Один на всех. К эпистолярным связям М. П. Грязнова и лидеров казахской археологии второй половины XX века	230
Список сокращений	248

Научное издание

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА: ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ

Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации
Центрально-Казахстанской археологической экспедиции
Академии наук Казахстана

Том 1

Ответственные редакторы – А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан
Компьютерная верстка и дизайн – Ольга Кузнецова

В оформлении первой страницы обложки и корешка книги использованы материалы из монографий А.Х. Маргулана «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана» (обложка), Алма-Ата: Наука, 1979 и И.В. Рудковского «Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов» (с. 366), Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013, отв. ред. А.З. Бейсенов. Над разработкой элементов обложки работали М. Калыков, Д. Дуйсенбай

Подписано в печать 14.09.2017. Формат 60x84/8
Усл. п.л. 29,295 Гарнитура «Times New Roman».

Отпечатано в типографии «Хикари»